

Дмитрий Владимирович
Боднарчук

Книга о путешествии
писца Наара

Дмитрий Владимирович Боднарчук

Книга о путешествии писца Наара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27065942

SelfPub; 2017

Аннотация

В книге присутствует несколько сюжетных линий. Одна из них рассказывает о юном писце Нааре, получившем странное задание от своего наставника. Другая посвящена политическим вопросам, связанным с борьбой за власть среди знати обширной Империи. Третья рассказывает о правителе номадов, вторгшихся на земли Империи. Общим фоном повествования является проникновение в мир людей древнего зла и изменения, которые из-за этого происходят

Глава 1. Вторжение

«Шла вторая неделя осады. Крепость могла бы продержаться ещё столько же, но пять дней назад предатель, да покарает его всемогущий Сефер, открыл демонам, что явились под городские стены в обличье звероподобных людей, родники, питающие город. Враг не перекрыл источники, он добавил в них яд, медленнодействующую отраву. Люди начали умирать три дня назад. Сейчас уже многих из тех, без кого я не мыслил своей жизни нет в живых. Я тоже пил эту мертвую воду, но остался жив, не знаю почему. Трупы сжигают на площади, в центре города. Воду из центрального фонтана вычерпали и теперь в нём огромное кострище, погребальный костёр. Иногда его, если пламя слишком разгорается, поливают той самой отравленной водой. Вода, дававшая жизнь, теперь стала орудием смерти. Городские алхимики, пытавшиеся сделать горючий состав с примесью воды для атак на неприятеля, открыли, что вода отравлена. Но противоядия так и не изобрели. Самой тяжёлой утратой была смерть наместника города барона Астала. Человек достойный, талантливый, он был первейшим и сильнейшим защитником города. Городской Синклит передал всю власть князю Хайре, городскому стратигу. Сейчас он полноправный правитель города. Но никто не может сказать, сколько он пробудет в этой должности. Он же тоже пил воду. Мы все пили воду, но никак не понять, отчего одни умирают раньше, а другие позже. Князь много времени проводит на городских стенах, ру-

ководит обороной, а на стенах у смерти тоже много работы, много жатвы.

Самое страшное, что у города почти нет надежды. Противник, взяв город, убьёт всех. Кочевники всегда так делают. Они не считают нас, живущих в городах, людьми. Они ненавидят нас просто за то, что мы такие. Никто даже не знает, зачем они пришли под стены нашего города, под стены Таирасса. Об их приближении мы узнали не более чем за сутки. Ох, в животе резь... Может, мой черёд настал? Вода, вода, что же такое? Сначала в Таирасс прискакали дальние дозоры с западной границы, сообщили о неприятеле, а потом потянулись жители окрестных сёл, деревень, хуторов, маленьких городков, не имеющих своих стен для защиты. Кочевники специально оставляли людям жизни, чтобы живых в городе стало слишком много, и мы все начали скорее гибнуть от голода. Мне никогда не забыть ужасный момент, когда покойный наместник города закрыть городские ворота перед очередной толпой спасавшихся от смерти. Многие в тот день барона Астала проклинали. Но я считаю, что он поступил верно. Город не может сохранить всех. Иначе, призванный сохранить жизни, он станет могилой. Тогда никто не знал, что город обречен стать могилой. Часть из беженцев с окраин провинции ушла на восток, в горы. Может, нам тоже было лучше уйти в горы? Теперь-то уж, какая разница. Часть из беженцев осталась, кому-то из них даже повезло и некоторые добрые сердцем горожане под страхом изгнания из города

подняли их в корзинах на городские стены. Но подавляющее большинство так и не попало в город, встретив кочевников у стен. И началось страшное... Отцы убивали свои семьи, чтоб они не попали в руки к кочевникам, матери душили детей, дети убивали престарелых родителей. Тех, кто не успел проститься с жизнью до их прихода, кочевники мучили под городскими стенами, стараясь, чтобы они громче кричали и дольше страдали. Город был подавлен. Особенно горячие головы, чистые сердцами, но пренебрегавшие разумом, хотели открыть ворота и наказать неприятеля. Слава Творцу, здравомыслие не покинуло стратига и синклит. Самое страшное, что мы даже не знаем, как откупиться от врага, что им дать взамен наших жизней? Кажется, они просто хотят убить всех и оставить от города руины. Несчастный Таирасс! Великолепные сады, площади, богатые рынки, дворцы, библиотеки, полные редчайших сокровищ, чудесные храмы, школы, университет. Чем мы прогневали Создателя, что Он решил снести наш город с лица земли?» – автор записал эти слова и услышал оживление на улице. Топот ног, крики, в сторону городских ворот кто-то проскакал верхом на лошади. Кочевники собирались штурмовать город. Их инженеры построили стенобитные машины, осадные башни, катапульты, несметное количество осадных лестниц, длинных и крепких. Забили в барабаны, тысячи глоток издали крик и обладатели этих глоток, страшные, хищные, двинулись на стены. Кажалось, море или какое-то невиданное чудовище хочет взо-

браться на стены, проломить их и хлынуть через руины в город, смывая, как морские волны смывают песчаные крепости на берегу, всё на своём пути. К стенам подкатили башни, к воротам подкатили огромный крытый таран. На нём был сконцентрирован огонь оборонявшихся. Таран был похож на гигантский, обтянутый кожей, корабль на колёсах. Казалось, его тащат не люди, а исполинских размеров волю, находящиеся там же, в коробе, под прикрытием деревянных щитов и дубленых кож, накинутах на крышу тарана. Наконечник его был выполнен в виде железной головы барана. Этот олень должен был расшибить ворота, выломать их. В таран полетели горящие стрелы, камни, копья, но всё было тщетно, он медленно полз к воротам, к своей желанной добыче. Когда таран дополз, стал ровно по центру ворот, так, чтобы бить между левой и правой створкой, на него удалось сбросить большой камень, который пробил крышу короба и позволил поджечь его. Кочевники принялись тушить таран.

Одну из двух осадных башен удалось разрушить из башенной катапульты ещё до того, как она смогла достигнуть стены, а со второй осадной башни был перекинут штурмовой мостик на городскую стену и по нему номады стали сбегать на городскую стену. Защитникам постоянно приходилось отталкивать штурмовые лестницы вместе с карабкающимся по ним врагом. Пока внимание горожан привлекла осадная башня, номады починили таран и начали ломать ворота. Изнутри ворота подпёрли бревнами, укрепили дере-

вянными и железными плитами. Князь Хайре приказал перевести всех горожан в городскую Цитадель. Жрецы-каттавы возносили молитвы днём и ночью, в храмах также собралось много верующих, все молили Сефера о пощаде. Постепенно молитвы о даровании спасения сменились заупокойными молитвами, которые живые возносили о самих себе. Безднадёжность положения была очевидна. Атакующих было в десятки раз больше, чем всего населения осаждённого города, не говоря о количестве солдат гарнизона или горожан, способных держать оружие. Было сформировано даже несколько женских отрядов, которые не уступали в яростном бою мужчинам. Но врага было слишком много. Князь, стоя на верхней площадке главной башни крепостной стены, видел вдалеке большой, высокий шатёр небесного цвета, под которым на мягких подушках сидел Хунхар, каган номадов, который взмахом своей украшенной дорогими перстнями, руки, отправил десятки тысяч человек на штурм. И таким же движением руки он мог прекратить бой.

На площадке башни, где находился князь Хаире, это была башня «двух сестёр», стояла мощная катапульта, она должна была сломать одну из осадных башен номадов. Башня всё реальнее становилась угрозой для успешной обороны города. Нужно было попасть именно в башню, не задев стены, к которой башня приблизилась едва не вплотную. Камнеметатели справились. Хотя башня не была уничтожена полностью, но штурмовой мостик и верхняя площадка были сне-

сены. Накал борьбы в той части стен сразу спал. Но вновь усугубилась ситуация у ворот. Часть стены рядом с воротами была разрушена, кочевники тоже использовали катапульты. Когда на стенах продолжался бой, с внутренней стороны ворот время будто замерло. Существовали только удары тарана в ворота. Ух, ух, ух Каждый удар сопровождался скрежетом металла и треском древесины. После шестого удара голова овна пробила все преграды и оказалась за городскими воротами Таирасса, однако ворота не были разрушены до конца. Номады пытались расширить пролом, нанеся ещё три удара по краям бреши в воротах. Вместе с этой работой они начали из луков стрелять в солдат, которых видели через пробоину. А кочевники – одни из лучших стрелков среди тех, кто живёт под солнцем. Защитники города оплели канатами голову овна и не давали раскачивать таран. Тогда номады стали сооружать из обломков короба, который прикрывал таран, навес у самых ворот и стали пытаться своим оружием – мечами, топорами, булавами разрушать ворота. Створки ворот были обиты толстыми листами железа, и мечи не могли причинить им никакого вреда. Видя это, кочевники начали разбивать камни стен в тех местах, где к ним крепились дверные петли, крюками они пытались сорвать листы железа, прикрывавшие деревянное полотно створок ворот. Таирасс находился на плато, что не позволяло противнику атаковать город со всех сторон, а только с нескольких участков. Длинные мощные канаты крепились к воротам, с другой

стороны их накинули, на несколько сотен волов и несколько тысяч человек. Погонщики взмахнули плетью, сотники крикнули на людей, каждый человек и каждое животное напряглись, канаты натянулись едва ли не как струны, правая створка ворот закрипела, оглушительно заскрежетала. Будто смерть приветствовала горожан. Наконец, ворота не выдержали, упали с грохотом, израненные, под ударами более сильного врага. И враг, торжествующий, ворвался в город. Задолго до этого, когда ворота были пробиты тараном, князь Хаире понял, что внешний город не удержать, и приказал отводить войска в Цитадель, к уже перешедшим туда горожанам. Город тут же начали грабить. Тех, кто не успел укрыться в цитадели, резали на месте. В городе начались пожары. Женские крики, детский плач, крики озверевших мужчин, дым, пламя, ржание лошадей, – это были звуки падения города. †

Цитадель Таирасса представляла собой огромный замок, с множеством уровней внутри, лабиринтом коридоров и залов. Узкие проходы и крутые лестницы позволяли держать оборону даже небольшому количеству осаждённых, тайные ходы позволяли постоянно беспокоить противника боевыми вылазками. Некогда это была скала, на вершине плато, которую люди превратили в неприступную Цитадель. Немного было крепостей, равной этой.

Огромные залы позволяли сохранять тысячи горожан, Цитадель вмещала в себя запасы воды и провианта, город-

скую сокровищницу и главный храм. Помещения и коридоры были столь обширны, что в городе существовала специальная должность «Ведающего коридорами Великого дома», как иногда называли Цитадель. Самое главное, что внутри было озеро, небольшой запас воды, который какое-то время мог утолять жажду укрывавшимся в Великом доме. К счастью, это озеро питали источники, неизвестные врагу, так что вода там осталась чистой. Её было немного, тем более, что в Цитадели укрылось слишком много людей, но на некоторое время её должно было хватить.

В шести километрах от Цитадели, под красивым голубым шатром, сидящий на подушках молодой мужчина пил зелёный чай из пёстро раскрашенной керамической пиалы и смотрел на город, который был виден через вход в его шатёр. Мужчина был одет в красный халат из шелка, голову его покрывал белый платок, обмотанный так, что открытым оставалось лишь лицо. Когда он улыбался, виднелись жемчужно-белые зубы, чью белизну подчеркивала густая чёрная борода. Кожа мужчины была смуглой от частого пребывания под Солнцем. Широкий лоб был спрятан под платком, небольшой прямой нос и в меру широко посаженные глаза голубого цвета – таким был Хунхар, каган номадов, повелитель тьмы всадников, сотен тысяч человек, которые внимали каждому его слову. К нему подошёл человек, почтительно поклонился и произнёс:

– Повелитель, внешний город взят. Враг укрылся в цита-

дели.

В ответ Хунхар некоторое время помолчал, затем сделал глоток холодного кумыса и сказал:

– Они продержались несколько дольше, чем я предполагал. Я даже удивлён. Может быть, из них могло бы что-то получиться выбери они степь или пустыню. Пусть воины грабят город, а когда увидят, что грабить уже нечего, пускай разрушают. Инженерам прикажи к утру разработать план атаки на Цитадель. Халгариды должны проникнут внутрь. Наш человек в цитадели должен будет их встретить. Они помогут ему открыть двери изнутри.

– Да, солнцеподобный. Сию минуту будет исполнено.

Король вышел из шатра, слуга последовал за ним. Солнце садилось на Западе, за спиной правителя, и Таирасс медленно погружался во тьму. К моменту, когда Хунхар вышел на улицу, солнце освещало лишь последний, пятый уровень Цитадели. Будь она ближе, каган рассмотрел бы и кроваво-красный стяг князя Хаире и белый, с золотой скалой стяг города Таирасса. Там, рядом с этими флагами стоял князь, руководивший обороной города. Молодой, тридцати лет от роду, в кольчуге, красном княжеском плаще, чуть меньше двух метров ростом, русоволосый и зеленоглазый, он был похож на загнанного в угол тигра. Падение внешнего города стало ударом, пускай даже ожидаемым. И всё же Хаире рассчитывал, что город продержится во время штурма хотя бы двое суток. Нужно было выиграть время, чтобы дождать-

ся помощи из центра соседней, Оринтской провинции, города Оринта, от Великого князя Хаире старшего, который был императорским наместником провинции, комитом. При самых благоприятных условиях, Великий князь мог прийти на помощь городу и своему сыну только спустя семь или восемь дней после того, как из города отправлялся гонец. С вечера первого дня осады нужно было подождать ещё неделю, вернее, продержаться ещё неделю. В цитадели это было сделать проще, чем на стенах внешнего города, но не легко. Тем более что мор от воды продолжался, вопреки всем молитвам священников, порошкам лекарей и специальным составам алхимиков. Люди не верили, что вода в озере Цитадели чиста, так что многих мучила и губила жажда.

Солнце село за горизонт, но Великий дом в ту ночь так и не погрузился во тьму, освещаемый огнём пожарищ Таирасса, города совсем недавно поражавшего своей красотой и богатством.

Глава 2. Начало

Когда в Таирасс начали приходиться первые беженцы с окрестных земель, главный библиотекарь городского книгохранилища, хартофилакс Захарта, приказал перенести самые ценные рукописи и документы в Цитадель, где были специальные хранилища на случай опасности. В залах библиотеки сохранялись тексты и изображения на коже, на бумаге, на дереве, на шёлке, на восковых таблицах, на хлопковых тканях, на глиняных и каменных табличках. Хранились фи-

гуры, статуи с надписями. В определённой мере, библиотека была и городским музеем и одним из главных городских храмов. Ибо в Империи письмо почиталось священным. Перенос артефактов продолжался и во время осады, хранители не хотели доверить эту работу кому-то ещё, кроме своих помощников и самих себя.

Наара, любимого ученика Захарты, оставили сторожить манускрипты в залах Цитадели. Для библиотеки там было отведено три больших зала, следовавших поочередно один за другим. Наар не мог видеть, как проходит оборона города и жадно ловил каждое слово, которое удавалось получить от приносивших рукописи друзей, особенно в день, когда пал внешний город:

– Подогнули к стенам осадные башни. Наши дерутся как львы, но врагов много, очень много. – Говорил один.

– Эти твари подкатили таран, бьют по воротам. Солдаты и горожане укрепляют их изнутри. Страшно мне. – Отдышавшись, сообщал другой.

– Таран удалось заблокировать, и осадная башня была сломана нашей катапультой. Может, Всемилостивый Сефер напишет ещё пару строк в книге наших жизней. – Бодро проговаривал третий.

Эти и многие другие фразы, иногда просто непонятные крики спешащих людей очень волновали Наара, он буквально не находил себе места. Неожиданно, вместе с младшими учениками, носившими книги, свитки и рукописи при-

шёл сам Захарта, что удивило Наара, хартафилакс собирался быть в здании библиотеки до последнего, руководить спасением рукописей и других вещей. Это юноша знал точно. Старик, Захарта был не молод, совсем не молод, его книга жизни была уже очень толстой и страницы её мелко исписаны, уверенной походкой подошёл к ученику, взял его за плечо и отвлёл в сторону. Из кожаной сумки, в которой у него, главного библиотекаря обычно были принадлежности для письма и с которой он не расставался ни на миг, он достал рукопись и переложил её в сумку Наара, висевшую на плече юноши.

– Возьми её и иди на Восток, к морю, к Белому побережью. Никому не отдавай её и не говори, что она у тебя есть. Не бойся и знай, что ты всё делаешь правильно. – Захарта говорил немного быстрее, чем обычно, но отчеканивал каждое слово, уверенно, твёрдым голосом. – Дойди. Не обещаю, что будет легко. Все ответы ищи внутри себя. Всегда иди на восход большого солнца. Оно укажет тебе путь. Сейчас я открою тебе тайный ход, который выведет тебя за стены Та-ирасса. Двести метров тебе придется пройти по скалистой тропе. Будь внимателен, там будет очень высоко, но у номадов мощные луки они смогут достать тебя и там, так что не высывайся, не испытывай Сефера. В конце тропы увидишь вход в пещеру, это будет начало второго тайного хода, он проходит под землёй и выходит на поверхность в горах. Под землёй ты должен будешь идти три дня. Конечно, солнце ты не увидишь, но через равные промежутки пути устроены

хранилища припасов, где ты сможешь взять несколько новых факелов и еды.

– Куда вы меня гоните?? Что всё это значит?! Какой подземный ход?! – Наар впервые довольно резко говорил с наставником.

– Наар, у каждого из нас есть предназначение. Но настоящее предназначение о себе человек может постичь только сам. Если я тебе сейчас расскажу, что знаю, то ничего не произойдёт, ты не готов. Ты не справишься. Нужно, чтобы ты сам осознал, что ты должен делать в этом мире в той ситуации, в которой мир оказался. Не думаю, что такой ответ тебя удовлетворил, но другого ответа у меня нет. Ты всегда верил мне, поверь и сейчас. Теперь иди. – Захарта нажал на доску в шкафу с книгами, шкаф уехал в сторону. Нажал затем только ему известные точки на каменной стене, казавшейся монолитной скалой, со скрежетом каменная плита повернулась и в стене появилась щель. Первым в неё просунулся Захарта. Они могли не бояться, что их заметят, в помещении было Гизлемум огня, ведь пожар был реальной угрозой для библиотеки. Он был там из-за крайней необходимости, в другое время использование огня в библиотеке было бы наказано в соответствии с законами Империи. Наар осмотрел то, что мог разглядеть при тусклом свете пары фонарей в большом помещении и пошёл за наставником.

– Это ложный коридор – хартофилакс прикоснулся к каким-то точкам уже на стене этого коридора, и вновь в стене

образовалась щель. – А вот это – начало твоего пути.

Наар стоял в полной растерянности:

– Учитель, я Вам верю, но я ничего не понимаю. Я даже не попрощался с родными. Я могу их не увидеть больше.

– Прости меня. Для прощания нет времени. То, что ты делаешь, ты делаешь для всех нас. Я сам всё им передам. Теперь иди. Это то, что ты должен сделать.

Наар хотел ещё поспорить, но в зале стали слышны крики кого-то из младших библиотекарей, искавших хартофилакса. Он буквально втокнул юношу в коридор:

– С правой стороны в нише в стене найдёшь огниво и факел. Да поможет тебе Создатель.

Плита стала на место. Наар оказался в темноте. Сразу бросился вправо, к стене и через пару шагов действительно нашёл нишу в стене, а в нише кресало, кремь и трут. В пещере было сухо, чтоб трут загорелся, хватило двух ударов кремня о кресало. Тут же было несколько факелов. С зажжённым факелом Наар почувствовал себя увереннее, но страх до конца не ушёл. Юноша пытался открыть дверь в ложный туннель, пытался вернуться. Но как бы он не бил по стенам, на какие бы выступы не нажимал, всё было тщетно. Наар был вынужден идти только вперёд.

Захарта закрыл плитой вход в ложный коридор, нажал рычаг и установил на место деревянный шкаф, огромных размеров, казавшийся столь тяжёлым, что и пятеро крепких мужчин не сдвинули бы его с места. Старик сделал вид, буд-

то рассматривает, перебирает рукописи, в нём хранившиеся. К наставнику подбежал взволнованный младший библиотекарь, тот самый, чьи крики и заставили старца так спешно прекратить беседу с Нааром.

– Учитель, враги пытаются вырвать ворота крюками. Князь Хаире приказал всем укрыться в Цитадели. Мы больше не можем переносить рукописи.

– Закройте здание библиотеки, как можно быстрее завалите все переходы внутри здания и укрывайтесь в Великом доме. – на мгновение старец задумался. – Постой, я пойду с тобой.

Они выбежали из цитадели, бежали так быстро, как только могли, но бежали против толпы горожан, спешащей укрыться в стенах Великого дома. Хартофилакс хотел обратиться к дому Наара, но отбросил эту мысль, едва вышел на улицу. Нужно было спешить в библиотеку, а родных Наара могло просто не оказаться дома. Они могли умереть от воды или укрываться в другом месте, не дома. Вот оно, в конце улицы показалось круглое здание библиотеки. Красивое, облицованное белым мрамором, трёхэтажное строение. На плоской крыше была устроена летняя площадка для занятий. От зноя и дождя учеников защищала открытая беседка, под крышей из красной черепицы, покоящейся на колоннах из розового мрамора. Захарта остановился перед центральным входом.

– Возвращайся. В здании ещё есть кто-нибудь? – он обра-

тился к своему помощнику.

– Не уверен – ответил юноша, опасливо поглядывая в сторону городских ворот. Крики оттуда становились всё громче и всё отчаяние. Было ясно, что они вот-вот будут сломаны. Захарта тоже это увидел.

– Беги в Цитадель. Я пока останусь здесь.

– Но... – ученик в растерянности повернулся в сторону городских ворот, указывая на опасность.

– Я сказал, беги – после этих слов ученик поклонился учителю, поцеловал его правую руку и побежал в убежище. Захарта поднялся по ступеням у входа в Библиотеку, несколько пробежавших мимо окликнули странного старика, который, видимо, не торопился спастись. В ответ хартофилак только улыбнулся, последний раз оглядел улицу, вошел в здание и закрыл массивные деревянные двери высотой в три человеческих роста. Неспешно пройдя через залы библиотеки и поднявшись по трём лестницам, он оказался на крыше, сел в своё кресло наставника на площадке для летних занятий. Он смотрел на Восток, туда, где сейчас не было солнца, с Востока в то время шла тьма. Он видел городские ворота и защитников Таирасса на его стенах. Вдруг правая сторона ворот покосилась, как бывают косыми двери, сорванные с одной петли. Провисев так меньше минуты створка ворот вывалилась наружу, задев и левую половину ворот. Так они перестали быть преградой для осаждающих. Захарта достал из сумки керамическую бутылочку, величиной с половину ла-

дони, вытащил пробку, закупорившую горлышко, выпил её содержимое, и положил её обратно в сумку. Сделал глубокий вдох через нос и выдохнул ртом. Почувствовал, как начали неметь пальцы рук и ног, холод поднимался всё выше, к коленям и локтям. Тяжелела и кружилась голова, в глазах темнело. Последним усилием облокотил голову на верхний край спинки кресла, мягко выдохнул и перестал дышать. Великий хартофилакс библиотеки Таирасса умер.

Глава 3. Халгариды

Халгариды были хорошо обученными, преданными элитными воинами. Существовали чёрные и серые халгариды. Серые участвовали в битвах, несли вахту у королевского шатра, даже охраняли гарем, хотя и не были евнухами. Чёрные халгариды были незаменимы для выполнения самых сложных задач: они могли пробраться в неприступную крепость, выкрасть или убить кого прикажут, в рукопашном бою без труда победить три десятка обычных вражеских солдат. Их тренировали с детства, они имели поразительно гибкие суставы и могли пролезть в таких местах, где обычный человек не смог бы. И серые и чёрные халгариды были фанатично преданны Хунхару. Халгарид не мог вернуться в стан кочевников с невыполненным заданием. Он должен был либо погибнуть, либо выполнить задание.

Ночью свежие силы кочевников под руководством инженеров стали строить вал из обломков городских зданий, который должен был быть выше первой площадки Цитадели.

Так, чтобы с вала можно было захватить эту площадку. К середине следующего дня вал был готов, под прикрытием лучников кочевники начали перебрасывать лестницы на площадку и пытаться захватить её. Бой продолжался до темноты. Как только стемнело, три чёрных халгариды, одетых в лёгкий вариант доспеха защитников Таирасса, пользуясь тем, что осаждённые были заняты отражением атаки, сумели проникнуть в Великий дом и коридорами пройти к нижним залам, где находилось мирное население. Как ранее было условлено, они стали расспрашивать, не видел ли кто длинноволосую женщину с маленьким смуглокожим ребёнком, мальчиком. Это был условный сигнал. И когда один из горожан ответил им: «Я видел ту, которую Вы ищите» им стало ясно, что это тот, кто им был нужен. Это был кочевник, проникший в город под видом местного крестьянина ещё до начала осады. Дело в том, что стены Цитадели были отделаны мрамором и когда ворота Великого дома, также отделанные мрамором, были закрыты, то узнать, где они находятся, было почти невозможно. Стены крепости местами достигали толщины до шести метров, с вставками сверхпрочного камня хазанита. Словом, крепость нужно было брать изнутри, а не снаружи. Осада могла стоить многих жертв и времени. Огуты, советники Хунхара, предложили ему направить в Таирасс человека, который указал бы потом халгаридам двери, чтобы те открыли их изнутри. Халгариды сделали вид, что взяли этого лысого человека под стражу и куда-то ведут.

На самом деле, вёл их он. Выйдя к воротам, один из халгаридов закричал офицеру привратников: «скорее, направьте людей на площадку над первым этажом. Враг едва не прорвался внутрь, мы схватили изменника» – и он толкнул в плечо своего проводника, на что тот свирепо огрызнулся. Офицер поверил, отправил наверх двадцать из тридцати человек охраны и только потом спросил: «Зачем вы привели предателя к воротам? Его нужно доставить к центурионам или в тюрьму. Вы теряете бесценное время». – И обвёл взглядом всех четверых. Ответом на испытующий взгляд был удар клинком, столь молниеносный, что офицер даже не успел пошевелить рукой. Близко стоящие охранники были убиты сразу, стоявшие дальше не сразу поняли, что происходит. Им показалось, что пленник пытается сбежать. В итоге, закричать успел только последний охранник. Но это был не громкий крик. Халгариды бросились открывать двери. Сначала сняли нижнее бревно-перекладину, затем верхнее. Снаружи, в разных местах, недалеко от стен цитадели были сосредоточены группы всадников, они следили за тем, в какой части стены откроются ворота, чтобы ворваться в крепость и блокировать доступ к воротам защитникам крепости, когда те попытаются их отбить. Так и произошло. Лишь только ворота отворились, всадники ворвались на первый этаж Цитадели, за ними пошли пешие воины. Этот прорыв видели солдаты с верхних площадок цитадели, среди защитников началась паника. Врага удалось остановить лишь на четвёртом

этаже. К тому времени моральный дух защитников был уже сломлен. Таирасс считался первоклассной крепостью и никто не мог даже помыслить, что внешний город продержится меньше двух недель. Но надежда оставалась – Великий дом. Теперь и он не был спасением. Угнетала мысль о предателе, открывшем ворота. Князь Хаире, глава обороны понимал, как и все окружающие, что сопротивление бесполезно и падение последнего его оплота неизбежно. Но у него были запасы воды и пищи, ещё какое-то время он мог отбивать атаки номадов на четвёртый и пятый уровни крепости. Но что ещё было написано в книге судеб? Нет ли предателей среди его ближайшего окружения? Хаире ждал помощи отца, Великого князя, нместника провинции. Заканчивался второй день штурма, по расчётам, через несколько дней, а может и раньше, если Сефер будет благоволить, должны подойти войска под руководством комита провинции Оринт. Если продержаться до этого времени, то есть шанс остаться живым. Правда, в глубине души, там, где мы храним правду и не тешим себя надеждами, князь Хаире младший очень сомневался, что армия провинции сможет сокрушить несметные полчища кочевников, обступивших крепость.

Глава 4. Подземелье

Наар понял, что дверь не открыть, и путь в Таирасс для него закрыт. Он был зол и несколько раз крикнул. Это был крик отчаяния, когда ясно, что изменить что-то нельзя и есть только один способ действовать. Наименее приятный и по-

нятный. На крик ответило лишь эхо. Медленно, шаг за шагом, Наар пошёл вперёд по туннелю. Идти пришлось около получаса, пока впереди не забрезжил свет. Юноша оставил факел у выхода на длинную скалистую тропу, по которой ему предстояло пройти. Войск кочевников под трапой не было, но небольшие, совсем малочисленные патрули иногда проходили, Захарта предупредил об этом. Стрелой до этой тропы можно было добить, а ловкий человек мог, не без труда, но мог, забраться туда. Словом Наар шёл по тропе бегом, от одного удобного укрытия к другому, несколько раз едва не сорвался, но преодолел тропу. Теперь перед ним было испытание много труднее: подземный тоннель, ведущий в горы, занимавший три дня пути. В городе, среди подростков ходила легенда о таком подземном ходе, но она считалась только страшной историей, неправдой, выдумкой. Теперь давно забытые истории о подземелье вновь воскресали в памяти. Он облокотился на камень у входа в тоннель и достал рукопись, которую ему передал Учитель около полутора часов назад и ничего о ней не сказал. Рукопись не казалась какой-то особенной. Древняя рукопись, переплёт – доски обтянутые кожей, к нижней доске переплёта прикреплён кусок кожи, который полностью закрывал передний обрез кодекса и, как ремень, крепился на верхней крышке. Это был переплёт «в книжку». Листы книги были сделаны из пергамена. Миниатюры не были выполнены очень искусно, в библиотеке были десятки древних рукописей с куда более красивыми за-

ставками и миниатюрами. Наара несколько удивило, что эту рукопись он видит впервые. Ему был двадцать один год, у Захарты он учился с шести лет и был уверен, что просмотрел все стоящие рукописи. Но эту видел впервые. И текст был записан неизвестным юноше письмом. Незнание злило Наара. Это была одна из черт, с которой он пытался бороться, иногда успешно, иногда нет. Он понимал, что такой гнев просто следствие честолюбия, но взять себя в руки мог не всегда. Юноша захотел швырнуть рукопись вниз, он вдруг подумал, что она стала своеобразной причиной его изгнания из города. Но он справился с собой, положил книгу в сумку, осторожно поднялся, напоследок окинул взглядом надземный мир, небо и шагнул в тоннель. С правой стороны, как и в предыдущем тоннеле, он нашёл нишу, а в нише огниво и несколько факелов. Дорога почти сразу начала уходить вниз, иногда встречались довольно крутые ступени, но чаще приходилось идти по крутому спуску вниз, придерживаясь за стены. Самым большим страхом была потеря факела. Огниво Наар взял с собой. Трут сгорал очень быстро, и факел нужно было сразу к нему прикладывать. Ещё очень настораживало, что становилось холодно. Часа через три спуск прекратился, юноша понял, что он вышел из скалы, на которой стоит Таирасс, скалы Основания, как её называли горожане, и теперь, под землёй движется на восток. В тоннеле стало суше, это позволило передвигаться быстрее. Через какое-то время начал гаснуть факел. Наар приготовился идти всле-

пую, но, когда факел почти догорел, тоннель расширился и путешественник увидел столы, на которых лежали несколько факелов, кожаные и керамические фляги, пустые, но в пещере тёк подземный ручей с кристально чистой водой, которую Наар сразу набрал в кожаную флягу и повесил себе на пояс. На столах были ещё пара герметично закрытых, щели между крышкой и горлышком были обмазаны глиной, горшков с сухарями и вяленым мясом. Рядом с горшками лежала средних размеров кожаная сумка, в неё юноша переложил содержимое нескольких горшков. Идти стало тяжелее, но это была приятная тяжесть. Наар съел кусок вяленого мяса, благо оно было нарезано маленькими кусками, заел сухарём, запил водой, немного отдохнул и пошёл дальше. Настроение улучшилось. Еда всегда поднимает настроение. Особенно во время путешествия. Конечно, он поверил наставнику в том, что будут такие точки с припасами, но в таких делах всегда хочется самому удостовериться. Три дня под землёй, это долго и чтобы хоть как-то ориентироваться во времени, Наар начал про себя считать. От одного до трёх тысяч шестисот – это один час. Так можно было меньше отвлекаться на мысли, что ты находишься один в подземелье и только Создатель знает, что будет впереди, через сотню метров. Вскоре после пещеры, где стояли столы с провиантом, Наар услышал шум воды. Первой мыслью было, что на встречу ему несётся огромный поток воды, и парень повернул вспять. Отбежав немного, он услышал, что шум воды стал тише. Значит, она

не двигалась, по крайней мере, в сторону Наара. Он остановился и неуверенно, как бы крадясь, пошёл обратно, в сторону шума. Шум всё нарастал, становился громче. Так, Наар оказался перед подземной рекой. Она была удивительна и по красоте, и по силе, которой обладали её воды. Но ещё больше удивление вызывал каменный арочный мост, перекинутый через неё. Мост был узким, около полуметра шириной, балансировать, конечно, не приходилось, но концентрация была нужна высокая, чтобы не свалиться в воду. Едва юноша ступил на него, что-то выпрыгнуло из реки по правую сторону моста и упало в воду по левую сторону моста. Затем ещё и ещё раз. Факел не давал достаточно освещения, чтобы разглядеть, что это. Что-то не смогло упасть в воду и упало на берег недалеко от путешественника. Наар подошёл ближе. На камнях билась рыба в сорок-тридцать сантиметров длиной и пятнадцать-двадцать шириной, у неё были крылья с кожаными перепонками, мощная челюсть с острыми зубами, на месте глаз были серые пятна. По всей видимости, рыба была слепой. Путешественник посмотрел на мост, через который, как стало теперь ясно, прыгали такие рыбы. Он решил подождать какое-то время, может быть, эти твари проплывут дальше. Верить в то, что они будут так прыгать всё время не хотелось. Десять минут через мост никто не прыгал и Наар уже решил идти на другой берег. Тут ровно напротив середины моста выпрыгнула такая крылатая рыба, а за ней вдогонку выпрыгнуло что-то раза в три больше и в полёте, над

мостом, схватило рыбу. Наар не рассмотрел, что это было, но и желания узнать не почувствовал. С минуту ещё он постоял перед преградой, и, набравшись смелости, с криком пронесся по мосту, прижимая к себе сумку и высоко подняв факел. Когда оказался на противоположном берегу, сам испугался своего крика, эхом разнесшегося по подземелью. Через мост никто не прыгал. Путешественник пошёл дальше.

Юноша отсчитал семь часов, прежде чем обнаружил ещё одну пещеру с провиантом, благо он захватил несколько факелов и мог менять их. Он чувствовал себя уставшим и решил в ней заночевать. Может это был и дневной сон, он точно не знал. Засыпать было страшно, ведь у него даже оружия настоящего не было, нож для починки калама едва можно считать хорошим оружием. Но усталость и нервное напряжение сделали своё дело. На каменном полу были постелены доски, на них Наар и лёг, под голову положил сумку с едой, сумку с рукописью и принадлежностями для письма поставил рядом. Юноша сразу уснул.

Пробуждение принесло неожиданные сюрпризы. Открыв глаза, Наар видел ту же тьму, что и при закрытых глазах. В первые секунды он испугался, но затем понял, что просто потух факел. На ощупь он нашёл сумку с огнивом, поджег трут, зажёл новый факел. Наар посмотрел на огонь, и впервые за всю дорогу под землёй ему стало тоскливо. Он вспомнил семью, родителей, братьев и сестёр, пламя огня в домашнем очаге, на котором мать готовила еду, которую он, навер-

ное, больше никогда не попробует. Что с ними всеми теперь? Увидит ли он их вообще ещё когда-нибудь? Потом он подумал о том, куда идёт. Белый берег или Белое побережье Восточного моря, восточная окраина Империи, говорят, что туда несколько лет пути. До сих пор Наар видел лишь одного человека, который там бывал – купец, он был в Таирассе около пяти лет назад. Он даже встречался с Захартой, хотя тот не очень жаловал купцов. Побережье занимало тысячи вёрст, и Наар не догадывался, куда именно ему нужно. И где на побережье он должен найти себя? Да и зачем ему искать себя? Всё ясно, с детства он любил книжную мудрость, готовился стать храниЛахав и жрецом-каттавом в храме, изучать и записывать священные тексты. Захарта сам не раз говорил, что Наар рождён для этого. А здесь вдруг что-то совсем новое... Думая обо всём этом он продолжил путь. Юноша подумал ещё о горожанах, спасавшихся в Великом доме. Почему их нельзя было переправить из города через этот же туннель? Тут же он представил себе стариков и женщин с детьми на той скальной тропе, которую он молодой мужчина преодолел не без труда и понял, что пройти по ней большому числу людей, не имеющих хорошей физической подготовки, было бы очень сложно. А привлечь патрули кочевников они запросто смогли бы. Кочевники. Теперь Наар переключился на мысли о них. Они около ста лет не беспокоили Западные имперские провинции. Все были уверены, что время войн с ними прошло. За это время приграничные имперские земли

достигли небывалого великолепия. Оринт, Тарин, Парсон-тар – столицы западных провинций не уступали, возможно, по красоте и роскоши даже столице империи – великолепно-му Галиару. Наар в Галиаре не был, как и в Парсонтаре, но Оринт и Тарин его впечатлили. Может, кочевники соблазни-лись сокровищами этих городов? Или Сефер, великий пи-сец, автор Книги человеческих судеб устал ждать покаяния за многие грехи и послал кару на головы грешников? Обо всём этом юноша мог строить только догадки. За размышле-ниями он потерял счёт времени. Он уже привык к путеше-ствию под землёй и почти не испытывал тревоги от того, что за его спиной был десяток километров коридоров, заполнен-ных тьмой и ещё не известно сколько вёрст таких же кори-доров впереди. Несколько раз он проходил сквозь огромные подземные залы-пещеры, где стены и потолок, а иногда и пол были из горного хрусталя. Свет факела отражался в тысячах мелких стекол, и Наару казалось, что он идёт сквозь пожар. Зрелище завораживало, заставляло остановиться. Раньше он видел изображение таких пещер, подземных дворцов, толь-ко в книжных миниатюрах, например, в большой Парсон-тарской летописи. Так он дошёл до второй большой остано-вки. Она, к сожалению, оказалась в обычной искусственной пещере. Радовало только то, что после этого отдыха он дол-жен был, наконец, выйти из тоннеля наверх, туда, где солнца и звёзды. Проснулся Наар от холода. Хорошо, что факел в этот раз не погас. Наученный прошлым опытом, юноша пе-

ред сном зажѣг новый, которого хватило бы на дольше. Съел кусок мяса, пару сухарей и запил еду водой, и после трапезы путешественник пошѣл дальше. Дорога начала постепенно подниматься вверх, кое-где даже встречались ступеньки. Всѣ указывало, что скоро должен быть выход. Но только часов через шесть пути юноша почувствовал дуновение ветра. Ветер донѣс неприятный запах какой-то гнили. Но что это могло быть? За весь путь не было никакого дурного запаха и только перед выходом на поверхность что-то такое вдруг появилось. Запах то появлялся, то исчезал. Потом стал постоянным и начал усиливаться. В очередной раз, поднявшись по ступеням вверх, Наар почувствовал, что ветер усилился так, будто выход был совсем рядом. От того, чтобы не побежать вперѣд останавливала только сильная вонь. Впереди были ещё одни ступеньки. Наар поднялся по ним очень осторожно, свет факела позволил рассмотреть пещеру перед выходом из тоннеля на поверхность. На полу в ней лежали кости диких и домашних животных, обглоданные и с кусками мяса на них. Мясо гнило и издавало ужасный запах. На полу были клочья шерсти и следы от больших лап, отпечатавшиеся в грязи. Кто-то из лесных горных хищников сделал из этой части пещеры укрытие или логово, но сейчас отсутствовал. Свидание с таким зверем ничего хорошего не сулило, Наар решил не испытывать судьбу и не ждать, пока хозяин пещеры вернѣтся. В руках был факел, им можно было хоть как-то обороняться. Уверенно юноша зашагал к выходу.

На свежем воздухе хотелось остановиться и отдышаться, но останавливаться у пещеры было очень опасно, просто глупо. Плюс ко всему, на поверхности, как, оказалось, была ночь, и огонь факела мог быть замечен издали всякому, кто по какой-то причине не спал в тот час. Наар отошёл немного и потушил факел, положив на землю и растоптав. Обе луны, бирюзовая и изумрудная, светили ярко, но в лесу, из-за крон деревьев всё равно было довольно темно. Мрачно. Пройдя пару шагов от того места, где он растоптал факел, Наар почувствовал, будто кто-то за ним наблюдает. Юноша решил, что ему показалось, и пошёл дальше. Он занялся поисками подходящего места для ночлега. Через минуту он услышал, как за ним кто-то или что-то сломало ветку. За время, что он провёл в тоннелях подземелья, его глаза привыкли видеть в темноте, юноша стал осматриваться, вглядываться в темноту. И разглядел. Сначала увидел два красных огонька, это были глаза, затем разглядел огромную волчью голову, массивную шею, огромное туловище и мощные когтистые лапы. Парень понимал, что битва будет неравной и очень быстрой, но убежать не стал. Тем временем волк подходил всё ближе. Справа Наар вдруг увидел второго волка, не меньших размеров, который тоже рычал и двигался в сторону парня. Ещё пара секунд, прыжок, и ему должны будут откусить голову. Но волки, вместо этого, перестали рычать, застыли на месте, а потом и вовсе сели на задние лапы и стали облизывать лапы передние. Наар повернулся, решив не дожидаться, когда

волки вновь захотят напасть, и увидел стоявшего за своей спиной мужчину. Видимо, он и стал причиной резкой смены настроения свирепых хищников.

Глава 5. Скит

– Пойдём со мной. – заговорил незнакомец без приветствия. Молча они вдвоём поднимались недолго по узкой тропе вверх, в горы и пришли в скит. Это была большая пещера, служившая храмом, скрипторием и библиотекой. В стенах пещеры были выдолблены семь маленьких пещер, использовавшихся как келии насельниками скита. На улице, вне основной пещеры была вырыта восьмая маленькая пещера, которая была кладовой и хранилищем припасов. В храме на стенах и потолке были изображены тридцать букв алфавита, которыми Сефер, великий писец, создал этот мир из первозданного хаоса. Каждую из этих букв он вылавливал из вечного изначального океана и записывал на растянутой шкуре поверженного врага – змея Аракта. На противоположной от входа стене был изображён сам бог, в каноническом наиболее распространённом изображении: человек, стоящий за пюпитром и пишущий на пергаменте. Это момент сотворения мира людей. Увидев такое изображение Сефера, Наар подумал про себя, что оно конечно, канонично, но степень этой каноничности зависит от территории, где поклоняются этому богу. Богословы спорят, мог ли стоять бог за пюпитром, когда творил мир или он сидел за столом, а может быть, твердят другие, он сидел на земле, поджав под себя но-

ги? Впрочем, юноша всегда считал ценность таких вопросов очевидной только для богословов и самого его они не интересовали. Он относил себя к просто верующим и держался тех догматов и канонов, которые провозглашались первосвященником столицы в согласии с первосвященниками других городов империи. Исполнение законов жизни, данных Сефером людям, гораздо важнее, чем знание, как правильно начертать ту или иную букву алфавита священников или алфавита воинов.

– Да продлит Сефер книгу жизни сей обители – поприветствовал Наар остальных монахов, когда его ввели в храм.

– Да не выцветут чернила в книге твоей жизни, путник. – ответил один из монахов, среднего роста, с белыми, как снег, короткими волосами и такой же белой и короткой бородой. – Тебе повезло, что брат Кавэд заметил огонь твоего факела и решил помочь тебе. В последнее время в горах появилось очень много людей с предгорий и с равнин. Они часто становятся добычей диких зверей. К сожалению, ты пока единственный, кого нам удалось спасти. Остальные, увидев зверей начинали громко кричать и пытались убежать. Упокой Создатель их души. Мы решили, что ты один из таких несчастных. Как ты оказался в лесу и почему один? Прости, я не представился. Меня зовут Розир, я настоятель этого скита. Это братья – монахи, насельники скита. – дальше Розир называл имя каждого монаха, в ответ названный кланялся Наару – брат Раммар, брат Кофор, брат Сардон, брат Калам,

брат Пергам, брат Кавэд, который тебя спас. – Наар в ответ также каждому поклонился. По знаку настоятеля все сели – Ну вот, теперь рассказывай, откуда ты и почему в последние несколько дней все так стремятся в горы? И как тебя зовут?

Несколько секунд Наар помолчал, не зная, с чего начать, потом сказал:

– Меня зовут Наар. На Таирасс напали кочевники. Когда я покидал город, шла осада. Номадов были несметные орды. Они напали совершенно внезапно, и уничтожали всё на своём пути. Что с городом сейчас, я не знаю. Те, кто не успел укрыться за городскими стенами, как раз пошли искать убежища в горах. Их вы и видели. Вот вся история. – Наар понимал, что сейчас его спросят, почему он один, зачем шёл с факелом по лесу, откуда вообще у него факел? Но ему не хотелось говорить, что он прошёл через подземный ход из города в горы. Нужно было что-то солгать, а лгать парень отчаянно не умел. Монахи слушали внимательно, но на рассказчика не смотрели, смотрели за него.

– Да, – начал Розир. Было, похоже, что он говорит по праву настоятеля, а остальные монахи могли говорить только, если их спросят или в случае крайней необходимости. – Позапрошлой ночью мы видели зарево от пожара, оно было и этой ночью. Мы решили, что горит степь или поля крестьян. Пожар в Таирассе казался наименее вероятным. А ты почему оказался один в лесу, в горах?

– Я шёл с друзьями в сторону гор, мы спасались от ко-

чевников, но на нас напали номады. Мы кинулись врассыпную, я спрятался под корнями огромного дерева у дороги. Когда вылез, никого не нашёл. Дальше идти вдоль дороги не решился и пошёл через степь, искал места, где трава выше. Так я прошёл около трёх дней. Сегодня ночью искал место для отдыха, нашёл какую-то пещеру, в ней воняло, но я решил зайти поглубже, нашёл факел, всё же с огнём легче обороняться от непрошенных гостей, зажёг его. Огниво у меня было с собой. Вонь никак не позволяла уснуть, решил выйти на свежий воздух. Там споткнулся, уронил факел, решил потушить его, чтобы не вызвать пожар. Потом появились волки, а потом меня спас брат Кавэд. – Да, врать Наар правда умел плохо, придумывал на ходу, говорил неуверенно. В храме повисло молчание, монахи переглядывались друг с другом. В итоге настоятель лишь развёл руками:

– Конечно, история выглядит не очень убедительно, но почему мы не должны тебе верить? – Монахи заулыбались. – Что ты собираешься делать дальше? Куда пойдёшь? – Наар хотел провалиться от стыда, когда понял, что его рассказ не вызвал большого доверия. Но говорить правду по-прежнему не хотел. Благо, на вопрос: «куда он идёт», можно было ответить честно:

– Я иду к Белому побережью Восточного моря.

– У тебя там родные? Тебя ждут в тех местах? Это же очень далеко.

– Да, меня там ждут.

Настоятель решил прекратить расспросы, чтобы не усугублять ситуацию.

– Хорошо, раз так. Что-то мы долго занимаемся разговорами. Кофор – обратился Розир к одному из братьев – дай нашему гостю поесть. Он переночует в твоей келье. Ты сегодня переночуешь в кладовой, вне храма, – в ответ Кофор, высокий сухой аскет с длинной чёрной бородой и чёрными волосами до плеч, поклонился в сторону настоятеля и вышел на улицу, в кладовую, за едой. Юноше даже стало казаться, что монахи вовсе не умеют говорить, только фраза Кавэда «Следуй за мной» внушала сомнение в немоте отшельников. Есть не хотелось, хотелось спать, но отказываться было неудобно. Наар решил, что поест немного и пойдёт спать. Сам Розир с другими братьями вернулся к молитве. Все шестеро стали за пюпитры и начали переписывать текст. У каждого был какой-то свой текст, своя молитва. Переписывание текста – это вид молитвы, самый почитаемый. Книга также и объект поклонения. Создание книги – священный процесс. В Империи каждый, владеющий письмом являлся – жрецом, их также называют «каттавы». Создание новой рукописи, починка старой – всегда священное действие. Письмо позволяет задерживать, запечатлевать, заключать мысль. Увековечивать её. В этом магия письма. Храм всегда является школой и библиотекой. Если есть возможность, при храме существуют мастерские для изготовления бумаги, пергамента, чернил и прочих принадлежностей для создания рукописей. Суще-

ствовало три разных алфавита, для трёх разных языков. Первым был языком глоттар – он использовался в делопроизводстве и для него употреблялся алфавит зарамкарэв «письмо военных». Им владела низшая прослойка священнического сословия. Они считались священниками, но их задачей была служба не в храмах, а в государственных учреждениях. На имперской службе они могли дослужиться до поста министра, что, однако, не добавляло им престижа в глазах собратьев по молитвенному служению. Вторым языком был траппах – это был основной язык богослужений, для его записи использовали алфавит зарамнер – письмо священников. Его знала основная масса духовенства, на нём писали богослужебные и богословские трактаты, священники могли общаться между собой. Перед посвящением кандидат из низшего духовенства, владевший глоттаром, сдавал строгий экзамен на владение траппахом. Владение этим языком и давало право быть рядовым жрецом. Был ещё третий язык – сафа записывавшийся письмом зарамлаиер – письмом первосвященников. Как видно из названия им владели первосвященники. На сафа было записано относительно небольшое количество текстов. Большею частью вероучительных и касавшихся права, которому следовали в Эхале. Эхаль – это было название всех поклоняющихся Сеферу, как мирян, так и духовенства. Ходили слухи о существовании какого-то четвертого языка, которым владела лишь верхушка Эхалья не более десяти человек. Но Наар в это не верил. Со временем пере-

стал верить. В это было сложно верить, потому что никто не видел этого алфавита и даже сам Захарта никогда не выразился точно относительно существования этого четвёртого языка.

Тем временем вернулся Кофор с едой и пригласил юношу в свою келью. Она была совсем крошечных размеров. В ней помещались кровать, и стол даже стула не было. Работать за столом можно было сидя на кровати. Наар съел два небольших помидора, половину луковицы, заел хлебом, сделал пару глотков воды, поблагодарил хозяина кельи за угощение, подождал, пока монах всё уберёт и очень хотел узнать можно ли, наконец, лечь отдыхать или нет? В сумке ещё оставалось вяленое мясо и его съесть хотелось гораздо больше, чем овощей, но в скиту, на глаза у монахов, есть мясо Наар стеснялся. Уходя, Кофор закрыл за собой дверь. Келья тускло освещалась светом лучины. Юноша уснул, забыв о еде. Сколько проспал, он не помнил. Сон был крепким, когда так спишь, то не трудно представить, сколько времени могло пройти. Но было очень приятно проснуться в тепле, как показалось Наару. На самом деле в келье не было тепло, там просто было не так холодно, как в подземелье, где приходилось спать до этого. Выйдя из кельи, Наар сразу попал в храм, где монахи то ли продолжали молиться с вечера, то ли начали вновь. Розир, едва увидел гостя, сошёл со своего места и поспешил к нему. Остальные даже не пошевелились.

– Надеюсь, ты хорошо отдохнул. – с улыбкой сказал ста-

рик.

– Да, спасибо. Благодарю вас за доброту, Вы не будете против, если я сегодня продолжу свой путь?

– Нет. Тем более что путь твой не близок. Ты уже знаешь, как пойдёшь дальше? Через перевал, дальше на восток, или спустишься на юг, вдоль горного хребта, к каменным столбам, чтобы обойти горы и тогда двинешься дальше на восток? – тут Наар впервые задумался над этим действительно важным вопросом. Дело было в том, что он приблизительно представлял себе путь на восток, к Белому побережью. О многих преградах он не знал, о каких-то слышал всего пару раз. Словом, этот очевидный вопрос его немного озадачил.

Глава 6. Битва у осаждённого города

Третий день осады Цитадели в Таирассе прошёл относительно спокойно. Номады не прекратили штурм, но им не удалось захватить новые уровни цитадели. Алхимикам удалось создать вакцину против отравленной воды.

Враг зверствовал и забрасывал площадки четвертого, пятого уровней головами убитых горожан и солдат. Иногда в этих голова, в их лицах живые солдаты гарнизона узнавали своих близких, родных, друзей. Один солдат, найдя так голову своей жены, бросился вниз, выбрав место, где стояло побольше врагов. Он обезумел от горя и хотел мести. Теперь он встретится со своей любимой. Ночью штурм прекратился. Хаире решил, что Хунхару доложили о приближении военного отряда Оринтской провинции – пятого имперского

легиона. Так оно и было. Хунхар готовился к битве у стен Таирасса.

Утром четвёртого дня, Хаире, со стороны юго-востока, там, где за несколько сотен километров раскинулась столица провинции Оринт, увидел движение войска. В центре была пехота, фланги составляла кавалерия. За пехотой шла тяжёлая кавалерия, в необходимый момент она проходила через разрывы в рядах пехоты и наносила по врагу решающий удар. С высоты верхней площадки цитадели было видно, что кочевников в несколько раз больше и эта атака является, если не самоубийством, то точно глупой, с военной точки зрения. Возможно, Хаире Старший просто недооценил мощь войска кочевников, он сражался в других землях, с другим противником, с кочевниками не сталкивался никогда.

Хунхар послал вперёд конных лучников, великолепных воинов, вызывавших зависть всех соседей. Они могли метко стрелять из седла на полном скаку и наносить значительный урон противнику. В большом количестве они представляли грозную силу. Трудноуязвимые, быстрые, их можно было прогнать, но трудно истребить. Номады выстроились недалеко от скалы, на которой стоял Таирасс. Вернее, это было не построение в том смысле, в каком привыкли строиться отряды имперской армии, огромная масса всадников растянулась на несколько километров в ожидании приказа атаки. Ветер развивал их длинные фиолетовые и жёлтые знамена. Хотя до этой армии было около трёх километров по прямой,

младшему князю Хаире казалось, что он чувствует запах человеческого и конского пота, который доносил ветер на вершину цитадели. В Великом доме находилось несколько священников, они начали чертить на стенах текст "Победоносной песни", так они просили Сефера послать победу над врагами. Писать было не на чем, не было ни бумаги, ни пергамента, поэтому они наносили текст на камни. Князь пытался рассмотреть штандарт своего отца, но на таком расстоянии это было невозможно. Блеск брони солдат имперского пятого легиона Оринтской провинции внушал некий трепет и вселял надежду, что эта мощь, пускай не столь многочисленная, окажется сильнее свирепой силы отрядов кочевников. Пройдя ещё около километра, имперская армия остановилась. Младший Хайре рассчитал её размер где-то в тридцать драм, что равнялось примерно тридцати тысячам человек. Армия кочевников должна была с минуты на минуту во весь опор помчаться на врага. Казалось, на несколько мгновений замер весь мир: облака не двигались по небу, рыбы застыли в воде, даже пламя в кострах не двигалось. За рядами легиона среди советников, старших командиров и вестовых, на белом коне сидел Великий Князь Хаире Старший, правитель провинции, имперский комит. Сейчас он сам не знал, что он делает, спасает ли своего сына или защищает доверенную ему императором территорию. Земля под ногами задрожала, а впереди, на месте, где было неприятельское войско, появилась чёрная, как грозовая, туча из пыли поднятой

десятками тысяч конских копыт. По сигналу лучники выпустили по несколько стрел в атакующую конницу противника и скрылись за пехотой. Имперская кавалерия на флангах тоже перешла в атаку, но так, чтобы не образовалось зазоров между флангами и центром имперского легиона. Кочевники не врубывались в ряды пехоты, оставляя пространство для маневра, и, хотя пехота атаквала организованной шеренгой, кочевникам удавалось наносить врагу довольно ощутимый урон. По сигналу горна, шеренги пехоты расступились, и в бой пошла тяжёлая кавалерия, элитные части войск империи. Кочевники в центре фронта дрогнули и начали отступать. Князь Хаире Старший решил, что ему удастся разделить вражескую армию надвое и добивать по частям. На самом деле, фронт выгнулся полумесяцем, на флангах кочевники, используя численное превосходство, смяли отряды легиона и замкнули дугу, завершив окружение противника. Великий Князь пытался организовать круговую оборону, но это было бесполезно, в поле не было ничего, что могло защитить от стрел кочевников. Хаире Старший попал в плен, пытаясь выбраться из окружения. Бой продолжался около четырёх часов и закончился едва ли не полным истреблением имперского пятого легиона Оринтской провинции. Младший князь Хаире наблюдал за битвой с верхней площадки цитадели, но помочь отцу не мог никак. Сделать вылазку было возможно, но совершенно напрасно, люди погибли бы, а ситуацию переломить не смогли. В гарнизоне находилось

шесть сот человек, в Великом Доме продолжали оставаться ещё около пяти тысяч человек. Даже максимально большой по численности отряд защитников не исправил бы ситуации, наоборот, приблизил только падение крепости. В бешеном бессилии князь Хаире едва не скрежетал зубами, не знал, чего желать отцу, смерти в бою, что казалось наиболее вероятным или бегства, что могло восприниматься, как позор, но всё же сохраняло жизнь и возможность новыми победами затмить страшное поражение. О возможном пленении отца он не думал. Смерть была в любом случае лучше плена.

К Хунхару, сидящему на вороной кобылице по кличке Бохаргуль, подвели пленного Великого Князя. Его доспех был помят, кольчуга надорвана в двух местах, полы синего плаща наместника провинции рассечены, но достоинство и выдержка, казалось, стали только сильнее от ран и испытаний этой битвы. Князь смотрел на победителя без тени страха или испуга. Хунхар улыбался, едва заметно подняв вверх левый уголок рта и прищурив глаза.

– Здравствуй, Великий Князь Хайре.

– Здравствуй Хунхар. Мне жаль, что я не смог устроить подобающий твоему Величеству приём. Уверен, тебе его ещё окажут, если не я, то другие.

– Коммит, можешь не скалиться, этого никто не оценит. Ты сражался храбро и род твой известен честностью и доблестью. Поэтому я отпускаю тебя. Езжай в столицу, к императору и скажи, что море пустынь и степей всколыхнулось,

мы зальём вашу империю, как вода заливает землю.

Комит огляделся:

– Зачем вам это? Вот уже добрую сотню лет между кочевниками и империей не было никакого соперничества, последняя битва, та, которая была последней до сегодняшнего утра, произошла сто восемнадцать лет назад. Что заставило Вас прийти и убивать? Зачем Вам война? – в ответ Хунхар немного помолчал, глядя за горизонт, и ответил:

– Ты правильно сказал, что мы долго жили рядом, жили мирно. Мы, свободные кочевники, вольные с ветром скакать куда угодно, смотрели на вас, жителей империи, на народы, её населяющие, мы жили рядом с вами и постепенно в нас нарождалось и крепло отвращение к вам. Не знаю, как вы этого не замечали. В вас нет тяги к свободе, но лишь тяга к наживе. Наживе любой ценой. Вы слизняки, сидите дома, держитесь за юбки своих жён, вы не мужчины, вы изнеженные бабы. – Так король довольно долго поносил население Империи. Хаире старший внимательно выслушал всё, не пытался перебить. Только когда Хунхар замолчал, коммит ответил:

– Скажи мне, кто вложил в сердце тебе эти мысли и слова в твои уста? – реакцией монарха на этот вопрос была вспышка гнева.

– С чего ты взял, что это не мои слова, что я кого-то послушал? – Голос кочевника стал металлом, гвоздём, которым он будто пытался прибить собеседника к месту, на котором

тот стоял.

– Ты восемнадцать лет правишь племенами кочевников. В твоей власти степи и пустыни, по огромным пространствам земли ходят тысячи твоих стад. Почему вдруг сейчас ты почувствовал ненависть к своим соседям? Более того, ведь по согласию между твоими предшественниками, каганами кочевников и нашими императорами, мы нанимали отряды номадов в имперскую армию. И вы служили нам, не считая это позором. – тут Хунхар перебил Великого Князя.

– Довольно. Считай, что мы пробудились ото сна. Иди к своему Императору и скажи, что мы заберём столько земли и людей, сколько посчитаем нужным. Дайте ему коня и припасов в дорогу, – король начал разворачивать лошадь, что ехать к лагерю.

– Постой, – громко, уже в спину уезжающему королю сказал коммит. – У меня к тебе просьба – Хунхар развернул лошадь обратно, мордой к пленнику, сам широко улыбнулся и, не говоря ни слова остановил взгляд на Великом Князе.

– В крепости, ты знаешь, в цитадели Таирасса находится мой сын. Прошу тебя пощадить его.

– Ха, а я решил, что ты проявишь большую силу, и не будешь унижаться такими просьбами. Ты только подтвердил мои слова о вашей слабости. Знаешь, я буду потакать твоим слабостям. Если ты сможешь уговорить его сдать цитадель, я оставлю ему и тебе жизнь. Если он не согласится, я отрублю тебе голову у него на глазах. Как тебе такая сделка?

Ты сам понимаешь, что он не согласится, но решать тебе. – Хунхар перевёл взгляд на громаду Великого дома Таирасса, возвышавшуюся за городскими стенами. Во взгляде пленного князя бушевало пламя ненависти и призрачия. Он ненавидел своего победителя. Ненавидел за своё истреблённое войско, за это отвратительное предложение, целью которого было любование людским горем.

– Я согласен.

В ответ Хунхар кивнул.

Пленника отправили к Великому дому Таирасса пешком и с непокрытой головой, без оружия. Это тоже было унижением для знатного человека. Перед аркой, которая осталась на месте, где когда-то стояли городские ворота, с него сняли все латы и даже обувь, оставив лишь длинную исподнюю рубаху, привязали к коню слуги кагана, потому что Великий князь считался пленником кагана, и в таком виде, с позором, провели в город. Он бывал в Таирассе раньше, но не мог узнать ни одной улицы, везде были груды камней на месте каменных зданий, чёрные от пожаров, и пепелища на месте деревянных построек. Было несколько зданий, лучше других сохранившихся во время уничтожения города: ратуша, некоторые храмы, библиотека, бани. Их он узнал. Здание Цитадели было видно издалека, оно возвышалось над поверженным городом, напоминая, что враг ещё не везде стал хозяином. У подножия Великого дома, так, чтобы было видно его защитникам, номады топтали копытами лошадей захвачен-

ные в битве знамёна имперского легиона. Особенный смех вызывало конское испражнение на знамена разбитой армии, на священные символы, на них изображённые. Коммит видел это и жалел, что не закончил жизнь самоубийством, если не смог умереть в битве. В нескольких местах жгли трупы убитых горожан, защитников города и, отдельно, номадов, погибших при штурме. Внутри Цитадели, на уровнях, захваченных кочевниками, коммита поразило количество запёкшейся на стенах, полу крови. Часто можно было увидеть отрубленные руки или ноги, внутренности, головы. Пленника вывели на площадку второго уровня цитадели. Там было более безопасно, чем на третьей, которую тоже контролировали номады, но там легко можно было погибнуть от стрелы осаждённых. Старший Хаире был связан, рядом было несколько человек конвоя. У него не было шансов бежать. У сына не было шансов его спасти. Король стоял рядом с пленником, готовясь исполнить обещание.

– Хаире – крикнул коммит, вызывая защитника крепости. Переводчик начал переводить Хунхару с глоттара на олюк – язык кочевников. Прошла минута, но никто не появлялся.

– Хаире – крикнул коммит второй раз. Секунд через тридцать между зубцами на каменном парапете четвертой оборонительной площадки показалась фигура воина. Воин выкрикнул всеми осаждающими ожидаемое, короткое слово: "Отец!". Хаире Старший смотрел вверх, туда, где был его сын.

– Да, мой дорогой сын. Прости, что не смог тебе помочь. Видимо, Сефер считает, что будет лучше иначе. Я должен уговорить тебя сдать крепость, иначе мне сейчас, на твоих глаза и на глазах всех защитников крепости отрубят голову. Я знаю об этом, таков был уговор. – Голос мужчины было похоже, срывается, вот-вот он начнёт плакать. Коммит на мгновение замолчал. – И я заклинаю тебя, каждой буквой священного алфавита, не сдавайся, дерись до последнего – переводчик всю речь переводил совершенно беспристрастно. по его лицу ничего нельзя было сказать о том, что говорит старший Хайре. Но на лице Хунхара всё было видно очень хорошо. Когда он услышал, что именно Старший князь Хаире говорит младшему, тут же подал знак солдатам, те поставили коммита на колени и начали выворачивать руки так, чтобы он наклонил голову вперед. "Сражайся до последнего вздоха" – крикнул глава Оринской провинции и сам склонил голову, демонстрируя мужество смирения перед страшным неизбежным. Хунхар посмотрел вверх, на младшего князя Хаире, достал из ножен тяжёлую саблю и точным мощным ударом отсек пленнику голову. Затем, за волосы, с каменных плит пола и поднял её высоко, демонстрируя своим подданным, а те стали прыгать и плясать в криках одобрения. Каган протянул саблю в сторону младшего Хаире, жестом показывая "скоро твой черёд". Голову насадили на копьё, копьё поставили на месте казни. Защитники крепости в отчаянии бессилия начали стрелять в палача и его свиту, но те укры-

лись за большими щитами, а затем и вовсе покинули место казни. Тело было оставлено лежать на месте, где коммит был обезглавлен. Каган отправился к своим шатрам, инженеры получили приказ готовить очередной штурм Цитадели. Инженеры были наёмниками, знания они получали, в университетах и армиях Империи, Союза вольных городов или в королевствах Юга. Они готовы были воевать на стороне того, кто больше заплатит, но могли и предать, если видели, что в Книге судьбы их господина начинаются чёрные страницы. У номадов были деньги, и они служили им. Вообще, единственный господин наёмников – деньги, именно деньгам наёмники действительно служат. Поэтому нельзя обвинять наёмников в предательстве. Своего настоящего господина – деньги, наёмники не предадут никогда.

Прошла ночь. Ранним утром следующего дня штурм Цитадели был возобновлён. Казалось, все племена кочевников собрались, чтобы разрушились последний оплот сопротивления в Таирассе. Инженеры выбрали участок Великого дома и стали насыпать гору обломков из того, что когда-то было городскими постройками, насыпь, так что за два дня насыпь достигла четвёртой оборонительной площадки. Кочевники защищали рабочих от стрел щитами и бронёй из железных пластин. И стрел у обороняющихся оставалось мало, так что стреляли они всё реже, стараясь бить наверняка. Князь Хаире понимал, что силы неравны, падение цитадели – вопрос времени. Но ни он, ни один воин из его отряда не думал

о сдаче в плен. Смерть в бою лучше, чем в плену. Когда от насыпи до парапета четвёртого уровня обороны оставалось не больше человеческого роста, начался штурм. Штурмовали по всему периметру площадки, защитники ежеминутно отталкивали штурмовые лестницы, рубили руки штурмующих, укрепляли внутреннюю дверь с третьего на четвёртый уровень, которую осаждающие пытались выбить небольшим тараном. Однако, силы были слишком неравны, через полтора часа штурма осаждаемые, потеряв три сотни человек, половину гарнизона, укрылись на пятом, последнем уровне обороны цитадели. Племена номадов напоминали единый организм, который по велению своего властителя, монарха, мог совершать любые действия. Ни одна армия в мире не смогла бы так быстро взять Таирасс с его Великим домом. Оказавшись на четвёртом уровне, кочевники тут же принялись насыпать камни и мусор для пути на пятый уровень. Нескончаемым потоком с брёвнами и камнями, шли по этой насыпи наверх рабочие, пленные, солдаты. Через несколько часов начался штурм пятой, последней оборонительной площадки. Врага было не остановить, князь с остатками отряда стали кругом в середине площадки, поставив в центре круга флаг князя и белый с золотой скалой флаг Таирасса. После жестокой схватки в живых остался князь и семь его телохранителей. Обессилевших, их взяли в плен. Таирасс пал.

Когда Хунхару доложили, что Великий дом взят, и князь Хаире пленён, он приказал доставить его в королевский

шатёр. Когда князя ввели в шатер, и он увидел мужчину, беседующего с молодыми красивыми девушками. Молодой князь не знал, как выглядит Хунхар, но в мужчине Хаире узнал убийцу своего отца и бросился на него с голыми руками. Охрана мгновенно его схватила и поставила на колени.

– Понимаю, ты не рад меня видеть. Но, оцени моё великодушие, я позволил тебе увидеть девушек из моего гарема. А ведь ты не евнух и не халгарид. Хотя бы пока ещё не евнух. – Говоря это каган отщипывал по ягоде от большой, яркой, сочной виноградной кисти на керамическом блюде, расписанном изображениями полевых цветов. Цветы даже казались настоящими, столь искусной была работа мастера. – У меня к тебе один вопрос. Ответь, и я, может быть, сохраню тебе жизнь. Кстати, твой отец, если бы сделал, что я просил, сейчас был бы жив. Не повторяй его ошибок. Где сейчас хартофилакс Захарта? Мы приблизительно знаем, как он выглядит, есть даже люди, которые могут узнать его. Но ни среди живых, ни среди погибших его не опознали. Где он? – в ответ Хаире молчал. – Хорошо, как хочешь – в шатре вдруг из неоткуда появился человек в тёмно-синем балахоне с очень смуглой кожей и чёрными волосами. Из кожаной сумки на своём поясе он достал маленькую стеклянную бутылочку с синей жидкостью и подошёл к пленнику. Солдаты насильно открыли ему рот и чёрный незнакомец влил туда содержимое бутылочки. После этого князь громко выдохнул, затем вдохнул с присвистом. Глаза его стали цвета мутного стекла,

голова повисла на плечах. Незнакомец наклонился к князю и тихо спросил:

– Где Захарта?

– Я не знаю, что с ним сейчас. Последний раз я слышал, что он занимается переносом книг из Библиотеки в хранилища Цитадели. Это было ещё до того, как пали городские стены.

– Где рукопись Пути? – так же тихо и спокойно он задал второй вопрос.

– Я не знаю, где она, я даже не знаю, что это. – незнакомец отошёл от князя, тот повис на руках конвоиров без дыхания.

– Вынесите его. И все – вон из шатра. – крикнул Хунхар, в ту же секунду в шатре никого не осталось. Незнакомец в балахоне произнёс:

– Трижды проклятый старик, Захарта. Ни в библиотеке, ни в хранилищах Великого дома рукописи нет. Я её не почувствовал. Он отправил её из города. Он догадался, что происходит, только во время самой осады, ведь рукопись была здесь. Я точно знаю. Видимо, он всё же нашёл способ отправить её из города. Тайный ход. Из Таирасса должен быть тайный ход. Конечно, если старик не нашёл способ переправить рукопись через осаждающую армию...

– В это я не верю. Это почти невозможно. – Хунхар смотрел на собеседника. Незнакомец откинул правый рукав и на руке его оказался сидящий ворон. Чёрный, как безлунная ночь.

– Ищи дороги и тропы, тоннели, пещеры, гроты. Всё, где может быть тайная дорога из Таирасса. – ворон каркнул и вылетел из шатра.

Хунхар стоял поодаль и наблюдал. Незнакомец сжал левую руку в кулак, потом разжал, как если бы в неё что-то было, бросил на пол. – В шатре вдруг появились десятки мелких пауков, казалось, их становится с каждой минутой всё больше. – Идите, ищите и вернитесь с добычей.

Глава 7. Перевал

– Да, сказал Наар. – Я, правда, не думал, как продолжить путь. Я не знаю дороги, ни через перевал, ни вдоль Западного хребта на юг и далее на восток через каменные столбы. Наставник Розир, Вы могли бы мне посоветовать, как поступить? – в ответ настоятель помолчал секунд десять, потом сказал:

– В обоих случаях придётся непросто. Но в обоих случаях я отправлю с тобой кого-то из нашей братии в качестве проводника. В горах живут дикие непокорные племена. Язычники. Они не так давно перестали нападать на поселения у подножия гор, красть людей, скот, сжигать постройки. Их удалось усмирить благодаря нескольким удачным походам имперской армии, но нрав горцев мягче не стал. Им не известна религия Сефера, они отвергают письменность. Они жгут захваченные книги, если понимают, что их никто не будет выкупать. К ним отправляли нескольких миссионеров, но те пропали без вести. Я думаю, их просто убили. Не удивлюсь,

если эти язычники едят людей.

– А каменные столбы? Через них долго идти?

– Сколько идти через них не знаю. До них идти около трёх недель. Можешь пойти дальше на юго-восток и выйти к реке Моязим. Она течёт далеко на восток, так что часть пути ты мог бы преодолеть на речном судне. Но такое путешествие займёт очень много времени.

– А что там, в Каменных столбах? – долго идти юноша не хотел. Он точно не знал, сколько придётся идти до Белого побережья, но специально увеличивать и без того не маленькое расстояние не хотел. Поэтому предложение дойти до реки Моязим и по ней двигаться на восток показалось ему очень разумным.

– Ничего. Я не знаю человека, который прошёл бы их насквозь. Это огромные каменные столбы, размером около двухсот метров в высоту и двадцати метров в объёме у основания. В рассказе «О нестроении в учениках Сефера» говорится, что каменные столбы были великанами, которых Малак, первый ученик Сефера, создал, чтобы одолеть своих братьев, других учеников Создателя. Но последние оказались сильнее и сумели превратить великанов в каменные столбы. Многие в легенду не верят, впрочем, это дело каждого, верить или нет. Но место это люди обходят стороной. Несколько раз власти провинции пытались проложить дорогу через Столбы, но каждый раз, по разным причинам, рабо-

ты прекращались, едва начавшись.

– Пожалуй, я пойду через горы, так ближе. Тем более что лёгкого пути я не ожидаю в любом случае.

– Ну, не нужно ожидать трудностей, просто будь к ним готов. Вдруг Сефер приготовил для тебя лишь светлые страницы и сейчас ему приходится переписывать их, чтобы не расстроить твои ожидания. – Улыбнулся Розир.

– Да, Учитель, Вы правы. С Вашего разрешения я хотел бы отправиться в путь прямо сейчас.

– Конечно. Проводником для тебя будет Кавэд, раз уж он тебя сюда привёл, он покажет дорогу, как отсюда выбраться. – Кавэд стоял недалеко от разговаривающих, за своим пюпитром. Монах быстро подошёл на оклик. Через пятнадцать минут они с Нааром шли по тропе вверх, в горы.

Наару очень хотелось заговорить с Кавэдом, но он стеснялся. Молчание монахов в ските за эти неполные сутки, что он там пробыл, приучило его к мысли, что монахи, если не немые, то разговаривают очень редко. Но Кавэд сам заговорил первым. От такой неожиданности его спутник даже вздрогнул.

– Как сейчас там, в Таирассе? – Кавэд шёл впереди и говорил не оборачиваясь. Но произносил слова громко и чётко, так, что Наар всё хорошо слышал. Однако не сразу понял, что это говорит Кавэд.

– Простите – это вы говорите? – спросил Наар. В ответ монах рассмеялся.

– Да, я. Кто ещё? Ты решил, что мы никогда не разговариваем? Так и есть, но бывают исключения. Я сам давно ушёл из мира, мне было восемнадцать. Сейчас чуть больше пятидесяти. Некоторых из нас настоятель отправляет иногда в город или в ближайший посёлок за бумагой. Меня никогда за все, больше чем три десятка лет, что я нахожусь в скиту, ни разу не отправляли в посёлок за бумагой. Бумага, это единственное, чего мы сами не делаем. Бумага и кожи для пергамента. Это мы покупаем в поселении недалеко от нас. Я думал, что город меня совсем не интересует. Так оно и есть, но тут пришёл ты и в голове появились вопросы. Словом, как там Таирасс? Я когда-то жил у южной стены, в районе Большой кузницы. Когда-то там жили мои родители. Не знаю, может, они и сейчас там живут.

– Район большой кузницы знаю, хотя бывал там редко. Почему Вы ушли из него, Вы же были, получается, младше меня, когда пришли в скит.

– Да, мне было восемнадцать. А тебе сейчас сколько?

– Двадцать один.

– Да, в твоём возрасте я уже три года как пробыл в молитве и посте, рассуждал о Боге и говорил с лесными животными. Честно скажу, так рано уйти из города в монастырь – это была ошибка. Да, я говорил с лесными животными. Трудно представить, да? Я сейчас тоже говорю и сам не верю. – Тропа была широкой, ветра почти не было. В других обстоятельствах это путешествие можно было бы назвать прият-

ной прогулкой, но у Наара из головы не выходили мысли о горцах-язычниках, от которых неизвестно, чего можно было ожидать, а Кавэд продолжал говорить, это отвлекало юношу от дурных мыслей. – Я с детства любил одиночество и размышлял о творении, Сефере, его Учениках. А город пугал, город опасен, страшен, со многими искусствами. Я сейчас понял, что город не столько был опасен, сколько я его сам боялся.

– Ну, если вы будете следовать заповедям Сефера, то разве страшны Вам будут искусства? Нас так учили, нужно исполнять, что написано, и ничего не бояться. Иначе, всем нужно в горы уходить или в леса.

– Нет, я к фанатикам не отношусь, я так не думаю. Не думаю, что всем нужно идти в горы. Хотя сам так сделал. – Монах обернулся и Наар увидел улыбку на его лице. – Может, я слаб слишком, поэтому мне скит подходит. Но всё равно в городе часто бывает, что какие-то правила Эхалия человек принимает, им и следует, а остальные правила, заповеди, не замечает. Такая, половинчатая вера.

– Извините, но Вы же давно покинули город, с людьми, как я понимаю, давно не общались, откуда в Вас ненависть к людям, к тем, кто молится «не так, как нужно»? Ведь в Ваших словах ненависть. Вы сами её может, и не слышите. – Наар не хотел ссориться, но напряжение начало зародилось и начало возрастать. Юноша сам удивился, откуда он взял эти мысли, что Кавэд не любит людей. Может, он его не так

понял. Кавэд не отвечал. – Я Вас не обидел? – Наару стало неловко за сказанные ранее слова.

– Нет, ты говоришь, что думаешь, без лукавства, это самое главное. Люди. Когда-то я, правда, их не любил. Они меня не любили. Считали странным. А я просто больше думал о вопросах, о которых прочие вовсе не задумывались. Первые годы в скиту было трудно. Я даже думал вернуться. Но потом переборол себя. Что бы я там делал?

– О, поверьте, нашлось бы Вам место, не в Таирассе, так в другом городе, их же сотни, больших и маленьких. А теперь и не знаю, что будет со всеми нами. В городе я слышал, что кочевники не щадят никого, людей убивают, деревянные постройки жгут, каменные разрушают.

– Кара божья и нечего здесь спорить – Как-то резко сказал Кавэд.

– Может и так – Наар не захотел что-то возражать. Он устал от постоянного подъёма вверх по тропе, а когда устанешь – говорить не тянет. Около полутора часов ещё прошли, и только потом устроили привал.

– Извини, ты устал, но я не хочу сейчас оставлять обитель надолго. Всякое может случиться. Поэтому спешу. И ещё, можешь обращаться ко мне «на ты». Не такая я важная птица, чтобы ты на «Вы» ко мне обращался.

– Хорошо, как скажешь. Я тоже хотел бы скорее перевалить через горы и двинуться дальше.

– Мы дойдём до ближайшего поселения горцев, но в селе-

ние я не войду. Ничего хорошего из встречи монаха и язычника получиться не может. А они закалились в своём языке.

– Я бы на твоём месте, всё же, попробовал. Но я не на твоём месте и решать тебе – если раньше нелюбовь монахов к горцам вселяла страх по отношению к язычникам, то теперь Наар даже хотел скорее увидеть этих страшных людей. Он уже не был уверен, что они так ужасны, как об этом говорят насельники скита. Судя по образу жизни монахов, они могли вовсе не видеть этих горцев, поэтому рассказы о жестокости этих людей могли быть простыми легендами, страшными сказками.

– Кавэд, а ты видел горцев? – в ответ проводник несколько секунд помолчал. Затем последовал глубокий вздох:

– Нет, я их не видел.

– И тебе не интересно посмотреть на них?

– Многих грехов я тоже не совершал, но это не повод пробовать их.

– При чём здесь грехи? Просто, зачем тебе рассуждать о людях, которых не видел и о вещах, которых не делал?

– Юноша, ещё несколько таких слов и я поверю, что тебя сочинил для этого мира не всеблагой и милостивейший Сефер, но ужасный Малак, источник всякого искусства и кривды. – Фразу Кавэд произнёс нетвердо, как говорят то, что человек сказать обязан, но не уверен в пользе и смысле того, что говорит. Наар услышал эту интонацию.

– Ты можешь их увидеть и вернуться в скит.

– Настоятель не благословлял мне входить в их селение.

– Ладно, что я тебя уговариваю. Поступай, как знаешь. –

Наар первым встал с бревна, на котором путники отдыхали. – Пойдём дальше?

– Пойдём.

Прошли ещё около четырёх часов. Заметно похолодало, воздух стал более влажным, из-за снегов и ледника, которые покрывали вершины гор. Хотя на протяжении всей тропы путники замечали следы диких животных, но самих кабанов, медведей, волков, лосей и других зверей не видели. Чтобы обезопасить себя от неожиданной встречи с ними, путники решили спать на дереве. Ночь оказалась ясная, и Наар долго смотрел на небо, перед тем, как уснуть. Или оно ему, уставшему снилось?

Утром юношу разбудил монах. Кричать в лесу он не хотел, чтобы не привлекать лишнего внимания, как горцев, так и диких животных, поэтому бросал в Наара небольшие камни. Парень не сразу понял, где он проснулся и едва не упал с ветки, но всё же, смог удержаться.

– Далеко ещё до поселения? И как долго ты со мной будешь идти?

– Поселение не далеко. Могли бы и вчера дойти, но не успели до темноты, а ночью по горам ходить не следует. Да и к ночным гостям всегда относятся настороженнее, чем к тем, кто приходит днём.

Действительно, пройдя ещё около двух часов, Наар заметил впереди тонкий столб дыма от домашнего очага. И был несказанно рад, потому что это давало надежду на обогрев у огня. А если Сефер позволит, то и на горячую пищу.

– Ну что, настал момент прощания? – обратился парень к Кавэду, который шёл впереди. Но тот молчал и продолжал шагать. Наар сказал ещё раз:

– Нам пора расстаться, иначе ты рискуешь встретиться с язычниками. Вдруг они тебя, или даже нас, съедят? – С иронией громко сказал юноша. Но монах никак не реагировал.

– Ладно, поступай как знаешь. – и Наар молча продолжил путь вслед за проводником.

Через полчаса подъём прекратился и путешественники вышли на открытую поляну больших размеров. На противоположной её стороне, метрах в двухстах виднелись три высокие башни и два невысоких дома. Из одного из домов и шёл дым. Пока путешественники смотрели на поселение, дым пошёл из дымоходов остальных построек.

– Ты думаешь, ты вот первым мне вопросы такие задал: о людях, о том, что я видел, что не видел. А я их ещё раньше себе задавал. Один из моих любимых текстов для молитвы – текст о сотворении, о сочинении мира. Я его переписываю, молюсь, а сам думаю: "Я же ничего не видел из своей кельи. Никакого этого мира". Да, я много гуляю по горам, что-то помню из того, что в городе видел, пока в скит не ушёл. Ещё о людях много думаю. Люди... Ведь это главное тво-

рение, сочинение Сефера. Он дал людям способность сочинять, творить, создавать. А я их не знаю. Я переписал десятки текстов по описанию сотворенного мира. Мир есть у меня в голове, но того, что есть на самом деле, я не видел. Тут появляешься ты со своими разговорами, путешествием. Я тебе завидовал, когда ты рассказывал о путешествии из Таирасса к нам. Я не знаю, почему столько лет ждал или боялся. Но сегодня решил пойти посмотреть, что за люди – горцы. Может, они правда не такие страшные.

– А настоятель?

– А что настоятель, он гораздо мудрее, чем может показаться из-за его словоохотливости. Он всё поймёт. Тем более что я не собираюсь идти с тобой дальше. Мне интересно поселение.

– Да, а мне уже показалось, что ты со мной пойдёшь до Белого побережья. В любом случае, я за тебя рад, это смелый поступок. – И оба двинулись к поселению. По виду, башни, высотой в десять метров были предназначены как для проживания, так и для защиты, были такими укреплёнными жилищами. Основание башен было шире, чем верхняя площадка, кровля, за счёт этого стены получались наклонными. В башне были узкие бойницы. На той стене, которой башня была к ним повернута, Наар насчитал их пять штук. И дома, они имели форму прямоугольников, и башни, были построены из дикого камня и обломков скал, скреплены известняковым раствором. По мере приближения, путешественники

рассмотрели также балки межэтажных перекрытий, выступавшие из стен башен. Судя по ним, в одной башне было четыре этажа, в другой пять.

Навстречу и Наару и Кавэду вышли трое мужчин. Они были в чёрных тёплых штанах из плотной шерсти и тёплых куртках такой же материи.

– Всё, вот они нас и съедят – Наар произнёс фразу весело, но было слышно, что это нервное веселье, попытка успокоить себя. Всё же неясно, чего ждать от этих людей.

– По крайней мере, у них нет оружия. Это уже позволяет надеяться на лучшее. – спокойно ответил Кавэд.

– Оружия либо нет, либо мы его не видим. Пусть подойдут поближе. – так просто Наар верить в лучшее не хотел.

Мужчины, правда, оказались безоружными. Чернобородые, с довольно большими, но в то же время красивыми носами и светлой кожей, они не пугали, но и не располагали к себе. Оружия с ними действительно не было.

– Мир вам. Зачем вы сюда пришли? – По первым же фразам было ясно, что горцы настроены, в крайнем случае, не враждебно, но на глоттаре говорили с акцентом.

– Я хочу идти через горы, дальше на восток. – Каждую свою фразу Наар подкреплял жестами. Слушал его только один из троих горцев, а потом он же что-то рассказывал своим друзьям. Должно быть, переводил услышанное.

– А, перевал, это дальше на восток. Проходите за мной – горец замахал руками в сторону одной из башен.

– Меня зовут Наар, а это мой друг Кавэд. – Кавэд смущался, по всему было видно. Улыбался, но ничего не говорил. Было непонятно, услышал горец имена путешественников или нет. Монах обратился шёпотом к Наару:

– Ты зачем к нему домой идёшь? Спросил бы дорогу, как дальше идти и всё. Зачем домой? – Монах немного нервничал.

– Ну, давайте, скажите ему сами, что мы не пойдём к нему домой. Глоттар он понимает вполне сносно. К тому же, не знаю, как Вы, а я замёрз и хочу обогреться у очага. А у него дома, я уверен, очаг есть и, наверняка, на нём сейчас готовится пища.

– Дёрнуло меня пойти дальше, чем следовало. Не иначе Малак сочинил и тебя и этих людей. – Разговор вёлся тихими голосами, иначе не ясно, какой была бы реакция гостеприимного горца. Когда путники вошли в башню, то на первом этаже увидели хлев. К счастью, там задерживаться не пришлось, по бревну с вырубленными заступами, так оно походило на своеобразную лестницу, путешественники поднялись на второй этаж. Это, по всей видимости, был жилой этаж. Там находилась искусно сложенная печь, которая отапливала всю башню. На этом же очаге готовили. Рядом с очагом сидела пожилая женщина, которая, перебросившись с мужчиной, тем, что встретил Наара и Кавэда, парой фраз, налила им в глиняные миски какой-то тёплой похлёбки и даже бросила туда по куску мяса. Впрочем, свой кусок Кавэд

не без опаски переложил Наару. Монах не поступился обетами, что юноша про себя отметил и не стал сопротивляться. А мясо монаху есть нельзя. «Может, Кавэд прости побоялся, что мясо человеческое?» – подумал про себя Наар и улыбнулся. Хотя бульон монаху пить пришлось, совсем отказываться от еды было бы оскорблением.

– Спасибо, очень вкусно, мы вам очень благодарны. – Громко и четко сказал Наар, показывая на миску с едой.

– Не за что. Таков закон. Друг другу нужно помогать. – С улыбкой ответил мужчина, которого путешественники негласно стали звать «хозяином» башни. Теперь Кавэд поймал на себя на мысли, что он ест, но думает, не ест ли он бульон из человечины, но гнал эти мысли прочь, иногда хмурясь.

– Зачем вы так далеко зашли? Здесь жители равнин бывают редко. – Мирный тон горцев настраивал всё больше на спокойный лад.

– Я иду к Белому побережью, а это – Наар ткнул пальцем в сторону Кавэда, – мой проводник по горам.

– Проводник? – хозяин засмеялся, в углу тоже кто-то засмеялся, но было не ясно, ребёнок это или молодая девушка. Потом мужчина добавил. – Меня зовут Алоин. Это мой дом.

– Спасибо, мы благодарны. Меня зовут Наар, это мой друг Кавэд. Нам нужно дальше, на восток – ещё раз повторил Наар.

– Опасно. Там много лавин, можно погибнуть. – Лицо гор-

ца стало очень серьёзным.

– Но нам очень надо. – Наар говорил, а сам даже удивлялся: «Почему очень надо? Зачем спешить? Куда?».

– Дело твоё. – развёл руками Алоин – Когда пойдёте?

– Чем раньше, тем лучше. Можно сейчас.

– Можно. – Заулыбался хозяин башни.

– Нужно ему что-то подарить – на ухо Наару шепнул Ка-вед.

– Хорошая идея, но что? У меня ничего такого нет.

– У меня есть небольшая рукопись. Совсем небольшая. Может её? Вдруг он сможет уверовать?

– Вот это уже идея не очень. Если они язычники, то твоя рукопись им ни к чему – шепотом отвечал Наар.

– И всё же я попробую. – сразу после этих слов монах порылся в карманах, засунул в правый руку по локоть, потом в левый руку по локоть и достал маленькую бумажную рукопись, размером с ладонь в кожаном переплёте. – Вот. Это алфавит зарамиер. Он меня оберегает от всего дурного. – и благоговейно протянул рукопись на вытянутой руке Алоину. – Возьмите, дар. Пусть теперь алфавит и вас оберегает. – Алоин учтиво поклонился и принял рукопись в обе руки. Будто он и не язычник вовсе, а чтит заветы и законы великого Сефера.

– Спасибо. – почти без акцента произнёс Алоин. Тут же к нему подошла молодая девушка и забрала книгу. Мужчина показал на неё кивком головы: «Илара – моя дочь». Было

видно, что он горд своей дочерью и почти хвастается её перед гостями. Это она смеялась в углу, когда услышала, что Кавэд – проводник по горам. Дочь забрала подарок и быстро вернулась в свой угол. Кавэд всё ждал, когда же Алоин начнёт хулить религию Сефера, но тот всё не начинал.

– Сейчас в горах туманы и ледники, по горам ходить опасно. – Ещё раз предостерёг путешественников хозяин башни.

– Хорошо, но я всё равно пойду. Мне нужно идти. – Нар оставил миску с едой. Она была пуста. – Мне нужно в Сариат.

– Ты хочешь идти один? – взгляд горца выражал то ли восхищение, то ли непонимание, то ли удивление. – А проводник? – Алоин посмотрел на монаха. Кавэду стало неловко. Он не хотел, чтобы думали, что он бросает путешественника.

– Я не могу идти дальше. Я монах, должен вернуться в скит. Понимаешь? Меня не отпустили дальше. – Это была новая фраза, потому что раньше Кавэд говорил, что и сам дальше идти не хочет. Теперь виновным был кто-то, кто не пустил его дальше.

– А, скит. Знаю – Алоин заулыбался – Вы внизу живёте.

– Да. Ты всё правильно понял.

Хозяин сказал что-то одному из двух мужчин, что сидели рядом с ним, тех, с которыми он вышел встречать гостей. После этого мужчины встали и вышли.

– Я проведу тебя дальше, через перевал. Скоро поедем. Пока отдохни. – И жестом пригласил проследовать за собой.

Все трое поднялись по такому же бревну-лестнице, которое вело на второй этаж. Третий этаж был убран богаче второго. Здесь было много козьих и овечьих шкур. Освещение было тусклым, но жёлтый свет от ламп на жиру добавлял уюта. Алоин ушёл собираться в дорогу.

– Надо же – когда остались вдвоём, шепотом сказал Нар. – он даже не спросил, кто я и зачем мне нужно по ту сторону Высоких гор. Просто решил помочь.

– Да, мне будет что рассказать братии, когда вернусь в скит. – голос монаха погрузнел.

– Может, ты пойдёшь дальше со мной? До Белого побережья? Тогда вы сможете рассказать братии ещё больше после своего возвращения. – Тот молчал в ответ.

– Боюсь, что это будет предательством по отношению к братии и настоятелю и к Самому Сеферу.

– А может, это будет предательством по отношению к себе? Если сейчас пойти назад. Может, Сефер даёт Вам шанс? Разве то, что вы увидели за последние сутки, эти люди, этот дом – плохо? Сколько ещё хорошего вы можете увидеть! Подумайте.

Кавэд смотрел в потолок.

– Двадцать три года я не покидал пределов скита. Двадцать три года. Я читал о мире, который создал Сефер, но не видел его, мира. Может, действительно, мне нужно его увидеть? Да, я пойду с тобой до Белого побережья, а может, и дальше. Настоятель мудрый. Он поймёт всё правильно. Мо-

жет быть, он меня специально с тобой отправил. – Кавэд сел на бараньей шкуре, так, чтобы Наар не мог видеть его лица и беззвучно заплакал, если плачем можно назвать те две слезы, что скатились по его щеке. Это было трудное решение. Но он шёл к нему всё время, пока молился в скиту. И настоятель знал, что Кавэду нужно уйти из скита и отправиться смотреть, изучать, постигать сотворённый Богом мир. Он рано или поздно всё равно ушёл бы из скита, Розир это понимал.

Наверно, прошёл ещё час, перед тем как к гостям поднялся Алоин и сказал, что можно выдвигаться в путь. На улице, у дверей дома стояло три лошади: для Наара и двух проводников. Монах извинился и сказал, что тоже поедет через горы, но ему лошадь давать не обязательно, он верхом ездить не умеет, поэтому лучше пойдёт пешком. Алоин кивнул в знак согласия, но тут же сказал что-то молодому парню, стоявшему рядом и ещё через пару минут тот вывел осёдланную лошадь и поставил её рядом с Кавэдом. Вокруг группы путешественников стали собираться любопытные. Какая-то старуха заметила на одежде Кавэда, на спине букву «Сам» первую в слове «Сефер», если писать его зарамиером. Тут же замахала на него кулаками и принялась что-то кричать. Даже не зная языка горцев, путешественники поняли, что это ругань. В итоге на старуху прикрикнул кто-то из мужчин, и она замолчала, вскоре вовсе ушла, что-то громко бормоча про себя.

– Что ей не понравилось – обратился Кавэд к Алоину.

– Она сказала, на твоей спине знак зла. Ты несёшь опасность. Не обращай внимания. – Безразлично ответил Алоин. Однако и Наару и Кавэду старуха запомнилась. Когда выехали из поселения, монах подъехал ближе к горцу и спросил:

– Почему та старуха так сказала? У меня на спине знак веры в великого Сефера, создавшего всё, сочинившего всё.

– Я знаю, что это за знак. Ты видишь вдалеке, на склоне той горы – Алоин показал рукой вправо – башни, развалины, груды камней?

– Да.

– Там было поселение. Годы назад пришли туда люди и разрушили его. На камнях оставляли такие знаки. Зачем? – Кавэд понял, что речь идёт о карательных походах имперских войск. В этом разговоре нужно было быть максимально осторожным. Ссоры ни к чему. Тем более ссора в горах. С проводником, который физически, скорее всего, сильнее тебя. И у которого своя, отличная от твоей, правда.

– Но они пришли в ответ, ведь вы нападали на тех, кто живёт у подножья гор.

– Да, так. Но мы защищались. Зачем оставлять эти знаки? Детей учили знакам. Убивают родителей, рушат дома, ставят знаки и детей наших хотят им научить. Нам это не нужно. Эти знаки идут вместе со смертью.

– А люди без солдат к вам не приходили. Люди, что рассказывали о Сефере, об алфавите. Таких разве не было?

– Были, но мы их изгоняли. Один такой учитель пришёл

в соседнее селение, там начался мор. Только наш жрец там смог остановить смерть. Знаки для нас связаны со злом.

– А, правда, что вы едите людей, – не сдержался Кавэд. Алоин засмеялся, затем сказал что-то своему спутнику и тот засмеялся тоже.

– Конечно, вы у меня дома тоже сегодня ели похлебку с человечиной. – Алоин старался сохранять серьёзное выражение лица и только едва дрожащие уголки рта показывали, что он с трудом сдерживается от смеха. И всё же Кавэд повернулся к Наару:

– Он шутит или серьёзно?

– Шутит, успокойся.

Монах успокоился, но разговора продолжать не стал.

Ветер был холодный, но не пронизывающий. Горцы дали путешественникам тёплые плотные плащи, которые хорошо спасали от ветра. Несколько раз на пути, вдоль горных склонов были видны пасущиеся стада овец и коз. Пейзажи были захватывающими, но больше Наара поражался и удивлялся Кавэд, который всё не мог понять, как же он, столько лет проведя в горах, ничего этого не видел. Постепенно дорога становилась всё уже и в итоге путешественники оказались на узкой горной тропе, которая шла вдоль скалы вверх. Иногда сверху падали камни. Труднее всех было Кавэду, но он справлялся лучше, чем можно было ожидать. Давно, когда он ещё жил в городе, Кавэд умел ездить верхом. Теперь нужно было просто вспомнить. Монах боялся, что прошло

слишком много времени, и нужно будет учиться заново, но механическая память выручила, даже спустя два десятка лет. Первые сотни метров верхом давались трудно, но монах не унывал и гораздо раньше, чем ожидал сам, стал чувствовать себя в седле уверенно. Ближе к вечеру погода начала портиться, поднялась метель. Зато тропа стала шире. Уже затемно добрались до небольшой круглой постройки из камней и обломков скал, крытой деревом, сеном и просмоленной. Крыша имела форму конуса.

– Здесь будем отдыхать – Алоин соскочил с коня, его примеру последовали остальные. Горец забрал лошадей и повёл их в пристройку у круглого дома. Когда путешественники вошли внутрь, то увидели, что стены между двумя помещениями, тем где были животные и тем, где были люди, нет. Так было гораздо теплее и животным и их хозяевам. Помещение казалось каким-то фантастическим местом, способным сохранить не только от ветра и холода, но вообще от всего дурного. У очага сидел пожилой седой горец. Путешественники тоже сели у огня, достали еду, лепёшки и немного мяса, начали есть, отдав часть еды горцу. Даже Кавэд ел мясо. Широко выбора блюд не было и он, в каком-то смысле, даже вынужден был это сделать. Напарник Алоина начал беседу с хозяином дома, что-то рассказывал, показывая на Наара и Кавэда.

– Кто это? – спросил Наар Алоина, имея в виду старика.

– Это Хациар – сторож перевала. В этом доме поперемен-

но живут, по полгода люди из разных родов. Это три рода – они хранители, сторожа перевала. Всегда следят, чтобы в доме горел огонь, было тепло, и была еда для путников, для тех, кто заблудился или просто не имеет еды. Со своей стороны, путники тоже должны оставлять здесь немного припасов или дров для огня.

– А почему он живёт один? С семьёй жить нельзя?

– Можно, но у Хациара жена погибла несколько лет назад, сорвалась в пропасть. На горной тропе лошадь чего-то испугалась, оступилась и полетела вниз. С тех пор он живёт один. Иногда его навещают дети, но не часто. Там, в низине, – Алоин махнул рукой в сторону, – они ведут большое хозяйство. Жить здесь постоянно никто бы не смог. Зимой здесь бывает так холодно, что плевок, пока долетит до земли, становится ледышкой. Очень тяжело. – Тут Алоина позвал его приятель и начал что-то рассказывать. По-видимому, пересказывать что-то из того, о чём они только что беседовали с Хациаром. Алоин внимательно слушал, что-то отвечал, потом опять слушал. Тем временем Наар и Кавэд пытались понять – рассказы о таких небывалых холодах – это преувеличение, желание произвести впечатление или правда здесь бывает так холодно? Тут Алоин обратился к Наару и монаху:

– Пастухи рассказывали Хациару, что несколько раз видели каменных псов Уадура, испа оронцев. Оронцы – так мы, жители гор, сами себя называем, «исп» – это наш князь. Эти каменные псы нападают на стада, воруют овец и коз, иногда

животных больших, коров, лошадей и уносят их на стол в пещеру к Уадуру, где он пирует со своими витязями. Бывает, псов долго не видно, а бывает, они могут красть скотину едва не десятками голов в день. Но на людей они нападают, только если те их сами заставят. Псы огромны – немного меньше крупной лошади. У них большие железные зубы. Такой пёс несколько раз кусает и начинает разрывать на куски. – Наар переглянулся с монахом:

– Ну, мы и не собирались их провоцировать на нас нападать. Алоин, ты отлично говоришь на глоттаре. Как ты его выучил?

– Пришлось выучить. Для торговли и войны. Спасибо, мне даже нравится на нём говорить. Мы отдохнём, переждём бурю и отправимся дальше. Мы доведём вас до середины восточного склона, оттуда вы без проблем должны будете добраться до Сариата.

На улице бушевала непогода. Даже не верилось, что внизу, где-то на земле тепло. На перевале был ветер и снег. Холод захватил власть в горах и делил её с тьмой. Однако спалось путешественникам очень хорошо. Наар утром подумал, что давно не получал такого удовольствия от сна. Все чувствовали себя бодрыми и готовыми продолжить путь. Позавтракав и поблагодарив Хациара, путники отправились дальше. Лошадей было решено оставить, на них Алоин и его напарник отправятся обратно. Дальше на лошадях было не проехать.

Через перевал решили идти на снегоступах. Снега выпало

метра на три, лошади бы просто проваливались. Снегоступы Алоин взял из дома. Это были специальные приспособления для ходьбы по глубокому снегу: деревянная рамка овальной формы, внутренняя часть которой перетянута ремнями из кожи. Как раз четыре пары.

После непогоды природа успокоилась, и уже никто не мог бы сказать, что недавно здесь была буря, лепившая огромные снежные столбы метелей. Наар осторожно ступал по снегу и думал, что ещё немногим больше недели назад он и не мог помышлять, о том какие приключения его ожидают совсем скоро. Он ожидал другого, подхода имперских войск, освобождения города. Юноша понимал, что возможно и падение Таирасса, смерть от рук номадов. Но такого путешествия он не ожидал. Таковы все книги человеческих судеб. Не всегда строки в них пишутся рукой человека. Правильно сказать никогда эти строки не пишет человеческая рука.

Солнце светило ярко, чистый снег слепил глаза, но четверо упорных шли вперёд. Через несколько часов они достигли перевала, точки, от которой они будут только спускаться вниз, уже по восточному склону горы. Осознание этого будто придало сил, Наар пошёл быстрее, попытался обогнать Алоина, но вместо этого у него получилось провалиться под снег. Из ямы его доставали несколько часов. Кавэд, когда увидел провалившегося под снег друга, закричал, но быстро был осажен напарником Алоина, в прямом смысле заткнувшим рот монаха рукой. Крик мог стать причиной лавины и тогда

бы погибли все. Парень выбрался из ямы с трудом. Всем требовался отдых. Рядом были три больших камня, за ними передохнули минут десять и пошли дальше, вниз. Впереди был каменный козырёк, под которым можно было спрятаться на случай непогоды. Даже если бы грядущая ночь была бы спокойной, не стоит спать в горах на открытых пространствах. Добравшись до этого места, путешественники поели и стали устраиваться на ночлег. Вдруг в тишине послышался вой животного.

– Это волки? – с опаской спросил Наар Алоина.

– Может быть волки. А может, псы Уадура.

– А кто опаснее? – на этот вопрос горец ничего не ответил.

Только через пару минут сказал:

– Показалось, будем спать.– Едва он произнёс эти слова, как вой, а потом лай, мощный, лязгающий собачий лай прозвучал уже ближе. Затем послышался шелест, какой был слышен днём, когда путешественники переставляли снегоступы, закреплённые на ногах. Вот, в лунном свете появились фигуры трёх огромных псов, по размерам действительно лишь немного меньше лошади. Это были каменные псы, камень их тел подчеркивался лунным светом. Огромные псы из чёрного камня. У одного из них в пасти была овца, у двух других – козы. Когда они бросили добычу на снег, то люди увидели огромные собачьи рты, утыканные железными клыками. Наверное, одного укуса такими клыками хватило бы, чтобы убить медведя или оторвать голову вола. Путники сто-

ляли как оцепеневшие, не двигаясь и не говоря ни слова. Было удивительно, что собаки, будучи каменными, не проваливаются под снег. И дыхание их, которое чувствовали люди, когда псы их обнюхивали, было тёплым, но сами каменные тела тварей были покрыты мелкими трещинами от мороза. Один пёс остался у добычи, два других обнюхивали путешественников. Глаза этих созданий светились глубоким синим цветом. Так выглядели каменные псы Уадура, о которых рассказывал хранитель перевала Хуацир.

Глава 8. Синклит

В Галиар, столицу Империи, город тысячи садов и небесной красоты дворцов прискакал гонец из западной Оринтской провинции. Ему выпала тяжёлая ноша, он видел и рассказал Гибору, командующему войсками Империи, Гизлему Младшему о битве, и об истреблении имперского пятого легиона Оринтской провинции при Таирассе, о пленении правителя провинции Великого князя Хаире Старшего. Гибор лично доложил всё императору Владару, который был в то время на ипподроме, наблюдал за гонками колесниц. И тем известие было неприятней, что за пару минут до него, правитель видел, как едва не расшибся его любимый возница, фаворит состязаний Минос из Тиртама.

– Немедленно созывать заседание Верховного Синклита Империи. Сегодня на семь часов вечера. – Это была первая фраза, сказанная секретарю Императором после получения известий о событиях при Таирассе. Через полчаса по ши-

роким и узким, коротким и длинным улицам Галиара верхом, во весь опор неслись курьеры с оповещениями из дворца в дома Членов Верховного Синклита Империи. Грамоты с красной вислой императорской печатью вручались слугам членов Верховного Синклита, а те передавали его самим зераклитам – членам синклита. Кого-то это известие застало в бассейне, кто-то читал, кто-то принимал гостей. Если адресата не было дома, то курьер выяснял, где адресат находился и скакал туда. К назначенному времени из пятидесяти одного члена Верховного Синклита Империи в императорский дворец не приехали лишь трое, двое из них прибыли с опозданием и один явился под конец заседания. Члены Синклита, зераклиты, заняли свои места на каменных скамьях, расположенных амфитеатром. Скамьи шли вдоль северной и южной стены зала Синклита. С южной стороны сидело двадцать шесть членов Синклита, с северной – двадцать пять. С западной стороны был вход, у восточной стены, на возвышении стоял трон императора, с правой стороны от трона каменный стол из белого мрамора с вырезанными в камне змеями, символизировавшими мудрость, и стул для секретаря Синклита, записывавшего его постановления и протоколировавшего ход заседаний. Все эти документы заверял подписью император. Рядом с императором находился также хранитель имперской печати. В отдельных случаях печать могла не ставиться и главным было наличие подписи императора.

Когда все заняли свои места и в зале заседаний Синклита

воцарилась тишина, Император Владар обратился к собравшимся:

– Никогда не просил я Вас собраться вне положенного времени. Даже в случае войн с нашими соседями, что последний раз случались довольно давно, я ждал день или два и в положенное время выступал перед вами, уважаемые зераклиты. Сейчас я не могу себе этого позволить. На Империю напали. Да, это не новость, не было и года, чтобы какая-то из наших границ не подвергалась нападению соседей. Побережье беспокоят пираты, в горных провинциях иногда выступают племена горцев, время от времени мы сталкиваемся с отрядами Союза свободных городов. Несколько раз мы воевали с южными королевствами. Но войны всегда велись либо в приграничных территориях, либо на землях наших недругов. И каждый раз нашим легионам удавалось сдерживать натиск неприятеля, разбить его и защитить Империю. Священную землю нашей страны не топтали вражеские солдаты и копыта вражеских коней. Сегодня мне доложили, что с Запада со стороны откуда более ста лет не дул ветер войны, в пределы Оринтской и Таирасской провинций вторглись племена кочевников и меньше, чем за две недели взяли город Таирасс и его крепость, Великий дом. – После этих слов в зале послышался частый громкий шёпот то ли недоумения, то ли негодования. Владар поднял руку и, восстановив таким образом тишину, продолжил. – Нам не известна причина, по которой каган номадов Хунхар, с которым мы уже восемна-

дцать лет жили в мире и добрососедстве, напал на нас. Казалось, силы легионов наших Западных провинций будет достаточно для отражения атаки. Но это не так. Номадам удалось уничтожить второй легион провинции Таирасса «Карающий», защищавший город и пятый легион Оринтской провинции «Несокрушимый», шедший на помощь осаждённым. Мой наместник, достойнейший Великий Князь Хаире Старший пленен, есть сведения, что он был казнён перед цитаделью Таирасса незадолго до её падения на глазах у своего сына князя Хаире Младшего, командовавшего обороной крепости. Его судьба неизвестна. Но, весьма вероятно, что он тоже погиб. Орды кочевников продвигаются дальше к Оринту. Мне и архистратигам империи кажется, что номады будут обходить Высокие горы с севера и двинутся захватывать внутренние имперские провинции. – Вновь шёпот стал раздаваться под сводами зала заседаний Синклита и вновь император поднятием руки призвал членов Синклита к порядку. – В связи с угрозой, нависшей над Империей, я прошу передать мне власть в провинциях известных, как Провинции народа Империи, то есть те, в которых правят Собрания провинций, избранные местным населением, из числа достойных людей. Так, чтобы я мог назначить туда своих наместников, как это происходит в Императорских провинциях. – И в третий раз в зале стал раздаваться громкий шёпот членов Синклита. Теперь, может быть даже громче, чем в первые два раза. Тщетно Владар поднимал руку, члены Синклита –

представители самых древних и известных, богатых родов Империи продолжали шептаться, всё громче, через несколько минут десятки человек спорили друг с другом, что-то доказывали один другому. Казалось, ещё немного и в зале раздастся крик.

В Империи существовали два типа провинций: Провинции народа Империи и Провинции Императора. Провинции народа Империи управлялись избираемыми Собраниями провинций, членов которых избирали раз в три года из числа наиболее достойных людей провинции. Достойный человек или не достойный определялось на собраниях в храмах. Теоретически, любой человек мог быть избран в Собрание провинции, всего в собрании насчитывалось до семидесяти пяти человек. Они не получали жалованья, кроме случаев, когда избранный в Собрание, для исполнения своих новых обязанностей должен был оставить кормившую его и его семью работу, что бывало крайне редко. Как правило, в Собрание избирали людей из обеспеченных, знатных семей. Нередко бывало, что от отца членство в собрании переходило к сыну, тем паче, если отец был любим народом и народ прислушивался к его мнению. Императорский наместник в таких провинциях выполнял, скорее, роль наблюдателя, чтобы местная знать не забывала чтить законы Империи и помнила об императоре. Как правило, члены провинциального Собрания, один или два человека, представлялись Автократору для членства в Верховном Синкли-

те Империи. Он, формально, мог не утвердить представленных кандидатов, но только формально. На практике отказ несколько раз приводил к восстаниям местной знати против императора. Но ни одно из восстаний успешным не было. Император умирял бунт, иногда карал мятежников, иногда милостиво соглашался утвердить кандидатуру, предложенную ранее, но уже с позиции силы, когда было очевидно, что назначение происходит исключительно по его доброй воле и знать становилась обязанной правителю. Тем не менее, аристократы в Провинциях народа Империи чувствовали себя привилегированной частью государства, более самостоятельной, чем в Провинциях императора, в которых правили наместники главы государства, им назначаемые и им же смещаемые. Такое разделение на два типа провинций шло из древности. Территории, подвергавшиеся нападениям соседних государств, диких племён или просто с беспокойным местным населением отдавались императору, для наведения в них порядка. Территории, не знавшие войн, отдавались населению провинции, что и послужило источником для их названий: Провинции императора и Провинции народа Империи. Отдать императору какую-либо из Провинций народа – было для знати ночным кошмаром, прошибающим до холодного пота. Это значило потерять контроль над деньгами и ресурсами провинции в первую очередь. Справедливости ради необходимо отметить, что во время войн для блага Империи несомненно лучше было сосредоточить всю власть над все-

ми провинциями Империи в руках одного человека, который руководил бы армией и государством, не страшась тяжелого бремени ответственности за судьбы миллионов подданных. Но у знати были свои интересы, которые они до хрипоты обсуждали и отстаивали в Верховном Синклите империи. Сейчас было так же.

– Мы ни в коем случае не можем отдать Его Величеству Провинции народа Империи. Где гарантия, что он их вернёт? – потрясая руками перед собеседником, говорил один из членов Синклита, в роскошной тунике с рукавами, сшитой из парчи, с изображениями животных и звёзд. Дополнял наряд зелёный плащ-мантия, как у всех членов Синклита.

– Нет, мы обязаны это сделать. У нас нет выбора. – Ответил ему сосед по скамье в льняных штанах, мягких кожаных башмаках с золотыми бляхами и шелковой рубаше зелёного цвета с зелёным плащом-мантией, заколотым золотой фибулой в форме буквы «Дум» – первой в слове "Динаш", что на языке глоттар значило "Синклит".

– Во имя Сефера! Разгром одного или двух имперских легионов событие невероятное, но не катастрофа. Пошлём ещё несколько. Мы можем себе это позволить. У нас десятки легионов! – Кричали с соседней скамьи.

– Чего вы собрались ждать? Пока номады будут на улицах Галлиара? В крайнем случае, мы можем отдать только западные провинции народа Империи, те, которые в ближайшее время могут подвергнуться нападению. – кричал четвертый

и к этой идее стали прислушиваться. После недолгой пере-
клички между северной и южной частями Синклита, все за-
молчали, и встал самый пожилой член Синклита Хоргод, из
рода Рагдов, сын Даррага:

– Мы услышали твой голос, государь. Не все среди нас со-
гласны, что над Империей нависла угроза, ранее не видан-
ная. Но многих ты убедил. Мнения наши разделились. После
споров, которым ты был свидетель, мы решили следующее:
отдать твоим наместникам все Провинции народа Империи
мы не считаем необходимым, но те из них, которые находят-
ся на западных территориях Империи Синклит готов отдать
тебе под управление. – Произнеся это, Хоргод поклонился
императору, затем Синклиту и остался стоять, ожидая отве-
та. Владар ответил не сразу. Он смотрел куда-то в даль пе-
ред собой, в какую-то невидимую точку под большими две-
рями в зал Синклита. Он обдумывал решение. Затем прави-
тель посмотрел на Хоргода, обвёл взглядом остальных чле-
нов Синклита и тихо, но с каким-то железом в голосе про-
изнёс:

– Уважаемый зераклит Хоргод из рода Рагдов, уважаемые
члены Синклита. Я принимаю ваше предложение. Надеюсь,
мы сейчас сможем решить, в какие именно Провинции на-
рода Империи на Западе я пошлю своих наместников. Бла-
го, что таких Провинций на западных территориях не много.
Но у меня в таком случае будет к вам ещё одна просьба. –
Тут некоторые члены Синклита начали вертеть головами и

переглядываться: «Неужели ему мало?». – Прошу вас определить ту черту, границу, количество провинций Империи, после захвата которых номадами вы согласитесь дать мне полную власть в государстве для защиты этого государства и вас всех, в числе людей, его населяющих? – среди зераклитов, вновь поднялся шум, вновь последовало непродолжительное, но бурное обсуждение, после которого вновь встал седовласый Хоргод.

– Мы, как я сказал раньше, готовы отдать под твою власть через твоих наместников западные провинции народа Империи Сариатскую и Наппарскую. В иные Провинции народа ты можешь послать своих наместников и, не имея нашего согласия, но мы не можем быть уверены, что они там будут радушно приняты. Хоть это и не исключено. – Фактически это был вызов императору со стороны Синклита, в определённой мере даже угроза гражданской войны, совсем ненужной и в мирное время, а при наличии сильного внешнего врага тем более. И император, с проклятиями, но согласился. В Наппар и Сариат в тот же день были направлены постановления Синклита. Их отправили вместе с представителями этих провинций, которые всегда находились в Галлиаре и иногда их приглашали к Императору или в Верховный Синклит для обсуждения государственных дел, касающихся их провинций. Пергамент, на котором было записано постановление Синклита, с подписью императора и печатью, был освящен тремя прокоэнами, которые засвидетельствовали,

что письмо запечатлело волю Сефера, явленную через людей и увековеченную в письменных знаках. В Сариае и в Наппаре должны были лишь подчиниться. Император первым покинул зал Синклита и отправился в свои покои, где его уже ждали гибор Гизлем Младший и другие военачальники Империи. Они собрались в небольшой комнате с мозаичным полом, где были изображены сцены охоты на кабанов, львов, битвы с жуками бахгу. В ней было много зеркал для усиления света светильников. На столе, посередине комнаты находилась карта Империи и прилегающих к ней земель. Это было небольшое чудо, появившееся, как и многие другие чудеса, благодаря человеческому мастерству и упорному труду. На ней были маленькие горы, реки, леса, озера, пустыни. Всё было небольшим, но очень реалистичным, будто живым, настоящим.

– Зераклиты... – ухмыльнулся император, войдя в комнату. – Они скорее врагу отдадут Провинции народа, чем своему императору. Сначала дождутся, когда их города, поля и имения сожгут номады, а потом будут шептаться, что от государя нет толка и так далее. Синклит – это курятник или овчарня, но никак не собрание государственных мужей.

– Ваше Величество, таково их племя. Степень их недовольства зависит от силы той беды, которую они на себя, и на страну, по попущению Великого Сефера, навели. – Ответил от имени всех Гизлем Младший.

– Сборище ослов и баранов, хотя у многих зераклитов

действительно великие предки. – Владар улыбнулся. – Ладно, хватит о них. Есть ли какие-то новые сведения о продвижении и действиях кочевников? Мы хотя бы знаем, сколько их? Приблизительная численность и сколько ещё могут вторгнуться в Империю? С момента нашего предыдущего совещания прошли пару часов, но, по его итогам, я уже успел провести заседание Верховного Синклита империи. А как вы провели это время? – Владар обвёл взглядом присутствующих.

– Ваше Величество, мы не покидали этой комнаты, разрабатывали план защиты Империи. Парсонтар нам спасти не удастся. Наиболее оптимальный вариант – встретить врага у Тарина. Они не смогут обойти этот город, и нам хватит времени собрать там легионы соседних провинций, Сариатской и Наппарской. То есть восьмой легион Наппара «Сокрушающий» и третий легион Сариата «Бессмертный». В случае если враг замешкается, смогут подойти, успеют подойти ещё три легиона.

– Я тоже обдумывал этот вариант, пока уважаемые зераклиты, члены Верховного Синклита Империи, выясняли, кто из них больший горлопан. Мы можем превратить Тарин в рубеж обороны, который кочевникам не преодолеть, не имея достаточного речного флота. Номады никогда не имели дела с водой. И пускай Нахавэ, река дающая жизнь, станет могилой для наших врагов. Собирайтесь, мы едем в Тарин. – на этом военный Синклит закончился и через несколько часов

император с гиббором и прочими военачальниками уже шли маршем в сторону Тарина. Туда же походными колоннами двигались отряды Императорской армии.

Тарин был древним городом, как и почти все города на реке Нахаве. Если Парсонтар стоял в истоках Нахавэ и иногда назывался Городом-хранителем реки, то Тарин называли Воротами реки, потому что он в прямом смысле был воротами на речные пути Империи. Город стоял на обоих берегах реки, её ширина в этом месте была около полутора километров. Нахавэ была перегорожена огромной толстой стеной, шириной в двенадцать метров и высотой в тридцать. В стене было трое ворот, одни из них главные, стоявшие посередине течения реки. Они всегда были открыты и через них корабли проходили дальше, вниз по течению реки. Их называли "Врата тысячи дорог", потому что речные пути далее вели во все концы государства. Были ещё двое ворот меньшего размера, их называли Правые и Левые врата, относительно Врат тысячи дорог. Их открывали, если в Нахаве увеличилось количество воды, чтобы уменьшить давление реки на стену. Это было особенно важно, так как в этих местах из-за тёплых подземных источников, река никогда не замерзала, даже если зимой случались сильные затяжные холода. Главная стена, с тремя воротами, назывались Северной. Южная стена служила выходом из внутренней, речной части города. Здесь было всего двенадцать врат, двое из которых были основными. Они были шире, чем даже Врата тысячи дорог. На

воде, ближе к берегам, было много деревянных построек на сваях, было даже несколько каменных построек на больших каменных платформах.

Город был богат, он имел право взимать речную пошлину, налог за право дальнейшего следования по реке. Это было уникальное право, которым обладал только Тарин, из всех городов на Нахаве. С суши город тоже был укреплен стенами, а то, что кочевники были плохими моряками, никогда не имевшими дело с водой давало надежду, что в случае осады город можно будет снабжать по реке. Даже появившись у кочевников корабли, никто не будет уверен, что они смогут с ними правильно обращаться. Умей номады плавать, они переправились бы на другой берег Нахавэ и оттуда продолжили бы захват Империи. Это позволило бы им быстрее достичь столицы государства. Но Владар и его советники правильно предположили, что кочевники, привыкшие передвигаться по суше, предпочтут сухопутный путь и отправятся к Тарину, перед этим захватив Оринт и Парсонтар и уничтожив бессчётное количество меньших городов и деревень.

Глава 9. Ялган из Маязима

В пяти километрах от Галлиара, в загородном поместье одного из зераклитов, а именно Ялгана Маязимского, в тот же день когда Верховный Синклит Империи отдал несколько своих провинций Императору, проходил ужин. Ужинали здесь часто. Ялган Маязимский был хлебосольным хозяином, знал толк в еде, винах, музыке. У него часто бывали

богатые купцы, видные аристократы, гости из сопредельных государств. Вот и в этот вечер за одним столом с ним возлежали два богатейших человека Империи, купцы Кемеш с Белого Побережья и Аран из Наппара. Кемеш получил от императора право на ловлю рыбы в Восточном море и со временем, превратил это право в монополию, фактически. Аран контролировал половину добычи золота и серебра, драгоценных камней в Империи. Их состояния были фантастических размеров. Кроме них также присутствовал посол Союза Свободных Городов в императорской столице Галиаре, почтеннейший господин Наилэр. Союз Свободных городов был мощным торговым объединением. Большую часть своего существования города будущего Союза воевали между собой. Так что Союз Свободных городов существовал всего около сотни лет. И даже, когда Союз уже был создан, города иногда воевали друг с другом. В последние годы особенно выделился, возвысился один из них, Антар. В нём находился Совет Союза и, самое главное для любого торгового объединения – союзная казна. Основная часть ужина, прошла и гости теперь угощались вином и фруктами.

– Да, с того момента, как оно завершилось, сегодняшнее заседание Верховного Синклита не идёт у меня из головы. Прошу простить, что затрагиваю столь неприятную тему в столь приятном обществе после столь чудесного ужина. – Ялган отставил в сторону бокал с вином и остановил взгляд на блюде с сыром и орехами.

– Я слышал, император, прикрываясь угрозой о вторжении каких-то кочевников, просил отдать ему все Провинции народа Империи? Многие поверили в то, что номады, более сотни лет, мирно живущие у наших границ, вдруг решили напасть на Империю? – Аран из Наппара взял в левую руку полный бокал вина, а правой, большой палец и мизинец которой были украшены перстнями, положил в рот крупную виноградину.

– Я бы не был так легкомыслен – вступил в разговор Кемеш, не отвлекаясь от чистки мандарина. – Вести с Западных земель, правда, не очень обнадеживают. Из того, что я слышал сегодня, получается, что Оринтская провинция в руках у номадов, они несут разрушение и смерть. Якобы Парсонтар уже в осаде. И, самое главное, не ясна причина нападения. И где они останутся – тоже не ясно. И два наших легиона, как говорят – разбиты, едва не истреблены. Даже комиты убиты. Такого давно не было.

– Мне кажется, что его Величество попробует использовать эту ситуацию себе во благо. В том духе, что сейчас военное время, «я должен нести всё бремя ответственности», и превратит Верховный Синклит в сборище послушных шутов при себе. Одной рукой будет кормить, а другой бить. Во всех провинциях посадит своих наместников, и мы будем полностью от него зависеть. Мы, люди, которые строим и кормим Империю, не будем играть в её жизни никакой роли. – распался Ялган.

– Мне кажется, проблема вами надумана, почтенный зераклит Ялган. Император действительно имеет огромный авторитет, но заслуженно и по государственной мудрости и по упорству, трудолюбию. Я даже нахожу полезным то, что Верховный Синклит столь ему послушен. Будь это другой император, я бы и согласился с Вами, Ялган. Но здесь – нет, извините. – В ответ Ялган молчал. Через минуту, как бы в сторону, будто обращаясь к невидимому собеседнику, сказал: «Может ты и прав». Дальше разговор шел о самых разных вещах, о торговле с Союзом Свободных городов, о новых поместьях, о женщинах и винах, о лошадях и об оружии. Вскоре Кемеш и Аран ушли, сославшись на дела, оставили Наилэра наедине с Ялганом. Напитки и закуски унесли, мужчины просто беседовали, будто ни о чём, как вдруг Наилэр вернулся к теме отношений Верховного Синклита и императора.

– Не знал, что в Синклите бытуют такие настроения и переживания. Выскажу своё скромное мнение, что нынешний император, действительно, фигура масштабная, однако же лично мне милее такая система управления государством, когда аристократы и состоятельная часть общества сами решают, как им жить и ни от кого не зависят. Только, заклинаю Вас, не услышьте ничего предосудительного в моих словах! – грузный Наилэр развёл руками в стороны. Он был немного выше среднего роста, очень полный, с тремя подбородками. Свободная одежда, которую он носил, позволяла ему выглядеть просто большим, а не толстым. В должности посланни-

ка он находился уже пять лет, был вхож в дома многих знатных семейств Империи, принят при дворе. По негласному приказу Владара, за ним было установлено наблюдение, даже более тщательное, чем за послами других государств, находившихся в столице. Такое внимание диктовалось недюжинными усилиями Наилэра, направленными на продвижение интересов Союза свободных городов в Империи. Были сведения, что люди Наилэра прибегали в этих целях к подкупу нужных лиц, угрозам, шантажу. В итоге, ему даже было сделано предупреждение, и почтенный посол был вынужден поубавить свой пыл. Из Империи его не выслали благодаря многочисленным покровителям среди знати, которых Наилэр сумел заполучить в друзья и поощрять их действовать в своих интересах.

– Что Вы! Ничего предосудительного в Ваших словах я не нашел. Мне тоже куда больше нравится государственный строй Союза Свободных городов, когда те, кто содержат государство, решают, как оно должно жить. Но в Империи слишком много рабов, им свобода не нужна. И я не знаю, как это изменить. – Ялган говорил эмоционально, было видно, что он искренне верит в те слова, что выходят из его уст.

– Нужно пытаться, объяснять людям эти важные вещи. В любом деле главное – упорство. – Осторожно, будто боясь оступиться, сказал Наилэр, с улыбкой глядя на Ялгана.

– Ведь пытались! Но кроме крови из этого ничего не получилось. Было несколько войн Синклита с императорами. Од-

нажды это едва не закончилось упразднением Синклита как одного из государственных органов Империи. Совсем нет уверенности, что если вновь поднять Синклит против императора, то не получится новой междоусобной войны внутри Империи, которая окончится ничем или же, учитывая силу нынешнего императора, сокрушительным поражением сторонников Синклит и окончательным его уничтожением. – Ялган Маязимский увлекался всё сильнее, начал жестикулировать руками.

– Может, в прошлом были допущены ошибки, которые теперь следует учесть? Если я верно помню Вашу историю, то противостояние императора и Синклита всегда проходило без присутствия или участия внешних врагов. Теперь Империя столкнулась с кочевниками. Их, похоже, одолеть будет трудно. Что бы там не говорили патриоты вашего Отечества, но впервые за многие годы Империя столкнулась с реальной военной угрозой. Это ясно уже сейчас. Оринтская провинция утрачена, Парсонтар, я слышал, в осаде и положение его ухудшается. Все твердят, что враг несёт смерть и разрушения, войска номадов пока остановить не удаётся. Если армия Империи, которую воспринимают как армию императора не сможет защитить государство, Синклит будет в праве ставить вопрос об отстранении императора от власти из-за его неспособности спасти страну, которую ему вверил Сефер.

– Наилэр, сладко Вы говорите. Но что потом делать с кочевниками, если, превыше всяких ожиданий, удастся уста-

новить власть Верховного Синклита Империи. – Ялган намеренно решил не говорить о свержении императора, ведь, по сути, разговор их был об этом. – Или, если к Владару будет милостив Сефер, и ему удастся разбить номадов? Тогда война лишь укрепит его позиции. А народ этого императора и так любит, без военных побед.

– С любым противником можно договориться и кочевники не исключение. Нужно только хорошо понять, о чём именно с ними договариваться. В крайнем случае, Союз Свободных городов может выступить посредником на переговорах между Империей и кочевниками, когда это понадобится. Лишь бы воцарились мир и справедливость. Если император начнёт побеждать врага, то нужно будет предложить его военачальникам больше, чем им может предложить Владар. А лучше предложить им что-то такое, чего им император в принципе дать не может. Например, земли, в личное неотторжимое наследственное пользование.

– Но это и так есть! Император раздаёт их довольно щедро.

– Надо больше! Тем более, что военную аристократию, преданную императору, будет необходимо нейтрализовать в любом случае. Надеюсь, я не очень смутил Вас своими разговорами? Не подумайте, что я веду речь о заговоре. Это просто мои размышления о возможном дальнейшем развитии Империи, сугубо во благо всех людей, её населяющих.

– Да, благо Империи и её народа всегда будет предметом

первейшей заботы с моей стороны. Уверен, многие посчитают меня безумцем, но я верю в свою правоту. История нас рассудит. Я предлагаю обдумывать то, о чём мы с Вами сейчас говорили и, через некоторое время, встретиться ещё раз. Надеюсь, я могу рассчитывать на Вашу поддержку, господин Наилэр, и в дальнейшем? – теперь Ялган говорил совершенно без эмоций, его лицо выражало максимальную собранность и решительность, а взгляд пронзал собеседника насквозь.

– Безусловно. Вам гарантировано любое содействие с моей стороны. Это честь, помогать столь искреннему человеку в его трудах для процветания Вашей великой страны. – так же серьёзно ответил Наилэр. Первый из них решился совершить переворот, второй согласился ему в этом помогать.

Глава 10. Раэль и Малак

На глазах Хунхара его воины штурмовали Парсонтар. Король чувствовал, как с каждым взятым имперским городом его власть становится сильнее, а вожди тех племён, что некогда дерзали с ним спорить, теперь благоговеют пред ним и заискивают, в надежде услышать, что Великий Хунхар, так он себя теперь называл, согласен взять их под своё покровительство. Каган часто вспоминал тот день, когда он познакомился с Раэлем, тем существом, или человеком, или демоном, который убил князя Хаире младшего после осады Таирасса. Именно эта встреча изменила жизнь короля номадов и всех его подданных.

Был светлый летний день, который Хунхар проводил за своим излюбленным занятием – охотой на львов. Охота была тем приятней, что проходила в местах, где король раньше никогда не бывал. Они поражали его своей красотой, обилием красок, их оттенков, запахов, причудливых теней. Дичи было множество. Король и его придворные гнали льва. Зверь был больше и быстрее, чем те, с которыми Хунхар сталкивался до той охоты. Повелитель кочевников выпустил в него несколько стрел, однако достигла цели только одна. Лев скрылся от преследования в пещере. Туда, за ним, спешившись, отправился король. Пройдя немного вглубь пещеры, он обнаружил там человека, по виду будто отшельника. В руке он держал стрелу Хунхара, ту самую, которой он попал в льва.

– Здравствуй, Хунхар. Подойди ко мне.

Правитель будто лишился воли, ноги сами шагали к незнакомцу. Руки, державшие меч, тоже не слушались. Когда король стал перед незнакомцем, тот положил ему на плечо ладонь своей правой руки.

– Хунхар, ты будешь служить мне, а через меня моему хозяину, Малаку. Ты станешь тем, чего так не хватает этому миру. Ты станешь злом, которое люди желают друг другу. Ты будешь исполнять их желания. Ты орудие, которое позволит войти Малаку в Арэц. Меня зовут Раэль. Теперь я твоё сердце и твой разум.

Хунхар хорошо запомнил эти слова. После них, он почув-

ствовал себя сильнее и смелее, чем раньше. Он, король номадов, о чьей доблести и силе ходили легенды, ощутил в себе небывалую мощь. Даже конь его стал быстрее и выносливее. Часто повелитель кочевников стал слышать голос Раэля, который диктовал ему как себя вести с тем или иным вождём, посланником другого кочевнического племени, какое решение принимать. И всегда голос был прав. Бывало так, что Раэль появлялся в образе человека, но Хунхар быстро понял, что видеть Раэля может только он, король, как и голос этого духа, как бы громко он не звучал, слышен был только Хунхару. Однажды повелитель номадов пытался послушаться голоса, но в ту же ночь к нему в шатёр заползла змея, прямо в постель, свилась на груди проснувшегося властителя клубком и голос Раэля сказал, что не следует так поступать, иначе может очень быстро найтись другой вождь. Претендентов на его место гораздо больше, чем может показаться и смерть куда ближе, чем можно надеяться. Она ждёт. С того момента Хунхар всегда слушал голос. Ещё у него появилась жажда крови. Он начал делить людей на тех, чья жизнь чего-то стоит – это воины, кочевники, и на тех, чья жизнь не стоит ничего – это земледельцы, горожане, учёные, монахи. Но хуже всех – торгоши. Кочевники тоже торговали, но совсем мало.

Номады собрались в одну большую Орду и отправились на Восток, к землям Империи. Рядовые кочевники, видя своего короля, подражая ему, тоже изменились. Они стали жестче и кровожаднее. Убивали с удовольствием, соревновались в

убийствах, пили человеческую кровь и ели внутренности поверженных врагов. Хунхар решил превратить всю известную ему землю, где жили, и где не жили люди, в своё царство. Сейчас, он наблюдал штурм Парсонтара и говорил с Раэлем.

– Раэль, скажи, что ты ищешь в каждом взятом городе? Я вижу, ты ищешь, но не говоришь мне что. Ты не объяснил, что тебе нужно было от князя Хайре. – Каган не видел рядом своего собеседника, но точно знал, что тот присутствует. Так было всегда, не важно где король находился, в своём шатре или скакал галопом по степи. Лишь когда это было необходимо самому духу, он мог становиться видимым и для других, как это было во время кончины младшего князя Хаире.

– Я ищу одну рукопись. Вернее, одну из двух.

– Именно поэтому ты требуешь приводить к тебе всех жрецов, библиотекарей, писцов, всех, как их называют в Империи, каттавов. Но ты их всех потом убиваешь. Они бесполезны?

– Да, они бесполезны. Вернее, они даже вредны. Ты оружие, через которое создаётся новый мир. А каттавы держатся за старый мир, ветхий. И даже среди них – не все. Они просто делают то, чему их научили, но они не осознают, к чему причастны. Когда-то все люди были причастны к великому, действительно великому и важному знанию, но теперь, к моему счастью и удовольствию, люди не верят в подлинность этого знания и даже не принимают его за сказку. Некоторые, конечно, считают его действенным, но в боль-

шинстве – нет. Для них это рассказы, над которыми можно посмеяться. Даже для хранителей этого знания – каттавов. Люди поклоняются Сеферу и смеются над тем, что им читают священники. У людей есть тексты, в этих текстах тайны жизни, но они не видят этих тайн. Они выбирают минутные наслаждения, вместо вечности. Кстати, вы, номады, называете Сефера Тернги, так?

– Да, наш главный бог – Тернги, но это не Сефер. Сефер – писец, а мы презираем писцов за их мнимую мудрость. Тернги не такой. Тернги воин. Он создал всё, что нас окружает, ударив в пустоту своим хлыстом. Он творец всего.

– Пускай так. Не важно, как ты его называешь, куда важнее, исполняешь ли ты то, к чему он призывает? – Хунхар не стал отвечать, сделав вид, будто не понял, что ему задан вопрос. Раэля, конечно, обмануть было нельзя. Но эта слабость кагана, невозможность признать то, что правила веры, заветы Тернги он исполнял далеко не всегда, а теперь, после встречи с Раэлем, вовсе о них забыл, эта слабость была приятна злему духу. Он даже не стал обличать лжеца, в которого вдруг превратился могущественный повелитель номадов. Дух продолжил. – Ничего, это свойственно людям, забывать заветы. Для удобства я буду называть Сефера или Тернги просто Творцом Арэца. Для твоего, Хунхар, удобства. Создатель сотворил мир без болезней и всякого зла. То был мир без страданий. Но люди, кто их может понять, начали желать друг другу зла. Я не могу сказать тебе, откуда они

взяли это само понятие – «зло», но так случилось. Желали болезней и горя. И один из учеников Создателя, а четверых учеников Он создал ещё перед тем, как сотворить сам Арэц, но уже после великого лова и победы над змеем Арактом, чтобы передать ученикам часть своего знания, один из этих четверых, Малак, начал, в той пещере, где ты меня встретил, описывать те беды, которые люди хотели видеть друг у друга. Пока они не были описаны, они и не существовали. Малак дал людям то, что они сами хотели, он сделал для них доброе дело. Люди часто радуются, когда узнают, что у других людей беда, понимаешь? В мире начали появляться монстры, уродства, болезни. Писал Малак на стенах пещеры, больше было негде. Творец следил, чтобы в свитках и кодексах ученики не записывали ничего дурного, того, что могло навредить людям, пускай даже одни люди этого желали другим и страдали, потому что ничего плохого с их врагами или обидчиками не происходило.

– Постой, так Творец, всё же – писец? – Хунхар слушал с напряжением, ему было трудно представить, что Тернги мог быть писцом, сочинителем текстов.

– Да, но всё это происходило так давно, что если ты будешь верить в Тернги-воина, а не в Тернги-писца, то для тебя и твоего народа ничего не поменяется. Малак писал на стенах пещеры, потому что церы, восковые дощечки, и куски пергамента, на которых писали ученики, Сефер проверял, как учитель проверяет работу учеников. Малак же не хотел,

чтобы Создатель знал, что один из его учеников пишет то, что люди сами хотят. Сефер отказывает людям в том, что они просят часто потому, что, то, что люди просят, может им навредить. Очень странное отношение к людям. Малак не такой. На самом деле, именно он любит людей. Записанные на стенах пещеры слова накапливали человеческую злость. Со временем, такой энергии, силы злости стало достаточно, чтобы те твари, которых Малак только описывал, придумывали же их сами люди, те твари рождались в пещере и шли в мир, несли ему то, чего люди желали. Твари завоёвывали мир, уничтожали добро, радость, смех. Из недр пещеры выходили такие чудовища и монстры, от одного вида которых у слабых людей рвалось сердце, иные просто сходили с ума. Однако, меня лично всегда заставляло улыбаться то, что все эти монстры самим людьми и были выдуманы. Эти чудовища стали выходить из пещеры день и ночь, постоянно. Тогда же появился я и стал верным слугой Малака. В то время люди вспомнили о Творце, о Том, Кого они знали и раньше, но к кому не обращались. Люди пытались защищаться, создавали армии, но они были всякий раз биты, когда встречались с воинами Малака. Он хотел, поработить Арэц и выступить против Создателя и его учеников, чтобы сделать мир таким, каким он сам хочет быть: злым, жестоким, без малейшего луча света. И знаешь что произошло? Люди вдруг начали каяться! Им несказанно повезло, что Создатель наивен до того, что верит, будто человек может исправиться. Ведь

Сефер любит своё творение. Некоторые же из людей, наоборот, начинали служить моему хозяину, становились его солдатами. Творец оказал людям великую милость, он дал силу некоторым из них противостоять Малаку и его тёмному воинству. Семь праведных писцов собрались вместе и начали в священных рукописях описывать зло, которое Малак выпустил в мир. По мере того, как движения их каламов порождали буквы, записывали слова, твари попадали в текст, листы тетрадей, как в темницу.

– Постой, – прервал Хунхар рассказ Раэля. – То есть твари рождены были этими буквами, но буквы их же и сгубили?

– Да. – коротко ответил дух.

– Как же так получается? – недоумевал номад.

– Всё зависит от того, с какой целью автор или писец создаёт текст. Ведь можно написать текст с целью, чтобы люди следовали тому, что в нём написано, а можно написать текст, с тем, чтобы люди не делали то, что в нём написано или описано. Написанное слово может быть колыбелью, но может стать и могилой. Тетради, в которых писали, семь праведных писцов сшили в одну рукопись, она получила название «Рукопись Небытия», потому что записанное в ней не должно существовать. Праведники оставили в мире немного зла, но лишь для того, чтобы люди, видя его, помнили о любви и добре. Ведь что такое любовь известно потому, что известна ненависть. Они посчитали, что нельзя понять вкус сладкого, если не ел горького. Наивные праведники... Люди

умножили то малое зло, что было оставлено после изгнания Малака из Арэца. Когда была составлена рукопись Малака, один из семи праведных писцов спрятал её где-то на просторах вашего мира, он не стал говорить где именно своим сподвижникам. Он написал Книгу пути, или рукопись пути, и в ней описал, рассказал, как найти рукопись Малака. Дело в том, что если зла в мире вновь станет много, слишком много, то твари и их хозяин, мой хозяин, освободятся. Листы книги станут чистыми. Однако, не обязательно ждать, когда люди вновь обернутся ко злу, а они к нему придут, человек всегда с большей охотой смотрит в сторону греха, чем доброго дела. Если поместить рукопись Малака в ту пещеру, где ты меня нашел, то сила, удерживающая тварей в рукописи, исчезнет. Они обретут свободу. Поэтому семь праведных писцов избрали из своего числа троих хранителей Рукописи Небытия. Их всегда было трое, это число неизменяемо. Один раз в полгода один из хранителей проверяет её, на месте ли она, не пропал ли текст. на тот случай, если по каким-то причинам все хранители погибнут и не успеют указать преемнику место, где лежит рукопись Небытия, была специально написана Рукопись пути. Но эту Рукопись может прочесть только Чтец, единственный человек, которому дано сделать это. Арэц должен родить чтеца, если это понадобится. Чтец сам не знает, кто он такой, но прочитать текст может только он. И манускрипт сам решает, когда ему открыться. И нам нужно найти этого чтеца. Рукопись, скорее всего, с ним. Но, ес-

ли горя и зла в мире будет достаточно, то нам не понадобится Рукопись Малака. Хозяин и его воинство без неё смогут войти в Арэц, как это уже было тысячи лет назад.

– А ты, почему ты явился тогда в пещере? Как ты сбежал?

– Зло сплело ту верёвку, по которой я поднялся на верх из заточения. Люди сплели. Я вырвался из плена, когда у вдовы с восемью детьми ростовщики за долги отобрали полуразвалившийся дом, сухую корову, которая не давала молока и сдохла по дороге на рынок, где ростовщики хотели получить за неё хоть какие-то деньги и клочок земли, с которого она кое-как кормилась сама и кормила детей. Дети ей помогали, как могли, самому старшему ребёнку было девять лет, девочке. Они собирали какие-то объедки, работали на чужих людей. У них была тяжёлая жизнь. Бедная женщина умоляла оставить хоть что-то, жаловалась, что ей некуда идти. Но солдаты, что отнимали имущество, были неумолимы. Хотя они делали свою работу, у них же тоже семьи. Всё согласно закону. Согласно закону должна быть поправа справедливость. Женщина заплакала. Ростовщик мог ждать ещё несколько лет, ему просто скорее хотелось забрать то небольшое, что было можно забрать у этой нищенки и заняться более важными делами. Слезы этой несчастной упали на землю, затем заплакали её дети, их слёзы упали на землю и тогда пришёл я. Зла стало достаточно для меня одного. Я покарал ростовщика. Он сгнил изнутри живьём. Вдова, обиженная им, желала обидчику такой судьбы. Правда, родственни-

ки ростовщика решили, что несчастная вдова – ведьма, наславшая болезнь на обидчика и убили её, так что теперь дети остались сиротами. Но они тоже желают зла своим недругам. Я помогу им, когда смогу. Обязательно помогу. Я пришёл, чтобы подготовить приход хозяина, Малака. Для этого мне нужно найти чтеца, рукопись Пути и рукопись Небытия. – пока Раэль вёл свой рассказ, отряды номадов продолжали штурмовать Парсонтар. Без успеха. Хунхар молчал, глядя на штурм крепости.

– А что будет со мной после прихода Малака? Что будет с моими племенами?

– Я думал, ты догадался. Ни хозяину, ни мне не захочется постоянно находиться в вашем мире. Ты и твои воины и далее будете служить Малаку. Вы от его имени будете править этим миром. После победы количество тварей будет уменьшено, иначе они просто уничтожат Арэц, превратят его в пустыню, которая даже для твоих всадников не сможет стать домом. Зло питает нас и Арэц станет источником этого зла. Оно сделает моего хозяина сильнее Творца, он сможет одолеть его и отомстить за давнее унижение. – То есть, я непобедим?

– Нет, тебя ещё можно победить, но от тебя зависит, станешь ли ты единственным и могущественнейшим правителем человеческого рода в Арэце.

– Стану. – Каган увидел, как с одной из башен цитадели Парсонтара было сброшено городское знамя, ещё через па-

ру минут зная было сброшено со следующей башни, потом ещё с одной... Уличные бои продолжались до глубокой ночи. Защитники Дарующего реку города стяжали себе славу храбрецов, но город удержать так и не смогли.

Вечером, находясь в резиденции наместника Парсонтара, Хунхар спросил Раэля:

– А если ты не найдёшь рукописи?

– Тогда тебе придётся причинять больше боли, зла, страданий. В любом случае, хозяин придёт в этот мир.

– То есть, большой необходимости в Рукописи Небытия нет, и в Рукописи Пути? Мы и без неё можем помочь твоему господину прийти в этот мир?

– Ты прав только наполовину. Да, даже без рукописи Небытия он сможет прийти в мир, ты позаботишься об этом. Но, в любом случае рукопись Небытия нужно найти. Несколько тысяч лет она содержала в себе всё зло, которое люди желали друг другу. За это время она сама стала инструментом творения. Если в ней будет писать мой хозяин – он умножит свою силу. И так же, если в ней будет писать тот, кто решит остановить хозяина и вернуть его в заточение. Тогда хозяину может быть причинён большой вред. Сильнее рукописи Небытия только рукопись Творения, тот кодекс, в котором писал Сефер, создавая мир. Владеющий ею – владеет миром. Она тоже хранится на земле, она суть часть Арэца. Но, где она находится – не знает никто. Хозяин говорил, что Сефер Сам, если посчитает нужным, откроет, где она нахо-

дится достойному. Но случится это, только если возникнет необходимость.

– А если хранитель или чтец уничтожат рукопись?

– Это невозможно. Она не горит, не тонет, её нельзя разорвать. И с текстом ничего сделать нельзя. Ни соскоблить, ни скрыть под слоем краски или чернил. Мне не известен способ, которым можно было бы уничтожить рукописи Малака и Пути. О рукописи Творения не знаю, но, думаю, история такая же.

– Если бы всё это рассказывал мне не ты, Раэль, и если бы я не знал, какой силой ты обладаешь, то я бы посчитал рассказчика за сумасшедшего и приказал повесить за трату моего времени. Но почему в Арэце так много разных историй о создании мира, борьбе богов, историй о демонах, злых и добрых духах?

– Хунхар, то, о чём я тебе рассказывал, происходило тысячи лет назад. Люди забыли об этом. Лишь малая часть преданий о тех днях дошла до нашего времени в том виде, в каком их рассказывали тогда. Люди склонны придумывать, дополнять, менять детали. В итоге получаются новые законы, традиции, истории. Таков ваш людской род. Но во многих из них есть изначальное зерно, эхо тех далёких событий. От чего-то вы редко видите прекрасное в реальных историях и любите выдумывать. Хотя нет ничего красивее, чем подлинные истории из жизни людей. – На это Хунхар ничего не ответил и сменил тему разговора. Ему надоел разговаривать о

богах и о прошлом.

– Дальше войска двинутся к городу Тарину. Там мы пробудем три дня. Что твои вороны и пауки? Нашли следы рукописей или тех, кто о них что-то может знать?

– Нет, пока не нашли. Но ищут.

Глава 11. Пир

Каменные псы Уадура продолжали смотреть на путников, и было совсем неясно, чем закончится это знакомство. Вдруг один из псов, обнюхивавший Наара, что-то учуял в его сумке. Там были письменные принадлежности и рукопись, ещё немного еды, которую дал путникам Хациар, лепешки с луком. Когда Наар осторожно достал одну лепешку и кинул на снег перед псом, собака не успокоилась, лишь ещё больше рассердилась. Тот пёс, что остался поодаль, протяжно завыл три раза. Два других пса начали ходить вокруг четверых путешественников и рычать, оскалив зубы. Было похоже, что от Кавэда они почуяли тот же запах, что и от Наара. На вой прибежали ещё четыре каменных пса, так что их теперь стало семь. Они стали лаять, рычать ещё сильнее, чем раньше, выгонять путников из их укрытия. Взяли их за одежду в районе воротника, как сука переносит щенков, тут каждый ощутил жаркое дыхание каменных, казавшихся бездушными и абсолютно холодными, псов. Схватив таким образом пленников, псы Уадура что есть мочи понеслись к своему хозяину, перепрыгивая обрывы, пробегая огромные заснеженные поля. Почти сразу, с начала такого путешествия Наар, Кавэд

и Алоин с его другом, переместились на спины несших их монстров. Псы несли их такими тропами, по которым человек не только не смог бы идти, но никому не пришло бы в голову даже размышлять о том, что бы пройти там. Из-за темноты, снега, ветра, ни один из четверых не смог бы указать пути, по которому они бежали. Долог был их путь или короткий, они тоже не сказали бы. Ведь когда происходит что-то неприятное, страшное, время растягивается, и минуты могут длиться часами. Когда бег прекратился, путешественники увидели вход в пещеру, которую охраняли два витязя, в кольчугах, шлемах, со щитами, мечами, в металлических поножах и кожаной обуви. Воины эти были на половину выше обычного человека. Псы вошли в пещеру. Тут до пленников начали доноситься смех, музыка, обрывки чьих-то разговоров, звон кубков. Когда псы втащили Наара и его спутников в зал, пленники увидели пирующих людей. Это был пир Уадура. Пирующие располагались в огромном зале с камином, в котором могли гореть целые стволы деревьев. На вертелах жарились туши быков, коров, кабанов, овец. Огромные столы ломились от блюд с самой разной едой: сыров, хлебов, овощей, фруктов. Были сладости: печенья, конфеты, орехи, мёд. Бочки с вином и пивом стояли сразу в нескольких местах большого зала. Возле каждой лежал черпак и несколько человек тех, кто пить больше не мог, но сойти с места тоже не находил в себе сил. Музыканты играли мелодии одну за другой, поражая всех мастерством исполнения и красотой му-

зыка. Среди пирующих не было ни одного человека с грустным или озабоченным лицом, везде лишь смех и радость. Каждая из женщин ослепляла красотой, а мужчины олицетворяли благородство. Мужчины были одеты в красные кафтаны без ворота, черные штаны с поясом и сапоги. На поясах крепился длинный кинжал или короткий меч. Женщины носили белые рубахи, кафтаны, похожие на мужские, только с полами до земли и длинными рукавами, с прорезями для рук. Женские платья были расшиты золотом и серебром с изображениями рысей, орлов, барсов, каменных псов, ястребов, виноградных лоз, плодов гранатового дерева. Так пировал Уадур, князь горцев и хозяин каменных псов. Сам Уадур был коротковолос, сед, среднего роста, с небольшим носом, достаточно глубоко посаженными глазами, немного полноват, с пухлыми пальцами на руках. Но, вопреки такому, довольно не мужественному виду, он внушал уважение, в нём чувствовались сила и уверенность. Когда Наар и его спутники появились в зале, Уадур жестом приказал музыкантам прекратить играть. В зале воцарилась тишина.

– Странную добычу сегодня принесли мои слуги. – сказал князь и погладил одного из псов по холке, как если бы это был не каменный монстр, а обычное домашнее животное. – Даже не знаю, по какой причине, они вдруг решили, что этих людей нужно тащить в мой дом. – Хозяин пира явно сам был немного удивлён таким гостям.

– Князь, это великая честь для нас, быть на твоём пиру. –

Произнёс Алоин, глядя в пол. – Какую бы участь ты нам не уготовал.

– Да, верно говоришь. Побывать на моём пиру – счастье. По поводу участи – я ещё не решил, что с вами делать. Вы двое – князь показал на Алоина и его напарника – дети моего народа, это видно. А эти двое – чужаки.

Наар понял, что говорят о них и решил заговорить первым. Языка горцев он не знал, поэтому заговорил на глоттаре, в надежде, что Алоин переведёт.

– Да, мы писцы, каттавы, жрецы Сефера. – начал Наар, но Уадур его оборвал, ответив на глоттаре.

– Тогда понятно, почему вы здесь оказались. Обычно, когда они слышали запах чернил или рукописи, то рвут человека или рукопись на куски. Это делалось для защиты моего народа и наших традиций. Слишком настойчиво вы пытались привить нам любовь к тому, что нам чуждо. Но всё это было очень давно. Теперь, вместо того, чтобы быть разорванными на части, вы здесь. Скажите мне, слуги Сефера, вы вновь пришли учить нас письму? И не удивляйся, что я говорю с тобой на твоём родном языке. Я знаю язык Империи. Я знаю много языков.

Наар был удивлён и рад. Так общаться будет гораздо проще.

– Нет, мы более не распространяем силой Священное знание. Кто желает, сам придёт к источнику жизни. Если силой заставлять человека есть даже самую вкусную, изысканную

еду, она не доставит удовольствия. Среди ваших гостей ведь нет тех, кого вы заставляете веселиться?

Уадур только улыбнулся.

– Что у тебя в сумке?

Наар достал письменный набор и рукопись. Сумку протянул князю, а рукопись прижал к себе.

– Дай мне рукопись – теперь Уадур протянул руку к юноше. Пока хозяин пира общался с пленниками, никто из пировавших не проронил ни слова, никто не остался стоять возле столов, даже кубки с вином и тарелки с едой были отставлены в сторону. Все столпились вокруг пленников и князя. Наар с опаской протянул рукопись. Князь её принял и стал листать.

– И вот такие у вас святыни? – он посмотрел на Кавэда и Наара. – Смотрите, что с нею сейчас будет. – после этих слов Уадур швырнул рукопись прямо в огонь камина. От удара о поленья, горевшие в камине, рукопись открылась. Наар кинулся за ней, но его тут же схватили двое мужчин, стоявшие рядом. Юноша пытался вырваться, но его держали крепко. Пальцы горцев сковали его не хуже стальных оков. Рукопись не горела. С ней совсем ничего не происходило. Точно также она могла лежать на столе или в сумке у Наара. Он сам и Кавэд, не сразу поверили своим глазам. Оба помнили, как строго в любом скриптории или древлехранилище наказывали за неосторожное обращение с огнём. Огонь туда вносили лишь в исключительных случаях и с величайшей предосторожно-

стью. Ни Наар, ни Кавэд не видели, как стораёт рукопись, хотя и слышали рассказы о целых библиотеках, которые были уничтожены пламенем. Все смотрели то на рукопись, то на Уадура, ждали его реакции. Если он решит, что это доброе чудо, то о судьбе пленников можно будет не переживать. Однако же, если горец решит, что так свою силу проявляют злые духи, то, вероятнее всего, что дорога Наара и его спутников закончится прямо на этом пиру, вероятно, в этом же зале и в этом же камине. Но князь молчал, только глядел на рукопись, которую облизали языки пламени.

– Как тебя зовут? – обратился князь к юному каттаву.

– Наар.

– Наар, пойдй, достань рукопись. Мне интересно, пощадит ли тебя огонь.

Мёртвая хватка державших юношу охранников ослабла. Он не волновался, был спокоен, даже начал торжествовать, считая, что горцы посрамлены этим чудом, негорящей рукописью. Быстрым шагом юноша подошел к камину, вступил в него, нагнулся и протянул руку к лежавшей впереди рукописи. Ни он сам, ни даже одежда не обгорели и не изменили своего вида. Ему казалось, что тёплый воздух приятно дует ему в лицо, но не больше. Взяв рукопись, юноша вышел из камина, отряхнул ноги от пепла, и молча положил рукопись в сумку.

– Да, признаюсь, впервые вижу, чтобы ваши книги не горели. Обычно они пылают, как факел. – стало понятно, что

на счету Уадура не одна сожженная рукопись. – Да и то, что писцы не горят, тоже впервые вижу. – закончил князь под общий смех гостей в зале. Кавэд с Нааром переглянулись. Их действительно могли сжечь.

– Писец, может ты колдовству обучен? Может, удивишь нас тогда своим умением? Что же тебя пламя не берёт?

– Прости князь, но колдовству я не обучен. Меня всегда наставляли держаться подальше от таких забав. И сам я удивлён, что рукопись не сгорела. И я должен был сгореть. – Юноша подумал и добавил – Видимо, не сейчас я должен умереть.

Уадур опять улыбнулся.

– Я сделаю для Вас исключение. Будьте гостями на моём пиру. Раз тебя пощадило пламя, неужели я тебя не пощажу? Подайте им кубки! – в одно мгновение пленники превратились в едва не самых важных гостей на пиру. Их усадили за стол. Перед ними оказались тарелки с ломтями баранины и телятины, только срезанными с огромных туш, жарившихся на вертелах в камине, тут же рядом положили два ломтя свежего белого хлеба, ещё тёплого. Несколько пучков зелени, нарезанные овощи, и пару ломтей сыра не оставили на большой тарелке свободного места. Тут же к новым гостям придвинули большие блюда и начали уговаривать попробовать ещё свинину в меду или ягнятину в винном маринаде. В начале, путешественники даже испугались такого количества внимания, но очень быстро стеснение ушло и на сме-

ну ему пришёл голод, ощущение сильного голода, который вдруг появился на фоне фантастических запахов свежей еды, суливших изумительную трапезу. Однако в тот вечер никто из четверых друзей не упился вином или едой. Писцы, хоть и расслабились, но были внимательны и следили за происходящим вокруг. Для Алоина же и его друга присутствовать на этом пиру было невероятной честью и напиться на нём означало бы такое же бесчестье.

– Ты понял, что произошло? Почему рукопись не горела? Она же должна была. – Наар хотел быстрее узнать мнение Кавэда. Ему казалось, что монах более начитан в легендах и древних сказаниях. Да и просто он был единственным человеком, с которым можно было обсудить этот вопрос.

– Не сейчас. Поговорим потом. – Кавэд обвёл взглядом зал, стремясь показать, что это совсем неподходящее место для такого разговора.

Как часто бывает, когда писцы почувствовали сытость, им захотелось спать. Алоин с приятелем же, напротив, были бодры и не думали покидать пир. Уадур распорядился расположить всех гостей в одной комнате, чтобы те, не беспокоились друг о друге. Комната была большой, с камином и четырьмя кроватями. Посреди комнаты стоял квадратный стол и четыре стула. Слуги, что привели Наара и Кавэда в комнату, принесли кувшины с вином, молоком и водой, блюда с закусками на случай, если гости захотят подкрепиться. Хотя казалось, что после такого обильного застолья они могут не

есть неделю.

– Так что это было? – сказал Наар, как только последний слуга закрыл за собой деревянную дверь в комнату.

– Похоже, желание спать тебя совсем покинуло. – Кавэд тёр глаза и улыбался.

– Почему я не сгорел? – задал новый вопрос Наар.

– Хорошо, давай присядем за стол. Я тоже сегодня впервые видел, чтобы рукопись была в огне, и чтобы человек был в огне. Сперва скажи мне, что ты думаешь о случившемся?

– Ничего не думаю. Никак объяснить не могу.

– Слушай, в одной из наших бесед ты сказал, что твоим учителем был сам Захарта. Мудрый старец. Розир не единожды рассказывал нам о нём. Неужели у тебя никаких идей нет?

– При чём здесь это? – Наар был недоволен, ему казалось, что его собеседник уходит от темы разговора.

– Я удивлён. Неужели ученик Захарты, великого хартофилакса Таирасса не сможет мне ничего рассказать о рукописях, что не горят? – монах смотрел на собеседника с укоризной. Это задело молодого каттава.

– Не пытайся меня пристыдить. Для меня рукопись всегда была очень хрупкой вещью, которую нужно защищать от огня, воды, сильного ветра в первую очередь. О людях я скажу тоже самое.

– То есть такие легенды тебе не знакомы?

– Знакомы, но это же легенды! Я тебя по делу спрашиваю,

а ты мне о легендах рассказывать начинаешь. Давай поговорим о легендах. Захарта нам сотни легенд рассказывал, сотни древних историй мы переписывали. Но, – тут юноша полез в сумку, достал рукопись и положил перед собой. – этот манускрипт он раньше мне никогда не показывал. – начал переворачивать её листы. – Когда появилась угроза уничтожения города, учитель дал мне именно её. Чтобы я отнес её к Белому побережью. Вернее, чтобы я шел с ней к Белому побережью. – Наар продолжал листать рукопись, иногда останавливаясь на каком-то листе с миниатюрой или текстом, который его почему-то заинтересовал. Монах, сидевший напротив, был в затруднительном положении. Кавэду была известна легенда о Рукописи пути, он был почти уверен, что перед ним сидит чтец, который один может её прочесть. Конечно, он не до конца сам в неё верил, но увиденное во время пира заставляло многое переосмыслить. Возможно, в древних легендах было куда меньше легендарного, чем ему раньше казалось. Кавэда настораживало, что Захарта, который дал юноше рукопись, но ничего больше не сказал. Хоть что-то он должен был ему рассказывать, пускай и не сказал Наару прямо, что тот – чтец. Это очень известная легенда. Вообще, вдруг, Наар не чтец и нет вовсе никакого чтеца и никакой Рукописи пути? Тогда зачем ему рассказывать об этих вещах? С другой стороны, Кавэд впервые видел, как Рукопись не горела, а это один из признаков трёх рукописей: Рукописи пути, Рукописи Небытия, Рукописи Мироздания. Монах

встал из-за стола, взял у юного каттава манускрипт и положил его в камин, который горел в их комнате.

– Ты чего?! – Наар вновь бросился в огонь, но Кавэд схватил его и держал некоторое время. Рукопись вновь не загоралась. Он отпустил парня и тот во второй раз за день достал рукопись из огня и сам остался невредим. Но Наар буквально взбесился:

– Да ты знаешь, что за этот поступок тебя нужно лишить монашества, священства, отрубить большой и указательный пальцы на обеих руках, чтобы перо никогда не задержалось в твоих руках и отправить в соляные шахты таскать мешки до скорой смерти! – юноша никак не ожидал такого поступка от своего друга. – Это всё было бы ещё милосердием по отношению к тебе. А то и повесить бы тебя, как последнего вора.

Кавэд же был невозмутим. Он просто убедился, что рукопись действительно не горит. Сам поднёс руку к огню и тут же одёрнул её назад, чтобы не обжечься.

– Наар, что ты знаешь о рукописи Пути?

– То же, что и ты. Пересказывать не вижу смысла. Ты считаешь, это она?

– По крайней мере, это возможно. Рукопись ведь написана каким-то неизвестным мне письмом.

– То есть, ты хочешь сказать, что я могу быть чтецом?

– Да, я думаю, что это возможно. Я не знаю, стоило тебе говорить об этом или нет. Но теперь что уж.

Юный каттав ничего не ответил. Только спустя несколько

секунд произнёс, будто в пустоту, а не к собеседнику:

– Жаль, что наставника нет рядом. И неизвестно, что стало с Таирассом. Жив ли Захарта вообще?

– Выясним, когда доберемся до Саирата. Думаю, если он не говорил тебе ничего о твоём предназначении, а чтец – это предназначение, то у него были на то причины.

– На самом деле, есть только один способ проверить, чтец я или нет. – юноша сел за стол, раскрыл перед собой рукопись и начал читать, тихо проговаривая текст. Между незнакомыми знаками попадались символы письма зарамкарев, но ими были записаны обычные тексты: молитвы, хроники, легенды. Кавэд налил себе вина и сел напротив. Минут через пятнадцать Наар отодвинул рукопись.

– Ничего не вижу особенного. Обычные каждодневные молитвы. И миниатюры обычные и орнамент в рукописи обычный. Всё обычное. Даже пергамент не самый лучший. Кое-где волнами пошёл, а на седьмом листе вовсе дыра. Это самая обычная рукопись. – Наар развёл руками.

– Дай её сюда. – текст начал читать Кавэд. Затем пролистал всю рукопись. Действительно, просто сборник молитв на каждый день с выписками из хроник и избранными легендами.. Качество изготовления – среднее. – Не знаю тогда, что здесь может быть. Честно скажу тебе, я устал от наших споров, от съеденного и от выпитого. Я иду спать, того же и тебе советую. – Кавэд, уже устало двигая ногами, дошёл к своей постели и лёг. Наар тоже вдруг почувствовал, как на

плечи навалилась усталость, а веки стали тяжёлыми. Сумку с рукописью он положил себе под подушку. Когда лёг, долго не мог уснуть, вспоминал свой разговор с Кавэдом, а потом – разговоры с Захартой. Усталость всё же взяла своё. Уже сквозь сон он услышал, как в комнату завели Алоина и его товарища, счастливых, но тоже очень уставших, однако не пьяных. Словом, все четыре путешественника остались довольны приёмом, который им оказал Уадур, князь горцев и хозяин каменных псов.

Проснувшись утром, Наар увидел троих своих товарищей, завтракавших за столом. Горцы пили воду, а монах молоко.

– Ну наконец. Мы уже не надеялись дожидаться, когда ты проснёшься, старина. Садись к столу. – Алоин отодвинул стул, приглашая Наара присесть. Но тот к столу не пошёл, сел на кровати, окинул комнату взглядом.

– Доброго утра. Или доброго дня. Чего там сейчас? – он умылся из глиняного кувшина, над небольшим деревянным корытцем, что стояло на столе у стены. Вытер лицо и руки белым полотенцем, лежавшим тут же, только после этого сел за стол.

– Долго вы ещё вчера гуляли? – обратился он к горцам.

– Да, долго. – те явно были довольны, что их самих об этом спросили и им не пришлось об этом рассказывать, будто бы им хотелось этим похвастаться. Хотя, на самом деле, им без сомнения хотелось этим похвастаться.

– Получается, Хациар, смотритель перевала, да умножит Сефер его лета, не лгал? Уадур действительно существует. Часто его видят? – Наар налил себе в глиняный стакан тёплого молока и начал завтракать, закусывая молоко хлебом.

– Честно говоря, ни я, ни Догой – таково было имя напарника Алоина. – никто другой никогда князя не видел. Только рассказы в древних преданиях. Мы первые, кому выпала такая честь. Боюсь только, нам никто не поверит. Наар, мы попали на пир благодаря тебе. Тому чуду, что ты писец и не сгорел в камине. Иначе, отправились бы за тобой и мы. Вчера в зале ещё долго об этом говорили.

Горцы начали выяснять, что за тайну скрывает Наар, что над ним не властен огонь. Конечно, Алоин и Догой не верили, что жрецы Сефера сами не знают, в чём дело и решили, что эта тайна столь велика, что её нельзя доверять иноверцам. Тем более не верили, что каттавы сами видели такое впервые. В итоге, видя, что расспросы не приведут ни к чему, мужчины принялись вспоминать пир.

– Стыдно признаться, но до вчерашнего вечера я сам считал Уадура не больше, чем героем легенд, которые старики обычно рассказывают детям зимой у домашнего очага. – признался Алоин.

– Но он же не человек? Или человек? У кого мы в гостях, вы знаете? – Кавэд вдруг понял, что князь горцев совсем может не быть человеком. Может быть духом или даже демоном.

– Он человек, но волшебник. Откуда ты думаешь, все эти напитки, еда? Каменные псы тоже появились не от каменного кобеля и каменной суки. – последняя фраза вызвала смех у обоих горцев. Писцы тоже улыбнулись.

– Пусть так. Волшебник – всё же человек, это лучше, чем дух. Алоин, скажи, вы будете сопровождать нас дальше?

– Мы, будем вас сопровождать дальше, как обещали. Но всё это нужно обсуждать с князем. Мы на положении гостей, но здесь хозяин дома решает, кто, куда, когда едет.

– Тогда нам нужно идти к нему. Долго гостить мы не можем.

Путешественники не знали, где искать князя, поэтому пошли ходить по коридорам, просто в надежде встретить кого-нибудь, кто поможет им найти Уадура. Едва не сразу они столкнулись с двумя слугами, один из которых согласился проводить их к князю. В коридорах, залах, комнатах дворца было тихо. Алоин служил переводчиком в беседе со слугой, пока путешественники шли к князю.

– А где все гости? Почему так тихо?

– Гости не так давно разошлись по комнатам, отдыхают. Некоторые из мужчин уехали на охоту. Думаю, почти все сейчас спят.

– А князь?

– Князь не спит никогда. – этот ответ впечатлил Наара и его спутников. – Он уже знает, что Вы идёте к нему и он готов Вас принять.

– А откуда он это знает? – Кавэд хотел выяснить, это было волшебство или какая-то система оповещения, использовавшаяся в пещерном дворце.

– Знает, потому что так устроено. – ответ слуги был короткий и интонация показывала, что более подробного ответа не будет. Пятеро мужчин прошли ещё несколько коридоров и лестниц, когда слуга произнёс: «Мы пришли». Гости стояли перед обычной на вид дверью. Но присмотревшись, каждый мог заметить, что дверь была каменная, массивная, как крепостные стены самых укреплённых городов Империи.

– С вашего позволения, здесь я Вас покину – слуга удалился. дверь открылась сама и перед гостями предстал Уадур. Вернее, он сидел за столом и думал над какой-то настольной игрой, похожей на шахматы.

– Проходите, присаживайтесь, где Вам будет удобно. – князь улыбался, ему было приятно видеть своих гостей. – Как вы вчера отдохнули?

– Отдохнули хорошо, спасибо. Мы Вам не помешали? – ответил за всех Наар.

– Мой друг, если бы вы могли мне как-то помешать, вас бы ко мне просто не привели. Я догадываюсь, вы пришли спросить меня о вашей дальнейшей судьбе?

– Да. – сказал Кавэд.

– Я Вас не держу. Можете оставаться, сколько захотите. Или можете идти. Вы не пленники.

– Спасибо за Ваше гостеприимство, князь. Тогда мы про-

должим путь. Нам нужно в Сариаг. Когда мы могли бы выступить? Я только не знаю, что скажут наши храбрые проводники – Наар посмотрел на Алоина и Догоя – Кажется, они готовы провести здесь остаток жизни. – горцы в ответ засмеялись.

– По поводу проводников не беспокойтесь. Я предлагаю вам свою помощь. Можете воспользоваться каменными псами, вернее, упряжками каменных псов. Они домчат вас до подножия гор, до того места, откуда Сариаг уже виден. До этого места вам отсюда, при хорошей погоде, дня три пути, а мои псы домчат вас за полдня. От места, где они вас высадят, день пути до городских ворот Сариага. Согласны? – оба писца растерялись. После первой поездки на каменных псах остались не самые лучшие впечатления, но три дня в горах, даже при условии наличия хорошей погоды, что было совсем не обязательно, могли оставить ещё более худшие впечатления. Тем более, что ехать предлагали не на собачьих спинах, а в санях, что было гораздо удобнее. Быстро посоветовавшись между собой, писцы согласились. Алоин и Догой могли возвращаться домой.

– Славнейший князь, спасибо вам. Но мы просим вас отправить меня с Догоем вместе с этими двумя путешественниками до того места, где они покинут горы. В начале нашего общего пути, когда никто не знал, что нас схватят твои каменные псы, что мы встретим тебя, мы пообещали, что будем отвечать за этих двух путешественников, пока они не

перейдут горы. И я, и мой друг понимаем, что под твоей защитой эти два человека в полной безопасности, ни один из тех, кто зовёт горы своим домом, не защитит путешественников лучше тебя. Но мы дали обещание и должны его выполнить. – Алоин стоял перед князем, как сын перед отцом.

– Да, я не ошибся, когда оставил Вас пировать с достойнейшими в моём доме. Хорошо, вы отправитесь с ними до подножия Высоких гор, а потом мои псы доставят вас на перевал, к Хациару. Не удивляйтесь, я знаю не только имя этого старика, но я знаю обо всём, что происходит в горах. Сам старик меня никогда не видел.

– Может, славнейший Князь, вы знаете почему кочевники вдруг атаковали Империю? – Наар спрашивал скорее на удачу, чем действительно надеялся получить ответ.

– Нет, этого мне не известно. Скажу только, что в горах с каждым днём всё больше жителей равнин. Кочевники захватывают всё больше земель. Ты спасаешься от них? – князь смотрел на юношу. – А ты, – он перевёл взгляд на Кавэда, – ты из скита недалеко от выхода из подземного хода их Таираса?

Кавэд ничего не ответил, только кивнул. Монах ожидал чего-то такого, но, всё же, был сильно удивлён, что Уадур знает и об их ските. Потом всё же добавил:

– Да, всё так, Я из скита. Но теперь сопровождаю этого юношу в его путешествии на восток.

– Да, далёкий у вас путь. Ну, а что ты, Наар, скажешь о

нападении кочевников? Ты видел их?

– Нет, я их не видел. Я видел только горе, которое они приносят вместе с собой. Вы не боитесь, что они могут атаковать горные поселения?

– Зачем им атаковать горцев? Кочевники не привыкли воевать в горах. Горы и море – эти стихии для них чужды, даже враждебны, им трудно воевать в этих условиях. Они, конечно, могут сюда направиться, но потом крепко пожалеют. Алоин, я ведь верно говорю?

– Истину говорите, Князь.

– Хорошо. Прошу меня извинить, дела. Вы решили, когда покинете мои чертоги?

– Как только Вы сочтёте это возможным, Князь. Но чем раньше, тем лучше.

– Тогда пойдёмте, я вас провожу. Собаки уже готовы, в упряжках. Еда и питьё для вас тоже собраны. – Уадур встал, за ним встали остальные. Дверь перед князем открылась сама, потом также сама закрылась за Догоем, который последним вышел из комнаты. Вновь гости шли через длинные коридоры, освещаемые светильниками в виде птиц и животных, пока не пришли в зал, с большими воротами, перед которыми стояли четыре собачьих упряжки. Но, в отличие от обычных упряжек, в которые запрягают по несколько собак, здесь запрягли по одному каменному псу на упряжку. Этого вполне хватало, чтобы ехать очень быстро и на далёкие расстояния. Теперь псы не выглядели такими грозными. Всё же,

Наар и его спутники были под впечатлением от знакомства с ними и смотрели на огромных собак с опаской. Уагур заметил их страх.

– Не бойтесь. Теперь они будут вас охранять и сами скорее погибнут, чем позволят случиться чем-то дурному с вами. Я решил отправить с вами ещё трёх собак, для охраны. В горах, пока спокойно, но предосторожность лишней не бывает. Теперь, можете садиться в сани. Ждать более нечего. – князь жестом указал на сани.

– Славнейший князь, благодарим за приём, это была огромная честь для нас – Все четверо поклонились хозяину пещеры.

– И я вам благодарен. Создатель отметил тебя, Наар и я желаю вам успешно справиться с дорогой, которую вы себе избрали.

«Знать бы ещё, что за дорогу мы себе избрали» – Подумал про себя юноша.

Путешественники заняли свои места в санях. Сани были в два с половиной метра длины, сзади становился возница, он же был пассажиром, впереди укладывали, при необходимости, груз. Задняя часть, та, где становился возница, была длиной около восьмидесяти сантиметров, ограничивалась она тремя стенками в половину человеческого роста и дверью с откидным сидением. В ширину сани были немного менее метра. Чтобы не выпасть из саней на большой скорости, возницы пристёгивались к ним кожаными ремнями. Попро-

щавшись с Уадуром, все четверо выехали сквозь открытые ворота на заснеженные горные луга, потом ехали какими-то тропами, над обрывами, ущельями, поднимались и спускались по крутым склонам. Чтобы защитить глаза от снега, всем выдали костяные очки с узкими прорезями для глаз.

Псы действительно мчали очень быстро. В очках обзор был хуже, чем без них, так что к очкам нужно было привыкнуть. Снять их никто не пытался, Наара и Кавэда предупредили, что этого делать ни в коем случае нельзя. Дух захватывало от пейзажей вокруг и скорости, на которой сани неслись сквозь эти пейзажи. Собаки сами тащили сани, ими даже не нужно было управлять. Да и как править, когда не знаешь пункта назначения? Луны в небе то появлялись, то исчезали, скрывааемые пиками гор. Время от времени сани пересекали огромные пятна бледного лунного света, будто какой-то плёнкой, покрывавшего землю. Собаки должны были доставить путешественников к подножию гор незадолго до рассвета, так, чтобы псы могли до первых лучей солнца вернуться на те тропы, где бы их точно не смогли найти даже самые храбрые и любопытные охотники. Наар и Кавэд должны были успеть добраться до Саирата к концу светового дня. Путешествие было даже приятным и синие глаза каменных псов уже не светились той демонической угрозой смерти, которую путешественники увидели в них при первой встрече. Часов через пять езды, когда, по расчётам путешественников за спиной у них осталась половина пути, один из псов вдруг

протяжно завыл, хотя до этого они всю дорогу молчали, не выли, не лаяли, даже не рычали. После этого собаки внезапно рванули, побежали ещё быстрее. Тут как раз пригодились ремни, которыми пассажиры были пристёгнуты к саням, без таких приспособлений кто-то из пассажиров непременно вылетел бы из своего места. Из-за очков и темноты было трудно разглядеть, что происходит. Первым ехал Догой, за ним Кавэд, потом Наар и замыкал эту небольшую колонну Алоин.

– Наар, пригнись! – каттав услышал крик Алоина и, не став задавать вопросов или оборачиваться, пригнулся так низко, как только мог. Едва подняв затем голову, он увидел, как один из псов-охранников старается в прыжке достать огромного ворона, только что пролетевшего над Нааром и пытавшегося схватить его своими лапами.

За несколько минут до этого Алоин заметил птицу, кружившую над путешественниками. Её силуэт время от времени появлялся на фоне лун, висевших в небе. Долгое время птица летела над ними, а потом начала снижаться. Ночь была достаточно светлой. Свет луны и звёзд отражался от снега и в воздухе будто распространялось какое-то сияние. Всё же горец долго не мог разобрать, что за птица то ли сопровождает, то ли преследует их. Лишь спустя какое-то время он понял, что это ворон. Когда ворон снижался, казалось, будто птица увеличивается в размерах. Так продолжалось до тех пор, пока размах крыльев птицы не достиг шести с половиной метров. Огромный ворон стал быстро приближать-

ся к земле, собаки тоже его заметили и первая из них, которая его почуяла – завывала. В тот момент Алоин и крикнул Наару: «Пригнись!». Пёс, хотевший схватить ворона за лапу, не допрыгнул, хотя прыжок был очень высоким. Санный караван повернул в сторону леса, где деревья должны были защитить от гигантской птицы. Но когда до леса оставалось пара сотен метров, собаки вдруг резко развернулись прочь и продолжили двигаться по тому пути, как ехали раньше. Из леса же, вслед за собаками и санями, вылезли пауки, разных размеров. Самый мелкий из них был размером с телёнка, а самый большой мог сравниться с крупным волком. Ворон вновь попытался схватить Наара, но теперь одной собаке удалось мёртвой хваткой вцепиться в птицу, схватить её за лапу, однако свалить ворона на землю, так и не получилось. Второй своей лапой ворон схватил напавшего пса, начал наносить по нему удары клювом, пытаться отцепить её от своей лапы. Сперва был слышен лишь рык. Затем, после нескольких ударов клюва, от которых звук был такой, как будто рабочий в каменоломне киркой разбивает скалу, над долиной разнесся собачий вой, затем лай, рык и те из путешественников, кто подняли голову, чтобы посмотреть наверх, разглядели, как собака пытается укусить ворона за брюхо, отгрызть птице лапу, хоть как-то навредить ей. Но безуспешно. Ворон поднялся высоко, так высоко, что его даже трудно было увидеть, полетел к глубокому ущелью и сбросил в него каменного пса. От удара о скалы тот разлетелся на сотни мелких

камней. Жизнь, бывшая внутри каменного существа, из-за которой глаза собак светились синим светом и из-за которой псы обладали жарким, горячим дыханием, эта жизнь в виде светящегося шара вошла в камни и стала частью гор. Ворон одержал победу в схватке, но сам оказался очень измождён и продолжать погоню больше не мог, лапа и брюхо кровоточили. Погоню продолжали пауки. Их было то ли пять, то ли семь. Сосчитать точно никто не сумел. Иногда мимо собак и саней проносились нити паутины, которой пауки хотели поймать добычу. На быстром бегу это получалось у них очень плохо. Сани постоянно уваливали, попасть в них было сложно. Несколько раз паукам удавалось попасть в сани Алоина или Кавэда. Но собаки-охранники всякий раз перекусывали нить паутины, хотя сани Алоина паутина едва не остановила, горца сильно трянуло, но ремни опять показали свою пригодность. Пауки бежали быстро, очень быстро, но всё же медленнее, чем бежали собаки. Сначала перестала долетать паутина, падая лентами за спинами преследуемых, а потом пауков стало не видно, как наши герои не оборачивались, не всматривались назад. Однако же, страх оставался. Казалось, эти чудовища вот-вот появятся из-за груды камней или даже из-под снега. Вопреки всем ожиданиям и переживаниям, вторая часть пути прошла спокойно, хотя в каждом кусте или коряге мерещились огромные пауки, а в тучах, изредка затмевавших луны, виделись невероятных размеров вороны.

Когда уже начинала заниматься утренняя заря, путешественники наконец прибыли к подножию гор, к тому месту, где псы должны были их оставить.

– Ну что ж, – сказал Кавэд, взвалив на плечо небольшой мешок с провиантом и поправив сумку с письменными принадлежностями, – не будем долго растягивать прощание. После сегодняшней дороги я бы скорее хотел оказаться в Саирате. Хотя бы в относительной безопасности.

– Наар, мы должны идти с вами, проводить вас до города. – настаивал Алоин, горячо поддерживаемый Догоем.

– Друг, я крайне благодарен за отвагу, что ты проявляешь, но ты обещал сопроводить нас в горах и ты выполнил своё обещание. Вспомни, как вы с Догоем помогали мне выбраться из ямы, в которую я провалился в тот день, когда нас встретили каменные псы. Ты предупредил меня о вороне, иначе бы он меня точно схватил, прикрывал собой от пауков. Без псов-защитников, нам бесполезно с ними тягаться. Так они убьют двоих человек, а если вы с нами пойдёте, то четверых.

– Да и в горах вы их тоже можете встретить, не стоит печалиться! – Кавэд подмигнул горцам, как бы намекая на шутку, но никто не засмеялся. Казалось, даже каменные псы посмотрели на монаха с некоторой укоризной. Тот почувствовал себя неловко. – Ладно вам. Надеюсь, никому из нас больше никогда не придётся встретиться ни с одной из тех тварей, что пытались пленить или убить нас сегодня ночью.

Алоин, скажи, это какие-то особенные горные пауки? – Кавэд вдруг решил, что это просто мог быть вид пауков, ему не известный.

– Нет, я впервые их видел и никогда даже не слышал о таких существах.

– Я тоже. – подтвердил слова друга Догой.

– Знаешь, мне показалось, что им нужен был ты, Наар. – произнёс Алоин. – Ворон пытался схватить тебя и пауки будто целились в твои сани.

– Может быть. Солнце скоро встанет. Нам ещё много нужно сегодня пройти, и вам путь не близок. Пусть строки в ваших книгах судеб будут описанием счастья.

Горцы улыбнулись.

– Да хранит вас Уацу до конца ваших дней. Счастливо.

Друзья в последний раз обнялись и расстались. Алоин и Догой поехали к перевалу, Наар и Кавэд пошли пешком к Саирату. Шли они быстро, не оглядываясь по сторонам. Казалось, будто они беглецы, опасаящиеся преследования. В какой-то мере так и было. Согласно расчетам, которые каттавы делали со слов Уадур, от места, где их высадили, до города нужно было пройти тридцать пять вёрст. Дорога не близкая, но вполне проходимая для взрослого мужчины за один день. Если торопиться, конечно.

Первая половина пути была пройдена быстро, без остановок. Путешественники ждали нападения пауков и всё будто пытались оторваться от них. Когда солнца находились в

своих самых высоких точках над горизонтом, писцы прошли примерно половину пути. Они миновали несколько деревень, но о Таирасе и борьбе с кочевниками ничего узнать так и не смогли. В одном дворе крестьянин говорил, что кочевники разбиты и отступают, в другом дворе говорили, что разбиты имперские войска и враг скоро возьмёт Сарият и Наппар. В следующем хуторе сказали, что слышали о вторжении кочевников, но больше ничего не знают. Сделав несколько остановок в пути для отдыха, вскоре после заката путешественники пришли к городским воротам Сарията.

Глава 12. Первая победа

– Ваше Величество, Парсонтар пал. Все лодки и речные суда, находившиеся в городской гавани, были либо благополучно выведены из города, либо сожжены в этой же гавани. В итоге, врагу не досталось ни одного судна. У местных рыбаков тоже забрали все суда и лодки. Парсонтар был взят, но часть гарнизона удалось спасти, сейчас она в Тарине. Врагом захвачены вся Оринтская и Парсонтарская провинции. Через три или четыре дня, вероятнее всего, начнётся осада Тарина. Враг уже движется к городу. Вопрос только в его решительности. Хотя её, как показывают последние бои, врагу не занимать. Так что неясно, даст Хунхар отдых после марша или они будут атаковать сходу. Наместник Парсонтара, барон Лахав погиб, защищая город. Семью его удалось спасти. – Владар сидел на троне наместника города Тарина, слушал доклад драммиата Кафара, приведшего в Тарин остатки

гарнизона Парсонтара. Император понимал, насколько враг силён и как трудно будет его одолеть. Но Владар верил в свою правоту и она давала ему уверенность в победе, которая передавалась и его соратникам.

– Благодарю, Кафар. Ваша храбрость и умение обязательно будут отмечены. Я дарю Вам земли в южном пригороде Галиара, полторы тысячи гектаров земли у Тёплых ручьёв. Я хочу, чтобы каждый из присутствующих здесь знал, что он, хотя защита Империи является его священным долгом и не подразумевает обязательной за это награды, будет всё же щедро мной вознаграждён за исполнение этого долга. – в ответ драммиат Кафар учтиво поклонился.

– Спасибо, ваше величество.

– Теперь я хочу знать ваши мнения о том, что следует дальше предпринять. Что скажет гибор Империи, Гизлем Младший?

– Ваше величество, я думаю, что врагу необходимо дать бой у стен города. Позволить ему начать осаду, в надежде на то, что он через несколько месяцев ослабнет и уйдёт – на мой взгляд, неразумно. Хотя и такие предложения, как я слышал краем уха своего, высказывались. На поле сражения имперская армия и кочевники встречались пока лишь единожды, под стенами Таираса. Наши войска были разбиты, но мы узнали о возможной боевой тактике противника. Напомню, они тогда имитировали отступление, затем нанесли фланговые удары, смяли фланги и окружили наши отряды.

– Вы делаете выводы слишком уверенно – перебил гибора один из стратиггов, стоявших рядом. – После той битвы нам удалось опросить около сотни рядовых и всего трёх сотников. Это все офицеры, три человека, с кем можно говорить о ходе битвы. Остальные погибли, либо в плену. Хотя в том, что номады держат пленных, я не уверен. Убиты оба князя Хаире, зачем им менее значимые пленники? Если только в качестве рабов...

– Согласен, сведений у нас немного. Но мне их достаточно. – продолжал настаивать Гизлем.

– Если мы проиграем? На виду у всего города. Это будет колоссальный удар по духу защитников Тарина. – сказал ещё один военачальник, сомневавшийся в правильности прямого столкновения с номадами.

– В Тарине народ крепкий. Будьте уверены, их дух непоколебим. – ответил высокий, худощавый наместник Тарина, граф Оаль. – Чтобы они не увидели – будут стоять до последнего.

– Остаётся только надеяться. – сказал Владар. – Да и достойно ли было бы это вообще? Закрыться в городе и ждать пока либо мы умрём, либо враг уйдёт. Нет. Только битва, лицом к лицу. Мы прогоним врага с нашей земли или погибнем.

Однако, не все присутствующие с одинаковым воодушевлением восприняли слова о готовности умереть за Империю. Одни вспомнили о прекрасных жёнах, с которыми не было

никакого желания расставаться, другие о вине, хранившемся в подвалах их поместий. Женщины и вино были ближе, чем страна, которая всё это взрастила. Ведь на этой земле вырос виноград, из которого опытные виноделы готовили великолепные напитки, что лежали в подвалах аристократов и под солнцами Империи выросли женщины, которыми так дорожили знатные мужчины.

Согласно данным разведчиков, кочевники должны были подойти к Тарину через два дня. Эти сорок восемь часов использовали для укрепления города и спасения жителей окрестных селений. В город свозили припасы. Все надеялись, что осады не будет, что императору удастся разбить врага, но каждый всё же хотел быть уверен, что, в случае необходимости, можно будет продержаться долго. И даже очень долго. Тарин можно было снабжать по реке. Но ведь куда спокойнее, когда мешок чечевицы и кусок вяленого мяса уже лежит под лавкой в твоём жилище, чем в ожидании, что тот же мешок и кусок мяса должны доставить через несколько дней по реке. Были и те, кто ушел из города, не желая разделять с ним тяготы войны. Таких было немного и никто их не осуждал. Это был их выбор. Большинству толстые стены и высокие башни казались надёжной защитой, да и уход из города в опасное время многим казался предательством.

Через несколько часов после военного совета к императору вновь подошел гибор Гизлем Младший, вернувшийся

после инспекции городской гавани и амбаров.

– Ваше Величество, я хочу поделиться некоторыми соображениями касательно битвы с врагом. В более спокойной обстановке. – Владар ничего не ответил, но лёгким кивком головы дал понять, что ему интересно. Гибор продолжил. – На Совете все наши рассуждения строились исходя лишь из оборонительной тактики. Чего стоит только предложение запереться в городе и пытаться «пересидеть» врага! Видимо, ваши слуги так подавлены, что и не думают нападать первыми. Сейчас я предлагаю следующее: напасть на кочевников до того момента, когда они придут под стены Тарина. После поражения у Таирасса мы не нападали на них, ждали, когда кочевники подойдут ближе к городу и уже с опорой на город пытались то измотать врага, то нанести ему максимальный урон одним сильным ударом и, если отсиживаться в городе. Чистое безумие. Тактика себя не оправдала. Мы не рассчитали, сколько сил у кочевников, а их оказалось явно больше, чем мы могли даже предположить. Я предлагаю устроить засаду. Если мы выступим сейчас, то успеем, атакуем их ночью. Уверен, враг этого не ждёт и шансы на успех очень велики.

Император некоторое время подумал, поглаживая при этом подбородок.

– Не даром ты носишь оплечья гибора и на кирасе твоей знак командира имперских легионов. Я согласен. Я сам буду в засадном отряде биться рядом со своими воинами. Мы по-

ступим так: отберём наиболее опытных бойцов, составим из них отдельный отряд. Ночью они первыми пойдут в лагерь противника. Их задачей будет тихо убить как можно больше врагов. Убивать вражеских солдат они должны будут до тех пор, пока убийцы не будут обнаружены. Когда это случится, они должны будут поджечь лагерь и тут в бой вступают основные силы.

– Ваше Величество, я думаю, это будет славная битва.

– Не загадывай, но шансы на успех есть. Ударный отряд сформировать из солдат моей личной охраны и гвардии. Полторы тысячи человек, не больше.

Уже через два часа армия выступила из города. Солдаты не знали, куда они идут. Не знали этого даже многие из офицеров. В городе был оставлен достаточно сильный гарнизон, к общей радости горожан. Марш продолжался около суток, с коротким привалом. Лёгкая имперская кавалерия уже вступала в стычки с дозорами Орды кочевников, когда армия прибыла на место, где предполагалось устроить засаду. Такие стычки были делом обычным и не настораживали кочевников. Они стали лагерем в том месте, где и предположил гибор. Большое количество огромных каменных глыб, кустарников позволяли равно разбить укрепленный лагерь или устроить засаду. Двигаясь по такой местности нужно было быть предельно внимательным, но ни Хунхар, ни его соратники об этом не думали. Они были абсолютно уверены в том, что кочевники слишком сильны, чтобы серьезно укреп-

лять лагерь, а имперские войска слишком трусливы, чтобы рискнуть нападать на кочевников.

Номады поставили свои палатки, разожгли костры, принялись готовить ужин: варить тонко нарезанные куски мяса, которые потом поедались вместе с лепешками. Повозки были поставлены вокруг лагеря, составив, таким образом, нечто наподобие стены. Шатры и палатки стояли в низине, так что к западу от них, если стоять лицом к Тарину, были холмы и большие каменные валуны, бывшие некогда частью Высоких гор, оставшиеся ещё с той поры, когда Высокие горы были ещё более высокими и могучими. До гор места, где номады стали лагерем, оставалось несколько десятков километров. Их было хорошо видно в любую погоду, конечно, только если не было тумана. На востоке, верстах в двадцати от лагеря, находилась река. Хунхар ожидал удара с воды, поэтому держался подальше от реки.

Через пятнадцать минут после ужина костры у палаток начали тушить. Оставляли по одному костру на пять палаток, чтобы лагерь не погрузился в полную тьму, а утром можно было быстрее разжечь новые костры и приготовить пищу. Когда шум над этим городом из палаток, шатров и телег стих, и только желтый мягкий свет небольших костров освещал импровизированные улицы, имперским солдатам, отобранным в отдельный отряд для первой атаки, этот вражеский лагерь даже мог бы показаться красивым, если не знать, что это лагерь жестокого врага. Было условлено, что

как только в лагере поднимется шум, что означало обнаружение ударного отряда, в бой тут же вступает остальная армия.

Для скрытой атаки отобрали самых лучших бойцов, отлично владевших клинком и рукопашным боем. Как император и приказал, всех их отобрали из его личной охраны и нескольких гвардейских драм. Вооружили их также соответственно задачам, которые перед ними стояли: короткими мечами, ножами для метания, небольшими железными пластинами, в форме звёзд, с острыми углами, тоже для метания, удавками и трубками, для духовой стрельбы отравленными иглами. Словом, всем тем, что позволяет лишить человека жизни как можно тише. Гизлем Младший хотел отправиться вместе с этим отрядом, но Владар запретил ему. Будут ещё битвы, где гибор сможет показать свою храбрость. Гибор, император и многие другие военачальники смотрели на освещённый двумя ночными светильниками, звёздами и яркими точками костров палаточный лагерь и пытались угадать, что там сейчас происходит. Разглядеть они ничего не могли, поэтому им оставалось лишь молча смотреть на лагерь.

Убийцы работали хорошо. Тихо, убрав часовых, они переходили от палатки к палатке. Полторы тысячи человек разносили по лагерю смерть. С максимальной осторожностью они зачищали всё новые участки лагеря. Они не знали, когда их заметят, но не сомневались, что это может произойти очень скоро, в любую минуту. Обнаружение одного убий-

цы неизбежно влекло обнаружение всех остальных. Поэтому они спешили, нанести как можно более тяжёлый урон врагу. Сам отряд атаки разбили на пятнадцать групп, по сто человек, так они одновременно работали в разных участках лагеря. Так у врага должно было сложиться впечатление, что в лагерь проникли гораздо больше, чем полторы тысячи человек. Так и произошло. Но десять минут полторы тысячи человек безнаказанно убивали вражеских солдат. После битвы подсчитали, что так удалось убить около пяти тысяч человек. Для всей массы орды кочевников, это было немного, но сам факт успеха такого нападения деморализовал кочевников. Какой-то молодой номад полез в палатку к своим приятелям. Ему за ужином загадали загадку, он никак не мог её разгадать, остался у костра, подумать. Он так и не справился с ней, даже сон совсем пропал. Это разозлило кочевника и он решил силой выяснить ответ у тех, кто лишил его покоя, задав такую головоломку. Однако ответа он так и не узнал, нашёл всех троих своих товарищей с перерезанными глотками. Через минуту его самого зарезали, но он успел поднять тревогу. Проснувшиеся солдаты начали выбегать из своих палаток и больших шатров, то там, то здесь обнаруживали тела убитых товарищей. Конечно, сразу нашли и убийц. Те подожгли несколько десятков палаток и в лагере начался пожар. Огонь послужил сигналом к атаке основным имперским силам. Без промедления имперские отряды понеслись вниз по склонам к вражескому лагерю. Император приказал не ща-

дить никого, убивать любого неприятеля, что попадётся на пути. Дети степей и пустынь были ошеломлены. Внезапность атаки и ночное время удесятирили реальное количество атакующих в глазах атакованных. Однако же кочевники бились как львы. Не подвели и халгариды, которые сумели спасти Хунхара от плена, но спасти его роскошный шатёр со всем, что в нём было, от огня так и не смогли. Имперские войска до рассвета гнали и истребляли врага. Разгром был полный. Король номадов отступил к Парсонтару, где были оставлены отряды, собранные в степях и пустынях уже во время войны.

Император, верхом на лошади, вернувшись после преследования врагов в лагерь неприятеля, бывший теперь большим пепелищем, уставший, но счастливый, приказывал писарям-жрецам:

– Шлите священные грамоты в Тарин, Сариа́т, Бэ́лду, шлите священные грамоты жителям столицы, в Галиар, в Верховный Синклит Империи. Шлите во все города Империи. Сефер подарил нам победу. Пусть всем будет известно, что враг разбит! Каттавы да не устают возносить благодарности Сеферу, сочинившему нашу победу.

И во все концы Империи поскакали гонцы со священными письмами, сообщающими о победе. Несмотря на огромные размеры страны, во всех её концах радовались так, будто победа была одержана не в Западных провинциях, а во всей державе. Это единство было силой и богатством Империи. Государь отправился дальше, к Парсонтару, чтобы от-

бить город и добить врага, прогнать с территории его государства. За своим повелителем следовали новые отряды имперской армии.

Глава 13. Беседа

Ялган Маязимский снова пил вино. Он любил вино, особенно приправленное корицей. Он был крупным владельцем виноградников и такая любовь вполне была объяснима. Первый виноградник ему подарил отец на шестнадцатилетие. Подарок был необычным, но отец зераклита, Коллак Маязимский умел удивлять и любил удивлять. Таким подарком он смог заинтересовать сына торговлей, как самим виноградом, так и вином. Это позволило будущему члену Верховного Синклита Империи стать знатоком винна, что не раз сыграло ему хорошую службу, когда он заводил первые знакомства среди имперской знати в столице и прокладывал себе путь в Синклит. Но Ялган думал не об этом. В тот день в Синклите торжественно объявили о победе императора над врагом. Все восприняли эту весть с воодушевлением. Почти все. Ялган по поводу этой победы испытывал смешанные чувства. Победа сохраняла Империю, её богатства, культуру, народы. Это было важно для Ялгана, как для жителя Империи, человека богатого, предприимчивого. Поражения его страны не делали его богаче. Если бы Тарин попал в руки к врагу, то денежные реки Ялгана стали бы уже. В Тарине, как и во многих других крупных городах Империи, было немало торговых магазинов и лавок, принадлежавших Ялгану. С

другой стороны, победа укрепляла Императора, его авторитет и власть, и без того слишком сильные и мало ограниченные. В таких раздумьях его застал слуга, который сообщил, что приехал господин Наилэр.

– Пускай входит. И принеси мне ещё кувшин вина с корицей, фруктов и медового печенья, тарелку кремового сладкого сыра и белых пшеничных лепёшек. – хозяин дома встал с кресла и пошёл встречать гостя. – Рад видеть вас, Наилэр! Вы будто знали, что мне в этот час грустно и нужна дружеская поддержка. – Хозяин радушно обнял гостя.

– Дорогой Ялган, мы с Вами давно не общались, о многом нужно переговорить. Признаюсь, хотел зайти к Вам ещё недели две назад, да всё дела. Честно говоря, и не рассчитывал застать Вас в одиночестве. Был уверен, что застаю у Вас некоторых зераклитов, бурно обсуждающих последние вести из Тарина.

В ответ Ялган только махнул рукой:

– Некоторые, как вы сказали, из зераклитов, слишком глупы, чтобы обсуждать такие вещи. Едва не все отправились на торжественную службу Сеферу в Главный храм Галиара. Её отправляет сам прокоэн. Переписывают благодарственные гимны.

– А Вы что же? Почему не пошли? На это могут обратить внимание. Не бойтесь кривотолков и косых взглядов?

– Ну что Вы! С мой больным желудком? Разве можно человека упрекать в слабом здоровье? Никак не могу пойти. –

Хозяин дома широко улыбнулся и развёл руками.

– Тогда за Ваше здоровье! Наверняка этот напиток крепит. – Наилэр взял принесённый ему кубок и сделал несколько больших глотков. – Отличное вино!

– Спасибо. Вино куда лучше и слаще, чем та судьба, что ждёт нас, если государь и дальше будет побеждать. А если он сумеет подчинить кочевые племена и степи Империи, распространить на них свою власть, то это вознесёт его так высоко, что нам, зераклитам, даже говорить о какой-то власти будет не нужно. Зачем разговаривать о несбыточном?

Наилэр всем своим видом показывал глубокое сочувствие Ялгану.

– С нашей прошлой беседы ничего не изменилось. Моя позиция лишь укрепилась. Имею ввиду тот вопрос, что мы обсуждали. Думаю, ничего страшного не будет, если мы переговорим о действиях, которые позволят передать власть в Вашем государстве тем, кто её действительно заслуживает.

– Я благодарен Вам за помощь, но скажите, почему вы так настойчиво стремитесь мне помочь?

– Дорогой друг, я стремлюсь помочь не вам. Надеюсь, эти слова Вас не обидели. Я стремлюсь помочь Вашей стране. Разве не об этом мы говорили в прошлый раз? Я вижу много несправедливости в Империи и знаю, что только вы и ваши единомышленники можете с нею бороться. Несправедливость и кривда ненавистны Вам как и мне. Ведь есть много способов сделать жизнь населения Империи лучше. На-

пример, если бы ввести некоторые новые правила в торговле, это позволило бы сделать богаче и Вашу и мою страну. Но Император ничего такого делать не будет. Здесь речь идёт о взаимной выгоде.

– Я Вам верю. Я тоже искренне хочу сделать жизнь в Империи лучше, принести больше свободы людям. Всем, от аристократии до крестьян. А Владар действительно ничего такого делать не будет.

– Уверен, у Вас всё получится. По вашим глазам это видно. Не считите за нескромность, но я ещё налью себе вина. Вот так. Спасибо. Действительно, одно из лучших вин в Галиаре. Теперь можно и поговорить конкретно о деле. Есть ли у Вас какой-либо план действий?

– У меня нет никакого плана. Со времени нашего последнего разговора, я всё был занят, то своими делами, связанными с торговлей, то государственными делами, работой в Верховном Синклите. Есть лишь одна конкретная мысль, согласно ей император должен быть низложен, монархия упразднена Верховным Синклитом Империи, как угроза дальнейшему свободному развитию государства. Упор нужно делать на народовластие. Люди, которые живут на земле, будут нею и управлять. У кормила Империи станет Верховный Синклит. Он будет единственным высшим государственным органом. Будет принимать законы, следить за их исполнением и наказывать за неисполнение. Но это лишь общие соображения.

Наилэр улыбнулся и покивал головой.

– Вижу, мы с Вами начинаем доброе дело. Я немного размышлял над нашей беседой и, с вашего позволения, я хочу предложить Вам следующий план. В начале нам следует очертить фигуру императора перед жителями Империи. Люди охотно верят слухам и так же охотно их распространяют. Наша задача будет настойчиво их поддерживать. Слухи могут быть самыми разными, начиная от обвинений в огромных взятках и воровстве, процветающем в окружении государя, до страшных и гнусных оргий, которые происходят в его дворцах. Раствление малолетних, грех с животными, здесь всё сойдёт. Для большего правдоподобия найдём нескольких свидетелей воровства и обиженных участников оргий, которые заговорили, потому что о них забыли, не заплатили или обошлись уж совсем плохо. Такие смельчаки, которых не удалось запугать. Сделаем из них героев. В слухах важно ещё то, что они как снежный ком растут, когда переходят от человека к человеку. Можно рассказать о какой-то нелепице, которая со временем превратится в чудовищную ложь. Самое главное, что ложь эта действительно будто родится сама по себе. Можно будет сколько угодно искать того, кто её придумал, но таковые поиски окажутся бесполезными.

– А не слишком это будет? Скажем, у женщин император и так пользуется популярностью, хотя о его личной жизни не известно ничего. О его ненависти к воровству и взяткам едва не слагают легенды. Здесь будет трудно что-то изменить.

– Мой друг, чем святее кажется человек, тем больше хочется в него плюнуть! Кроме того, у него ведь есть окружение, приближённые, так сказать, ближний круг. Туда входят люди выдающиеся, но не святые, об этом тоже следует помнить и не упускать из виду. У нас с вами очень благая цель, неужели Вы перед чем-либо остановитесь, двигаясь к ней?

Ялган вздохнул.

– Нет, таких преград быть не должно. Вы правы. – Теперь зераклит выглядел решительнее.

– Потомки будут Вам благодарны, а об этих спорных моментах нашей борьбы, никто не узнает. Чтобы тень не падала на Ваше честное имя, я готов поручить некоторые дела своим верным людям.

– Признаюсь, Ваша доброта и участие оказались для меня неожиданностью. Просить Вас о помощи я бы не отважился, но отказываться не буду. Мы ещё обговорим Ваше возможное участие. То есть, не Ваше, а Ваших людей. Каков дальнейший план?

– После того, как слухи наводнят столицу и окрестности, нужно будет создать дефицит продуктов в Галиаре, повысить цены. Спекулянты сделают это в лучшем виде, и просить не нужно, только намекните. Словом, нужно будет сделать так, чтобы люди были недовольны и искали виновного в своих бедах. Мы организовываем беспорядки, заставляем горожан выйти на улицы Галиара. Они даже могут начать громить здания, торговые лавки, просто дома богачей-сто-

ронников императора. Тут же Синклит создаёт свою армию и свою городскую стражу, которые подчиняются только ему, для устранения беспорядков. Ведь императора в городе нет, а сил городской стражи недостаточно. Кроме того, народ сопротивляется городской страже, действующей от имени императора, чтобы не привести к большому кровопролитию, Синклит создаёт новые отряды. Эти отряды даже стоит создать заранее, сделать так, чтобы они тоже принимали участие в беспорядках. Просто в один момент станут защитой порядка, народа и опорой Синклита. Виновным во всех бедах Империи будет объявлен Владар. Вернее, народ сам его объявит виновным. Синклит Империи, ввиду чрезвычайной опасности для дальнейшего существования государства примет власть. Думаю, будет вполне справедливо, если первым зераклитом, главой Синклита станет Ялган Маязимский. Вы первый, кто не побоялся перейти от слов к делу. Первый, кто заговорил о том, о чём многие боялись даже думать. Но это я вам рассказал сейчас то, что просто пришло в голову, экспромт. Действия могут меняться или носить совершенно иной характер. – тут Наилэр замолчал. Ялган ничего не отвечал. Было не ясно, слышал ли он вообще слова своего собеседника, или его больше привлекал узор ковра на полу.

– Ваши слова, Наилэр, золотом записывать на лучшей коже. Харфал, начальник гарнизона Галиара, который сейчас, в отсутствие императора является главой столицы и столичной провинции, искренне предан Владару, то же можно ска-

зять и о начальнике городской стражи. Боюсь, они арестуют Синклит, как только догадаются, что происходит.

– Значит, нужно сделать так, чтобы они об этом не догадались. Даже если им станет известно о наших планах, думаю, у зераклитов будет достаточно денег, чтобы создать свою армию из наёмников. Более того, ввиду нашей дружбы, я бы тоже не остался в стороне. Мог бы занять вам денег на создание таких отрядов.

– Хорошо, но сейчас император популярен, он разбил врага, освобождает захваченные ранее врагом территории. Кто знает, может, он ещё новые земли присоединит. Сможем ли мы сейчас очернить его в глазах жителей Галиара? Может, лучше подождать?

– Милый мой Ялган, Вы меня удивляете. Вы предлагает подождать, пока Владар победоносно, с триумфом въедет в столицу. Тогда Вы точно можете надолго забыть о возможности что-то поменять. Очернить можно любого, очень быстро, главное – задаться такой целью. О его победах будем говорить, что он вершит победы для своей славы, а не для Империи, печется о своём благе, а не о благе народа и достигаются победы не руками Владара, а руками его сподвижников, которых он совсем не ценит. Вам это кажется неправдой, но многие поверят, будьте спокойны. Делать задуманное нами нужно сейчас, пока Владара нет в столице. Сейчас самый подходящий момент. Другого такого может просто не быть. Вы не думали, что вы и ваши сподвижники, своего ро-

да избранные, потому что Сефер наделил вас силами и умением, вдохнул в вас тягу к таким свершениям?

Ялган задумался, улыбнулся.

– Пожалуй. Но у меня всё равно есть вопросы.

– Задавайте не медля. Почту за честь ответить, либо мы вместе найдём ответ.

– Хорошо. Власть в столице примет Верховный Синклит Империи. Я почти не сомневаюсь, что в провинциях народа Империи собрания провинций признают такой переход власти. Но что делать с провинциями императора? Вам известно, там находятся его наместники. При них, конечно, тоже есть собрания провинций, но никакой роли, фактически, они не играют.

– Мой дорогой друг, вы меня снова удивляете. Я скоро начну думать, что Вам не нужны те преобразования, что мы оба тут обсуждаем, которыми хотим улучшить быт этой прекрасной страны. Вы более ищите причин, чтобы отказаться, чем причин, чтобы не оглядываясь идти до конца. Хотя, Ваши опасения вполне понятны и не подумайте, что я Вас осуждаю. Отвечу, что Вы знаете сами, сейчас многие из наместников императорских провинций находятся вместе с ним, далеко от подвластных им территорий. Они оставили временных управляющих вместо себя, но не думаю, что эти управляющие обладают таким же авторитетом как те, кто их оставил вместо себя. Хотя, конечно, пустым местом их тоже считать нельзя. Соппротивление с их стороны знати и бога-

тейшим купцам, земледержателям, будет сравнительно легко подавить.

– Да, Наилэр. Сам Сефер послал Вас мне в эту трудную минуту. Теперь противостояние с императором в нынешних условиях не кажется мне безнадёжным. Многие зераклиты Верховного Синклита Империи и зераклиты провинциальных народных Собраний сейчас тоже на войне. Уехали наиболее преданные, лояльные по отношению к Владару, люди. Тем вернее Собrania и Синклит поддержат наше выступление.

– Неужели мне удалось вселить в Вас надежду? – небольшим ножом Наилэр нарезал персик и ел его, долька за долькой, будто речь шла не о захвате власти в обширнейшей в Арече стране, а о сделке по торговле овощами.

– Почти. Во всём вашем стройном рассказе есть одна деталь. – После этих слов посол улыбнулся и немного наклонил голову вперёд. – Кажется, Вы сами ждали этого вопроса. Я хочу спросить об армии. Армия фанатично предана Владару. На смотрах войск иногда создаётся впечатление, что император для солдат, едва ли не нечто вроде божества. Пока у него в руках армия, я не могу быть до конца уверенным в благополучном исходе нашего дела. Армия раздавит нас. А нам ещё после свержения Владара нужно будет воевать с кочевниками. Так что мы рискуем быть убитыми как сторонниками императора, так и внешним врагом, номадами. Эта задача кажется мне более сложной, чем захват власти в сто-

лице Империи и центрах провинций. Конечно, мы создадим свою армию, пускай частью из наёмников, частью из искренне преданных нам людей, но я сомневаюсь, что она по качеству не будет уступать армии императора. А воевать против Владара и номадов одновременно... – зераклит не закончил фразу.

– Понимаю Вашу обеспокоенность, почтеннейший Ялган. Я тоже думал над этой проблемой. Признаюсь, на мой взгляд, это честь для любого властелина иметь столь преданную армию. И Вы беспокоитесь не по пустому поводу. Это действительно, самая трудная задача из тех, что перед нами стоят. Но везде есть изъян. Надо только его увидеть.

– Простите, Наилэр. Позвольте, я объясню, как я понял Вашу мысль. Я не дипломат, моё поприще – торговля, хотя генеалогия моя включает многих людей, талантливых и в других областях, в дипломатии в том числе. Да и торговля, в принципе, имеет много общего с дипломатией. Вы имеете в виду, что среди высшего дворянства, знати, которая находится сейчас рядом с императором, нам нужно найти предателя?

– Ялган, что за слово! «Предатель»! Разве мы можем сотрудничать с предателем? Лично я – никогда. Думаю, Вы тоже. Это должен быть сочувствующий нам человек, единомышленник, которого Синклит, после получения власти, отблагодарит как следует, по достоинству. Хотя для сторонников императора, конечно, такой человек будет предателем,

иначе они его называть не будут.

– Боюсь, Вы плохо представляете себе окружение императора. Я не могу назвать ни одного имени человека, с которым можно было бы связать надежды на участие в отстранении императора от власти. К тому же, у нас не будет возможности сделать ошибку в выборе, если мы ещё отважимся делать такое предложение. Пока я не намерен произносить вслух такие речи, только при Вас, в качестве исключения. Если наш агент предложит участвовать в заговоре кому-нибудь из военной знати, нас схватят очень быстро. Вас, благодаря Вашему статусу посла, не повесят, как меня, на центральной площади Галиара, площади Империи, подобно простолюдину. Думаю, Вас отравят или зарежут, в любом случае скажут, что Вы себя убили. Вам тоже не выбраться живым не то что из Империи, даже из города. – Ялган всё больше распалялся, пока произносил эту речь. Он ходил по комнате, говорил громким шёпотом. Ещё немного и он потеряет всякую осторожность, начнёт говорить громко. Так громко, что их точно услышат. – И даже если мы найдём сочувствующего нам человека, как вы его назвали, что дальше? Арестовать Владара он не сможет, это исключено. Для этого нужно, чтобы сторонники императора среди военных остались в меньшинстве, чего не будет. Убить императора? Тоже не понимаю, что будет дальше?

– Да, всё, что Вы говорите – правда. Одна правда. Есть ещё другая – если Вы не понимаете, как чего-либо достичь,

то Вы либо мало над этим размышляли, либо просто не хотите получить то, к чему стремитесь. Избавьте меня от повторения Вам этой истины, дорогой Ялган. Не всё в окружении Владара так идеально. Есть человек, который, я уверен, нам поможет.

– Интересно узнать имя. Заранее прошу извинить меня, если не удержусь от улыбки или даже смеха.

– Двоюродный брат Владара, князь императорской крови Галсаф.

– Ваши аргументы?

– Несколько лет назад ходили слухи при дворе о ссоре императора с князем Галсафом.

– Слышал. И что? Об этом много говорили. Придворные любят такие темы. Но только слухи.

– А мне удалось разузнать вполне конкретные вещи. Ссора действительно была. Из-за любви Гласафа к роскоши и шумным пирам. Ладно бы он просто гулял, а то ведь гуляет так, что об этом складывают легенды. Конечно, император обвинил его в непомерных тратах, дурном поведении, недостойном даже обычного человека, не говоря уже о человеке, в чьих жилах течёт императорская кровь. Кроме того, Галсаф иногда играет в кости. На большие суммы денег. Очень большие суммы денег.

– Охотно верю. Пир у Галсафа были поистине сказочными. Я даже как-то побывал на одном. Ни до, ни после я ничего похожего не видел. Если уж мы об этом заговорили, то ска-

жу ещё, что князь будто устраивал время от времени пиры для узкого круга лиц. Там программа была, как говорят, насыщенная, чем обычно. Разнообразнее. Гостей угощали как отменными блюдами, так и лучшими блудницами столицы. Якобы в благодарность за одну ночь такой мастерице могли подарить целое имение. Но как-то внезапно разговоры о пирах прекратились.

– Нет дыма без огня. Все эти слухи – правда. Пирсы действительно происходили. Как большие, так и те, что поменьше. Самое удивительное, император обо всём этом знал и терпел, до поры. А именно до той поры, пока сумма долгов Галсафа не стала превышать стоимость всех его дворцов и угодий. Фантастическая цифра, понимаете?

– Ха! Понимаю. – Ялган развалился в кресле, пытаясь представить себе эту астрономическую сумму.

– И вот однажды, князь Галсаф пришёл к Владару просить денег. Конечно он обещался их отдать, плёл что-то о скорой прибыли, о том, что больше просить не будет, что это в последний раз и так далее. Похоже, никто больше ему денег занимать не хотел. Вот он и пошёл к брату, хотя не мог не понимать, как рискует. И действительно. Владар был страшно взбешён. Осыпал родственника бранью, назвал «позором семьи», это при том, что Владар обычно – само спокойствие. Запретил ему устраивать празднества. Отобрал большую часть имений. Оставил два.

– Да, оба под Галиаром, насколько я знаю.

– Именно, недалеко от города, чтобы Галсаф был под при-
смотром. Но это не важно. Важно то, что Владар всё же рас-
считался с долгами двоюродного брата. Установил за ним на-
блюдение, чтобы тот не вздумал устраивать что-нибудь в тай-
не от императора. Теперь самое интересное. Князь Галсаф,
вместо того, чтобы отблагодарить спасителя, посчитал, что
его незаконно обобрали, а двоюродный брат – деспот и ти-
ран.

– Да, Галсаф гордый человек. Такой скорее умрёт, чем
признает свою неправоту или слабость.

– Он очень гордый человек. И ещё во власти страстей.
Вместо благодарности за избавление от долгов в нём просну-
лись гнев и обида. Однако у него остались несколько верных
друзей из знати и военачальников. Неправду говорят, что
друзья в попойках не бывают настоящими друзьями. Иногда
они очень верные друзья. Думаю, князь Галсаф – тот чело-
век, который нам нужен.

– Не могу спорить. Очень похоже на правду. Но откуда Вы
знаете все эти подробности?

– Мой дорогой друг! Ялган, вы знаете, что нас очень часто
окружают люди невидимки? Я не говорю о слуховых отвер-
стиях в стенах комнат, глазах в картинах и стенных роспи-
сях, о дверных щелях. За Вами могут наблюдать, даже когда
Вам и в голову это не придёт. Это просто. Невидимки – это
слуги. Такие надёжные слуги, что по многу лет трудятся в
домах своих хозяев. Вы не задумывались, откуда появляет-

ся вино в вашем бокале, фрукты на блюде, кто правит каретой, в которой вы спите? Кто нагревает Вашу постель? Вы их очень редко запоминаете, если вообще, замечаете. Но они есть, они слышат и видят куда больше, чем может показать-ся. Вы их не замечаете, но они очень хорошо всё замечают. Вот от них я всё знаю. Будьте внимательны с ними. Вы заметили, что слуга три раза заглядывал в комнату справиться, всё ли у нас в порядке.

– Вообще это странно, слуги ждут, когда их позовут.

– Согласен. Проверьте этого человека. Вообще странно, что ему даже позволили сюда заходить без приглашения. Но вы его заметили?

– Нет.

– И это нормально. Их никто не замечает.

– Наилэр, я слышал, что вы опасный человек, но не знал, что на столько. Скажите, Вы и обо мне что-нибудь интересное знаете?

– Это не важно. – Коротко и с улыбкой ответил посол. – Просто обращайтесь внимание на таких невидимок.

Ялган решил вернуться к князю, двоюродному брату императора.

– Хорошо, будем делать ставку на Галсафа. Можно будет предложить ему достойное вознаграждение. За сочувствие к нам и помощь. Он мог бы при всех обвинить императора в стремлении узурпировать власть, излишнем властолюбии, желании разогнать Верховный Синклит Империи, в желании

Владара оставить рядом с собой лишь небольшую группу верных, преданных лично ему людей, а тех, кто ему не симпатичен, сослать в самые далёкие уголки Империи. А лучше, пускай он говорит об всём этом скрыто. Мы даже сделаем подложные письма, которые он предъявит стратигам, командующим легионами и комитам провинций.

– Наконец, дорогой зераклит, Вы тоже начали делать предложения! А я решил, что вы специально выбрали роль возражающего. Ваша идея неплоха, но что-то мне в ней не нравится. Нужно ещё подумать. Простите, уже достаточно поздно.

Ялган посмотрел в окно.

– Судя по небу, скоро рассветёт. Я бы даже сказал, что уже раннее утро. Самое начало утренних сумерек.

– Тем более, нужно немного отдохнуть. А потом – за дело, нельзя терять времени. Настоятельно рекомендую Вам завтра же начать переговоры с другими зераклитами. Время сейчас на стороне императора.

– Да. Поэтому, прошу Вас, заезжайте завтра в два часа по полудню ко мне.

– Благодарю за приглашение, но, думаю, будет полезнее и правильнее, если в начале этого непростого пути Вы сами отправитесь к своим коллегам. Я не хочу, чтобы они думали, что это я Вас надоумил так действовать. Но уже сейчас вы можете полностью рассчитывать на любую поддержку с моей стороны. Возможно, было бы полезно, чтобы Вы не упоми-

нали и моего имени в разговорах с другими зераклитами.

– Как всегда, ваши слова не лишены смысла. Ждите известий от меня.

Хозяин проводил гостя и остался один. Было почти утро, разговор утомил зераклита, но в голове были сотни мыслей и спать не хотелось. Однако усталость давала о себе знать. Ялган глядел в окно, на зарю нового дня и размышлял о словах Наилэра, о его просьбе не упоминать о нём в разговорах с другими зераклитами. Впечатлила осведомлённость гостя о скандалах, что тщательно скрывали при дворе. Уж от придворных сплетников, казалось, не могли ускользнуть ни один даже самый незначительный скандал или сплетня. «А нет ли здесь выгоды Наилэру? Зачем он нам, мне так усердно, упорно помогает? Впрочем, какая разница? Жизнь в Союзе торговых городов лучше, чем в Империи. Почему бы не поверить в то, что он просто искренне хочет помочь? Я же искренен в своём делании, убеждён в правоте. Может, он поможет сделать жизнь людей в Империи похожей на жизнь живущих в Свободных городах?» Тут усталость стала одолевать его и Ялган отправился спать. Прошедший день он считал приятным и полезным, поэтому уснул быстро.

Глава 14. Сариа́т и Наппар

Сариа́т был достаточно молодым городом, ему было около трёх сотен лет. Но молодость не мешала за короткое время скопить большие богатства. В горах рядом с городом находятся золотые копи. Часть их принадлежит императору,

часть купцам, таким как Аран из Наппара. Добытое золото обрабатывают в Сариате. Обилие этого материала привлекает ювелиров и на всю Империю славятся драгоценности Сариатских мастеров. Ещё одной особенностью города было обилие деревянных построек. Двух-, трёх- и даже четырёхэтажные дома из дерева были основным видом зданий в Сариате. С основанием города связана легенда. Первые поселенцы были выходцами из Таираса, решившие покинуть родной город и искать лучшей судьбы за Высокими горами. Кто-то предложил название «Сариат» для нового города, потому что по другую сторону Высоких гор, примерно напротив Сариата стоит Таирас. Получался город, противоположный Таирасу. Можно было говорить о негласном соперничестве двух городов, которое начал именно Сариат, желая превзойти близкого, и в то же время далёкого, из-за горного хребта, соседа. Наар и раньше слышал об этом городе, но не думал, что когда-либо ему придётся там побывать.

Пройдя через большие городские ворота, путники вошли в город, сразу расположивший к себе широкими чистыми улицами. Кое-где, конечно, лежал лошадиный навоз, но на это можно было не обращать внимания. К тому же навоз быстро убирали. Освещение было устроено достаточно искусно. Стакан с маслом, в который был погружен горящий фитиль, был закрыт прозрачным стеклом лишь с одной стороны. Три другие стенки были зеркалами. Стенка из стекла была больше, чем остальные три, поэтому получался мощ-

ный фонарь. Он не освещал пространство вокруг, только половину пространства около себя, но очень ярко.

– Кавэд, посмотри, какие яркие фонари. У нас так ярко не светят! – удивлялся Наар.

– Я могу ошибиться, но по-моему, дело в жире, который местные используют для ламп. Об этом написано в одном из Описаний Империи, что я переписывал в скиту. В Сариате для этого специальную породу овец вывели, с особым курдючным жиром. Получают достаточно света при малом количестве фонарей. Но эту породу они берегут как самые редкие ювелирные украшения. Потому что торгуют маслом как монополисты. Это право им подтвердил сам Император. – Кавэд хотел ещё что-то сказать, но Наар его перебил.

– Друг, спасибо. Но хватит о масле рассказывать. Лучше посмотри, что тут на прилавках лежит. – Кавэд будто немного обиделся на друга, но сам почти сразу отвлёкся на товары, что разложили на своих прилавках местные торговцы и забыл об удивительном жире овец Сариата.

Друзья проходили мимо торговых рядов с тканями: шелка, парча, хлопок, льняные ткани, шерсть, газ всего было в изобилии. Дальше растянулись ряды стекольщиков: кувшины, тарелки, стаканы, вазы обычные, вазы для свечей. То есть такие, внутрь которых можно вставить свечу и комната украсится разными тенями. Можно было докупить тени, вырезанные из бумаги, или вырезать их самому, так что тени можно было менять едва не каждый вечер, была бы фанта-

зия. Везде на рынке было огромное количество народа.

– Дааа... – протяжно сказал юноша, рассматривая большую кружку для пива, чеканную, с фигурками пирующих. Были проработаны столь мелкие детали, что казалось, будто силуэты лишь застыли на время и когда Наар поставит кружку на место, они продолжат веселиться. – Я бы здесь задержался, будь у нас время. Здесь, как вижу, угроза номадов никого не беспокоит. По крайней мере, вид у прохожих весьма беспечный.

Мимо шли толпы людей, по которым никак нельзя было сказать, что недалеко, столица соседней провинции, Тарин, готовится к осаде. Объяснялось это как большим расстоянием между городами и тем, что в Сариае вообще никогда не знали войны и свято верили в несокрушимую мощь Империи, так что любые боевые неудачи воспринимались как недоразумения и явление временное.

– Меня больше беспокоит вопрос о том, где мы будем ночевать сегодня. Здесь всегда такая толчея или это только по случаю нашего приезда? Интересно, в гостиницах есть места?

– Не всё ли равно? Лучше гулять по городу, ночлег будем искать, когда станет совсем поздно. Мы же можем больше никогда здесь не побывать. Пользуйся случаем!

Кавэд что-то буркнул в ответ неразборчивое, друзья пошли осматривать город. Во время прогулки заметили гостиницу, куда и вернулись поздно ночью, к тому времени

все лавки закрылись и даже из кабаков и таверн открытыми оставались лишь самые сомнительные заведения. В гостинице места были, но только на чердаке. После ночи в санях, бега от пауков и огромного ворона, почти десятичасового пешего путешествия и нескольких часов прогулок по Сарияту в городской толчее, путешественники были рады и такому ночлегу.

Завтракали постояльцы на первом этаже. Три длинных деревянных стола с лавками были всей немногой мебелью, стоявшей в столовой. Тарелки были не у всех, в столах были сделаны углубления, в которые и накладывали еду. Обьедки оставляли на столе, потом младшая кухарка сгребала в ведро для помоев. Стол был засален, постояльцы видом и поведением напоминали то ли узников, то ли жестокою дикую банду разбойников, и участвовать в общей трапезе писцам никак не хотелось. Каттавы взяли по чашке чая на травах и уселись в углу, прямо на устланном соломой полу, благо у них оставалось много припасов, полученных от Уадура. Им казалось, что на них косятся. Однако только казалось. Даже запах их закусок, которыми они себя потчивали, не мог пробиться через толщу плотного тяжёлого духа, заполнившего первый этаж гостиницы. Вдруг вбежал какой-то человек, очень возбуждённый, он размахивал руками и едва не подпрыгивал на месте.

– Победа! Номады разбиты! Императорская армия с Владаром во главе четыре дня назад разбили врага! Только что

из Тарина прибыл гонец. Кочевники отступили к Парсонтару, император их преследует. Скоро враг будет изгнан из Империи! – так друзья узнали о победе под Тарином. Все кругом ликовали. Путешественники даже немного удивились такой радости. Вчера им показалось, что до войны здесь никому дела нет. Когда первые эмоции улеглись, Наар задумался.

– Как считаешь, – обратился он к монаху. – Мне всё ещё необходимо идти к Белому побережью? Или я могу вернуться в Таирас?

– Понимаешь, одна победа, первая победа – это много. Но это только начало. Я не знаю, никто не знает, когда угодно Сэферу написать строки о взятии твоего чудесного города нашим императором. Да и разве забыл ты о тех спутниках, что сопровождали нас в Высоких горах? Я не о каменных псах, ты понял. И паукам, и ворону, явно нужен был ты. Наверняка вместе с рукописью. Что это были за чудовища – мы не знаем. То, что они не напали на нас по дороге в Сариат – милость Сэфера, не иначе. Но что нас, тебя ждёт в будущем – я не знаю. Ты сам поймёшь, что можешь вернуться, когда придёт время. И тогда сомнений не будет. Сейчас возвращаться ещё рано. Мне так кажется.

– Пожалуй, ты прав. Я это чувствую. Идём в Наппар. Надо спросить у хозяина гостиницы, как туда добраться.

Хозяин гостиницы, среднего роста полноватый мужчина в сером холщёвом переднике, льняной рубаше и нарукавниках,

в таких же льняных штанах, с огромными волосатыми руками, бычьей шеей и короткими волосами на голове, не отрываясь от разливания тёплого эля по кружкам, ответил, что в Наппар следует добираться с торговыми караванами. Они выходят туда раз в три дня, утром. Сегодня как раз один вышел и если друзья поторопятся, смогут его нагнать. Но нужно быть осторожными, потому как караван везёт драгоценности и изделия из стекла, товары дорогие. Охрана сильная, но разбойники напасть, всё же, могут.

– Вы можете пойти и вдвоём, без каравана, но это ещё опаснее. – Мужчина продолжал суетиться у прилавка, разрезая куски солонины, извлечённые из бочки, стоявшей в подвале.

– Да у нас и брать нечего. Денег совсем немного. – здесь Наар почему-то начал лгать, хотя сам этого не хотел и ситуация к этому не вынуждала. Уадур дал им кроме еды большую сумму денег. – Если только одежду взять.

– Ну, могут и одежду взять. Могут рабом сделать. Но вы не переживайте. Некоторым удаётся добраться без приключений. – На этом разговор закончился, Наар и Кавэд отправились к городским воротам, желая нагнать караван.

– А что ты думаешь о нападениях на караваны? – Кавэд молчал, похоже, сам размышлял о разбойниках пустынь, потом решил узнать мнение друга.

– Нашёл кого спрашивать! Я что, в бандах когда бывал? А вообще, думаю, что сегодня или завтра это маловероят-

но. Скорее всего, на третий день пути. Максимально далеко от Сариата и Наппара. Я надеюсь, что ничего такого не произойдёт.

– Я тоже очень на это надеюсь.

Остаток дороги шли молча. При быстрой ходьбе разговаривать много не получается. Два раза останавливались ненадолго передохнуть. К вечеру караван нагнали, но к тому времени уже начинали проклинать хозяина гостиницы, который посоветовал им такую погоню. С его слов получалось, что догнать караван большого труда не составит. Начальник каравана за несколько монет согласился принять друзей под свою опеку и они стали полноправными членами каравана. Ночлег прошёл в небольшом постоялом дворе, похожем, скорее, на крепость средних размеров, чем на временное пристанище путников. Путешественникам объяснили, что здание старое, относится к тем временам, когда здесь рыскали отряды разбойников куда большие, чем сейчас. Теперь такие укрепления служат скорее памятниками тем далёким временам, но иногда, все жё, их приходится использовать по назначению. Поэтому укрепления поддерживают в хорошем состоянии.

Ранним утром следующего дня караван продолжил путь. Охрана действительно была мощной: десяток кавалеристов, два десятка пехотинцев с мечами, два десятка лучников. Пехоту везли на телегах, по одной на десять человек. Кроме того, почти у каждого члена каравана было какое-то личное оружие. Пассажиры владели им в разной степени, но во вре-

мя опасности человек часто обретает способности, о которых ранее не подозревал. Хорошая охрана стоила дорого, но убытки при грабеже каравана могли быть в разы больше, поэтому на охране купцы не экономили.

По дороге часто попадались одинокие путники, что удивило каттавов. Те путники были либо безумные, либо смельчаки, доказывавшие свою смелость. Зачем? Никто бы на это не ответил. Даже они сами. Несколько раз на встречу прошёл караван. Тоже большой, больше полусотни животных. Так прошёл второй день пути и начался третий. Кавэд вспомнил разговор с товарищем и решил спросить погонщика:

– А могут на нас сегодня напасть?

– Могут. – Погонщик, крепкий, загорелый мужчина средних лет, с чёрными курчавыми волосами и золотой серьгой в ухе отвечал, но всем своим видом выказывал безразличие. Было похоже, что он составляет один организм с бредущим под ним верблюдом. – Вчера могли напасть, завтра могут напасть. Здесь не угадаешь.

Кавэд заметил след от шрама на спине погонщика. Рубец от давней раны будто выполз на шею из-под одежды.

– А ты как думаешь?

– Я никак не думаю. Я погоняю верблюда. Если бы я весь путь думал о нападении или просто об опасностях путешествия, я бы с ума сошёл. Монах, переписывай алфавит. Будет больше пользы.

– Спасибо. – Кавэд оскорбился таким ответом. Ему пока-

залось, погонщик ответил неоправданно грубо.

Третья ночь прошла в одной длинной каменной постройке, тоже бывшей укреплением. Там ютились люди и животные. Путешественники запомнили жуткий смрад, при котором никак нельзя было уснуть, пришлось спать на улице, благо позволяла погода.

Четвёртый день пути проходил спокойно. Друзья начали думать о дальнейшем маршруте, после Наппара.

– Слушай, – Кавэд хотел сказать что-то другу, но закончить мысль не успел. Один из погонщиков протрубил в сигнальный горн предупреждение об атаке на караван. Верблюдов сразу начали составлять в круг. Охранники рассредоточились для обороны. Всё делалось без паники, спокойно. Как если бы нападения ждали именно в этот момент и именно от этой банды. К каравану быстро приближалось облако пыли, в котором без труда можно было узнать отряд грабителей на конях. Лучники из числа охранников несколько раз выстрелили в атакующих, убив с десятков и ещё столько же ранив. Приблизившись, всадники метнули копья во врагов, некоторые начали стрельбу из луков. Всего их было около сотни или немного меньше. Одежда была каким-то тряпьем, грязным и пёстрым. От них воняло потом, грязью и кровью. Во рту вместо зубов были гнилые пни и как они ими могли есть для Наара так и осталось загадкой. Лица в шрамах. Не люди, а порождение Малака. Погонщики и купцы тоже достали мечи, кто-то пращи, начали обороняться. Кто-то про-

тянул меч юному каттаву.

– Сражайся! – Наару сунули в руки меч, но вместо того, чтобы пойти на врага, каттав сделал несколько шагов вглубь импровизированной крепости.

– Но я не умею! – юноша растерянно смотрел на погонщика, давшего ему меч.

– Это не мне объясняй, им! – крикнул погонщик и увидел, что приближается ещё человек двадцать пеших разбойников.

– Не жалейте сил, только отбейте нападение! Мы вознаградим Вас по чести! – кричали неистово купцы, чей товар вот-вот мог попасть в руки грабителей. Тут Кавэд, стоявший рядом, выхватил меч из рук своего мятущегося приятеля и бросился на нападающих, которые едва не опрокинули одну из телеги не разрушили укрепление. Убить он никого не смог, но само появление ещё одного бойца, пускай даже не очень сильного, помогло оборонявшимся сдержать натиск врага на том участке обороны. Нападение длилось недолго, около четверти часа, обе стороны потеряли убитыми много людей, но нападавшие не смогли сходу овладеть караваном, а длительные бои разбойники не вели, они не регулярная армия, не имеют навыка продолжать длительную атаку. Если видят, что потенциальная жертва даёт отпор – бегут. В итоге бандиты были вынуждены отступить. В караване было около ста пятидесяти человек при семидесяти верблюдах и пятнадцать телег, которые тащили верблюды из числа тех семиде-

сяти.

– Куда только смотрит Народный Синклит провинции? – негодовал высокий, крупный купец в плотном тёплом халате и красном колпаке на голове. – Такие нападения стали уже едва не нормой.

Ему ответил начальник охраны, ехавший рядом. Жилитый, но на первый взгляд хлипкий мужчина. Было в его чертах даже что-то женственное, хотя в характере и в поведении ничего женственного он не имел.

– Раньше нападений почти не было. Они участились в последний месяц из-за вторжения варваров на Запад Империи. Бандиты почувствовали, что они теперь не главная проблема и пользуются ослаблением внимания к себе. Но с каждым разом их нападения всё труднее отбивать. Их становится больше и они наглеют. – Мужчина произнёс фразу и вытер свой меч об одежду одного из нападавших. Сам её хозяин остался лежать на земле.

– То есть, вы хотите сказать, что они могут вернуться? – Кавэд не мог оставаться в стороне от такого разговора. Тем более, у него теперь было поцарапано плечо и он ощущал себя полноценным участником драки. Для себя монах решил, что принял боевое крещение, хотя сражался из необходимости, а не для браводы отвагой и посредственным владением оружием.

– Боюсь, что могут. – Ответил начальник охраны. – А ты, кстати, неплохо сражался, для монаха. Не ожидал.

– Ну, монахом я стал не сразу. – тут Кавэд замолчал, будто решал, добавить что-то к этим слова или нет. – Однако, особого успеха в боях на мечях не показывал никогда.

– Тогда это тем более неплохой результат! Немного потренироваться и ты будешь драться не хуже моих ребят. Они, конечно, не самые лучшие мечники в Империи, но тоже кое-что умеют. А ты, – Воин повернулся к Наару, – бери пример со своего друга.

Наару было очень неудобно. Хотел провалиться сквозь землю, ненавидел себя за трусость.

– Извините, не знаю, что на меня нашло.

– Ничего, бывает. Страшно каждый раз, но важно однажды сделать шаг вперёд. Тогда бой не покажется уже таким страшным. Меня зовут Кедир. Если хочешь, я покажу тебе пару приёмов атаки и защиты для меча. Простых, но эффективных. – На это предложение Наар согласился.

Так караван вновь выстроился в походный порядок и отправился в дальнейший путь. Задержка в пути составила несколько часов, из-за этого на место ночлега прибыли поздно ночью. Ночевали в огромном доме, разбитом на две половины, как и другие постоянные дворы, для животных и для людей. Этот дом был обнесён каменной стеной. Постоянно там находились пятнадцать человек. Перед сном Кедир, начальник охраны каравана, как и обещал, показал каттавам несколько приёмов фехтования на мечях. Охрану на ночь решили оставить усиленную, по сравнению с тем, какую остав-

ляли обычно. Но бандиты второй раз не напали. Возможно, нашли более лёгкую добычу или просто решили больше не пытаться счастья. Проведя в дороге ещё шесть дней, караван, вечером десятого дня пути, как и было рассчитано, пришёл в Наппар.

Наппар, хоть и был центральным городом провинции, уступал по красоте многим другим городам Империи, даже не имевшим статуса столицы провинции. В сущности, в нём не было ничего примечательного. В добавок ко всему, недавнее землетрясение разрушило много городских построек. Некоторые здания восстанавливали, на месте других ещё высились развалины, камни, доски, брёвна. Среди этого мусора жили бездомные, крысы, бродячие собаки и кошки. Таких обитателей было немного, но они встречались. Городской пейзаж был грустным, но настрой наппарцев, их видимое трудолюбие, любовь к городу, который они восстанавливали – всё это делало пребывание в Наппаре приятным и даже радостным. Видя то, с каким воодушевлением трудятся люди, хотелось начать им помогать. Стать рядом и разбирать завалы.

– Что здесь произошло? – Наар обратился к Кедиру, а потом продолжил оглядываться по сторонам.

– Как? Неужели Высокие горы столь высоки, что до Оринтской провинции не доходят новости из-за другой стороны хребта? Совсем недавно, пару месяцев назад, здесь произошло одно из мощнейших землетрясений за всю исто-

рию Империи. Несколько десятков тысяч человек погибли. Говорят, что это Малак со своими тварями пытался подняться в этот мир. Я в такое объяснение не верю. Многие верят, а я не верю.

– Ну, не все должны верить тому, что написано. Хотя это было бы прекрасно. – Спокойно ответил юноша. Кедир, казалось, был немного удивлён таким ответом. Наар продолжил. – Конечно, каждый каттав хотел бы, чтобы все верили. Но заставить верить невозможно. Тем более, если такие люди сами по себе зла не делают, а делают добро от всего сердца, не потому, что боятся гнева Сефера.

– Это правильно, но почему люди должны верить, если никто не видел тварей, Сефера, Малака? Почему люди должны верить в то, что это – правда, а рассказы перед сном, что мне мама с бабушкой рассказывали – вымысел? Вы сами почему верите?

– Я верю потому что получаю ответы на вопросы, которые перед собой ставлю и на те, которые встают передо мной сами собой, пока я просто живу. В определённом смысле, эти ответы – мой выбор. Ведь другие люди выбирают другие ответы. – Чётко, будто чеканя слова, ответил Наар.

– Да, я согласен с другом. Я тоже сделал свой выбор. Только я ещё и монашество выбрал. Хотя сейчас я тот ещё монах. – Кавэд осмотрел себя и задумался. Сомнение начало беспокоить его ум: правильно ли он сделал, что оставил скит?

– Кавэд, вот это для меня совсем непонятно. Из тебя мог бы получиться хороший воин. И жизнь твоя была бы куда интереснее. Ты же выбрал... – воин замолчал, задумался. – Не буду говорить, что ты выбрал, то как я это называю, может тебя обидеть. Ладно, прекратим этот разговор. Не уверен, что мы сможем понять друг друга. Скажите лучше, что вы в Наппаре делать будете? Или вы проездом?

Наар не мог понять почему именно, но ему стало очень неприятно, когда Кедир так резко сменил тему. Кавэд же напротив, был рад, что тема закрыта, боялся, что начнут осуждать его «бегство» из скита.

– Мы проездом. Из Наппара, дальше в Бэлду, а там по реке Нахавэ вверх по течению и дальше до Галиара. Идём к Белому побережью Восточного моря.

– Далёкий путь. Сегодня я предлагаю вам отдохнуть. Купцы, чьи жизни и товары мы защищали, обещали щедро отблагодарить нас за спасение. Они должны устроить большой пир, этим хитрецам так будет менее затратно, чем давать денег каждому солдату. А солдатам всё равно, они пропивают деньги в любом случае.

В одном из трактиров Наппара Наар, Кавэд, и Кедир нашли знакомых и друзей по каравану. У Кемира ещё были дела в караванном дворе, поэтому к началу праздника гостям прийти не удалось. Вино и пиво, настойки, лились там рекой и уже давно. Наару казалось невероятным, что купцам дешевле угостить всех, чем заплатить всем.

– А купцы специально сохраняют свои богатства, чтобы потом спустить их в кабаках и трактирах? – произнёс юноша, окидывая взглядом веселящихся вокруг. Но ответа не услышал. Толпа увидела, как вошел Кедир, начальник охраны каравана и бурно его приветствовала криками, свистом, хлопками в ладоши. Он был любим всеми и отвечал взаимностью.

– Дайте ему пива! И тем двоим, что с ним пришли. – Выкрикивал кто-то из толпы.

– Да мяса жареного с хлебом! – вторил ему второй голос. Пир получался на славу. Одни уже танцевали, другие ещё пели. После нескольких часов праздника гости начали засыпать прямо в трактире, на лавках и стульях, за столами.

Утром Наар проснулся с болью в голове. Рядом сидел Кавэд, вид у него тоже был болезненный.

– Похоже, мы вчера перебрали – монах обнимал голову. – Это Сефер наказал за дурость. Коварное зелье...

– Воды бы... Здесь пиво не такое мягкое, как у Уадура. И вино, и настойки...

– Как ты себя чувствуешь, юноша? – Кавэд не мог без улыбки смотреть на приятеля. – Похмелье?

– Наверное. Поздравь меня, я, кажется, впервые напился.

– Было бы с чем поздравлять. А вообще, так я удивлён, что сегодня это произошло с тобой впервые. – Кавэд нашёл на столе кувшин с водой, чудом оказавшийся рядом, прямо из него сделал несколько глотков сам, потом протянул другу.

– Я напишу в твою честь гимн и перепишу его сотню раз! – Наару показалось, что это была самая вкусная вода, что он когда-либо пил. По всему трактиру лежали спящие люди. Некоторые из них начинали просыпаться. В целом, заведение было больше похоже на поле битвы, усеянное павшими, чем трактир. Утолив жажду, юноша почувствовал силы продолжить разговор.

– Нет, в пирах я и раньше участие принимал, но чтобы так выпиться, это со мной впервые. А ты-то! Тебе не стыдно?

– И не пытайся меня пристыдить. Мне было стыдно уйти из скита. Теперь уже ничего не стыдно. Ладно, будет нам двоим урок.

Оба помятые, с взлохмаченными волосами, они встали из-за стола, за которым спали, стали отряхиваться, чтобы хоть как-то привести себя в порядок. Наар вдруг почувствовал, что что-то не так. На груди не было рукописи. Уходя от Уадура, писец повязал сумку с рукописью на грудь так, чтобы её было удобно носить. В то же время она незаметно постоянно была рядом с писцом.

– Что такое? – Кавэд по лицу приятеля понял, что произошло что-то неприятное.

– Рукопись пропала. Вчера точно была со мной. Посмотри ещё ты у себя. Мало ли что. – Наар растерянно хлопал по карманам, смотрел под столами, тормошил спящих и тех, кто начал просыпаться, но был ещё как в полубреду.

– Как же ей у меня быть? Ты вчера мне её не давал. – те-

перь Кавэд хлопал себя по карманам, смотрел под столами. Позвали трактирщика, он жил в этом же доме, но вразумительного ничего от него не услышали.

– Святые письма! Даже трактирщик вчера напился! Нас обокрали, очень на то похоже. – Наар заметил, что, странным образом похмелье уже прошло и его мысль стала быстрой, чёткой, какой не всегда бывала и на свежую голову. Кавэд тоже быстро протрезвел.

– Может, она всё же где-то здесь? Нужно ещё раз как следует всё тут перерыть. – И вновь начались поиски. За час они досконально просмотрели каждый угол трактира, каждого гостя, что ещё не ушёл. Получили десятки проклятий от вчерашних друзей. Но рукописи нигде не было.

– Вспоминай, ослиная голова, ты вчера снимал сумку с рукописью? – Кавэд тряс приятеля за голову. Наар оттолкнул его с силой.

– Нет, не снимал. По крайней мере, не помню, чтобы снимал. Нас, похоже, всё-таки обокрали.

– Проклятое вино. Мы обязаны её найти. Но как это сделать в незнакомом городе?

– Вино можешь не клянуть. Силой его в тебя никто не заливал. А найти рукопись мы обязаны.

Оба сели на лавку и начали думать.

– Слушай, мы никого здесь не знаем, кроме Кедира. Думаю, нужно пойти к нему и рассказать о нашей беде. Он хоть что-то сможет посоветовать – Закончил мысль Наар и развел

руками.

– Идея хорошая. Но Кедира ведь тоже нужно найти. А где? В трактире, среди спящих, его нет.

– Пошли на караванный двор Наппара. Там должны знать, где его найти.

Уверенности в том, что Кедир сможет, или даже просто захочет им помочь, не было никакой. Но других вариантов действий тоже не было. На Караванном дворе Кедира не оказалось. Но друзьям назвали дом, где он мог быть. Дверь большого здания возле рыночной площади открыл кривой на один глаз привратник с крючковатым носом.

– Здравствуйте, проходите. Милости прошу. – дверь он открыл так услужливо, что писцам стало даже неловко. – Проходите, располагайтесь, сейчас к вам подойдут.

– Спасибо, мы ищем... – начал Наар, но договорить не успел. Привратник очень вежливо, но настойчиво его перебил.

– Сейчас к вам подойдут и помогут найти всё и всех, кого бы вы хотели найти. – После этих слов мужчина удалился. Каттавы остались одни в небольшой комнате. Всюду были разбросаны мягкие подушки, стояли кальяны, уже заправленные для курения. Оба приятеля были в такой обстановке впервые. Ковры, вазы с эротическими сюжетами, статуэтки обнажённых женщин. Всё это навевало недвусмысленные ассоциации. Писцы только смотрели по сторонам и переглядывались друг с другом. В комнату вошла женщина, оде-

тая лишь в лиф и шаровары синего цвета. На ногах и руках несколько браслетов, в волос были вплетены синие ленты и красные цветы.

– Добро пожаловать, рады видеть Вас у себя в гостях. Чего бы хотелось двум друзьям? Присаживайтесь, что же вы стоите? – женщина указала рукой на подушки и села сама. Вернее, она скорее полулягла, приняв при этом достаточно свободную позу. Кавэд даже захотел уйти. Отвернулся, но взгляд его упал на вазу с изображениями таких же полулежащих женщин, только совсем голых. В итоге монах уставился в пол.

– Меня зовут Сокровище Наппара. Не смущайтесь. Вы впервые в доме такого рода?

Кавэд не мог выговорить ни слова. Он смущался, то ли злился. Наар тоже не сразу нашёл в себе силы заговорить. Прокашлявшись, немного запинаясь он выдавил из себя:

– Боюсь, здесь произошло недоразумение. Мы не знали, что здесь... – Тут каттав замолчал, в страшном смущении подбирая слова. – В общем, мы пришли сюда не за тем, чем вы думаете. Мы ищем знакомого. – закончил кое-как Наар и почему-то глупо улыбнулся. Женщина тоже ответила улыбкой. Она была очень красива: длинные чёрные волосы, тонкие черты лица, фигура – песочные часы. Но самым сильным её оружием была женская энергия, чарующая и сковывающая любую мужскую волю и противостоять которой многие и многие мужчины не находят в себе сил. Женственность,

которая не зависит от красоты тела, которая может сделать любое женское тело привлекательным.

– Ах, вы ищите друга? Я должна была догадаться. Что же, друга здесь вы тоже сможете найти. Вы курите? У нас замечательный кальян. Может, вина? Вы так скованы, что смотреть на вас больно.

Кавэд с Нааром переглянулись, потом начали смеяться.

– Нет, не тех друзей мы ищем. Нам нужен наш знакомый. Его зовут Кедир. Нам сказали, его можно найти здесь. А то, о чём подумали вы, нас совсем не интересует.

Тут женщина тоже рассмеялась.

– Просто вы выглядите как писцы, священники. Вот я и решила, что вы ищите «друга».

– А что, писцы часто здесь бывают? В поисках друзей или подруг? – Кавэд наконец тоже нашёл в себе силы заговорить. Смех растопил смущение, сковывавшее его. Женщина ответила не сразу. Несколько секунд она просто смотрела на друзей.

– Поверьте, не имеет никакого значения, кто здесь бывает и как часто. – Ответ был вежливый, но однозначный, «не стоит задавать таких вопросов». Ответов на них не будет. – Говорите, вы ищите Кедира? Да, он у нас бывает часто, это знает весь Наппар. Сейчас он у нас. Подождите минуту, я пошлю проверить, не занят ли он. Как о вас доложить?

– Скажите, что его спрашивают Наар и Кавэд. – ответил Наар.

– Хорошо. – Женщина взяла колокольчик, что стоял рядом, позвонила. Сразу в комнату вошла служанка, одетая также как её госпожа, только одежда её была оранжевого цвета и возрастом она была лет на семь младше неё.

– Пойди в красный зал на втором этаже и передай господину Кедиру, что к нему пришли его друзья, Наар и Кавэд. Но если господин Кедир будет занят, то не беспокой его.

– Да, госпожа. – служанка исчезла. Отсутствовала минут десять.

– Господин Кедир сейчас спустится. – И вновь исчезла. Время ожидания начальника охраны было занято разговорами и поеданием фруктов, которых принесли целый поднос. Ел Кавэд. Наар никак не мог отвлечься от мыслей о пропаже рукописи.

– Всё же, заходите к нам как-нибудь, отдохнуть, если ещё будете иметь время, желание и возможность. – Приглашала друзей владелица заведения.

– Спасибо, – ответил за обоих Наар. – Но обещать ничего не можем.

– Ну, не зарекайтесь. Никто не знает, что случится завтра. – Сокровище Наппара взяла в рот трубку кальяна, сделала глубокую затяжку и выпустила несколько колец синего дыма. Тут появился Кедир.

– Что же вы скучаете, друзья мои? Или вы не знаете, чем тут можно заняться? – Мужчина был весел и очень доволен. Его можно было назвать счастливым.

– Наконец мы тебя нашли. У нас важное дело. – Наар встал со своего места и подошел ближе к Кедиру. – Мы могли бы поговорить наедине?

Лицо воина стало немного серьёзнее, но общего настроения он не сменил:

– Интересно, когда я вчера вас оставлял, то ни о каких серьёзных делах на сегодня вы не вспоминали. Милая, – Он обратился к хозяйке дома, – нам нужно поговорить наедине. – И широко улыбнулся.

– Разумеется. – выходя, она поцеловала Кедира в щёку. Друзья остались в комнате втрём.

– Здесь безопасно говорить? – Наар посмотрел по сторонам.

– Юноша, запомни, ни в трактирах, ни в гостиницах, ни, тем более, в публичных домах ты никогда не можешь быть уверен слышит и слушает только твой собеседник. Но именно в это заведение я впервые пришёл, когда мне было шестнадцать. Это было давно. За прошедшее время было всякое, но теперь я доверяю местным, местные доверяют мне. Но, всё равно, говори как можно тише. Я услышу.

– Ночью в трактире у меня украли одну очень ценную для меня вещь. Мне нужно её найти.

– Что именно украли?

– Это была рукопись. Я носил её в сумке на груди, под одеждой. Вчера, – Наар замялся.

– Вчера вы оба знатно набрались. – Сказал Кедир.

– Да, и уснули прямо в трактире.

– Ну, ничего страшного в этом нет. У вас, я понимаю, опыта общения с крепкими напитками никакого, так что вчера вы получили урок, который должен научить вас правильно-му общению с этим зельем. Купцы редко бывают так щедры, как вчера. Но если кто из них не считает денег на выпивку, то всегда засыпает весь трактир. И даже трактирщик. Рассказывай дальше.

– Особо дальше рассказывать нечего. Когда утром проснулся – рукописи не было. Мы обыскали весь трактир, перебудили всех. Но толку никакого.

– Я бы удивился, если бы толк был. А почему вы решили, что я могу вам помочь?

– Просто мы никого больше не знаем в Наппаре. К тому же, ты похож на человека, который может помочь в таких вещах. Если тебе кажется, что нам нужно обратиться к кому-то другому, то скажи, к кому и где найти этого человека. Мы тебя, как я посмотрю, от важных дел отрываем. – Этим замечанием Наар хотел задеть нового знакомого. Ему казалось неправильным то, что делал Кедир. Но тот ничего не заметил. Или действительно считал, что занят важным делом.

– Хорошо. Пойдёмте в трактир. Надо поговорить с трактирщиком.

– Мы уже с ним говорили. Он ничего не знает. – ответил Кавэд.

– Теперь с ним поговорю я. Вдруг он так что-то вспомнит.

Дверь трактира оказалась запертой и в неё пришлось долго стучать, пока не вышел злой трактирщик, и хотел было кулаками прогнать настойчивых гостей. Однако, вид Кедира его усмирил.

– Сейчас закрыто. Приходите через час. А если вы по поводу вашей пропажи, то я уже всё сказал. Сами смотрите за своим барахлом, святоши.

Трактирщик уже хотел закрыть дверь, но Кедир подпёр её своей ногой.

– Не нужно так грубо разговаривать с людьми. Лучше пригласи нас внутрь.

– Не могу. Там сейчас уборка. Через час закончу, тогда и приходите.– И опять попытался закрыть дверь. На этот раз воин не стал разговаривать, ударом в грудь сбил трактирщика с ног, потом взял за шиворот и потащил в зал трактира, где усадил его на табурет. В зале были напуганные дочери трактирщика, они помогали отцу с уборкой. Кедир вежливо поздоровался с ними и попросил выйти, объяснив, что взрослым нужно поговорить и ничего плохого их отцу не сделают.

– Любезный, – Обратился Кедир к испуганному мужчине, тёршему свою грудь в месте удара. – Мы не считаем, что ты взял нашу вещь, однако ты вполне можешь назвать имена людей, которые могли это сделать. Ты же хорошо знаешь всех своих гостей. – во время разговора Кедир стоял, засунув руки в карманы и глядел сверху вниз на напуганного трактирщика. Тот сжался от страха, втянул голову в плечи, смот-

рел исподлобья. Но почувствовал, что бить его не собираются, только если он сам для этого ничего не сделает, выпрямился, успокоился.

– Вчера здесь было немного людей, которые побрезговали бы украсть что-то ценное, если бы оно плохо лежало и кража труда не составила. Таттим, Убидер, Калитат, Вор. – все они вчера здесь были. Перечислять можно долго. Украсть рукопись мог любой из них. Предположу, что они приняли рукопись на вашем теле за сумку. Путники часто крепят такие сумки под одеждой и хранят в них то, что кажется им наиболее ценным. Того, как с вас её снимали, я не видел и поэтому точно сказать кто взял, не могу. Это всё, что я знаю.

– И стоили эти пара фраз того, чтобы хорошие люди тебя били? – Кедир похлопал трактирщика по плечу. – Теперь заканчивай с уборкой и принимай гостей. Мы тоже, может быть, к тебе сегодня ещё заглянем. Всего тебе доброго.

Трое друзей вышли из трактира. Проводивший их владелец заведения пробормотал что-то невнятное и закрыл дверь. Теперь нужно было решать, куда идти. Трактирщик назвал четыре имени. Кедир знал всех четверых, начал описывать их каттавам, но, то ли он неважно описывал, то ли все в Наппаре были похожи друг на друга, то ли писцы действительно были так пьяны, что никого не помнили, но определить, кто же из перечисленных воров нужен, не получилось.

– Хорошо, – Кедир погладил подбородок. – В любом слу-

чае, укравший вашу рукопись будет пытаться продать её. Притом сразу. В Наппаре много людей, готовых покупать и перепродавать краденое. Однако таких, что купили бы рукопись – не много. Сейчас уже вторая половина дня и, вероятно, вор уже успел её сбыть.

Трое мужчин ходили по широким и узким улицам города, по каменным мостовым и улочкам, по количеству грязи напоминавшим скорее болота, чем часть городских кварталов. Через огромные торговые площади, забитые горожанами и приезжими. Проходили они и такими заброшенными улицами, где кроме них ходили только крысы. В семи лавках им не смогли ничем помочь и лишь в восьмой они напали на след рукописи.

– Да, сегодня приходил один человек и предложил купить рукопись. – сказал продавец в полосатом халате, кожаных башмаках и маленькой чёрной шапочке квадратной формы. – Мой помощник уже отнёс её одному моему постоянному клиенту, ценителю и собирателю подобных вещей. Сейчас рукопись уже у него и говорить вам нужно с ним. Может, вас интересует что-то из моих товаров? – мужчина провёл рукой по сторонам, показывая на вещи, продававшиеся в лавке. Помещение было небольшим, но там помещалось невероятное количество всяких вещей: блюда, статуэтки, одежда, оружие, банки со снадобьями и зельями, музыкальные инструменты. От обилия этих вещей, многие из которых были старыми, в небольшой комнате стоял неприят-

ный тяжелый запах.

– Спасибо, не сегодня. А где найти твоего покупателя – ценителя рукописей? – Кедир хотел скорее выйти на свежий воздух. Продавец замялся, рот скривился в ломаную линию, брови стрелкой устремились к носу.

– Найти его не сложно. Вообще я не рассказываю таких вещей незнакомцам, но вы же всё равно так просто не уйдёте, как я догадываюсь.

– Не уйдём. Нам очень нужно.

Торговец вздохнул.

– Это уважаемый Закхаль, один из самых богатых людей в городе. То что вы ищите, возможно, у него. – Лавочник сложил руки на груди и натянуто улыбнулся. На этом разговор был закончен. Друзья поблагодарили лавочника и вышли на улицу.

– У вас в Наппаре всегда было в порядке вещей торговать краденым? Вы с продавцом как-то буднично беседовали о краденых вещах. – Кавэд был удивлён тоном и предметом беседы.

– Монах, может быть, ты не знаешь, но в любом городе торговля краденным в порядке вещей. Где-то более явная, где-то менее. В Наппаре она усилилась после землетрясения. Много домов оказались разрушены, оставлены. Это та почва, на которой процветает мародёрство. Где мародёрство, там и торговля краденым. Но это не самое важное для нас. Куда хуже то, что рукопись оказалась не у простого человека. Я

никогда с ним не встречался, и слухи о нём совсем не заставляют искать такой встречи.

– Ну, слухи, это прежде всего слухи. Верить им не всегда нужно.

– Боюсь, что в данном случае слухи имеют под собой основу. Закхаль действительно один из богатейших людей Наппара. Он за гроши скупал землю и разрушенные дома, которые на ней стояли, потом продавал камень с них, для восстановления города, участки земли сдавал в аренду, для городских нужд. Самое главное, что всё было законно. Закхаль – один из тех предприимчивых людей, что могут обратить человеческое горе в свою прибыль. Но это не всё. Он нём правда ходят самые неприятные слухи. Его обвиняют в чёрной магии и людоедстве, оргиях, коллекционировании монстров, которых ему доставляют со всех концов света. Однако никто ничего не видел. Поэтому, есть надежда, что слухи только слухи и нам предстоит встреча с обычным подлецом, пускай даже богатым. Говорят, для избранной публики иногда он устраивает нечто вроде гладиаторских боёв, где наёмные воины сражаются с теми тварями, что содержатся в подвалах его дома.

– Но это же всё только слухи, так? – Наар спрашивал с надеждой в голосе.

– Да, это всё только слухи. Я не знаю, откуда они берутся, но об этих делах знает каждый в городе, кто хоть что-то слышал о Закхале.

– Словом, мы смело можем ожидать всего, что угодно. И не нужно будет ни чему удивляться. – подытожил Наар.

– Да, если в кратце, то так. – Кедир задумался. – Ну хорошо, уж если я с вами этот путь начал, то пойду дальше.

– Никто от тебя ничего такого не требует, Кедир. Мы сами можем пойти к этому Закхалю.

– Нет. Это был бы подлый поступок с моей стороны. Честнее было бы тогда швырнуть Вас в реку и смотреть, выплывете вы или нет. Пойдёмте.

Они шли около полутора часов, возвращаясь в центральные кварталы города. Закхаль жил в большом трёхэтажном доме, отделанном чёрным камнем, фасад здания, выходящий на улицу, был похож на скалу. У ворот стоял привратник, облокотившийся на кованую решетку, защищавшую большие ворота, делившие высокий чёрный забор на две половины. Присмотревшись, в них можно было увидеть небольшую калитку, человеку среднего роста нужно было нагнуться, чтобы пройти в неё. Окинув взглядом громаду здания, прищурив глаза от неприветливого чёрного цвета, блестящего на солнце, Наар обратился к Кедиру:

– Ты всё ещё можешь не идти.

В ответ Кедир только молча кивнул головой, потом сказал:

– Теперь слушайте меня. Говорить с Закхалем буду я. Вы открываете рот, только если он к вам обратится.

Стражник лениво повернул голову в сторону подошед-

ших, более ни одна мышца в его теле не напряглась. Человек отдыхал.

– Пусть хозяину передадут, что Кедир, начальник стражи караванов просит почтенного Закхалия принять его с друзьями.

Привратник вновь лениво повернулся, протянул руку сквозь прутья решетки и постучал в шершавые, потрескавшиеся под солнечным зноем доски ворот. Открылось маленькое окно, в половину человеческого лица, в него показался другой слуга. Они перекинулись парой фраз и второй слуга исчез, окно закрылось.

– Подождите. – это был весь ответ. Через пару минут привратник постучал ещё раз, открылась дверь, привратник вошёл. Друзья уже решили, что они тоже могут войти, но их не приглашали и вообще было непонятно, помнят о них или нет. Через некоторое время привратник появился снова, уже с табуретом, который поставил на том месте, где он недавно стоял, облокотившись на решетку перед воротами. Сел на табурет и небрежно бросил в сторону ожидавших:

– Проходите. – В этом слове было столько пренебрежения, что всем троим захотелось дать наглецу хорошую оплеуху, но ситуация не позволяла отдать ему должное. Пройдя в небольшую дверь, открывшуюся в воротах, гости оказались под аркой, хотя ожидали, что попадут во двор. В самой арке, слева и справа, в стенах, были сделаны двери, но не главные, а для прислуги. За аркой располагался двор, вымощенный

мрамором и с мраморным фонтаном в центре. Камень двора и фонтана казался ещё более белым на фоне чёрного камня, которым был облицован дом. К гостям подошел человек и пригласил их пройти за ним: «Хозяин ожидает». Все четверо прошли центральный двор с фонтаном, какие-то хозяйственные постройки и вышли в сад, в котором росли апельсины, гранаты, виноград, персики, лимоны, десятки видов цветов. В ноздри ударили ароматы летнего сада, запахи сливались друг с другом и получался едва не сладкий дурман. Доносился звук ручья, хотя самого источника гости не видели. В центре сада, если это действительно был его центр, находилась деревянная резная беседка, в форме восьмиугольника. Её стены составляли деревянные панно, будто сплетённые из тысяч нитей паутины, украшенные тонкими линиями серебра и золота. Внутри беседки, за низким столом, на невысоком диване сидел человек ипил напиток из корня Друса, держал в руках тонкостенную стеклянную чашку, с нарисованными на ней хищными дикими зверями. Он был одет в белые льняные штаны и свободную белую льняную рубаху до колен. Ступни были скрыты под мягкими чёрными туфлями на кожаной подошве, расшитыми серебром. Мужчина сидел на диване, поджав под себя ноги, как иногда сидят номады в своих шатрах. Это и был Закхаль. Он жестом пригласил друзей присесть рядом с ним за столом и приказал слуге принести ещё напиток из корня Друса.

– Вы же не будете против разделить со мной удоволь-

ствие? Великолепный напиток. Только вчера получил порошок для его приготовления, из восточных провинций Империи. Он великолепен! – хозяин дома улыбался и, казалось, даже был рад видеть неожиданных гостей. – Я пробовал выращивать друс здесь, у нас в провинции. Растёт, но вкус другой, не такой насыщенный.

– Почтём за честь и с удовольствием выпьем. – Ответил Кедир.

– Ну вот и славно. Кедир, рад тебя видеть. Ты ко мне раньше никогда не заходил. Хотя, ко мне в гости люди особо не стремятся, приходится их самому приглашать. Чем я могу тебе, или вам, помочь? Ты ведь не по своему делу пришел, раз с друзьями из другого города. Ведь они не из Наппара?

– Да, уважаемый Закхаль, они не из Наппара. Благодарю, что нашли для нас время. – Кедир говорил очень уверенно, с почтением, но без самоунижения. Наар даже восхитился такой манерой разговора. – Я правда, пришел просить не для себя. Мои друзья – учёные каттавы из Таирасса. Священник и монах. Они прослышали, что у вас есть коллекция редких рукописей, также у вас хранится много древностей, у вас есть к таким вещам вкус. Это известно всему Наппару. Совсем недавно, юный каттав по своей человеческой немощи, каттавы ведь тоже люди, потерял очень ценную для него рукопись, её украли. Мы пытались найти её во многих лавках города, но безуспешно. Тут я вспомнил о вас. – Кедир решил не выдавать торговца древностями, всё же, было не ясно, чем для

него это может обернуться. Воин сидел прямо напротив хозяина дома, поджав под себя ноги и положив руки на колени.

– Человеческой немощи... – Закахль улыбнулся. – Будь я более любопытным, обязательно расспросил бы юношу об этой немощи. Но я не любопытен. Что же касается рукописей, то сегодня я как раз одну приобрёл. Но она ничем не примечательна, я купил её скорее из желания купить, чем из желания включить её в свою библиотеку. Я покупаю много всяких вещей. – Закахль хлопнул три раза в ладоши и тут же, будто из воздуха, появился слуга. – Принеси рукопись, что я купил сегодня.

Через несколько минут слуга вернулся и Наар сразу узнал рукопись, ещё вчера, а может и сегодня утром, бывшую при нём. Это была его рукопись, которая теперь, по каким-то нелепым, едва не фантастическим причинам, ему не принадлежит. Закахль протянул манускрипт писцам.

– Пожалуйста, смотрите.

Наар взял манускрипт в руки, начал листать. Сомнений не было, это его рукопись, та которую дал ему наставник Захарта.

– Что Вы скажете? Имеет она ценность?

Наар закрыл рукопись, положил на стол.

– Имеет, без сомнения. Боюсь только, что она могла стать ещё ценнее, как всякая вещь, принадлежавшая выдающемуся человеку. Сейчас она принадлежит Вам и это делает её ещё ценнее. – Юноша не был до конца уверен в правильно-

сти того, что решил польстить сильному собеседнику, но решил, что хуже едва ли сделает.

– Мой юный гость, каттав. Позвольте дать вам совет: никогда не льстите. Лесть – оружие ненадёжное. Если вашего соперника можно одолеть лестью, то это не соперник. Если же лести он не поддаётся, то вы только себе сделаете хуже. Я правильно понял, что вам бы хотелось получить эту рукопись?

– Да, если вы считаете это возможным. – Здесь вновь заговорил Кедир.

– Возможно. Только скажите, чем она так ценна? Что в ней важного? – вопрос был ожидаемый, но ни Наар, ни Кедир не могли придумать никакой лжи, после которой не пришлось бы снова лгать. Поэтому Наар сказал правду, какой бы неубедительной она не была.

– Эта рукопись дорога мне, так как связана с памятью об одном близком человеке. Если я получу вашу рукопись, то у меня будет хоть что-то, напоминающее о нём, а сейчас нет ничего. Это память о моём наставнике. – Взгляд Закхаля был похож на лезвие бритвы, пока юноша говорил, хозяин дома, казалось, резал его на куски и каждый внимательно осматривал, изучал.

– Ну что ж, вы можете взять у меня рукопись. Но мне хотелось бы получить что-нибудь взамен. Как думаете, что это могло бы быть? – вопрос заставил гостей сдвинуть брови и наморщить лбы.

– Почтенный, не нам называть цену. – Кедир ответил и улыбнулся. Повисла тишина в которой хорошо было слышно жужжание пчёл, собирающих нектар с росших рядом цветов.

– Вы понимаете, что деньги мне не интересны. По крайней мере, та сумма, которая могла бы меня заинтересовать, едва ли у вас найдётся, а заставляя вас искать её я не хочу. Надеюсь, я не обидел вас этим замечанием, уважаемые каттавы? Наар, не обидел я вас? Ведь ваше имя Наар?

– Да, господин, меня зовут Наар и вы нас не обидели.

– Я предлагаю не купить рукопись, а выиграть вам её у меня. Что Вы на это скажете?

– Соглашусь. Тем более, что выбора у меня нет.

– Отлично. – улыбнулся Закхаль. – Поймите, я не тому радуюсь, что у вас, как вы сказали, нет выбора. Он есть, вы вольны уйти. Но решили играть. Я радуюсь предстоящей игре. Есть ещё одно предложение. Нужно сделать игру интереснее. Со своей стороны я ставлю рукопись. А что будет с Вашей стороны? – этот вопрос поставил друзей в тупик. Они немного посоветовались и Наар неуверенно произнёс:

– Ну, мы можем поставить наши приборы для письма и деньги, что у нас есть. – ответом на такое предложение был смех Закхаля.

– Нет. Так не пойдёт. Ещё раз прошу меня извинить, но это слишком скучно. Приборы для письма я тоже не считаю чем-то таким, что могло бы быть мне интересным. Просто в моей голове появилась идея, которая не даст мне теперь

покоя, если я не попробую её реализовать. Кедир, ты пришёл просить за этих двух человек, сказав, что они твои друзья, верно?

– Верно. – Твёрдо ответил воин.

– Поэтому будет справедливо, если ты и дальше примешь участие в их судьбе. Суть моего предложения такова. Несколько раз в месяц, я, для самых почтенных людей нашего города, устраиваю зрелища. Состязания, бои. Ты, должно быть, слышал о них?

– Да, слышал. – Лицо Кедира стало очень серьёзным, сосредоточенным. Разговор, похоже, пошёл не так, как он предполагал.

– Хорошо. Через три дня, на четвёртый, назначены состязания. Если Наар проиграет, то Кедир будет участвовать в этих боях. Я очень добр, даю вам второй шанс. Если сейчас Наар проиграет, то Кедир сможет выиграть рукопись на арене, уже в игре другого рода. Более того, я дам вам рукопись и денег. Но есть риск. В боях участвуют профессиональные бойцы. Иногда противником может быть не человек, а животное. Разные звери со всех окраин Империи. Очень интересные состязания. Кедир, ты всему Наппару известен как первоклассный воин, мечник, копейщик, лучник, конник. Ты едва не уникален. Твоё участие сделает честь любому мероприятию подобного рода. Что вы скажете о моём предложении?

Кавед с Нааром смотрели на Кедира. Тот посмотрел на

них, потом на Закхалю. Рот воина скривила улыбка, в глазах загорелся огонёк. Как зверь чует добычу, так и он почуял опасность. Но избегать её он вовсе не собирался. Она манила его.

– Я не буду играть. – Медленно, выговаривая каждое слово вдруг произнёс Наар.

– Он сыграет. – Тут же перебил его Кедир. – Ты сыграешь. – Обратился он к юноше.

– Договоритесь между собой. Потом опять будут говорить, что Закхаль вынуждает поступать так или иначе. Ваше решение должно быть добровольным. – Хозяин дома развёл руки в стороны, демонстрируя негодование.

– Он непременно сыграет. – повторил воин и жестом руки показал писцу, чтобы тот не возражал. – Это решение в большей степени касается меня. И я его принял. Ты сыграешь. Обо мне не переживай.

– Чувствуется настоящий мужчина. Сила и ответственность. – Ты никогда не состаришься, если будешь делать выбор в пользу испытаний, Кедир. В этом секрет молодости. Иначе жизнь однообразна и скучна. – Закхаль был весел и приказал принести ещё фруктов и курительных трубок с водяным фильтром, кальянов. Даже когда гости сказали, что не курят, он не расстроился и решил курить один.

Наар растерялся.

– Хорошо, Кедир. Ты решил. Во что будем играть?

– В «жатву». Умеешь?

– Умею. Но последний раз играл очень давно. – юноша не договорил ещё фразу, как принялся вспоминать правила игры, чего сделать ему никак не удавалось.

– Тогда напомнить правила будет не лишним. В лунках на игральной доске мы раскладываем семена. Их роль выполняют камешки, потом из первой лунки мы засеиваем поочередно все последующие. Потом начинаем собирать посев, начинаем жатву. Из последней лунки, в которую игрок бросил семя он забирает все семена. Ходим по очереди. Выигрывает тот, кто соберет больше всего семян к моменту, когда все лунки будут пусты. Правила ясны?

– В общих чертах. Окончательно я их вспомню во время игры.

– Смело. Может, справедливее было бы играть на твое, Наар, участие в гладиаторских боях. Но я решил, что раз вы друзья, то должны друг другу помогать, крепить свою дружбу, так сказать. Словом, мне кажется, что играть на участие Кедира интереснее. Да и бои с ним, кажется, будут интереснее и... длительнее. – Хозяин дома дважды ударил в ладони и появился тот же слуга, что приносил манускрипт. – Принеси нам доску и кости для игры в Жатву. – Слуга исчез, а через несколько минут на столике в беседке лежала резная, инкрустированная драгоценными камнями доска для игры. Роль семян, исполняли жемчужины, кусочки золота, бриллианты и изумруды, топазы, размером с большую горошину. За такой набор можно было купить один или даже два го-

родских квартала со всеми постройками и мебелью в этих постройках. Было неясно, чему больше удивляться, мастерству резчика или дороговизне материалов. Закхаль с явным удовольствием следил за восторженными взглядами гостей, восхищавшихся набором для игры.

– Не бойтесь, вещь эта хоть выглядит хрупко, но вполне утилитарная, сделана для игры. Она уникальна, такой больше ни у кого нет. Я люблю уникальные вещи. Так что давайте начнём. Прошу тебя, Наар, начать первым. – юноша не стал отказываться и спорить. Жатва началась.

Играли около сорока минут. Закончил игру Закхаль. Было похоже, что игроки собрали одинаковое количество семян. Но их нужно было пересчитать. Пересчитывали два раза. У Закхали оказалось на три семени больше. Хозяин дома оказался человеком азартным и предложил Наару отыгаться, тот согласился. Вновь казалось, что семян каждый собрал одинаковое количество. При пересчёте оказалось, что Закхаль собрал на два семени больше. Наар проиграл.

– С тобой было интересно играть. Я был бы рад сыграть ещё как-нибудь, если будет желание. Спасибо, что зашли. Вы скрасили мой день. А вообще, если вы не против, то мы могли бы все вместе пообедать. Что скажете? – Закхаль пребывал в отличном расположении духа. Ни словом не обмолвился о выигрыше, но всем было ясно, что долг отдавать придётся. Обедать друзья отказались, сославшись на несуществующие дела. Хозяин дома отпустил их, не без сожаления и

лишь перед самым уходом гостей попросил Кедира зайти к нему снова через два дня, вечером третьего. Будет разговор о боях. Когда трое мужчин оказались за воротами, первым словом Наара было:

– Прости. – Он обращался с к воину.

– Это ни к чему. Извинения мне не нужны. Я сам согласился на такие условия. И согласился не перед игрой, а когда начал вам помогать. Хотя в тайне я всё же надеялся, что ты выиграешь. Теперь куда важнее узнать подробности о предстоящих боях. Сам я о них знаю как-то слишком мало. Но мне известны люди, которые могут знать об этих боях больше.

– Как же мерзок этот Закхаль. – Заговорил молчавший до этого Кавэд. – Ведь он же наверняка знал или, в крайнем случае, должен был понять, что рукопись наша.

– Да если бы ты сказа ему, что он покупает краденое, тебя вышвырнули бы из его дома быстрее, чем ты бы успел договорить эту фразу. И хорошо, если бы просто побили при этом. С такими людьми многие вещи своими именами лучше не называть, а ещё лучше вовсе не замечать. – Злился Наар.

– А меня едва не колотило от его наглости, подлости, самодовольства. Поэтому молчал. – Горячился Кавэд. – Может, поэтому я и в скит ушёл, чтобы всего этого не видеть. Едва не благодетеля из себя корчит!

– Ну, то, зачем ты подался в скит, может, даже ты сам не знаешь, только Сефер. А подлость Закхаля и меня раздра-

жала. Но мы перед ней не беззащитны. Я потому и согласился на его ставку, чтобы показать, что у нас тоже есть сила. Даже не имея тех денег, что есть у него, мы можем играть с ним на равных. – Спокойно говорил Кедир. – А если бы мы просто развернулись и ушли – это было бы поражение.

– Но, ты же можешь погибнуть из-за того, что тебе не нужно. Порог его дома ты переступил честным наёмным воином, а на улицу вышел гладиатором.

– Ладно, довольно разговоров об этом. Вы не обижайтесь, но сейчас вы кудахчете как куры, уважаемые каттавы. – Эти слова прервали разговор, писцы замолчали, но было неясно, почему, то ли от того, что священники обиделись, то ли от того, что действительно, разговор был исчерпан. Кедир вёл друзей к лагерю наёмников. «Лагерь наёмников» – это только название квартала среди горожан, на самом деле там не было никакого лагеря, просто много зданий и стадионов для верховой езды, стрельбы из лука, боёв на мечах, копьях, рукопашной борьбы, бараки, бани, оружейные магазины и мастерские. И, конечно, свои трактиры, где одни и те же женщины задешево продавали вино и любовь. В квартале мог тренироваться любой желающий, имевший деньги, чтобы платить наставникам, или знакомых, готовых тренировать его бесплатно. Жизнь на улицах лагеря кипела днём и ночью, даже перед рассветом, когда в других районах города на несколько часов улицы заполняет тишина, в лагере жизнь не замирала, мастер всегда ковал новый клинок,

а воин упражнялся в своём искусстве. Этот район будто не знал разрушительного землетрясения, едва не уничтожившего остальной город.

В одном из внутренних дворов, пройдя через ворота в высокой стене, покрытой толстой черепицей, друзья увидели около пятнадцати пар мужчин, тренировавшихся в боях на мечах. Шесть человек, немного в стороне от них, отрабатывали друг на друге приёмы рукопашного боя. Кедир искал кого-то взглядом среди них. У стены, на стогу сена сидел человек. Он отдыхал, облокотившись на стену. Кедир направился к нему, за воином последовали каттавы. Когда до человека оставалось метров тридцать, он сам заметил троих друзей и поднялся к ним на встречу.

– Кедир, старина, рад тебя видеть! Слышал, ты недавно вернулся из путешествия? Рассказывают, что на вас в пути напали, но у тех ребят добыть ничего не получилось. Только потрепали вас немного. – мужчина улыбался и, по виду, действительно был рад видеть Кедира. – Ты пришел тренироваться или тренировать? – Он посмотрел на писцов.

– Для начала я пришел поговорить. Знакомься, это мои друзья, я познакомился с ними, как раз в том самом караване, о котором ты слышал. Это Наар – он писец каттав, а это Кавэд – он писец, но кроме того, ещё и монах. Только не ясно, бывший или настоящий. А это мой друг, Сарбэл, один из лучших бойцов на мечах, что я знаю. – новые знакомые подняли руки вверх, так чтобы раскрытые ладони были на

одном уровне с лицом. Это был знак дружелюбия, то есть каждый показывал, что у него в руках нет оружия.

– Рад знакомству. – Ответил Сарбэл.

– Взаимно. – Сказали каттавы.

– Теперь по делу. Скажи мне, что ты слышал о гладиаторских боях, что иногда в прежнем гимнастиконе устраивает Закхаль? – Кедир испытывающе посмотрел на друга. Именно испытывающе, потому что честно отвечать на такой вопрос согласился бы не каждый. Сарбэл сдвинул брови и хмуро посмотрел на Кедира.

– Зачем ты задаешь мне такие вопросы? Сам ведь хорошо знаешь, что участие в гладиаторских боях незаконно. А я зарабатываю ремеслом наёмника только в тех рамках, которые позволены Уложением Империи. Святая буква закона не может быть нарушена, спроси у своих друзей, они мне об этом расскажут ещё лучше, чем я. – Сарбэл перестал хмуриться и уже с улыбкой посмотрел на писцов.

– Согласен, дорогой друг, с каждым словом твоим согласен. Ещё я знаю, как ты уже лет с девяти проникся священным трепетом к букве закона и с тех пор этот трепет тебя не отпускает. Я даже скажу, что больше тебя, его чтут только хранители закона, следящие за его соблюдением жителями Империи. Те самые хранители, которые не пропускают ни одного гладиаторского боя и делают едва не самые высокие ставки среди зрителей. – Весь этот монолог своего собеседника Сарбэл делал вид, что увлеченно рассматривает свой

меч и сдерживал смех.

– Ладно, основное, похоже, ты и так знаешь. Спрашивай, я отвечу. А зачем тебе вдруг понадобилось это вообще?

– Постой. Обо всём по очереди. Ты знаешь, кто участвует в этих боях? Только люди? Или животных он тоже stravливает?

– И люди, и животные и людей на животных натравливают, и животных на людей. Бывает, одного против десятерых могут поставить, а могут толпы бойцов stravить. Зависит от того, что хочет Закхаль гостям показать. Ну и, конечно, как он к тебе относится, если вдруг так случится, что он тебя знает лично. Но это бывает редко.

– И часто кто-то из бойцов гибнет во время боя? Ведь, как я слышал, толпа решает оставить бойца жить или нет.

– Да, ты правильно слышал. Но толпа почти всегда одержима убийством. Закхаль иногда пытается спасти проигравшего. Особенно, если тот хороший боец, но это ему редко удается. Толпа жаждет крови куда больше, чем те, кто сражается на песке арены. Кроме того, часто бывают такие бои, когда победитель не может дать толпе насладиться унижением проигравшего и сам наносит тот удар, что лишает жизни.

– И что, у толпы нет любимцев? Неужели она жаждет крови всякого, кто выходит на бой?

– Честно скажу, я не знаю ни одного бойца, кто бы был любим всеми.

– А кто в толпе? Кто зрители?

– О! Зрители... Часто там можно увидеть тех, кого называют «лучшие люди» города. Члены Синклита провинции, купцы, первосвященник, библиотекари. Кстати, только там можно увидеть самых дорогих куртизанок Наппара. Словом, как ты уже сказал, там будут многие из тех, кто должен следить, чтобы такие вещи не происходили. Встретишь их в городе – все почтеннейшие люди. Но у арены они все будто одержимы.

– Да, ты что-то очень неприятное рассказываешь. – произнёс Кавэд.

– Это всего лишь ответы на твои вопросы, а приятные они или нет – от меня не зависит.

– Вы говорили что-то о животных, будто их тоже на арену выпускают. Что за животные? – Наара тоже заинтересовал рассказ Сарбэла.

– Звери там бывают разные: огромные медведи, едва не в три человеческих роста, быки, змеи, гигантские обезьяны. Иногда бывают диковинные чудовища: полужмеи-полулюди – гехены, кентавры... – писцы посмотрели на Кедира. Тот оставался, совершенно, спокоен, по крайней мере, внешне. – У Закхаля много чудес припасено, об этом легенды ходят.

– Так, теперь мне очень важно знать следующее: скажи, то, о чем ты рассказываешь, ты видел сам или ты пересказываешь рассказы других? – Кедир вновь вернулся в разговор. Его собеседник ответил не сразу. Он немного помолчал, будто решался, говорить или не говорить. И решился:

– Три боя я видел сам. О нескольких десятках мне рассказывали. Так ты скажи, зачем вы меня допрашиваете? Неужели сам решил в гладиаторы пойти? Знаешь, может, платит Закхаль за это не плохо, но жизнь ведь всё равно дороже стоит. Или ты не для себя узнаешь?

– Для себя. Бой через три дня. И я не знаю, что меня ждет.

– Неожиданно, Кедир. Очень неожиданно. Что тебе ещё сказать?

– Да ты ничего и не говори. Я сам спрошу. – похлопал приятеля по плечу Кедир. – Велики шансы не вернуться с арены?

– Велики. – После этих слов, на несколько секунд, воцарилось молчание. – Впрочем, не переживай. – Продолжил Сарбэл. – ты отличный воин, каких мало. Я очень слабо верю в то, что Закхаль захочет тебя убить. Это было бы глупо. Он захочет от тебя, скорее всего, зрелищных боев, тяжёлых и жестоких. Вот, пожалуй, к чему тебе следует быть готовым. Кроме того, я в эти три дня, которые остались до боя с радостью составлю тебе кампанию в тренировках. Или ты будешь тренироваться с ними. – Сарбэл посмотрел на писцов.

– Благодарю тебя. Нет, не с ними, хотя каким-то приёмам их можно было бы научить. Особенно монаха – из него мог бы получиться неплохой воин.

Тренироваться начали сразу после разговора. Кедир и его друг были из тех счастливых людей, что не откладывали де-

ла «на потом», ведь «потом» или «завтра» не существует. Человек живёт в «сейчас». И «завтра» наступает только когда превращается в «сейчас». Многие неприятные дела можно отложить, но из нельзя избежать. Хотя в данном случае тренировка была именно тем, чего Кедиру хотелось. Кавэд и Наар остались в тренировочном лагере и тоже приняли участие в тренировках. К их удивлению, многие из тренировавшихся, стали к ним подходить и подсказывать приёмы борьбы, драки на мечях. Никто не смеялся над неопытными каттавами, разве только вместе с ними и без желания унижить. Ночевали в казармах для наёмников. Три дня прошли очень быстро. Сарбэл решил идти смотреть на бой Кедира. Он, так как видел бои раньше, мог пройти в гимнастерий, как в зрительную часть, так и туда, где гладиаторы готовились к выходу на арену.

У дома Закхалья Кедира и его спутников ждали. Без промедления всех четверых провели к хозяину дома и после короткого с ним разговора, гладиатор с друзьями поехали в противоположный конец города, в здание бывшего гимнастерия, где некогда тренировались спортсмены. После землетрясения Закхаль его восстановил, но городскому Синклиту говорил, что ремонт ещё идёт и использовать здание по назначению еще рано. Впрочем, члены городского Синклита и сами довольно часто бывали в гимнастериуме и могли видеть не только бои гладиаторов, но и то состояние, в котором находилось здание. Не замечать обман им помогали

щедрые подарки, на которые Закхаль не скупился.

Друзья пошли в закулисы гимнастериума, туда, где ждали своего часа бойцы. Напротив, на другой стороне арены был выход, откуда выпускали животных. Стены арены были каменными, облицованными белым мрамором, высотой около шести метров, чтобы почтенная публика могла наслаждаться зрелищем с безопасного расстояния. Ни Наар, ни Кавэд никого из людей на трибунах не знали, а о том, кто пришел сегодня смотреть на гладиаторские бои, судили по разговорам Кедира и Сарбэла. Те называли незнакомые имена и много различных высоких должностей. Начальник городской стражи, глава казначейства города, члены городского Синклита, несколько важных писцов из городской иерархии.

– Я слушаю ваш разговор и у меня создаётся впечатление, что настоящий хозяин города, это ваш Закхаль, а не городской Синклит или Народное собрание провинции. – сказал Наар, глядя на трибуны.

– По сути, так и есть. Из-за войны, Верховный Синклит Империи передал власть в провинции наместнику императора, но тот сейчас в походе вместе с императором, и провинцией продолжает управлять Народное собрание. А там война закончится и всё будет как раньше. – Отвечал Сарбэл.

– Святые письма! – воскликнул Кавэд. На арену выходили первые гладиаторы. Их было трое. Один был только в набедренной повязке, оружием у него служил боевой железный шар с шипами на длинной цепи, второй гладиатор был в

набедренной повязке, наручах и поножах, оружием его были два коротких меча. Третьим был воин в поножах, наручах, панцире, шлеме, вооруженный длинным мечом.

– Как же мы их пропустили? Они должны были мимо нас проходить! – Наар немного сожалел, что не увидел гладиаторов вблизи.

– А вы на публику чаще смотрите, так и боёв не увидите. – ответил Сарбэл.

– Я так понимаю, эти трое не будут друг с другом драться. Сейчас с противоположной стороны арены появится их противник или противники. – Кедир внимательно следил за всем, что происходило на арене. Зрители с трибун приветствовали гладиаторов криками, аплодисментами, те, в свою очередь, приветствовали толпу неглубокими поклонами и поднимали вверх правую руку с открытой ладонью. Через несколько минут двери на противоположной стороне арены открылись, там показался противник гладиаторов.

Это был исполин, трёх метров ростом, а может и несколько больше. Видимо, он был новым, неизвестным до того момента публике бойцом. Потому что толпа, увидев его, вначале замолчала, никто не издавал ни звука, но потом публика взорвалась аплодисментами и криками. На великане не было никакой брони, оружием ему служила огромная дубина, напоминавшая ствол большого дерева, просто немного обработанный. Тело исполина покрывала огромная серая рубаха до колен, на плече было ещё одно опасное оружие –

крепкая сеть, но не для рыбы, а для людей. Хотя стены арены были выше этого гиганта, вдоль них, наверху, были расставлены лучники, чьи стрелы были отравлены сильнейшими ядами, заставлявшими жертву мучиться в страшных муках. Каждый, кто выходил на арену знал об этом, чтобы ни у кого не возникло желания навредить публике или сделать ещё какую-либо глупость.

– Ну, какие ваши прогнозы? – Сарбэл задал вопрос вполне ожидаемый, но всё равно он сбил Наара и Кавэда с толку. Они поняли, о чём их спрашивают, не сразу. Другое дело Кедир.

– Скорее всего, великан их раздавит. Хотя шансы примерно равны. Ты не слышал, откуда этот красавец?

– Я слышал о таких великанах, будто они откуда-то с Севера, а вижу впервые. Да, я с тобой соглашусь, что шансы у них примерно одинаковые. Посмотрим, что будет. А вообще, Кедир, не подумай, что я тебя пугаю, но первый бой, он задаёт тон всему вечеру, последующие бои должны быть не скучнее. Понимаешь, что это значит?

– Видимо то, что мне придётся сражаться с не менее опасным противником. Я понял.

Тем временем на арене трое гладиаторов о чём-то переговаривали между собой и двое, имевшие на себе кое-какую броню, сбросили её на желтый песок, покрывавший арену. Действие вполне оправданное, так как ни наручи, ни поножи, ни панцирь, что у них были, не спасли бы от удара дубиной, так,

броня бы скорее мешала, чем защищала и помогала. Великан стал спиной к стене, чтобы его нельзя было атаковать с тыла, и начал ждать нападения, приготовив сетку для броска. Воины обычного роста казались, по сравнению с ним карликами, обреченными на смерть. Однако, действовали они уверенно. Гладиаторы с мечами атаковали великана с правой стороны, став у стены, так чтобы для обороны, он должен был к ним повернуться, став спиной к третьему гладиатору, с кистенем на длинной цепи. Несколько раз он пытался поразить великана в голову, но никак не мог достать, слишком высоким был противник. Кедир и Сарбэл даже начали ругать этого воина за бестолковые действия. Во время четвертой попытки, гигант схватил металлический шар и вырвал кистень из рук противника, зубами порвал цепь на части, металлический шар с шипами бросил в противоположную стену арены с такой силой, что он впечатался в камень на уровне двух метров от пола и так там и остался. Остальные два гладиатора, видя, что их друг обезоружен и противник основное внимание сконцентрировал на нём, бросились великану под ноги, надеясь перерезать ему сухожилия, но тот успел накинуть на них сетку и ударом ноги повалить на землю. Веревки, из которых была сплетена сеть, были тяжелыми, с вплетенными в них железными нитями. Сеть придавила несчастных, а великан, разобравшись с кистенем, убил их дубиной, превратив в один кусок кровавого месива из мяса костей и песка. Обезоруженный воин не потерял самообладания и по-

пытался забраться на шею к великану. Отчаянная попытка успехом не увенчалась. Исполин сумел его стащить с себя, схватить его, прижав его руки к телу, так, что воин мог лишь болтать ногами и отгрыз ему полголовы, сплюнув часть черепа и мозга на песок, под общее ликование толпы. Затем обвёл арену взглядом, будто убеждаясь, что больше никого нет и, очистив сеть от мяса двух гладиаторов, лениво и безразлично побрёл к воротам, из которых вышел. Вместо него на арену выбежали служащие гимнастериума, убиравшие тела убитых бойцов и приводившие в порядок песок на арене.

До того момента, как исполин начал убивать гладиаторов, попавшихся в его сеть, друзья перекидывались фразами по поводу происходящего. Хуже всего было, что Кедир, как и его друзья не знали, когда его вызовут.

– Да, это жестокие игры. – Произнес Сарбэл.

– И не верится, что в них могут играть люди. – Потрясенный увиденным, продолжая смотреть на арену, сказал Кавэд. На арене появились участники второго боя. Ни исполинов, ни чудовищ среди них не было. На противоположных сторонах арены оказались две группы воинов, и не сразу было понятно, будет ли в этом поединке что-то особенное или это будет просто битва двух вооруженных отрядов. Присмотревшись, Наар увидел, что дальний от него отряд состоит из женщин.

– Драка между мужчинами и женщинами? – удивился юноша.

– Ну, твои глаза тебя не обманывают. Если ты не видел женщин-воительниц, то это значит только то, что ты их не видел. Не удивлюсь, если они с мужчин ещё скальпы снимут после боя. Или даже перед тем, как добить их. – Спокойно ответил Кедир.

– Что-то мне не очень по душе такие девы-воительницы. – Наар смотрел на женщин то ли с восхищением, то ли с отвращением. Он сам не смог бы назвать своё чувство, если бы его кто-то спросил. На арену упал пшеничный колос – как один из символов вечной жизни, но здесь он означал начало боя.

В каждом из двух отрядов было по десять человек с самым разным вооружением: от огромных палок, в два метра длиной и кинжалов с тремя лезвиями, до двуручных мечей и боевых топоров. Щитов ни у кого не было, равно как и брони. Первыми на соперника двинулись мужчины. Они шли ровно, уверенно. Женщины стояли на песке. Когда расстояние между двумя отрядами было сажень шесть-семь, мужчины ринулись в атаку, со страшным криком, который на некоторое время даже заглушил рёв толпы, нависавшей со стен арены. Женщины тоже ответили боевым криком, более высоким и пронзительным, он стрелой пронзил пространство гимнастериума. Соперники разбились на пары, и бой превратился в десять индивидуальных поединков. Одной из девушек удалось быстро убить своего противника и напасть на соперника своей соседки. Тот начал отступать ближе к

своим соратникам, чтобы обезопасить свой тыл и фланги. В это же время на другом фланге боя один из мужчин боевым топором тяжело ранил в плечо свою противницу, а потом разрубил ей голову. Каждый удар сопровождался криками одобрения, раздававшимися с трибун. Силы вновь выровнялись, но было видно, что женщины теснят мужчин, они были более быстрыми, точными, непредсказуемыми. Воительницы заставили своих противников перейти к круговой обороне, становилось ясно, что их победа – скорее всего, просто вопрос времени. Действительно, очень скоро мужчины, один за одним, начали покидать бой и мир живых, превращая песок в вязкую кровавую кашу. Можно было подумать, что Закхаль сознательно выбрал в отряд мужчин более слабых воинов. Прошло ещё несколько минут и на арене остались стоять только женщины, девять человек. Бой был закончен. Девушки пошли к воротам, чтобы покинуть арену. Они были рады, поздравляли друг друга. На участке стены над воротами появился человек, который жестом попросил публику успокоиться, и когда та замолчала, обратился к стоявшим внизу воительницам:

– С этой арены уйдёт только одна из вас. Деритесь друг с другом.

Девушки стояли в нерешительности. Было видно, что они не ожидали такого развития событий. Только что каждая из них сражалась за жизни подруг, а теперь должна была лишиться их жизни, чтобы выжить самой. Женщины стали о

чём-то переговариваться между собой, будто обсуждая, как поступить. Увидев это, человек, говоривший с гладиаторами-девушками с трибуны, сделал знак одному из лучников, стоявшему рядом. Тот выпустил отравленную стрелу, попавшую в плечо самой молодой из стоявших на арене. Смерть её была тяжелой, яд был сильным и причинял тяжелые страдания. В конвульсиях её тело несколько минут билось на песке, изо рта шла кровавая пена.

Её подруги подняли головы вверх, на обратившегося к ним:

– Деритесь. – Слово, будто было отлито из металла и тяжело рухнуло на арену.

– Кто это? – с отвращением спросил Наар.

– Дуран, правая рука Закхаля и главный распорядитель боёв. – Кедир продолжал смотреть на арену.

– Главная тварь этих боёв. – Отозвался Сарбэл.

Тем временем на арене возобновился бой. Каждая там была сама за себя. Они разбились на четыре пары, и так дрались, пока не осталась одна пара. Хоть и дрались насмерть, но без жестокости, убивали мгновенно, так, чтобы было не больно. Некоторые даже просили прощения друг у друга. Они находили в себе силы оставаться людьми даже в таких условиях. В итоге осталась одна девушка. Врата для выхода с арены перед ней открылись, но она несколько минут на коленях простояла на песке, рядом с телами убитых подруг. Затем встала и с опущенной головой вышла за пределы аре-

ны. Наар и Кавэд были так захвачены этой картиной, что не заметили, как исчез Кедир. Только когда арена была очищена, они поняли, что сейчас выйдет их товарищ. Оба достали из своих сумок восковые дощечки и стали царапать на них текст победного гимна, обращенный к Сеферу, прося Создателя сохранить жизнь и даровать победу их товарищу. Сарбэл увидел это, покачал головой.

– Да, сейчас это не помешает, в любом случае. – Отвернулся к решетке, за которой была арена.

Кедир вышел вооруженный своим любимым оружием, мечом средней длины, около метра. Он купил его у одного караванщика, они вместе путешествовали. Меч был очень лёгким и острым. Из брони на войне были наручи, поножи и лёгкая кольчуга, вместо штанов набедренная повязка. Публика приветствовала его также, как и всех, кто был до него – овациями, свистом и криками. Но самым большим вопросом был вопрос о противнике. Ворота напротив Кедира открылись, пшеничный колос упал на песок, но никто не показывался из темноты, скрывавшийся за деревом и железом. Лишь через несколько минут раздалось шипение, и на арену вышел огромный варан, семь метров длиной, руководимый наездником.

– Каттавы, молитесь лучше. – Обратился к писцам Сарбэл, увидев противника Кедира. Те не стали переспрашивать, в чём дело и продолжили своё занятие.

Было похоже, что Закхаль хотел убить Кедира, иначе труд-

но объяснить выбор такого противника. Варан начал двигаться в сторону воина, тот начал двигаться на встречу к ящерице. Возница дёрнул за поводья и варан попытался ударить Кедира хвостом, подняв так песчаную волну, прокатившуюся по всей арене. Кедир успел подпрыгнуть и хвост его не задел. Песчаная волна оставила облако пыли, похожей на густой туман. Кедир воспользовался тем, что для удара хвостом варан немного развернулся к нему задней частью тела, воин запрыгнул на спину ящерицы, в три прыжка достиг наездника, который в это время вертел головой, разыскивая противника, одним точным ударом снёс наезднику голову, а следующим движением всадил меч по самую рукоять в основание головы варана, так, что ящерица рухнула без движения, лишь изо рта её пошла кровь. Если кто и ожидал столь быстрого окончания этой битвы, то явно не в пользу человека. Публика застыла, а потом взорвалась криками, свистом и аплодисментами. Сарбэл вновь посмотрел на Наара и Кавэда, которые, казалось, и не находились в гимнастериуме, столь сосредоточены были их лица. Ему пришлось несколько раз похлопать их по плечам, прежде чем они очнулись и прекратили писать.

– Что? – насторожился Наар.

– Я не знаю, что это было и кого благодарить, но это было лучшее, что я видел за всю свою жизнь. – Сарбэл был в абсолютном восторге, но проявить эмоций себе не позволял. Только улыбка и глаза выдавали радость, переполняв-

шую этого воина.

– Так он жив? – юноша не понимал, что происходит.

– Мы победили? – спросил Кавэд. – Точно скажи, что там случилось.

– Да, мы победили. Это не просто победа, это триумф! – Сарбэл был так рад, будто это он сумел выстоять в опасном бою, а не другой человек, пускай даже хороший друг. Писцы, наконец, взглянули на арену. Картина, представшая перед ними, действительно была завораживающей: На песке арены лежал огромных размеров ящер, без движения, с увеличивающейся лужей крови возле его головы, а на ящере стоял их друг с клинком в руках, и клинок был по рукоять в крови. Тут же рядом лежало тело обезглавленного возницы. Кавэд с Нааром начали обниматься, вместе их начал обнимать и Сарбэл. Казалось, радость витает в воздухе, и её можно было ощутить физически. Никто, почему-то даже не думал, что ворота всё ещё не открылись, а значит, бой не закончен, Закхаль или Дуран могут выставить нового противника. Но они этого не сделали. Врата открылись, и Кедир триумфатором покинул арену.

– Это был великолепный бой! – восторженно встретил его Сарбэл.

– Кедир, мы очень переживали за тебя! Сефер услышал наши молитвы – Перебивая друг друга, говорили писцы. Все, кто был за стенами арены, поздравляли Кедира и выражали восхищение победой. Среди прочих к нему подошел один из

служителей гимнастериума:

– Приходи завтра около пяти часов вечера в дом господина Закхаля. Господин хочет наградить тебя лично.

Вечер друзья провели за выпивкой и разговорами, празднуя то ли победу, то ли избавление Кедира от смерти.

– Знаешь, Наар, когда только ты проиграл ту партию в Жатву, я хотел тебя убить. Но желанье было недолгим, быстро прошло. – Кедир потрепал парня по голове под общий смех собравшихся. – А потом я решил, что это отличная возможность проверить себя. Теперь я даже благодарен тебе. Однако по справедливости скажу, что когда увидел ту тварь, вышедшую на меня из ворот напротив, мне вновь захотелось тебя поколотить или скормить этому варану. Теперь прошу у тебя за это прощение. То было следствие трусости. Благодаря тебе я получил испытание, сделавшее меня сильнее. Спасибо тебе.

– Ты ещё и мудрее стал. – отметил Сарбэл.

– И зануднее. – дополнил Кавэд. Хотя, что такого занудного сказал Кедир, никто не понял.

– Я тоже тебе благодарен. – ответил Наар.

– Конечно, благодарен, ещё бы ты мне не был благодарен! – смеялся Кедир. – Надеюсь, всё это было не зря! – и пиршество продолжилось. На следующий день, как было сказано, друзья стояли у дома Закхаля в пять часов вечера. Тот же привратник, что и в прошлый раз, встретил их и провёл внутрь. Но теперь их повели не в сад, а в дом, через глав-

ный вход напротив фонтана. Они поднимались по деревянной резной лестнице с резными балясинами и тонкими панно между ними, со вставками из камней, других пород дерева. На стенах было много росписей, где изображались сцены охоты, битв, танцующие женщины. Кроме росписей, на стенах были повешены ковры, оружие, металлические блюда. Потолок был писан как звёздное небо, в углах стояли красивые фарфоровые вазы. Закхаль сидел посреди большого зала, на таком же невысоком диване, за таким же невысоким столиком, как друзья видели в беседке. На столике, кроме сервиза для друсового напитка, была рукопись и мешочек, но с чем – не ясно.

– Присаживайтесь, почтенные гости. Кедир, двери моего дома для тебя всегда открыты. Позволь ещё раз выразить своё восхищение тобой, твоим мастерством, – улыбку Закхаль можно было бы даже назвать приятной, если бы точно знать, что этот человек говорит искренне.

– Благодарю. – сдержано ответил Кедир.

– Не знаю, говорил ли тебе кто-либо, но ты убил одного из самых опасных моих монстров, я не ожидал.

– У меня не было выбора, господин Закхаль.

– Разумеется, либо ты, либо тебя – угощайтесь друсом. – Гости взяли по маленькой чашке дымящегося напитка. – Я отдаю вам награду, как и обещал – Хозяин дома протянул Кедиру рукопись и мешочек – Это рукопись, а в мешочке деньги. Но у меня к тебе ещё одно предложение. Ты славный

воин, давно известен как один из лучших охранников караванов. Но теперь ты и сам видишь, что способен на гораздо большие поступки и, я даже скажу, свершения. Кедир, я предлагаю тебе работать на меня. Не отказывайся сразу, хорошенько подумай, какие выгоды тебе это сулит. Надеюсь, ты не держишь на меня зла? Мне кажется, ты даже выиграл от произошедшего. И зрители остались очень довольны. Знаешь, я даже не уверен, что тебе с твоими талантами удастся найти в Наппаре подходящую работу в другом месте, если не у меня. – Закхаль сделал глоток друса. На несколько секунд возникла пауза.

– Спасибо вам, господин, за предложение. Мне нужно подумать – Кедир был спокоен – Когда вам нужен ответ?

– А много нужно времени для принятия правильного решения? Я уверен, такой человек как ты уже принял решение, но не могу отказать тебе во времени. Приходи завтра в это же время, я буду дома.

– Спасибо. Тогда мы пойдём, с вашего разрешения – Кедир более не хотел задерживаться в доме человека, едва его не погубившего.

– Жаль, я хотел ещё с вами поговорить, но, не смею вас задерживать. Ведь мы скоро и так увидимся, тогда и поговорим. Приятно вам провести остаток дня. – Закхаль явно был недоволен, однако, если держать гостей силой, то радости от общения не получит ни хозяин, ни гости.

Забрав награду, гости удалились. Отойдя несколько шагов

от дома Закхаля Сарбэл громко произнёс:

– Вот мразь. Благодетель нашелся.

– А мне показалось или он намекнул, что тебе в любом случае, придётся работать на него? – Спросил Кавэд.

– Нет, не показалось. Он вполне может устроить так, что меня нигде не будут брать на работу, нанимать в охрану. Даже те, с кем я работаю больше десятка лет.

– И что ты теперь думаешь делать? – Наар чувствовал себя виновным в этой истории и от этого ещё сильнее переживал за друга. Кедир ответил не сразу. Воин часто отвечал не сразу, перед ответом задумывался на несколько секунд. Он помял пальцами мешочек с деньгами, монетами и драгоценными камнями, будто прикидывая, сколько там может быть.

– Если вы не против, а я думаю, вы не против, то пойду с вами на восток. Не знаю, дойду ли до Белого побережья или раньше прекращу свой путь, но пойду с вами. К тому же следующий переход, до Бэлды, займёт сорок дней, большая часть из них – по пустыне Маниамма. По сравнению с ним дорога из Сариата до Наппара просто милая прогулка.

– Даже не рассчитывал на такую честь – Наар хотел сказать ещё что-то, но Кедир его перебил:

– Ну, только без лишних слов. Будет очень вовремя, если мы покинем Наппар до завтрашнего вечера. Идём к караванному двору.

– Кедир, неужели ты напуган? – Сарбэл пытался поддеть друга.

– Нет. – Кедир улыбался. – Это не страх. Это благородушие. И я не знаю, какие чувства испытывал Закхаль к той ящерице, он мог и обидеться на меня, ведь этот варан больше никого на арене не убьёт. А стоил он, я уверен, огромных денег.

– Перестань. И поверь мне, его мясом уже угощают в нескольких трактирах Наппара. Он всё равно извлечёт из любой ситуации выгоду.

– Тогда блюда из его мяса должны по весу приравняться по цене к золоту. В этом случае, возможно, он покроет убытки.

За этими разговорами друзья дошли до караванного двора, откладывая отъезд из Наппара никто из них не хотел. Там они узнали, что до Бэлды караван выходит ранним утром, и они вполне могут к нему присоединиться за небольшую плату.

– Отлично. Завтра и выступаем – решили два священника и воин, и пошли прощаться с Наппаром. Ни Наар, ни Кавэд в этот раз не злоупотребляли, урок пошёл на пользу. Кавэд с Сарбелом выпили много, но по ним ничего сказать было нельзя. В любой момент вечера или ночи можно было подумать, что перед ними стоит первая за сегодня кружка пенного напитка. За полчаса до отправления каравана друзья пришли на караванный двор.

– Сарбэл, может, ты отправишься с нами? – Спросил Кедир своего товарища. – Я не уверен, что ты тут тоже в без-

опасности.

– Нет, я останусь. Конечно, мы с тобой друзья и, чтобы задеть тебя, Закхаль может приказать убить меня. Но в это я мало верю. Гораздо вероятнее, – тут Сарбэл перешел на шёпот, – что в этом караване идут, или вскоре к нему присоединятся убийцы, подсланные Закхалем и они постараются, чтобы ваши тела поглотила Маниамма. Вот в это я верю гораздо больше.

В ответ Кедир кивнул, друзья попрощались, заняли место в своей корзине, одной из шести, висевшей на боку у большого слона, перевозившего грузы и людей, также шедшего в караване, и уснули. Так они, спящие, теперь втроем, покинули Наппар.

Глава 16. Сон

После разгрома под Тарином армия кочевников отошла к Парсонтару. Сюда должны были подойти новые орды из степей и пустынь, для нового наступления вглубь Империи.

– Я надеюсь, Раэль, ты знаешь, что делаешь. Такие поражения не укрепляют мою власть – Хунхар выглядел сильно раздражённым, уставшим, события последних нескольких недель сильно истощили его. Он стоял на южной башне Парсонтара, одной из немногих неразрушенных, оставленной для дозора. Рядом стоял дух, сейчас он был в темно-синем балахоне. Рук было невидно, они были спрятаны в рукава, голова наклонена так, чтобы скрыть лицо. Однако если бы кто-то захотел увидеть лицо и заглянул под балахон, то он

нашел бы лишь тьму, такую густую и чёрную, что, казалось, в ней скрыта бездна.

– Не беспокойся, каган. Ты пожертвовал совсем немногим, а взамен получишь гораздо больше. К тому же, я этой ночью явился главному шаману в виде льва, которого охотники вначале ранили и заставили бежать, а потом он оправился от раны, стал ещё сильнее и убил своих обидчиков. Шаман скоро к тебе придёт. – Хунхар в ответ лишь гладил бороду и смотрел на юго-восток, в сторону Тарина. Дух продолжал – Считай, что своим поражением ты помог болезни, ждавшей своего часа в теле твоего противника, чтобы начать борьбу за власть над всем телом. Она сожрёт его изнутри. Жар, боль болезни будет питать и моего хозяина, ускорит его приход. Ты же сохранишь жизни своих воинов, за это тебе тоже будут благодарны.

– Твой хозяин... Когда он придёт?

– Ещё не настало время, но уже совсем скоро. Собирай армию и двигайся на встречу легионам Империи. В грядущей битве ты сокрушишь их, эта победа нужна для пришествия Малака. – после этих слов дух исчез, а на каменной лестнице, ведущей на верхнюю площадку башни, послышались шаги.

– Ваше величество, меня прислал главный шаман. Ему приснился важный сон – предзнаменование. Он просит вас принять его.

Хунхар улыбнулся, стоя спиной к солдату, пришедшему от шамана.

– Скажи ему, что я здесь и жду его. Ступай. – шаги, теперь отдаляющиеся, послышались вновь. Но было ясно, что приближается другой человек. Главный шаман шёл быстро.

– Правитель, боги дали знак. Ты должен собрать всех вождей племён, подвластных тебе в своём шатре. Я должен рассказать о видении, о добром знамении тебе и всякому номаду.

– Да, я знаю, что ты видел льва, на которого была охота. – Хунхар повернулся, чтобы увидеть лицо шамана, хотя до этого стоял к нему спиной. Шаман насторожился, а через пару секунд немного наклонился, совершая поклон. Довольный, Хунхар продолжил. – Тернги явил тебе этот сон, чтобы ты убедил всех сомневающихся в нашей победе и моей силе. Создатель не оставил нас. Мне сон был явлен, потому что касался меня. И даже более – во сне был я сам. Мы соберёмся не в моём шатре. Мы соберёмся у идола Тернги и тотемов. Ты обратишься к Тернги и спросишь его о моей судьбе. В присутствии всех вождей племён и глав кланов. Пусть собрание состоится вечером, после появления первой звезды. Пусть всякий знает, что Бог не оставил меня и мой народ и всё, что мы делаем угодно Ему. – Главный шаман, его имя было Гаалик, ушёл исполненный таких страха и уважения пред Хунхаром, которых никогда не испытывал ранее, хотя и признавал его достойным правителем. Теперь он стал испытывать перед ним некий мистический страх, управлять которым Гаалик не мог.

В назначенное время все собрались у главного идола. Это был каменный столб, который номады возили с собой. На столбе были высечены лики предков, как мужчин, так и женщин. Верхняя часть столба была увенчана головой быка с огромными золотыми рогами. Морда быка была украшена драгоценными металлами и камнями. Вокруг каменного столба стояли столбы деревянные, в них можно было узнать волка, орла, лиса, льва, тигра, медведя, дракона. Деревянных столбов было семь. Животные, изображённые на них считались предками семи главных племён орды, каганом которой был Хунхар. Перед каменным истуканом был разведён огонь, костёр, пламя которого поднималось выше человеческого роста. Полукругом перед костром, на расстеленных коврах, сидели главы племён и кланов. Они действительно были недовольны Хунхаром после разгрома у Тарина. Некоторые из них сами были ранены в ту ночь, многие потеряли близких, сыновей, братьев. Кто-то даже начинал сомневаться в необходимости продолжения похода, как часто бывает, когда что-либо сначала получают, а потом вдруг оказывается, что за полученное необходимо платить цену. И всегда будут считать, что отдали больше, чем получили, какой бы ни было на самом деле. Кочевники ведь тоже к тому времени забрали не одну жизнь. Раэль решил устроить этот вещий сон, чтобы урезонить сомневающихся. Сам Хунхар сидел прямо напротив костра, на одной прямой с идолом, так, что костёр как бы разделял его и идол. Он знал всех, кто

начал роптать и был недоволен, имел власть каждого из роптавших сварить в кипятке или привязать к молодому жеребцу и отпустить того скакать по полям. Но он не имел власти обезопасить себя после этого от кинжала или удавки. Раэлю это тоже было известно, и дух решил отбить всякую охоту осуждать действия своего владыки у кочевнической знати. Гаалик стал между Хунхаром и костром, окинул взглядом присутствующих.

– Братья! Мне был сон. Знамение. Доброе знамение. Наш повелитель был явлен мне во сне, в виде льва, раненого на охоте, но потом одолевшего охотников. Так и мы, раненые в одной битве, одолеем врага в следующей. Не будьте маловерны. – Но никто даже не пошевелился. Лишь несколько человек посмотрели друг на друга в недоумении, и во взгляде читалось: «Ради этого нас собрали?!» Хунхар тоже заметил такую реакцию собравшихся.

– Гаалик, мы верим тебе – начал один из старейших вождей, Эрган – но, раз мы все здесь собраны, посоветуйся при нас с богами, спроси Тернги, продолжить ли поход? – Каган вскипел, услышав такие слова. Он хотел зарубить старика, но вдруг услышал голос Раэля:

– Успокойся. Так будет лучше. Храни спокойствие, повелитель. Оно правителям больше к лицу. Пусть шаман спросит духов.

Хунхар взял себя в руки:

– Гаалик, при всех, спроси духов о том, что я делаю. Пус-

кай духи скажут, ошибаюсь я или нет. – В ответ шаман поклонился костру и истукану.

– Пусть начнут играть на бубнах и струнах.

Музыканты уже были готовы, зазвучала музыка и шаман начал раскачиваться ей в такт. Тут же перед ним поставили медный таз, в котором он начал сжигать травы, хранившиеся в мешочках, висевших на его поясе и шее. Продолжая раскачиваться в такт музыке, он дышал дымом, поднимавшимся из таза. Вдруг Хунхар заметил, что перед шаманом стоит Раэль. При этом шамана начало трясти, глаза его закатились, так что стали видны только белки. Пламя костра вспыхнуло в половину выше того уровня, на котором было до этого. Вожди и старейшины от неожиданности подались назад. Только Хунхар сидел неподвижно. Ещё он понял, что Раэль виден только ему и шаману. Тело шамана продолжало сотрясаться, а дух его стал рядом и смотрел на Раэля. Раэль обратился к нему первым:

– Скажи тем, кто сомневается в победе над врагом, что за своё сомнение они будут наказываться смертью. Каган ваш получил силу, которую имели раньше лишь немногие из древних, уже много сотен лет эта сила забыта людьми. – Дух шамана стоял неподвижно, внимательно слушая каждое слово, обращенное к нему. – В доказательство этого знай, что не только ты видишь меня, ему это тоже открыто – Шаман медленно повернул голову в сторону короля, тот в знак того, что он тоже всё видит, кивнул.

– Что ты за сила? Как тебя зовут? – шаман произносил слова через силу, но очень чётко.

– Я сила, которая подарит людям то, что они давно просили. Имя моё тебе знать не следует. Главное, что противостояние мне бесполезно. Любой, ставший на моём пути будет сокрушен. – И в подтверждение этих слов языки пламени начали создавать над костром движущиеся картины. Первой была картина со львом, сначала раненым охотниками, но затем растерзавшим своих обидчиков. Затем огонь нарисовал огромного кабана, который сокрушал не воинства, но целые города, раскидывая дома движением своих клыков. Третьей, и последней огненной фигурой был человек, превратившийся в огромного дракона, изрыгнувшего над собой пламя.

– Теперь они – Раэль показал на сидевших вокруг вождей и старейшин, – поверят всему, что ты им расскажешь о том, что только что видел и слышал. Возвращайся. – Раэль исчез, дух шамана тоже исчез, а тело его, уже недвижимое, рухнуло на землю. Впечатлённые, зрители сидели без движения, в ожидании слов Гаалика об увиденном. Довольно быстро, через минуту, не больше, шаман встал, сначала на четвереньки, а потом на ноги, обвёл всех взглядом, повернулся к Хунхару и стал перед ним на колени.

– Я видел могущественного духа – громко начал говорить шаман – Он сказал, что правитель наш, Хунхар имеет поддержку от сил, которые врагу не одолеть. Мы станем могущественнейшими племенами на Арце, потому что нами пра-

вит могущественнейший из правителей. – Сидевшие по правую и левую от Хунхара стороны в знак смирения и покорности перед ним приклонили свои головы.

– Веди нас! – крикнул кто-то из старейшин и этот выкрик был подхвачен десятками других людей.

Глава 17. Сомнение. Падение Тарина

Владар был очень доволен. Угроза захвата Тарина, одного из важнейших городов Империи была снята, враг впервые разбит и вынужден отступить. Ещё одна-две победы и кочевники покинут Империю.

Император размышлял о том, нужно ли будет преследовать врагов дальше, уже в их владениях и всё больше склонялся к тому, чтобы подчинить их Империи, обезопасив её от нашествия с Запада. Он не сомневался в успехе, тем более что была собрана мощная дружина верных, талантливых сподвижников. Императорская армия была на марше, до Парсонгара оставалось два дня пути. К императору приблизился один из адъютантов:

– Ваше Величество, разведка доложила, что нам на встречу идёт войско кочевников. Уверен, им тоже известно о нашем приближении.

Услышав это, Владар улыбнулся, а в глазах вспыхнул азарта.

– Чувствую, настает время новой битвы. Встреча на поле боя – это просто подарок со стороны Хунхара. Представляю, как он жаждет реванша. Сколько их? – в голосе императора

слышалось нетерпение встретиться с врагом, будто речь шла не о смертельной битве, но об охоте на редкого зверя.

– Ваше Величество, трудно сказать точно, но по нашим сведениям около пятидесяти тысяч.

– Значит, силы примерно равны. Тем жестче будет битва и честнее победа. Есть ли здесь поблизости поля, на которых мы могли бы разбить захватчиков? – Владар обратился к графу Оалю.

– Мой господин, есть, но до них ещё полдня пути.

– Ничего. Мы должны успеть. Нам ещё нужно будет подготовить поле к битве. Я не собираюсь проигрывать. Разведку усилить. Докладывайте мне постоянно, я хочу знать всё о передвижениях врага. Марш армии ускорить. Это будет битва лицом к лицу. Славная битва, но я никак не хочу застать врага уже стоящим на поле, дожидаящимся нас.

Императорская армия была сильна и многочисленна. Около пятидесяти тысяч солдат, многие из которых были профессионалами, пришедшими со всех Западных областей Империи. Конечно, среди них выделялись худшие и лучшие, но и были лучше самого лучшего ополчения из крестьян. Моральных дух отрядов был высок, все были воодушевлены недавней победой под Тарином. Низкорослые северяне, рыжебородые и голубоглазые, вооруженные мечами и молотами, гордо шагающие за своими князьями, не переговаривались и лишь иногда угрюмо поглядывали по сторонам. Таковы были рожденные на землях к северу от реки Нахавэ.

За ними шли воины среднего роста, дети народов, живших вдоль реки. Мастера речного судоходства и первые в рыбных промыслах, они не так уверенно чувствовали себя на суше, но гордость и честолюбие не позволяли им, в чём-либо уступить своим соседям. Поэтому в бою их короткие мечи и копья не знали покоя. Эти отряды возглавлял граф Оаль, наместник Тарина, главного города на великой реке, так как Парсонтар был захвачен, а барон Лахав, наместник города и провинции, погиб, граф остался единственным, кто возглавил речных жителей. Дальше шли жители равнины, лежавшей между рекой, Высокими горами и Каменными столбами. Они составляли конные и пешие отряды. В кольчугах, вооруженные мечами и секирами, а конники – копьями, они шли, постоянно распевая песни, подшучивая друг над другом, будто шли не на битву, а на праздник. Рослые и крепкие, жители равнин были стойкими солдатами, способными на мощный натиск в атаке и крепкую оборону. Они были и хорошими наездниками. Лучники и пращники были набраны из жителей Высоких гор, они славились отличным зрением, меткой стрельбой, смуглые и черноволосые, говорившие на олюке с его гортанными и шелкающими звуками, они выделялись ещё и своей внешностью. Каждый из них мог сойти за “испа”, как на они называли своих князей, столь благородны были черты их лиц. Сражались горцы и в ближнем бою, короткими мечами. Вёл их императорский наместник Высоких гор, князь Фарайя. Но всё это огромное войско было лишь

частью той силы, которую Империя могла бы выставить, собрав отряды со всех своих земель. Однако территория была столь обширна, что пешее путешествие, а большинство солдат передвигались пешком, а не верхом, занимало до пяти месяцев пути и даже больше. Так что многие отряды ещё маршировали на Запад, поднимая клубы дорожной пыли.

Часов через семь марша армия вышла на большое поле, ограниченное лесом, оно хорошо подходило как для лагеря, так и для битвы. Это был огромный размеров круг, границами которого были высокие деревья. Через весь круг шла дорога, от одного его края к другому, делившая поле почти на равные части. Сефер будто специально создал это место для битвы. Армии с противоположных сторон поля могли будто вытекать на него и смешиваться, пока одна не одолеет другую. Иногда солдаты видели диких зверей, издавками наблюдавших за людьми. Однако близко ни лисы, ни волки подходить не решались. Только вороны на ветвях деревьев сидели спокойно, как если бы знали, что люди не хотят причинить им вреда.

Начинало темнеть. Владар приказал войскам ставить палатки и готовить ужин. Дозоры были особенно усилены, чтобы не повторился сценарий разгрома лагеря кочевников, но теперь уже с императорской армией в роли побежденных. Ночь прошла тихо, противник был замечен вовремя, так что через несколько часов после рассвета императорская армия уже ждала кочевников, выстроенная в боевом порядке.

Номады тоже знали о местоположении врага и были готовы к битве. После того, что знать увидела на встречи с Хунхаром и Гааликом, кочевники даже жаждали битвы. Они выстроились в боевой порядок сразу, с марша. Пеших бойцов среди них не было, только наездники. Многие были одеты в лёгкую броню, но некоторые спешили, чтобы одеть кожаные, с металлическими пластинами доспехи. На головах были кожаные шлемы с металлическими накладками, а на вершиях шлемов были головы орлов, львов, тигров, драконов, будто атаковавших вместе с воинами. Вооружены номады были луками, копьями и крепкими, острыми длинными мечами. Солнце было по левую сторону от императорской армии и по правую от армии кочевников. Владар знал о тактике с помощью, которой номады разбили войска старшего князя Хаире под Таирасом. Поэтому он приказал ни в коем случае не преследовать врага, если тот начнёт отступать в центре фронта. Пользуясь наличием лесов, император спрятал мощный отряд пехоты в десять тысяч человек в засаде с тем, чтобы в необходимый момент ударить атаковавшему противнику в тыл. В остальном построение армии было традиционным – пехота в центре и кавалерия на флангах. Первыми рядами были поставлены пехотинцы с длинными копьями, которые должны были принять основной, первый и самый мощный удар противника. Император со свитой, окружённый знатью находился позади строя, готовый командовать битвой и, если будет необходимо самому броситься в

бой. Войска замерли в ожидании.

По знаку Хунхара, сигнальный кочевников протрубил в рог атаку, его поддержали другие сигнальные и поле будущей битвы покрылось низким, тяжелым звуком, шедшим, казалось, едва не из-под земли. Через минуту в этом звуке стали всё чётче различаться конское ржание и топот копыт. Лавина кочевников катилась на императорскую армию. Комья земли и травы летели из-под копыт лошадей, пятьдесят тысяч людских глоток издали крик. Солдаты императорской армии ждали удара этой волны спокойно, без крика, только сильнее стискивая зубы и закричали уже в сам момент столкновения. Императорские лучники и пращники стреляли трижды, каждый раз стрелы будто тонули в массе противника, и каждый раз казалось, что кочевники не понесли никакого урона. Первый удар номадов смял ряды пехоты в центре строя армии Владара, вернее, заставил пехотинцев немного отойти назад, что создало угрозу прорыва в этом месте. Отрядом, находившимся в засаде, командовал гибор Гизлем Младший. Он должен был определить момент, подходящий для атаки. Здесь нужно было быть точным, не ударить раньше, когда противник ещё не достаточно увяз в битве и мог отбиться, и не упустить время для атаки, когда основные силы могли бы уже быть разбиты и удар засадного полка не имел бы нужного эффекта. Но битва проходила ровно, по всему фронту соприкосновения двух армий не определилось более сильной стороны. Владар усилил центр и убрал угрозу

прорыва. Из леса, Гизлем Младший увидел, что ближний к нему, левый фланг императорской армии поддается натиску врага и постепенно отходит. Гибор решил действовать и повёл свой отряд в атаку. Когда до врага оставалось не больше сотни метров, Гизлем Младший увидел, что на него движется, с противоположной стороны поля, оттуда, где пространство поля сужается и вытягивается, превращаясь в дорогу, ограниченную стеной леса, ту дорогу, по которой пришла армия кочевников, ещё один отряд всадников. Было похоже, тот отряд сам был в засаде, ожидая, когда из укрытия появится гибор со своими воинами. Военачальник не мог знать, что один из воронов, которые видели императорских солдат в лесу, был ворон Раэля и, сорвавшись с ветки, он полетел к хозяину, нашептал ему наухо, что в лесу готовится к атаке огромный отряд императорской пехоты. Об этом сразу узнал Хунхар и решил провести неожиданную атаку на засадный полк, как только он покинет укрытие. Сигнальному, который бежал рядом, гибор приказал трубить приказ к подготовке отражать атаку кавалерии. Но отряд императорской пехоты был слишком большой, он не смог, не успел до конца сформировать круг, как того требовал устав императорской армии при отражениях атак кавалерии пешими отрядами. Номады, которые уже участвовали в бою с основными силами имперской армии, и которых рассчитывали разгромить ударом с тыла, тоже знали о готовящемся нападении и ждали его. Часть их развернулась и уверенно атакова-

ла пехоту, вышедшую из леса. Таким образом, получилось, что засадный полк сам был неожиданно атакован, при этом с двух сторон. Гизлем Младший что есть сил и воли пытался руководить своими воинами, но это было чрезвычайно трудно, всадники въехали в до конца не сформировавшийся строй отряда, а многие солдаты просто оказались отрезаны от основных сил и сражались небольшими группами. Оказалось, что номадов гораздо больше, чем полагали ранее. Смешавшись с ними, засадный полк становился всё меньше, он растворялся в этом море всадников. Это стало видно, и основным силам императорской армии. Они, до того момента стоявшие неподвижно под мощнейшим натиском противника, стали отступать, медленно, шаг за шагом подаваясь назад. Владару и всем прочим военачальникам стало очевидно, что, когда второй отряд кочевников закончит уничтожение засадного полка, а надеяться на его спасение было нельзя, так как гибель отряда становилась неизбежной, номады ударят во фланг и этот удар будет сокрушающим. От катастрофы могло спасти только решение об отступлении, дальнейшая борьба окончилась бы истреблением всей армии. И Владар нашёл мужество принять такое решение:

– Трубите сигнал к отступлению. Князь Фарайя, вы будете прикрывать отход императорской армии. Нет, я сам этим займусь. Вы отходите к Тарину. Там будет ещё одна битва.

Князь Фарайя, высокий стройный горец, прекрасный воин и благородный правитель, тихо возразил императору:

– Ваше величество, прикрытие отступающей армии в данной ситуации – крайне опасное предприятие. Мы и так понесли сегодня слишком большую потерю, я имею в виду такого выдающегося сына Империи, каким был гиббор Гизлем Младший. Я прошу вас покинуть поле боя ради вашей безопасности и нашего общего будущего. – Эти слова были поддержаны всеми графами, князьями, герцогами, баронами, которые присутствовали рядом с государем. Едва не силой они заставили Владара покинуть поле боя. В это время некоторые отряды уже вышли из боя и ускоренным маршем двигались к Тарину. Граф Оаль вёл тяжёлый арьергардный бой, сам был ранен, понёс значительные потери, но задачу выполнил, основные силы императорской армии вышли из боя.

Сильнейшим ударом было полное уничтожение засадного полка, гибель гибора Гизлема, одного из лучших военачальников Империи. В том же бою вместе с ним погибли и многие другие выдающиеся воины и командиры. Основная часть императорской армии также понесла потери, хотя и смогла вовремя отойти. Тарин вновь оказался под ударом, а победа и конец войны, многим казавшиеся уже столь близкими, отдалились и теперь казались не реальнее миражей в пустыне. Однако, то были не все думы, занимавшие Владара по пути в столицу Таринской провинции. Верный и преданный слуга императора, князь Страмир, член Верховного Синклита Империи, фактически бывший ближайшим советником импе-

ратора, видел эту думу на лице правителя. Владар был уставшим, лицо его будто посерело.

– Ваше Величество, кажется, я знаю, что Вас тяготит. Если считаете нужным, поделитесь со мной. Или дайте высказаться мне. – Они оба ехали немного впереди отряда охраны и дворян, так, чтобы их разговор не был слышен.

– Да, чёрные мысли меня одолевают. Ты же понимаешь, что ход битвы был таким, как если бы номады знали, что мы приготовили засаду. Можно предположить, они отправили в лес лазутчиков, но наши дозоры, насколько мне известно, не видели никаких вражеских солдат и по времени, скорости их атаки, похоже, что у них было всё заранее рассчитано. Как бы это ни было скорбно и невероятно, но в моей голове возникла мысль о предательстве, совершённом кем-то из наших друзей. – Император говорил тихо, будто слова нужно было выговаривать с усилием, тяжёлые слова, неприятные на вкус.

– Да, Ваше Величество, эта мысль посещала и меня, и прогнать её с каждой минутой всё труднее. План битвы стал известен накануне ночью. Мы обсуждали его в вашем шатре. Присутствовало много людей, но всё это были достойнейшие ваши слуги. – Страмир вздохнул – И многие из них сложили сегодня свои головы за Империю и за Вас.

– Тем сильнее вина предателя. Если он был, разумеется. Скажи мне, ты сталкивался когда-нибудь с предательством?

– Нет. Я счастливый человек. Меня не предавали.

– И меня не предавали. Поэтому боюсь ошибиться, без-

основательно обвинить и наказать человека. Тогда получится, что предам я. Предательство кажется мне невероятным, но я не могу дать другого объяснения нашему поражению. Однако, устраивать охоту на предателей среди наших друзей – мерзость. Следить за ними? Или, что совсем плохо – устраивать пытки? Брать заложников из их семей? Всё своё царствование я боролся с такими вещами и был уверен, что в книге моей судьбы не будет таких страниц, а теперь... – Владар искренне негодовал. Его слова даже походили не на ответ, сказанный в диалоге, а на размышления вслух. Страмир ответил не сразу. Подождал, не добавит ли чего-либо его собеседник. Тот молчал. Тогда князь продолжил разговор:

– Я с Вами согласен, Ваше Величество. С каждым Вашим словом. Поэтому предлагаю следующее. Мы не можем преследовать всех тех достойных людей, которые, так получается, попадают под наше подозрение, но и допустить повторения произошедшего не можем. Я предлагаю, в будущем разрабатывать все планы военной кампании очень маленьким составом, не более пяти человек и отдавать приказы так, чтобы каждый стратиг и драммиат знал только то, что должен делать его отряд на поле боя, не будучи посвящённым в общий замысел сражения.

– Это хорошая идея. Но как ты выберешь тех пятерых или, пускай даже четверых. Ты можешь быть уверен, что среди них не будет предателя? – Владар бросил на друга столь пронзительный взгляд, что Страмиру стало не по себе. Будто

он был тем предателем, о котором спрашивал император. – Как можно знать, кому доверять? Я всегда был уверен в благородстве имперской знати, хотя прекрасно знаю о слабостях едва не каждого, кто к ней относится. Я соберу их всех в Тарине и открыто заявлю о том, что не даёт мне покоя.

– Правильно я понимаю, что вы собираетесь, открыто заявить о присутствии в наших рядах предателя? Кстати, Ваше Величество, Вы заметили, что мы уже говорим так, будто предатель действительно существует?

– Нет, такого заявления я делать не буду. Я буду и дальше советоваться со всеми своими подданными, кто был в моём шатре перед этой битвой. Если знать прогнила на столько, что даже лучшие её представители могут опуститься до предательства, то мы сможем только оттянуть падение Империи. Либо мне нужно будет создавать новую знать. Но кто даст гарантию, что она не станет хуже прежней? Я заявлю, что подозреваю предательство.

– Государь, а где принципиальная разница между заявлением о том, что мы подозреваем предательство и заявлением о поиске предателя? Ложные доносы могут начаться в любом случае. И как вы определите тогда, где ложь, а где правда? – в ответ Владар задумался. Потом, глядя куда-то перед собой, ответил:

– Есть ещё одна возможная причина. Если среди нас нет предателя, а почти уверен, что это так, хоть факты говорят об обратном, причиной осведомлённости нашего врага мо-

жет быть помощь некоей невидимой для нас силы. Кто знает, что Хунхар мог найти в своих бескрайних степях и пустынях? Может он – наказание Господне за наши грехи? – после этих слов императора князь Страмир вздохнул и едва заметно сжал губы, чтобы не улыбнуться.

– Ваше Величество... кхм... – Страмир замялся, – О Сфере, Малаке, зле и добре Вам лучше говорить с прокоэном, он куда более опытный собеседник в таких вопросах, чем я. Я же вам скажу, что даже, если начнутся доносы, то можно собрать следственную комиссию, которая будет их разбирать. За ложный донос нужно будет устанавливать наказание, чтобы отбить охоту у желающих выиграть за счёт этой беды.

– Да, о помощи неких тёмных сил нашим врагам я, возможно, действительно не прав. Хотя с прокоэном поговорить об этом следует. Что же, послушаю твоего совета.

После суточного марша император и части его отступающей армии вошли в Тарин. По пятам за ними следовало войско кочевников. Город на Великой реке стал готовиться к осаде. Было решено использовать преимущество наличия речного флота у Империи и возможности снабжения города по реке. Во время осады, можно было дожидаться подхода новых отрядов, шедших из внутренних земель государства и разбить противника.

Сразу после прибытия в Тарин все военачальники были собраны в главном зале Дворца наместника Таринской про-

винции. Владар сидел на троне, установленном на небольшом каменном возвышении. В огромном зале, заполненном на треть, было тихо. Люди устали и знали, что отдохнуть скоро не придётся, очень скоро враг станет у городских ворот. Поражение и гибель товарищей подобно невидимому живому существу впивалось когтями людям в плечи и клонило их к земле. Всех интересовал один вопрос: «Почему так получилось?». От императора ждали ответа, но никому не было известно, что же он ответит. Владар говорил сидя, положив руки на подлокотники, держа спину прямо, глазами медленно обводил стоявшие перед ним ряды знати. Углы подлокотников украшали соколиные головы, а на спинку трона венчала морда льва, с разинутой в рыке пастью.

– Воины! А сейчас мы все воины, пускай некоторые из вас надели доспехи впервые и совсем недавно. Мы все знаем, что произошло на Круглом поле в Барагасском лесу, недалеко от Парсонтара. Каким-то образом, наш план битвы стал известен врагу, и он смог не только заставить нас отступить, но и лишил жизни многих наших братьев и сподвижников. Я много думал о том, как такое могло произойти, как враг мог узнать наши планы на тот день? – здесь Владар замолчал, будто ждал ответа от кого-либо из присутствующих. Но присутствующие тоже молчали. – Возможный ответ видится один – среди нас есть предатель – слово "предатель" прокатилось под каменными сводами зала и рухнуло в толпу слушателей. Толпа проглотила слово, ответив на него тиши-

ной. – Я не верю, что кто-то из присутствующих в этом зале может быть предателем. Уверен, каждый из вас тоже много думал о произошедшем. Если кто-либо имеет, что сказать, пусть выступит сейчас. – Но никто не вышел. Каждый остался стоять на своём месте. Властодержец помолчал ещё некоторое время. Все продолжали стоять на своих местах. – Значит, вы согласны со мной. Тогда объявляю следующее: призываю всех быть внимательными. Но, заклинаю вас, не нужно подозревать каждого. Ни в коем случае не занимайтесь ложными доносами. Проверьте несколько раз свои подозрения. За ложные доносы будет строгое наказание, вплоть до смертной казни через повешение и изъятия его имущества в пользу казны Империи. Предатель, если он есть, будет найден. Если он присутствует здесь, то пусть знает, что навлекает позор на себя и на свой род, хоть потомки за предков не в ответе и преследований их с моей стороны и со стороны моих наследников не будет. – К императору подошёл человек и сказал что-то на ухо, тот в ответ кивнул головой. – Братья, враг будет под стенами Тарина через пять-шесть часов. Мы должны быть готовы к встрече с ним. Я сказал вам всё, что хотел. Уверен, каждый из вас будет поступать по справедливости и клеветать на соратников не осмелится. Теперь же отправляйтесь готовить город к осаде. Через день придут новые отряды, тогда мы с двух сторон ударим по осаждающему город противнику. Как бы некоторые горячие головы не хотели дать бой уже сейчас, я этого не позволю, потому что

уверен в непременной гибели нашей армии в таком столкновении. Теперь идите и да поможет нам всем Великий Сефер.

Осада Тарина отличалась от осад других имперских городов, проводившихся кочевниками до этого. Как уже говорилось, город стоял на берегах реки, много построек было на самой реке, на деревянных и каменных помостах. Чтобы его взять, нужно было атаковать с двух берегов и с реки одновременно. Армия кочевников начала строить плоты и лодки сразу, как только пришла к стенам города. На башнях и стенах Тарина было собрано большое количество баллист и катапульта для отражения атак, но они не могли помешать строительству речного флота врага. Тарин принял многих окрестных жителей, ещё больше людей ушли на восток или в Высокие горы, спасаясь от неприятеля. Орду кочевников было слышно, когда она была лишь на подходе к городу. Топот копыт, конское ржание, фыркание верблюдов, скрип колёс повозок, всё это создавало одну гнетущую симфонию. Оказавшись под стенами Тарина, несколько кочевников подъехали очень близко, так, чтобы можно было перекрикиваться, и подняли вверх надетую на копье голову гибора Гизлема Младшего.

– Ваше? – Со стен ответили молчанием. – Мы знаем, что ваше, нам этого не нужно. Сейчас всё вернём. – Всадники развернулись и поскакали в сторону своего лагеря, а оттуда катапульты начали забрасывать в город головы, руки, ноги, туловища солдат, павших в прошлой битве. Всё это отправ-

лялось вперемешку с камнями, которые били стёкла, пробивали крыши зданий, сотни человек были покалечены, а десятки убиты. Так началась осада Тарина.

На приступ кочевники не шли, ограничиваясь работой осадных машин и дожидаясь постройки судов, которые бы переправили их на другой берег. Стены Тарина были крепкими и камни катапульта их не разбивали, но обламывали парапеты и забирали жизни защитников, разрушали строения за стеной. Рабочие и рабы трудились в лагере номадов не покладая рук, из города видели эти приготовления. С наступлением ночи, по приказу Владара из города, по реке, вышел отряд судов, чтобы помешать возможной переправе противника, если такая попытка будет предпринята. Но ночь прошла спокойно. Тогда речному флоту Империи был отдан приказ поджечь строящийся флот кочевников. Приказ выполнить не удалось, номады сразу тушили свои корабли, успевая отправить множество горящих стрел в сторону кораблей Империи, и тем пришлось отступить за речные ворота города.

На третий день осады помощь подошла к городу, это были те самые отряды из внутренних провинций, которых ждал Император. Было решено вместе с ними ударить по кочевникам. Но номады сами атаковали их первыми, лишь только подмога показалась на горизонте. Это было столь неожиданно, что армия даже не успела построиться для битвы и была атакована ещё на марше. Никто не ожидал такой смелости, что кочевники ослабят осаду, чтобы сразиться с новы-

ми драммионами. Владар со всем отрядом гарнизона Тарина совершил вылазку, чтобы помочь атакованным, но вылазка едва не закончилась пленением государя. Кочевники чудом не успели проскочить в городские ворота, открытые для спасения войск, совершавших вылазку.

В это же время номады начали строить мост через реку. На деле оказалось, что они сооружали не плоты и лодки, а части моста и суда для его охраны. Древесина для него была пропитана каким-то раствором, который препятствовал горению. К вечеру шестого дня мост был готов, началась переправа неприятеля на правый берег Нахаве. Войска на этой переправе постоянно тревожил речной флот Империи. Катапультам, установленным на кораблях несколько раз удавалось разрушить какие-то части моста, но уничтожить полностью не получилось. Стратиги уговаривали Императора передать командование обороной города кому-либо из них, а самому покинуть город, отправиться собирать новые легионы и прийти на помощь городу.

– Если будет необходимо, я покину город. Пока это не нужно. – Пресёк эти разговоры Владар. Конечно, доля истины в предложениях стратигов была. Главнокомандующему не стоит оставаться в осаждённом городе, сколь значим бы он не был. Но и Владар был по-своему прав. Весть об уходе императора из Тарина непременно была бы расценена как бегство, и энтузиазма защитникам не прибавила бы.

Хунхар решил в этот раз не прибегать к кровавому штур-

му, но использовать другую тактику. Номады даже не предпринимали попыток перекрыть снабжение города по реке. Даже имея их ресурсы построить ещё один такой же мост или изготовить большую тяжёлую цепь, чтобы перекрыть течение реки, было бы крайне сложно. Изготовление цепи могло бы занять очень большое количество времени, а попытка постройки моста или какой-то искусственной преграды встретила бы яростное сопротивление речного флота империи, от которого пришлось бы отбиваться с двух сторон. Хунхар приказал строить большое количество баллист, требшетов, катапульт и вести непрерывный огонь по стенам Тарина. Город засыпало градом камней, они пробивали деревянные крыши, ломали зубцы парапетов. Но стены выдерживали. Недалеко от лагеря осаждённых находились городские каменоломни, из их камня Тарин строился. Теперь этот же камень неприятель использовал для уничтожения города. Удары были сосредоточены на отдельных участках стен, так что было понятно, где ждать возможный штурм. Через несколько дней противник начал строить тараны, которые должны были довершить начатое метательными орудиями. Продолжать осаду пока от городских стен не осталось бы только развалин было нельзя, потому что в любой момент могли появиться новые легионы, спешившие на помощь осаждённым. Сам Хунхар не хотел, чтобы создалось впечатление, будто он не может справиться с этим городом так же быстро, как с предыдущими.

В итоге, на пятый день обстрела, в городской стене правобережной части города образовался пролом, который защитники кинулись быстро заделывать. Хунхар приказал дать сигнал к атаке. Пока защитники отбивали атаку в одной брешу, рухнула стена на другом участке городских укреплений. На шиурм туда осаждавшие направили ещё один отряд. В это время рухнула стена в левобережных укреплениях Тарина. Там тоже завязался ожесточённый бой.

Защитники очень надеялись, что враг ослабит натиск с наступлением ночи. Но этого не случилось. Он атаковал волнами, постоянно бросая в бой свежие силы.

К утру Владар отдал приказ покинуть город. Тарин выстоял всего пять с половиной дней.

Отступление из города проходило по реке. На общем военном Совете было решено, в дальнейшем планировании военных походов исходить из того, что номады ставят своей целью захват имперской столицы – Галлиара и укреплять города, которые будут встречаться захватчикам на этом пути. Такой подход оказалось верным лишь от части, потому как враг, двигаясь на восток, постоянно расширял зону своего контроля к югу от Нахаве, захватывая новые источники пополнения запасов, а иногда и живой силы, которой у номадов и без того было достаточно. Нечасто, но среди жителей захваченных областей Империи, находились те, кто шёл служить к захватчикам добровольно. Из них набирали рабочие отряды, либо пехоту. Но равными себе таких воинов номады

никогда не считали.

Глава 18. Ещё один разговор

На корабль Галсафа, князя императорской крови, двоюродного брата императора Владара, поднялся человек. О визите Галсаф был извещён заранее, но чего-то конкретного от встречи не ждал. Князь сам вышел встречать гостя на палубу, провёл в свою каюту, которая больше походила на парадный зал дворца, так богато она была убрана, гораздо богаче, чем императорская каюта на корабле Владара. Конечно, Галсаф любил роскошь и не скрывал этого. Разговор в его каюте проходил обо всём подряд: о войне, настроениях в столице, а именно из Галиара прибыл гость, о самочувствии хозяина корабля, о дорогах, о зверствах номадов, о перспективах развития боевых действий, о достоинствах вина, которое было подано к столу. Но все эти разговоры были похожи на некие ритуальные танцы. Это понимали оба, только было не ясно, отчего никто из них не решается заговорить первым. Через час приятной беседы Галсаф встал со своего места и предложил гостю выйти подышать свежим речным воздухом. Ночь была тёплая, обе луны оставляли невероятной красоты отблески на водной глади. Ничто не говорило о войне, которая то ли присутствовала на корабле, то ли была далеко за ним, в захваченных Тарине, Парсонтаре, Оринте, Таирассе и других больших и малых имперских городах и деревнях. Хозяин корабля и его гость вышли ближе к носу корабля. Они смотрели вперёд, а не друг на друга, как бы

вглядывались в даль.

– Ну вот, здесь я могу быть уверен, что нас никто не услышит. И вы будьте уверены, дорогой Кемеш. – ночным гостем, собеседником Галсафа был Кемеш с Белого побережья, тот самый, с которым несколько месяцев назад разговаривали Ялган Маязимский и посланник Нилэр.

– Ваше высочество, Вы на своём корабле ищете место, где спокойно могли бы переговорить с гостем? – Кемеш делал нарочито удивлённое лицо. – Как же до этого дошло? И как долго так может продолжаться? – в ответ Галсаф то ли откашлялся, то ли прорычал что-то.

– После того, как нас разбили в Барагасском лесу, брат решил, что среди имперской знати появились предатели.

– Да, об этом все слышали. Некоторые в это даже верят. Но я и никто из моих друзей никогда в это не поверим. Или, лучше сказать, никто из наших друзей никогда в это не поверит. – Кемеш повернулся лицом к князю.

– Ну, я так категоричен не буду. Битва действительно проходила так, будто противник знал, что мы будем делать. Вполне вероятно, что кто-то действительно предупредил номадов о засаде. Конечно, наверняка я этого не знаю. Зато теперь мы все под подозрением и не застрахованы от доноса. Хотя доносчик рискует едва не больше, чем тот, на кого доносит. Анонимные доносы не рассматриваются.

– И действительно не рассматриваются? – Кемеш сделал

многозначительную паузу. Галсаф улыбнулся.

– Брат мой так говорит. И поводов не верить ему пока не было. Хватит болтовни. Чем я обязан вашему визиту, дорогой Кемеш? Как-то уж слишком долго мы ходим вокруг да около. – При многих недостатках Галсафа прямоу можно было назвать одним из его достоинств. – Едва ли вы просто вдруг ощутили острую необходимость в моём обществе.

– Не отказывайте мне в такой причине. Вы человек достойный, влиятельный, вашим мнением многие дорожат, что бы о вас не говорили недруги и завистники. Именно поэтому я приехал засвидетельствовать вам почтение. И не только от себя, но от многих знатных людей, глав известных семейств, кланов, богатых господ. В столице очень внимательно следят за происходящим на фронте. Верховный Синклит Империи очень внимательно следит. И зераклиты многим обеспокоены.

– Обеспокоены на столько, что даже не решились отправиться к Императору, но прислали вас ко мне? – В воде вдруг начала играть, плескаться речная рыба, поблескивая на лунном свете чешуёй.

– Не со всеми нашими опасениями мы можем обратиться к государю. Да и что таить, многие из нас более всего напуганы именно действиями Императора Владара. – Кемеш отвернулся и смотрел вперёд, на корму плывущего впереди корабля. Создавалось впечатление, что он говорит сам с собой.

– А, понял. Верховный Синклит Империи всё не может

смириться с тем, что Император взял под своё руководство некоторые провинции государства и хочет взять новые? Я здесь вам точно не помощник. Более того, по моему мнению, это действие вполне оправдано. Хотя, конечно, власти в руках брата копится очень много.

– И мы всё менее защищены от этой власти, ваше Высочество. Вы говорили, что анонимные доносы не рассматриваются. Может быть, пока это действительно так, но кто знает, как долго это продлится? Вы хотите подождать? Вы уверены, что все эти доносы не оседают в сундуках князя Страмира?

Галсаф начал догадываться о цели визита своего гостя. Но ещё не решил, как на неё реагировать.

– Знаешь что, дорогой Кемеш, – князь крови вдруг перешёл на "ты" с собеседником. – если бы я тебя не знал, то не сомневаясь ни минуты и швырнул бы тебя за борт, прочь с моего корабля. Однако, так вышло, что я тебя знаю и готов ещё послушать твои речи, какими бы они ни были.

– Ваше Высочество, ничего дурного я предлагать не собираюсь. Все они исходят из желания принести благо Империи и её жителям.

– Мы все хотим блага для Империи и её жителей. Только нужно понять насколько совпадают наши представления об этих благах для жителей Империи. Синклит, дай угадаю, считает благом расширение своих функций и урезание власти Императора. Так? – Галсаф улыбался. – Но зачем тогда ты пришёл ко мне?

– В том и дело, что вы правы, но не до конца. Более справедливым было бы вовсе убрать фигуру императора, оставив лишь Синклит. Так было бы лучше и для стратиггов, хотя не все они так думают, и для купцов и для самого Синклита. Считается, что власть императора ограничена и сейчас, но всем ясно, что на деле это совсем не так. С тем авторитетом, который есть у Императора, с тем доверием, которым он обладает, разве можно говорить об ограничении его власти? Народ скорее снесёт здание Верховного Синклита Империи вместе со всеми зераклитами, чем кинет хоть один камень в Императорский дворец. Государь берёт ровно столько власти, сколько хочет. И делает это как бы со снисхождением.

– Но он ею не злоупотребляет, что, справедливости ради замечу, часто наблюдается за членами Синклита.

– Ваше Высочество, среди знати крайне мало святых. Но это ведь не повод заставлять страдать других добрых людей. Да и, как вы знаете лучше меня, армия сейчас отступает. Может, возглавь её другой полководец, нам удалось бы уберечь земли Империи от дальнейшего разорения.

– Словом, в столице созрел заговор, и вы ищете союзника. Хотите им видеть меня. Но зачем мне соглашаться?

Кемеш немного смутился. Князь назвал вещи своими именами, а относить себя к заговорщикам купец не хотел. Очень неприглядной в таком случае выглядела его миссия.

– Мы обещаем Вам спокойствие и благоденствие. Ведь всякий в Империи наслышан о ваших родственниках, но на-

тянутых отношениях с Императором. А в ситуации, когда работает Комиссия по расследованию доносов о предательстве, вы должны чувствовать себя неловко. Вдруг брат решит совсем от вас избавиться. – Кемеш начал переживать, что князь Галсаф не проявляет никакого сочувствия делу, к которому его хотят склонить. Даже наоборот, его можно принять за сторонника Императора. Неужели Ялган и Наилэр ошиблись? Как дорого может стоить такая ошибка! Будто в подтверждение опасений собеседника, Галсаф воскликнул, вновь перейдя с собеседником на «Вы»:

– Вздор! Вы позволяете себе слишком много говорить о вещах, о которых вовсе ничего не знаете. Мне не известно, кто вас на всё это надоумил, но ему точно не мешало бы лучше всё продумать, перед тем, как направлять вас ко мне. Всё же не могу отрицать, что многое сказанное вами, правда. Я имею ввиду зависимость от императора. Кемеш, вы вызываете подозрения. Вдруг один из моих недоброжелателей подослал вас с этим предложением, предложением заговора, а потом вы сладите меня Страмиру? Давайте вы отправитесь в трюм, где к нашей беседе подключится один мой слуга. Не беспокойтесь, он глухонемой. Может, поэтому из него получился хороший палач и заплечных дел мастер. Ведь не могу я Вам верить на слово. Может, вы хотите впутать меня в какую-нибудь чудовищную ложь, в которой погибну я и ещё утащу за собой много ни в чём не повинных людей? Доверие в деле, к которому вы меня склоняете – вещь очень не надёж-

ная. – Галсаф улыбнулся. Именно в этот момент Кемеш с Белого Побережья понял, что князь императорской крови согласен на участие в заговоре, единственное, что ему необходимо, чтобы заявить об этом открыто – гарантии реальности заговора. На этот случай у Кемеша было заготовлено письмо с подписями Ялгана Маязимского и ещё нескольких зераклитов Верховного Синклита Империи, а также нескольких богатейших имперских купцов, землевладельцев и дворян. Кемеш вручил письмо Галсафу. Тот сломал сургучную печать и раскрыл лист бумаги. В письме излагалась просьба заговорщиков перейти на их сторону ради общего блага жителей Империи. Там же указывалось, что никакого вреда Императору, родственнику Галсафа, не будет причинено. Князь ещё читал письмо, когда Кемеш сказал:

– Нам нечего от вас скрывать, Ваше Высочество. Теперь мы все в вашей власти. Более того, судьба Империи и успех всего задуманного дела в вашей власти. – Галсаф прочёл письмо, снял висевший рядом фонарь, открыл в нём дверцу, через которую доливали масло и меняли фитиль и сжёг письмо.

– Полагаю, у тебя больше нет таких писем или чего бы то ни было с похожим содержанием? – Кемеш в ответ покачал головой. – Отлично. Тогда давай вернёмся в мою каюту, не хочу привлекать лишнего внимания. Теперь это ещё более важно. Час посидим в каюте, поговорим обо всём подряд. Потом вернёмся сюда, и ты мне расскажешь, чего вы от меня

хотите, а я вам скажу на какие блага, как один из жителей Империи, я рассчитываю после завершения вашего замысла.

– Ваше Высочество, всё, что скажете. – И оба вернулись в каюту.

Глава 19. В пустыне. Кар-аб-Дабир

Караван увозил Наара, Кавэда и Кедира всё дальше от Наппара. проспав несколько часов, Наар проснулся первым из трёх друзей и решил выглянуть на улицу, вернее, взглянуть на пустыню, через которую в тот момент шёл караван. В корзине, где ехали путешественники, было душно, и стоял тяжёлый, неприятный запах. Пахло слонем, точнее животным и человеческими телами. Казалось, со свежим воздухом в корзину ворвалась новая жизнь. Но так казалось ровно до тех пор, пока Наар не ощутил жару, стоявшую снаружи. Теперь было похоже, что сама раскалённая пустыня ворвалась внутрь корзины. Всё же стало немного приятнее, чем было до того, стало меньше вони. Внизу зашевелились, и Наар понял, что остальные тоже проснулись.

– Святые письма, я умру за несколько недель дороги в этой корзине. – Кавэд поднялся на ноги и стал рядом с Нааром, разглядывая окружающий пейзаж.

– Это тебе сейчас так кажется, странно, что ты ещё не привык. Мне пары часов хватило, – отозвался Кедир. – Судя по солнцам, мы в пути уже часов десять.

Наар и Кавэд опустились на дно корзины, попробовали перекусить, но из-за жары есть не хотелось.

– Похоже, единственный способ путешествовать в этой корзине днём – высунувшись из неё, – Кавэд опять поднялся во весь рост и открыл крышку корзины. – Хотя, это не дело. Нужно что-то придумать.

Так, за лепешку хлеба погонщик слона пустил Наара сидеть рядом с собой, а Кедир и Кавэд сели сразу за ними. Сидеть было не очень удобно, но всё же лучше, чем в корзине. Слоны шли неторопливо. Даже будучи нагруженными корзинами, мешками, кабинками с людьми, они всё равно выглядели очень величественно. Эти пустынные слоны имели слегка коричневый оттенок кожи и могли не пить по две недели и идти три дня кряду без остановки. Они могли спать на ходу, если это было необходимо. Но если животные уставали, то заставить их идти не мог уже никто. Их можно было засечь до смерти, но с места они не двигались. Так что такой выносливостью слонов погонщики не злоупотребляют, караваны всё равно делают привалы. Отдых нужен людям. И этот раз не был исключением. В караване было семнадцать слонов и двенадцать верблюдов. На пятерых слонах были установлены мощные баллисты для защиты от животных, населяющих пустыню. Более лёгкие, но не менее опасные механические машины: три пары арбалетов с системой автоматической перезарядки были установлены на трёх верблюдах. В руках умелого стрелка они были серьёзным оружием.

Взошли две луны, на небе появились звёздные узоры и караванщики, расположив животных каравана кругом, устро-

или походный лагерь. Ночь прошла спокойно. Несколько раз казалось, что начнётся буря, но всё закончилось просто несколькими сильными порывами ветра. Так прошло ещё несколько ночёвок и дней в пути. Дорога проходила в разговорах, пускай даже не всегда содержательных, в молчании, как правило, часто куда более полезном, чем любые разговоры, и тренировках. Кедир продолжал иногда тренировать, учить, когда были силы, писцов рукопашному бою. Наара очень поразили рассказы об огромных жуках Бахгу, которые иногда нападают на караваны, потому что любят мясо пустынных слонов и верблюдов. Против них на некоторых слонах и были установлены мощные баллисты и механические арбалеты.

– Ну, гигантских пауков я уже видел. Теперь остались жуки. А дальше что будет? Зачем Сефер создавал этих монстров? – Наар злился, но быстро успокаивался, так как не в его характере было долго злиться.

На четвёртую ночь Наар проснулся от удара в бок, потом ещё один удар. Юноша очнулся и увидел, что Кедир, спавший в корзине, напротив писца, кого-то душит и именно этот кто-то его, Наара толкнул. До Кавэда он не достал, потому что тот спал далеко. Наар не закричал и даже был достаточно спокоен для человека, которого разбудил удушаемый своими попытками освободиться из рук душителя. Через несколько секунд мужчина затих.

– Спасибо, что не закричал. – Кедир говорил немного с

отдышкой, видимо, жертва была сильной, и стоило немалых усилий удержать её в руках. Кавэд так и не проснулся, потому воин и юноша говорили шёпотом.

– Что это было и кто это был? – у Наара сна уже не было ни в одном глазу, он был бодр, будто и не спал перед этим.

– Это привет от Закхаля. Вы решили, что от этого человека можно просто уйти с караваном в другой город. Я не стал вас разубеждать. Но сам я знал, что, скорее всего, Закхаль приказал нас выследить, а если ты или я, попытаемся покинуть город, то убить. Справедливости ради замечу, что я ждал нападения раньше. Подожди этот мерзавец ещё хоть две ночи, я бы совсем потерял бдительность и он бы передушил всех нас в этой корзине как котят. – Всё время, пока Кедир говорил, на лице Наара не дрогнул ни один мускул. Он понял, что несколько ночей кряду его жизнь и жизнь его товарищей подвергалась смертельной опасности.

– Ты уверен, что этот убийца – единственный?

– Нет, не уверен. Но не думаю, что их было больше двух. И не ясно, почему они тогда вдвоём не напали. Для верности их действительно должно быть больше, чем один. Будем ждать. А этого нужно закопать или хотя бы прикопать.

Кедир с Нааром накрыли тело нападавшего пледом, затем, выбравшись из корзины и осмотревшись, так, чтобы не привлекать внимание, немного в стороне начали рыть неглубокую яму. Работали быстро, через пятнадцать минут могила в песках была готова. В это время из корзины выскочил Кавэд.

Увидел друзей и подбежал к ним.

– Там в корзине мёртвый человек. Судя по вашим лицам, вы в курсе. Что произошло? Рассказывайте немедленно. – На это Кедир заметил что разгневанные монахи действительно опасны и вкратце рассказал всё то, о чём они говорили Нааром и то, что Наар видел. Рассказ воина был дополнен несколькими комментариями юноши. Пока Кедир говорил, все трое сперва тащили, а затем закапывали тело.

– А ты почему не закричал, когда труп увидел? – Наар был немного удивлён такой выдержке товарища.

– А вы расстроены, что я не закричал? Может, вы этого и хотели, когда оставляли меня одного, с трупом в корзине? – Монах был недоволен и недовольство своё скрыть не старался. Потом добавил. – Жизнь в скиту сделала меня спокойным. Это не смелость, но спокойствие. Я испугался, но при испуге кричать совсем не обязательно.

Несколько раз мимо проходили ночные стражники, но друзья делали вид, что просто общаются. Прикрытое в темноте плащом тело было трудно заметить. Когда всё было закончено, друзья вернулись на место ночлега, однако уснуть в ту ночь никто из них так и не смог. Зато весь следующий день прошёл куда более спокойно, но для большей безопасности условились спать по очереди. Так прошло ещё несколько дней. Вызывало удивление, что никто не спрашивал об исчезнувшем пассажире каравана, не интересовался его судьбой. Будто его и не было. Но никого из троих путешествен-

ников это не расстраивало. В очередной знойный день, когда казалось, караван стоит на месте, лишь перебирая песок, попадающийся под копытами верблюдов и ногами слонов, один из погонщиков, никто не скажет, какой именно, закричал:

– Бахгу! – было неясно, как это слово, выкрикнутое в середине каравана смогло достигнуть и начала, и конца его, но весь караван сразу ожил, будто был единым организмом, через который пропустили электрический разряд. С правой стороны по пути следования каравана, метрах в ста пятидесяти, зашевелился песок и из под него медленно начало вылезать некое существо. Но одно то, что его было видно на столь внушительном расстоянии, говорило о его значительных размерах.

– Надеюсь, он здесь один, – Кедир выскочил из корзины и сел рядом с погонщиком, который не без труда удерживал напуганного слона. Откуда-то из начала каравана донеслось:

– С левой стороны ещё один! – в метрах в ста по левую сторону от пути следования каравана началось такое же движение песка, показались сначала усики Бахгу, похожие на виноградные лозы, будто ожившие и очень гибкие, вьющиеся, как змеи. Затем показались ноги великана, огромные, как стволы вековых деревьев, с широкими ступнями, которыми он опирался на песок. Наконец показались массивные челюсти, которыми жук мог с одного удара убить слона. Но чаще он просто вырывал куски мяса из боков животного. Спина бахгу была похожа на небольшой холм, высотой около пя-

ти-шесть метров. Но, вопреки внешней, кажущейся неповоротливости, оба бахгу начали очень быстро приближаться к каравану, с поразительной частотой перебирая ногами. Кавэд и Наар молча наблюдали за происходящим. Погонщики знали, что главной целью монстров являются слоны. Верблюдов они могут задеть, покалечить, даже убить и уволочь в свои норы, но это будет случайностью, скорее исключением. Погонщики разобрали длинные копыя, предназначенные для боёв с бахгу, подожгли их у наконечника, там были приделаны факелы, а древесина самих копий пропитана специальным составом и не загоралась. Когда жуки достигли расстояния в семьдесят метров до каравана, в них были выпущены первые стрелы с баллист и механических арбалетных установок, но тщетно. Стрелы отскакивали от толстого панциря насекомых.

– Кедир, а сколько слонов они могут убить – Кавэд кричал другу, надеясь, что одного животного хищникам будет достаточно и после всё успокоится.

– Всех. Прыгайте из корзины и бегите подальше – воин забрал копьё у погонщика и сам готовился встретиться с бахгу.

– Ну, нет – тихо произнёс про себя монах и полез на спину к слону. К тому времени она была свободна, ехавшие на ней пассажиры после первых криков поспешили спрыгнуть на землю и бежать как можно дальше от животного. Наар выругался и последовал за товарищем, каждую минуту проверяя, на месте ли рукопись. Бахгу выбрали для атаки живот-

ное, бывшее через три верблюда впереди слона, на котором ехали Наар, Кавэд и Кедир. Одному из жуков всё же пробили панцирь, из его спины торчала стрела. От этого бахгу стал лишь более свирепым. Последние несколько метров, оставшиеся до добычи, жуки преодолели в прыжке и ударами челюстей буквально разорвали первого слона на две части и бросились к слону Наара. Здесь Кедиру удалось отогнать одного жука копьём, а броню второго пробили сразу две стрелы, пущенные из арбалетов, и насекомое бросилось к обидчикам. Первый бахгу пытался челюстями перекусить слоновьи ноги, но сделать этого не мог, под удар подставлялся его рот, одно из самых уязвимых мест бахгу, наряду с брюхом. Жук сломал копьё Кедира, а воин сам едва смог удержаться на слоне. В следующую секунду слон страшно взвыл и начал валиться на бок.

– Бежим! – погонщик первым бросился прочь. За ним последовали все трое друзей. На людей бахгу нападали редко, только если те сами их провоцировали, или если чудовища не задевали их случайно сами. Так было и сейчас, жуки увлеклись животными, которые и были их целью.

Чудовища убили четырёх животных и после этого скрылись под толщей песка, вместе с тушами слонов. Во время атаки погибло ещё семь верблюдов и пятеро человек, из них три погонщика и два пассажира каравана. Потери были небольшими, но гораздо хуже было то, что животные, перепугавшись, разбежались, и собрать их в одну цепь было

задачей трудной. Ещё несколько верблюдов попали в зыбучие пески, одного удалось спасти, а два других напуганных верблюда так и не дали себя спасти. Пустыня забрала их. Самым опасным было то, что такой караван, расстроенный, беззащитный, мог стать лёгкой добычей, как грабителей, так и других бахгу. Собрать разогнанный караван удалось лишь через несколько часов, и путешествие продолжилось. Шли молча. Кедир, Наар, Кавэд смогли найти себе новое место на другом слоне, хотя и не сразу, и не бесплатно. Это нападение напомнило людям, как они на самом деле могут быть беззащитны перед дикими животными. Самым неприятным было то, что никто не гарантировал, что такое нападение не повторится, хотя они и редко случались. Тишину изредка нарушал плач друзей и родственников погибших, но он был тихим и был слышен не часто. Чувствовалось напряжение, окутывавшее караван.

– Святые письма! Я никак не могу расслабиться. – Кавэд будто обращался к себе, но явно хотел участия со стороны. – Впечатление, что все ждут ещё чего-то. То там, то здесь мерещатся проклятые жуки. Или разбойники, как по дороге в Наппар.

– Так и сеть. – Отозвался Кедир.

– Что ты имеешь в виду? – Наар и Кавэд едва не набросились на своего приятеля.

– Я имею в виду, что сейчас на караван могут напасть кочевники пустыни или просто разбойники. Я даже немного

удивлён, что этого не произошло раньше, сразу после атаки бахгу. Разбойники, видимо, тоже боятся жуков и хотят быть уверенными, что бахгу уже ушли, можно их больше не опасаться. Только разбойникам, в отличие от жуков, нужен весь караван. И все люди, которые здесь есть.

– Нас сделают рабами? – Наар взбодрился, от усталости не осталось и следа.

– Возможно. А тебя, может быть, наложником. – Кедир улыбнулся.

– Святые письма! – теперь восклицал Наар.

– Ты молод и хорош собой. Открою тайну, Сокровище Наппара даже немного расстроилась, когда узнала, что ты не зайдёшь к ней. Она об этом мне сама сказала, перед тем, как мы вышли из её дома. А вот Кавэда, скорее всего, действительно сделают рабом.

– Закрой свой рот, не то я вырву твой язык своими руками и греха мне не будет. Ты слышишь? Не будет! – Нервы монаха не выдержали и он прикрикнул на друга. Тут же выдохнул и извинился.

– Ничего страшного. Я тоже волнуюсь. – Будто в ответ на эти слова тишина была разбита криком сотен пеших и конных мужчин, появившихся из-за ближайших песчаных дюн. Разбойники считают большой удачей, если на караван нападает бахгу. После их атаки разграбить караван намного легче, пассажиры и погонщики подавлены и сопротивляются гораздо хуже. Наар, Кавэд и Кедир схватили мечи, которые

лежали рядом, в той же корзине, в которую они недавно пересели. Начался бой. Наар в первую же минуту был поцарапан стрелой, она едва не попала ему в плечо.

– У нас есть шанс отбиться? – он кричал Кедиру, который прыгнул на песок и пеший бился с напавшими. Воин ответил не сразу, но только после того, как завершил поединок с одним из разбойников.

– Шанс есть всегда, пока ты сражаешься.

Наар с Кавэдом прыгнули на песок и начали драться. На деле, однако, получилось, что Кавэд защищает Наара, который хуже монаха умел обращаться с клинком. Не смотря на ожесточённое сопротивление и гибель многих нападавших, разбойники смогли отбить много верблюдов и слонов. Попали к ним в плен и трое друзей, воин и два писца. Каттавы были побеждены в схватке, а на воина накинута аркан и волокли за конём, пока Кедир не обессилил. Потом, всех пленников связали в одну живую цепь и повели. Наар не знал, куда их ведут, но в голове уже складывались страшные картины ближайшего будущего. Рядом не было ни одного из двух друзей. Но, слава Сеферу, юноша смог разглядеть Кавэда далеко впереди себя, человек через десять. Кедира же, сколько юный священник не оглядывался, он не видел.

– Куда нас ведут? – Тихо, чтобы не привлекать внимание надсмотрщиков, спросил парень шедшего впереди. Но ответа от него не было.

– Кто-нибудь знает, куда нас ведут? – немного громче

спросил Наар, а потом попытался дотянуться рукой до груди, чтобы проверить, на месте ли рукопись. Оказалось на месте.

– В Кар-аб-Дабир. Главный разбойничий город пустыни. – Произнёс кто-то за спиной Наара. Он обернулся и увидел женщину, чуть старше пятидесяти лет на вид, со смуглой кожей и седеющей головой. В ответ Наар кивнул и принялся вспоминать всё, что когда-либо слышал об этом городе.

Кар-ар-Дабир. Там был большой невольничий рынок. Рабство в Империи было запрещено, но разбойники и бандиты пренебрегали, в том числе и этим запретом. Часть города находилась в подземных пещерах, часть на поверхности, в оазисе рядом с источниками. Дорога к городу была трудной. Туда вели буквально несколько путей. Ориентиром на них служили редкие оазисы, между которыми нужно было идти, обращая внимание на звёзды. О путях знали многие, но императорские войска каждый раз несли потери, когда только приближались к городу, чтобы разрушить его. Однажды осада завершилась успехом, но пещерная часть города так и не была ни разу взята. Ходили легенды о сокровищах, сокрытых в хранилищах города. Банды хранили здесь награбленные общие сокровища. В городе была даже своеобразная полиция, следившая за исполнением законов, по которым жили разбойники. По слухам, в городе также находили убежище беглые священники, поссорившиеся со светской или церковной властью. В городе можно было купить всё, что угодно, только нужно было очень хорошо следить,

что ты действительно покупаешь то, что хочешь, а не то, что тебе продаёт честный, единственный честный, по его собственным словам, торговец в городе. Наар уже хотел было спросить, далеко ли туда идти, но осёкся, не найдя в вопросе смысла. Шли долго, наконец, объявили привал. Многие тут же рухнули на песок. Уже было темно, и песок горячим не был. Наар хотел поговорить с Кавэдом, но восемь метров, что отделяли их друг от друга, оказались почти непреодолимым расстоянием. Связанный с другими пленниками верёвкой, юный каттав не мог двинуться с места, не говоря о том, чтобы пройти мимо восьми человек и ещё столько же потянуть за собой. Но Кавэд его заметил, и это уже само по себе было хорошо. До того момента, монах не видел товарища и вообще не знал ничего о судьбе хотя бы одного из своих товарищей.

Пленники шли три дня. Новые хозяева давали отдых и иногда кормили. За каждого пленника они получали хорошую плату, поэтому терять их было неразумно. К концу третьего дня путешествия караван разбойников и их добыча пришли в Кар-аб-Дабир. Пленников вывели на площадь и начали разбивать, сортировать на группы.

– Что происходит? – Наар увидел рядом ту же женщину, что сказала ему название города.

– Нас распределяют на группы. У разного товара, разные условия содержания.

– Откуда вы это знаете?

– Однажды, я уже бежала из рабства. Но это было очень давно и я не догадывалась, что мне уготовано снова с этим столкнуться. – Сразу после этих слов женщину толкнули в группу пленников, которую собирали с правой стороны от основной массы приведённых. Она оказалась в одной группе с Кавэдом. Там было много физически крепких людей, способных к тяжёлому труду. Наар же оказался среди молодых и хороших собой юношей и девушек. Похоже, действительно перед ним открывалась перспектива оказаться либо в частном гареме, либо в публичном доме. Но более всего он переживал за рукопись. Второй раз таких же поисков, как в Наппаре, ему вовсе не хотелось. Более того, за время путешествия он ещё больше, чем в начале, привязался к рукописи. Она стала частью его самого.

Кругом были напуганные люди и их новые хозяева. Оглядевшись, Наар пообещал, что здесь не останется, чего бы ему это не стоило, а сбежит и отправится дальше на восток, как говорил Захарта. Это была решимость человека, который не знает, на что он решился, не представляет этого, но твердо верит, что сможет сделать. Их повели на невольничий рынок, тот самый, о котором он когда-то читал, но никак не мог предположить, что окажется там, тем более, в роли товара.

В центре рынка стояло огромное круглое здание из глиняных кирпичей, светло-коричневого цвета, с несколькими входами и выходами. Со своей стороны Наар смог заметить три двери. Перед дверьми, на расстоянии десяти метров от

них был каменный круг, диаметром в два метра и высотой около тридцати сантиметров. Этот круг служил постаментом для людей, которых продавали в рабство. Он был сделан из огромной каменной глыбы. Рядом стоял долговязый продавец, нахваливавший свой товар. В полосатом, подбитом ватой халате, холщёвых штанах и красной повязке на голове, кривоглазый, со сросшимися над переносицей бровями, работорговец противным голосом приглашал «добрых людей» подходить ближе. Раб стоял связанный, продавец показывал его зубы. За раба с хорошими зубами можно выручить больше денег. Здоровые зубы – признак хорошего общего здоровья, выносливости. Также торгую лошадьми и другими животными. Торговец вертел связанного человека как вещь: показывал, сколь велики мышцы, как сильны руки, какая широкая спина, крепкий хребет, делал все, чтобы получить более высокую плату.

Наар слышал огромное количество незнакомых наречий: шелкающие, шипящие, разных тональностей, хрипящие и даже мычащие. Но только приятных лиц юноше так и не удалось увидеть. Всякий человек, встречавшийся по пути, не сулил ничего хорошего, как по внешности, так и по поведению. Это была та часть империи, которую Наар знал только по рукописям. Но он нашёл в себе силы пытаться разгадать, какие языки он слышит и что за племена перед собой видит. «Это, должно быть язык харбив, на нём говорят тумканы. Да, он. О тумканах я помню, что иногда они практикуют

людоедство... А хорошее я что вспомню? Пока ничего. Эти огромные люди верхом на двуногих ящерах – арады. И язык их шипящий. Они подражали языку ящериц, так и создали свою речь. Живут среди скал. Мне показалось, или я видел только что третье веко у одного из них? Запомнить, нужно всё запомнить. Если я отсюда выберусь – обязательно всё запишу». Так листы книг и миниатюры в них становились реальностью.

Солнца жгли неимоверно, пот заливал глаза. Но Наара это не беспокоило. Он всегда любил жару, даже когда она соединялась с пылью и липла к потному телу. Согласно одному апокрифу Сефер написал страницы о человеке во время жары, не холода. Тем временем новый товар разбили на две группы, каждую повели в круглое здание через отдельный вход. Внутри был длинный коридор, справа и слева там находились двери в камеры, в которых содержали пленников перед отправкой на рынок. Коридор был низкий и тёмный, будто он был не в здании, а под землёй. От этого и без того гнетущее настроение становилось ещё хуже. Тяжёлый, спёртый воздух будто сам не один год томился в стенах этой тюрьмы, и за годы заключения в нём зародилось уныние, проникающее в каждого, кто вдыхал его. Однако, камера Наара была чистой, хотя в ней, кроме него и было еще три юноши. Каттаву об этом не сказали, но его действительно хотели продать как наложника, потому условия содержания были лучше, чем в камерах, где держали будущих рабов. Мысли мо-

лодого писца больше были заняты тем, что случилось перед входом в круглый дом. Парня, как и всех, стали обыскивать и он уже начал придумывать, как и откуда ему вновь придется доставать рукопись, вернее, вызволять ее. Тут произошло чудо. По-другому парень не мог истолковать произошедшего. Головорез, обыскивавший его, ничего не нашел. Более того, с Наара сорвали верхнюю одежду, проверили его самого, перебрали одежду в поисках чего-либо ценного, но рукописи не было. Писец сам испугался. И сам себе уже не верил, что он не ощущал минуту назад драгоценный манускрипт у себя на груди. Сумку с письменными принадлежностями у него отобрали сразу после того, как связали. О ней он жалел, но куда больше он переживал о рукописи. Итак, после обыска, Наару кинули под ноги его скомканную одежду и он пошел вместе с остальными ко входу в круглый дом. По дороге перебирая в руках свою одежду, Наар нащупал рукопись. Некоторое время каттав пытался объяснить для себя произошедшее так, чтобы можно было это понять человеку, постичь человеческим умом, но потом просто поблагодарил мысленно Сефера и на этом решил успокоиться. Что толку пытаться понять то, чего понять явно не под силу? Был и другой вопрос, который требовал внимания: ведь на такое же свое чудесное исчезновение, а тем более, на исчезновение своих друзей он надеялся мало. Нужно было придумывать более верный способ изменить или избежать тех перемен, что грозили произойти в судьбе Наара из Таирасса.

Глава 20. Отъезд шамана

Хунхар был очень доволен. Прекрасный резной трон, из дерева хорвар со священными свитками внутри ножек и подлокотников, отделанный пластинами панцирей жуков бахгу, беды пустынных караванов, клыками вепрей и драгоценными камнями из Высоких гор, уже шесть сотен лет стоявший в гобеленовом Тронном зале дворца императорского наместника города Тарина, теперь принадлежал ему, как и сам город и все имперские провинции к западу от реки Нахавэ. Никогда еще орды кочевников не вселяли столько страха и уважения своим соседям и противникам. Все воздавали за это благодарность ему, Хунхару Великому, кагану чёрных номадов. Он не сомневался, что сможет покорить всю Империю, какой бы огромной она не была. Раэль, этот злой дух, демон, которого он боялся, в начале их знакомства, не вызывал уже давно никакого страха, напротив он стал приятен, а присутствие его желанно. Его появление сулило славу и победы, все то, что Хунхар так любил на протяжении всей своей жизни и ещё больше полюбил за последние полгода. Только последние месяцы показали ему, что значит истинная слава, слышимая во всём поднебесном мире. Черты лица кагана стали жестче, борода чернее, казалось, это уже не человеческий черный цвет, а что-то из тех миров, где тревогу и боль вызывает свет. То же можно сказать о волосах. В отдельные моменты, в зависимости от яркости огня или света, порой сол-

нечного, порой лунного, освещавших кагана, борода и волосы его казались едва не обрывками тьмы, окутавшей его голову, а с ней и разум. Глаза Хунхара стали более колкими, взгляд пронзающим, он стал видеть так далеко, что это казалось невероятным. Тело стало физически крепче, голос огрубел, стал громче и грознее. Когда он смотрел на человека, не важно знатного военачальника или последнего воина, мужчину или женщину, старика или молодого, то человек этот чувствовал непреодолимой силы желание подчиниться ему и, если понадобится, отдать за него жизнь. И сейчас, когда он восседал на троне, пятеро его тамнаков, стояли перед ним, преклонив одно колено, чего раньше никогда не бывало, а случись, то считалось бы позором. Ибо для номада главное свобода, а преклонение колена – это признание ограничения свободы кем-либо. Номад мог стать на колени перед могилой родственника или близкого друга, в знак глубокой скорби и уважения. Ни перед старейшиной, ни перед каганом, номады на колени не становились. Так было раньше. Хунхар не требовал ни от кого таких жестов. Номады сами захотели так поступать. Рядом с тронном стоял Раэль, как всегда, видимый лишь для Хунхара. Тамнаки говорили, не поднимая взгляд на повелителя.

– Государь,– говорил тамнак Готард, черноволосый крепкий мужчина небольшого роста, – Имперские войска вытеснены из Таринской провинции, она полностью Ваша. Теперь враг отступает по реке к Бэлде и сушей к Наппару. Поиски

рукописи и юноши, о которых Вы говорили, продолжают. Все каттавы, попавшие в плен, казнены.

– Как идет подготовка к дальнейшему наступлению?

– Строительство флота идет ускоренными темпами, государь. Уже через неделю у нас будет достаточно кораблей, чтобы организовать успешный штурм Бэлды. – Ответил Тан-дар, военачальник, возглавлявший отряды инженеров в армии кочевников. Номадам не было известно искусство строительства больших кораблей, и сейчас их строили пленники под руководством наёмников-инженеров.

– Хорошо. Ступайте. – Хунхар встал и подошел к окну. Огромное, в несколько саженей высотой, в нем открывалась панорама блестящего, богатейшего некогда города. Сейчас же он был разграблен, разрушен и лишь по отдельным деталям, по мелочам на первый взгляд незаметным можно было угадать его былое величие. Но государь номадов был доволен. Он хотел разрушить мир Империи и это у него плучалось. Жестом руки он подозвал слугу и распорядился сажать пленных на кол, колья эти устанавливать на плоты и сплавлять по Нахавэ вниз, в сторону Бэлды.

– Пусть видят, что ждет каждого, дерзнувшего сопротивляться мне. Скажите всем, что я их новый правитель, а время Владара прошло. Солнце, освещавшее Империю, теперь светит для номадов отныне и так будет всегда. Теперь мир принадлежит нам. – Хунхар продолжал смотреть в окно, когда говорил эти слова. Там, внизу, его солдаты жгли книги,

рушили башни и стены городских домов, грабили и убивали.

Кочевники действительно уважали и боялись своего господина. В конце концов, что бы там не говорили о его связях с демонами, доказать этого никто не мог, а мощь Хунхара была видна и с этим спорить было бессмысленно. В свою очередь, мощь Хунхара равна мощи его народа и это хорошо. Но был среди номадов один человек, начавший сомневаться в том, что происходящее с Хунхаром и его народом хорошо. Это был Гаалик, главный шаман всего народа чёрных номадов. Он был поражен увиденным во время камлания в Парсонтаре и долго ему ещё мерещилась та страшная фигура, явившаяся тогда. Изменения, происходившие с его господином заставляли задуматься, переосмыслить увиденное. Гаалик начал понимать, что именно зло завладевает Хунхаром, но поделиться своими мыслями шаману было не с кем. Тернги не мог направлять своего слугу на такие злодеяния. За многие годы общения с духами он видел, как ему казалось, всякое и многих духов, но то видение, дракон и неизвестный демон, едва не убили шамана. Гаалик видел жестокость короля, часто без всякой причины проявлявшуюся к пленным, а иногда и по отношению к своим соплеменникам. Не может отец поступать так со своими детьми. И на душе шамана стало беспокойно.

Однажды, когда во время молитвы Гаалик сумел духом вознестись к синему небу и даже за него, выше, ему было видение: огромная чёрная туча нависла над землей. И туча

эта была будто живая, она дышала. Грянул гром и из тучи, а потом из-под земли начала вытекать грязь, а из грязи выглядывали лапы, кости, хвосты, рога, звериные морды, зубы, клыки, когти, клешни, копыта и монстры самых разных мастей покрыли землю Империи, а затем поток развернулся и обрушился на страну номадов. Видение было столь ужасным, что шаман едва смог очнуться от него. Серыми после этого стали дни его. Он окончательно уверился в том, что каганом завладели духи и ничего хорошего это не сулит ни врагам номадов, ни им самим. После долгих раздумий он решил рискнуть и отправиться на Восток, в бескрайние степи и пустыни, туда, где жили кочевники племен, неподвластных Хунхару, тех, что могли бы его остановить. Хунхару шаман был вынужден солгать. Он предложил своему государю отправиться от его имени к другим королям степей и пустынь, чтобы склонить их присоединиться к армии чёрных номадов и получить хоть малую толику от той славы и той добычи, которую Хунхар получил и еще получит. Сам Хунхар воспринял это желание Гаалика как попытку привести все племена номадов ему в подчинение, что показалось королю и справедливым и своевременным. Гордыня застилает глаза человеческие и делает человека слепцом. Раэль же знал истинную цель поездки Гаалика, но Хунхару ничего говорить не стал. Раэль был причиной того видения, что явилось шаману. Шаман стал орудием в руках демона.

– Повелитель, я следую в земли белых номадов, к ца-

рю Йелдару, дабы он со своим народом влился в твоё войско и так умножил общую силу и славу наших орд. Ибо, я твёрдо верю, настанет час и он должен будет так поступить. Нам нужны союзники, мы продвигаемся всё дальше, а территории Империи, уже захваченные, кто-то должен охранять. Весть о твоём всеумножающемся величии разносится под Синим Небом, подобно лучам восходящего Солнца, проникающим во все концы мира. Йелдар сочтёт за честь, когда услышит, что ты предлагаешь ему стать под твою высокую руку.

Посольство отправлялось в путь из лагеря Хунхара недалеко от Тарина. Каган номадов, хотя и любил ощутить себя хозяином в захваченных крепостях и замках, дворцах своих противников, для чего время от времени собирал в них свою знать, устраивал пиры, но шатры и простор полевого лагеря были ему гораздо понятнее и ближе. И сейчас, Хунхар провожал шамана и двух урз, членов знатных родов Джаба и Субадэ, принимая их в своём шатре. Мягкие ковры на полу, длинные шелковые подушки для сидения, халаты знати, расшитые серебром и золотом, пиалы для чая, столь тонкого фарфора, едва не прозрачного и медовые фрукты, выращенные, кажется, для самих небожителей. Тонкие ароматы масел, розы и лаванды, сладковатый запах смолы ка, всё это, а главное ещё ощущение силы, мощи, витавшее в воздухе, служило подтверждением слов Гаалика о могуществе и богатстве его повелителя.

– Я дал тебе дары для Йелдара. Скажи ему, что если он согласится, то получит больше.

Даров действительно было много. В степи, в землях чёрных номадов, должны были собрать ко времени приезда Гаалика табун в пять тысяч лошадей, немислимый подарок, остальные каганы и цари кочевников о таком могли только мечтать. Сам Гаалик, из имперских земель вёз с собой триста наложниц и наложников, всё девушки и юноши из знатных семей имперской знати, за некоторых из них в выкуп могли дать город, но Хунхар знал, что брать что-либо в качестве выкупа в его положении глупо – он, рано или поздно, возьмёт это силой. Большой толк от добычи будет, если отправить её как подарок правителю иного племени. Красавицы, многим едва исполнилось шестнадцать, они пленяли своей кротостью и красотой. Сто пятьдесят подвод с драгоценностями и тканями. Двести подвод с зерном, награбленным в имперских амбарах, три тысячи человек охраны. Никогда степняки не собирали ещё такого посольства. До Хунхара, ни один из правителей степи не мог себе этого позволить. Слишком много сил требовалось для этого. Острота ситуации была ещё в том, что такой подарок обязывал принимающего дать согласие на предложение дарителя. Отказ от подарка был оскорблением, законным основанием для начала войны. Чтобы отказать согласно традиции, нужно было отправить дарителю равноценный подарок, чего Йелдар сделать не мог. Впрочем, если бы он собрал правителей всех

орд, живущих под Синим Небом, то, возможно, собрать такой подарок получилось бы, но только ценой невероятных затрат. А делать их едва ли кто-либо захотел. Ведь послы приехали к царю Йелдару, ему и предстояло с ними разбираться.

Гаалик со свитой покинул своего повелителя, проводившего его в дальний путь. Хунхар вернулся в свой шатер, разбитый перед дворцом наместника Парсонтара и остался один, взял пиалу душистого зелёного чая и, едва поднеся ко рту, увидел в ней отражение Раэля. Еще несколько месяцев назад, он, скорее всего, отбросил бы пиалу, а сам испугался, но теперь он только улыбнулся и с удовольствием сделал глоток. Он почувствовал вкус чая, проследил, как влага опускается по его пищеводу и задерживается во чреве. Это было приятно.

– Скажи мне, Раэль, с какой целью мой верховный шаман покинул своего господина?

– Ты доверяешь мне?– Раэль принял облик клубов дыма и это облако то висело под крышей шатра, то расплзлось по нему, заполняя собой всё пространство.

– Каковы истинные мотивы его поездки? Он последний человек в моем окружении, которому пришла бы идея идти предлагать союз другим правителям кочевых племен, впечатлившись моим величием.

– Если ты понял, что он может лгать, то зачем отпустил его?

– Потому, что я не уверен в его лжи. А остальные кочевые племена и народы в любом случае рано или поздно должны будут мне подчиняться.

– Считай, что он сам себя обманывает. Думает, что совершает одно дело, а последствия будут совсем не те, на которые он рассчитывает. Он от чего-то решил, что духи общаются с ним едва на равных. И на счет низших духов он действительно прав. Но только на их счет. Духи большой силы используют шаманов и предсказателей чаще в своих целях, пользуясь слепотой этих людей и их уверенностью в силе своих способностей. Гаалик действительно соберет оставшихся королей кочевников, расскажет им, что ты одержим злыми духами и после покорения Империи развернешь свои орды покорять степи и пустыни, которые еще не находятся под твоим владением. – Дух принял образ человеческой фигуры, будто сотканной из клубов дыма и сел на подушке за низким столом Хунхара. Подушка под ним прогнулась, будто сидящий имел вес, а не был бесплотным духом.

– И что же?– С интересом спросил правитель номадов.

– Большинство согласится и против тебя двинется мощная армия. Возможно, они даже захотят заключить союз с императором, чтобы одолеть тебя. Вернее, нас.

– Ради собственной шкуры унижить себя до союза с жителями Империи... Поведение недостойное кочевника. Я раздавлю их. Это будет несложно. Однако, не ожидал предательства от Гаалика. – Хунхар гладил бороду, поднялся и стал

прохаживаться по шатру. Будто представлял себе, как он сокрушает армии своих братьев.

– Каган, скажу тебе, что твой подданный не предатель. Более того, он искренне тебе предан. И так же искренне он считает, что ты в беде. Его посольство – попытка сохранить тебя и твой народ. Он также понимает, что рискует, но рискует ради тебя. Так что ты должен радоваться, что такие подданные есть в твоём народе.

– Ну что же. Я благодарен за попытку. Думаю, она даже будет мне полезной. – Хунхар улыбнулся.

– Его поездка принесет ещё больше несчастья, страха и слез. Она приблизит приход моего господина. Только ради этого я позволил ему увидеть явленное в Парсонтаре. – Королю номадов показалось, что дух тоже улыбнулся.

Глава 21. Испытание железом

Гаалик провел в пути месяц, прежде чем вошел в те самые желто-зелёные степи из которых Хунхар вывел свой народ покорять Империю. Когда огромный, пятитысячный табун приближался к его каравану, казалось, происходит землетрясение. Однако, опытные погонщики без особых усилий направляли это живое, разномастное море в нужную сторону. Это был подарок достойный величия Хунхара. Еще через полтора месяца пути он прибыл ко двору Йелдара, короля белых кочевников. Его народ был голубоглазым и беловолосым. Соседи прозывали их также голубоглазыми номадами.

Сам Йелдар был уже ветхим днями, но крепость не оставила его тело и шрамы на лице говорили о битвах, в которых Йелдар постарел. Волосы сменили оттенок белого с цвета слоновой кости на снежно-белый, но глаза оставались все такими же чистыми.

За три дня до прибытия ко двору Гаалика встретил почётный эскорт наездников. Триста воинов в белых одеждах на белых лошадях, вооруженные копьями и саблями, кинжалами, с лентами, повязанными у наконечников копий, со штандартами в руках, восхищали своим видом и внушали почтение к народу, воспитавшему их, и правителю, которому они служили. Дорога каравана проходила по цепи оазисов, уходивших вглубь пустыни, где кочевали белые номады. Цепи оазисов служили теми артериями, по которым в пустынях двигалась жизнь: в первую очередь, конечно, это была вода, но кроме неё по этим зелёным трассам постоянно кочевали большие и маленькие племена белых номадов или других кочевников, забредших в те земли. Никогда и никто не удалялся вглубь пустынь, далеко от оазисов. Туда, верили белые номады, уходят души грешников, чтобы вечно скитаться, не зная покоя и изнывать от жары. Никому не было известно, есть ли в глубине пустынь вода и кто-либо живой. Все верили, что в тех краях царит смерть.

В ставке Йелдара послов встречал он сам и его сыновья. Тернги послал царю большое потомство, семь сыновей и девять дочерей. Конечно, все они были от разных жен, ведь гла-

ва народа владел большим гаремом, но каждый их отпрысков был достоин своего царствующего отца и старался соответствовать его роду. Каждая из девяти дочерей красотой была подобна утренней заре или ярчайшим цветам, сокрытым в оазисах пустыни. Сыновья силой и доблестью походили на тигров и львов, служили надёжной опорой отцу и не вступали друг с другом в ссоры. Старшего из них звали Арад, он был наследником.

Посреди лагеря был разведён костёр, на него поставили железный треножник и над треножником повесили медный горшок с кипящей водой. Караван Гаалика был уже близко и он сам должен был вот-вот появиться перед Йелдаром, царь белых номадов сам бросил в кипящую воду несколько тонко нарезанных кусков баранины, это мясо было большой ценностью у белых номадов и употребляли его лишь в самых торжественных случаях. Йелдар стоял у костра один, дети и телохранители стояли немного поодаль, шагах в семи за ним. Верховный шаман спешился, и уже пешком подошел к костру, стал напротив седовласого старца. Мужчины улыбнулись друг другу. Царь взял длинную двузубую вилку, украшенную на конце головой волка, держащего в пасти красный камень, и ловким движением достал из кипящей воды уже готовую баранину. В тот день даже не было ветра, обычного в пустынях, так что есть можно было и на улице, не опасаясь, что на зубах, вместе с пищей, окажется изрядная порция песка. Гаалик взял в руки вилку и съел угощение, приготовленное ца-

рём. Йелдар выступал как хозяин дома и высшим доверием, почестями, которые воздавались гостю, была еда, приготовленная самим хозяином. Таковы традиции номадов. Гаалик, в свою очередь, преподнёс Йелдару небольшой кожаный мешочек с водой из розовых озёр Юга. Считается, что она может даже воскрешать мёртвых. Среди людей едва наберётся десяток тех, кто обладает таким сокровищем. Гаалик получил этот дар от своего учителя, шамана Гаалака и теперь пришёл его черед передать сокровище следующему владельцу. Хранить такую воду в драгоценных сосудах было нельзя, она портилась от этого. Поэтому воду розовых озёр иногда называют «водой бессребренников». Лучшая посуда для её хранения – глиняная или простые кожаные мехи. На этом церемония приветствия закончилась, гостям дали несколько часов отдохнуть перед пиром, на котором официальная часть визита должна была продолжиться.

Среди оазиса был поставлен огромный белый шатёр с синими вертикальными полосами. Над шатром развевались красные, белые, чёрные вымпелы. Около пятисот человек пиروвали в шатре, все сидели на полу, только Йелдар сидел на невысоком стуле, немного выше, чем все остальные, это подчёркивало его положение правителя. Гости утопали в мягких коврах, воздух был заполнен ароматами благовоний, воскуривавшихся тут же в больших чашах на подставках, с чеканенными на них изображениями драконов, птиц, верблюдов, деревьев. Слуги заносили всё новые кувшины с вином,

меняли блюда с жареным мясом и хлебными лепёшками. Гаалик, от имени Хунхара, раздавал подарки царю белых номадов и его приближённым. Первыми в шатёр привели самых знатных наложниц и наложников, которых верховный шаман привёз с собой в ставку белых номадов.

– Повелитель, это отпрыски самых знатных родов, что правили на Востоке, до тех пор, пока мой господин Хунхар не вступил туда со своей ратью и не сокрушил их мощь. В знак великого к тебе уважения, он дарит их тебе. – Йелдар едва заметно улыбнулся, но ничего не ответил, лишь слегка кивнул головой, в знак благодарности.

Гаалик продолжил:

– Это Пиа, из рода герцога Бала, её отец погиб, пытаюсь остановить наступление моего господина. – Пиа стояла напуганная, дрожала и смотрела по сторонам. Она действительно была красивой девушкой, длинноволосая, с тонким станом. Было неясно зачем такому хрупкому созданию такая тяжёлая судьба. Девушку увели. – А это Климэ, из рода Астатов, её отец и братья были казнены моим господином после того как отказались отречься от Империи и служить ему. На востоке им принадлежали огромные земли с городами и селами, поля пшеницы и сокровищница, богатства которой были несметны. Теперь она твоя, повелитель. – Климэ вела себя иначе, совсем не как Пиа. Она ничего не боялась, и по черноте волос и по взгляду была похожа на пантеру, готовую броситься в атаку, как только увидит, что ловчие допу-

стили ошибку. Увидев её, Арад что-то сказал сидевшему рядом с ним брату и оба хмыкнули, но этого никто не видел. – Это Кубари, её отец, лорд Авитэр, был закопан заживо у стен Наппара. – Кубари еле стояла на ногах. Истощённая, но всё ещё красивая, она уже устала бояться и переживать. Безразличие было единственной эмоцией, присутствовавшей на её лице. Она бы с радостью приняла смерть, если бы представилась возможность. В тот вечер было представлено ещё много несчастных, чьи книги жизни содержали очень несчастливые страницы. Показали самых знатных наложниц. Затем настал черёд оружия, драгоценностей и утвари. Огромные серебряные блюда с изображением солнц, медные котлы с золотыми кольцами, железные треножки, покрытые золотом, мечи в ножнах, усыпанных россыпью драгоценных камней, огромные луки, величиной с человеческий рост, требующие огромной силы, чтобы натянуть их, конская сбруя, украшенная сплавом золота и серебра, десятки метров тканей, самых разных, золотой, серебряной парчи и шелка, атласные ткани десятков расцветок. Подарены были и мастера, уведённые из Империи в рабство, знавшие секреты выделки этих тканей. Кочевники хотели заполучить в свои руки и кузнецов, но их берегли имперские отряды и за всю войну ни один кузнец так и не был пленён кочевниками.

Когда довольно утомительный, хотя и обильный пир закончился, шаман попросил лично переговорить с Йелдаром, с глазу на глаз, ввиду серьезности дела, по которому его при-

слал Хунхар во встрече, без свидетелей. Хотя формально переговоры должны были начаться на следующий день, Йелдар согласился. Однако он настоял, чтобы при разговоре присутствовал Арад, как наследник. Со стороны Гаалика был только он сам.

– Можешь говорить при нём все, что угодно. Ничего не скрывай. Я не знаю, сколько мне ещё отмерено. Возможно, очень скоро вы должны будете вести дела с ним, в не со мной. – Йелдар стоял напротив собеседника, сложив руки на груди.

– Повелитель, еще раз благодарю за столь высокую честь говорить с тобой сейчас. – Шаман сделал глубокий поклон головой. – Как тв, должно быть уже догадались, предложение союза от моего государя – это не все, с чем я к вам приехал.

– Продолжай. – спокойно ответил правитель.

– Мной движет преданность и искренняя сыновья любовь к господину моему. Она и есть истинная причина моего визита.

– Хорошо.

– Простите, повелитель. Король Хунхар в последнее время очень изменился. Он стал жестоким не только по отношению к врагам, но и к своим подданным, человеческая жизнь для него теперь ничего не значит. Нет более того правителя, который называл вас своим братом и вы принимали это обращение. Мне было видение, что после порабощения Империи, а это случится, поверьте мне, он повернет свои армии

против братьев по крови и равных ему по чести, против других кочевников и каганов их. Мне было ужасное видение. Страшный поток из грязной тучи излился сперва на Империю, а потом залили наши земли. Демоны помогают Хунхару. Их нет в рядах орд моего господина, они невидимы, но они помогают ему, они порабощают его тело. Мне не с кем было поделиться этими размышлениями и видением при дворе кагана Хунхара, поэтому я выдумал предлог и прибыл к вам, как к одному из старейших и уважаемых правителей кочевников. Не думайте, что я вас обманываю. Какую выгоду я могу извлечь из такого обмана? Мне бы стоило не отходить от господина и верно служить ему в завоеваниях, тогда бы я преуспел в богатстве и влиянии. Сейчас же я вверил свою жизнь в ваши руки. Можете меня отправить обратно, как подарок моему государю, как предателя, если ваша Мудрость сочтет это верным. Но я не предатель. Близится страшная катастрофа. Возможно, не дерзну вам советовать, выскажу лишь своё мнение, но имело бы смысл даже установить связь с Владарем и предложить ему вместе бороться. Нет, не с моим правителем, но с той силой, что подчинила его. – Всю эту речь Гаалик сказал ровным голосом, неторопливо, но и достаточно быстро. Глаза его смотрели на ковер, расстеленный под ногами. В голове пронеслась мысль: «Интересно, если он решит меня убить, то я погибну прямо здесь или меня все же выведут на улицу, чтобы не запачкать ковер?»

– Да, мы давно следим за успехами Хунхара и поражаемся

им. Вначале мы радовались, но по мере его продвижения, по мере укрепления его армии нам все более становилось тревожно. Я говорю о себе и других главах кочевых орд и племен. Особенно поражает та легкость, с которой он берет Имперские города. То, что ты сейчас поведал мне, может быть правдой. За всю историю противостояния Империи и кочевых народов никогда, даже самым великим вождям древности не удавалось столь много завоевать у Империи. Но слов твоих мало. – Во время ответа Йелдара они с Гааликом начали прохаживаться по шатру.

– Государь, только скажи, как мне их подтвердить и я сделаю это сразу, как только смогу. – Гаалик мысленно решил, что сейчас он может отметить свой второй день рождения. То, что Йелдар поверил ему – было действительно чудом.

– Я хочу, чтобы ты прошел испытание железом. В случае успеха я соберу других правителей и ты расскажешь им все то же, что только что говорил мне. Тогда мы примем общее решение.

– Твоя воля, повелитель. Прикажи приготовить все для испытания. – В ответ Йелдар посмотрел на Арада, тот быстрым шагом вышел на улицу. Через полчаса была готова жаровня, в которой лежал кусок толстого железного прута, длиною в тридцать сантиметров, раскаленный до красна. Йелдар и Гаалик подошли к жаровне. Царь белых номадов начал:

– Ты, шаман Гаалик, слуга Хунхара, кагана кочевников Срединных степей, подтверждаешь ли, что твой повелитель

во власти духов, что ты действительно так считаешь и видел тому доказательства, что ты не лжешь, но говоришь лишь правду и не имеешь личной выгоды или злого умысла?

– Все что я говорил и скажу об этом – правда.– Гаалик четко произносил каждое слово.

– Если ты лжешь, да покарает тебя Тернги и да сожжет железо твою руку.

– Да будет так, если я лгу. Но, великий Тернги свидетель, что я говорю правду. – После этих слов шаман медленно протянул правую руку в жаровню и взял раскаленный до красна кусок железа. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Подержав недого металл в правой руке он переложил его в левую и открыл всем для обозрения правую ладонь. Она осталась невредимой. Из левой руки шамана железо попало обратно в жаровню. Теперь он показывал обе ладони Йелдару, Араду, их телохранителям и лекарю-шаману, которого позвали, чтобы Гаалик не мог действовать обманом на окружающих. Лекарь подошел, посмотрел на ладони Гаалика, протер их настойкой из корней пустынного папоротника, посмотрел еще раз. Такая настойка может раскрыть обман, если кто пытается с помощью духов совершить неправоное дело. Потом обернулся к Йелдару:

– Повелитель, он прошел испытание. Его руки невредимы. – Гаалик торжествовал. Ему до этого не раз приходилось видеть, как во время испытания железом люди сжигали себе ладони, и часто этих людей казнили, ведь не прошедший ис-

пытание оказывался лжецом и заслуживал смерти.

– Хорошо. Гонцов ко мне в шатер. Пойдем, теперь я тебе верю. – Царь белых номадов вернулся в свой шатер вместе с гостем.

Глава 22. Битва на реке и битва на суше

Владар в своем полевом лагере на берегу Нахавэ в двадцати днях пути от Белды смотрел как соревнуются в боях на мечях лучшие его воины. Небо было чистым и солнца подчёркивали белизну походных палаток, которые будто какие-то огромные животные заполнили берег чтобы погреть под солнцем свои тела.

– Государь, вам можно только позавидовать. Такие солдаты не оставят врагу шансов. – Князь Страмир стоял рядом и также наблюдал за соревнованиями. Сам император был будто рассеян и задумчив.

– Да, они действительно хорошо сражаются. По крайней мере, сейчас, в лагере. Только странно, что до сих пор нам только единожды удалось одолеть нашего врага. С применением военной хитрости. И ни разу в честном открытом бою.

– Ваше величество, будьте уверены, мы просто не дошли до необходимой страницы в книге судьбы нашей Империи. А все, что открыто нашим глазам сейчас – служит для нашей же пользы.

– Это единственное, что мне остается думать. Как далеко находится враг?

– Пока кочевники продвигаются по суше к Наппару. Они

появятся у стен города через десять дней.

– Наппар, прекрасный Наппар, лишь недавно восстановленный после землетрясения. Неужели городу опять предстоит разорение... Этого допустить нельзя. – император будто очнулся от долгого сна. – Кто защищает провинцию Наппара?

– Коммит Наппара, князь Хаилим. Под его командованием находится два легиона, еще один должен подойти в ближайшее время с востока.

– Князь Хаилим? Не могу припомнить. Кто он?

– Ваше Величество, он вам хорошо известен. Несколько лет назад именно он убил чудовище, полужверя, получеловека, прятавшихся в лесу Откровения и пугавших местных жителей. Кроме него с чудовищем никто не мог справиться.

– Да, теперь вспомнил. Он хороший воин. Будем молиться, чтобы и в этот раз, он сумел одолеть врага. Отправьте ему письмо от моего имени с пожеланиями удачи и верой в успех его действий. Все же, три легиона – это внушительная сила. Вражеский флот мы сожжем. Не будем пробовать захватить его, пленить матросов, брать на abordаж. Только уничтожение всех кораблей вместе с их командами.

На берегу, рядом с лагерем стали строить множество плотов, на которые сносили хворост, ветки, сухую траву. Все, что могло хорошо гореть. План был простой: внезапно напасть на вражески флот ночью, сжечь его корабли, направив к ним горящие плоты. Однако, в армии начали появлять-

ся недовольные. Некоторые говорили, что недостойно война тайно нападать на врага ночью, но нужно атаковать днем и в открытом бою. Это был тот ропот, которого начало никому не известно, но все видят как он поднимается и силится. Особого внимания никто ему не предавал. Это были обычные разговоры в среде людей, для которых война скорее вид благородного состязания, а не риск жизни и смерти. Жизнь такие воины дорожат, но только если жизнь наполнена подвигами и ради них не жалко отдать свою жизнь и жизнь товарищей, если это умножит славу, пускай даже посмертную. Среди недовольных был также Галсаф, князь императорской крови. Он говорил много, далеко не всегда по делу, но сейчас он говорил именно то, что многие думали. Он не любил императора и только поэтому, поддерживал этот ропот. Ратной славы Галсаф не искал, только если её нельзя было получить за счёт легенд, слагавшихся о каких-либо небывалых подвигах, которые никем, на самом деле, не совершались. Так и теперь он негодовал по поводу «трусливого» плана своего августейшего родственника:

– Даже если мы одержим победу над кочевниками на реке, разве можно будет об этой победе говорить вслух? Что мы отправим в письмах своим родителям и женам? Рассказ о том, как храбро мы сожгли ночью корабли с кочевниками, многие из которых даже не умеют плавать? Да, это повод для торжественного возвращения, триумфального входа в столицу, в Галиар! Впрочем, другого я не ожидал.

В армии находилось много таких, что поддерживали недовольство Галсафа. Князь Страмир докладывал о настроениях в армии императору, но тот не предавал им значения.

– Мало ли, что говорят. Если я начну за разговоры людей преследовать, тогда это действительно будет недостойное поведение. Это пустые разговоры. В моей державе, кажется, только зераклиты любят обсуждать кто что сказал. И это далеко не лучшая их черта.

В назначенную ночь на пути флота кочевников стал флот империи. Однако, слово «флот» здесь едва уместно, так как мы говорим здесь о трех десятках плотов, бывших, по сути, огромными плавучими факелами. Отдельно нужно сказать о матросах. Все они были рыбаками и моряками из племени тхюисков. Их задачей было подвести плоты как можно ближе к вражеским судам, поджечь плоты и спастись, прыгнув в воду. Задание куда более трудное и опасное, чем может показаться на первый взгляд. Но, когда глава племени, старейшина Гапел на собрании племени, где было около тысячи мужчин объявил об этом задании и спросил, не желает ли кто добровольно стать его исполнителем, то ему пришлось усмирять толпу, потому как началась потасовка за право принимать участие в этом бою. С трудом и криками отобрали сотню человек, по три на каждый плот, на некоторые четыре человека, в зависимости от размеров плотов. Сложность была в том, что вести плоты предполагалось против течения. Для меньшей заметности паруса на них сделали не как обычно,

на высокой мачте, в середине корабля, а на мачтах, размещенных параллельно поверхности воды, так, что было похоже будто плоты имеют крылья. Паруса пропитали горючим маслом и они вспыхивали едва не мгновенно. На случай, если кому-либо из вражеских кораблей удастся прорваться через плоты, ниже по течению стояли на якорях корабли императорского речного флота с катапультами, баллистами и abordажными командами на борту.

Сефер в ту ночь благоволил Империи. Небо было затянуто тучами и на земле не было света ни лун, ни звезд. Корабли кочевников шли по центру реки, там, где наиболее быстрое течение. Им на встречу, подгоняемые ветром, шли плоты Империи. Строй их имел форму подковы, в вогнутую часть которой вошел флот номадов. Первыми были замечены те плоты, что были непосредственно на пути флота. То, что номады окружены, было замечено ими не сразу. Плоты загорались один за другим, тхюиски прыгали с них только перед самым столкновением, когда становилось ясно, что враг не уйдет. Кочевников деморализовало то, что они не знали, сколько всего плотов их атакует и где зажжется следующий плот, откуда ждать атаки. К тому же тхюиски действительно были детьми реки, они чувствовали себя в воде едва не лучше, чем на берегу. Могли подолгу задерживать дыхание и находиться под водой, проплывая при этом десятки метров. Кочевникам, не имевшим дела с речными или морскими племенами, казалось, что на них напали духи воды. Река,

в чьём водном зеркале отражалось черное ночное небо, озарилась красным, оранжевым, бурым, иногда даже зеленым и синим цветом прожорливого пламени. Река разделилась на двое: ту, что была внизу – реку воды, черную и вязкую, холодную, мертвую и ту, что была наверху, горячую, обжигающую, беснующуюся реку огня.

Тхюиски, прекрасные пловцы, почти не понесли потерь в этой атаке. Иначе обстояли дела у номадов. Лишь единицы из них умели плавать и гораздо хуже, чем их враги. Избегая гибели от огня, они прыгали в воду, где либо тонули сами, либо их тянули под воду страшные полулюди-полурыбы. Урон флоту кочевников был нанесен колоссальный, но несколько десятков кораблей сумели вырваться из огненной бури. Людям казалось, что они спасены, хотя такое поражение их ошеломило и адмирал Пелсаг, наёмник, служивший Хунхару за деньги, командовавший флотом, хотел пристать к берегу и только опасение попасть в засаду на берегах реки остановило его от этого приказа. Через несколько минут его корабли были встречены флотом Империи. Завязались абордажные бои. Номады дрались с остервенением, с тем отчаянием в котором забывают о страхе и не чувствуют боли. Нескольким их кораблям удалось прорваться и через это препятствие, но преследователи настигли беглецов ниже по течению и на этот раз ни одному из солдат и матросов не удалось уйти или попасть на берег. Битва флотов на реке Нахавэ, так стали ее называть, показала, что при всей

мощи сухопутной армии номадов, добиться преимущества на реке им так и не удалось. Попытка установить, получить это преимущество стоила им очень дорого. Владар ожидал, что теперь Хунхар сконцентрирует усилия на войне на суше. Многое также зависело от исхода битвы за Наппар. Лагерь императора праздновал победу и напряженно ждал вестей с юга, где три легиона императорской армии должны были сразиться с многотысячной ордой номадов. Эти орды вел Хунхар. Его боевая лошадь, Бохаргуль стала быстрее, выносливее. Вороная, она стала черной как тьма, а в глазах появился красный оттенок. Некоторые воины говорили, что видели, как из ее ноздрей вырывается пламя. Сам Хунхар надел черный доспех, который был похож на железный халат, конусообразный шлем и черный щит, круглый, немного менее полутора метров в диаметре. Оружием ему была тяжелая кривая сабля, которой он наносил удары более сильные и разрушительные, чем удары большим двуручным мечем, которые наносил бы обычный воин. Таким король номадов стоял перед своим войском.

Князь Хаилим имел под своим руководством семьдесят пять тысяч человек, три легиона: девятый легион Наппарской провинции «Разящий» и десятый легион Наппарской провинции «Огненный» и тринадцатый легион Ропетской провинции или Провинции каменных столбов, как её ещё называли, «Победоносный». На холмах за своим войском князь устроил лагерь, укрепил его земляными валами и де-

ревянными стенами, так чтобы в случае неудачного исхода битвы армия могла отступить и заблокировать дальнейшее продвижение врага к Напару, дожидаясь прихода подкреплений.

Хаилим сидел на квадратной башенке, поставленной на слона, вокруг него были лучники, пращники, дротикометатели и адъютанты. Трубач с помощью сигнального рога отдавал приказы воинам. Рог был исполнен в виде раскрытой львиной пасти, так что казалось, будто из него вырывается боевой львиный рык, а не просто звуковой сигнал. Первой линией шли всадники и слоны, за ними тяжелая пехота и стрелки, последними в бой должны были вступить легковооруженные пехотинцы. В резерве остался Ропетский легион, в главе с коммитом провинции князем Рихатом. Князь Хаилим знал, что кочевники, как правило, атакую в лоб и не способны долгое время вести бой, если не чувствуют, что победа будет за ними. Поэтому своей задачей он считал просто как можно дольше удерживать фронт, а едва почувствовав, что враг ослабел, ввести в бой третий легион и одолеть, таким образом, противника.

Битва началась столкновением двух лавин человеческой плоти, закованных в железные, кожаные и костяные доспехи. Поднялся грохот, будто на месте битвы вздыбились скалы, разметав скрывавшие их камни и землю, а среди скал пробивала себе путь горная река. Понесся значительные потери, имперская кавалерия отступила, чтобы перегруппироваться

и ударить вновь, в то время как их место заняли пехотинцы и лучники, дротикометатели и пращники.

Хунхар в той битве был подобен вихрю. Где он не появлялся – как ветер валит деревья в лесу, так и он рубил вражеских солдат. Князь Хаилим заметил его и приказал лучникам, которые были в его башне на слоне, стрелять в черного всадника и убить его во что бы то ни стало. Тут же на короля номадов обрушился град стрел, дротиков, камней, буквально выкосивший всех, кто был с ним рядом, несколько стрел воткнулись в щит кагана, но ни одна стрела так и не смогла пробить доспех Хунхара. Он заметил князя Хаилима и что есть мочи ринулся к нему. Одним мощным рубящим ударом, с ходу, он вогнал саблю в слоновью ногу, едва не разрубив ее пополам. Животное взвыло, слон стал валиться на бок, из башни на его спине начали вываливаться люди, среди которых и был коммит провинции. Князь быстро вскочил на ноги, едва успел выхватить из ножен меч, чтобы защититься им от рубящего удара Хунхара, поставил меч над головой, одной рукой схватив за рукоять, а другой за конец лезвия, кольчужные варежки, в которых он был, позволяли это сделать, не поранив руку. Король в чёрных доспехах ударил так, что полетели искры, меч князя, выкованный из лучшей северной стали был разбит на куски, а сабля номада разрубила туловище коммита пополам, до поясницы, будто он был голый, без доспеха. Тело князя упало на землю, король приказал дравшимся рядом кочевникам принести ему голову поверженно-

го врага. Ему принесли ее, тогда он взял копьё и, насадив голову на наконечник копья, поднял его высоко, так, чтобы как можно больше людей вокруг это видело. Такое зрелище поразило, сломило часть императорской армии, но часть её, только небольшая часть, стала драться еще сильнее, упорнее, желая во что бы то ни стало отомстить врагу за смерть предводителя и отбить останки своего господина. Однако, началось самое страшное, что может случиться в битве для любой армии – бегство с поля боя. Стоило бежать одной группе воинов, как за ними бежали другие, тех, что оставались, кочевники быстро окружали и убивали. Так легион Ропеты, уже готовый вступить в бой, видя беспорядочное отступление, и будучи значительно деморализован отрядами, что бежали сквозь его ряды, был вынужден отступить в лагерь, находившийся в тылу императорской армии и продолжить оборону уже на укрепленных позициях. Несмотря на бешеный натиск кочевников, которые, казалось, вот-вот уже возьмут верх и заставят бежать последний отряд, стоявший на их пути, князь Рихат сумел удержать ситуацию от превращения ее катастрофу и привел войско за стены лагеря. Так началась трехдневная осада. Командование осажденных императорских войск понимало, что в такой полевой крепости им долго не выстоять, а надеяться на скорое прибытие помощи не следует, решило пойти на переговоры об условиях сдачи. Если номады позволят уйти со знаменами и оружием, то легион должен был направиться к Наппару, если кроме сдачи в

ПЛЕН, ОСАЖДЕННЫМ НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЛИ, ТО РИХАМ ПРЕДЛОЖИЛ СВОИМ ДРАММИАТАМ ДРАТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕГО. ТЕ СОГЛАСИЛИСЬ.

Переговорщиком к Хунхару был отправлен Пресбер, один из драммиатов. Человек средних лет, он был умён и имел репутацию человека спокойного, умеющего быстро и правильно принимать непростые решения. Успешный итог переговоров казался весьма вероятен. Но отправлял его князь Рихат с тяжёлым сердцем. Самого Рихата не отпустили драммиаты, которые не были уверены, что переговоры пройдут согласно негласным законам войны и коммита никто не тронет.

– Князь, будьте благоразумны. Нельзя допустить, чтобы и второй коммит в рядах нашей армии погиб. Гибель князя Хаилима стала тяжёлой потерей, не нужно её усугублять.

Пресбер возвратился вечером того же дня и сказал, что ему было обещано не проливать крови сдавшихся и не отнимать у них оружие. Князь был рад.

– Пресбер, спасибо тебе. Твои труды никогда не будут забыты и в летописях твои имя не будет стёрто. Лишь бы Сефер до конца был милостив ко своему воинству и мне удалось вывести людей из этой западни. Завтра рано утром мы покидаем лагерь.

Ночь прошла в ожидании, даже в некотором страхе, потому что никто не знал, что может случиться, пока две армии будут рядом друг с другом. Перед рассветом Пресбер вновь отправился к врагу и предупредил, что императорские вой-

ска через час выйдут на марш на Ветреную дорогу. Так называли путь между Тарином и Наппаром, на нём часто дули ветра. В то утро они тоже были сильны. Первым, во главе войска, появился коммит, князь Рихат. На белом коне, в кирасе с изображением развернутого свитка, в поручах, на плечниках с изображением львов и орлов, синем плаще коммита. Среднего роста, рыжебородый и рыжеволосый, с круглым лицом и мендалевидными глазами зеленого цвета он был живым воплощением чести и достоинства. За его непроницаемым внешним спокойствием, сердце его было очень тревожно. Настолько, что у него даже промелькнула мысль не доверять врагу и вернуть армию в лагерь, но гордость и страх выглядеть нелепо помешали ему это сделать.

Несколько часов армия покидала лагерь, пока он совсем опустел. Легион, растянувшийся вдоль дороги, был бы легкой добычей для номадов, решишь они нарушить слово и атаковать. С высоты птичьего полета казалось, что по дороге ползет огромная, длинная змея, чья чешуя поблескивала на солнце. На самом деле сверкали шлемы, щиты и доспехи воинов. Внезапно, будто туча окружила эту змею и решила проглотить ее. Кочевники были в засаде, по обеим сторонам от дороги, и когда легион достиг условленного места, номады напали на него. Атака была внезапной, когда отряды находились уже далеко от лагеря, императорские войска потеряли бдительность и не ожидали нападения. Бой был коротким, около двадцати минут, некоторым солдатам удалось

спасти, но подавляющее большинство были либо убиты, либо захвачены в плен, многих тут же приносили в жертву Тернги. Избиение отступавших отрядов продолжалось ещё долго. Князя Рихата схватили, набросили на него аркан и стащили с лошади, подвели к Хунхару.

– Ярость, я вижу ярость в твоих глазах. Признаюсь, я ожидал увидеть там испуг. – Король и окружавшая его знать громко захохотали.

– Ты куда ничтожнее, чем кажешься, Хунхар, у тебя нет чести, а без нее ты потеряешь все, сколько бы ты не приобрел. Однажды, ты лишишься всего – Пленного коммита трясло от ярости. – Сразись со мной в честном поединке, если у тебя есть хоть немного уважения к себе. – Рыжая борода князя готова была запылать от его гнева.

Король номадов закричал в ответ:

– Уважение к себе? Да, я обладаю уважением к себе! Нарушил слово! Вы, имперцы, даже не псы, с которым я езжу на охоту и держать перед вами слово – вот это было бы унижением. Кем ты себя возомнил? Чтобы я держал перед тобой слово! Ты как грязь, не больше, как и все твои соплеменники.

– А зачем же тогда ты его мне давал?

– Только чтобы спасти жизни своих воинов. Им еще представится возможность с ними расстаться. Однако, если ты столь привержен законам чести и слову, то перед тобой я выполню свое обещание, не пролью ни капли твоей крови. При-

несите штандарт князя, порвите его на ленты и на этих лентах повесьте его вон на том дубе. И аккуратно, я обещал, что ни одна капля крови его на землю не упадет. – Через десять минут князь Рихат был повешен.

Войско кочевников продолжило движение к Наппару. Город не успел восстановить свои укрепления после землетрясения и оказался беззащитным перед врагом. Однако люди Закхалы и его друзей собрали внушительную сумму денег, лучших девушек и юношей, отправились за несколько верст от города встречать новых повелителей своей земли. Во главе встречающей процессии шел Закхаль. Он одел свои лучшие одежды, расшитые золотом и серебром, так же были одеты его сподвижники. Из сокровищницы наместника Наппара были взяты древние клинки, которые, по легенде, вожди кочевых племён отправляли правителям Империи в знак присяги на верность. Закхаль не был уверен, что эта легенда известна Хунхару, так что Закхаль сам решил её рассказать завоевателю. Каган номадов бескрайних степей был предупреждён об ожидаемой встрече. И он был доволен. Наппар стал первым имперским городом, сдавшимся без боя. Это был хороший пример остальным городам империи. Кочевники оценили такой прием и оставили город без разграбления. Закхаль же добился того, что Хунхар сделал его дворец своей резиденцией на время пребывания в городе.

Глава 23. Мятеж

В Галиаре, столице Империи, находилось все больше лю-

дей, сомневавшихся, что император справится с врагом. Трудом нескольких человек недовольство и тревога день ото дня становились сильнее и сильнее. От императора все ждали окончательной победы над неприятелями Лахав и Хунхара в железной клетке на телеге, которую будут тащить его же военачальники по улицам столицы. Известия о победах приходили, но за ними, едва не на следующий день, гонцы приносили новости о потерянных городах и погибших членах знатных семей. После каждой битвы или незначительного столкновения двух отрядов, на дверях жилища семей, потерявших одного из членов рода, священники письмом зарамнер записывали поминальные молитвы, черной, вязкой тушью. Считалось, что тушь пропадала в тот момент, когда души усопших находили упокоение и уходили к создавшему их некогда Великому писцу. Удивительно, но часто действительно случалось так, что одни тексты едва не сразу выцветали или смывались, а другие молитвы оставались на дверях домов несколько лет. Тогда за усопшего усиленно молились, а в день исчезновения записи устраивали праздник. И сейчас, в день, когда в столице стало известно о потере Наппара и разгроме трех легионов на Ветреной дороге, из многих домов доносился плач и стоны. Зераклиты закончили заседание и уже почти прошли большой светлый коридор с мозаичным полом, ведущий к выходу из здания дворца Верховного Синклита Империи, когда узнали о поражении и потерях.

– Владар не справляется, Император ничего не может сде-

лать – Шептали в одном углу.

– Так мы скоро будем вынуждены встречать врага здесь, в Галиаре, на пороге дома. – Слышалось из другого угла.

– Нужно срочно принимать меры! – Говорили в третьей группе, собравшейся у выхода.

– Прекратите, все не так плохо, к чему такие мысли и настроения? – Спорили другие.

– От нас требуется максимальная поддержка императору. Сейчас самое неподходящее время что-то от него требовать. Давать советы военным, нам людям гражданским, даже не видевшим врага, по меньшей мере, глупо. – Взывали к здравому смыслу четвертые.

Конечно, до самой столицы противнику еще было далеко, однако расстояние не имеет значения, когда до конца не уверен, что неприятель не сможет его пройти. О панике речи не шло, но море людское начинало волноваться.

В доме Ялгана Маязимского на улице Солнечного света вновь было много гостей. Он собрал весь цвет столичной знати и самых богатых людей Империи. Было среди гостей несколько военных, но они растворялись в общей массе гражданских лиц, да и военными их можно было считать лишь номинально, так как войска в подчинении они имели, но при малейшем упоминании о тяготах походной жизни этих полководцев бросало в дрожь. Гостию достопочтенного зераклита можно было разделить на три группы: полные его единомышленники, они готовы были поддержать заговор в

любое время, когда бы перед ними не встало такое предложение. Вторая группа – это были сочувствующие. Сами они бы они в заговоре не участвовали, но примкнули бы к восставшим сразу после его начала и саботировали сопротивление восстанию. Третья, наименее многочисленная, но, возможно, наиболее влиятельная – чистые прагматики, искавшие своей выгоды и приумножения своего богатства. Их участие в заговоре зависело только от того, что им могут предложить и на сколько успешным может быть заговор.

Ялган был в прекрасном настроении, передвигался по залу с кубком вина, общался с гостями и наслаждался вечером.

– Друзья, в это беспокойное время я решил хоть на небольшой срок заставить вас забыть о тревогах и бедах, на нас обрушившихся. Пейте же вино, угощайтесь, слушайте музыку и наслаждайтесь жизнью. Пусть сегодня будет праздник! Мне, как хозяину, не будет большего счастья, чем доставить удовольствие своим гостям! – Как бы в подтверждение слов Ялгана, по комнатам и саду, не зная покоя, ходили слуги с подносами, предлагая гостям разное питьё и еду. Кто хотел освежиться – брал холодный чай с дольками лимона, налитый в изящные пиалы и чашки, расписанные вручную сценами охоты и буднями жизни гаремов. Другие брали вино в высоких бокалах, сладкое и сухое, со вкусом чернослива, калёных орехов и гранат. Сквозь стеклянные стенки бокалов, чья толщина едва была больше толщины человеческого ногтя, солнечные лучи достигали самого сердца напит-

ка и искрились там сотнями оттенков, будто путь от солнца до земли они проделали именно затем, чтобы остаться в бокале. Закусывали фруктами, вялеными, сушёными и свежими, сырами, коровьими и козьими, твёрдыми и в виде пасты, чтобы намазывать на хлеб, мёдом. Пшеничный и ржаной хлеб, с орехами, изюмом, маком, десятками начинок, изобилие еды казалось невысказанным. Всё яства лежали на огромных серебряных подносах, отделанных чернью и эмалью. На блюдах изображали сцены пахоты, сборки винограда, войско, идущее в поход, пару голубей, воркующих друг с другом. За одно такое блюдо справедливо было отдать деревню в пятнадцать дворов. Были и крепкие напитки: виноградная водка, пшеничная, плодовые крепкие напитки и настойки. Ценители брали несколько бутылок, маленькие глиняные рюмки, пару лавашей и кусок хорошо прожаренного на вертеле мяса. Садовые деревья щедро делились с людьми своей тенью и такая группа уединялась на коврах, разостланных в тени деревьев. Низкие деревянные столики, мягкие шёлковые подушки вокруг них и пирующие люди, действительно забывшие о проблемах, если таковые у них были. Музыканты играли легкие мелодии, наполнявшие собой воздух и ласкавшие слух гостей. Флейты, скрипки, домры, лютни в руках людей оживали, казавшееся мёртвым дерево помогало людям вспомнить, что они живы.

Однако же, Ялган был человеком практичным, и наивно было бы полагать, что столь продуманный подбор гостей

и время, когда проходил пир, были простым совпадением. Или что пир был устроен просто благодаря щедрости хозяйна, хотя хозяин, действительно, был щедрым человеком. Ему нужно было еще раз договориться обо всем с соратниками, так как именно в тот вечер подготавливалось постановление Верховного Синклита Империи об отстранении от власти императора и принятии всей полноты власти Синклитом. И если кто-либо из гостей поднялся на третий этаж дворца Ялгана, прошёл три больших зала в северном направлении, то в коридоре между третьим и четвёртым, справа стороны, увидел бы деревянную толстую дверь, с несколькими полосками железа, высотой чуть ниже человеческого роста, за которой была расположена отдельная комната, где собрались самые близкие друзья зераклита. В комнате было лишь одно круглое окно под самым потолком, на стенах и полу мозаикой выложены победы древних героев, борьба с чудовищами, взятие городов и свадьбы с красавицами.

– Я поддерживаю наше начинание, но не кажется ли уважаемому собранию, что мы слишком рано решили действовать. – Говорил невысокий полный человек в красной одежде – хитоне. Всего собралось около пятнадцати гостей.

– Нет, во имя сохранения государства мы должны выступить немедленно. – Ялган говорил напористо, будто он один знал некую истину и от того, сможет ли он убедить в ней остальных, зависело будущее всей земли, согреваемой солнцами и обдуваемой ветрами. – Нет, немедленно. Нужно на-

чинать немедленно. Пока враг еще достаточно далеко. Нужно понимать, что перед нами будет стоять задача вести переговоры с кочевниками, после свержения императора. А такие переговоры, в любом случае, лучше вести, когда у нас в руках будет достаточное количество и войск, территории, ресурсов, чтобы мы представляли собой внушительную силу. К тому же – Ялган Маязимский перешел едва ли не на шепот, что выглядело почти комично, со стороны, но никто из присутствующих не увидел ничего смешного в таком тоне. – Моим людям удалось перехватить письмо от Владара наместнику Галлиара – Он ловким движением достал из рукава свиток с красной вислой печатью. Печать была свинцовая, но покрытая тонким слоем красной краски. С одной стороны на печати был изображен император на троне, а с другой рука с каламом, так иногда изображали Сафера, в момент творения, установления, написания законов, по которым Арец живет и за нарушение которых с преступившего их строго спросится, когда закончится книга его судьбы. Сам свиток был лилового цвета, а буквы золотыми. Печать висела на шелковой тёмно-синей тесьме. Так выглядели все официальные документы, создававшиеся в канцелярии властодержца. Текст был написан в двух буквенных графиках: зарамкарев и зарамнер, равно как и на двух языках: глоттаре и траппахе, в знак того, что указ касается всех жителей империи, независимо от сословия и положения, которое человек занимал в обществе. Единственное, о чем Ялган решил

не упоминать так это о том, что письмо изготовлено по его заказу одним из известных в Галлиаре мастеров, специализирующихся на такого рода заказах и в Канцелярии императора ничего об этой грамоте не знали. Мастер зарабатывал на хлеб себе и своей семье реставрируя старые рукописи и артефакты, однако, при определенных условиях мог весьма искусно создать «древние» и современные манускрипты и грамоты, никогда ранее не существовавшие, придать им соответствующий вид. К нему обращались, если нужно было подтвердить право владения земельными угодьями, замками, всем тем, что обычно сильные мира сего жалуют дворянам или те осваивают сами, просто потому, что лакомый кусок земли не имел хозяина. И когда приходило время подтвердить права на владение захваченным три столетия назад участком, доверенные лица шли на улицу Узкую, в Благословенный квартал столицы, к Псевду, мастеру-антиквару, талантливому писцу. Если бы старший коэн узнал, чем занимается Псевд, то последнему отрубили бы большой и указательный пальцы на обеих руках, в наказание обманщику и в назидание всем остальным, кто захотел бы заниматься тем же промыслом. Подделать тот мастер мог и современный ему документ, как было с письмом Владара князю Харфалу. Текст его пару недель назад сидя у себя в кабинете, написал зераклит Ялган Маязимский.

– Это письмо, – Продолжал хозяин гостеприимного дома, – сегодня должны были доставить князю Харфалу, и

князь по приказу Владара должен был собрать всех нас в Здании Верховного Синклита Империи, где, если понадобится, то силой оружия, заставить нас признать императора абсолютным самодержцем, якобы на время войны, а Синклит распустить. – Толпа зашумела, будто рой насекомых влетели в комнату и начали кружить под потолком. Через пару минут, когда эмоции уступили место разуму, один из гостей все же задал вопрос:

– Откуда у Вас этот документ, во-первых, а во-вторых Вы понимаете, что если князь Харфал узнает о случившемся, о том, что письмо государя к нему было перехвачено, то вам не поможет даже статус зераклита? – сСдовласый мужчина с умными, будто испытующими собеседника глазами, смотрел на Ялгана. – Это письмо – очень серьезная улика. Вы гарантируете его подлинность?

Ялган мгновенно побагровел от гнева:

– Как вы можете задавать такие вопросы, почтеннейший Намдар? Вы за кого меня принимаете? Конечно письмо подлинное, а источник я вам раскрыть не могу, думаю причину этого объяснять не буду. Она очевидны. Только мое огромное к вам уважение, дорогой Намдар не позволяет мне ссориться с вами. Сейчас время, когда мы должны быть едины, а разобщенность – большая угроза успеху задуманного дела, на которое мы все решились, за что, без сомнения, потомки нас прославят в веках, это будет эпохальный поворот в истории страны.

Так, сделав акцент на эмоциях, но не на фактах и аргументах, Ялган сгладил вопрос происхождения письма, что удовлетворило, стоит полагать, собравшихся, которые решили не допытываться истины. Более того, автор подделки, тот самый искусный мастер, о котором писалось выше, во время общения Ялгана с гостями, был убит, а в доме его устроен пожар. Он подозревал, что ему может грозить опасность, ведь, то, что ему заказали было не просто подделкой, но оружием, способным решить задачи, которые не под силу даже легиону отборных войск. Однако мастер решил, что он может еще понадобится, посчитал свое умение, навык, уровень владения ремеслом, гарантией, которая спасет его от смерти и позволит жить, храня тайну. Но он ошибся. Такие документы не изготавливают по несколько раз. Если с первого раза заказчику не удалось достичь желаемого результата, то второй попытки не будет, да и исполнителя подделки нашли бы. Но мастер возгордился, решил, что его умение будет для него лучшей защитой. Однако знание о грехах властимущих оказалось губительным и мастер был убит. Теперь о подделке знал лишь сам Ялган Маязимский и его ближайший слуга, Скил, который общался с покойным мастером. Среди гостей нашлось много поддержавших Ялгана. Раньше, до войны с кочевниками, молодой зераклит был несколько другим. О своих симпатиях и антипатиях на политической арене он никогда не молчал. В этом вопросе являлся человеком честным, за что имел уважение среди друзей и соратников, ничего не

утаивал и говорил открыто. На него плохо повлияла дружба с Наилэром. Посланник Союза свободных городов внушил Ялгану, что его, Ялгана, желание изменить жизнь в империи столь важны, что ради них можно идти на все. И зераклит поверил. Наилэр, отличный дипломат и знаток человеческих душ, возвращал в нем эту веру. Ялган не чувствовал этого, незаметно для себя менялся в худшую сторону. В итоге он согласился даже пойти на убийство, ради своих целей, достижение которых казалось ему единственно верным способом сделать Империю, даже не только Империю, но всех, кто населяет Арец, счастливыми. Этой же верой он заражал окружающих. Проводниками такой крепкой веры, довольно часто, выступали дорогие подарки, делавшиеся как бы случайно, без видимого повода, чтобы сделать приятно хорошему человеку, заполучить этого человека в свой лагерь.

Тем временем спор о своевременности совершения государственного переворота продолжался. Казалось, спорящие забыли о том, что планы их необходимо хранить в тайне, некоторые едва не кричали. Тем не менее, в этом шуме, разгоряченные гости слышали, вернее, даже почувствовали какое-то оживление, возникшее в других, основных залах дворца Ялгана. Все тут же захотели выйти из комнаты и узнать, в чем дело. К хозяину и к вернувшимся на первый этаж гостям бросились другие пировавшие, наперебой рассказывая новости.

– Где Вы были? Сколько нам искать куда Вы уединились,

чтобы неясно чем заниматься? В городе происходит что-то немислимое! – разгорячённый напитками черноволосый, кучерявый крепкий мужчина разводил руками в стороны, в правой его руке был кубок с вином, а в левой кусок жирной копчёной рыбы.

– Позор, позор моим седидам! В это трудно поверить. Это должна быть какая-то глупая ошибка – Громко говорил другой гость, Аллакор, владелец нескольких ювелирных мастерских в Галиаре. Его услугами пользовались самые высоко-родные и знатные женщины столицы. Он был явно ошеломлён, взгляд его уставился в мраморные розовые плиты, устилавшие пол.

Среди шума разобрать что-то конкретное было почти невозможно. Однако было ясно, что произошло нечто действительно серьёзное.

– Да что случилось? Вы кудахчите как куры, я скоро наверно соглашусь с императором, который называет Верховный Синклит Империи курятником. – Ялган пытался выяснить, в чем дело, толпа не прекращала шуметь. Гости говорили ему наперебой, но понять из их сумбурного рассказа что-то было сложно.

– Император! – Толпа взвыла, -да как он смеет! – и гортанобесие продолжилось. Но через пару минут к хозяину дома все же подошел граф Эрольд, человек рассудительный и в любой ситуации спокойный. И сейчас он выглядел мощной скалой посреди шумящего моря.

– Меньше получаса назад к Карасделему – так звали зераклита из одной северной провинции. – прибыл вестальный с письмом, где сообщалось, что склады с продовольствием пусты, столицу ждет голод через три дня, самое большее.

После этих слов лицо зераклита вытянулось:

– Что за глупости? Письмо у Вас? Где письмо? Где Карасделем? – Ялган не верил тому, что слышал. Или делал вид, что не верил.

– Карасделем уехал. Собственно, ему написали, потому что у Карасделема на собственных складах много зерна, и если он поторопится, то может его хорошо продать. Впрочем, нужного количества провианта едва ли удастся достать. Тут, скорее, нужно стараться, чтобы голод почувствовало как можно меньше людей. Всех не спасти. – Вновь пришедшие из разных залов и из сада гости слушали графа молча, ошарашенные неожиданными новостями.

– Так, а почему склады вдруг опустели? Они же едва не ломились от провианта, как это всегда было, со времён основания города.

– Говорят, что по приказу Императора весь провиант был направлен в армию. Якобы они собирают легионы для решающего удара, нужно много провианта, его не хватает. Вот Владар и принял решение взять там, где его много. В столице. Возможно, в других крупных городах Империи, он тоже приказал изъять запас провизии.

– Нет. Этого не может быть. Это ошибка. Этому я не готов

поверить. Где сам Карасделем? Куда именно он поехал? – Ялган разволновался, сильно размахивал руками при разговоре.

– Сразу поехал к Харфалу. Карасделем имеет крепкую хватку. Решил сам все узнать у начальника гарнизона. Он же теперь и наместник столицы. Отвечает за все случившееся. О покупке зерна и всего остального, нужно говорить с ним.

– Ясно. Я тоже еду к Харфалу. – Ялган быстрыми шагами пошёл к выходу.

– Мы с вами! – Толпа ринулась за ним в след.

У дворца наместника столицы, в котором в то время жил князь Харфал уже было достаточно рассерженных, недовольных горожан, чтобы в голову стороннего наблюдателя полезли мысли о возможном бунте. Величественное здание дворца, благодаря белому, алому, голубому, розовому мрамору, украшавшему стены, будто сияло под лучами солнца. Люди заполнили портики дворца, расположенные вдоль всей длины его стен, с четырёх сторон. Сверху, с террас, расположенных на крышах портиков, вниз смотрели охранники и служащие канцелярии наместника. Зераклит со своими спутниками протолкнулись сквозь плотную толпу людей и после короткого разговора с охраной дворца они прошли внутрь. Дворец, его залы и коридоры, маленькие и большие комнаты по праву считались гордостью Галиара. Мозаики из смальты, изразцы, декор хрусталем, десятки видов мрамора в отделке стен, пола и потолка, огромное количество тка-

ней и резные деревянные панели служили его украшением. Сколько бы раз человеку не довелось его посетить, он всегда поражался роскоши и мастерству зодчих, создавших это чудо. Да искушенные в роскоши знать и придворные отдавали должное красоте дворца. Так было почти всегда. Однако в тот раз было исключение и на фрески, лампы из хрустала, виноградные гроздья и лозы из стекла никто не обращал внимания. Вереница человеческих фигур в полный рост, разбитая на небольшие картины, изображавшие сцены суда, облачения бесчестных правителей, торжество справедливости, тянувшаяся под самым потолком, тоже никому не была интересна. Хотя люди были изображены как живые, казалось можно увидеть, как они дышат и как ветер колышет полы их одежд. Освещали помещения огромные круглые светильники, на каждом из которых было по три сотни лампад, для ухода за ними существовала особая дворцовая служба. Внизу, под ними, по дворцу бегали вестальные, все перекрикивались, казалось, сам воздух заряжен каким-то напряжением и если напряжения добавить еще немного, то воздух либо вспыхнет, либо взорвется. Ялган, а за ним еще пара десятков человек, быстрым шагом двигались по коридорам через многочисленные залы, надеясь в одном из них встретить князя Харфала. Что было удивительным – на них никто не обращал внимания. В любой другой день большая группа зераклитов во Дворце наместника сразу стала центром всеобщего внимания. По одежде в идущих по коридору безоши-

бочно можно было узнать членов Верховного Синклита Империи. Рядовые чиновники останавливались только если на бегу сталкивались с кем-то из зераклитов и бежали дальше.

– Никогда не видел такого оживления в этом здании – Сказал один из зераклитов и тут же был поддержан другими. Тем временем удалось найти наместника города.

– Да я вам еще раз повторяю, не было никакого приказа от императора и письма не было. Сами подумайте, зачем ему оставлять столицу без продовольствия! – Князь стоял окруженный враждебной, клокочущей толпой. Чуть выше среднего роста, с вытянутым лицом, в нем чувствовалась сила и уверенность. Он был одним из верных соратников Владара, преданный, считал честью служить такому правителю. Император знал это и ценил слугу.

– Тогда как это случилось? Сначала говорили, что амбары и склады опустели едва ли не за одну ночь, теперь говорят, что склады уже полторы недели не пополнялись. Князь, отвечайте! – Очевидно, разговор уже проходил некоторое время и зераклиты слышали не всё.

– У меня нет точного ответа на этот вопрос. Сейчас мы выясняем, что точно произошло. Извините, мне нужно ехать на склады, самому все увидеть. – Харфал начал расталкивать толпу.

– Постойте.– дорогу наместнику преградил Ялган – Где эфар складов? Начальник складов должен понимать, что произошло.

– Да, разумеется. Эфар складов неделю назад покинул город и сейчас находится в загородном поместье, на отдыхе. За ним уже послано, но он успеет вернуться только к ночи. И то, думаю, в виду его длительного отсутствия от эфара будет немного толку.

– Это мы посмотрим, когда он приедет. – Резко сказал Ялган. – Вы можете опровергнуть сведения, что это по приказу государя столица лишилась провианта? – Ялган буквально пронизывал взглядом собеседника, как бойцы перед схваткой пытаются заставить соперника отвести глаза и ещё до начала боя сломить его дух.

– И вы туда же? Кто вам это сказал, откуда у вас такие мысли? Почему вы меня об этом спрашиваете? Вам разве не очевидна глупость такого предположения? Подумайте, о чём вы спрашиваете. – Но такой ответ не встретил сочувствия среди собеседников Харфала. Они и не хотели, чтобы кто-либо их переубеждал.

– Ваша светлость, вы можете опровергнуть слухи, что император приказал опустошить склады Галпара, провиант отправить в действующую армию. – Вопрос прозвучал снова.

Харфал посерьезнел.

– Это слух, не имеющий под собой ни малейших оснований. Я выясню, кто их распускает и этому человеку придется отвечать за свои слова. А сейчас простите, у меня достаточно дел, чтобы пренебрегать своим временем, растрачивая его на пустые разговоры. – Наместник едва не силой оттолкнул

нул с пути зераклита и быстрым шагом отправился к дверям из зала. Оставшиеся в зале смотрели ему в спину. Тут же на-шелся Карасделем.

– Достопочтенный коллега и собрат, удалось ли тебе до-говориться о чем-либо с Его Светлейшеством? – Ялган улы-бался ему ехидно, как бы предчувствуя ответ Вонгая. Но тот был доволен.

– Нет, не удалось. Пока не удалось. Думаю, когда намест-ник вернется со складов, увидит их пустоту, даже чистоту, то будет куда сговорчивее. Он ведь мне не поверил, когда я сказал, что могу помочь властям спасти столицу от голода. Во время нашего разговора ему доложили, что склады ока-зались пусты. Сегодня утром. Для него это было большой неожиданностью. Князь уже хотел ехать, сам разобраться в произошедшем, но во дворец начали приходить люди, до-местики рынков, магазинов, всех тех мест, куда обычно до-ставляют провиант со складов, пытаюсь выяснить, в чем де-ло. Они его задержали, а потом вы пришли.

– Говорили, вид у него действительно был такой, будто он впервые слышал о случившемся? – Ялган задал этот вопрос, но только ему было известно, зачем и какое это сейчас имеет значение. – Вспомните, пожалуйста, это важно.

– Ну в первый момент, только услышав такую новость, князь был будто ошарашен, но почти сразу взял себя в руки. И поверил он не мне, но присланному со складов гонцу.

– А вы откуда первым узнали? – Вопрос задал кто-то из

толпы, остальные присутствующие поддержали интерес. Карасделем немного смутился.

– Ну, как сказать, «откуда». Я человек деловой. Должен быть осведомлен о таких вещах, если хочу преуспеть в торговле. А простые охранники, продавцы и грузчики часто о многом осведомлены лучше, чем их начальство, просто в силу того, что они ближе к тем вопросам, за которые отвечает их администрация. Вот и на складах среди охраны и грузчиков у меня есть свои люди, которые меня обо всем оповестили. То, что я узнал все раньше, чем наместник... Не нужно ставить мне это в вину. Мне кажется, это больше похоже на заслугу. – Карасделем расплылся в улыбке. Он явно был собой доволен.

– Вы преподали нам урок коммерческой хватки! – Ялган хлопнул Вонгая по плечу. – Предлагаю всем вместе отправиться на склады. Все же, пустые склады имперской столицы – это крайне редкое зрелище.

Князь Харфал весь путь от дворца до городских складов и амбаров не проскакал на лошади, нет. Он пролетел этот путь. Впервые ему показалось, что его конь парит над брусчаткой городских улиц. Охрана и помощники, всего около двадцати человек, как ни старались догнать наместника, все же отстали немного и прибыли на место несколькими минутами позже. Амбары находились в пределах городской стены, но немного в стороне от основных построек, это было сделано чтобы предохранить их от возможных пожаров. Ворота

амбаров были заперты, но рядом находились охранники, которые тут же, по приказу наместника открыли их. Князь со спутниками быстро ходили от одного склада к другому, от одного амбара к другому и везде, к своему ужасу они обнаруживали пустоту. Кое-где на полу были следы пшеницы, зерна, муки, но это все можно было смело называть мусором, оставшимся при погрузке. Однако же теперь этот мусор вполне можно было продать за количество серебра, а то и золота, равное ему по весу.

– Начальника охраны ко мне, немедленно. – Харфал был в ярости. Но это была не та ярость, которая задевает всех окружающих человека, но ярость внутренняя, видимая лишь в глазах говорящего, даже не в его движениях. Голос наместника имел в тот момент силу, едва не превосходящую самое мощное колдовство. Подчиненные сбивались с ног, спеша выполнить его поручения. Начальник охраны городских складов, высокий сухой мужчина с голубыми глазами и рыжей бородой почти сразу появился перед главой города. Было видно, что мужчина очень сильно волнуется, вид его был крайне растерянным.

– Как вы это объясните? – Наместник стоял перед очередным пустым помещением, и показывал рукой в пустоту. – Когда вы об этом узнали?

– Ваше сиятельство, светлейший князь, ведь от вас же и был приказ открыть склады для нужд армии. – Начальник охраны говорил неуверенно, было видно, что он напуган.

– То есть как, от меня? – От удивления у князя глаза стали открываться как только возможно широко.

– Ну, уже около недели поток продуктов для наполнения складов и амбаров сократился, причиной называли увеличение нужд армии. Якобы столице столько еды не нужно, поэтому по приказу государя основная часть провианта направляется в армию, а снабжение имперских городов сокращается.

– И что, документы тоже показывали? Грамоты, указы, где бы говорилось о законности таких мер? – Харфал начал сомневаться в своей осведомленности. Вдруг он действительно чего-то не знал?

– Нет, никаких документов никто не предъявлял. И раньше, в мирное время бывало, что провианта привезут меньше, чем нужно или меньше, чем обычно, так что сейчас, когда империя воюет, нам такие действия показались вполне оправданными. Тем более, что на складах всегда был излишек и голод столице не грозил.

– Эфар складов и служба Эфара складов знала о происходящем?

– Да, ваше сиятельство, разумеется, они ведь следят за тем, сколько осталось запасов, сколько поступило, сколько кому запасов необходимо выдать.

– Но запасы ведь были, если вы сегодняшнюю пропажу обнаружили?

– Да, были. Вчера вечером пришли люди с бумагой, якобы

от вас, с приказом выдать им все продовольствие в пользу армии.

– И за ночь они смогли освободить все помещения? Выбрать почти все запасы огромного города? Сколько их было?

– Ваше сиятельство, я же говорю, что запасов там было меньше обычного, и подвод было очень много. Но мы ничего не считали, те люди сказали, что сами все посчитают. К тому же, у них была бумага от вас. С печатью и подписью.

– То есть всё-таки какая-то бумага была? Где она?

– Была у меня в комнате, я хотел ее взять, когда шел к вам, но так и не смог найти.

– Живо, найди мне эту бумагу, иначе я с тебя лично шкуру спущу. – Угрозу князь произнес спокойно, будто о здоровье справился. От того она выглядела еще страшнее, чем была на самом деле. Харфал общался с секретарями, работавшими на складах, с охранниками и все они, в целом, подтверждали рассказ начальника охраны. Через пятнадцать минут он вернулся к наместнику. Вернее, его привели, белого, как мел, еще более напуганного, чем раньше.

– Бумаги с вашим приказом нет.

– Куда она делась?

– Я думаю, нужно искать ещё. Не знаю, где она ещё может быть. Была у меня в сундуке, на столе. Там все важные бумаги хранятся. Те люди, которые забрали запасы провианта, они просили не говорить о случившемся, как можно дольше, чтобы не давать повода для волнений в Галиаре.– Кажется,

высокий рыжебородый мужчина начал приходил в себя, появился румянец, речь стала более уверенной.

Харфал пробыл на складах еще некоторое время. Сам пошёл в комнату начальника складской охраны, в его присутствии всё в ней было перевёрнуто, бумаги из сундуков вытащены, убраны с полок, но найти ничего не удалось. Кто-то даже предложил отправить охранников на пытки, но князь отказал, справедливо решив, что это не имеет смысла. Всего на складах он провёл около часа, после чего вернулся во дворец, чтобы собрать приближенных и решить, как не дать голоду завладеть столицей. Незадолго до отъезда наместника, на склады прибыли члены Верховного Синклита Империи. Было условлено, что после, они все вместе соберутся во дворце наместника, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию с продовольствием. Харфал заверил всех, что произошедшее – провокация, а охрану и службу эфара складов просто обманули. Кто? На этот вопрос ответа пока не было, но наместник обещал, что виновные будут найдены в кратчайшие сроки, потому как преступники бросили тень на него самого и на императора. Поэтому преступления должны были быть раскрыты во что бы то ни стало. Ялган Маязимский не подавал виду, но был очень доволен тем, как разворачиваются события. Зераклиты, стоя посреди пустого склада, обсуждали увиденное и услышанное.

– Как вам версия, изложенная наместником? – Ападат, один из зерклитов, в тяжёлой зелёной тоге с золотой лентой

по краю одежды, задал вопрос, и продолжил оглядываться по сторонам, будто говорил собеседникам: «Полюбуйтесь, каково?» Склад был огромен и могло даже сложиться впечатление, что они находятся в каком то большом гроте или горной пещере, а не в здании, сложенном человеческими руками.

– Очень интересная, но оставляет много вопросов. С одной стороны, действительно, совсем не верится, что император смог пойти на такое, а с другой стороны, трудно представить, кто еще смог бы провести такую операцию. У кого хватило бы подвод и людей? – Диамен, другой зераклит, высокий, кряжистый мужчина с русыми волосам сложил руки на груди, смотрел то на собеседников, то куда-то в сторону.

– Нет, в причастность к происшедшему императора поверить почти невозможно. – Сказал кто-то из членов Верховного Синклита. – Почти невозможно. Почти.

– Собратья, успокойтесь. Я уверен, скоро все выяснится. Князь Харфал уже разослал кавалерийские отряды по всем дорогам, которые идут из Галиара на Запад, в сторону армий и по всем другим дорогам тоже, ведь такой обоз должен был бы растянуться на много верст, его нигде не спрячешь. Он обязательно найдется. – Фабен, кучерявый, длинноволосый зераклит с тонким вытянутым лицом сам искренне верил в благополучный исход дела и пытался поделиться своей уверенностью с другими.

– Конечно, такое количество зерна и других припасов в

любом случае должно обнаружиться. Надо не прекращать поиски. – Медленно произнес Ялган. Он знал, о чем говорит. Он знал, что император и наместник столицы, князь Харфал, не имеют к случившемуся никакого отношения. Склады опустели по его замыслу, обдуманному совместно с Наилером и Кемешом с Белого побережья и вместе с ними же осуществленному. Изготовление поддельной бумаги Наилер взял на себя, она действительно была у начальника охраны складов и действительно пропала из его комнаты. Обоз, получившийся из подвод с провиантом правда был огромен, но ночью его никто не заметил. Никто из стражников, на городских стенах не видел, как обоз покидал город. Потому что этого не было. Под Галиаром находятся пещеры, вход в которые находится в огромной скале, служащей частью пояса крепостных стен столицы. Когда-то их использовали для нужд города, проще говоря там находились некоторые жилые кварталы, но после землетрясения, случившегося едва не за полтысячелетия до описываемых событий, пещеры были заброшены. Считалось, что вход в них утерян. Слагались легенды о душах погибших во время землетрясения, ждущих, когда их освободят или желающих мстить тем, кто так и не смог их спасти. Легенд было много, рассказчики часто соревновались в придумывании страшных историй об этих событиях прошлого и от некоторых их них кровь действительно стыла в жилах. Однако всегда находились люди, чье любопытство пересиливало самые страшные легенды и проклятия. Одним

из таких любопытных оказался Анадзет, сын Скила, верного слуги Ялгана Маязинского. Друзей у мальчика не было, он много времени проводил один, любил много гулять по городу и знал столицу, как никто другой. Отец поощрял эту любовь к прогулкам, потому как вполне оправдано считал, что хорошо иметь человека, который бы знал каждый закоулок в городе. Тем более, если такой человек – твой сын и оснований доверять ему больше, чем постороннему. Анадзет нашел вход в пещеры и около пяти лет эта тайна хранилась в семье Скила. Место, где когда-то был вход в них считалось осквернённым. Каттавы запечатывали его священными надписями, но люди в тот квартал так и не вернулись, несмотря на то, что прошло уже около пяти веков с того дня. Почему юноша не рассказал о находке сверстникам? Потому что сокровенное знание, тайна, которой владел только он, возвышала его над ними. Он смотрел на них с сожалением, в отдельные минуты даже с презрением. Пещеры стали укромным местом для подростка, там он мог уединиться. К тому же, по ним было интересно ходить. Да, картины разрушений и ужаса, смерти, которая царила там были гораздо страшнее, чем любая история о той трагедии, но Анадзет знал, что живые, как правило, гораздо опаснее мертвых и если кого стоит опасаться, то точно живых. В пещерах действительно оказались завалены целые жилые районы. Солнечный свет туда не проникал, но воздух был тёплый, земля там стоила гораздо дешевле, чем вне пещер. Некогда в них жило много людей,

беднота. Когда вход в пещеры оказался завален, люди умирали ещё долго. Борьба за жизнь прекратилась, лишь когда закончились запасы и горючее, чтобы поддерживать свет. По легендам, часть жителей ушла в глубины пещер, искать выхода на поверхность, но, конечно, никто не мог сказать, что происходило на самом деле. Обо всём увиденном Анадзет рассказал только отцу. Скил тоже побывал в пещерах, так появилась их семейная тайна.

В нужный момент вход в пещеры был расчищен. Тогда, после землетрясения, для этого просто не хватило сил. А потом, по мере того, как это зловещее место обростало слухами, идею разобрать завалы оставили вовсе. Ялган приказал разобрать небольшую проём в завалах так, чтобы в него могла проехать телега и его можно было быстро завалить, в случае надобности. Погонщики остались внизу, в этих же пещерах, ждать, когда они смогут подняться на поверхность. Они не покидали город. Из амбаров они ехали к пещерам в которых и исчезали. После захвата власти заговорщики во все не хотели столкнуться лицом к лицу с разгневанными, голодными горожанами, которые с удовольствием отдали бы сам город и власть в нём самым отвратительным существам, которые когда-либо были заключены в книги, если бы только те сумели доказать, что они готовы дать людям хлеба. Люди бы поверили в любую ложь. Что говорить о возможном штурме столицы армией императора. Владара город встретил бы с ликованием, будь с ним провиант, а заговорщиков,

в лучшем случае, просто скормили бы псам.

Весть о пустых складах разнеслась по Галиару со скоростью ветра. По своему действию она была похожа на разносимый ветром пожар. Сразу был разгромлен рынок. Его пытались разграбить, но на деле его просто разгромили. Огромное количество прилавков было перевернуто, продукты разворованы. Опрокинуты кадки с молоком, залившим брусчатку, которой была вымощена рыночная площадь. Растоптанные помидоры, разбитые яйца, туда и сюда по площади, уворачиваясь от притких и не очень преследователей бегали куры, гуси, индюки, свиньи, овцы, козы. Раздавались крики животных, людей, громкие, угрожающие, умоляющие. Все эти звуки слились в чудовищный крик, ор и рев. Несколько мужчин пытались сдвинуть с места телегу, на которой покоилась огромная бочка с пивом. Телегу обычно возил вол, но, видимо, его уже увели, почему-то оставив телегу. Почувствовав, что телегу им не сдвинуть, мужчины решили пить на телеге. Когда с рынком было покончено, толпа двинулась дальше по городским улицам, теперь громили уже лавки, таверны вдоль улиц. Самое страшное, что толпа увеличивалась, росла, умножала свою разрушительную силу. Людская река подпитывалась многими ручейками ежеминутно вливающимися в неё из переулков и проулков. Казалось, от этой реки нет спасения и нужно либо влиться в ее ряды, либо спастись самому, не надеясь сохранить свое имущество. Когда толпа двигалась по улице Мясников, улица так называлась,

потому что на ней, как не трудно догадаться, располагались лавки мясников, несколько человек, решивших с ножами топорами защищать свои магазинчики, толпа порвала на части, хотя и среди бунтарей были жертвы. Так вот, на улице Мясников, которую пересекала улица Кожевников, на перекрестке этих улиц, стала строем, глубиной в три человека, городская стража. Впереди строя выехал сотник на вороном коне.

– Именем закона и князя Харфала, наместника столичного города Галиара, поставленного Его Величеством императором Владаром, приказываю вам разойтись по домам, мирно. В случае неповиновения я отдам приказ применить силу. Не будьте врагами самим себе!

Толпа выслушала обращение внимательно. Было даже похоже, будто она вняла ему. Секунд пятнадцать она стояла молча, не двигаясь ни вперед, ни назад.

– А кормить нас твой Харфал тоже приказом императора будет? – Кричал какой-то противный бродяга с гнилыми зубами, лицом с язвами, длинными невымытыми волосами. – А-а-а! – И люди ринулись на строй городских стражников. Те мгновенно расступились, пропустили за себя сотника и вновь сомкнули ряды, став единой железной стеной. Толпа навалилась на них, строй прогнулся, но устоял. По команде, стражники сняли висевшие на поясах дубинки, наряду с короткими мечами, дубинки были обычным оружием город-

ской стражи, в этом случае был отдан приказ работать именно дубинками, и медленно начали оттеснять толпу обратно к площади. На площади тоже появились отряды городской стражи, они своим строем очертили карман, в который стали попадать бегущие из толпы, из проулка. Многих пропускали дальше, но некоторым, самым дерзким доставалась еще порция палок. Многие назвали такую меру усмирения слишком жестокой, но отрицать ее действенности не могли. Самое главное, никто из критиковавших действия властей не мог предложить чего-либо взамен. В тот день толпу удалось унять. Вечером во дворце наместника собрался еще один совет. Он был менее многочисленным, чем советы, экстренно собиравшиеся днем и утром, но более влиятелен и представительен по составу. Так, среди прочих, там был Хоргод из Рода Рагдов, негласный лидер Верховного Синклита Империи и старейший из зераклитов.

– Я понимаю, что вынудило вас, Ваше Светлейшество пойти на такие меры, на избивание толпы, но этого более повториться не должно – Старец говорил мягко, но мягкость эта казалась необычной. Будто она способна, при необходимости, пробивать каменные стены. Совет проходил в большой комнате, длина каждой стены была 15 метров. Посреди комнаты был фонтан, в котором плавали разноцветные, яркие рыбы, большие и маленькие. Пол был выложен мозаикой с изображением морских обитателей, сценами рыбалки и морских путешествий. Вдоль стен висели светильники,

выполненные в виде зданий, кораблей, повозок, чей свет ярко отсвечивал от отделанных мраморам, едва не зеркальных стен. В комнате было много мебели из халакара, очень твердой породы дерева. По прочности халакар не уступает железу, однако он и тяжел для обработки, поэтому изделия из него очень ценятся. Само собой вышло так, что Хоргод с зераклитами расположился как бы напротив Харфала с военачальниками и несколькими чиновниками. Никто не думал о конфронтации, споре, но само расположение собеседников говорило о таком настрое.

– Мудрейшие, – Так иногда могли обращаться к членам Верховного Синклита, чтобы подчеркнуть то уважение, которое оказывается им как зераклитам. – Не стоит верить досужим разговорам. Если кто и пострадал, то только те, кто этого заслуживал. Поступи мы иначе, не известно, чем бы закончился сегодняшний день. Не для нас только, для всего города. – Закончил князь Харфал.

– Вы превысили полномочия! – Ялган Маязинский хотел крикнуть, но все же сдержал себя. – Скажите, что Вам удалось узнать по поводу пропажи провианта и что вы собираетесь делать, чтобы не допустить голода?

– Я и мои люди, также, надеюсь и на вашу поддержку, уважаемые зераклиты, сделаем все от нас зависящее, чтобы не допустить голода в столице. В противном случае не ясно, во что голод может перерасти. Думаю, вам будет не безинтересно узнать, что нам не удалось обнаружить караван с провиан-

том, который должен был отправиться из столицы в армию. Я склонен думать, что караван не выходил из города, и провиант следует искать в Галиаре. – Реакция у собеседников на это замечание наместника была разной. Кто-то улыбался, а кто-то отнесся к ней серьезно, но все начали переглядываться, выказывать удивление. – Да, такое заявление кажется смешным, огромный караван в городе просто негде спрятать, но его нет на расстоянии нескольких десятков вёрст от столицы. Дальше он уйти просто не мог. Я не верю в то, что он каким-то чудесным способ поднялся в воздух и улетел, не верю в то, что он растворился. Не верю и в то, что он провалился сквозь землю. Сейчас отряды солдат прочёсывают леса недалеко от города. Но уверен, в лесах ничего найдено не будет. Это чудовищная провокация и обозы с провиантом, скорее всего, столицы не покидали.

– То есть вы утверждаете, что кому-то удалось спрятать в городе тысячи пудов зерна и других припасов вне городского склада? Я вас правильно понял? – Еще немного, и тон Ялгана можно было бы назвать насмешливым, но он балансировал на грани дозволенного, так что понимать его можно было двояко.

– Да. Именно это я имею ввиду. Кому-то, скорее всего, удалось спрятать в городе весь провиант, что был украден со складов.

– Но это же ... Вы сами понимаете, сколь слаба такая версия? – Молодой зераклит развел руками, как бы обращаясь

к собравшимся с просьбой засвидетельствовать его правоту и, соответственно нелепость утверждения наместника.

– Понимаю, но другого объяснения у меня нет. Мои люди обследовали все дороги из Галиара, по которым мог пройти караван, опросили, в общей сложности, несколько сотен человек и никто ничего не говорил о караване. Самое главное, стражники на воротах тоже утверждают, что ни ночью, ни рано утром никакого каравана не было. За ночь из города, через все ворота вышло сто четыре верблюда и семьдесят два яка, тридцать семь лошадей и сто девять человек. Этого никак не достаточно, чтобы перевезти украденное со складов. Впрочем, может кто-то может предоставить другую версию? – Харфал уперся взглядом в Ялгана, явно ожидая ответа от него. Может быть, князь намекал на то, что Ялган Маязинский знает что-то, не известное остальным присутствующим на совете. Но тот выдвинул неожиданную и дерзкую версию произошедшего.

– Вы, ваше сиятельство, так и не опровергли утверждение охранников складов о том, что за провиантом пришли от вашего имени, по приказу государя. Вполне вероятно, что караван был. Более того, мои люди тоже осматривали окрестности города и опрашивали людей, крестьян, рыбаков, охотников. Те им рассказывали, что видели, в разных местах, на разных дорогах караваны, голов по тридцать-сорок навьюченных животных. Всего, по моим подсчетам, этой ночью на дорогах видели, в общей сложности около полутора тысяч

животных, яков, верблюдов, ослов, навьюченных и идущих на запад. И честно говоря, я даже не знаю, кому верить: вам, государственному мужу, верному слуге императора, – Последнее слово Ялган выделил, сделав после него паузу. Потом продолжил – и народа Империи? Или своим слугам?

– Вы обвиняете меня в том, что я, по приказу императора едва не обрекаю горожан на голодную смерть? – Князь Харфал начинал терять самообладание. – Это подлая ложь, которую кто-то начал распространять сразу после произошедшего. Вместо того, чтобы заниматься насущными вопросами, вы перебираете сплетни. Будьте добры, потрудитесь назвать имя человека, сообщившую вам эту глупость? – Волнение наместника передавалось его окружению. Неприязнь военной знати к членам Верховного Синклита империи, которая в разное время была то больше, то меньше, сейчас, казалось, должна была достигнуть критического уровня.

– Простите, ваше сиятельство, к чему вам собирать имена сплетников, как вы говорите. Просто вы спросили у нас, какие еще могут быть версии происшедшего. Я ответил. Возможно, вы просто по какой-либо причине не считаете необходимым делиться с нами информацией, планами, которые вы обсуждаете с его Величеством. Мы не против, понимаем ваши опасения. В военные планы не стоит посвящать много людей. Но вы можете просто нам намекнуть, чтобы мы не беспокоились по таким вопросам, а сейчас могли завершить эту часть разговора и перейти к действительно важным во-

просам. – Харфал опешил от таких просьб и утверждений. Гнев перерос в ярость, но опять не во внешнюю, а во внутреннюю, какую обычно и испытывал Харфал, пусть и довольно редко. Выдержав паузу и успокоившись, наместник столицы продолжил:

– Понимаю ваше недоумение, но смею заверить, что ничего подобного не происходило и не могло произойти. Оправдываться ни за себя, ни, тем более, за Его Величество я не буду. – Князь говорил так вежливо, как только у него могло получиться. Он был вспыльчив, но вспыльчивость компенсировалась способностью быстро брать себя в руки. Даже по лицу князя редко было видно, что только что в душе его ревел ураган, который едва не вырывался наружу и не уничтожал, сокрушал все живое на расстоянии версты от центра урагана. – Теперь касательно насущных вопросов. Скрывать здесь нечего. Запасов в городе хватит на три, сейчас уже на два дня. Я дал приказ, выкупать зерно у крестьян в округе, но даже при самом удачном исходе этих закупок у нас не будет большого количества зерна. Максимум, хватит еще на неделю. Из провинций увеличить поставки быстро не получится, нужно перераспределять их с учётом поставок в армию. А потом гарантированный голод. Но я знаю, что в нашем городе, в Синклите Империи, есть люди, которые могли бы помочь справиться с неминуемой гибелью десятков тысяч людей. Несколько богатых торговцев и землевладельцев, насколько мне известно, обладают столь внушительными за-

пасами зерна, что могли бы, если не спасти город и Империю, да, о благополучии Империи мы с вами также сейчас заботимся, потому что нестроения в столице во время войны еще ни одному государству не помогли войну выиграть. Так вот, эти люди, могли бы нам помочь справиться с испытанием. Я их просил прийти и они уже здесь. – Он повернулся к слуге, стоявшему у двери – Пригласите гостей войти.

В зал вошли зеркалит Карасделем, зеркалит Хаараш и два известных землевладельца Арабар и Тар. Ялган догадывался об их возможном появлении, но был смущен тем что не смог переговорить лично с Арбаром и Таром, которых не было в городе и приехали они, должно быть, совсем недавно по просьбе наместника. Эти два землевладельца были негласными лидерами коллегии торговцев и промышленников империи, объединявшей богатейших людей государства. Хаараш тоже состоял в этой коллегии, торговал, в основном, зерном. С ним Ялган успел поговорить о всех сторонах дела.

– Спасители отечества! – Ялган приветствовал вновь пришедших. – Хотя ваши имена до сего момента не упоминались, но я был уверен, что вы должны появиться при таком важном разговоре. – Те в ответ улыбнулись.

– Ялган, прекратите. Вы не во всем сейчас справедливы – Гости сели на предложенные им кресла без спинок, с Х-образными ножками, отделанными мрамором и золотом. – Одни мы не спасем отечество, но это под силу тем, кого мы представляем. Всем вместе.

– Вы подумали над моим предложением? Что сказала коллегия торговцев и промышленников? – Харфал был очень серьезен, собран. Ответ для него значил очень много.

– Мы согласны на предложенную вами цену. По одному махдару за пуд зерна.

Харгад, услышав цену, восторженно воскликнул:

– По одному махдару за пуд? Зерна? Вы же не живую воду продаете, или эликсир молодости. Князь, вы сами предложили такую цену? Вы же разорите город! Нам грозила смерть от голода, теперь нам грозит нищета, или, чего хуже, попадем долговую зависимость к этим уважаемым, но жестокосердным, простите, господам. – Старец был недоволен.

– Почтенные гости польстились моей щедрости, сказав, что я предложил названную ими цену. На самом деле это не совсем так. Вернее, совсем не так. Я предложил самим им назвать цену, наиболее приемлемую при данных условиях и тех объемах зерна, которые нам нужны.

Ялган Маязимский, слушавший беседу, все больше понимал, что его план переворота под угрозой. Он тут же понял, что должен сделать. Благо, ответ лежал на поверхности.

– И вы хотите согласиться на эту цену? – с недоумением смотрел Ялган на наместника.

– Конечно, это цена совсем не маленькая, она завышена едва не три раза. Но выбора нет. Я же не могу силой заставить торговцев снизить цену.

– Цена согласована нами сегодня на собрании членов на-

шей коллегии.— Арбар развел руками — Мы взвесили все за и против и считаем ее вполне справедливой.

— Проклятые торгоши. Либо вы сейчас помогаете городу и Империи, либо кочевники заберут у вас жизнь, рано или поздно! — один из помощников наместника столицы не выдержал такой торговли. По сути речь шла не о зерне, а о человеческих жизнях. Это был показатель сильного нервного напряжения. Обычно помощники не позволяли себе высказываться в присутствии господина, тем более, так резко.

— Прекрати! — осек помощника наместник Харфал.— Так мы не до чего не договоримся.

Беседа продолжалась долго, солнечные часы на улицах Галиара показывали половину шестого утра, когда зераклиты покинули дворец наместника. Все пытались сбить цену, но безуспешно. За один махдар можно купить хорошего коня, молодого, здорового. Нормальная цена для пуда зерна, при этом, зерна хорошего качества, в три раза меньше — один ангир. Но торговцы стояли на своем, были непреклонны. В какой-то момент наместник даже начал устрашать, что возьмёт необходимое силой, если они не согласны сбавить цену. Однако, в ответ на эту угрозу поднялись уже зераклиты, воспринявшее сказанное как угрозу и своему состоянию. Никто не имеет права отбирать собственность, чем бы это не оправдывалось. Это для них была высшая истина. Более всех за нее ратовал Хоргод из рода Рагдов. Хотя, и он просил снизить цену на зерно. Времени оставалось все меньше, было

принято решение закупить пока зерна столько, сколько нужно на неделю и продолжить переговоры. Казалось, наместнику Харфалу удалось, ценой невероятных усилий удержать обстановку, прекратить скатывание в хаос целого города. По крайней мере к этому шло. Голод, уже стоявший у городских ворот и ждавший только нужного момента, чтобы через городские ворота войти в Галиар и начать кривыми острыми ногтями скрести по дверям и окнам домов, требуя себе жертв, казалось, ушел. Однако, не всех это устраивало. Нужно было еще одно событие, которое поколебало бы трон наместника и передало вибрацию трону императора.

Вечером того же дня, старейший зераклит, Хоргод из рода Рагдов был найден убитым в саду своей городской виллы «Шемеа», что значит – «Солнечная». Он был зарезан. Служанка нашла его на одной из садовых дорожек, старец лежал в луже крови, лицом вниз, раскинув в стороны руки. Рядом убийцы оставили нож, очень похожий на один из тех, которыми пользуются личные телохранители наместника. Самое главное, что среди бумаг Хоргода был найден тот самый приказ от императора наместнику столицы, который был утрачен, потерян начальником охраны городских складов. Новость об убийстве разлетелась по городу и спровоцировала новые волнения в Галиаре. Возможно, худшим было то, что гибель зераклита дала толчок самым нелепым слухам, будто это Харфал, едва не самолично убил старца, потому что тот не дал согласие силой забрать зерно у торговцев. Другие бы-

ли более изощрены в придумывании объяснений. Они считали, что Харфал убил Хоргода, потому что тот отстаивал более низкую цену для зерна. Якобы наместник с торговцами в доле и вся история с пропажей зерна – способ наживы, хитро придуманный жадным наместником. Впрочем, оставались и третьи, кто верил в невиновность, непричастность наместника, их тоже было довольно много, хотя и меньше, чем тех о которых написано выше.

Весть о смерти Хоргода едва успела разнестись по Галиару, как гонцы от Ялгана Маязинского уже бежали пешком и скакали верхом в дома зераклитов, чтобы оповестить их о внеочередном собрании Верховного Синклита. Зераклиты, потрясенные новостью, спешили во дворец, в зал заседаний. Некоторые некоторые члены Верховного Синклита не верили в произошедшее. Был поздний вечер и люди не хотели верить в случившееся. Хотя известно, что пришедший ночью редко приносит хорошие вести, всё же, казалось, что это дурная шутка. При многих виллах и домах зераклитов были сторожевые псы, они лаяли, когда в поздний час в ворота домов стучали незнакомцы, на их лай отвечали собаки соседних домов. Над Галиаром поднялся вой и какой-то особенно неприятный, зловеющий собачий лай. И долго слуги не могли унять взбесившихся животных.

Хоргод обладал авторитетом и репутацией, государственной мудростью. Самое главное – его любили и государственные мужи и простые люди. Горожане вышли на улицы и тре-

бовали найти убийц. Членов Синклита Империи, спешивших на заседание во Дворец Верховного Синклита, останавливали и едва не силой брали у них обещание, что злодей обязательно будет найден. Князь Харфал, побывавший на месте убийства понял, что все случившееся за последние четыре дня, происходит с одной целью – очернить власть императора и его сторонников в глазах Синклита и горожан. Но самым страшным было то, что цель удалось достигнуть. Если совсем недавно, при виде эскорта наместника города люди приветствовали его, многие кланялись, то теперь люди часто отворачивались, находились даже те, которые не боялись мечей солдат сопровождения и кричали наместнику «Вор!», «Убийца!», «Предатель!». Харфал приказал их не трогать. Пусть кричат. Плетки мнения не переменят, а повод к новым разговорам и даже беспорядкам дадут. Еще наместник очень удивился, когда ему передали, что в бумагах убитого был найден приказ Императора о передаче в войска запасов зерна Галпара. Удивление стало еще больше, когда выяснилось, что документы унесли какие-то люди, назвавшиеся представителями Верховного Синклита Империи.

– Меня дурачат. Я должен поговорить с некоторыми зеркалитами. Меня настораживает их активность и осведомленность, которая куда лучше моей. И быстрота, с которой они узнают о подобных новостях и успевают созвать заседание Синклита, когда об убийстве ещё ничего толком не удалось выяснить. – Князь собрался ехать к Ялгану Маязинскому до-

мой, однако на выходе из дома Хоргода, Харфала встретил вестальный из Верховного Синклита и вручил приглашение прибыть на заседание Верховного Синклита, собранного из-за убийства Хоргода.

– Пока они обо мне помнят. – Харфал на минуту задумался, потом повернулся к адъютанту. – Усильте отряды городской стражи у Дворца Верховного Синклита Империи.

Светлейший князь поспешил ко Дворцу. Он со спутниками скакал во весь опор. Комья грязи из-под копыт лошадей летели в стороны. Не все улицы столицы были вымощены брусчаткой. Дождь прошел давно, но земля до конца не просхла. Когда всадники выехали на центральные городские улицы, вымощенные камнем, то из-под копыт уже летели искры. За три квартала до дворца Синклита князь со спутниками были остановлены толпой и им едва не силой пришлось прокладывать дальше путь. Люди спрашивали о делах на фронте, о голоде, который так всех пугал, об убийстве Хоргода. Харфал говорил с людьми, он умел и любил это делать. Считал общение с горожанами своей обязанностью, как императорского наместника столицы. Однако, в тот раз, он должен был торопиться. Толпа была разделена и часть её прямо обвиняла во всех бедах наместника, хотя и грозила ему не судом Верховного Синклита, а карой со стороны императора.

Заседание зераклитов было в самом разгаре, когда наместник со свитой вошли внутрь Зала. Ялган Маязинский,

стоя на своем месте что-то громко рассказывал присутствующим. Императорский трон был пуст, что сразу бросилось в глаза Харфалу. Он не часто бывал на заседаниях Синклита в отсутствие императора и сейчас даже испытывал неудовольствие видеть зераклитов, которые не чувствовали на себе взгляда Владара и будто считают себя правителями Империи, а не ее слугами. У дворца Синклита, тем временем, начали собираться люди. Они не выдвигали конкретных требований, но хотели расстаться с гневом, накопившемся внутри, страхом и болью, которых многострадальный Галиар, великолепная столица, в последние дни испытал больше, чем мог вынести без последствий.

– Случилось кощунство! – голос Ялгана волной прокатывался по стенам Зала. Казалось, огни светильников, подвешенных вдоль стен и под потолком колышутся не от сквозняка, но от голоса зераклита – Убит старейший из нас. Зарезан у себя дома, как простолюдин в трактире. – Его речь находила отклик среди слушавших. Все явно были поражены случившимся. Некоторые были подавлены, кто-то плакал. Хоргода любили, и случившееся стало личной трагедией для большого числа зераклитов. Хорошо было видно, что сейчас главным для сидевших на скамьях членов Верховного Синклита Империи были эмоции. Советчик самый ненадежный в государственных делах. Ялган продолжал – Вы спрашиваете, кто виноват? И я Вам отвечу. Виновны мы все. Каждый из вас – убийца нашего общего отца ибо Хоргод был нам как

отец, по возрасту и уважению, которое мы к нему испытываем. Глаза наши видели, что вокруг нас происходит, уши наши слышали это. Но ничего не было сделано, чтобы исправить ситуацию, предотвратить убийство! Хоргод был основанием, символом Синклита, символом власти не единого человека, но собрания, не насилия, но общего дела, добровольного решения. Конечно, это многим могло не нравиться. Особенно сейчас, когда роль Синклита хотят снизить, роль народа в его Отечестве, лишить Империю единственного руководящего органа, который дает голос жителям нашей страны! – Вся эта речь была поддержана с большим воодушевлением. Удивительно было то, что люди, считавшие себя «голосом народов» не принадлежали к народу, в лучшем случае их деды были зажиточными крестьянами. А внуки же, сидевшие сейчас в зале собраний Синклита, плуг, конечно, видели, когда ехали в свои загородные резиденции, из окон карет. Часто вдоль дорог крестьяне пахали поля, но рассказать, как плугом пользоваться, едва ли смогли бы. И все же, уверенность в том, что они представляют многоязычный народ обширнейшей Империи и являются его частью, прочно сидела в их головах. Они верили в нее. – Эта жертва, продолжал Ялган – лишь первая в череде тех, которые могут случиться, если ничего не изменится. Если мы ничего не изменим – князь Харфал посмотрел на своих охранников и помощников, но потом повернулся к Ялгану и продолжал смотреть, будто ничего не происходило. Тем временем зеркалиты рас-

палялись все больше, в Зале было очень шумно, но, вместе с тем, Ялгана продолжали слушать.

– Мы все знаем, что над Империей нависла угроза, с Запада движутся массы кочевников. Огромные территории потеряны, утрачены целые провинции! Вместо того, чтобы решать эти вопросы, разогнать эту тьму, люди, имеющие власть в государстве нашем идут на подлые преступления!

– Кого ты обвиняешь? Ты знаешь убийц? – кричали в зале.

– Имя, назови имя! – подхватывали другие голоса. Харфал приказал стянуть к дворцу ещё отряды городской стражи. Но сделать это незаметно, так чтобы не вызвать подозрений у членов Синклита. Если будет нужно, если поведение зеркалитов не изменится, он арестует верховный Синклит Империи. Для себя он уже решил этот вопрос.

Ялган поднял в руках свиток с вислой печатью императора.

– Вот улика, вот приговор! Здесь названы имена виновников! Это приказ Владара его светлейшеству, князю Харфалу, императорскому наместнику царствующего града Галиара. Этот приказ никак не могли найти. Но сегодня он был обнаружен среди бумаг убитого. У меня есть свидетели, если кто-то не верит моим словам! Хоргод получил эту бумагу и хотел представить Синклиту, он говорил мне об этом. Потому его и убили. Имена убийц я только что назвал и не имею желания осквернять свои уста, произнося их имена еще раз. Рядом с телом нашли кинжал, им был зарезан Хоргод. Та-

кие же кинжалы носят охранники Харфала! Рукоять с головой орла и двустороннее длинное лезвие на клинке! – Ялган бросил вызывающий взгляд в сторону Харфала, явно провоцируя того на неосторожный шаг. Члены Синклита мгновенно обернулись к наместнику и его телохранителям. Те сами начали смотреть на свои кинжалы, сравнивая их с тем, что держал в руках Ялган. Оружие действительно было одинаковым. Светлейший князь утратил хладнокровие. Видимо, сказалось напряжение последних дней.

– Падаль! – наместник столицы стоял на месте, но выхватил из ножен меч. – Как у тебя язык поворачивается произносить такую хулу?! Последние несколько дней, ты только тем и занимаешься, что обвиняешь государя, первого слугу Империи и его помощников. Сначала ты делал это лишь намеками, и вот теперь твоя дерзость переступает все границы. Зераклит Ялган Маязимский, именем императора, ты арестован. Городская стража проводит тебя в Десмион. – так называлась крепость-тюрьма Галиара – Основание для ареста – навет на императора. – После этих слов четверо охранников наместника двинулись к зераклиту, чтобы позже передать его городской страже, которая постепенно прибывала к Дворцу Верховного Синклита. Однако, отрядов городской стражи все равно было меньше, чем толп горожан, окруживших дворец. И, даже не ясно откуда взявшихся, агрессивных молодых людей среди городской толпы было едва не больше, чем городской стражи. Все входы и выходы из дворца были

перекрыты. Площадь перед Дворцом Синклита была подобна лесу, чьи кроны рвёт неуправляемая стихия. Шум этого ветра, шум этого леса проникал во дворец, где и без того беспокойная обстановка становилась еще напряженнее.

Ялгана обступили зеркалиты.

– Князь, вы не имеете права.– кричали Харфалу.– Брат наш, зеркалит Ялган говорит правду. Мы верим ему. А вы двигитесь к единовластию, Вы хотите разогнать Синклит!

– Братья – кричал сам Ялган,– Братья! Сперва он арестовывает меня, а потом и весь Синклит. Таков их план. Они не остановились перед убийством, неужели они остановятся сейчас. Мы сами должны действовать.– в это время, Зал заседаний Верховного Синклита Империи начали заполнять воины, это были наемники, кто их нанял, ясно не было, но кроме Харфала и членов его свиты этот вопрос никого не интересовал. Зераклиты пришли в восторг, когда увидели, что сила теперь на их стороне.

– Князь, – покровительственным тоном Ялган обратился к Харфалу. Если ты расскажешь в своих злодеяниях и злодействах тирана, губителя Империи Владара, Синклит даст тебе шанс искупить свои грехи службой на благо Империи.

– Что здесь происходит? – Харфал оглядывался по сторонам.– Где глава городской стражи? Прикажите своим людям очистить дворец от посторонних. – Князь старался что-то исправить, но ситуация явно вышла из-под его контроля. Когда он произносил эти слова, на всех этажах Дворца За-

седаний Верховного Синклита Империи шли бои между наемниками, проникшими во Дворец через тайные лестницы и входы, и городской стражей, которой было поручено следить за порядком в здании. Снаружи, у здания дворца, городскую стражу также атаквали. Был отдан приказ применять оружие для защиты, но только против тех, кто сам его применял против стражников. Сначала толпа отступила, и уже после этого, в толпе вдруг появились убитые среди протестующих. И никто не обратил внимания, что стражники физически не могли никого убить потому что в отступившую толпу не стреляли ни из луков, ни из арбалетов, ни пращами. Но убитые появились, толпа почувствовала кровь и едва не растоптала стражников. Те начали отвечать на нападения и началась драка. Этот эпизод потом получил название «бойня на площади Синклита». Погибло несколько сотен человек. Заседание Синклита, тем временем, продолжалось.

– Я выношу на заседание почтенного Синклита вопрос о низложении власти Императора и объявлении высшим органом управления Империи – Верховного Синклита. Мы долго шли к этому и вот, день настал. Мы больше не можем позволять руководить нашей страной тирану, убийце и банде его приспешников. Пусть начнется голосование. – Ялган незаметно для себя и многих присутствующих взял на себя роль главы Синклита, занял место Хоргода из рода Рагдов. Он знал, чтобы закрепить за собой это негласное лидерство, нужно будет еще побороться, но в тот момент главным бы-

ло свергнуть императора, об этом были все мысли молодого зераклита.

Началось голосование. Согласно традиции, каждый зеркалит вставал и произносил фразу: «Я и люди, о благе которых я пекусь, голосуем за» или «Я и люди, о благе которых я пекусь, голосуем против». Процедура эта была довольно длительна, но нарушать ее было нельзя, иначе все происходящее выглядело бы вовсе неубедительно. Иногда голосовали прямым поднятием рук, но это в случаях, если нужно было проголосовать по какому-то рядовому решению. Здесь же, при низложении императора, нужно было проявить максимум внимания к деталям, чтобы, опираясь на эти детали дезавуировать тот недостаток, что император не поставил свою подпись под документом с итогом голосования. То есть текст так и останется текстом, написанным священным письмом, но не имеющим силы закона. Тем не менее, князь Харфал, видевший все происходящее, крикнул секретарю, обыденно ведшему протокол заседания: «Осел! Что ты записываешь? Что ты сейчас делаешь?!» Тот в ответ оторвался от писания, посмотрел на наместника, вернее, бывшего наместника столицы и тихо ответил: «Свою работу», наклонил голову и продолжил записывать.

– Что вы делаете? Сейчас, когда империя требует единства, когда над нами всеми нависла угроза уничтожения, вы убиваете свое Отечество. Своими руками. Неужели вам не ясно?!

– Князь, мы очищаем его. А теперь не мешайте, иначе вас выдворят отсюда. У вас есть шанс первым присягнуть новой власти. – Тон Ялгана был снисходительным. Ему показалось, что тело его стало тяжелее и тверже, появилась небывалая ранее уверенность в себе. Харфал же, услышав слова о присяге, расхохотался, это же вместе с ним сделала и его свита, затем плюнул на пол и растёр по полу подошвой своей кожаной туфли. Это был оскорбительный жест.

– Присягать вам? Святые письма! Не будет этого никогда. Вы лавочники и торгоши. Свой карман для вас всегда будет ближе и роднее матери и отца. Вы же детей своих продадите, за хорошую цену. Вам даже Галиарские крысы присягать не будут. А первые князья Империи – тем более. И у меня нет желания смотреть на цирк, что вы здесь устроили. – Слова эти, разумеется, вызвали недовольство и гнев у зеркалитов. Каждый воспринял их, как личное оскорбление. Тут же появились желающие казнить князя. Самыми разными казнями. Ялган Маязинский взял слово.

– Братья! Не будем уподобляться тирану! Закончим сейчас начатое нами дело и поручим суду разбираться с этими преступниками. Ибо закон, вот что отныне будет править Империей! И только закону мы будем повиноваться! – Восторженные крики и возгласы одобрения со стороны прочих членов Синклита закончили эту реплику молодого зеркалита. Светлейшего князя Харфала, бывшего наместника царствующего Города Галиара увели в темницу, толстостенный

Десмион, посадили в камеру, которая находилась в самой глубине, под землей. Семью его трогать не стали. Пока не стали.

Голосование шло три часа. Толпу на улице удалось успокоить. Тем более, что среди этой толпы более всех волновались те, чье недовольство можно было контролировать записками из Дворца Верховного Синклита Империи. По приказу оттуда отряды наемников и просто вооруженных слуг захватили городское и общеимперское казначейство, почту, дома городской стражи. Погибло также немало священников, библиотекарей. Ведь то, что совершил Синклит, было святотатством, богохульством. Нарушением Священного, записанного закона. Это преступление должно было повлечь за собой тяжкую кару. И священники кричали об этом, предупреждали паству. Но все тщетно. В минуты мнимого триумфа никому не интересно, насколько триумф справедлив, и что должно последовать за ним.

Еще не закончилось голосование, но когда исход его стал ясен, несколько наиболее уважаемых в народе зеркалитов среди которых были Богал Дарисский, Халт Газарийский, Дафер Лаисский и, конечно, Ялган Маязимский, вышли на балкон Дворца Верховного Синклита Империи, и с балкона объявили о низложении императора, о провозглашении единственным правящим органом Верховного Синклита Империи, о том, что Хоргода из рода Рагдов убили по приказу князя Харфала, потому что тот получил улики, что

именно по приказу императора наместник Харфал отправил в армию запасы зерна и прочего провианта, едва не обрекая жителей столицы на голодную смерть. Более того, во время этого выступления произошло едва не чудо. К Даферу Лайсскому подошел один из его слуг и сказал, что часть того провианта удалось найти, часть продолжают искать и ее находка – лишь вопрос времени. Голод, которым так пугали жителей Галиара, перестал быть угрозой. Справедливость и чувство сытости – вот с чем у рядового горожанина в тот день ассоциировалась новая власть. Это было мощное воздействие на толпу, на ее настроение. В Верховном Синклите Империи многие искренне верили в то, что грядут лучшие времена, что с номадами можно будет договориться, а нет, так с ними продолжим войну, либо своими силами, либо с помощью союзников. Среди срузников первым казался Союз Торговых Городов. Были и счастливые люди, которые давно ждали, чтобы нечто такое произошло, в смысле, смены или свержения императора. Владар был популярен и любим, едва не идеалом для большей части населения страны. Но именно за это его едва не ненавидела другая часть народа. Не открыто, но дома, у очага на кухне или под одеялом, когда уже засыпаешь, обдумываешь свой день и вспоминаешь, что сегодня было праздничное богослужение по случаю семнадцатилетия правления императора, который за эти семнадцать лет тебе лично никак не помог. Будто это его дело искать тебе работу или замазывать оконные рамы на зиму в

твоем доме. Однако людей, которые так думают, особенно в столице и других крупных городах Империи было более, чем достаточно.

Низложение Императора вдохновило людей, опьянило их. Были и те, кто видел в произошедшем предзнаменование испытаний для самого сильного, некогда, на всем Арцеэ, государства и был далеко не в восторге от этого. Нельзя было поверить, что все произошло едва не за неделю, а то и меньше. За неделю была создана ситуация, которая позволила отменить порядок, закон, существовавший несколько тысяч лет. Наиболее разумные понимали, что все было кем-то разыграно, подстроено. Или же просто кто-то решил не упускать шанс и пошел на большой риск. Мнимое торжество, пролог к поминкам по торжествующим. Одни плакали от горя, других та же причина заставляла плакать от счастья. Все как обычно.

Глава 24. На речной дороге

Вести о падении Наппара, вернее, о добровольной его сдаче, потому что город, как мы знаем, и не оборонялся, быстро достигли императорской ставки. Флот номадов был уничтожен в битве на реке Нахавэ и к городу Бэлде неприятель должен был подойти с суши. Падение Ропета и Сориана становилось лишь вопросом времени. Штаб, советники императора, боевые командиры несколько суток не спали, высчитывая сколько легионов, сотен, тысяч солдат будет в их распоряжении в ближайшее время и как использовать эти силы. Было

предложено несколько планов действий. Большим преимуществом было господство на реке Нахавэ. Это позволяло, хотя бы теоретически, наиболее смелым командирам, планировать освобождение Тарина. Взяв Тарин и укрепившись на перешейке между Высокими горами и рекой Нахавэ, можно было перекрыть дороги, по которым к номадам с бескрайних степей и пустынь Западного края двигались орды кочевников подпитывать армию, ведомую Хунхаром. Но это предложение были отвергнуто. Слишком много «если» должно было случиться, чтобы операция увенчалась успехом. Многие предлагали сойтись с кочевниками в битве, у Наппара или по пути к нему. Но для этого нужно было пересечь пустыню Маниамма, но никто не мог дать гарантию, что жуки бахгу позволили бы перейти ее с малыми потерями, чтобы выставить достаточно сил против неприятеля. Часть пути возможно было проделать по реке, так, чтобы путь проходил по речной дороге, которая соединяла Наппар и небольшой порт на берегу Нахавэ. Но на побережье не так давно была эпидемия чумы, все поселки там были оставлены, священники установили охранные стелы, которые изгнали болезни, но люди в те места все равно не вернулись. Отдельные смельчаки пользовались тамошним портом, но место считалось дурным. Да и порта как такового там не было, лишь несколько пристаней. Поэтому купцы предпочитали пользоваться караванами через пустыню, хотя такой путь кажется на первый взгляд, труднее и опаснее. После долгих размышлений

и жарких споров, было решено плыть до Малой пристани, так назывался один из рыбацких поселков, о которых сказано выше. Далее, по Речной дороге, она называлась так, потому что вела от города к Нахавэ, идти к Наппару и освободить город. Было решено также направить еще один отряд, более сильный, вдоль пустыни, на расстоянии двух дней пути от речной дороги. Владар понимал, что сохранить в тайне приближение целой армии едва ли удастся, но ввести врага в заблуждение, обмануть, указать ложное направление главного удара – это возможно. Руководить основной армией он поручил князю Страмиру, а сам повел отряд по Речной дороге, ведь предполагалось, что удар главных сил противника придется именно на нее. Император собрал цвет имперской знати. Все знали, что идут на большой риск, но считали такой риск честью. Была вера в то, что любой исход задуманного дела будет справедливым, но не окончательным, в независимости от того, будет ли Наппар отбит или нет.

У номадов, после захвата Наппара не было стремления сразу идти к Галиару. Кочевники двинулись на Юг, захватывать богатства южных провинций. Они были подобны лесному пожару, с гулом и треском приближающемуся к человеческому жилью. Человек выбегает из дома, пытается потушить пожар, копает ров или рубит просеку, чтобы огородить себя от пламени, но тщетно. Как пламя переваливает за земляные валы, которые не в силах его остановить, та и наездники с Запада перепрыгивали через оборонительные

валы южан, жгли деревянные стены построек и штурмовали каменные крепости.

Узнав о поражении своего флота, Хунхар был в ярости, никто не смел обсуждать эту неудачу. Только каган номадов поклялся отомстить за нанесенное оскорбление.

Основная, ударная армия Империи, высаживалась ниже по течению от Малой пристани, на границе пустыни и зеленых холмов, степей и перелесков. Там, где пустыня Маниамма пытается похоронить под своими песками травы и невысокие кусты, яростно ей сопротивляющихся. Высадка проходила ночью, костров не жгли и даже фонари на кораблях потушили. Из-за этого несколько судов столкнулись друг с другом и едва не затонули, но командам удалось спасти от гибели корабли и солдат на их борту. Сойдя на берег, отряды армии Светлейшего князя Страмира выстраивались в походные колонны и молча отправлялись маршем к Наппару. Армия, которую должен был вести император должна была выступить утром, с развёрнутыми знамёнами, под бой барабанов, чтобы разведка номадом не могла пропустить их появление.

– Воодушевление. Это самое важное, что я вижу среди своих воинов. Победа на реке сделала их крепче. Но, всё же, сейчас ситуация другая. Мы будем сражаться на суше, а здесь номады чувствуют себя куда увереннее. – Владар сидел верхом и взглядом провожал идущие мимо отряды. – Важно понимать, что лёгкая победа нам едва ли достанется.

– Ваше Величество, вы правы. Но, как вы сказали, победа вдохновила, дала надежду на то, что враг может быть повержен. Это самое главное. – Страмир был в добром расположении духа и хотел поделиться ним со своим собеседником. Император был задумчив.

– Скажи мне, светлейший князь. Как так получается, что мы, огромная Империя, с мощной армией, с неисчерпаемыми ресурсами, как природными, так и людскими, сдаём города каким-то дикарям, варварам, всегда нами восхищавшимся? Я всё размышляю над этим, но не могу понять. Мы собираем легионы, лучшие комиты продумывают тактику и стратегию войны, но ничего не выходит?

– Государь, я тоже задумывался над этим. Но у меня тоже нет ответа на заданный вами вопрос. Может быть, мы просто привыкли побеждать и не встречали достойного противника уже очень давно? И Сефер послал его в образе тех, кого мы менее всего считали опасными врагами. Однако же, не может быть нам большего испытания, чем мы смогли бы вынести на своих плечах. Народ любит вас, армия любит вас. Конечно, недовольные есть всегда, те, кто говорят, что заслуги в державе принадлежат всем, а неудачи происходят лишь по вине императора. – В ответ, после этих слов, Владар улыбнулся.

– Иногда мне кажется, что мы чем-то прогневали Сефера и номады – кара на наши головы. Хотя, может быть, мы просто забыли, что значит бороться, и слишком полагались на свою огромность и мощь, заранее видя в противнике не

столько соперника, сколько просто жертву. Крупные войны нами тоже давно не велись. Война идёт уже почти пять месяцев, а смысл её я для себя так и не выяснил. Наверное, всё гораздо проще, чем я думаю. На мою страну напали и я обязан её защитить. Как было до меня и как будет после. – В этот момент Владар осознал всю простоту ситуации и ему даже стало легче. Не было какого-то высшего смысла. Война оказалась настолько простой, что вопрос: «Зачем она?» больше не стоял. Просто нужно было защищать свою землю от врага, а остальное – это пустые рассуждения тех, кто умирать за свою землю и народ не хочет или просто боится.

Бывшие местные жители, которых удалось разыскать до начала похода, вели войска тропами и дорогами, известными лишь им одним. Часто эти дороги оказывались заросшими, потому что после оставления Малой пристани по ним стали меньше водить стада и вообще эти места стали пользоваться дурной славой. Хотя, пока люди их не сторонились, земли эти считались прекрасными для отдыха, с целебным воздухом, который был таковым благодаря кустам лечебницы, росшей здесь в изобилии. После того, как люди стали обходить эти ярко-зеленые холмы и васильковые поля, они стали пользоваться дурной славой, их признали «гнетущими» и, будто в подтверждение молвы, солдатам на марше даже не хотелось говорить друг с другом, но только думать о своем, чем-то сокровенном и всегда важном. Лишь потом оказывается, что человек забыл, о чем так много размышлял. Ночью

шли, днем останавливались для отдыха, маскировались.

Утром, после отряда князя Страмира, в поход выступил император со своей армией. Здесь никто не боялся быть замеченным. В районе Малой пристани было несколько дозоров кочевников, кроме них там были еще не ушедшие далеко матросы и пассажиры флота кочевников, разбитого шестью неделями ранее. Они сбивались в отряды, одни из которых шли на запад, другие на юг, в надежде встретить своих. Были и третьи, которые устали от войны и возвращаться в войско не хотели. В чужом краю, напуганные, они строили себе временные жилища, некоторые из них находились в Малой пристани. Обнаружив приближение императорского флота, они оставили свои землянки и лачуги, посчитали за благо искать новых укрытий. Некоторые из этих дезертиров решили вернуться, не обнаружив в себе сил метаться между двумя противными друг другу силами, так, что обе были им скорее вражьи, чем дружественными. Словом, не успел первый солдат Империи сойти на землю с палубы корабля, а гонец уже скакал в Наппар, сообщить о высадке императорской армии. Однако отрядам князя Страмира всё же удалось уйти незамеченными. Всё внимание номадов было приковано к лагерю армии Императора, кочевники считали количество костров, палаток, пытались хотя бы примерно сосчитать силу армии, становящейся лагерем в Малой пристани.

Глава 25. Пир на корабле

Галсаф помнил о своей договоренности с Кемешом с Бе-

лого побережья, конечно, чтобы не привлекать внимания, он собирал вокруг себя недовольных. Их всегда достаточно. Люди недовольны текстом, чей автор сам Сефер, что говорить о книгах, которые своими делами пишут смертные. На его ладье или в шатре собирались знать, драммиаты, главы отрядов инженеров, много выпивали, ели и обсуждали ход войны. Все были недовольны. Но недовольны по-разному. Часть хотела решительного боя, где либо император и вся знать империи поднимутся к Сеферу, либо Хунхар будет отправлен к Малаку. Другая часть устала от войны, хотела вернуться в свои имения, к мягким подушкам, вину с корицей и наложницам, отдать ради этого возвращения едва не все, что захочет повелитель номадов. Если будет нужно, Хунхару даже можно присягнуть, как новому Императору. При условии, что земли, подушки, вина и наложницы останутся за прежними хозяевами. Владар был осведомлен об этих разговорах и настроениях части знати, из всех сил пытавшейся казаться военной знатью, а не знатью паразитирующей на теле Империи, совсем небольшой частью ее жителей. Государь не предпринимал против них ничего, считая, что лучше держать недовольных на виду, дав им почувствовать свою мнимую силу и столь же мнимую вседозволенность. Вот и теперь, собравшиеся на корабле Галсафа, обсуждали текущие дела, ожидая своей очереди на высадку.

– Разделить армии! Что можно было глупее придумать? Проще послать солдат Империи биться с неприятелем по од-

ному. Нет. Его Величество не хочет уничтожить неприятеля одним ударом, это было бы слишком просто. Мы будем сражаться ночью, со спящими, или попытаемся ударить неприятелю в спину и об этих-то победах сообщить в Галиар. Такова теперь императорская доблесть. Хорошо хоть предки наши этого не видят. Иначе они бы еще раз покинули Ар-эц. – говорил граф Дисалбелис, один из немногих действительно военных людей в том собрании. Многие из присутствующих ему были неприятны, но граф дорожил возможностью общаться с такими же как он недовольными, пусть и не все среди них были стоящими людьми. К тому же у князя императорской крови Галсафа всегда подавали хорошие напитки, любовью к которым граф Дисалбелис славился. У него в этом смысле было еще одно достоинство. Он мог выпить много и напиток никак на него не действовал. Однажды он даже пил на спор с кем-то из своих солдат и, к общему восхищению офицеров и рядовых, выиграл. Дисалбелис относился к тем солдатам, которые считают всякую военную науку лишней, а лучшим способом ведения войны – простую сшибку в чистом поле. Лицо его хранило печати этой веры: шрам на левой щеке и отрубленная часть правого уха были лучшими свидетельствами личной доблести и отваги этого солдата. Волосы его были каштанового цвета, короткие. Сам он был роста небольшого, широкоплечий и большерукий, с огромными кулаками. Впервые принимал участие в серьёзном бою в девять лет, был вынужден защищать свою жизнь

при нападении разбойников в дороге. Тогда впервые убил человека.

– Граф, тише, не забывайте. Кто даст гарантию, что здесь нигде нет агентов князя Страмира? – графа пытался успокоить один из драммиатов, Хорасин.

– Я дам такую гарантию. На моем корабле вы можете не боясь говорить все, что думаете. Владар решил всех запугать, но у него не получится. Мне стало известно, что скоро, из-за войны, начнут отбирать имения, земли, имущество, продавать, а деньги расходовать на военные нужды. И я не стану молчать об этом. – Фразы эти, сами по себе высокопарные, даже карикатурные, были карикатурно произнесены Галсафом. Ему нужно было сыграть роль, но он не справился. Он солгал. Также, как лгал за тысячи верст от него Ялган Маязинский. Но если Ялган с ложью справился сам, солгал убедительно, то Галсафа, лгавшего плохо, спасла ложь сама по себе. Ведь люди крайне охотно верят лжи. Особенно большой лжи.

– Да, я тоже об этом слышал. В столице такие слухи ходят едва ли не с начала войны. – подхватил ахон Халим. Ахоны, помощники по личным и служебным делам были необходимы государственным мужам. Ахоны были у многих зераклитов, коммитов провинций, легиатов и драммиатов, коэнов, богатых купцов и промышленников. Князь Галсаф не нуждался в ахоне, с немногими своими делами он справлялся сам. Но, с начала войны, чтобы угодить Владару, назна-

чил ахона и себе. Им стал старый друг Галсафа, драммиат Халим. Когда-то они вместе обучались военному ремеслу и сдружились благодаря общей любви к игре в кости. Вообще Халим был сыном дворцового повара, мать его тоже работала на дворцовой кухне. Общенье простолюдина и мальчика с императорской кровью в жилах воспринималась нормально. Дети – это всегда в первую очередь дети, а уже потом они дети своих родителей, внуки бабушек и дедушек и так далее. Часто из детей простолюдинов вырастали достойные и преданные сподвижники императоров и других государственных мужей Империи. Однако в данном случае Галсаф, незаметно для себя и других, воспитал себе идеального напарника в прожигании жизни. Так бывает. Слабый дух не смог противиться соблазну. Родители Халима видели, что их сын предан развлечениям куда больше, чем заботе о своём будущем, но изменить уже ничего не могли. Виноваты они в этом не были. Просто работа отрывала родителей от ребёнка. Отец, когда сын ему нагрубил, ударил его. Последний нажаловался своему другу. В итоге, повара самого едва не высекли, случайно об истории узнал император и всё разрешилось благополучно. Галсаф получил справедливую порцию розг. Но характер мальчишек от этого лучше не стал.

Халим был в армии не с самого начала войны и поэтому больше других знал последних столичных новостей – Все хотел рассказать об этих слухах, но не получалось, каждый раз что-то мешало.

– Да, эти новости похожи на правду – ответил Хорасин, – интересно, что будет дальше. Не удивлюсь, если оправдываясь военными нуждами, император разгонит Верховный Синклит Империи и станет единоличным правителем всего государства

– Ну, что за вздор, – смеялся граф Дисалбелис. – Кажется, сколько существует Верховный Синклит, столько ходят эти слухи. И распускают их зераклиты, а не сторонники императора. Его Величество крепко держит власть в руках, зачем ему разгонять Синклит?

– Именно потому, что, как вы, граф, верно выразились, император крепко держит власть в своих руках. – Галсаф медленно подводил к той теме, ради обсуждения которой собрал гостей на своем корабле и тратил на них продукты и вина из своих лучших запасов. – Он держит ее так крепко, что даже дышать трудно. Вы не чувствуете? К тому же, военные таланты государя оказались не столь хороши, как все ожидали. И не ищите ему оправданий, посмотрите вокруг, огромные территории потеряны. Мы должны что-то предпринять, иначе погибнем, если не от своего повелителя, то от Хунхара. Владару не под силу с ним справиться. – Гости затихли. Всего их было около пятнадцати человек. Каждый из них имел определенное влияние в войсках, а все вместе, действуя сообща, они являли собой серьезную силу, за которой могла пойти значительная часть армии. Галсаф тоже молчал. Кто-то из гостей наконец сказал:

– Ваше высочество, нам кажется, вы не договорили. – Галсаф выдержал паузу. Будто не хотел говорить.

– Да. Я не договорил. Есть вещи, которые говорить очень непросто. Но нужно. Для всеобщего блага. – Князь императорской крови говорил медленно, делая паузы, стараясь сделать свою речь более тяжелой, убедительной. – Мы много обсуждаем, но это все лишь разговоры, а разговоры и домохозяйки ведут. И те, по правде говоря, гораздо чаще переходят от слов к делу, чем некоторые мужчины. Я не ошибусь, если скажу, что в этой каюте сейчас находятся одни из достойнейших и славнейших представителей имперской знати. Неужели мы так и будем всегда лишь бесправными исполнителями, имеющими свободу только обсуждать то, что считаем нужным.

– Ну, это уже само по себе не мало. – Кто-то из гостей решил пошутить, но его шутка осталась не оцененной. Галсаф продолжил:

– Ведь очевидно, что нынешнее руководство Империи действует ей во вред. Не наша ли задача, как сыновей нашей земли, изменить ситуацию?

– Ваше Высочество, думаю, Вы понимаете, о чем вы сейчас говорите, к чему призываете? – Голос драммиата Хоросина был серьезен, хотя самого его видно не было, от Галсафа его отделяла толпа гостей. – Вы можете гарантировать, что на берегу нас не схватят агенты князя Страмира?

– Если никто из этих пятнадцати человек им ничего не пе-

редаст, то могу. А все здесь присутствующие будут молчать.

– Откуда такая уверенность? – спросил друга Халим.

– Любой, кто скажет, что участвовал в таком собрании, а отныне мы все заговорщики, будет подвергнут пыткам. Здесь есть желающие отправиться на дыбу? – Князь императорской крови обвел всех взглядом. – Не вижу здесь таких. И потом, даже если кто-то решится рассказать о нашем заговоре, ему еще должны будут поверить. Здесь собрана такая публика, которую едва можно заподозрить в желании поднимать мятеж. И я не предлагаю мятежа, я предлагаю арест императора и отправку его в почетную ссылку. Мы ведь не цареубийцы. Сам я на власть не претендую. Никогда не стремился и сейчас не стремлюсь. Мои пристрастия всем известны. Мы с вами их разделяем. Поэтому вы здесь. – Галсаф показал рукой на кувшины с винами, корзины с фруктами и изысканными яствами, присутствующие заулыбались, некоторые даже хмыкнули. – Власть я предлагаю отдать Верховному Синклиту Империи.

– То есть Вы предлагаете забрать власть у Императора и передать ее Верховному Синклиту Империи? Я правильно понял Вашу мысль? – граф Дисалбелис смотрел на Галсафа с недоумением. Графу не понравилась идея ареста императора, хотя он и был многим недоволен.

– Нет, не правильно. Граф, вы бы меня лучше просто называли кретином, чем задавать такие вопросы. Было бы чест-

нее. Нет, не просто так. Каждый из нас получит возможность влиять на решения Синклита, не говоря уже о достойном материальном вознаграждении. Очень достойном. Поверьте.

– Ваше Высочество, в этом деле замешан Верховный Синклит? И я ничего об этом не знаю? – ахон Халим был немного обижен таким отношением со стороны близкого друга. Даже Халим, считавший себя лучшим другом Галсафа, впервые слышал о таких его планах.

– Извини, не мог тебе сказать ничего, пока не проверил все и всех, кого было нужно. Да, в Верховном Синклите у нас тоже есть сторонники. Там сидят такие хитрые лисы, что управлять переворотом не советуясь с ними было бы опасно. – Галсаф незаметно для себя самого начал вести рассказ так, будто он отправлял людей в столицу для связи с зеркалитами, а не наоборот. Ему льстила роль ведущего в столь важном, сложном и опасном деле.

– А почему бы не уговорить или заставить императора подписать отречение? В пользу Синклита, или даже в Вашу, Ваше Высочество? Арест – дело очень хлопотное. Это насилие, как бы его не называли. Нас самих могут за такую попытку арестовать и повесить. Хорошо, если повесят сразу. – Хорасин зеркалитов не любил, но не любил и Императора, поэтому хотел убедить Галсафа взять власть в свои руки.

– Идея отречения крайне интересна. – Хозяин корабля прищурил глаза – Я даже не знаю, почему она раньше не приходила в голову мне, или нашим союзникам в столице.

Отрекаться Император должен будет непременно в пользу Синклита, и ни в чью больше. Не забывайте, у нас идет война, хотя мы и смягчаем, как можем, ее тяготы, но нельзя забывать, что есть угроза усиления этих тягот, если мы будем проигрывать и дальше. Синклит имеет силу, которой я, к сожалению, а, скорее, к счастью, похвастаться не могу. Если Синклит откажется меня поддержать, а он откажется, то наступит полный разлад в Империи и тяжесть последствий вообразить себе будет трудно.

– А если заставить императора отречься в Вашу пользу, а Вы, в свою очередь, сразу отречётесь в пользу Синклита? Не ясно только, что скажет на это армия, кого поддержит. В симпатиях к Синклиту среди военных мало кого можно заподозрить. А Вы – князь императорской крови, за Вами могут пойти. При условии, что сам Император обозначит, назовёт Вас как своего преемника. – Хаилиму очень хотелось быть близким другом Императора. Даже если Галсаф пробудет Императором совсем недолго. Вдруг удастся его переубедить? Но Галсаф стоял на своём.

– Нет, к чему всё так усложнять? Если Император отречётся в пользу Синклита, никаких больших трудностей нас не ожидает. По крайней мере, я на это искренне надеюсь. Армия – это солдаты, а солдаты пойдут за своими командирами. Командиры стоят передо мной. Если вы примите власть Верховного Синклита Империи, то и армия примет. Даже, если не все, то часть. И часть лучшая. Думаю, никто из при-

сутствующих в этом не сомневается – Галсаф улыбнулся. – Вы согласны участвовать в этом деле?

– Ну, теперь мы не можем просто разойтись по своим местам, будто ничего не было, – Драммиат Атул стоял посреди каюты, держа руки за спиной. – Князь, Ваши люди славно потрудились, Вы действительно собрали тех, кто пойдёт на такой шаг. Впрочем, я могу говорить только за себя. И я говорю, что согласен. – Атул протянул руку князю Галсафу. – Я пойду за Вами и считаю дело, предпринимаемое Вами, справедливым.

Вслед за Атулом по очереди, все пятнадцать человек, присутствовавших в главной, парадной каюте князя Галсафа, подошли к нему и протягивали свою руку. Последним, в сопровождении троих единомышленников, подошёл граф Дисалбелис.

– Ваше Высочество, мы принимаем Ваше предложение. Но я хочу, чтобы все, здесь присутствующие знали, что я и мои соратники, мы не испытываем никаких симпатий к Верховному Синклиту Империи и идём на поддержку отстранения от власти государя только при условии сохранения его жизни. Мы не хотим власти Синклита, но мы хотим спасти Империю. Если для этого понадобится наделить большой властью Верховный Синклит Империи, мы готовы на это пойти. Но только на короткий срок. И ещё. Какие-либо действия мы требуем предпринимать не иначе как после битвы за Наппар. Осуществлять переворот во время проведе-

ния такой серьёзной и важной военной операции – преступление, которое ничем оправдать нельзя. Надеюсь, мы никого не оскорбили своим тоном или содержанием сказанного? – В ответ Галсаф сначала немного помолчал, потом сказал:

– Ваши требования справедливы. Думаю, Вы никого не оскорбили. Главное, Вы с нами и это важно, ведь с вами мы сильнее, чем без Вас. Вот что главное. Сейчас я прошу всех отправиться к своим отрядам, высадка скоро начнётся. Никто, разумеется, не должен знать о наших разговорах. В качестве общего повода для нашего собрания предлагаю всем называть пир во Славу Империи, где мы пили вино и, возможно в последний раз, наслаждались жизнью. Ведь кто из нас знает, чья книга жизни заканчивается битвой за Наппар? – на этом собрание у князя Галсафа закончилось. Ему действительно удалось объединить самых разных людей. Так же, как это было в столице, во время захвата власти зераклитами. Среди его гостей в ту ночь не было людей случайных, все были в той или иной степени знакомы между собой. Да, они не увели бы за собой всей армии, но у них были силы начать дело.

Галсаф не представлял себе как поступать, если Наппар будет взят. Позиции Императора укрепятся, и будет безумием пытаться заставить его отречься. Но ненависть к брату, гордость, уязвленное самолюбие заставляли князя императорской крови обдумывать возможные варианты действий. Будто какой-то злой, демонический голос, тихо, но настой-

чиво убеждал его в правильности и справедливости задуманного, в том, что здесь любые средства будут хороши. Галсаф, всегда страшившийся ответственности, но в душе считавший себя не хуже Владара, почувствовал, что за ним готовы идти, сам решил ни перед чем не останавливаться. Если заговорщикам нужно поражение под Наппаром, они получают поражение под Наппаром. Пусть это будет та жертва, которую нужно заплатить для спасения Империи. Предательство во имя чего бы то ни было, всегда остается предательством, которое нельзя ничем оправдать. Можно ли разделить подлость и предательство? Нет. Даже если в жилах предателя течёт благородная императорская кровь. Но если подл сам дух, то никакое происхождение спасти не сможет. В человеческих головах часто происходят удивительные подмены. Если для обновления страны, она должна погибнуть и потом, возможно, восстать, обновлённая из золы пожарища, то одержимые идеей пойдут на уничтожение государства, погибнут в костре обновления и уже не увидят страшной жатвы, которую будут пожинать оставшиеся жить.

Высадка прошла быстро. Заранее были высланы дозоры, чтобы обезопасить армию от внезапной атаки кочевников. С отрядом князя Страмира связь поддерживалась через соколов. Они летали так высоко, что заметить их с земли было невозможно. Таких соколиных писем было послано два, чтобы удостовериться, что обе армии успевают выйти к месту, у которого планировалось провести битву. Ответ был получен

положительный. Всё шло согласно плану.

Глава 26. В Наппаре

Хунхар находился во дворце Закхалю, когда ему сообщили о высадке на Малой пристани. Король номадов обрадовался такой новости. Он хотел сам сразиться с императором Владаром. Он хотел убить его. И тем самым ещё больше унижить всех, стоявших на защите Империи, показать их слабость. Однако после ему пришла в голову другая идея – захватить Владара в плен и в клетке возить по захваченным городам, а после захвата столицы казнить его перед императорским дворцом, вместе со знатью, которую Хунхар презирал, как и всё, что касалось Империи. Всем тамнакам, командирам отрядов в тысячу наездников, дали указание захватить в Владара плен.

Дворец Закхалю пришёлся Хунхару по вкусу. Раэль же, едва вошёл внутрь, возбудился, подошел к Хунхару.

– Она была здесь. Рукопись. Я чувствую её. Совсем недавно, она находилась среди этих стен. Недолго. Прикажи владельцу дворца прийти к тебе. Я буду говорить с ним.

Закхаль встретил Хунхара, но сопровождать короля ему не позволили. Закхаль, видевший короля номадов в первые минуты знакомства, испытал страх. От Хунхара веяло мертвенной силой, необоримой, казалось Закхалю. Но уже через несколько минут страх пропал и Закхаль испытал другое чувство, не знакомое ранее – желание служить. Да, служить

этому, то ли демону, то ли человеку. Служить и через служение ему стать причастным той жуткой силы, которой обладал повелитель орды, которая стала вдруг так мила и желанна Закхалю. Это была мощь, которую он давно искал неосознанно и понял, что был все время в поиске её, только когда она сама его нашла.

– Повелитель, Вы звали меня. – Закхаль не смотрел на кагана, но опустив глаза, направлял взгляд в пол, застланный мягкими, пышными коврами.

– Да, к тебе есть несколько вопросов. – Закхаль не знал, Хунхар ли это говорит, или кто другой. Он был сбит с толку тем, что эту фразу ему шептали в уши, Хунхар же находился в противоположном углу комнаты и не мог говорить шепотом, Закхаль просто ничего бы не услышал. И вновь Закхаль ощутил холод и страх, будто чьё-то ледяное дыхание жгло его кожу. Голос продолжил шептать: – Скажи, Закхаль, была ли когда-либо в твоём доме рукопись, много ли у тебя рукописей? – голос шептал то в одно, то в другое ухо, спрашиваемый оглядывался, но никого не видел. Хунхар же по-прежнему стоял в противоположном углу комнаты и смотрел в окно. Закхаль переборол страх или, скорее, страх сам стал немного меньше, будто страх был живым и сам решал, как сильно пугать человека. Хозяин дворца счёл за благо не задавать лишних вопросов, а отвечать, пускай даже не понимая, кто на самом деле с ним разговаривает.

– Да, повелитель, у меня есть рукописи. Много, самых раз-

ных. Я люблю рукописи хорошей работы, давно собираюсь их. Моя библиотека расположена на третьем этаже дворца и находится в Вашем полном распоряжении, господин.

– Конечно она в нашем полном распоряжении, это очевидно и больше не трать время на лишние слова. Теперь иди. Вернёшься сюда через час. – Закхаль вышел молча, справедливо решив, что теперь будет говорить с Хунхаром лишь в случае необходимости, стараясь больше слушать его. Он не знал, зачем варварам понадобилась библиотека. Когда-то он слышал, что номады ждут рукописи, топчут их, протыкают копьями, но здесь, кажется об этом речь не шла.

Раэль со своими помощниками, набранными из инженеров, получивших от демона способность узнать, но не прочесть рукопись Пути, отправился в библиотеку дворца Закхали на поиски желанной книги. Книгохранилище действительно оказалась внушительным. Огромный зал, с потолками высотой семь метров, его площадь была разбита на своеобразные квадраты, учитывая размер всего помещения, эти квадраты напоминали скорее даже кварталы, границы которых маркировали книжные шкафы. Шкафы были разной высоты, от трёх до семи метров, достававших до потолка. Внутри кварталы из книжных шкафов были пронизаны довольно узкими проходами, у каждого шкафа стояла лестница, чтобы добраться до верхних полок. Строго учёта рукописям не велось. Закхаль любил рукописи, но читал совсем не много для человека, собравшего столь внушительную библиотеку.

Для него она была показателем статуса, престижа, но не хра­нилищем мудрости. Богач содержал штат хранителей, библио­текарей, священников. Он обязан был их содержать по закону Империи. Ведь библиотека – это еще и святилище. Закхаль смотрел на эти законы с улыбкой, как помним, он поставил на кон рукопись в настольной игре, что было бы просто немыслимо для соблюдающего правила веры. Однако владелец собрания к таким не относился. Наар и Кавэд согласились играть лишь потому, что выбора у них не было. Кедиру было всё равно. Здесь он был близок к Закхалю, и причин не ставить на кон рукопись не видел. Штат храните­лей, библиотекарей, священников был небольшим, а увели­чивать его Закхаль не хотел, считал это лишней тратой де­нег. Если вдруг возникала необходимость, он мог временно нанять еще хранителей, но после всегда их увольнял. Сло­вом, никто не мог точно сказать, сколько в библиотеке Зак­халя хранится рукописей, десятков или несколько десятков тысяч. Тем более, найти нужную, одну, конкретную, пред­ставлялось совсем возможным делом. Начало коллекции бы­ло положено при покупке дворца. Он купил их у предыду­щего владельца, торговца маслом, Ойла Кадиффа. Во время землетрясения чудом не пострадал его дворец, но погибла вся семья, находившаяся в другом здании. Ойл решил, что не сможет больше жить в городе, продал дворец вместе со всем, что там было, и уехал на восток Империи. Куда имен­но – никто не знал. Именно его коллекция послужила нача­

лом для библиотеки Закхаля. Справедливо можно было говорить, что в ней были углы, в которых человек не появлялся добрую сотню лет. Там можно было бы работать год и не найти искомого. И зачем туда идти на час, Закхаль никак не мог понять. Решил, что, гости просто не представляют размеров его коллекции и, когда он придет через час, его будут просить о помощи.

Раэль, со своими помощниками, которых было несколько сотен, просто ходили вдоль книжных шкафов, готовые почувствовать рукопись. Сам Раэль обратился в невидимое облако и летал по библиотеке, проникая в щели между книгами, обволакивая книжные шкафы туманом, а потом медленно перетекая к другим шкафам. Инженеры ходили быстрым шагом, сосредоточенные, готовые в любой момент почувствовать присутствие манускрипта. Они не знали, почему они делают то, что делают, Раэль им не открылся, они были им одержимы, но держать их демон мог не долго, все же его силы были далеко не безграничны. Хотя Раэль и стал сильнее, чем был, когда только пришел в мир людей из заключения вне человеческого мира, однако, он был не так силен, чтобы долго удерживать в повиновении много людей. Но демон к этому стремился. Немногим больше, чем за час, вся библиотека была осмотрена. Инженеры очнулись от своего морока и вернулись в дома, где они остановились. Никто ничего не помнил, о посещении библиотеки во дворце Закхаля. Такая же процедура происходила каждый раз, при за-

хвате города с большой библиотекой, но, как и раньше, рукопись найдена не была. Всё же, впервые после Таирасса Раэль чувствовал, что она находилась здесь.

Когда дух вернулся в комнату, где час лишним назад они расстались с Закхалем, Хунхар сообщил, что хозяин дворца ждет приглашения войти.

– Входи. – прошипел Раэль. Дух был недоволен. Пауки, которые тоже были в библиотеке и ползали между полок в поисках книги Пути, вернулись и, сидя на потолке, смотрели вниз на Закхалю. Тот их не видел, но зато заметил ворона, сидевшего на широком подоконнике перед королем номадов.

– Скажи мне, Закхаль, все ли рукописи ты мне показал, ничего не утаил? – Голос был тот же, что хозяин дворца слышал в первый раз, но теперь он звучал напряженнее, в нём слышалась угроза.

– Нет, это всё. Разве что, какие рукописи могут лежать в разных комнатах дворца. Но я сейчас прикажу слугам, они быстро всё осмотрят и принесут, куда скажете, повелитель. – Закхаль почувствовал, что его голос дрожит, против его воли. Он сконцентрировался и сумел взять себя в руки. Он согласен был бояться, но не дрожать от страха.

– Ты не пытаешься нас обмануть, глупец? Это было бы крайне наивно и смертельно опасно для тебя. – Голос Раэля звучал мягче и это была та мягкость, с которой палачи иногда обращаются к своим жертвам, пытаясь сделать их сго-

ворчливее и лишит страшных мук. Но если жертва упорствует, то ласковый несколько секунд назад мучитель показывает все свое мастерство, так что все тело несчастной жертвы превращается в комок боли. Дрожь в очередной раз пробежала по телу Закхаля.

– Нет, господин. Всё, что есть в этом дворце – все ваше и нет ничего, что я бы прятал от вас.

– Мне не нужно все, что есть во дворце. Мне нужна рукопись, ты хорошо слышишь меня? – Закхаль чувствовал, как какие-то ледяные щупальца наматываются на его шею, лезут в уши, ноздри, пытаются выдавить глаза. Вдруг яркой вспышкой в его голове появился образ той рукописи, которую он проиграл Кедиру.

– Была, была одна рукопись – прохрипел владелец дворца, сдавливаемый невидимыми то ли щупальцами, то ли веревками. Хватка стала слабеть. Он продолжил. – Около месяца, трёх недель назад мне принесли рукопись. Специальные хранители обходят рынки и лавки Наппара... – кольца вокруг шеи начали сжиматься, кто-то шепнул в ухо:

– Ты говоришь много лишнего, будто у тебя много времени. Я бы не был так уверен на твоём месте. Где рукопись сейчас? – Закхаль с силой выдавливал из зажатого горла слова:

– Её нет во дворце, мне пришлось отдать ее. – В глазах начало темнеть, ноги становились будто бескостными, отказывались держать тело. Мужчине казалось, что он сейчас рухнет.

– Хорошо. Вот теперь, рассказывай всё, что связано с рукописью.

Щупальца ослабили хватку, Закхаль упал на колени, схватившись руками за горло. Отдышался и продолжал рассказывать, стоя на коленях.

– Около трёх недель назад мне принесли рукопись. Это была обычная рукопись, ничем не примечательная. Я даже не знаю, зачем её купил мой хранитель. Потом оказалось, что рукопись была украдена у какого-то приезжего библиотекаря. Он пришел просить ее назад. Вернее, за него говорил начальник охраны караванов, Кедир. Он наемник, отличный воин. Ещё с ними был какой-то монах, но его имени я не запомнил. Я предложил им сыграть в игру и проиграл эту рукопись.

– Где она сейчас?

– Точно не знаю. Этот Кедир оскорбил меня, я хотел ему отомстить, послал своих людей следить за ними. Мне доложили, что все трое, юноша, Кедир и монах, отправились с караваном через пустыню Маниамму в Бэлду. Мои люди должны были расплатиться с ними за оскорбления, во время одного из переходов по пустыне. Однако известий я никаких от них не получал. всё больше во мне крепнет уверенность, что теперь я должен мстить ещё за убийство верных мне людей. – Здесь Закхаль был прав лишь наполовину. Одного убийцу действительно убил Кедир. О существовании второго друга догадывались. Второй убийца хотел нанести удар позже, вы-

ждав момент, когда путешественники забыли бы об угрозе. Но Сефер закончил книгу жизни того человека рассказом о нападении Бахгу на караван в Бэлду, шедший через пустыню Маниамму. Закхаль о нападении жуков, а потом и разбойников, ничего не знал, но предполагал, что могло произойти нечто подобное.

Раэль был почти уверен, что речь шла о рукописи Пути.

– Что им было нужно в Бэлде? – то же шипящий голос прозвучал над головой Закхаля.

– Не знаю, они не говорили, а мне не было дела, чтобы спрашивать. Господин, – Закхаль не знал, к кому он обращается, к Хунхару или к владельцу голоса. А может это всё же говорил Хунхар? – Господин, прикажете мне найти тех троих, отправиться в пустыню. Я соберу отряд и найду их.

Теперь отвечал Хунхар. Голос его был подобен шуму брони десятков тяжеловооруженных конников, несущихся в атаке.

– Я дам тебе шанс. Если справишься – сможешь называться моим слугой. Если не справишься – умрешь. Возьмешь своих людей и часть моих. Я хочу быть уверен, что у тебя будет достаточно сил, чтобы преодолеть любые трудности. Иди и помни, я буду знать о каждом твоём шаге. Торопись. – Закхаль встал на ноги, но головы не поднял, и так вышел.

С того момента прошло две недели, от Закхаля пришло письмо, что ему удалось напасть на след каравана, и должны были быть ещё письма, но Хунхару пришло известие о вы-

садке императорской армии.

Глава 27. Побег

В камере Наар осмотрелся. Двое из троих узников, сидевших в той же камере, спали, третий сидел на полу и что-то чертил камнем на земляном полу.

– Ты молишься? – Наар спросил у незнакомца о первом, что пришло в голову при виде человека в заключении, то ли пишущего, то ли чертящего.

– Да, – коротко ответил сокамерник и продолжил чертить. Наар сел рядом, поискал еще камень, найдя, начал тоже писать молитву. Минут пять он писал, но понял, что сконцентрироваться не может. Слишком много мыслей в голове. Он бросил камень в угол и шепотом, негромко обратился к новому знакомому.

– Давно здесь? – сокамерник сперва не отвечал, а потом положил камень рядом с собой, не отводя глаз от написанного текста, ответил:

– Неделю.

– Как зовут?

– Даргал.

Даргал тоже был пригож собой. Даже слишком пригож для человека, неделю проведшего в камере. Тонкие длинные пальцы и женоподобное лицо, на мгновение Наару показалось, что перед ним девушка. Расспрашивать было неловко, но Даргал, казалось, отвечать не тяготился и Наар решил продолжить.

– Ты писец?

– Да, писец, библиотекарь и жрец. Ты, как я понял, тоже?

– Да, я тоже. Как ты сюда попал и почему уже неделю здесь? Почему еще не купили? Разве не должны сразу покупать? – Наар забрасывал вопросами собеседника. Некоторые ему казались довольно глупыми, но первое возбуждение не позволяло сформулировать их лучше.

– Откуда мне знать, сразу покупают, или нет. Я же библиотекарь, как и ты. И я совсем не расстроен, что здесь нахожусь. Камера лучше, чем гарем какого-нибудь развратника. – Даргал грустно улыбнулся.

– Согласен. Бежать думал?

– Думал. И сейчас думаю. Но как, еще не придумал.

– А эти двое кто? – Наар кивнул в сторону спящих.

– Они здесь три дня. Матайя и Спузес. Тоже из каравана, как и я. Только шли в Наппар.

– Понятно. – Наар начал внимательнее оглядываться в камере. – Ты совсем не пытался бежать отсюда? – Наар тихо пошел вдоль стен, ощупывая и осматривая их. Он не видел Даргала, но почему-то понял, что тот сейчас улыбается.

– Пробовал, только это не получится. По крайней мере, у меня не получилось. Здесь толстые стены и крепкие двери. В любой момент могут войти, и я не знаю, что тогда произойдет. Подкоп не вырыть. Кроме того, что у нас нет для этого достаточного количества времени, кучу земли в каме-

ре не спрячешь. Даже если нам удастся выломать решетку в том небольшом окне, у самого потолка, едва ли кто-то из нас сможет в него протиснуться. Вот так, перебрав все возможные варианты, я пришел к тому, что лучшим для меня способом проводить сейчас время будет молитва, – Когда Даргал закончил говорить, Наар стоял посередине камеры и оглядывался по сторонам, смотрел то на потолок, то под ноги. Потом подошел и сел рядом с Даргалом.

– А эти двое, что делают, когда не спят?

– Сидят и молчат. Иногда о чем-то перешептываются. Хотя шептались они лишь в первый день, будто боялись меня. Сейчас уже говорят свободно. Они смирились. Просто ждут, когда их купят. Ещё много спорят. Оба из крестьян, им приходилось много работать, тяжелый физический труд. Так Матайя, это тот, который крупнее, уже смирился, сказал, что лучше в гарем, чем обратно в сараи, смотреть за домашним скотом или землю пахать. Мол, он этого уже натерпелся, сил больше нет и лучше немного унижения, зато жить по-человечески. Второй, Спузес, едва драться с ним не лезет. Нет ничего лучше и приятнее, говорит, чем честный труд. Если его кто купит, сказал, задушит того человека. А позора вынести не сможет.

– И сильно спорят?

– Да не очень. В меру. Даже не спор, а обмен мнениями.

– Ясно. Но я, все-таки, хотел бы отсюда выбраться. Понимаешь? Отсюда нужно выбираться. – Наар не мог сказать,

почему он начал убеждать в этой очевидной вещи своего соседа. На самом деле, должно быть, он убеждал себя, подбадривая себя. Ведь ситуация казалось безвыходной. Даже если всем четверым, сговорившись, удалось бы обезоружить конвой, то это вовсе бы не означало, что им удалось бы покинуть тюрьму. Одолеть всю тюремную охрану они не смогли бы в любом случае. Ещё Наар очень переживал о рукописи. Как ее сохранить? Куда спрятать? А потом решил не прятать. Будто опомнился. От кого же ее прятать? От Даргала ли? Так он сам библиотекарь, священник, для него манускрипт это, в первую очередь, святыня, а потом то, что можно продать. Матайя и Спузес воровать ее не станут. Зачем им? Продать они его не смогут, им самим это ясно. У раба вещь проще отобрать, чем купить. Свободного человека перестанут уважать, если узнают, что он торгует с рабом. Такая ситуация возможна, если раб действует от имени свободного человека, но в Кар-аб-Дабире это встречается крайне редко, а в Империи рабство запрещено. Так Наар показал манускрипт Даргалу, тот начал с почтением и благоговением его рассматривать. За дверью слышались шаги, Наар забрал рукопись, в два прыжка достиг стены и засунул рукопись под циновку, там лежавшую. Лязгнул замок и в камеру вошел огромный конвоир:

– Собирайтесь, красавицы. Пора на рынок, – Верзила подошел к спавшим и грубо начал их расталкивать. – Эй, вы тоже, всех касается, выходите. – Пленникам связали руки

одной общей веревкой и вывели к круглому постаменту, огромному жернову, который служил своего рода постаментом для "товара". Картина была той же, что Наар видел накануне, только теперь вместо солнц её освещали луны и костры. Огня вокруг невольничьей тюрьмы было много. Он был в кострах, факелах, маленьких светильниках. Вокруг жернова было особенно много огней, рядом даже были врыты специальные столбы, на которых висели огромные лампы, освещавшие камень и того, кто на нем стоял. Людей тоже меньше не стало. Может даже наоборот. Хотя свет от огня, разгоняющий тьму ночных улиц имеет удивительное, едва не магическое свойства увеличивать количество чего-либо. Две телеги уже кажутся тремя, а пять человек, идущих на встречу, воспринимаются как толпа. Было противно видеть, как многих юношей и девушек покупатели "осматривали", будто рядом никого не было, самым бесстыдным образом. Наара начала распирать, рвать на части злость. На всех. Но более всего – на Захарту. Впервые он позволил себе использовать бранные слова в отношении к наставнику. Оказалось, юный библиотекарь знал много бранных слов. Что-то прочёл в книгах, но очень много услышал в последние недели, путешествуя в караванах, общаясь с людьми в трактирах и на рынках. Наара первого погнали на круг, из одежды оставили одну повязку на бедрах. Перед камнем стояли покупатели. Самих богачей, в чьи гаремы шла молодежь с невольничьего рынка, в той толпе было мало. В основном – агенты, которые заклю-

чали сделки от имени хозяев и чьим вкусам хозяева доверяли. Невдалеке можно было заметить, как торговали рабами – чернорабочими, хотя были среди тех и ремесленники, мастера своего дела. Их также выставляли напоказ, ставили на жернов, тщательно осматривали. Среди толпы рабов Наару удалось разглядеть Кавэда. У него была разбита губа, и было не сложно догадаться, как это произошло. Монах обладал отнюдь не монашеским смирением, за которое, должно быть, ему и губу разбили. Кавэд тоже увидел Наара, поднял перед собой связанные руки, посмотрел товарищу в глаза и отвернулся в отчаянии. Юноша уже не знал, за кого он рад больше – за Кавэда, который в тяжелом положении, или за Кедира о котором ничего не известно, но который может помочь, если жив. Хотя возможно, он гниет сейчас в песках Маниаммы, где был убит при нападении разбойников. Юноша занимал голову чем угодно, лишь бы не думать о том позоре, который ему сейчас приходится переживать. Наара осматривали, хвалили, расхваливал его и продавец. В тот вечер никто парня не купил. Купили Спузеса. Какой-то среднего роста, крепкого телосложения мужчина отдал за него один махдар и два ангира. При этом стоявшие рядом другие агенты удивлялись, одни щедрости покупателя, другие его глупости, кому, что было ближе. Спузес оставался спокоен, когда его свели с жернова. Лицо было совершенно непроницаемо, лишь в глазах – бездонная тоска и под толщей маски гаснет пламя жизни. Продавец был доволен. один махдар и два ангира! За

такую цену не каждый день наложников покупают. Все расслабились. Конвоиры вели Спузеса в камеру, чтобы он забрал вещи. Вдруг тот бросился к одному из конвоиров, выхватил у него короткий меч и со всей силы всадил себе в живот, тут же рухнул замертво. На несколько секунд все будто остолбенели, смотрели, то на тело, то друг на друга, потом продавец взревел и обрушил на конвоиров самые страшные ругательства, какие только знал. Наар, не понимавший языка захвативших его бандитов, все прекрасно понял по тону и лицу продавца. Покупатель тоже был в бешенстве. Он хотел получить назад свои деньги, продавец, разумеется, этого не хотел. Солдат, у которого Спузес выхватил клинок, оправдывался.

– Он говорит. – Даргал показал в сторону конвоира, – что такое случилось впервые, он никак не ожидал ничего подобного.

– Похоже, это мало кому интересно. – Наар смотрел на продавца, который только больше расходился в гневе. – А ты понимаешь язык этих головорезов?

– Немного. Это арбин. На нём говорят некоторые племена, живущие в Маниамме.

Еще через несколько минут о солдате все забыли и ругались покупатель и продавец. Было похоже, что еще немного и они накинутся друг на друга. У каждого из спорящих появились свои сторонники, готовые поддержать, выступить за справедливость, как им казалось. Рабы, те, которых долж-

ны были в тот вечер еще продать, стояли поодаль и наблюдали. Драка, наконец, началась. Нельзя сказать, кто был виноват, кто ударил первым. Хотя, часто даже крики бывают более провоцирующими, чем попытки ударить. Громких криков в том разговоре хватало, как и тычков и взмахов руками. Уже через пару минут после начала потасовки вся площадь невольничьего его рынка превратилась в одну большую драку. Многие, желавшие свести друг с другом счеты посчитали этот момент крайне подходящим, и злоба залила торг. Первой реакцией Наара было желание бежать назад в камеру и там спрятаться, но он быстро отказался от него, выругав себя за трусость и решил, что нужно бежать к Кавэду. Каково было удивление юноши, когда его друг сам подбежал к нему и начал окровавленным ножом, валявшимся на земле, вероятно, обронённым кем-то из дравшихся или даже отобраным силой, перерезать веревку, которая связывала Наара с Даргалом и Матайей. Левая рука монаха была в крови. Наар уже приготовился бежать, но его как молнией ударило:

– Рукопись! Она в камере осталась. – Каттав развернулся в сторону тюрьмы.

– Святые письма! Ладно, давай в камеру. – Кавэд сжал кулаки.

Даргала и Матайю тоже развязали, все четверо побежали в тюрьму.

– Ты сильно ранен? – Наар обратил внимание на рану товарища.

– Нет не очень сильно, хотя рука болит. – Вдруг впереди оказались два солдата, явно бежавшие на помощь тем, кто бился снаружи. Они достали клинки и весь их вид показывал, что убийство драгоценных, но взбунтовавшихся рабов больших проблем им не доставит. Матайя вышел вперед, Кавэд с ножом, раздобытым ранее, кинулся на врага. Монах, от злости или страха, в два удара обезоружил нападающего, явно не ожидавшего такого напора от противника, но убивать не стал. Не смог. Матайя был ранен колющим ударом в бедро, но рана оказалась совсем неглубокой. Одним ударом огромного своего кулака он сшиб с ног нападавшего, а потом задушил этого солдата. Потом зарезал того, которому Кавэд жизнь оставил. Времени связывать его – не было. Тела оттащили в ближайшую открытую камеру и побежали дальше. По счастью, их камера тоже была открыта, каждый быстро схватил свои вещи и все побежали обратно, к выходу на площадь. Драка там все еще продолжалась, но было понятно, что в разных частях площадь начали действовать какие-то банды, которые в обычном городе назывались бы городской стражей. Эти банды, жестко, а часто жестоко приводили в чувства озверевшую толпу. Невольничья стража старалась изо всех сил удержать будущих рабов от попыток вырваться на свободу, но общее настроение передалось и им, безвольным, совсем недавно, существам. Но безволие было лишь внешним, внутри человек всегда будет стремиться к свободе. Выйдя из здания тюрьмы и увидев эту, то ли битву,

то ли избиение, друзья решили как можно скорее покинуть рынок. Куда бежать они не знали, однако хорошо видели, откуда следует сбежать. Несколько минут они метались по площади, сталкиваясь и спасаясь от вооруженных людей, которые просто любили хорошую драку, и им было безразлично, кто должен был вернуть или не вернуть деньги за раба, себя убившего, что послужило причиной драки и о чём уже мало кто помнил. Наконец Матайя увидел между домов, ограничивавших площадь, узкую щель, едва достаточную, чтобы в нее протиснулся человек. В эту щель и устремились беглецы. Там страшно воняло, длиной она была около пяти метров. Бродячие собаки и кошки сделали себе из этого закутка пристанище, что чувствовалось в тяжелом воздухе. В конце этого прохода высилась полуразрушенная стена. Вероятно, владельцы домов не хотели, чтобы промежуток между их домами был проходным и поэтому поставили стену. Почему они не поддерживали её в надлежащем состоянии – это вопрос, на который ответ едва ли будет найден. Как бы ни было, все четверо быстро перепрыгнули через остатки стены и побежали дальше, прочь от все еще бывших близко невольничьей площади, рынка, тюрьмы, ревущих и дерущихся людей. Лишь отбежав несколько кварталов, они перешли на шаг, заметили, что у Кавэда рука все еще кровоточит и выглядит он сам не очень хорошо.

– Надо к лекарю – сказал Даргал.

– Не надо никаких врачей. – Кавэд отвечал тоном, кото-

рый не терпит возражений. Он рвал рукав своей одежды и этим куском ткани перевязывал себе рану. – Да, я чувствую себя не в полном порядке, но рана не глубокая. Кто-нибудь представляет, где мы?

Улица, на которой оказались беглецы, была многолюдной. Что это за улица – никто не знал, все были в Кар-аб-Дабире впервые. Людей было действительно очень много, они толкались и криками требовали освободить для них дорогу. Беглецам было тревожно стоять на месте, казалось, их вот-вот должны схватить и отправить обратно в тюрьму для невольников. Хотя никаких опознавательных знаков на них не было, ни клейм, ни татуировок. Их ставят хозяева, уже после покупки.

– Так, взяли себя в руки и пойдем дальше по улице, здесь слишком много людей. Не ровен час, нас узнают. – Кавэд уверенным шагом направился вниз по улице. Только сейчас друзья заметили, что дорога то поднимается, то опускается, город стоял на холмах.

– Кто хоть немного знает этот проклятый город? Есть предложения, где нам провести остаток ночи? – Матайя не больше других переживал о еде и ночлеге, он просто озвучил те мысли, которые были в головах у других, но те не решались говорить о них, чтобы не показаться слабыми.

– Нет, я здесь никогда не был. – ответил Кавэд.

– Я тоже. – Наар шел вперед, не оглядываясь на Матайю при ответе, будто Наар всё же знал, куда идет и скоро достиг-

нет точки назначения. Но её все не было.

– Мне тоже не доводилось здесь бывать – Даргал смотрел под ноги. Было видно, что он растерян.

– Есть у меня одна идея – начал монах. Нас здесь трое писцов, двое из которых священники и один монах. Так давайте искать храм!

– А я? – обижено и с недоумением спросил Матайя.

– А ты будешь ночевать на улице. – Голос Кавэда был ровный, уверенный, будто он действительно так думал. Только улыбка на лице Наара и Даргала заставила Матайю сомневаться в ночлеге на улице. Стали спрашивать прохожих, где ближайший храм, библиотека или рукописная мастерская. Многие ничего не отвечали, некоторые посмеивались, мол, в таком городе не храм нужно искать или отвечали: "Что, решили покаяться, грехи жить мешают?" По мере наступления ночи на улицах людей становилось всё меньше, казалось, уже наступила третья ночная стража и близится четвертая, только тогда какой-то нищий, сперва решивший, что его хотят обокрасть и едва не порезавший каким-то ржавым ножом Матайю, указал на дверь дома в конце улицы, в темноте её видно не было, но все четверо так хотели найти наконец приют, что не сомневались в ее существовании.

В конце улицы действительно была дверь, но выглядела она плохо. Все решили, что такая дверь не может вести в храм. Начали колотить в дверь рядом. Через некоторое время оттуда послышались страшная ругань, угрозы и крики о

том, что выпивка закончилась. И даже если бы она была, то им, тем кто стучал, а четверых друзей явно приняли за каких-то других людей, все равно ничего бы не дали. Наар так же криком, извинился и спросил, где здесь вход в храм. Этот вопрос немного успокоил голос по ту сторону двери и тот более спокойно, но все равно с раздражением сказал, что в храм вход через следующую дверь. Все четверо извинились и сразу начали стучать в нужную дверь, рядом. Её тоже открыли не сразу. С виду хлипкая, дверь оказалась на деле прочной, и по звуку стука было понятно, что она толстая и тяжелая.

– Что за город, здесь ночью тебе скорее откроют в кабаке, чем в храме – злился Кавэд.

– Хотя священники должны были бы понимать, что многие ночью шли бы из кабаков в храм, если бы храмы были открыты в это время. – С улыбкой сказал Матайя.

Как часто случается, именно в момент отчаяния, когда друзья уже потеряли надежду попасть в храм и смирились с ночлегом на улице, в двери открылось маленькое окошко, при плохом освещении, а светили только луны, окошка до этого момента беглецы не заметили, и мягкий спокойный голос произнес:

– Чего вы хотите? – вопрос прозвучал так неожиданно, что друзья не сразу поверили в то, что их старания всё же были вознаграждены. Однако первым опомнился Наар:

– Да продлит Сефер книгу жизни вашего храма.

– Да не выцветут чернила в книге твоей жизни, путник. Так что вам нужно? – Дверь еще не открыли, но человек, который мог это сделать был расположен к разговору и не спешил прогнать ночных гостей. Это вселяло надежду.

– Мы просим ночлега. Сеферу было угодно привести нас в этот город. Теперь мы ищем себе ночлег. Мы священники – писцы. Вернее, два священника, один монах и мирянин. – Дверь отворили.

– Проходите.

Друзья, пригнув головы, прошли в дверной проем и оказались в небольшом коридоре с низким потолком. Кавэду, самому рослому, даже приходилось стоять не выпрямившись. Тьму здесь разгоняла только одна тусклая масляная лампада в руках у отворившего дверь незнакомца. Лампада очень коптила и казалось вот-вот потухнет, однако этого не происходило.

– Меня зовут Ауэл. Я священник, библиотекарь и писец этого храма. Вы, как я понимаю, ищите ночлег? – внезапно с улицы стали доноситься крики, лязг оружия, конский топот. Ауэл замолчал, его гости начали переглядываться. – Не обращайтесь внимания. В нашем городе ночами очень беспокойно. Кар-аб-Дабар – последняя глава в многих книгах жизней людей, что пришли в Арэц. И с этим ничего сделать нельзя.

– То есть там, за дверью, возможно, кого-то сейчас убили? – пока Матайя задавал вопрос он смотрел на Ауэла, когда произнес слово "убили", то повернул голову в сторону

двери, будто хотел посмотреть за нее.

– Кого-то убили, а кто-то убил. Может, простое ограбление. Выяснить нет смысла и необходимости. – Наару очень хотелось поспорить, обвинить Ауэла в трусости, но начинать так знакомство юноша не хотел. К тому же из-за его упрямства и желания поспорить все четверо могли вновь оказаться на улице, чего очень не хотелось друзьям Наара да и ему самому.

– Пройдемте, что здесь топтаться. – Ауэл пригласил всех пройти внутрь храма. Около двух минут шли по тому же коридору, в котором оказались, когда переступили порог храма. Коридор был заставлен аккуратно сложенными рукописями, свитками и просто листами с текстами. Вскоре все пятеро пришли в небольшую комнату, размером шесть на одиннадцать шагов. Посреди комнаты стоял книжный пюпитр, за которым Ауэл молился. Комната, как и коридор, была заполнена рукописями, банками с чернилами, красками для миниатюр. Наар почувствовал знакомый библиотечный запах, который в последний раз он вдыхал, целую будто вечность назад, в далеком Таирассе.

– Это мой храм. Здесь я служу и живу. Прошу прощения, на ночлег могу вам предложить только на полу. Я и сам на нем сплю. Если голодны, могу предложить немного хлеба, сыра, вина, воды. – Ауэл прошел в противоположной от входа угол комнаты и пригласил гостей пройти за ним. Однако все четверо стали в дверном проеме и не двигались. Ауэл не

понял, в чем дело.

– Что-то не так?

– Да. Освещение. Огонь в библиотеке. Какой же вы священник? – Даргал оказался менее сдержан, чем Наар. Ауэл в ответ лишь улыбнулся.

– Освещение вас смущает. Если погасить лампы здесь будет совсем темно. Никто ничего не увидит. О молитве и говорить нечего. Это помещение не подходит для библиотеки, для храма. Но другого у меня нет. Я и без вас знаю, что это нарушение канона. Выбора у меня нет. Вы даже можете пожаловаться священноначалию. Мне интересно, что вам ответит прокоэн. Я даже буду счастлив, если он пришлет проверяющего. – Настоятель храма продолжал улыбаться, казалось, он чем-то очень доволен. Но чем, знал только он.

– Что, совсем никак не исправить ситуацию? Неужели во всем городе нет зала, который могли бы отдать под храм? – Кавэд осматривал помещение, перебирал рукописи и перелглядывался с настоятелем храма.

– Собрат, я понимаю негодование моих юных гостей. Оно меня даже радует. Такая ревность о великом деле! Но ты, ты меня удивил. Ты действительно думаешь, что в Кар-аб-Дабире есть свободный зал, который могут отдать для библиотеки, храма? Похоже, телом ты вырос, но смог сохранить детскую наивность. Что же, для монаха это совсем неплохо. – Ауэл посерьезнел. – Кар-аб-Дабир – не тот город, где сильно почитание Сефера и его служителей. Вы хотели отдохнуть –

отдыхаете. Буду рад продолжить беседу с вами завтра. Извините, я тоже устал за день и хочу отдыхать.

Гости спорить не стали и все легли отдыхать.

Глава 28. Поющие холмы. Бегство правителя

Императорская армия продвигалась к Наппару. В нескольких верстах к северу от Наппара была так называемая Широкая равнина. На самом деле, это было просто большое поле. Равниной его прозвали, чтобы отличить от других полей, более мелких, идущих вдоль холмов, отделявших дорогу на Наппар от Маниаммы. Собственно, эти холмы и защищали дорогу от пустыни, которая, не будь этих Поющих холмов, давно бы засыпала дорогу песком. Поющими холмы назывались из-за ветров, что дули со стороны Маниаммы. Они продували щели между камнями, и получался звук, похожий то ли на плач, то ли на вой или грустную песню. Однако же, объяснение с ветрами устраивало не всех, и была придумана легенда, что это души погибших в пустыне пытаются из нее выбраться. Но не могут, потому что в холмах, внутри них заключено некое зло, которое не выпускает души из пустыни. Князь Страмир знал эту легенду, никогда не воспринимал её всерьёз. Однако сейчас, слушая эти странные, жуткие звуки, ему начало казаться, что именно так, скорее всего, и должны души усопших умолять отпустить их к Создателю. Песни холмов, что было неприятно, чего не учёл Страмир, удручающе действовали на армию. Солдаты боролись с дурным настроением веселыми, народными песнями,

которые они не раз пели за домашним застольем. Тогда свет домашнего очага, непременно появлявшийся перед мысленным взором каждого, кто слышал песню, разгонял тьму, собравшуюся в сердце, и вой ветра становился совсем не страшен, даже приятен в своем необычном, загадочном звучании. Но петь постоянно человек не может. Он устает, в отличие от ветра. Ветер не может устать. Он может начать дуть в другую сторону. И иногда, действительно, Поющие холмы замолкали. Но в тот раз они и не думали прекратить свои песни.

Дойдя до условленного места, князь Страмир приказал армии зайти на холмы, спрятаться там среди кустарников и камней и ждать сигнала к атаке. В подзорную трубу он видел императорскую армию и армию кочевников, которые готовились встретиться на Широкой равнине. Расчет был верным, кочевники сами ждали Владара именно на этом поле, где можно было наиболее продуктивно использовать конницу. В то же время, поле было местом, где пономадам можно было ударить во фланг и тыл, со стороны Поющих холмов. Казалось, все идет по плану, но у Светлейшего князя из головы все не шел ворон, который кружил над его армией в первый день после высадки на берег и позже, во время марша вдоль границы пустыни. Впрочем, князь не был суеверен. Суеверия же, тем не менее, не нужно отбрасывать полностью. Возможно, это Сефер направил мысли о вороне в разум князя? Он быстро прогнал от себя неуместные мыс-

ли и сосредоточился на двух армиях, что выстраивались перед ним. Он должен был не упустить тот единственный подходящий для атаки момент, решающий исход битвы, иначе все погибло бы. Враг должен обнажить фланг и тыл, тогда сначала будет нанесен удар кавалерией, за ней ударит пехота. На правом фланге атакующих был лес, князь Страмир хорошо помнил, как во время битвы в Барагасском лесу именно удар из леса во фланг армии Империи, атакующего отряда, привел к поражению войска. Сейчас нужно быть внимательным и готовым к засаде кочевников.

Армии императора и номадов начали сближаться, отряды лучников с той и с другой стороны посылали на врага тысячи стрел. Внезапно кочевники подвезли вязанки сухой травы, бросали их, подожженные перед своими рядами. Те страшно чадили, так, что получалось дымовая завеса. Императорские лучники не знали, куда стрелять. Исключение составляли только конные лучники армии Владара. Они обскакали эту дымовую завесу и продолжили атаковать. Однако, в этом маневре они оторвались от основных сил, были атакованы легкой кавалерией номадов, понесли потери и отступили к основным силам. Светлейший князь наблюдал битву в подзорную трубу и страшно ругал кочевников, потому что из-за дыма он плохо разбирал, что происходит и ему то казалось, что уже поздно атаковать, то казалось, что ещё рано. Вот отряды кочевников преодолели дымовую завесу и сами ударили по рядам императорской армии, затем отступили,

увлекли за собой часть имперского отряда. Похоже, что Владар ошибся, решив, будто это была атака основных сил номадов и приказав преследовать их. Вот уже вся армия двинулась преодолеть дымовую стену и стать лицом к лицу с основными частями войск противника. Кочевники растянули фронт, и пока Владар проходил через дым, охватили его фланги. Все, больше ждать нельзя. Страмир дал знак драммиату, бывшему рядом: "К атаке". Драммиат повернулся к горнисту и тот, через большую медную трубу, на конце которой была разинутая орлиная пасть, протрубил сигнал к кавалерийской атаке. Пешие отряды тоже приготовились к бою.

С Поющих холмов неслись, как вихри, всадники касветики, тяжёлая имперская кавалерия. Закованные в броню всадники. На скаку они составили боевой порядок и валом, лавиной, неслись на противника. Страмир с беспокойством смотрел на лес, ожидая, что из его черноты появится вдруг сила, которая сомнёт, расстроит, поглотит этот атакующий кулак из металла и плоти. Он боялся повторения Барагасской катастрофы. Но ничего не происходило. Тем временем, у подножия холмов выстраивалась для атаки пехота. Но внимание военачальника было приковано к атакующей коннице. Вот. Сейчас. Кочевники заметили атакующих. Оказалось, они даже были готовы к атаке. Когда до их рядов оставалось совсем немного, пешие воины армии кочевников подняли лежавшие до этого на земле и незамеченные потому Страмиром тяжёлые деревянные щиты, которые составили невысо-

кую деревянную стену, в половину всадника высотой. Об эту стену, на всем скаку ударились императорская кавалерия. Кое-где стена была проломлена, но атакующих там сразу встречали клинки, копыя кочевников, о прорыве говорить не приходилось. Там же, где стена выдержала, а это было почти на всем ее протяжении, атакующие сбились в кучи, всадники с лошадьми падали на землю, лошади давили всадников. Из-за стены летели стрелы, копыя, латников пытались задеть крюками, арканами, утащить за стены и там с ними расправиться. Как морская волна, при ударе о берег теряет свою силу и массу, также и здесь, эта волна касветаков разбилась о внезапно появившуюся стену перед противником. Кавалерия отхлынула от преграды, оставив груды искалеченных живых и мертвых тел. Сзади подходила имперская пехота. Это были значительные силы в несколько десятков тысяч человек. В это же время армия, под командованием Императора, оказалась окружена из-за ошибки, преследования авангардного отряда номадов, который в дыму был принят за основные силы. Владар тоже попал в окружение и бился в самой гуще сражения. В начале боя он беспокоился о действиях Страмира, успеет ли тот, угадает ли с моментом, но, когда понял, что сам допустил роковую, возможно, ошибку, отбросил всякие постронние мысли и отдался каламу Сефера, ожидая, что будет дальше написано в книге его жизни. Возможно, в последней главе этой книги. Отряд императора не маневрировал, не концентрировался на каком-либо

участке боя. Окруженные люди просто бились что есть мочи с каждым солдатом врага, оказывавшимся рядом. Их вокруг были тьмы. Жестокая, беспощадная рубка. Рядом сражались всадники и пехотинцы, ярость была единственным чувством, которое владело людьми.

– Ваше Величество, нужно выбираться из окружения, – князь Салвар, комит Бэлдской провинции, великан, сокрушавший врагов огромным молотом, стоял рядом со своим Императором, в помятых латах, измазанный грязью, кровью и всем тем, что может извлечь удар молота о человеческое тело. Внезапно на Салвара выехал всадник, с палашом, готовым обрушиться на голову комита. Владар тоже заметил угрозу, мечом отбил удар кочевника, а Салвар ударом молота в грудь выбил наездника из седла и, не дав тому подняться, добил его на земле.

– Мне нужно знать, что с отрядом князя Страмира. Он уже должен был ударить.

– Ваше Величество, точных сигналов нет, ни связных, ничего, но судя по поведению кочевников, действительно, на юге что-то происходит, потому что натиск врага ослаб, иначе бы нас всех и зарубили. Об успехах или неудачах князя Страмира я ничего сказать не могу. В любом случае, нам нужно выбираться из окружения, чтобы не произошло чего-либо непоправимого. Берегитесь! – великан оттолкнул Владара, на которого скакал всадник с копьем на перевес, вырвал копьё у нападавшего, тот развернулся и поскакал в атаку,

вновь, теперь уже с обнаженной саблей. Салвар метнул копье в нападавшего с такой силой, что оно прошло тело насквозь и застряло в нём посредине древка. Оба понимали, что смерть императора или его пленение – это будет то непоправимое, чего так хочет избежать Салвар и многие дворяне Империи.

– Да, этого нельзя допустить. Трубите сигнал к сбору, мы будем прорываться на юг, туда, где нам на встречу, я уверен, пробивается князь Страмир.

Прозвучал сигнал, все устремились к горнисту, отбиваясь от яростных атак противника и пытаясь прорваться из окружения. Владар совершенно верно понял действия князя Страмира. Он направил основной удар пехоты в тыл войскам, окружавшим отряд императора. Да, при этом он обнажил фланг атакующих колонн, они были нещадно обстреливаемы лучниками кочевников, несли потери, но Светлейший князь не мог допустить гибели или пленения Императора. Свежие отряды императорской пехоты смогли пробиться, разорвать кольцо окружения. Страмир сам вел в бой пехотные колонны. Этот успех придал силы, уверенность императорским войскам. Битва продолжалась, и нужно было решить, что делать дальше: отступить или перестраиваться и атаковать снова? Владар решил атаковать снова. Но тут же выяснилось, что вывести из боя даже часть отрядов для нанесения удара на каком-то другом участке фронта невозможно. Войска прочно увязли в бою. Теперь план был простой,

драться, пока не убили. Но у кочевников был другой план. Они перенесли те деревянные щиты, которыми встретили удар кавалерии Страмира так, что теперь на левом фланге императорской армии появилась деревянная крепость, которую никак не получалось взять. Лучники же, за ней укрывшиеся, посылали на армию Владара какое-то невероятное количество стрел, которые смертоносным дождем изливались на головы сражающихся за Империю. Войска кочевников, окружавшие армию Владара до того, как она соединилась с армией Страмира, после прорыва окружения перестроились в один отряд, который теперь теснил правый фланг объединенной императорской армии. Владар знал, что номады не любят затяжных боев, а эта битва длится уже часа два, что невероятно долго для детей степей и пустынь. Они вот-вот должны дрогнуть. И скорее всего, они дрогнут в центре, там, где силы примерно равны. Владар больше не участвовал в битве. Его не пускали. Прошло около пятнадцати минут томительного ожидания. В центре боя началось какое-то новое движение. Да, кочевники будто расступаются, или отступают? Не видно, а от ахонов еще нет вестей.

– Немедленно прикажете отрядам в центре не выгибать линию фронта, не преследовать врага. Нужно увериться, что это не очередное обманное отступление.

Это не было ложное отступление. Центр войска номадов расступился, чтобы дать место для атаки огромному по численности отряду тяжелой конницы под предводительством

самого Хунхара. Один устрашающий вид этих всадников в черной кольчуге и такими же черными шлемами с ужасными железными масками животных или демонов на лицах, их кони, также защищенные латами, все это едва не заставило императорские отряды попятиться назад в страхе перед ужасным видом приближающегося войска. Но нет. Они остались стоять, готовые к сокрушительному удару. И удар оказался ошеломительным. На острие атакующего отряда был Черный всадник, на чьем шлеме была корона. Его лошадь втаптывала в землю всех, кто попадался на пути, не раскидывала в стороны, не отбрасывала, но втаптывала. Казалось, и стрелы пружинят от ударов о его броню и копыта отскакивают, словно вырванные из рук своих хозяев. Создалась угроза прорыва центра императорской армии. Но укреплять опасный участок, вводить новые войска было невозможно – резерв отсутствовал.

– Я должен вернуться в бой. Это подбодрит солдат. – Владар забрался в седло, но Страмир, стоявший рядом взял коня императора под уздцы и не двигался с места.

– Ваше Величество, нельзя так поступать. Похоже, мы сейчас проиграем битву, но есть шанс выиграть войну. Если же погибнете Вы, то мы можем вообще потерять Империю.

– Светлейший князь совершенно прав. – Говорили прочие стратеги. – Ваше Величество, вам не следует сейчас возвращаться в бой. – Владар был в нерешительности, но буквально несколько секунд. Затем посмотрел вперед, туда, где про-

должалась битва и отдал приказ:

– Выводите войска из боя. Мы отступаем к Малой Пристани. Пошлите туда гонцов, пускай готовят флот, он доставит армию в Бэлду.

Вывести войска из боя не успели. Удар тяжелой кавалерии кочевников был столь мощен, что выдержать его хватило сил совсем ненадолго. Панику среди солдат императора сеял Хунхар. Где бы он ни появлялся в бою, везде смерть собирала обильный урожай. Первые ряды императорской пехоты дрогнули и побежали назад. Та зараза страха и ужаса, что овладела умами и душами бегущих, перекидывалась на тех, кто был на их пути. Крики "Спасайся! Помогите! Сефер смилуйся!" и крики о помощи на других языках, чьи народы служили Владару, неслись над Широким полем у Поющих Холмов. Где-то офицерам удавалось остановить обезумевших людей и организовать отступление, но это было далеко не везде. Страшным было преследование беглецов. Здесь кочевникам удалось погубить едва не больше солдат неприятеля, чем во время битвы. Битва в Барагасском лесу, или битва за Тарин была проиграна, но удалось сохранить войска, организовать отступление. Сейчас же ничего подобного сделать не удалось. Лишь малую часть армии Владар смог довести к Малой Пристани, посадить на корабли и доставить в Бэлду. Потери, по первым подсчетам были около пятидесяти тысяч человек, половина всех сил империи, участвовавших в битве. Ночь после битвы Император провел без сна, лег спать

под самое утро, на несколько часов. Но Владар справился с поражением и строил планы по дальнейшей борьбе с врагом. Много достойных сынов потеряла Империя в той битве, но много достойных сынов империи были рождены под лязг оружия той битвы. Погиб граф Тхадтар, защищая родовое Знамя с которым мужчины его рода ходили в атаку уже две сотни лет до того дня. Но сын его, бывший рядом, юноша семнадцати лет смог сохранить Знамя и вынести тело отца из битвы. Князь Элай, едва не попал в плен, но как ни пытались номады его обездвигить, связать, схватить, у них не получилось, так строптивного князя со злости закололи копьями. Рядовые пехотинцы и кавалеристы показывали чудеса храбрости, когда раненые, продолжали сражаться до тех пор, пока не падали на землю мертвые от потери крови. В пылу боя они не обращали внимания на кровотечение. Да, поражение тяжело сказалось на императорской армии, но она все равно не была деморализована. Пускай это был разгром, но чем больше было успехов у кочевников, тем больше Владару и всем его подданным хотелось драться с захватчиками вновь и вновь, до тех пор, пока не будет достигнута победа. К сожалению, были и те, кому по нраву были именно неуспехи государя и его Империи. Галсаф, князь императорской крови, тоже потерял нескольких друзей в той битве. Никогда больше не соберется у него тот состав друзей и единомышленников, который был в ночь перед высадкой в Малой Пристани. Но, в определенном смысле он был даже рад этому. К сча-

стью, погибшие не имели ни больших денег, ни сильных военных отрядов, хотя искренне верили в идею необходимости отстранения Владара от власти. Из них можно было создать образ идеальных мучеников за ту самую идею, которой они столь рьяно придерживались при жизни, и которая столь мила была Галсафу.

– Случилось то, во что верить не хочется, но что было ожидаемо, а при нынешнем самодержце – неминуемо. – Галсаф выступал перед собравшимися в своем шатре, поставленном в поле, недалеко от крепостных стен Бэлды. Он не хотел въезжать в город, сославшись на то, что в городе мало хороших дворцов, а его походный шатер составит достойную конкуренцию даже некоторым дворцам царствующего Галиара.

– Сколько еще должны погибнуть? – Галсаф взывал к крови невинных жертв, точно так же, как это делал Ялган, выступая в Верховном Синклите. Просто обращение к невинноубиенным – беспроегрешный вариант, даже если невинноубиенные пали в битве, на которую пришли сами. – Владар – вот истинный убийца. Истинный и единственный.

Гости сначала слушали Галсафа внимательно, даже не реагируя выкриками или жестами на те или иные слова в его выступлении. Однако, как только Князь императорской крови назвал двоюродного брата убийцей – раздались возгласы одобрения. Хозяин шатра продолжил.

– Я искренне рад, что никто из бывших у меня в гостях

перед битвой, не изменил своего решения и пришел ко мне вновь. Также я считаю, что отныне наш союз скреплен кровью павших в битве наших братьев. Они пали не за свою землю, не за свои идеи, а за этого безумца, который сейчас находится во дворце комита Бэлды и считает, сколько еще своих подданных он может погубить, спасая свою власть. – Гости начали оглядываться друг на друга, потом на выход из шатра, будто искали кого-то, кто услышит эти слова и донесет князю Страмиру. А ахон Халим даже сказал своему господину: "Ваше высочество, не так громко." За что получил пламенный взгляд Галсафа и, съездившись сделал несколько шагов назад, к стене шатра, из толстой дорогой ткани, а господин продолжил:

– Да, спасибо, Халим. Будет нехорошо закончить славный путь, сделав лишь первые шаги. Сейчас очень удобное время для осуществления задуманного. Мною составлен документ, "Священный свиток", согласно которому Владар отрекается в пользу Верховного Синклита Империи – Галсаф поднял вверх лист пергамента, исписанный письмом зарамьер на языке сафа. В обычных документах военные пользовались письмом зарамкарев и языком глоттар, обычным языком документов Империи, но здесь говорилось об отречении от власти, о её передаче. Это были священные действия, поэтому письмо священников, поэтому язык священников.

– А прокоэн нас поддержит? – драммиат Аснул спрашивал скорее из любопытства, примерный ответ он представ-

лял себе и так.

– Вы думаете, у прокоэна будет выбор? Или зераклиты не найдут способ его уговорить? – Галсаф улыбался. – Поддержит нас прокоэн сразу или потом, какая разница? На положение дел это не окажет никакого решающего влияния, хотя иметь в союзниках Эхаль, со всеми его богатствами, влиянием, людьми, было бы очень желательно. Впрочем, повторюсь, сейчас поддержка прокоэна не так важна, чтобы о ней печься. Сейчас мы должны продумать, как арестовать Императора. – И началось длительное обсуждение. Выдвигались самые разные предложения. От хороших до тех, которые и вслух произносить не следовало. Одни предлагали пригласить Владара на охоту и во время охоты заставить подписать отречение. Государь охоту любил, это было известно всем. Составил даже несколько руководство по охоте на крупных лесных животных, руководства пользовались заслуженной популярностью среди охотников, но были большие сомнения, весьма оправданные, в том, что государь отправится на охоту сейчас, во время войны и большой опасности для Бэлды. Так охоту оставили. Идея пригласить Владара на пир к Галсафу тоже была отклонена. Во-первых, Владар едва ли согласился бы, а во-вторых, с ним пришло бы значительное количество его верных соратников, которые просто не дали бы совершить задуманное ни Галсафу, никому из его сторонников. Нужно было устроить встречу с Владаром так, чтобы он был один или с несколькими охранниками. В итоге реши-

ли, что предлогом будут династические дела, которые Галсаф решил обсудить с двоюродным братом. Дела действительно важные, тем более в военное время, когда Император едва не погиб в битве, и достаточно секретные, чтобы государь не привел на их обсуждение много людей, пришел, если не сам, то с несколькими телохранителями или ближайшими друзьями. Галсаф должен был представить дело так, будто он хочет встречи едва не один на один. Все решили, что это хороший план. Была даже ирония в том, что поводом для встречи заговорщики решили назвать династические вопросы и престолонаследие. Ведь Галса действительно хотел обсуждать с императором вопросы престолонаследия, передачи власти. Оставалось лишь решить, где это должно происходить. Место должно было быть достаточно близко к Бэлде, чтобы не вызвать подозрений государя. В самом городе проводить такие переговоры было нельзя. В случае, если что-то пойдет не так и Владар позовет на помощь, мятежники будут перебиты менее чем за пять минут. Поэтому место должно быть достаточно далеко от Бэлды. Проблема также была в том, что Владар мог сам предложить место встречи и таким местом, скорее всего, стал бы дворец комита Бэлдской провинции, резиденция императора на время пребывания в этом городе. Драммиат Хорасим предложил Галсафу, пригласить императора в шатер князя Галсафа, когда Владар будет осматривать стены Бэлды, ведь город готовился к осаде. Шатер князя императорской крови находился совсем неда-

леко от первой линии городских стен и вероятность, что Владар согласится, была очень высока. Только бы он не решил взять с собой слишком много людей из свиты...

Через два дня, действительно, Владар проверял ход работ по укреплению оборонительных сооружений Белды. Крестьяне и солдаты очищали рвы, обкладывали мхом стены. Мхом и ненужным тряпьем, чтобы если враг решил проломать их снарядами катапульты, у него ничего не получилось, камни не будут иметь такой сокрушительной силы, как если бы удар приходился просто о незащищенную стену. К метательным орудиям на стенах и башнях подносили камни и стрелы, проверяли их исправность. Не зря, потому как нашли несколько неисправных машин, их тут же починили. Император все осматривал сам, общался с солдатами, командирами, простыми горожанами, с теми из них, кто решил остаться и защищать свой город. Многие были вынуждены бежать из него, по разным причинам. Тысячи людей, как насекомые, ползали, копошились по городским стенам и под ними. Владар был доволен ходом работ. Когда он со свитой проезжал недалеко от шатра Галсафа, тот обратился к императору:

– Брат, я понимаю, ты очень занят и я не хочу отнимать у тебя время на пустяки. Но есть один очень серьезный вопрос, который я хотел бы с тобой обсудить. Он касается семьи.

Владар удивился тону Галсафа и времени, когда послед-

ний вспомнил о семье, потому что да этого часа двоюродный его брат вспоминал о ней, лишь в случаях, когда сам не мог расплатиться с долгами. Тогда он вспоминал о родстве, единстве крови. Но сейчас тон у брата был другой, не как обычно.

– У тебя опять долги? – Владар остановил коня, дал знак рукой свите, чтобы они продолжали путь.

– Нет, я хочу поговорить вовсе не о долгах. Это вопросы престолонаследия, моего имущества. Я едва не погиб в прошлой битве. Это заставило меня о многом подумать. Я хотел бы об этом поговорить с тобой. Тем более, что до моего шатра ехать совсем близко, а в твоей резиденции нам не дали бы спокойно поговорить.

– Ну что ж, пускай так. Только много времени уделить тебе я не смогу, надеюсь, ты будешь краток. – Оба поскакали к шатру. Владар был один. Галсаф разбил свой лагерь в пяти минутах верховой езды от города, шатры его лагеря было видно с городских укреплений. Они действительно были богаты: золотая парча, бархат, некоторые шатры были из тёмного шелка или тонкого газа. Газ и шелк плохо сохраняют тепло, но отлично демонстрируют богатство господина. Наилэр был прав, когда говорил, что у Галсафа осталось одно имение, недалеко от столицы, но кузен императора всеми силами старался показать своё богатство и каким-то чудом ему удавалось создавать такое впечатление сказочной роскоши. Через ткань шатров видны кувшины с вином и мо-

локом, пивом, медом, полуодетые женщины. Красивый сам по себе, лагерь смотрелся ещё краше на фоне природы Бэлдской провинции. Здесь почти всегда солнца светят ярко, небо чистое, но пестрые Бэлдские леса создают атмосферу осени. Они примечательны тем, что, буйство красок, которое в обычных лесах происходит только осенью, когда лес становится красным, бордовым, оранжевым, фиолетовым, коричневым, желтым, бурым, в Бэлдских лесах присутствует круглый год. Причиной тому особый грунт и воды, что текут под этим грунтом. Плоды деревьев, что там растут, никогда не бывают спелыми в том смысле, в каком это слово понимают в остальных землях империи. Хотя, в этом и прелесть огромного государства, что при всей своей громадности, это ещё и богатое и великое разнообразие природы и человеческих культур. Каждый из жителей Империи любит свою землю, но равно считает своими и другие края, которые живут под защитой государя. Плоды пестрых Бэлдских лесов, когда созревают, уже будто немного подвялены, от того еще слаще и вкуснее. Вино из тех плодов получается полезным и легким, от него нельзя сильно захмелеть. Именно за это его очень любят одни и даже не считают вином другие.

Лагерь Галсафа крайне мало походил на двор аристократа, готовящегося к схватке с врагом. Скорее его можно принять за выезд в один из лесов, рядом со столицей, в осеннюю пору, как действительно часто происходит в мирное время. Аристократы выезжали любоваться природой. Но сейчас это

явно было неуместно.

– Да, брат, лучше бы я не видел твоей доблестной подготовки к встрече с номадами. Не иначе как ты для них пир готовишь. – Владар огляделся по сторонам и покачал головой.

– Ваше Величество – война опасное время. Никогда не знаешь, когда закончится твоя жизнь. Хочется сделать так, чтобы умирая, ты был рад хотя бы последнему дню, который прожил.

– Последнему дню, который прожил. Галсаф, мне кажется, каждый прожитый тобой день для многих моих подданных был бы равносителен пребыванию в раю. Ведь многие понимают рай именно так, вино, угощения, девушки. И ты все не успокоишься. Даже боюсь подумать, какие династические вопросы ты хотел бы обсудить?

– Не стоит нам обсуждать их здесь, на улице, еще и верхом на лошадях, давай спешимся, пройдем ко мне в шатер. Там обстановка более располагающая к беседе. – Галсаф двинул коня в направлении к своему шатру, стоявшему посреди лагеря, с огромными разноцветными флагами вокруг, так что даже могло показаться будто это Императорский цирк, столько ярких флагов было вокруг шатра. Но Владар с места не двигался.

– Галсаф, прости, я не хочу тебя обижать, но у меня нет желания долго здесь находиться и идти к тебе в шатер. Не рассматривай это как оскорбление. Ты сам знаешь, что я не люблю роскошь, хоть и часто сталкиваюсь с ней из-за свое-

го положения. Времени у меня также немного. Так что лучше переговорить на ходу. Я еще не успел ознакомиться с местным рельефом, вернее, дорогами и тропинками, которые есть здесь в лесу. Давай вдвоем съездим, их осмотрим, заодно и обговорим, что ты хотел.

Галсаф не верил своей удаче. Лучшего и придумать было нельзя. Неужели начинались самые значимые страницы его жизни?

– Да, разумеется, с удовольствием, – про себя князь императорской крови подумал: "Лишь бы Дисалбелис и другие все поняли и поскакали в лес за нами". И уже проезжая лагерь верхом, они увидели графа Дисалбелиса, который глубоко поклонился Императору и едва заметно Галсафу.

– Я вижу, ты собрал здесь всех, кто боится умереть, прожив последний день зря! – Обратился Владар к брату, когда граф был уже далеко позади. Князь Галсаф улыбнулся:

– В определенном смысле – да, именно так.

– И много таких?

– Точно числа сказать не могу, но достаточно. – "И скоро многих из них ты увидишь" – подумал Галсаф. Они проскакали вглубь леса, Владар знал, что там есть еще несколько второстепенных дорог, которые ведут к городу.

– Так о чем именно ты хотел поговорить? – всадники отъехали достаточно далеко и Владар решил выяснить, наконец, зачем брат просил разговора с ним.

– Ваше Величество, эта война заставила меня о многом

передумать. О своем отношении к трону, к власти, об отношении к Империи и порядку, который в ней заведён.

– Так, продолжай, я слушаю. – Владар сидел верхом и, казалось, вовсе не слушал, а разглядывал узкую дорогу, на которую всадники только что выехали. На самом же деле, император внимательно слушал.

– Меня очень беспокоят поражения этой войны.

– Они всех беспокоят. Это не новость. Больше всех они беспокоят меня. Ведь я за них отвечаю. Переходи к делу. Зачем ты меня звал?

Галсаф тянул во время. Ему нужно было, чтобы приехали остальные, один он никак не смог бы заставить Владар подписать отречение. По его расчетам сообщники должны были появиться с минуты на минуту.

– Знаете, многие недовольны Вашим руководством. – Глаксаф решил завести разговор хоть как-то похожий на тот, для которого он мог бы пригласить Императора.

– Это тоже не новость. Ради этого тебе совсем не обязательно было меня отрывать от дел. Время испытаний – лучшее время для проверки преданности Отечеству и трону. Вот сейчас и открывается, кто есть кто на самом деле.

– Понимаете, Ваше Величество, для многих понятия верности, любви к Отчизне, и верности к трону, не одно и то же.

– Да, я слышал о таких рассуждениях. Но, кажется мне, в истории Империи не было такого периода, когда бы восстание против автократора приводило к благу. – Взгляд Владара

стал серьезнее, чем весь разговор до этого. Правитель будто испытывал своего собеседника. – Галсаф, передай тем, кто так думает, что это дурная затея. Ты понимаешь, что я имею в виду. – Князь императорской крови испугался, вдруг Владар обо всём знает и Галсаф сам угодил в ловушку? Вдруг Император специально уехал с ним в лес, чтобы здесь убить? Он же может знать о заговоре. Что, кинуться сейчас ему в ноги и просить прощения? Раздался звук топота копыт, а затем на дороге показались шестеро всадников, соратники Галсафа в заговоре. А если за ними сейчас прискачет императорская стража? Но что, если Император ничего не знает и просто приказал передать свои слова недовольным, раз говорить с ним они не хотят? Мысли неслись в голове, как быстрая река, однако, Галсаф все равно не сумел скрыть свое беспокойство и быстро ответить Императору. Тот будто вырвал двоюродного брата из сна.

– Галсаф, ты слышишь меня?

– Да, Ваше Величество. Простите, я задумался.

– К чему столь внушительная делегация? – Владар показал в сторону наездников, почти доскакавших к двум всадникам. Гласар ответить не успел.

– Ваше Величество, да будет Ваша книга жизни бесконечно богата и да не устанет Великий писец вписывать в неё новые славные главы, – приветствовал императора граф Дисалбелис.

– И Вам да будет также. – Ответил Император. – Что-то

случилось? К чему так много славных дворян шатаются по лесу без дела? Или вы уже готовы к встрече с врагом?

– Ваше Величество, нам нужно с Вами поговорить.

– Говорите. Только по делу, мой брат уже минут десять никак не может сказать то, ради чего просил встречи. Времени у меня не так много, так что говорите быстро. – Заговорщики переглянулись.

– Всех очень беспокоит ход войны. Огромные территории потеряны, в провинциях, что сейчас под властью врага – жителей Империи либо убивают, либо делают рабами. Города и селения превращаются в пепелища или груды камней.

– Я знаю об этом, говорите конкретнее. Мы с братом это уже обсуждали.

– Ваше Величество, – Галсаф выдохнул, потом сделал глубокий вдох и продолжил, – большинство дворян, военной знати и жречества считают, что для всей страны было бы полезно, если бы Вы отреклись от власти в пользу Верховного Синклита Империи.

Владар несколько секунд молчал. Молчали и остальные. Затем Галсаф достал «Священный свиток» и показал императору.

– Вот акт. Вашей жизни после отречения ничего угрожать не будет.

– Большинство... – задумчиво произнес Владар. – Знаете, я уверен, что даже в Синклите нет единодушия по этому вопросу. А о большинстве, среди дворян и жречества говорить

не приходится. Спрячь эту грамоту и никому не показывай. Свою вину Вы сможете искупить в битвах. Вас не будут преследовать.

Такая реакция Императора немного озадачила всех. Он явно продолжал чувствовать свое превосходство, либо же очень умело прятал свой страх. Галсаф ухмыльнулся:

– Ваше Величество, боюсь, Вы обязаны подписать отречение.

– Кому обязан? Тебе? Или тем блудникам и пьяницам, которых ты сюда позвал? Что тебе пообещали члены Синклита? Я отказываюсь подписывать этот документ. Что вы со мной сделаете? Убьете? И что дальше? Вы думаете на моей смерти построить счастье других и своё? Напрасно. Ничего не выйдет.

– Нет, мы Вас арестуем и начнем приводить к присяге на верность Синклиту отряды. Сперва свои отряды, а потом и чужие к нам присоединятся. Я бы не был столь пренебрежителен к нашим возможностям и к Вашему теперешнему положению, – Князь императорской крови старался говорить как можно твёрже, уверенно, некоторые из заговорщиков положили руки на рукояти мечей, готовые выхватить их в любую минуту. Однако, они все равно боялись Императора. Даже сейчас, когда он был один против семерых, казалось, что это они в опасности. Похоже, первоначальная идея оставить императора в живых, пусть даже ограничив его свободу, терпела крах. Во многом потому, что государь сам не собирал-

ся мириться с таким положением вещей. Императора нужно было убить.

– Ваше Величество, подумайте еще раз. Все равно у Вас даже нет сейчас наследника.

– Галсаф, что за глупости ты говоришь. Я вдовец, да потерял и жену и сына. Но разве нет возможности мне завести еще одну жену? Или самодержцам это запрещено? Разворачивайтесь и езжайте в лагерь.

Двое из семи действительно хотели поехать, но остальные были настроены более решительно.

– Вы вынуждаете нас применить силу. – Галсаф начинал нервничать.

– Ну, если бы вы управлялись с оружием так же умело, как это у вас получается с винными бутылками и наложниками, я бы волновался, а так... – Владар улыбнулся, – Даже не думайте.

Галсаф тут же выхватил свой меч и занес его для удара, но реакция Владара была молниеносной, а атака точной, в один прием он обезоружил двоюродного брата, вторым ударом отбил клинок графа Дисалбелиса, а его самого ранил в руку. Другие всадники пытались атаковать императора со спины. Он это заметил, развернул лошадь и поскакал дальше по дороге, ища такое место, где бы он мог продолжить драться, но уже без угрозы, что его окружают. Такого места все не попадалось. Меж тем, преследователи не отставали. Владар выбрал узкий участок дороги, деревья там росли плотно,

развернуться нескольким всадникам было бы трудно. Владар остановил лошадь, развернулся и сразу продолжил бой. Двух нападавших Император убил, но оставшиеся продолжили драться. Вдруг под лошадью императора проползли два паука, которых люди не видели, но животное их испугалась, взбрыкнуло, Владар едва удержался в седле. Так Галсаф сумел поранить императору руку, не очень сильно, но царская кровь пролилась на землю. Император понял, что не сможет одолеть сейчас всех соперников и лучше спастись бегством. Он вновь резко развернул лошадь и прищпорил ее, что было сил. Лошадь будто поняла угрозу, нависшую над хозяином, и неслась, как никогда раньше, мимо разноцветных деревьев, то и дело взметая за собой вверх опавшие листья, ковер которых всегда застилает Бэлдские леса.

Да, признаться себе, что противник сильнее и тебе лучше отступить – это мужественный поступок. Да, бывают ситуации, когда нужно одному против десяти стоять, но в Бэлдском лесу Император не струсил. Героическая гибель Владара не принесла бы успокоения Империи, которая погружалась в одну из самых глубоких пучин тех испытаний, которые ей послал Сефер, чтобы Империя стала крепче. Если она вынесет эти испытания.

Глава 29. Освобождение

Раэль принял форму черного облака и висел под потолком дозорной башни, она же служила когда-то маяком в Малой пристани. Он поднялся туда вместе с Хунхаром, оба и смот-

рели на восток, в сторону Бэлды.

– Хунхар, ты славно служил мне и моему хозяину. Служба твоя не напрасна. Теперь мы дождались. Сегодня свершилось великое предательство. То, чего мы столь долго ждали. Хозяин придет в Арэц. Больше тюрьма не в силах его сдерживать. Он приведет с собой детей, своих детей, которые были бережно возвращены человеческими грехами, возвращены и накормлены. Хунхар, я перенесу тебя отсюда, чтобы ты тоже мог встретить хозяина, великого Малакка и всех, кто придет с ним.

Король номадов за последние дни стал еще выше, чем был раньше, шире в плечах, сильнее, сабля его стала тяжелее, пред его видом невольно хотел склонить голову всякий, кто лицезрел кагана.

Две лунные дорожки пересекались в реке, ветер лишь изредка колыхал нечастые деревья, стоявшие вдоль берега, если не по одиночке, то группами по три, четыре дерева. Небольшие волны накатывали на берег, а над водой разносился шум лагеря армии кочевников, которые ждали приказа, перед тем как отправиться в поход на Бэлду. На старой дозорной башне уже никого не было.

Рядом с той самой пещерой, в которой не так давно Хунхар встретил Раэля, был старый пенёк с дуплом. Пеньёк был огромных размеров и трудно было представить, какое огромное дерево росло когда-то на этом месте. Массивные корни его уходили в разные стороны на сотню метров, можно бы-

ло не сомневаться, что и в землю они вросли глубоко. Пень был высоким, дупло напоминало какую-то пасть, которой мёртвое дерево то ли хочет пожрать жизнь вокруг, то ли извергнуть из себя нечто страшное, потому что мыслей о добре мёртвые остатки некогда могучего дерева не порождали. Из дупла поднялся столбик чёрного дыма. Дым поднимался тонкой струей и собирался в облако на высоте метра от пня. Густой черный, едкий дым. Если бы кто-то живой стоял рядом, то он почувствовал бы тяжелый запах тухлого мяса. Облако спустилось на землю, приняло форму столба. Дым стал превращаться в человеческую фигуру, в сутане с глубоким капюшоном. Из этой дымной фигуры вышел Хунхар, затем сама фигура превратилась в Раэля.

– Стой здесь. Я пойду в пещеру один. – Демон пошел внутрь, оставив повелителя номадов за спиной. Тот ничего не ответил и остался на месте.

Внутри Раэль осмотрелся. На стенах ее теперь были видны новые письмена, письмена Малакка. Древняя система записи звуков речи, которую некогда придумал сам падший ученик, чтобы создавать свои творения. Эти письмена уничтожались после поражения Малакка и заключения его в темницу, где он пребывал в ярости и злобе вместе со своими созданиями. Письмена уничтожались библиотекарями, священниками, чтобы язык, слова которого они записывали, был забыт, и сами письмена больше никогда не оскверняли Арэц. Буквы, начертанные самим Малакком были уничтоже-

ны верными учениками Сефера, но некоторые из людского рода и сами твари, созданные Малакком, переняли их и сами стали писать тексты письменами падшего ученика. Именно эти тексты уничтожали жрецы Эхаля. Специальные отряды искали эти надписи, созданные тварями в северных скалах, лесных чащах, на одиноких камнях южных степей, везде, куда твари могли проникнуть. Но в этой пещере письмена Малакка проявились сами. Их не было там раньше, но настало время им проявиться самим.

Раэль прошёл вглубь пещеры, опустился на колени и стал ждать. Он был в зале, где тысячи лет росли сталактиты и сталагмиты, на которых синим, красным, оранжевым, салатным цветами, проявлялись буквы, иероглифы, пиктограммы. Они все были разными по виду, но обладали общим свойством: при взгляде на них обычному человеку становилось очень страшно, хотелось умереть, слабые могли даже помутиться разумом. С противоположной стороны пещерного зала слышались шаги. Раэль склонил голову. Шаги становились все ближе. Это были шаги, судя по звуку, человека среднего возраста, среднего телосложения. Словом, одного из тех, кого можно каждый день увидеть на улицах имперских городов. Демон смотрел в пол, не решался поднять глаза. К нему подошел мужчина, возрастом около тридцати лет, коротковолосый, среднего роста, не высокий, однако и не низкий. Одет в хитон с длинными рукавами, подпоясанный кожаным ремешком в два пальца толщиной. Тон-

кие черты лица вселяли расположение и даже доверие. Таким был Малакк.

– Встань, дорогой слуга. – Раэль поднялся.

– Хозяин, для меня великая честь встречать вас здесь, быть первым, кто выразит свою радость по случаю вашего возвращения.

– Я не сомневаюсь в этом, Раэль. Встретить меня здесь – честь для каждого. И для тебя в том числе. Пойдем, выйдем наружу. Я, наконец, могу идти туда, куда хочу. – Перед тем как пойти дальше Малакк осмотрелся. – Пещера, где я творил. Я делал это не хуже, чем Сефер. Я делал это даже лучше, чем он. Совсем скоро я это докажу. И даже без Рукописи Мироздания. Раэль, я рад. Пойдем.

Демон шел позади хозяина. Малакк, выйдя из пещеры, с удовольствием подставил лицо лучам двух солнц. От их света его кожа, имевшая до этого момента нормальный, обычный цвет человеческого тела, стала вдруг бледной, потом прозрачной, через нее стала видна плоть, мясо, которое поедали черви, личинки мух, змеи, крысы. Через несколько секунд кожа будто стала каменной, а затем вернулась к нормальному состоянию. Хунхар стоял там же, где его оставил Раэль, при виде этого странного человека, он не двинулся с места, хотя собирался к нему сам подойти. Он ощутил силу, исходящую от этого человека. Еще более таинственного и неизвестного ему, чем Раэль, которого Хунхар там и не смог разгадать. И никогда не сможет, ибо не во власти человека

разгадать демона, который полностью овладел человеком.

– Хунхар, подойди. – Король номадов сделал несколько шагов и стал рядом с тем, кому он служил все это время, но кого раньше не видел.

– Хунхар, – продолжил Малакк, – Ты сослужил мне хорошую службу. Я награжу тебя. У тебя еще будет не одно задание, я хочу быть уверен, что ты сможешь их выполнить. Отойди от меня подальше. Тебе сейчас понадобится свободное место, – Каган номадов отошел на двадцать шагов от Малакка и остановился.

– Иди дальше, я скажу, когда тебе остановиться. – Приказал хозяин.

Хунхар послушался и пошёл дальше от Малакка. Он сделал ещё шагов восемьдесят и снова остановился.

– Хунхар, я не говорил тебе останавливаться. Но раз ты сам так решил, то так тому и быть. – Малакк что-то прошептал, затем достал из сумки, что висела через его правое плечо, восковую дощечку и стилус, нацарапал на ней что-то теми же символами, что проявились на стенах пещеры. В этот момент кочевник почувствовал жар внутри себя, как если бы что-то сгорело в нём. Каган не смог устоять на ногах и упал на колени, левой рукой схватился за живот, правой уперся в острые камни, которые были разбросаны далеко вокруг пещеры на грунте, которым была земля, перемешанная с песком. Хунхар начал кашлять, все сильнее и сильнее, пока не начал плевать кровью. Он почувствовал, как что-то горячее

из груди, через глотку, поднялось ко рту. Это был какой-то небольшой комок, он жёг во рту, будто Хунхар пытался выплюнуть горящий уголь. Наконец номад сплюнул на землю сгусток огня, тот исчез, оставив после себя черное пятно на обожженных камнях. После этого стало легче. Внутри жара не было. Только холод. Эмоций он тоже больше не чувствовал. Тело начало набухать, однако боли не было, рубашка и штаны, обычная одежда кочевников, стали ему малы. Они треснули. Ногти стали превращаться в когти, из-под лопаток что-то рвалось наружу, пытаясь порвать кожу. Неведомая до того момента мощь стала разливаться по телу короля. Сам он стал увеличиваться в размерах, расти и расти. Вытягивается шея, появляется хвост, длинный, с тяжелым костным наростом на конце. Лоб тоже стал крепче камня, с рогами, как стволы деревьев, что сотню лет растут на земле. Хунхар превратился в огромного черного дракона. Дракон оглядывал себя: передние, задние лапы, с большими, крепкими когтями, которые могли сокрушить любую броню, чешуя, которая защищала тело лучше всякой стали и переливалась на солнце, завораживая смотрящего, клыки и зубы, которыми дракон, казалось, мог прогрызть горы и дробить скалы, крылья, затмевавшие половину неба и создававшие ураган одним взмахом. Хунхар вновь почувствовав внутри себя жар, напрягся, запрокинул голову назад и из разверстой его пасти вырвался столб огня. Затем он стал на задние лапы, от веса земля под ним просела, камни превратились в

песок, дракон взмахнул крыльями, приподнялся над землёй и полетел. Земля под ним была огромной, сплошной желтой массой, кое-где он видел деревья, большие камни, русла высохших рек, дальше были песчаные пустыни, за ними горы. Теперь он взлетел выше облака. В небе было одно облако, и Хунхар разогнал его своими крыльями. В голове промелькнуло: "С такой силой я могу покорить не только Империю, но и весь Арэц. Я могу помериться силой с самим Малакком. Да и Тернги, если бы захотел, не смог бы меня одолеть". Тут же крылья перестали слушаться, сложились и огромная драконья туша со всего размаха, с огромной высоты рухнула на землю. От боли Хунхар издал оглушительный рёв, слышимый на десятки вёрст вокруг. Дракон углубился в землю на несколько метров. Вдруг его потащило в сторону Малакка так, что он проделывал борозду за собой огромной глубины и ширины. Потом он вновь стал человеком. Невидимая рука подняла его и поставила перед падшим творцом.

– Хунхар, когда же ты поумнееешь? Я дал тебе эту силу, я у тебя её и отниму. Ты пользуешься нею, пока я этого хочу. Я даже удивлён, что ты не окончательно потерял свою человеческую волю, этот сеферов дар, которым вы уже тысячи лет не научитесь пользоваться.

– Господин, прости меня... Я отказываюсь от своей воли. Моя воля – твоя воля и нет у меня другой воли, кроме твоей. – В этот момент Хунхар действительно потерял волю, её забрали не Раэль и даже не Малакк, но страсть, страстное же-

лание быть сильным, самым сильным. Каган номадов вновь почувствовал себя в силе и мощи, как за несколько минут до этого.

– Посмотри, ты будешь первым из людей, кто увидит мои творения, моих детей. Хотя, я только создавал тех, о ком так много и охотно разговаривают люди, кого желают друг другу.

С рёвом, криком, плачем, скрежетом, хрипом из пещеры стали появляться чудовища. Первыми шли люди, полусгнившие, у каких-то не было глаз, у кого-то голов, какие-то ползли, потому что не имели ног. У некоторых туловище было повернуто в обратную сторону, так, что ступни были направлены за спину. Какие-то шли с петлями на шее, другие резали себе глотки, но рана тут же заживала, и они опять пытались себя убить.

– Смотри, Хунхар. Это людские болезни и слабости. Вы часто желаете друг другу болеть, изувечить себя. Есть люди, которые часто отчаиваются, хотят закончить жизнь самоубийством. Но им не хватает смелости для этого шага. Я дам все это людям. Моя доброта не знает границ. Я помогу всем.

Вот из пещеры начали лезть огромные мерзкие гусеницы, толстые, с жиром, выступавшим через их кожу и тонкими струйками текущим по их телам, так, что после этих гусениц оставались широкие жирные дорожки, они вызывали отвращение. Короткие ручки, прямо у ртов, все искали, что бы съесть, отправляя в рот деревья, языки слизывали мох с камней. Всё, что могло быть съедено, они хотели съесть. Что

съесть было нельзя – они пытались съесть и лишь потом, убедившись в несъедобности чего бы то ни было, отшвыривали это в сторону и продолжали поиски чего-либо съедобного.

– Хунхар, так выглядит грех чревоугодия. Эти гусеницы никогда не насытятся, сколько бы их не кормили и чем бы их ни кормили.

Из пещеры лезли пауки, змеи, карлики и карлицы, старухи в лохмотьях с беззубыми ртами, летучие мыши и бешеные псы, крысы, кабаны.

– Смотри, это человеческие страхи. Все то, что приходит по ночам в человеческие головы. Этого не существует, пока люди не начнут размышлять о таких вещах, не представят их. Тогда они оживают. Люди боятся, что во тьме на них нападёт мертвец или мелкий демон. Но во тьме нет ничего дурного. Зло появляется там, лишь когда ты берёшь фонарь, чтобы разогнать тьму ночи. Когда ты прибегаешь к свету из страха, а не из необходимости или любви к свету. Арэц устроен так, что именно в этот момент во тьме и появляется зло, от которого человек хочет защититься светом фонаря.

Из пещеры лезли фантастические твари. Рыба с ногами человека и даже с собачьими лапами, куры с одной рукой, люди у которых не было ног, но вместо ног руки, так, что они ходили на руках. Комья грязи, напоминающие по форме людей, огромные челюсти, ползшие по земле и много такого, чего описать невозможно, но можно вообразить. Все эти твари были в разное время увидены людьми в своих мыслях,

случайно или специально, по-разному. Малакк только материализовал их. Сотворенное человеческим разумом он облёк в форму. Вот из пещеры появляются головорезы, убийцы. Это те, кто пойдет убивать людей, которым желали смерти. Не важно, насколько осознанно было высказано такое пожелание. Малакк был уверен, что людям нужно помогать стать счастливее, дать то, чего они просили. Все кругом, и его бывшие товарищи – ученики Сефера, демиурги и люди, многие хотели создавать доброе, что люди желают друг другу. Но люди от этого не становились счастливыми. Они наоборот, получив одно, хотели сразу получить еще больше, забывали, сколько им уже дано и проклинали тех, кто рядом, а часто и тех творцов, что давали им блага. Так Хунхар решил дать людям то, чего они просили не реже, чем счастье для себя – наказание для других. А вообще Малакк не любил людей. Он считал их очень глупыми, рабами своих страстей. Его всегда потешало, как они считают себя хозяевами Арэца, забыв о Сефере, но не могут долго прожить на этом Арэце без еды и воды. Что же это за владение? Получается, по-настоящему Арэцом правят человеческие страсти. Вот этим страстям Малакк и решил отдать Арэц. А самому быть руководителем, покровителем и устройтелем этих страстей.

– Хунхар, ты сейчас поступил очень по-человечески. Хотел погубить своего благодетеля. Вы, люди, сами вызвали меня из заточения. В вашем человеческом мире все меньше такого, что называлось ранее "святым". Ладно, вы забыли

Творца, который вас создал, вы его видеть не можете, чувствовать не хотите, но даже тех, кто ему служит, те заветы, что он дал, вы тоже не почитаете. Хунхар, это относится в равной степени и к жителям Империи, и к кочевникам. Но, благодаря тебе, я пощажу твой народ. Все вы теперь – мои слуги. Сегодня, Хунхар, свершилось великое предательство. Тот, кого Сефер поставил править своими детьми, был ими изгнан. Жадность и алчность оказались сильнее. Был совершен очередной грех ради благого дела. Я всегда был уверен в вашем несовершенстве. Больше него меня поражает лишь ваша нелюбовь к себе подобным. – Малакк замолчал, а из пещеры продолжали выходить монстры и чудовища. Теперь шли вереницы двуногих человекоподобных существ с маленькими носами, обвисшими ушами, криворотые, с большими ступнями, в язвах и шерсти.

– Смотри, Хунхар. Это твари. Основная сила, с которой я захвачу Арэц. Не только Империю, но всю землю, сотворённую Сефером.

– Да, хозяин. – Каган номадов стоял на коленях и не дерзал поднять головы. Он очень боялся разгневать своего господина и лишиться только что полученной мощи.

– Хунхар, ты знаешь, что твой верховный шаман отправился на запад, чтобы собрать против тебя орды твоих братьев, правителей других племён кочевников. Гаалик подзревает, с какой силой столкнутся все, живущие под солнцем Арэца, но я хочу, чтобы он теперь увидел её. Отправляй-

ся на закат и встретить армию, что собрали для битвы с твоим племенами. Скажи, что я пока милостив и готов принять все эти племена под свою руку. – В ответ каган номадов молча поклонился, коснувшись лбом земли у ног Малакка, встал, повернулся на запад. Из его спины за секунду вылезли крылья, он расправил их, сделал несколько взмахов и уже в небе человек превратился в дракона.

Глава 30. Гнев дракона

Йелдар долго беседовал с Гааликом, затем к ним присоединились старейшины племен, считавших Йелдара своим царём. Пустыни, в которых кочевали белые номады были белого цвета, из-за цвета песка. Иногда, в безветрие, такие огромные пространства белого песка можно было даже спутать со снежными пустынями, если бы не тёплые солнечные лучи, не позволившие бы снегу продержаться и пяти минут. Даже несмотря на то, что Гаалик прошел испытание, ему все равно опасались верить. К тому же он говорил какие-то удивительные вещи. Страшные. Предсказания, видения шаманов всегда вызывали самое серьезное к себе отношения среди кочевников. Однако сейчас происходило то, чего ранее не случалось. Верховный шаман самого могущественного союза племен просил начать войну против своего повелителя. Для начала войны момент был удачным: номады Хунхара вели войну с Империей, главные силы были задействованы там. А если объединить силы с имперскими войсками, то шансы на победу еще увеличивались. Не давало покоя Йел-

дару и желание Гаалика как можно раньше начать поход. Он едва не был одержим этим желанием. После долгих обсуждений и жарких споров Йелдар все же принял решение выступить против Хунхара. В древнем эпосе белых номадов было предсказание, что один из царей степи и пустыни превратится в дракона, и через него зло придет в мир. Йелдар поверил этому предсказанию. Другие короли тоже присутствовали на обсуждениях, их Йелдар специально пригласил, чтобы узнать их мнение. Из семи бывших в шатре вождей кочевников, царя белых номадов поддержали только два его собрата, остальные пять учтиво заявили, что поводов для беспокойства не видят, шаманам часто видятся странные видения. Если шаман их не видит, значит духи и предки не хотят с ним говорить, значит, он плохой шаман. Но видения – не достаточный повод начать войну. Кто-то даже пустил слух по лагерю Йелдара, будто Гаалик так хочет свести какие-то личные счеты со своим бывшим господином. Один из пяти царей, что не согласились помочь в борьбе с Хунхаром, даже пошутил:

– О каком древнем зле вы говорите? Оно уже среди нас, ведь вино в моем кубке слишком кислое! – Шутка вызвала в одной половине шатра бурный смех, а в другой – осуждающие молчание.

От пятерых царей, оставшихся в стороне, Йелдар и союзники его получили слово, что ни один из пяти не будет пытаться предупредить Хунхара или войти с ним в союз. До-

говор был закреплен по древнему обычаю, когда дававшие друг другу обещания пили вместе кумыс из одной чаши. На этом совет, или харагад, как называют совет кочевники, закончился. Пятеро уехали в свои станы, а трое остались на месте, где проходил совет, дожидаться своих войск и немедленно выступить в поход.

Как полноводные реки, на запад, текли к местам сбора, армии всадников, ведомые приказами своих королей. До начала похода оставались считанные дни, но Гаалику было неспокойно. Какая-то новая боль точила его душу, оставляя на ней рваные, пульсирующие раны, а ночью шамана все чаще мучили кошмары, как когда-то, когда он только начинал путь шамана. Ему приснился сон: в степи пасся табун лошадей. Они ели сочную траву, среди лошадей были взрослые кони, совсем маленькие жеребцы и кобылы. Но вот огромный черный змей спустился с небес и разметал стадо, пожрал всех животных, которых же не пожрал, то разорвал на куски. И лёг змей на месте, где до этого паслись лошади. Гаалик проснулся и сразу пошел к Йелдару.

– Господин, простите меня. Мы опоздали, едва ли что-то можно изменить. Простите меня, я должен был прибыть к Вам раньше.

– Что случилось, Гаалик, о чем ты говоришь? Армия почти готова к походу. Я никогда не видел такого количества всадников. Мы можем победить, Гаалик.

– Все уже произошло. Теперь мир погрузится в беспоря-

док, и живые захотят поменяться судьбой с мёртвыми. Если мёртвые тоже не утратят покой.

Йелдар задавал вопросы, пытался выяснить, что так повлияло на настроение Гаалика, тот отвечал односложно. Оба вышли на улицу. Шаман стал смотреть на небо. Но небо осталось чистым.

Один из воинов армии Йелдара лежал на траве, в оазисе среди белой песчаной пустыни. Он крутил в зубах травинку и думал о родных, которые остались за сотни вёрст от того места, где он сейчас находился. Далее ему суждено только удаляться от них. Зато солдат сможет вернуться прославленным воином, с богатой добычей, возвеличить свой род. Хорошо было солдату лежать и мечтать обо всем этом. Он открыл глаза и увидел бездонное синее небо. Тернги. Бог. Огромный и непостижимый. Вдруг на фоне синего неба появилась, какая-то черная точка. Сначала точка была совсем крохотной, меньше макового зернышка, но постепенно все увеличивалась, так что очень скоро солдат смог разглядеть дракона. Да, это был дракон, похожий на одного из тех, что он видел на тканях, украшавших царскую кибитку. Да и бабушка, как он помнил, рисовала на тканях примерно таких же существ. Но они ведь не существуют. Их никто никогда живую не видел. А если видели, то только лгуны. Но они ведь лгали, вне всякого сомнения!

– Дракон! – что есть мочи закричал солдат. Набрал в легкие еще воздуха и опять, что было сил – Дракон! – И тычет

пальцем в небо.

Змей огромен, поражает воображение. Похоже, он специально спускается к лагерю кочевников. Там уже царил переполох. Кони были напуганы, многие всадники тоже. Даже Йелдар в первые минуты появления дракона не знал, что делать. Но почти сразу нашелся и приказал сигналить единственный приказ, которым царь надеялся остановить дальнейшее бегство: "К атаке". Дракон ещё не успел сесть, только песчаные ветры, создаваемые его крыльями, тысячами песчинок били о людей, шатры и животных, а войска кочевников выстроились вдоль кромки оазиса, будто на берегу зеленого острова в безбрежном море белого песка. Остров-оазис имел форму полумесяца, так что зеленый остров огибал своими краями то место, куда приземлился дракон. Войска тоже выстроились в форме полумесяца. Йелдар и его союзники, короли Руннол и Самгал видели, что с этим зверем не справиться человеческой армии. Еще они видели, что другого способа противостоять дракону нет. Цари выехали впереди войска, перед монархами ехал Гаалик. Он почувствовал, что этот дракон должен быть ему знаком. Его огромные глаза казались знакомы. Шаман подъехал к чудовищу так близко, как мог, чтобы видеть его морду, которую зверь наклонил к земле, и слез с лошади, в знак уважения к монстру.

– Здравствуй, Гаалик. Вот какую службу ты решил мне сослужить. – Голос дракона был как сонм медных труб, страшный рев поднялся над пустыней. Ошеломленный, шаман

только произнес про себя:

– Господин. – И закрыл лицо руками.

– Не смей называть меня господином. Ты предатель, жалкий червь. Я растопчу тебя, раздавлю ногтями, как давят блох.

– Господин, что за сила овладела вами? Опомнитесь! – Шаман смотрел Хунхару в глаза, стараясь прятать страх, поднимавшийся глубоко внутри. В ответ дракон расхохотался. От содроганий его тела на песке начали вздыматься волны.

– Достойная меня сила. Я, Хунхар, стану единственным правителем номадов. Ты, Йелдар, ты, Руннол, ты, Самгал, можете стать моими слугами, тогда вы будете жить, и племена ваши будут живы. Через меня и через хозяина, которому я служу, вы получите власть над всей землёй и все богатства этой земли. Скоро вся земля под небом будет в руках единого властелина, того, кому служу я. Я делаю для вас благое дело, предлагаю служить великому господину, предлагаю вам сохранить ваши никчемные жизни. Если вы согласны, то поклонитесь мне и так вы почтите давшего мне силу. – Зверь смотрел на королей, те стояли молча, даже не переглядывались. Тишину нарушил Самгал:

– Каган чёрных номадов Хунхар. Как ты можешь считать себя правителем кочевников, когда сам ты перестал им быть? Разве ты кочевник? Номад – это свободный дух, подобный дикому ветру в степи или пустыне. А твой дух поработочен жаждой власти и сокровищ. Поработочён столь сильно, что

даже тело твое изменило свой вид. Ты превратился в чудовище и считаешь это силой. Я и мои орды никогда не пойдут за тобой. Я вижу, что ты можешь погубить меня одним своим движением, но я этого не боюсь и отсутствие страха делает меня сильнее тебя. –

Руннол переглянулся с Йелдаром.

– Наш брат Самгал все сказал. Мы считаем также. Слова его справедливы. – Громко заявил Йелдар. Дракон ничего не ответил. Тут же на глазах удивившихся солдат огромный дракон превратился в человека, высокого, сильного воина. Гаалик и короли узнали в нём Хунхара. Он подошел ближе к шаману и троим всадникам.

– Неужели вы думаете, что я вас боюсь. Вы смешны и убоги. Я могу убить вас голыми руками. Я вызываю вас троих на бой. Как раз согласно вашему достоинству будет напасть на меня сразу вчетвером. – Все трое царей почти одновременно соскочили с лошадей.

– Позвольте, я пойду первым – Просил соратников Йелдар. – Я позвал вас к себе для битвы, будет справедливо, если я первым пойду в битву. – Руннол и Самгал возражали, но в итоге первым пошёл Йелдар. Он был гораздо старше противника, но возраст короля не страшил. Они сошлись с Хунхаром в рукопашной схватке, как в древности боролись богатыри в племенах кочевников. Хунхар был в половину выше Йелдара. От него требовалось воистину высокое искусство борьбы, чтобы одолеть такого противника. Но Йелдар был

в себе уверен. Он пошел на встречу к противнику быстрым шагом, примеряясь на ходу, как лучше провести прием. Однако Хунхар оказался сильнее и быстрее. Йелдару не хватило реакции. Противник совершил к нему бросок невероятной скорости, схватил могучими руками, поднял над своей головой на вытянутых руках, держал так, что король белых кочевников только размахивал руками и ногами в бессильных попытках освободиться от захвата или нанести противнику удар. Хунхар же, держа над собой беспомощного пленника, повернулся на право и на лево, показывая добычу войскам, которые должны были слушаться ещё несколько минут назад человека могущественного, а теперь даже не имеющего возможности освободиться, не владеющего самим собой. Хунхар посмотрел на королей Руннола и Самгала, в этот момент раздался хруст, будто ломали ствол молодого дерева, Йелдар закричал от боли, это был хруст его позвоночника. Хунхар сложил противника пополам, кинул на землю, руками оторвал голову от туловища и кинул её к ногам двух королей, смотревших с ужасом на тот неравный поединок.

– Кто из вас думает, что будет удачливее этого старика, вашего собрата, и сильнее меня, подходите. Но прежде подумайте. – Ударом ноги он отшвырнул в сторону валявшееся перед ним обезглавленное тело Йелдара. Из-за поломанного хребта, оно лежало в жалкой, неестественной позе. Такую смерть точно нельзя было назвать славной, достойной воина и царя. Хунхар не дождался никакого ответа. Только Руннол,

самый молодой из трех королей, что стоял во главе объединенной армии, вскочил в седло, выхватил из ножен свою саблю, плоской частью ударил своего коня и поскакал на огромного черного воина, насмехавшегося над ними. Хунхар стоял неподвижно, только когда Руннол оказался совсем рядом, и его рука вот-вот должна была нанести удар, каган перехватил её, схватив у запястья, другой рукой схватил наездника за ремень, вырвал его из седла и со страшной силой, перекинув через себя, обрушил на песок, наступил на грудь и с хрустом раздавил грудную клетку. Из глотки Руннола вырвался фонтан крови в перемежку с внутренностями. Хунхар таким же небрежным движением ноги, каким отшвырнул тело Йелдара, теперь откинул в сторону тело Руннола. В Самгале проснулась ярость, которая сожгла страх перед этим чёрным воином. Ярость, которая заставила его отбросить условия и традиции поединков. Он скомандовал "В атаку" всему войску и тысячи всадников устремились на дерзкого человека, или дракона в облике человека, который убивал славных королей с той же лёгкостью, с какой лис давит в курятнике кур. Хунхар будто ждал этого. Кожа его начала превращаться в чешую, сам он стремительно стал увеличиваться в размерах и вот уже его огромный хвост крушил левое крыло армии номадов. Взмах крыльев – ураганный ветер остановил атаку правого крыла. Дракон разинул пасть, и столб пламени вырвался из его глотки, опалив несколько сотен солдат или даже тысячу, никто точно не скажет, сколько. Тьмы острых, тя-

жёлтых стрел, которые пробивают любой доспех, устремились в дракона, чтобы прекратить его буйство и усмирить неиссякаемый источник смерти. Ни одна из стрел не смогла найти слабое место в броне чудовища. Дракон взмыл в воздух и, летая над войском, поливал его огненным дождём, оставляя на оплавившемся песке обуглившиеся тела людей и лошадей. Войско номадов не выдержало такого натиска, люди бросились бежать, искали спасение в оазисе, некоторые бежали в пустыню. Дракон спустился на землю и начал уничтожать оазис. Он вытапывал растения, вырывал деревья, разрушал редкие постройки, даже вырывал куски земли и швырял их на песок так, чтобы ничего в оазисе больше не росло. Источник и озеро, сердце оазиса, дракон забросал землёй. Святилища белых номадов были уничтожены, сами их племена потеряли тысячи жизней. Чудовище неистовствовало несколько часов, пока на месте благоухающего, прекрасного оазиса, служившего гордостью короля Йелдара и его подданных, не появилось чёрное пятно с белыми прожилками, взрыхлённая земля вперемешку с белым песком, обожжённая огненным драконьим дыханием. Когда зверь успокоился, над этим местом разносились стоны, крики, плачь, молитвы и причитания, гул пламени, которое продолжало пожирать то, что оставалось ещё непожрано. Дракон топтался по этому пепелищу, смотрел на землю, будто искал что-то. Вернулся туда, где битва началась, и нашёл там обгорелого, умирающего Гаалика. Он не стал с ним ничего делать, было

видно, что шаман скоро сам отправится к Тернги. Перед тем как покинуть место гибели армии белых орд, дракон обратился ко всем, кто мог его слушать в тот момент:

– Вы, видевшие мою мощь, идите во все концы земли и рассказывайте о виденном. Пока не началось истребление, поклонитесь моему господину. Ибо то, что произошло здесь, произойдёт везде и со всяким, кто решится пойти против него. – После этих слов, дракон взмахнул крыльями и взмыл в небо.

Воин, который первым заметил приближение змея, теперь также лежал на земле и его глаза смотрели в небо, но сейчас они ничего не видели.

Глава 31. Кар-аб-Дабир.

Наар открыл глаза. Из-за тусклого света, он даже не сразу понял, что уже действительно проснулся. Ему показалось, будто он ещё спит и пробуждение – часть сна. Но через минуту-другую пришло чёткое осознание – проснулся. Ауэл стоял за пюпитром и молился. Юноша извинился, спросил у него, нет ли ещё письменных приборов для молитвы, хозяин достал восковую дощечку и стилус. Затем подошёл Даргал. Для него тоже нашёлся письменный прибор. Позади послышалось шевеление. Проснулся Кавэд. Придя в себя от сна, он тоже попросил восковую дощечку и стилус. Ауэл достал церу, так называют восковые дощечки, и для монаха.

– Извини, она не чистая, на ней записаны мои молитвы, но ты можешь их стереть, вот тебе костяной гребень для за-

чистки воска.

Кавэд принял с благодарностью всё, что дал ему настоятель храма, аккуратными движениями, благоговейно зачистил восковое поле, стал напротив стены, на которой был изображен развёрнутый свиток и стал записывать молитвы, обращения к Сеферу. Во время молебствия проснулся и Матайя. Нужно отметить, что у него хватило терпения и дожждаться, пока священники окончат молитву, хотя он лишь приблизительно представлял, сколько времени она ещё может продлиться.

– Спасибо вам, я давно ни с кем вместе не молился. Для меня будет радостью, если вы заберёте письменные приборы, что я вам дал. Обо мне не беспокойтесь, я ещё сделаю. – Наар, Кавэд и Даргал с удовольствием взяли предложенные подарки. Тем более что ни у одного из троих человек не было своих принадлежностей для письма, они были утеряны. Затем все сели завтракать. Ауэл ушёл в комнату, дверь в которую накануне вечером никто из гостей не заметил и вынес оттуда кувшин молока, ломоть сыра, буханку хлеба, корзину овощей.

– Обычно я завтракаю куда скромнее, но сегодня пусть будет праздничная трапеза.

– Вчера, казалось, вы были менее приветливы. – Матайя подвинулся ближе к корзине с продуктами.

– Вчера, вернее, сегодня ночью, вы разбудили меня после длинного трудового дня. Так что простите мне, если я вас

вчера чем-то обидел. – Ауэл раздавал еду гостям, разливал молоко по глиняным и деревянным стаканам. – Так что вы будете делать дальше? Куда отправитесь? – Писец задал вопрос и отправил в рот аппетитный, красивый кусок сыра, заев его пшеничным хлебом. Но ответ он получил не сразу, все были увлечены трапезой.

– Ауэл, как вкусно! Давно не пробовал ничего лучше! Просто праздник. – наперебой принялись расхваливать свой завтрак гости.

– Да, спасибо, очень приятно слышать. Трапезу, как и молитву, я давно ни с кем не разделял. Берите ещё, угощайтесь.

– Ауэл, ты нас прости, мы тоже вчера не всегда вели себя, как подобает гостям посреди ночи. – Даргал вспомнил их возмущение из-за огня в книгохранилище. Но, то ли они привыкли к нему за ночь, то ли вкусная еда заставила забыть раздоры, но сейчас никто из троих писцов уже не считал лужину, горевшую в комнате, чем-то преступным.

Ауэл махнул рукой в ответ:

– Всё в порядке. Так куда вы дальше направитесь?

– Мы с Кавэдом в Бэлду, куда и шли, пока нас не захватили и в цепях не привели в ваш город. На невольничий рынок. – лицо Ауэла сразу стало серьёзным:

– Вы беглые рабы?

– Нет, нас хотели сделать таковыми, но не успели. – отвечал Наар.

– Вам успели поставить клейма?

– Нет, не успели. Мне, как я понимаю, и не должны были ставить, чтобы не портить кожу.

– А мне не успели. Видимо, сразу должны были ставить клеймо хозяина, но продать не успели – Закончил Кавэд.

– Но вы сбежали с невольничьего рынка?

– Да мы сбежали оттуда. – Наар будто выдавливал из себя эти слова.

– Вы тоже с невольничьего рынка? – Ауэл обратился к Даргалу и Матайе.

– Да, мы тоже оттуда. – ответил за себя и за своего товарища Даргал.

Ауэл задумался.

– Простите, возможно, нам следовало сказать обо всём этом раньше. – начал Наар. Ауэл жестом остановил его и обратился вновь к Даргалу.

– На вас клейма есть?

– Нет. Клейм на нас нет.

– Вы уверены?

– Если бы мне раскалённым куском железа прижигали кожу, я бы запомнил. Да, я абсолютно уверен, что никто не делал мне никаких татуировок и ко мне не прикладывали раскалённый кусок металла. Матайя, а ты в этом уверен?

– Уверен. Абсолютно уверен. Как я понял, клеймят обычно сразу после продажи. Нас продать не успели.

– Просто, вас будут искать. Думаю, достаточно настойчиво, чтобы вам опасаться за ваши жизни. Но если на вас нет

клейм, и вас никто не узнает, то особо бояться нечего. Но, в любом случае, избегайте людных мест. Здесь вас точно искать не должны. Хорошо, вы идёте в Бэлду, а вы двое, куда направляетесь?

– Мы шли с караваном в Наппар. Из Бэлды, в пустыне на нас напали разбойники Кар-аб-Дабира.

– Наппар... На рынке я слышал, что Наппар теперь в руках у кочевников. Их полчища никак не остановить. Не думаю, что вам теперь есть смысл направляться в Наппар.

– Если Наппар ещё существует. Мой город Таирасс они разрушили едва не до основания.

– Ну, до Кар-аб-Дабира они едва ли доберутся. Хотя всё может быть. Скорее всего, они пойдут сейчас к Бэлде, так что вам нужно спешить. Иначе там вас могут встретить лишь руины на месте, где совсем незадолго до этого находилась Бэлда.

– В таком случае, я бы лучше просто отправился дальше на Восток, минуя Бэлду. – медленно проговорил Наар.

– А я всё же пойду именно туда, в одном из пригородных селений живут мои родители, жена с детьми, я не могу их оставить. – Сказал Матайя.

– Так ты их уже оставил. Они сейчас одни. Зачем ты их оставил?

– В Наппар я ехал на работу, знакомый предложил хороший заработок. Вместо денег едва не нашёл свою погибель. Знал бы, что всё так получится, ни за какие деньги бы не по-

ехал. Словом, я направляюсь в Бэлду, к родным.

– И я направляюсь в Бэлду. Там мой храм. Мой долг быть там. – сказал Даргал.

– Ну что же, вы в Бэлду, а вам двоим тогда дорога в Хоргонол. Это небольшой город на реке Стис. Когда-то там была паромная переправа.

– Спасибо, Ауэл. Но существует одна проблема. С нами в Кар-аб-Дабир прибыл один наш друг. Его зовут Кедир. Он воин. Но о его судьбе мы ничего не знаем. Оставить его здесь мы не можем. Конечно, если он здесь.

Ауэл сразу ничего не ответил. Помолчав секунд двадцать произнёс:

– Честно вам сказать, я не знаю, как помочь найти вашего товарища. Я сижу в своём храме и редко выхожу на улицу. Прихожан у меня тоже не очень много. В основном, это те, кто случайно попал в наш город. Местные жители не чтут молитву и благочестие, религию Сефера. Они либо вовсе никому не молятся, либо поклоняются таким истуканам, при одном виде которых пропадает аппетит, сон и желание жить. Единственное, что могу сказать: он либо на Невольничьем рынке, куда вам не добраться, либо его пытаются завербовать, стать одним из свободных воинов Кар-аб-Дабира, как себя гордо называют местные воры и убийцы.

Кедир и Наар переглянулись.

– Ну, – начал Наар, – нашего товарища не назовёшь праведником, но едва ли он согласится стать плечом к плечу с

местными головорезами. Тем более, что он водил караваны, вернее, был начальником охраны караванов. Не знаю, как часто ему доводилось пересекать Маниамму, но в караванах он провёл много времени. И дело своё знает. Может быть даже, его кто-то узнал. Кто-то из тех, с кем он боролся.

– Извините, – влез в разговор Матайя – У меня тоже вопрос есть. Как выбраться из этого города? Как я понимаю, караваны отсюда не выходят, только заходят и то, не по своей воле.

– Нет, ты ошибаешься. Неужели ты решил, что здесь одни купцы Кар-аб-Дабира продают товары другим купцам Кар-аб.-Дабира, а потом наоборот? Торгуют только друг с другом? Что же за торговля такая получается. Нет, из Кар-аб-Дабира идут караваны во все окрестные города. Просто они идут не основными дорогами. Неудобно идти центральной дорогой и вести с собой пятнадцать человек рабов, когда рабство запрещено и карается смертной казнью. Если в Империи ничего не поменялось и рабство не стало легальным. Да и курительные зелья, дурманящие напитки тоже в открытую не повезёшь. Наложниц можно назвать своими дочерьми, но городская стража может начать сомневаться, если вдруг дочери попросят защитить их от мужчины, который им вовсе не отец, а сладострастник с тугим карманом. Хоть гаремы не одобряются, и, кажется, даже запрещены, но ведь у многих аристократов и властимущих в Империи есть личные гаремы. Как вы думаете, откуда берутся девушки для

этих гаремов? – Ауэл развёл руками, – Верно, в том числе из Кар-аб-Дабира. – рассказчик распалялся в негодовании всё больше и больше – Эти кочевники, это и есть кара Всемогущего Сефера нам за наши грехи. Кто теперь предскажет, чем всё это закончится и когда. Но больше всего греха в Галиаре, поверьте мне. И Галиар, столица Империи – должен быть понести суровую кару. – после этих слов Ауэл замолчал. Обратиться к нему никто не рисковал, было похоже, что в ответ на любой вопрос или даже просто реплику он кинется на спросившего, будто спрашивавший один из тех, кто платит хорошие деньги за столь неугодные Сеферу товары Кар-аб-Дабира. Наар уже хотел было рискнуть и продолжить разговор, как тут настоятель храма заговорил сам.

– Несколько раз пытались уничтожить Кар-аб-Дабир. Император посылал войска, военачальников, снаряжали походы. И что? – он смотрел на собеседников обычным в таких случаях взглядом, который смотрит сквозь человека, потому что говорящий, на самом деле, общается сам с собой, а собеседник выступает таким артефактом, который позволяет и самому говорящему, и окружающим, не считать его безумцем, который общается сам с собой. – И что? – повторил Ауэл, – Ничего. Ничего не произошло. Только на рынке каждый раз после очередного такого похода разговоры о том, сколько денег было послано командующими карательным легионом, чтобы он отступил, не утихают месяц и суммы называются фантастические. Хотя, зря я так разошёлся.

Были и несколько осад. Правда, не при мне. Но ведь были. Значит, не всё так плохо – Ауэл уже улыбался, и совсем нельзя было сказать, что ещё минуту назад он был готов метать громы и молнии или броситься с кулаками на всякого, кто чем-то ему не понравится. Писец выдохнул. – Можно выбраться из города с караваном.

– Но это не очень просто? – Матайя спрашивал робким, едва не вкрадчивым голосом, боясь вновь задеть Ауэла, что выглядело довольно смешно при богатырском телосложении Матайи и маленьком, хрупком теле Ауэла.

– Ну, просто так тебя никто не возьмёт. Доберитесь до караванного двора, там посмотрите. Вы когда туда пойдёте? – Даргал и Матайя переглянулись:

– Сейчас и пойдём. Что нам ждать? – ответил Даргал.

– Да, сейчас. – поддержал Матайя.

– Тогда подождите. Я сейчас объясню, как пройти на Караванный двор наименее людными улицами и соберу для вас еды в дорогу. На весь путь ее едва хватит, но хотя бы на какое-то время. Впрочем, при желании ее можно будет растянуть на все время путешествия. Тем более, что денег у вас нет, а в пустыне вы съедобного не найдете. Скорее, съедят вас. – И Ауэл широко улыбнулся. – В караванах иногда едят путников. Животных не едят, они грузы перевозят. А путников, случается, едят. Человек же в качестве вьючного животного никуда не годится. Я имею ввиду, в пустыне. Так что, будьте осторожны. Извините, мне нужно сейчас отойти

недалеко, собрать кое-какой еды.

Ауэл вышел из комнаты в помещение, откуда недавно появился с корзиной еды к завтраку. Из-за небольшой прикрытой двери слышались возня, перетаскивание каких-то предметов. Гости предлагали свою помощь, но хозяин отказался. Минут через пятнадцать, он, с торжествующим видом появился в небольшом дверном проеме и протянул Даргалу корзину, чье содержимое было прикрыто куском серой грубой материи. Ауэл откинул материю и показал еду Даргалу и Матайе.

– Вот. Здесь много сытной пищи. Будете есть понемногу, хватит надолго. И голодными не будете. Это из моих собственных заготовок. Для себя держал, на случай путешествия. Сейчас решил вам отдать. Берите.– Матайя и Даргал в знак благодарности поклонились. В сумке были сухари, вяленое мясо, твёрдый копчёный сыр.

– Спасибо. Это царский подарок для нас. Мы будем за вас молиться.

– Да, другой благодарности мне не нужно. На караванном дворе будьте внимательнее и выберите наименее неприятный караван. – Тут Ауэл задумался, добавил.– Хотя и доброе лицо караванщика и приятные лица попутчиков, на самом деле, ничего еще не гарантирует.

Так Матайя и Даргал простились с Нааром и Кавэдом, поблагодарили Ауэла за все его благодеяния к ним и покинули храм, направившись к караванному двору.

– Теперь вернемся к вам – сказал Ауэл, едва закрыв дверь за ушедшими гостями. – Вы хотите найти друга, мы об этом с вами говорили, пока нас не перебили, кажется?

– Да, почтенный Ауэл. Вы давали нам советы относительно его поисков.

– Верно, вспомнил. Но в этом городе вы скорее себя потеряете, чем найдете кого-то. Надеюсь, вас не узнают, беглых рабов.

– Мы не рабы – начал закипать Кавэд. – Нас не успели продать в рабство. Мы не рабы!

– Да, хорошо. Только свободными людьми, чтобы ты знал, не торгуют. Как-то так получается. Здесь вы пока в статусе беглых рабов и лучше вести вам себя осторожнее. Если вас поймают, то калечить не станут, но приятного тоже не сделают. Иногда, например, беглым рабам срезают с подошв кожу и втирают в плоть стопы колючки. Так они никогда не смогут бегать. И делают это на площади пред тюрьмой, чтобы другие рабы боялись и гнали мысли о побеге прочь.

– Но как вы нам поможете? Или что нам делать тогда? Нам нужно найти Кедира. Вы один, без нашей помощи, его найти не сможете. Вы же не знаете, как он выглядит. И я не уверен, что Вы сможете узнать его, по нашему описанию. – Ауэл ничего не ответил. Все трое задумались.

– Тут только один вариант действий. Идти всем троим вместе и искать его. Тем более, что мест, где может находиться наш друг не так много. Кажется, вы так говорили. –

Предложил Наар.

– Так и есть. Что же тогда? Пойдемте, но на Невольничий рынок я пойду сам. Здесь иначе никак. – И против этого никто не возражал.

Все трое собрались и вышли из храма. На улице было пустынно, но, по мере приближения к центру города людей становилось все больше, скоро трое писцов стали просто частью большой реки из людей, бежавших по своим делам кто куда. Особенностью реки было отсутствие четкого направления течения. Она сразу текла налево и направо, затекая в дома, которые ограничивали русло этой реки и вытекая из этих домов. Иногда на улице встречалась телега, тогда людской поток обтекал ее, как большой камень, который сопротивляется реке, стоит у нее на пути. По-своему, это было даже интересное путешествие, ведь вчера вечером, убегая из тюрьмы, времени, чтобы рассматривать город, не было, только то, что само попадалось на глаза, удостаивалось какого-то внимания. Однако сегодня мешало напряжение, ожидание того, что в толпе раздастся крик: «Эй, вот беглые рабы с Невольничьего рынка!» Хотя Ауэл специально шел улицами, наиболее далекими, как от вчерашнего маршрута его гостей, так и от своего храма, беспокойство быть узванными не оставляло Наара и Кедира. Но человек не может долгое время находиться в напряжении, довольно быстро все трое начали забывать об опасности, расслабились, на сколько это было возможно.

– Стойте, мы почти пришли. Подождите меня здесь. – Хотя нет. Лучше обойдите площадь по этой улице. Да, по этой, мы сейчас на ней стоим, она кругом опоясывает Невольничий рынок со зданием тюрьмы. Встречаемся на противоположной стороне площади, у большого красного дома. Если меня еще не будет, то не мелькайте там лишний раз. Лучше идите медленно, но не привлекайте к себе внимания. Если, что я вас дождусь там.– Так каттавы и поступили.

Улица оказалась очень длинной. О ее размере говорит то, что она, имевшая в плане форму круга, совсем не казалась такой идущему по ней. Впечатления, что человек идёт по кривой улице, не было. Она казалась прямой. Наару с Кавэдом чудилось, что улица совсем не сворачивает. Только немного позже они, хорошо присмотревшись, увидели, что улица действительно имеет небольшое искривление, очень плавно поворачивает влево. Они шли по ней очень долго, пока не увидели впереди огромный, шестиэтажный красный дом.

– Кажется, мы пришли. Только Ауэла что-то не видно. – Наар и Кедир оглядывались по сторонам, но своего товарища так и не нашли.

– Что же, давай ждать.– Они стали напротив красного дома и стали делать вид, что оживленно беседуют. Не долго они так простояли, из проулка, ведущего на Невольничью площадь, быстрым шагом Ауэл и быстро увел друзей за собой, прочь от Круглой улицы, таково было её название.

– Судя по разговорам на площади и количеству мусора, что на ней ещё лежит, вчера здесь была едва ли не битва. – В полголоса говорил священник.

– Мы не знаем продолжения. Мы не оглядывались при беге. Вам не удалось что-нибудь узнать о нашем товарище? – Кавэд хотел услышать, есть ли новости об их товарище, от этого монах был нетерпелив и немного груб

– Да, узнал. Не уверен, что это он, но вам знать лучше. Один из охранников, с которым я разговаривал, расспрашивая о вчерашнем, рассказал, как о грядущем событии о казни какого-то воина, который был начальником охраны караванов и много лет зарабатывал этим на хлеб. Много местных грабителей были убиты им или его людьми. Пару дней назад, он был захвачен с одним из караванов и приведен в Кар-аб-Фабир. Его здесь случайно узнали.

– Похоже, это Кедир. – перебил говорившего Кавэд.

– Постой! Монах, где твое смирение? Будь сдержаннее, не перебивай! – Ауэл иронизировал и был искренне возмущен одновременно.

– Простите, Ауэл. – извинился Кавэд.

– Ты не перебивай, помолчи. Так вот, один из конвоиров узнал его. Когда-то этот ваш Кедир, если тот, о ком я говорю, действительно он, поставил отметину тому конвоиру на лице, шрам на всю щеку, не убил только чудом. Словом, тот его узнал, назвал и хотел даже убить, но ему не дали. Так вот. Его не убили, но отправили в другую тюрьму, которая не для

невольников, а для всех остальных, она в подземельях Дома городских отцов. Так здесь называется здание, где сидят главные воры, наиболее уважаемые. Они составляют некое подобие городского магистрата. Их избирают пожизненно, но могут сместить, если вдруг, по какой-то причине совершат что-то противное духу негласных правил, по которым живет город. Словом, повели вашего приятеля к Городским отцам на суд.

– Его судили?! – едва не вскрикнул Наар.

– Да, его судили. – Было похоже, что Ауэл что-то не договаривает.

– Постойте, мне кажется, я его вчера видел на невольничьем рынке. – Кавэд имел задумчивый вид, припоминающего что-то человека. На лбу появились целых три ломаных линии, брови он тоже сдвинул и даже прищурил глаза. Ауэл не стал дожидаться итога мыслительных потуг собеседника и продолжил:

– Может быть. Как я понял, его узнали и отправили в Дом городских отцов как раз перед самой дракой на площади.

– Так что там с судом получается, вы можете сказать? – голос Наара будто стал тверже, серьезнее. Он готовился услышать что-то совсем неприятное.

– В общем, его осудили на смертную казнь. Предлагали работать на город. Он отказался. Через два дня его казнят.

– Святые письма. – Едва слышно проговорил Наар. – Откуда вы все это узнали? Можем ли мы ему помочь и по-

чему его казнят через два дня, а не сейчас?

– Ох, юноша, ты много вопросов задаешь. Узнал я это от одного из охранников невольничьей тюрьмы, который заканчивал убирать мусор после вчерашней драки на площади. Он, в свою очередь, узнал все от родного брата его жены, который работает прислужником в доме Городских отцов и своими ушами слышал разговор вашего приятеля, ну, или того человека, которого мы считаем вашим другом, с городскими отцами. И суд тоже слышал. Казнят его только через два дня потому что в городе так принято. Все казни проходят в конце недели, в шестой день, если быть точным. Окончание жизни совпадает с окончанием недели. К тому же нужно оповестить население, ведь казнь – это зрелище. В этом Кар-аб-Дабир не отличается ничем от других городов на территории Империи или за ее пределами. А вот помочь ему, боюсь, мы ничем не сможем.

– Вы отказываетесь, даже не подумав. Так мы конечно не поможем.– Наар с упреком смотрел на Ауэла.

– Я понимаю ваше расстройство. Мы можем подумать. Кстати, давайте вернемся ко мне, там будет думать гораздо удобнее.

Друзья вернулись в небольшой храм Ауэла и на этот раз Наар и Кавэд были совершенно спокойны, когда обнаружили, что в их отсутствие горел маленький светильник, с едва заметным огоньком, который настоятель оставил, чтобы не рисковать добыванием огня кресалом. Светильник плавал в

бочке с водой, тонкими металлическим прутами блюдо с жиром и фитилём было закреплено по середине бочки, чтобы оно не могло приплыть к деревянному краю бочки. Для большей предосторожности, верхний её край был обит железом, так что если бы светильник вдруг, по какой-то причине всё же уткнулся в стенку бочки, дерево не загорелось бы. Писец зажег несколько лампад, стало светлее. Все трое сели на лавку, что стояла посреди комнаты. Разговор, не прерывавшийся и по пути к храму, продолжился:

– Так вот. Казематы дома Городских отцов находятся под зданием дома. Они отделаны камнем, толстыми глыбами выложены стены, полы, потолки казематов. Нужен десяток опытных рудокопов, чтобы разбить эти глыбы. Ему оттуда не выбраться, а к нему туда не пробраться.

– А ваш знакомый может узнать, в какой камере сидит Кедир?– Наар задавал вопрос и смотрел в пол, будто хотел там обрести что-то важное, что поможет вызволить друга.

– Если это Кедир. – вставил Кавэд.

– Это Кедир.– твердо ответил Наар.– Даже если это не он, то поможем достойному человеку.

– Да, пока мы будем помогать достойному человеку, Кедира продадут в рабство и мы больше его никогда не увидим. – Не унимался Кавэд.

– У тебя есть предложение лучше?– Наар оторвал взгляд от пола и посмотрел на друга.

– Нет. – коротко ответил монах.

– Тогда будем помогать этому человеку, в надежде, что он и есть Кедир. Ауэл, простите, мы перебили вас.

– Ничего, я все понимаю, все ваши переживания и споры. Тем более, что я уже все сказал. А по поводу моего знакомого, не хочу вас огорчать, но вынужден. Он сам в разговоре, случайно упомянул о вашем приятеле, в связи с грядущей его казнью. Он советовал мне ее не пропустить, хотя знает, что я к таким зрелищам совсем не охоч. Так что будет странно, если я начну проявлять интерес к осужденному.

– Стойте! У меня есть идея.– Наар едва не подпрыгнул.

– Тише, тише. Что за идея?

– У вас к осужденным на смерть разве не приглашают священников?

– Довольно редко. Только если они сами вдруг захотят. На сколько мне известно, чаще они просят либо какое-то любимое блюдо, либо женщину. А кто-то хочет вина, пива или дурманящей травы. Священники составляют здесь довольно слабую конкуренцию. Но если ваш приятель захочет пообщаться со священником, продиктует перед смертью свои грехи, которые я запишу, а потом сожгу, так, чтобы его несчастная душа очистилась, ему никто в этом не должен отказывать. Только если он сам так захочет. Предлагать ничего не будут. И даже в этом случае я не смогу к нему ничего пронести. Меня будут обыскивать. Если охранники что-то найдут, то просто убьют меня без лишних разговоров, а

храмовые рукописи сожгут, некоторые продадут. Не такой судьбы я себе хочу.

– Мне кажется, Кедиру будет достаточно пронести небольшое шило и для него уже будет шанс вырваться.– Наар развел руками, повернув ладони вверх.

– Ты хочешь, чтобы меня этим же шилом и убили? Здесь никто не посмотрит, что я священник, писец, библиотекарь. Как только шило найдут, меня им же и заколят. – Ауэл говорил быстро, будто спешил уговорить друзей, что не может им помочь. Может быть, он убеждал в этом и себя.

– Хорошо, почтенный Ауэл. В случае, если священник вдруг понадобится, я могу пойти вместо тебя. – Наар даже встал со скамьи, чтобы подтвердить свою решительность. Настоятель храма ответил не сразу, задумался.

– Ну, как сказать, – Неуверенно начал Ауэл. – Однозначно отрицательного ответа я дать не могу. Но и положительного тоже.

– Бросьте, кто вас знает? Сами говорите, что бываете в тюрьме крайне редко. Когда вы там были последний раз?– Кавэд решил поддержать Наара в споре.

– Последний раз – настоятель покачал головой. – Последний раз я посещал приговоренного к смерти более года назад.

– А до этого?

– До этого, еще, примерно, за полгода.

– Хорошо. И вы думаете, вас там запомнили?– Наар спра-

шивал с улыбкой человека, который знает, как ему кажется, единственный верный, очевидный ответ. Если же он не услышит ожидаемого, то только из-за упрямства или глупости собеседника. Собеседник продолжал упрямиться.

– Вполне могли. Именно по тому, что я там редко бывал. Редких гостей запоминают лучше. И потом, вы уберетесь из этого города, а я останусь. Власти знают, что в городе один священник, молящийся Сеферу. Тем более, что на вас, Наар, я совсем не похож. – На это Наару действительно не было что возразить. Он был юношей, хотя путешествие уже заставило его лицо приобрести более жесткие внешние черты, возмужать, но он все равно не походил на Ауэла, который был выше Наара на полторы головы, с большим носом и едва заметными ушами, спрятанными под шапкой волос. Здесь действительно было бессмысленно спорить. Ни зрячий, ни даже слепой, если бы ему дали осязать руками лица этих двух человек, не смог бы их спутать. Вдруг Наар стал напротив Ауэла и Кавэда, оставшихся на ней сидеть, начал переводить взгляд с одного на другого. Улыбнулся, потом улыбка становилась все шире и шире.

– Что? – недоверчиво спросил Кавэд.

– Что смешного? – хмурился Ауэл. Монах и священник посмотрели друг на друга. Потом посмотрели на юношу, затем еще раз друг на друга.

– Нет, и не думай. – Ауэл понял, к чему была улыбка Наара.

– Ну почему? Какое-то сходство у вас есть. У вас в храме зеркало есть?

– Нет, зеркала у меня нет. Откуда? Кто его пожертвует сюда? А купить мне его не на что.

– Хорошо. Тогда, может быть, есть просто ведро воды?

– Ведро воды есть. – Настоятель встал, вышел в комнату с провиантом, но потом почти сразу вернулся оттуда ни с чем. – Зачем ведро воды? Вон бочка небольшая, под лучиной. Чтобы искры или отвалившиеся щепки туда падали. – Он подошел к бочке и посмотрел на свое отражение в воде. Потом посмотрел на Кавэда и опять на свое отражение.

– Если сходство есть, то весьма отдаленное. – Подытожил он и сел на лавку, положив руки на колени. Теперь смотреть на свое отражение пошел монах. Он довольно долго сравнивал лицо, которое, которое он видел в отражении с лицом Ауэла и в итоге заключил:

– Нет, какое-то сходство есть, но весьма отдаленное.

– Ничего, для той частоты, с какой почтенный Ауэл бывает в тюрьме, Ваше сходство вполне достаточно. Словом, Кавэд, к Кедиру пойдешь ты.

Монах улыбнулся.

– Хорошо. Но нужно чтобы он сам захотел позвать священника, не забывай. Сами мы напроситься к нему не можем. Учитывая, какую славу Кедир имеет в здешних краях, к нам тоже проявят интерес, а может и казнят вместе с ним, если узнают, что мы его друзья. И еще, друг мой, я не совсем

понимаю, что сможет изменить мой визит к пленнику?

– Ты боишься?– Наар пронзал взглядом своего друга.

– Нет, не боюсь. Кедир тоже мой друг. Я просто хочу понять что и зачем мы делаем. Мы должны продумать, как окажем ему помощь. Наверное, он будет рад меня увидеть, но должен быть еще какой-то результат. Пока мне не ясно, к чему приведет наша встреча. – Кавэд вдруг начал проявлять несвойственную ему рассудительность.

– Даже если вам удастся каким-то чудом передать вашему другу нож или простое шило, или кусок веревки, это ни к чему не приведет. Ему не выбраться. Единственное, он сможет совершить самоубийство и избавиться себя от пыток, которыми его будут истязать перед тем, как казнят. – Ауэл произнес эти слова обычным, спокойным голосом, будто каждый день сообщал малознакомым людям, что их друзей ждут тяжкие муки перед смертью.

– То есть его будут пытаться?– переспросил Наар.

– Да, я же только что это сказал. Его будут пытаться. – Еще раз повторил Ауэл. – И что вы переживаете! С чего вы взяли, что он вас позовет? – так друзья спорили еще очень долго, сыпались обвинения в трусости, глупости, предательства. В итоге Ауэл, проклиная минуту, когда он открыл дверь ночным гостям, сам согласился пронести Кедиру тонкую, но прочную железную нить, которую еще предстояло раздобыть на рынке Кар-аб-Дабира. В душе священник надеялся, что идти никуда не нужно будет, что Кедир не позовет священ-

ника-писца, чтобы тот записал грехи и отпустил их сжиганием бумаги, на которой они записаны. Железную нить решили вплести в пояс, так ее могли бы найти только в случае, если бы кто-то из охранников решил разрубить пояс священника, что было маловероятно. Достать нить можно было одним движением. Поможет она пленнику или нет – никто точно сказать не мог. Но это было лучше, чем ждать, когда Кедира выведут на площадь и под крики толпы, измученного, казнят. Несколько дней, что оставались до казни, Наар и Кавэд проводили то в молитве, то в раздумьях, желая понять, найти способ, как помочь товарищу. Но все новые идеи разбивались об аргументы Ауэла. А ведь он уже сам проникся настроением своих новых знакомых и желал помочь пленнику, будто он его хорошо знал и обладал таким сокровищем, как общие воспоминания.

Вечером, накануне дня казни, в дверь храма постучали. Ауэл выдохнул и открыл дверь. Оказалось, ошиблись, искали постоялый двор. Настала ночь. Незадолго до рассвета опять постучали. На этот раз, оказалось, пришли из тюрьмы, хотя все трое отчаялись ждать.

– Ауэл, там один заключенный решил перед смертью со священником поговорить. Собирайся. – Настоятель храма удивился вид и перед выходом шепотом обратился к Наару и Кэвиду:

– Они знают мое имя. Я очень удивлен. Вот ключи. Если что – вы приехали ко мне с инспекцией от властей Эхаля.

Так будет лучше сказать. В Кар-аб-Дабир гости приехать не могут. До площади, где будет проходить казнь, дойдете так: сначала до красного дома у круглой улицы, он будет по левую от вас руку, когда выйдете с Кожевенной улицы на Круглую, затем идете по правой улице от этого дома, если стать к нему лицом. Будете идти прямо, никуда не сворачивая. Увидите толпу и деревянный помост с пыточными машинами – вы пришли. Я говорю на тот случай, если вам придется самим туда добираться. Вдруг я не успею вернуться.

– Ауэл, ты скоро? Сколько тебя ждать? Или ты хочешь, чтобы тебя переселили в тюрьму, откуда ближе ходить к заключенным, нам так не придётся тебя ждать! – Почему-то, стоявшие за дверью нашли эту шутку смешной и там раздался хохот. Ауэл ничего не ответил. Прощупал пояс, на месте ли нить и вышел за дверь, сделал вид, что закрывает ее ключом, который к ней не подходил, но этого никто не заметил, конвоиры спешили обратно, на улице было уже темно. Настоящий ключ остался у Наара.

Всю дорогу к тюрьме священник молчал, изредка отвечая на вопросы ведущих его конвоиров. Он больше думал о том, что сказать сейчас Кедиру и стоит ли передавать ему нить? Теперь времени для действий осталось совсем немного и едва ли она ему поможет. Так, в раздумьях и прошла дорога к Дому Городских Отцов. Ауэлу стало казаться, что всем известно о секрете его пояса, он сейчас будет разоблачен и казнен на площади. Он даже не боялся смерти. Каттав

понял, что боится пыток. Он физически почувствовал этот страх пыток. Однако смог быстро взять себя в руки и подавить волнение. Священника провели на первый этаж Дома, сквозь высокие двери, повели коридорами, лестницами. В коридорах пахло сыростью, бегали крысы, иногда даже пролетали летучие мыши.

– Я смотрю, у вас ничего не меняется. – обратился Ауэл к конвоиру.

– Только люди. И то – не везде.

– Скажи мне, а как удалось все стены, потолок, пол, вымостить такими камнями. Я все удивляюсь каждый раз, как бываю здесь.– Ауэл правда удивлялся, потому что шел по глыбам и окружали его каменные глыбы, блестящие, как начищенная медь. Так, один факел создавал достаточно яркое освещение. Вдобавок, было понятно, по одному виду глыб, что камни эти чрезвычайно крепкие и разбить их было непросто. Вообще, Ауэл пытался таким разговором просто скрыть начинавшее охватывать его волнение.

– Не знаю. – Коротко ответил конвоир. – Но сам удивляюсь. – они прошли еще с десятков метров. – Вот, он хочет перед смертью увидеть священника.– охранник показал на человека в углу камеры, лежавшего на куске какой-то ткани, постеленной прямо на каменном полу. Первая мысль Ауэла была: «Он же так простудится», а потом он сам понял, что угроза заболеть простудой, накануне смертной казни совсем не стоит беспокойства.

– Только не долго. – Предупредил все тот же конвоир, закрыв дверь за спиной у Ауэла. Тот сделал несколько шагов и оказался посреди камеры. Узник поднялся и встал перед священником.

– Доброго утра. – Голос узника звучал спокойно и безмятежно. Его даже можно было бы назвать успокаивающим.

– Доброго утра. – священнику очень хотелось назвать заключенного Кедир, но он решил, пускай пленник сам назовет свое имя.

– Меня зовут Кедир. Я прожил не очень праведную жизнь и сейчас хотел бы исповедаться.

– Похвальное желание. – Ауэл улыбнулся. Сейчас мы отойдем к противоположной стене камеры, вы продиктуете все ваши дурные поступки, все, за что вам перед собой стыдно. Я запишу их и сожгу. И ваша книга жизни станет чище. – Они отошли и сели напротив стены, скрестив ноги. Ауэл достал небольшой кусочек бумаги, чернильницу, обмакнул перо, сделал вид, что приготовился писать и сказал, глядя Кедиру в глаза:

– Наар и Кавэд знают, что вы здесь. – в ответ Кедир хитро улыбнулся, прищулив правый глаз.

– Они передали вам это – Ауэл посмотрел, нет ли за дверью охранника и убедившись, что нет, вытащил из пояса железную нить и положил ее под тряпку, что лежала на полу. – Они долго думали, как вам помочь и в итоге решили, что это может пригодиться.

– Спасибо. Это может и пригодилось бы. Но теперь нет времени. И из этих казематов не выбраться. Единственное, что я могу попробовать, это развязать драку, чтобы погибнуть в битве, как воин, а не на плахе, среди воров. Передайте моим друзьям, что я благодарен за их труды и рад, что Сефер свел меня с ними. Я позвал священника именно из-за знакомства с ними. Не знай я их, просил бы привести женщину, кусок хорошо прожаренного мяса да крепкого вина.

– Хорошо, Кедир. Теперь исповедуйтесь.

Исповедь прошла быстро. Тем более, для единственной исповеди в жизни человека. Накануне его смерти. Но она была искренней, и наверняка угодной Сеферу.

– У вас осталось минута. – Окликнул охранник заключенного и священника.

– Кедир, я понял, что эта железная нить теперь может использоваться вами только для самоубийства, хотя мы думали, что она вам поможет выбраться отсюда. Мой вам совет: идите до конца. Может быть, вы этими пытками, страданиями, искупите все, что было вами сделано дурного в жизни. Но решать, безусловно, вам.

– Да. Терпеть боль – мне. И за грехи свои отвечать мне. Не буду вам ничего обещать, Ауэл. Как получится. Местные палачи свое дело знают хорошо. Я о них наслышан. И смелости это не прибавляет.

Ауэл вышел из камеры. Кедир остался один. Он был рад произошедшему. Воин никогда не боится смерти, а Кедир

был именно воином, но воин редко задумывается о том, что идет после смерти? Новые битвы? Вдруг это будет мир, где можно будет пировать всю ночь с друзьями, проводить время с прекрасными красавицами, а днем опять бросаться в битву, чтобы вечером, за общим столом с почившими и вновь воскресшими друзьями испить кубок хмельного напитка. Или он просто никуда не поведет? Ведь есть люди, которые считают, что мы живы, пока живо тело, которое ест, спит, испражняется. Нет тела, нет и человека. Кедир смотрел на железную нить, что ему принес священник. Воистину, мы никогда не встречаем случайных людей. Если кто-то был в нашей жизни, то только из необходимости, обусловленной тем, что уже произошло и нам нужно с этим справиться, или тем, что ещё произойдет и нам тоже нужно подготовиться, чтобы правильно воспринять грядущее. Также и встреча с Кавэдом и Нааром, повлияла на Кедира. Раньше ему бы и в голову не пришло позвать священника. Теперь ему показалось это необходимостью. Железная нить все продолжала находиться в его руках. Зачем она теперь? Убить охрану? С ней это сделать было бы проще, но, при желании, он и раньше мог это сделать. Живым он едва ли выбрался бы из казематов. Убить себя самому и не дать врагу видеть как он, возможно, будет корчиться от боли и просить прекратить мучения? Разве таким должен быть конец воина, чье имя прославлено во многих краях? Нет, он пойдет до конца. Вытерпит все и враг не увидит страдания на его лице. А когда все

закончится, ему будет хорошо. Не важно, что будет значить это «хорошо», Кедир просто решил, что хорошо. И положил нить под тряпку, лежавшую на полу. Возможно, она пригодится следующему постояльцу камеры.

– Выходи, пришло твое время. – Лязг ключей в замке двери, спокойный голос конвоира, ничего не говорит о том, что происходит что-то особенное. Просто утро очередной казни. Кедир выходит молча.

Почему-то даже жуткий каменный каземат перестал казаться страшным. Кедир вдруг полюбил все вокруг и всех вокруг. Он шел на последнюю битву в своей жизни. Погибнуть при попытке побега из тюрьмы – не такая плохая смерть. Однако в ней нет победы. Кедир же хотелось вырвать победу из неприятельских рук. Еще бы, ведь люди, осудившие его, предвкушают зрелище, едва не торжество своего могущества. Казнь славного воина покажет всем, что с главами Кар-аб-Дабира нужно считаться. Вот, все казематы пройдены, Кедира подвели к остальным осужденным на смерть. Всего девять человек, но никто не знает, каким он пойдет, но все хотят первыми, чтобы быстрее все закончилось, ведь ожидание смерти – хуже самой смерти. Тем более не хочется смотреть на то, что тебя ожидает, слышать крики, стоны, мольбы о пощаде. Ведь бывает, что во время пыток люди сходят с ума от боли. Если толпа, любующаяся зрелищем, совсем теряет лицо человеческое и вместо него проступает звериная морда, то обезумевших несчастных, могут кинуть

на потеху толпе. Кар-аб-дабир был жестоким городом. Воин решил, что будет поносить последними словами своих мучителей и проклянет их. Однако потом передумал. Решил простить и просто молчать, не издав ни звука.

Площадь была хорошо подготовлена для проведения казни. Посреди площади стоял помост, на котором были установлены приспособления для пыток и казни. Наименее угрожающе выглядела большая деревянная колода с топором, которые даровали осужденным быструю и легкую смерть, при условии, конечно, что палач опытный и не промахнется при нанесении удара. Виселица была уже менее желанной. Угрожающе выглядели всевозможные тиски для ног, рук, головы, столы для растягивания, просто столы к которым привязывали жертву, ножи и щипцы, жаровни с углями, котлы с кипящим маслом и водой, в которых людей варили. Кедир готовился увидеть это разнообразие и оставался спокоен. Такое спокойствие воина обрадовало. Нужно было сохранять его до конца, такова первая часть битвы. Кедира не удивило огромное количество людей, заполнивших площадь. Впереди всех сидели какие-то старухи, занимавшиеся вязанием. Они принесли с собой небольшие раскладные стульчики, сели как только было возможно близко к помосту и за разговорами и вязанием стали ждать начала представления. Кроме старух на площади были также горожане всех возрастов, мужчины и женщины, богатые, и не слишком, бедные, просто нищие, были пьяные и трезвые, пришедшие компанией и

одинокие. Словом, казни в шестой день недели не оставляли равнодушными никого. Тем более, что казнили не каждую неделю. Стояли также в этой толпе Наар, Кавэд, Ауэл. Вообще они надеялись, что им не доведется увидеть друга среди казнимых, но когда его все же вывели, то все трое просто стали молиться за него, потому что более ничего сделать не могли. Каждого осужденного выводили на помост и зачитывали приговор. Наар про себя отметил, что вина каждого из осужденных у имперских юристов вызвала бы смех или просто улыбку. В Кар-аб-Дабире казнили не за кражу как таковую, а за то, что вор обокрал дом недавно овдовевшей женщины, мать совсем крохотного ребенка.

– То есть, если бы вор обокрал богатого, то его не казнили бы? – Наар пытался разобраться в хитросплетениях местных законов.

– Да, его бы не судили. – Начал ответ Ауэл. – Просто потому что у богатых людей здесь достаточно возможностей самим разрешить свои проблемы. Они бы нашли вора и обошлись с ним не хуже, чем сейчас поступают с этими несчастными.

Вора истязали довольно долго, около сорока минут. Каждый стон несчастного вызывал бурное ликование толпы, будто случалось что-то хорошее, приятное. Старушек в первом ряду забрызгало кровью, но они продолжали вязать как ни в чем не бывало, только платками вытерли следы крови на своих руках и лицах. После всевозможных пыток полужи-

вому мужчине отрубили голову. Толпа кричала, слышался свист. Следующим на помост вывели убийцу, который убил человека в пьяной драке.

– Что, в Кар-аб-Дабире судят всех убийц? – теперь спрашивал Кавэд.

– Нет. Он убил в пьяной драке. Поэтому его судят. Здесь каждый день происходит не одна драка, сотни драк. В честной драке, по местным законам убивать можно. То есть в такой, где дерущиеся решили драться по обоюдному согласию. Другое дело если ты, как этот несчастный, убил во время пьяного застолья. Это считается напрасное убийство. Вот оно карается, как видите, строго. Еще также строго карается убийство, если двое, или трое, или больше человек напали на одного. Тогда казнят всех, кто принимал участие в нападении.

– И как, все эти законы помогают?

– Насколько мне известно, людей казнить меньше не стали.

– Похоже, какие законы не установи, их все равно будут нарушать – продолжил Наар.

– Именно так.

– Вы же помните, что в истории Империи был период, когда казнили за карманную кражу. Но наказание отменили, потому что больше всего карманных краж происходило во время казней. – Кавэд пожал плечами.

Далее разговор не шел. Происходящее на помосте отби-

вало желание говорить. Хотелось уйти с площади, но мысль о том, что очередным несчастным может оказаться Кедир не позволяла никуда уйти. Прошло несколько часов, осталось трое осужденных. Кавэд даже подумывал, чтобы броситься к палачам и попытаться отбить товарища. Попытка заведомо обречена на провал, и скорее всего, на этом жизнь монаха тоже завершится, но это лучше, чем жить, вспоминая свое бездействие, когда пытали твоего товарища. Наар и монах решили подойти ближе к помосту. Пускай он хоть увидит, что они рядом, может это ободрит его в тяжелый час. Ауэл решил идти с ними, друзья начали пробиваться сквозь толпу плотно стоящих людей. Где-то они «работали» локтями, где-то было достаточно устной просьбы. Медленно они пробирались к центру площади. На краях площади начались крики. Иногда бывало, что толпа просила помиловать осужденного, в редких случаях это помогало. Ауэл сказал об этом друзьям.

– Но в случае с вашим приятелем это едва ли произойдет. Даже если толпа вдруг будет просить о его помиловании, Кедир помилован не будет.

Тем временем крики продолжались, но разобрать, что кричат, было невозможно. Кричали на неизвестном Наару языке.

– И что они кричат?

– Они кричат, что в город ворвались какие-то отряды, что они уже здесь, кто-то кричит, что ворота штурмуют, все ворота в городе. Орут даже о гигантских пауках, величиною с

лошадь.

Началась паника. Люди начали метаться то влево, то в право, упавших затаптывали. На помосте палачи решили закончить дело без пыток и оставшихся осужденных решили просто повесить. Наар с Кавэдом начали сильнее расталкивать стоявших на пути. Охрана почти сразу разбежалась, так, что со смертниками остались лишь три палача. Похоже, Кедир и сам решил не пренебрегать шансом, который дал ему Сефер. Растерянные палачи, не привыкшие к отпору со стороны своих жертв, оказались плохими противниками. Одно-го Кедиру удалось скинуть с помоста ударом ноги. Двое других бросились на приговоренных с топором и мечом. Скинутый с помоста, третий палач быстро поднялся, едва не запрыгнул обратно, но Кавэд со всей силы ударил его кулаком по макушке. Палач мешком рухнул на землю. Кедир заметил друзей, это действительно его заметно ободрило. Он даже рискнул атаковать палача, хотевшего зарубить смертника топором. Со связанными руками обороняться было не просто, но Кедир справился. Враг промахнулся, пленнику удалось накинуть ему на шею веревку, связывающую руки и Кедир начал его душить. Наар с Кавэдом подобрались ко второму из двух оставшихся палачей, он был растерян и поддался общей панике, охватившей площадь. Палач хотел бежать, но не мог оставить друга, который уже едва не задохнулся в руках у одной из своих жертв. Эти несколько секунд сомнений оказались решающими. Удар по голове и палач валится

на землю, как за минуту до этого упал другой палач. Только теперь Кавэд воспользовался дубиной для ломания костей, стоявшей на помосте, а не кулаком. Тем временем Кедир закончил душить палача. Кавэд мечом разрубил связывавшие его руки веревки:

– Я думал – это конец! – С радостью в голосе, кричал Кедир. – Но к счастью, ошибся!

– Мы тоже решили, что это конец. Но еще не ясно, что происходит. Нужно скорее отсюда убираться. – Торопил всех Кавэд. Тем временем на площадь выехали всадники. Они бороздили человеческое море, будто искали кого-то.

– Это люди Закхалья! – Кедир узнал своих недругов.

– И с ними кочевники. Я узнал их. – Кричал Наар.

Кедир накинул себе на голову маску палача, чтобы скрыть лицо, остальные набросили на себя капюшоны и уже четверо, вместе с подошедшим Ауэлом, поспешили прочь с площади. На улицах Кар-аб-Дабира шли бои. Это была яркая вспышка сопротивления, как иногда сопротивляется организм воздействию болезни, которая глубоко уже в нем угнездилась, но которую организм, по каким-то причинам не замечал раньше. Одна яростная попытка, максимальное напряжение сил. Тщетно. Закхаль не стал проводить осады, переговоров. Его оружием было золото. Злодею было хорошо известно, кого нужно подкупить, чтобы двери крепости открылись сами. Часть его войск постепенно прибывали в заранее город под видом купцов. Так что перед штурмом значи-

тельная часть, едва не половина отряда Закхаль была в городе. Ему сообщили о готовящейся казни Кедира, чему он решил помешать. Разыгрывать данную историю с длительной разведкой, переговорами с городскими Отцами Закхаль не хотел. Он чувствовал себя десницей Хунхара, могущественного кагана кочевников. Он понимал, что служба Хунхару, он служит чему-то невиданному, неизвестному до того времени. Эта сила позволяет ему не быть слишком осторожным. Не более, чем это было бы необходимо в пределах здравого смысла. На белой лошади, Закхаль выехал на площадь перед зданием Дома городских Отцов. К нему подъехал слуга.

– Вы нашли того мальчишку и Кедира? Они должны были быть здесь. Мы успели? Кедира нет среди казненных?

– Нет, уважаемый Закхаль. Среди казненных нет воина Кедира. Палачи убиты. Кедир сбежал.

– Растяпы! Отвечаешь головой за поимку этих беглецов. А лучше скажи Городским отцам, что у них сутки на поимку беглеца. Иначе им тоже не сносить голов. И рукопись, мне нужен тот юноша, что забрал у меня рукопись. Он тоже должен быть здесь. А теперь за дело, не стой здесь, как истукан! – Для большей прыти своего слуги Закхаль ударил его несколько раз плетью. Лицо несчастного исказила боль, но он сдержал крик, чтобы не вызвать гнев хозяина и не навлечь на себя новые удары.

Ауэл тем временем вел троих друзей прочь от площади. Теперь четверка шла самыми людными улицами, стараясь не

участвовать в драках, на сколько это было возможно.

– Куда ты нас ведешь?– спросил священника Наар.

– К тайному ходу из города.

– Ты уверен, что у нас получится им воспользоваться?

– Нет, не уверен. Я даже не берусь ручаться, что он действительно существует.

– Что это значит?– Кавэд чувствовал, что начинает злиться.

– Это значит, что я узнал о нем из рукописи, но никогда не имел возможности и необходимости это проверить. Я не могу вас отвести к себе, у меня очень небезопасно.

– Хорошо. У тебя не безопасно, но что нам делать в пустыне, без провианта, верблюдов, слонов. Нас погребут пески. – Кавэду все приходилось идти рядом с Ауэлом, чтобы слышать собеседника в общем шуме. Тот пытался уйти вперед, вести за собой остальных. От этого казалось, что Кавэд задерживает Ауэла, что очень злило последнего, мешало ему. Вдруг толпа ринулась назад, передние ряды начали напирать на задние так, чтобы те тоже разворачивались и бежали в обратную сторону. Многие оказались не готовы к такой резкой перемене, были сбиты с ног, их давили бегущие. Несколько минут было невозможно разобрать, что за причина заставила людей развернуться. Но немного позже, через пару минут все четверо увидели далеко впереди огромного паука, около двух метров высотой. Он был похож на одного из тех пауков, от которых Наар с Кавэдом спасались в Высо-

ких горах, на санях, запряженных каменными псами Уадура. Двенадцать маленьких паучьих глаз словно ощупывали толпу, искали что-то. Одновременно, они смотрели в двенадцать разных сторон, выхватывали из толпы отдельные человеческие лица, много лиц сразу, и вместе с этим, паук продолжал двигаться вперед. Он не убивал специально, но своими острыми лапами то и дело протыкал, ранил, попадавших на его лапы людей. За ним следовали несколько всадников из отряда Закхаля.

– Порождение Малакка. Раньше я их только в рукописях видел! Но нам нужно вперед!– Ауэл застыл от увиденного, но быстро очнулся от окрика Кедира:

– Вперед никак нельзя. Мы с ними не справимся. Веди в обход!

Ауэл рванул назад, что было сил, так, что за ним едва поспевали. Друзья бежали довольно долго и быстро, но все равно, казалось, что погоня их сейчас настигнет. Наконец проводник дернул Наара за рукав и все повернули в маленький узкий проулок, столь узкий, что Кавэду даже пришлось передвигаться в нем боком. Немного мешало оружие, спрятанное под одеждой. Три клинка беглецы подобрали на улице, один забрали с помоста, в начале бегства.

– Сейчас выберемся. Впереди, кажется, тихо. Во всяком случае тише, чем у нас за спиной. – Все четверо выбежали из переулка на улицу, она оказалась не очень широкой и не мощеной камнем. Благо погода была сухая, а дорога пыльная

лучше дороги, которая суть полоса размокшей грязи. Такие в Кар-аб-дабуре тоже бывали. Ауэл остановился.

– Минуту. Мне нужно отдышаться. Бежать больше не могу. – Священник присел, согнув ноги в коленях.

– Нет, нам нельзя задерживаться ни на миг. Если ты не можешь бежать, то хотя бы иди в нужном направлении. – Кедир под локоть приподнял обессилившего Ауэла, тот стиснул зубы, но ничего не ответил, лишь пошел в ему одному известном направлении, остальные следовали за ним. Вдруг рядом с Нааром ударилась в землю липкая нить паутины. Идеально белая, тонкая, она казалась воздушной. Трудно было поверить, что она опасна.

– Берегись. – Закричал Кедир. Огромный паук с невероятной прытью слезал с одного из домов, что были перед беглецами. Монстр спешил наперерез Наару и его спутникам. Вдруг с другой крыши, обороняющие город, вооруженные люди стали стрелять из луков по пауку. Несколько стрел даже смогли пробить кожу чудовища в районе брюшка, не защищенную там роговым панцирем, в отличие от головогруды, закованной в естественную броню роговых пластин. Чудовище резко развернулось в сторону стрелявших, в несколько прыжков достигло подножья башни, на которой укрепились обороняющиеся, и начало проворно по ней карабкаться. Сверху на паука полетели стрелы и камни, дротики. Приложив невероятные усилия, обороняющиеся смогли скинуть лезшего наверх паука вниз. Тот едва не рухнул на

спину, но в полете успел выпустить плотную струю паутины, зацепившуюся за камни, в верхней части башни. Сильный рывок вырвал оттуда несколько камней. Они рухнули сверху на паука, но это его только больше разлило. Он еще быстрее, чем до этого начал карабкаться вверх, полоску за полоской паутины посылал в защитников башни. Стрелы отскакивали от роговых пластин, покрывавших голову гиганта. Ему удалось взобраться на площадку вершины башни, убить своих обидчиков, но поврежденная ранее площадка не выдержала. Укрепление начало заваливаться внутрь себя, так башня обвалилась на половину, похоронив под своими обломками людей и паука. Однако Наар и его спутники не видели этой борьбы. Как только паук от них отвлекся, они бросились дальше по ставшему свободным пути. У Ауэла даже вновь появились силы для бега.

– Скоро, здесь уже не далеко. Лишь бы больше никто не помешал.– Кричал он друзьям. Те ничего не отвечали, только молча следовали за проводником. Через несколько минут все четверо оказались у городской стены. Вернее, в узком промежутке, между одним из городских домов и городской стеной. Наличие такого зазора было необычно, так как все дома в районе крепостной стены ставят вплотную к ней. Таким образом хозяин дома экономил на строительстве четвертой стены. Здесь же кто-то оставил узкий проход.

– И что теперь?– оглядывался Кедир.

– Потайная дверь должна быть здесь. Так, постойте. Я

тут впервые, нужно сориентироваться, вспомнить, где точно. – Ауэл в задумчивости начал оглядываться вокруг. П слышался конный топот. Все замерли, прикинув к средней части стены, чтобы прячущихся было не видно с улицы. Топот прекратился, наездники о чем-то переговаривались между собой на языки кочевников. Перекинувшись парой фраз, наездники ускакали прочь.

– Похоже, они ищут нас. Если я правильно разобрал слова. – сказал Наар.

– С чего ты решил, что нас?

– Они сказали, что из этих троих самый опасный воин, но его и монаха можно убить. Мальчишка Закхалю нужен живым. Хотя за воина он обещал какую-то награду. Кажется, что-то такое они друг другу говорили.

– Ты уверен? – переспросил Кавэд.

– Да, может я и ошибся, но, в любом случае, незначительно.

– Ты знаешь язык кочевников? Ты раньше не говорил об этом! – Кавэд был удивлён.

– Давай позже обсудим. Как только отсюда выберемся.

Тем временем Ауэл, прощупывавший стену надавил на какой-то кирпич, рядом с ним открылся люк в подземелье. Первые ступени лестницы, ведущей вниз, оказались засыпаны песком и камнями. Ауэл нажал второй раз, плита приняла первоначальное положение. Однако теперь местоположение тайного хода хорошо было видно, люк не был ничем замас-

кирован. Ауэл вновь нажал на камень и люк открылся снова.

– Идите, я закрою люк и замаскирую его.

– А что потом? Кочевники не очень жалуют служителей Сефера, тебе нужно идти с нами.

– Может и так. Но здесь мой храм и я не могу его бросить. Не искушайте меня. Все еще может обойтись. Бегите!

Беглецы переглянулись.

– Спасибо тебе за все, Ауэл.– каждый из троих друзей обнял каттава и все спустились в подземелье. При этом Кавэда, он спускался последним, едва не придавило закрывающимся люком. Конечно, механизм, закрывающий его, имелся и на лестнице. При нажатии на одну из ступеней, бывшую рычагом, плита начала задвигаться, перекрывая проход вниз. Кедир наступил на ступень когда Кавэд только начал спускаться. Монах поспешил, едва не скатившись вниз. Чудом, он удержался на ногах. Плита задвинулась. Шум стих. Наар, Кедир и Кавэд оказались во тьме и тишине.

– Так, а все уверены, что здесь лучше, чем в городе, только что захваченным неприятелем?– то ли в шутку, то ли в серьез спросил монах.

– Погоди, глаза немного привыкнут к темноте. Пока будем медленно двигаться дальше. – Кедир делал шаг за шагом, ощупывая ногой ступени. Каждую следующую ступень. Через пару ступеней лестница кончилась. Впереди стало заметно слабое зеленое свечение, которое исходило от бледно-зеленых пятен в стенах узкого коридора.

– Это уарит, кажется. – Наар поспешил к пятну. Да, это камень уарит. Он светится во тьме. У нас в библиотеке был один. Мы его заносили в темное помещение и любовались точно таким светом, бледно-зеленым сиянием. Не думал, что придется его увидеть. Для рабочего освещения он не подходит. Свет слишком бледный.

– Это смотря какая у вас работа. – Многозначительно заметил Кедир. – Ладно, довольно вам любоваться камнями. Нужно идти. – Негромко сказал воин и пошел дальше. Шли они недолго, пришли в довольно большую пещеру, в которой был подземный источник. Тьму там все так же разрежал свет уаритов. В пещере было немного оружия. Но больше, чем оружие друзья хотели найти еду. Еды там не было.

– Давайте хотя бы воды наберем. Хотя здесь нет ни бутылей, ни кожаных фляг. Ни даже глиняных или стеклянных кувшинов. – не найдя ничего подходящего для хранения воды, друзья просто напились её, сколько могли, даже через силу, потому как никто из них не знал, когда они найдут следующий источник.

– Жаль Ауэл ничего не сказал о том, где находится выход их этого подземелья. Или хотя бы его длину.

– А мы, в торопях, даже забыли об этом спросить. – До-садовал Наар.

Тем не менее, положение путешественников было не таким уж печальным. У них был путь, по которому они должны следовать.

Глава 32. Ауэл

Ауэл забросал люк песком и камнями, присмотрелся, чтобы это место не отличалось от песка и камней вокруг. Увидел, что все выглядит так, как он хочет, отряхнул руки, поправил капюшон, выдохнул и вышел из проулка на улицу, направился к своему храму. Бои на улицах уже прекратились, хотя кое-где еще слышны были крики то ли сопротивлявшихся защитников города, то ли просто защищавших свои жизни. Писец шел, стараясь не обращать на происходящее внимания. Однако, как только ему казалось, что он отвлекся, на пути появились конные разъезды номадов или просто группы агрессивных мужчин, чей вид сразу напоминал об опасности. Удивительно, но Ауэл смог дойти до своего храма. Он даже нашел его в порядке, то есть храма не коснулся огонь, а несколько пожаров в городе во время штурма все же вспыхнули и сожгли значительное число домов. Дверь тоже была в порядке, только пара отпечатков чьих-то ступней, чей обладатель, похоже, хотел дверь выбить, но это с первого раза не получилось, а прикладывать больше усилий он, почему-то, не захотел. Настоятель достал ключи, которые ему вернул Наар, перед тем, как спуститься в подземелье, открыл ими дверь, зашел, закрыл дверь и сразу пошел к пюпитру, чтобы помолиться. Он молился час или два. Молиться Ауэл любил. Каждый раз он восхищался тем чудом, которое происходит, когда кисть запечатлевает на поверхности листа

знаки, составляющие слова молитвы. И вот уже эти самые слова сможет прочесть другой, кто знает, как прочесть знаки. Молитва может быть перенесена в пространстве, времени на какое угодно расстояние. В пустыне ему доводилось видеть стелы с надписями о делах царей древних эпох, времен до Империи. Они жили тысячи лет назад, но стали бессмертны, потому что знаки на камнях донесли до потомков рассказы об их славных деяниях. Важно только, чтобы был человек, который сможет прочесть, написанные знаки, буквы, иероглифы, пиктограммы. В голове Ауэла возникла странная, богохульная мысль: а сможет ли тот, кто будет в будущем читать его письма, тексты, подписи, правильно их истолковать? Это был один из вопросов, над которым богословы религии Сефера много и долго ломали копыя. Общепринято было считать, что «да», сможет понять. И была в этом ответе правда. Однако многие считали, что «нет, не сможет понять, истолкует по-своему». В этом ответе тоже была правда. Ауэл для себя ответил на этот вопрос так: прочесть смогут многие, понять прочитанное – гораздо меньше. Зависит от усердия и способностей читателя. Священнику было очень хорошо, размышления создали некий кокон, который защищал его от реального мира, куда менее для него нужного, чем тот, который был в размышлениях. Теперь Ауэл стал сомневаться, имеет ли право человек как-то пытаться избежать жестокости реального мира, спрятаться от них? Ответить на вопрос библиотекарь не успел, мерных ход мыслей прервал настой-

чивый стук в дверь. Сойдя со своего места, Ауэл поспешил ко входу, чтобы открыть. Гости оказались очень нетерпеливы, стали выламывать дверь. Похоже, решили, что если не открыли сразу, то хозяев нет, поэтому нужно ломать дверь. Отсутствие хозяев – не повод отказаться от посещения дома.

– Прекратите! Сейчас открою! – спешил Ауэл. С той стороны, на улице, его то ли не услышали, то ли решили не слушать. – Да прекратите же вы! Сейчас открою. Вы мешаете мне открыть дверь. – Священник начал возиться с дверным засовом, который после сильных ударов в дверь стал плохо открываться.

– Ну что там у тебя? – нетерпеливый злой голос не предвещал ничего доброго. Впрочем, он мог лишь показаться агрессивным и недобрым напуганному Ауэлу. Наконец дверь поддалась, засов сдался и в дверном проеме перед писцом оказались трое, по виду номады. С ними был один местный, должно быть проводник.

– Ты Ауэл? – самый высокий из кочевников через переводчика, чьи обязанности исполнял все тот же проводник, задал вопрос священнику.

– Да, я Ауэл. – Он держался ровно, без волнения, не имея его во внешнем своем виде, хотя и был напуган.

– Пойдешь с нами. – Теперь говорил проводник.

– Хорошо. Я могу закончить кое-какие дела в храме?

– Не надо. За тебя все закончат, не переживай. – Теперь переводчик обратился к номадам, они о чем-то поговорили,

очень кратко, после чего один из кочевников уехал, оставляя в след за своей лошадью облака пыли. Через несколько минут он вернулся, но уже не один, а с какими-то людьми в оранжевых балахонах, чего Ауэл никогда раньше не видел.

– Вы кто? – спросил он странных гостей? Те ничего не ответили, прошли мимо него в храм.– Кто они? Что они будут делать в храме? – пытался узнать Ауэл у единственного местного жителя, бывшего рядом.

– Я не знаю, а для тебя это уже не важно.

– Нет важно! – не успел Ауэл продолжить спорить, как на него накинули веревку, связали, как мешок перебросили через конскую спину и повезли. В начале пути священник хотел криком заставить похитителей, он так про себя, назвал людей, везущих его неясно куда из дома, развязать его, ведь он мог и сам добраться, куда ему скажут. Однако потом передумал. «Пускай уж переживу это унижение, раз оно написано в моей книге жизни. Тем более, что эти люди едва ли прислушались бы к моим просьбам!» – решил пленник.

Ауэла привезли в Дом Городских Отцов, сняли, опять, как мешок, с лошади, развязали и толчком в спину объяснили, что нужно идти за человеком в белом платке на голове и красной тунике. Священник не задавал уже никаких вопросов, просто выполнял то, что от него требовали. Писец впервые был в Доме Городских Отцов, ведь нельзя же сравнивать посещение верхних этажей Дома с визитом в подzemелья, казематы, где он был буквально сегодня рано утром. Резиден-

ция правителей города разочаровала Ауэла. Слишком много кричащей, безвкусной роскоши. У священника, не привыкшего к обилию золота и драгоценностей вообще, такое количество богатства, которое выставляли на показ, довольно неумело, вызвало сперва отвращение, а затем улыбку. Пленника вели коридорами, залами, он поднимался по лестницам. Посчитал, оказалось, что дошел уже до четвертого этажа. «Это последний этаж. Если меня, конечно, не поведут на крышу». Верно, Ауэла повели на крышу, где его встретил человек, сидевший скрестив ноги на больших подушках. Он пил чай из пиалы, вокруг сидели городские Отцы, пять человек. Священник удивился, потому что знал, что их должно быть больше.

– Ты местный священник? И каково тебе служить в Караб-Дабире. – сидящий в центре человек отставил пиалу с чаем. Внешне он даже показался приятным Ауэлу.

– Благодарю Вас. Служится мне неплохо. Только иногда мешают грубые люди, которые почему-то обращаются с живым человеком, как с мешком песка. А так – все в порядке.

– Хорошо, что ты всем доволен. – Закхаль не обратил внимания на жалобу писца. – Скажи, ты не слышал, чтобы в город приходили писцы? Не встречал своих братьев-священников? – взгляд Закхалья стал пронизывающим, как будто он мог видеть ложь, если бы человек под этим взглядом отважился лгать.

– Нет. Я давно не встречал здесь священников. Всем во-

круг известна дурная слава Кар-аб-Дабира. Никто сюда добровольно не пойдет служить. Если только святые. А святых я в нашем городе не видел.

Закхаль ответил не сразу, помолчал некоторое время, не отрывая взгляда от священника.

– Хорошо. Теперь скажи мне, ты утром встречался с одним узником, он осужден был на смерть, вдруг попросил встречи со священником. Пришел ты. Ведь так было?

– Да, так было. Я поисповедовал несчастного и ушел.

– О чем вы говорили?

– Я же сказал, была исповедь. Кроме этого я еще напутствовал его перед смертными муками. Перед казнью его должны были пытаться, так он сказал.

– Больше ни о чем вы не говорили? Точно? Может, уважаемый священник, ты что-то забыл?

– Господин, к чему мне вас обманывать? Разве есть в этом смысл? Или я не понимаю, что ты все равно найдешь способ заставить меня заговорить, если я вдруг дерзну скрывать от тебя что-то? Вы задали вопрос, я ответил на него, как смог. Вы можете спрашивать, что хотите, я отвечу, если буду в силах. – Ауэл склонил голову, в знак смирения.

– Да, ты верно понимаешь, что я в любом случае найду способ заставить тебя заговорить. Но, священник, я все равно тебе не верю. Почему-то иногда люди мне лгут, хотя знают, что Закхалью лгать не нужно. Мои люди пока обыскивают город, твой храм. Ты пока отправишься в темницу. Мне

интересно, что найдут мои слуги. Тогда я решу, что с тобой делать.— Закхаль жестом приказал охране увести писца. Совпало, что его поместили в ту самую камеру, где не так давно они виделись с Кедиром. Под тряпкой на полу Ауэл нашел железную струну. «Надо же, сам того не зная, я принес её сюда для себя» — подумал узник. Затем начал размышлять о том, что воины Закхальи могут найти в храме? Ведь он, после возвращения ничего не убрал. Забыл обо всех предосторожностях. Там могут найти следы трапезы нескольких человек. Это не страшно, мало ли кто приходил к священнику. Могут найти свеженаписанные тексты молитв. Им несколько дней, но почерк гостей отличается от почерка Ауэла. Они, кажется, так и остались лежать на пюпитрах. Тогда можно не сомневаться в том, что их найдут. Можно попытаться доказать, что письмам несколько лет, даже месяцев, а не несколько дней. Можно даже убедить себя в том, что Закхаль поверит в эту ложь, вопреки своим, наемным библиотекарям, которые, разумеется, будут говорить другое. Остается только ждать, когда придут за узником, чтобы отвести в пыточную, где из него будут выбивать правду. Здесь Ауэл испугался. Он не был уверен в себе настолько, чтобы твердо сказать, знать, что сможет перенести истязания. Не выдать друзей. В голове даже скользнула мысль: «Может, рассказать все? Почему нет? Наар со спутниками, должно быть, уже ушел достаточно далеко. Или сказать, что Кедир сам знал тайный ход, а он, Ауэл был только связным между Кедиром и Нааром с Кавэ-

дом. После этого он их и не видел. Хорошая идея, но так можно было бы говорить, если бы Кедир заранее знал, что сможет убежать. А он не знал. Никто не знал, что Закхаль нападет на город. Тут Ауэла осенило. Ведь именно поэтому он может сказать, что Кедир откуда-то знал о своем неожиданном спасении, просил Ауэла передать Наару и Кавэду ждать Кедира в условленном месте, придумать какое-то место с тайным ходом из города, о котором тот же Кедир, якобы слышал раньше. Однако, поможет ли эта ложь спасти жизнь Ауэла? В этом священник очень сомневался. А зачем вообще хранить молчание? Кто они такие, эти неожиданные гости, которые превратили жизнь Ауэла в непредсказуемый бурный поток? Зачем страдать ради них? «Нет, это злой дух нашёптывает тебе такие мысли, Ауэл. Эти люди доверились тебе, доверили свои жизни. Ну, у них выбора не было. Потому доверили. Ты им ничем не обязан. Подумай о себе...». Каттав действительно задумался, потом усмехнулся и покачал головой: «Если я эту ношу свалю со своих плеч, она может придавить тех троих. Я не буду так поступать». Рука под тряпкой нащупала железную струну. Тонкая и прочная, она могла быстро избавить от всех страхов, разрешить все сомнения. «Нет, не думай об этом. Ты не имеешь права. Как же ты говоришь людям одно, а сам делаешь иначе? Разве это честно? Лицемер. Где твое мужество?» – продолжился внутренний диалог: «Нужно отличать мужество от бездушия. По своей глупости мне уже не выбраться отсюда живым. Больше, на

что я могу рассчитывать – это легкая смерть. Безболезненная. Почему-то я сомневаюсь в том, что мне удастся получить ее от моих пленителей. В противном случае, я могу наделать беды, если выдам друзей. Если решаться, то решаться быстрее, сейчас, никто не знает, сколько у меня времени еще». И он решился. Он достал струну, начал искать место, где бы ее прикрепить, чтобы повеситься на ней. Вернее, не повеситься, а зарезаться. Нить была тонкой и прочной, она скорее бы перерезала бы горло, чем позволила умереть от удушья. Но Ауэл не успел. Другой была последняя страница в его Книге жизни. Пришли конвоиры и отвели его в городскую сокровищницу, где в то время находился Закхаль.

– Знаешь, священник, я тебе почти поверил. Но... как ты думаешь, что странного нашли мои люди в твоём храме?

– Думаю, их смутили следы трапезы нескольких человек и, возможно, тексты, написанные письмом священников, другим почерком, отличным от моего.

– Точно. Почему же ты о них раньше мне не сказал? Очень обидно, когда тебя обманывают.

– Да, у меня были в гостях паломники, два писца-священника. Они с караванами пришли в Кар-аб-Дабир. Я не спрашивал их, как так получилось, что они оказались в этом городе. Мы с ними и не общались. Только общая молитва и трапезы. Ушли они в Бэлду. – Ауэл старался не сбиваться, говорить уверенно.

– Спасибо тебе, Ауэл. Но теперь мне не интересно, что ты

здесь и сейчас мне рассказываешь. Мы с тобою, скорее всего, больше не увидимся. Твои рассказы будут записывать другие люди. И другие люди будут с тобой общаться. Я только хотел сказать тебе, что ты очень глуп и взялся помогать не тем. Ты ошибся, Ауэл, очень ошибся.

– Знаешь, господин,– Ауэл вдруг улыбнулся, ему стало легко и просто. – Я едва не ошибся, но Сефер уберег от ошибки. Сейчас я уверен, что все делал и сделаю правильно.

В ответ Закхаль лишь пожал плечами и скривил рот в криковой ухмылке:

– В казематы его. Вытяните все, что сможете.

Мучения растянулись на три дня. Ауэл, вопреки своим ожиданиям, ничего не выдал. Утром четвертого дня, каттава нашли в камере мертвым, он умер ночью во сне. На измученном лице его была улыбка.

Глава 33. Битва за Бэлду

Заговорщики долгое время преследовали императора. Князь Галсаф отправился в лагерь, приводить к присяге на верность Верховному Синклиту Империи те части, командиры которых давно согласились на это, то были друзья и знакомые Галсафа. Остальные пытались в Бэлдских лесах найти императора.

Казалось, что уже близки арьергардные разъезды кочевников, их передовые отряды с которыми вот-вот должны начаться стычки. Преследователи решили не испытывать своих судеб и, не найдя императора, вернулись к Галсафу, кото-

рый теперь от имени Верховного Синклита должен был руководить армией. Как и ожидалось, далеко не все армейские отряды оказались готовы присягнуть Синклиту. Князь Страмир отказался наотрез.

– Ваше императорское высочество, где тело государя? Где сам император? Вы можете объяснить, что произошло в лесу? – Князь был растерян, не понимал что происходит. – Как такое могло произойти?

– Князь Страмир и все, кто присутствует здесь, у дворца коммита Бэлдской провинции – площадь у дворца была заполнена людьми, все хотели узнать, что случилось с Владаром. Как всегда в таких случаях, было огромное количество слухов, которые распространились по городу буквально за несколько часов. Слухов, один другого фантастичнее, но из-за фантастичности и невероятности своей более популярные в народе. Хотя была и значительная доля тех, кто считал, что на Императора в лесу напали заговорщики, которых возглавлял Галсаф. Сам же двоюродный брат Императора пред лицом тысяч людей, собравшихся на площади, рассказывал следующее:

– Война, которую ведет Империя с врагом невиданной до ныне силы, показала нашу слабость, обнажила недуги государства. Верховный Синклит Империи принял решение, что для общего блага, следует ему принять руководство войсками и государством. – в толпе зашумели, Галсаф повысил голос – многие легионы, отряды, благородные князья, графы,

бароны, присягнули Синклиту и присяга продолжается в настоящий момент.

– Где Император?– кричали из толпы. Галеаф выдержал паузу.

– Государь погиб – в толпе мгновенно закричали: «Лжецы! Убийцы! Вы его убили!». Но были и другие крики: «Дайте его высочеству договорить! Послушайте его!» Галсаф вновь выдержал паузу.

– Он проверял состояние дорог вокруг города. Я был с ним рядом. Мы, должно быть, заехали лишком далеко, потому что столкнулись с отрядом кочевников. В драке государь был тяжело ранен, потерял сознание, еще несколько воинов убито. Мы уже начали одолевать врага, но они схватили тело его Величества и скрылись.

– Это ложь. – сказал тихо Страмир, стоявший рядом с Галсафом – Это плохо сколоченная ложь. А вы – предатель. – Галсаф делал вид, что не слышит обвинений Страмира, говорил дальше.

– В это трудно поверить, но императора больше с нами нет. Я не исключаю, что найдутся негодяи, которые станут выдавать себя за нашего государя, но мы обязаны им не верить. Возможно, в скором времени, кочевники предложат нам выкупить его тело. Тогда мы обязательно это сделаем. Пока же вся власть переходит к Верховному Синклиту Империи. Договоренность об этом была заранее достигнута с императором на случай такого развития событий.

– А если государь остался жив? Если сможет бежать из плена? – Кричали из толпы.

– Тогда власть будет возвращена ему, как подобает по древнему закону Империи. Самозванцы же будут жестоко наказаны.

Князь Стразмир тем временем отошел в сторону от Галсафа, позвал нескольких драммиатов, преданных ему.

– Мне нужно, чтобы вы обошли все самые темные, отдаленные места вокруг Бэлды, заглянули под каждый лист в местных лесах. Я не верю ни единому слову из того вздора, что несет сейчас перед этими баранами Его Высочество. И не спешите присягнуть Синклиту. Я буду внутри дворца коммита. Пригласите его ко мне.

Галсаф дальше рассказывал о тяжелом испытании, постигшем Империю, о доблестном Синклите и так далее. Он убедительно говорил о маловероятных вещах. Закончил он призывом «Крепитесь и достойно служить верховному Синклиту Империи, как того и хотел государь». Многие поверили в эту ложь. Однако не все. Князь Страмир, собрал верных Владару людей, верных Империи и начал совет с ними.

– Мои братья, друзья, соратники. Должно быть, мы слишком долго и усердно грешили перед Создателем, начертавшем наш мир, раз он послал нам за последний год несколько тяжких испытаний. В тяжелое время войны он, возможно, забрал у нас государя. Однако же, лично мне кажется, что злодеяние было совершено не руками кочевников, но, ско-

рее всего, руками князя имперской крови Галсафа. Мы не можем присягнуть Синклиту. Я уверен, это заговор. Предлагаю всем, кто согласен со мной, отдать приказ подразделениям не присягать Верховному Синклиту Империи. Князя Галсафа арестовать, избрать из числа командующих армией достойного военачальника для продолжения ведения боевых действий. Отправить в Галиар группу офицеров, аристократов, которые должны будут разобраться с Верховным Синклитом Империи. Хотя, с отправкой делегации в столицу нужно повременить до ареста Галсафа. Его Высочество нужно будет допросить. Кажется, ему будет что нам рассказать. Вы согласны с таким планом действий? – Сидевшие на скамьях в одном из залов воины, командиры, составившие совет имперской знати, встали, в знак одобрения и согласия. Легиат Ярмир, высокий, с чернобородый мужчина, крепкого телосложения, поднял руку, он хотел сказать слово. Никто не возражал.

– Предлагаю, пока не найден будет государь, избрать главою нашим светлейшего князя Страмира. Его Величество доверяет ему, мы все знаем преданность светлейшего князя Императорскому престолу. Человек честный, ставящий интересы Империи, Отечества выше всего. Есть ли те, кто против избрания? – зал ответил молчанием. Тогда Ярмир первым достал из ножен свой меч, подошел к огромной деревянной доске, стоявшей тут же, в зале и нацарапал на ней первую букву своего имени, затем поверх неё написал первую бук-

ву имени Светлейшего князя. Повернулся к Страмиру, сделав легкий поклон головой. Его примеру последовали все прочие, кто был в зале. Ни один не отказался. Это была форма такой временной присяги, когда один аристократ, по каким-либо мотивам шел на службу к другому, признавал его главенство над собой. Прекратить действие присяги было тоже довольно легко, если сравнить, например, с присягой императору. В данном случае было достаточно заявить во всеуслышание, что такой-то аристократ отказывается от данной ранее присяги такому-то аристократу, нарисовать первую букву своего имени, обвести ее кругом и перечеркнуть. Драммиаты и сотники подходили к доске по несколько человек сразу, чертили острием меча свои имена, обводили их, кланялись и уходили, за ними шли следующие.

Князь Галсаф находился у себя в шатре. Он уже почувствовал вкус победы. Как-то все слишком легко получилось. Однако, оставалась проблема: никто из его соратников по заговору, тех кто остался в лесу, чтобы расправиться с Владаром, до сих пор не вернулся. Галсаф отправил в леса еще несколько десятков людей, с приказом убить Владара, если они его встретят. Однако от них тоже пока не было вестей. Галсаф дал приказ не покидать Бэлдских лесов до тех пор, пока в них не появятся номады. Тогда можно будет спокойно уходить в надежде, что государь попадет в руки к врагу. Если же, варвары запросят за него выкуп, всегда можно будет сказать, что варвары обманывают, что у них самозванец

и не давать никакого выкупа. Вдруг в шатер вошел взволнованный Халим.

– К нашему лагерю приближается отряд всадников, несколько десятков человек, первым скачет князь Страмир. Что-то недоброе я чувствую.

– Халим, возможно, ты и прав. Но у нас уже достаточно сил, чтобы противостоять им. Кроме того, мы ведь сперва поговорим с Его Светлостью. – На последнем слове в шатер зашел сам Страмир вместе с несколькими драммиатами и стартигами.

– А вот и он! Мы ждали вас, Ваша Светлость. Вы решили присягнуть Верховному Синклиту Империи в моем шатре? Или решили сами сообщить мне, что вы уже присягнули Синклиту и готовы трудиться на благо Империи?

– Безусловно, готов, как раньше. И так будет всегда. Именно поэтому никогда не соглашусь присягнуть кому-либо, кроме Императора. Многие поверили в ложь, которую вы сегодня извергали на главной площади Бэлды. Многие, но далеко не все. Среди не верящих вам я и многие, многие другие. – Галсаф хотел прервать Светлейшего князя, тот жестом остановил его. – Молчите, ваше Высочество. Вы сегодня сказали более, чем достаточно.

– Ну нет! – закричал Галсаф – Вы много себе позволяете! У Вас уже не то положение, что было при моем брате. Вам нужно быть осторожным в своих словах, взвешивать каждое слово и каждый день доказывать свою преданность Синкли-

ту и мне, как представителю Верховного Синклита в Армии. Иначе вы будете арестованы и отправлены в столицу, где вас будут судить. Вам не следует пренебрегать дружбой со мной! И тем более – давить на меня. – Галсаф выжидающе смотрел на Страмира, на скулах играли желваки и из ноздрей должен был вырваться огонь. Он хотел увидеть испуг в глазах соратника сверженного властелина. Страмир же оставался спокоен, это ещё более злило заговорщика.

– Ваше Высочество, князь имперской крови Галсаф, вы обвиняетесь в государственной измене. По решению временного армейского командования вы арестованы на время, пока будет вестись расследование случившегося. – К Галсафу подошли два драммиата, чтобы взять его под стражу, тот вскочил с места:

– Постойте. – Он пошел к сундукам, стоявшим в углу шатра, начал там что-то искать. – Вот. – Галсаф протянул Страмиру свиток пергамента с вислой красной императорской печатью. – Здесь записана воля императора. Вы можете убедиться, что я лишь исполняю волю государя. Медлить с ее исполнением я не хочу, идет война и оставлять Империю без руководства нельзя.

Страмир развернул свиток, начал читать. Действительно, речь идет о передаче власти Верховному Синклиту Империи в случае, если с императором что-то произойдет. Подпись государя. Место подписания – Наппар.

– Император Владар не обсуждал этот вопрос ни со мной

и ни с кем из своих ближайших соратников. Он о нем даже словом не обмолвился. Это более чем странно. Император никогда не говорил о действиях на случай его гибели. Все это заставляет меня сомневаться в подлинности документа. – ровным голосом произнес Страмир.

– Да как вы смеете!– закричал Галсаф. – Не приходило ли в вашу светлейшую голову, светлейший князь, что вопросы престолонаследия слишком важны, чтобы обсуждать их с кем попало.

– С кем попало такие вопросы действительно не обсуждаются. Все важные вопросы, так или иначе, государь обсуждал со мной. В любом случае, я заберу у вас эту грамоту, ее должны посмотреть доверенные мне писцы.

– Нет, я не отдам вам ее. От вас можно ожидать любой мерзости.

Страмир с презрением смотрел на стоявшего перед ним человека.

– Да, у вас титул «князь императорской крови», но трудно поверить, что у вас с государем одна кровь. Я вынужден вас арестовать.

– Нет, этого не будет.– Тихо сказал Галсаф.– К оружию! – Едва успел крикнуть князь крови, как в шатер начали вбегать солдаты, ждавшие снаружи. Теперь Страмир и его соратники оказались в меньшинстве. Они стали кругом, спина к спине, с обнажёнными мечами, готовые к бою. Галсаф почувствовал себя гораздо увереннее.

– Предлагаю вам сдать оружие, без сопротивления. Это поможет вам сохранить жизни. Господа, – Галсаф обратился к окружавшим светлейшего князя союзникам и соратникам. – предлагаю вам в последний раз хорошо подумать. Несколько шагов вперед, разворот лицом к светлейшему князю и ваше будущее будет куда более интересным, чем оно мне видится в данной ситуации. – В ответ только один из драммиатов криво улыбнулся. Остальные совсем не шелохнулись.

– Ну что же, выбор сделан. Арестуйте их. – По команде солдаты двинулись к Светлейшему и тем, кто были с ним. Завязался бой. С улицы в шатер въехали несколько всадников из свиты князя Страмира, они ждали снаружи, им удалось сделать небольшой коридор для выхода из шатра, среди солдат неприятеля.

– Скорее! Уходим! – Страмир и его соратники едва успели запрыгнуть на лошадей, как увидели, что появились еще солдаты противника, кольцо окружения стало слишком плотным. Противников Синклита теснили все больше и больше. Тут Светлейший князь увидел, что из городских ворот Бэлды выходит отряд, с темно-синими знамёнами, с изображением головы льва, нашитой золотом на знаменах. Это было его родовое знамя, его отряд. Должно быть, бой в лагере князя императорской крови был замечен с городских башен, и так светлейшему князю было отправлено подкрепление. Кавалеристы мчались во весь опор на помощь своему господи-

ну. По мере приближения к лагерю Галсафа, солдаты начали различать, среди прочих, витязя в синем плаще и с позолоченными наплечинками, которые носил Страмир. Цель была одна – защитить этого воина и живым доставить в Бэлду или, если он прикажет, остаться и продолжить бой, но уже с ним рядом. Солдаты Галсафа были гораздо хуже дисциплинированы, их незначительное численное превосходство не имело значения. Страмир остался благоразумен, в пылу боя сохранив холодный рассудок. Был большой соблазн тут же разметать лагерь Галсафа, уничтожить оплот заговорщиков, но противник получал все больше подкреплений, рано или поздно Страмира и его воинов одолели бы количеством. Сторонники Галсафа, по его примеру, расположили свои отряды не в самой Бэлде, но у её стен, поэтому сейчас имели численный перевес. Нужно было отступать. К счастью, городские ворота открыли союзники Светлейшего князя, находившиеся в городе и он со своими людьми смог спастись за городскими стенами. Преследователи, в главе с Галсафом остановились у уже закрытых городских ворот. Князь имперской крови словами принялся увещевать солдат, смотревших на него с городских стен и площадки над воротами. Гарцуя на лошади, князь стал выкрикивать:

– Вы помогаете скрываться мятежнику. Откройте ворота и вы будете помилованы! – Тем временем к стенам Бэлды подходили все новые и новые отряды сторонников Верховного Синклита Империи. Среди них было много людей чуж-

дых всяких интриг, но веривших всему, что им говорили. Они не были плохими, просто чувство верности трону было слабым.

С площадки над воротами склонился князь Салвар, коммит Бэлды. Увидев его, Галсаф замолчал, чтобы вдохнуть воздуха и продолжить свою несложную речь, в этот момент Салвар перехватил инициативу:

– Ваше Высочество! Смотрите, у меня на щеке, на правой, свежий шрам. Он получен в битве у Поющих холмов. На моем теле много ран, они все получены в боях во славу Империи и императора. – Князь Салвар провёл пальцем по глубокому шраму на левой щеке. – И у отца моего и деда и деда моего деда были шрамы, полученные в боях во славу трона, что стоит в императорском дворце царствующего града Галиара. Не Синклиту мы служили, не соборищу самовлюбленных богачей, думающих, как бы своё богатство приумножить, а человеку, поставленному править нами, великим Творцом. И я, князь Салвар, коммит императорской провинции Бэлда никогда не присягну верховному Синклиту Империи. Терпеть я его готов, но служить ему – нет.

– Что вы все вцепились в этого покойника! Владара нет, он у кочевников. Я только исполняю его волю! – Далее начался спор, крики, взаимные обвинения.

Пока коммит Бэлды спорил с мятежниками, Светлейший князь проводил проверку, допрос знати, оставшейся в городе, внутри городских стен. Многие были рады узнать, что

присягу Верховному Синклиту, при желании, можно считать недействительной. Однако некоторые заявляли, что изменять данной присяге не хотят и прямо заявляли, что поддерживают Синклит. Была часть тех, кто не успел принести присягу, они поддержали Страмира. Верных Верховному Синклиту было решено выпустить из Бэлды, взяв с них слово, что они не присоединятся к Галсафу. Таких было не много, поэтому даже при условии, что слово нарушат все они, князь императорской крови не получил бы значительного подкрепления. Они вышли через небольшие двери в городской стене, с противоположной стороны от той, где стоял Галсаф с мятежниками. Таким образом, получилось, что Бэлда, город, был в руках у сторонников Императора, а вне города, под его стенами, были сторонники Верховного Синклита Империи. Салвар с Галсафом разошлись, ни о чем, разумеется, не договорившись. Войска от городских ворот князь императорской крови не отвел.

– Немедленно пошлите гонца к номадам. Нам нужны переговоры, нам нужен мир любой ценой. – Отдал приказ Галсаф своему ахону.

– Ваше Величество, кочевники до этого не шли ни на какие переговоры, думаете, что сейчас пойдут?

– Я не намерен сейчас это обсуждать. Пусть едет граф Левкос. Он достаточно красноречив и умен, чтобы справиться с этой задачей. Пусть отправляется немедленно. Есть ли новости из Бэлдских лесов? – так Галсаф интересовался, не

нашелся ли император.

– Нет. Ничего. Направили еще людей.

– Ладно. Я уже объявил, что его захватили номады, так это и оставим. И Левкос пускай говорит, при случае, что едет к кочевникам вести переговоры о выкупе тела императора. Не все могут принять мысль о необходимости завершить войну сейчас. Как я понимаю, скоро из Галиара должен прибыть посланник, с полномочиями от Синклита для ведения переговоров и заключения мира. У графа скорее разведывательная миссия. Он должен понять настроения орды. – здесь подошел слуга и сказал, что на городской стене появился князь Страмир и хочет видеть Его Высочество. Галсаф вернулся к воротам, к тому месту, откуда он говорил с Салваром.

– Рад, что вы пришли, светлейший князь. Неужели вы одумались?

– Прекратите, Ваше Высочество. Я не спорить с Вами хочу, я хочу напомнить, что сейчас, на расстоянии двух дней пути отсюда, вверх по реке, стоит огромное неприятельское войско и нам было бы крайне глупо начинать междоусобную войну перед лицом такой опасности.

– Да, но вы должны понимать, что теперь нам будет сложно «стоять за одно?» Кто-то должен будет уступить.

– Или нам нужно найти такой способ взаимодействия, при котором все останутся в едином строю и ничьи интересы не пострадают. У нас только осталось совсем мало времени. Никто не может быть уверен, что кочевники не появятся рань-

ше, чем через два дня.

– Я предлагаю встретиться через три часа, у Малых ворот. Мы вдвоем обсудим все. Согласны? – Страмир прежде чем ответить посмотрел вокруг, на своих соратников:

– Да согласны. Через три часа у Малых ворот.

На этом их разговор был завершён. Три часа просили быстро, в спорах, как в одном лагере, так и в другом. Сами лагеря разделились на одинаковые, по сути своей, партии.

Была партия, которая считала единственным решением заставить противника принять все выдвинутые ему условия. Эта партия и не думала о возможности сотрудничества для блага всех. Была вторая партия, которая пыталась доказать, что заставить противную сторону пойти на уступки не удастся и нужно искать способы сотрудничества. К единому решению прийти не удалось ни в городе, ни за его стенами. Всё зависело от воли глав противостоящих сторон.

В назначенное время Галсаф и Страмир встретились у Малых ворот, как условились, вдвоем.

– Удалось ли вам договориться со своими сторонниками? Какие будут предложения? – Переговорщики стояли не друг напротив друга, но рядом, плечом к плечу и смотрели на ворота, откуда только что вышел Страмир.

– Кое о чем договориться удалось. Очевидно, что мы не можем сейчас враждовать друг с другом – спокойно начал Светлейший князь. – Мы и так не можем остановить продвижение врага, если мы начнем истреблять друг друга, то Им-

перии конец.

– Вы правы, поэтому мне кажется своевременным отправить человека для переговоров с противником. Возможно, Хунхар согласится заключить, если не мир, то хотя бы перемирие? – На самом деле граф Левкос уже скакал к Малой пристани. Галсаф просто хотел узнать мнение на этот счет князя Страмира.

– Переговоры? С кочевниками? После всего, что они сделали на нашей земле! Ваше Высочество, вы меня удивляете. Переговоры с противником невозможны. Даже если бы Хунхар сам сам приехал к нам просить мира то и тогда бы следовало ему отказать. Похоже, у нас с вами гораздо больше расхождений, чем кажется. – Страмир развернулся к собеседнику лицом, а затем всем телом.

– То есть вы за дальнейшее кровопролитие и еще тысячи смертей?

– Ваше высочество, как вы можете даже думать в таком ключе? Вижу, что у нас с вами разное понимание происходящего. Я не хочу смертей, равно как и вы, надеюсь. Но я не могу оставить огромные территории врагу, даже на короткое время. Я знаю, государь бы сказал то же самое. Кстати, от чьего имени вы собрались вести переговоры? Если от Имени Верховного Синклита, то как вы смогли узнать его мнение по этому вопросу? Или вы его знали заранее?

– Нет, идея моя. Синклит оповещу потом.

На самом деле переговоры о мире – это было распоряже-

ние Синклита, Галсаф просто исполнял его волю. Но признаться в этом не мог, возникли бы подозрения, как получены приказы Синклита, когда их должны были отправить из Галиара в Бэлду при Владаре, когда он еще не исчез и считался законным императором. Светлейший князь ничего не ответил сразу. Подумал немного:

– Вам нужен мир чтобы упрочить власть Верховного Синклита? Ведь ради этого. И нет других причин. Вам нужен мир с кочевниками, чтобы воевать с нами.

– Нет. Мир с кочевниками нужен для переговоров с вами, а не для войны.

– А если кочевники откажут? Что тогда? Будете вести с нами переговоры, пока враг будет захватывать новые и новые провинции? Мы должны вместе продолжить противостоять врагу.

– Хорошо. Но если кочевники согласятся на перемирие? Вы согласны подчиниться Верховному Синклиту?

– Нет, если кочевники пойдут на перемирие, то я готов лишь разговаривать с Синклитом. Кроме того, у кочевников нужно будет узнать, что случилось с государем. Это в том случае, если вы говорите правду и его Величество действительно попал в плен к врагу. Да, еще, я хочу вас предупредить, что бы вы не думали воевать с врагом только теми силами, что у вас сейчас есть. Вы погубите и себя и солдат.

– Мне кажется, мы с вами ни о чем не сможем договориться, светлейший князь. То ли мы говорим о разных вещах, то

ли не хотим понимать друг друга.

– Тогда нам следует договориться о том, чтобы не убивать друг друга. Вы сегодня пытались убить меня и моих людей.

– Это была защита, вы меня хотели арестовать.

– В любом случае, сегодня была драка между солдатами Империи, погибли люди. Мы должны этого больше не допустить. Предлагаю вам и Вашим сторонникам занимать пространство вокруг города. Сам город останется в наших руках.

– И как долго, по-вашему, ваша Светлость, мы должны будем так стоять друг напротив друга?

– Думаю, до подхода кочевников. Как только они появятся, уверен, вы перестанете упорствовать и согласитесь, что сейчас не лучший момент для действия такого масштаба, как свержение императора.

Галсаф в ответ лишь улыбнулся. Он почему-то был уверен, что Хунхар согласится на перемирие.

– Хорошо, пускай так. Если через три дня неприятель не появится, мы встречаемся с вами на этом же самом месте. Если номады будут согласны на мир, я дам вам знать.

На самом деле Галсаф не собирался ждать прихода кочевников. Ему нужен был город, как можно скорее. Над Бэлдой должны развиваться знамена Синклита – серебряная сова на красном поле. Это будет символ силы новой власти. Если кто-то держится, крепко держится за старые порядки, руки которыми за эти порядки держаться, нужно отрубить,

так казалось Галсафу. У него уже созрел план захвата города. Исполнить его он решил немедленно, даже не дожидаясь возвращения графа Левкоса.

Через Малые городские ворота в город пропускали небольшие обозы с солью, углем, сеном. Князь императорской крови велел найти среди местных крестьян – угольщиков, которых бы хорошо знала стража у ворот. Такие люди были найдены, три человека. К ним прибавили четверых лучших воинов, которых только смогли найти среди своих солдат сторонники Галсафа. Нагрузили углем восемь мулов, этот обоз двинулся к Малым воротам. Под покровом ночи, вдоль дороги, ведущей к воротам, в зарослях, спрятались отряды Галсафа. Глубокой ночью, когда гарнизон спал, к Малым воротам подъехал обоз мулов с углем. Это было обычное время доставки угля в крепость, никто ничего не заподозрил. Один из крестьян постучал небольшим молотком, прикрепленным к полотну ворот.

– Кто пришел в такую пору? – ответил стражник сонным голосом.

– Это я, Алхид, угольщик. Привез уголь для городских бань.

– А, Алхид – В двери открылось окошко. Стражник пытался рассмотреть лица пришедших, но в темноте смог разглядеть лишь семь человеческих фигур, одетых в рваную одежду, сгорбленных. Окошко закрылось, послышался звук открываемого засова, одна половина Малых ворот подалась

назад, открывая дорогу людям.

– Поторопитесь, подгонял угольщиков стражник. – Живее! Не пускать вас надо было.

– Что там за шум – Послышался голос другого стражника из небольшого пристроенного к городской стене домика для охраны, крытого камышом.

– Все в порядке, уголь для бань привезли. – Ответа из домика не последовало. Должно быть, спрашивающий был удовлетворен ответом, ведь что опасного в угольщиках? Однако, совсем неожиданно для открывавшего дверь стражника, один из крестьян быстро подошел к нему, достал что-то из складок своей одежды и молниеносным движением всадил в горло стража клинок. Крестьяне и остальные солдаты начали открывать ворота, подпирают их мешками с углем. Тут же из одной из сумок был извлечен сигнальный горн. Набрав воздуха в легкие, один из участников, на самом деле солдат Галсафа, протрубил атаку для сидевших в засаде, вдоль дороги, товарищей. Те сразу же, что было сил, со всех ног бросились к открытым воротам. Сигнал услышали и вдалеке, там, где стояли основные силы армии Синклита, ждущие приказа идти к Малым воротам Бэгды. В городе тоже услышали горн и поняли, что начинается штурм города. Только было не ясно, где противник? В лагере Галсафа и его союзников как и в предыдущие ночи горели костры, о чем-то переговаривались часовые. У стен Бэлды никто из часовых на башнях не видел неприятеля. Однако буквально считанные минуты

после звука горна крик «Малые ворота!» страшной птицей пролетел над левобережной частью города, затем перекинулся на правый берег и центральную часть. Бэлда была разделена реками на три части, соединенные между собой мостами и паромными переправами. Галсаф надеялся захватить сразу весь город, хотя это было сложно. Однако, даже обладая одной частью города можно было быть достаточно уверенным в скором падении двух других, при условии их осады. А это условие, князь Императорской крови, слуга Верховного Синклита Империи, выполнить мог.

Дверь из дома охраны Малых ворот привалили мешками с углем, затруднив выход солдат оттуда. Последние, пытались перелезть через неожиданную преграду, а когда преодолевали её, падали от рук крестьян, вдруг оказавшихся первоклассными бойцами. Тогда солдаты полезли через узкие, длинные окна, завязался ожесточенный бой, но как стража не старалась, с какой силой она не напирала на семерых человек, трое из которых были крестьяне, двое из этих крестьян были убиты, запереть ворота так и не удалось. Одна из створок почти закрылась, когда самые быстрые из сидевших в засаде достигли ворот и с разбегу вбросили свои тела в гущу врагов. Чтобы отличать себя от сторонников императора, воины Галсафа повязали себе на правую руку, немного ниже плеча полоску ткани. Однообразия в типе ткани не было. Каждый вязал, что мог найти. В бою это пригодилось. В темноте повязку далеко не всегда можно было увидеть сра-

зу и иногда солдаты одного отряда начинали драться между собой, но быстро прекращали.

Как краска, если капнуть каплю ее в стакан воды, медленно распространяется по всему стакану, так и отряды Синклита входили в левобережную Бэду. Жители реагировали на штурм по-разному: одни закрывались, в надежде, что их дом не обратит на себя внимание солдат, другие выбегали на улицу, спрашивали, в чем дело и брались за оружие.

Страмир покинул дворец коммита и поскакал к Малым воротам, покинув внутреннюю цитадель и преодолев Горбатый мост. Горбатый мост был действительно горбатым. Его «горб», центральная часть, была деревянной и разводилась, чтобы дать пройти судам, следующим далее по р. Стис. Две части моста, начинавшиеся от берегов, были каменными, мост имел форму дуги, поэтому звался горбатым, с самой высокой его точки можно было обозреть левый берег, но Страмиру ночью ничего разглядеть не удалось. Он пришпорил коня и поскакал вниз по мосту. Пока защитники города были сконцентрированы на защите городских улиц у Малых ворот, противник начал атаку в районе Древних врат, было еще несколько ложных атак, направленных на то, чтобы заставить Страмира распылить силы защитников. Отбить Малые ворота не удавалось, отряды, верные Синклиту продолжали входить в город. На некоторых улицах собралось огромное количество солдат, которые даже не могли свободно действовать оружием. Так, на улице Сапожников, совсем

недалеко от Малых ворот, две толпы солдат уперлись друг в друга копьями и пытались протолкнуть противника назад, вытолкать с улицы, освободить себе дорогу. После пятнадцатиминутного противостояния и двух дюжин сломанных копий войска Страмира стали поддаваться, пятиться назад. Через силу, мелкими шагами, но отступить, пятиться. Было захвачено несколько оборонительных башен, положение защитников левобережной Бэлды становилось критическим. Страмир приказал драммиатам и сотникам строить баррикады на улицах, чтобы блокировать дальнейшее продвижение неприятеля по городу. Улицы заставляли телегами, бочками, любыми другими тяжелыми и большими предметами, которые можно было найти на улицах и в домах горожан. На крыши домов посылали лучников, чтобы они истребляли врагов в образовавшихся у баррикад заторов, скоплений солдат, не могущих прорваться через преграду. В темноте лучники видели не всегда достаточно хорошо, что не мешало им справляться со своей задачей. Казалось, угроза захвата Левого Берега Беды миновала, но тут Страмиру донесли, что враг смог взобраться на городскую стену, недалеко от Больших речных ворот, что стоят на р. Нахавэ, в том месте, где русло реки входит в город. С той стороны баррикад не ставили. Теперь противник мог пройти в тыл к уже стоявшим баррикадам. Светлейший князь приказал отходить ближе к мостам и ни в коем случае, не позволить отрядам Галсафа перейти реки Нахавэ и Стис, проникнуть в другие районы города. Медлен-

но, с трудом, сторонники Синклита прокладывали себе путь по городским улочкам, двигаясь к мостам. Но там их удалось остановить. Мосты враг не взял. В городе также оказались незанятыми несколько больших зданий. Солдаты Страмира сумели превратить их в крепости. Правда, было не ясно – крепости это были или ловушки для их защитников, потому что выбраться оттуда было мало шансов. Конечно, если осаждённые не решили бы перейти на сторону мятежников.

С рассветом битва закончилась, наступило перемирие, но никто не мог сказать, как долго оно продлится. Галсаф отправил письмо Светлейшему князю с предложением переговоров. Страмир был взбешен таким предложением. Он убедился в полном бесчестии двоюродного брата императора и не мог даже думать о разговоре с ним. И к чему беседа? Разве слова что-то могут значить для этого человека? Его обещания чего-то стоят? Того же мнения было и окружение Страмира. Была злость и на самих себя, на свою доверчивость, на веру в то, что принадлежность к благородному роду по крови, уже сама по себе делала человека достойным разделить славу и авторитет предков.

С высокой башни дворца коммитов Бэлды князь Страмир с соратниками смотрели на левый берег города, отделенный от них рекой и несколькими десятками тысяч вооруженных людей. Почти на всех сторожевых башнях городских стен были развернуты красные с серебряными совами флаги Верховного Синклита Империи. Только на трех башнях остава-

лись бурые, с изображением рек, флаги города Бэлды. Они имели вид прямоугольного полотна с соотношением сторон один к двум, на плотной темно-синей ткани было изображение трех рек, того места, где Нахавэ разделяется на Стис и Гефир. Чувствовалось напряжение, исходившее от людей, витавшее в воздухе, куда поднялось с городских улиц, где еще лежали жертвы ночного боя. Только реки несли свои воды так, будто их не касалось ничего, что люди устраивают между собой. Вода унесет грязь дальше и перед глазами останется чистая вода которая, как покажется, была такой вечно.

– Я бы никогда больше не хотел видеть этого мерзавца. А если и увидел бы, то только чтобы убить. Нет, никаких мучений. Просто, одним ударом вышибить из него дух. Будь он врагом, я бы сказал, что он меня обманул. Но я не считал его врагом, скорее соперником, человеком, с которым можно договориться. А он оказался не просто пустословом, он оказался предателем. Я все больше и больше начинаю верить в то, что Галсаф был участником заговора против государя и исчезновение императора – дело рук вовсе не номадов.– Гиббор императорской армии, князь Страмир ходит взад и вперед, как ходит по клетке хищник, томящийся в тесной неволе.

– Ваше Сиятельство, Вы злы, возбуждены. Это совсем не то состояние, которое нужно для принятия решений. – Спокойно говорил казначей Бэлдской провинции Тимтат Эман. Тимтат происходил из крестьян, свое место занял исключи-

тельно благодаря выдающимся способностям, которые в нем сумел развить предшественник коммита Салвара, Залвар, умерший за несколько лет до начала войны и похороненный в Бэлде, на территории дворца коммитов. Казначей был известен даже при императорском дворе и к его мнению прислушивались.

– Да, Тимтат. Я знаю. Ты мог бы сказать что-то менее очевидное и более важное.

– Господин, я мог бы сказать, но, боюсь. Вы сейчас не сможете меня услышать. Праведный гнев застилает ваши глаза и затыкает уши. Освободитесь от него, тогда вернется ясность. – Пока Тимтат говорил, все остальные, а присутствовало еще восемь человек, молчали. Страмир остановился, подошел к остальным:

– Я бы никогда больше не хотел видеть Галсафа, более я не буду называть его князь императорской крови, так как он ее не достоин. Однако я страшусь часа, когда к стенам Бэгды подойдет Хунхар – настоящий наш враг, а эта междуособица – безумие, позор. Неужели я должен заключить мир с неприятелем, чтобы поднять свой меч на братьев? Более того, я не удивлюсь, если кочевники используют раздор в Империи для своей выгоды и продолжат захват наших земель. Сподвижники, что вы мне скажете? Если я пойду на переговоры с Галсафом, будет ли это иметь смысл? Один раз я с ним разговаривал. Мы видим к чему это привело.

– Ваше сиятельство. – Начал князь Салвар – разговоры

здесь не помогут. Галсаф не понимает слов, не считает их ценными. Похоже, для него это просто сотрясение воздуха. Ваш договор не был освящен подписанием документа, как полагается по законам Империи. Но ведь всякий человек знает, что любое слово весомо. Конечно, если человек сам себя считает кем-то значимым, отвечающим за свои поступки, а не куском плоти, способным издавать звуки. Поэтому я не советую идти еще раз на переговоры.

– Тем более, что Галсаф, скорее всего, будет говорить с вами с позиции сильного, едва ли на равных. – Дополнил коммита барон Эвой, крупный землевладелец, чей род много веков назад перебрался в Империю из земель, на которых ныне расположен Союз торговых городов, и вот уже сотни лет служил императорам и народам, живущим под их властью.

– Это даже неплохо. Пускай он думает, что сильнее нас. Хотя, по моим подсчетам, наши силы примерно равны. Думаю, момент прозрения будет для него неприятен. – Зазвучал голос графа Лаббана.

– Меня разочаровала наша знать, присягнувшая Синклицу, отрекшись от Императора. Не разобрались до конца, в чем дело и присягнули плутам и мошенникам. – негодовал барон Эвой.

– Дорогой барон, я разделяю ваше негодование, но сейчас мы с вами должны думать не об этом. Тимтат, что скажешь ты?

Казначей поправил накидку, скрывавшую его тело. На-

кидка была белого цвета, шерстяная, пять метров в длину и два в ширину, одна ее кромка была прямой, другая закругленной. Ноги с большими ступнями, были обуты в сандалии. – Я скажу, что всякий разговор, каким бы бестолковым и бесцельным не показался, лучше хорошей драки. Я думаю, поговорить следует.

– И о чем с ним говорить, Тимтат? – сказал кто-то за спиной казначея.

– О мире. О чем еще? – мужчина обернулся и увидел улыбки, которыми взрослые награждают детей, когда те, по мнению взрослых, говорят глупости. – Вы можете улыбаться и дальше, считать меня наивным простаком, но если вас приглашают к беседе, то не отказывайтесь, тем более, что эта беседа может спасти человеческие жизни. Вам не известен текст Великого Писца, нашего Отца Сефера, никто не знает следующей строки в Книге жизни. Ведь строка эта может быть совсем неожиданной. – Когда Тимтат закончил говорить, часть присутствующих прекратили улыбаться, их этот тон начал раздражать, а другая часть стала улыбаться еще шире. Слова этого чудака их забавляли. Воцарилось молчание, все ждали решения Страмира. Он отошел к парапету на крыше башни, облокотился на него и пару минут стоял так неподвижно, глядя на левый берег города и земли, что лежали за городскими стенами.

– Вы все говорили верно, с каждым я согласен. Я поговорю с Галсафом.

Решение светлейшего князя никто оспаривать не стал. С неприятелем было условлено встретиться на мосту коммитов Бэлды. Это был самый укрепленный мост, он вел на среднюю часть города, к дворцу коммитов, отсюда и происходило название моста. Руководители провинции проезжали по этому мосту, когда направлялись к своей резиденции с левого берега города. В начале моста, на правом берегу реки Стис, была установлена мощная башня, в которой были подъемные ворота, служившие так же частью моста. Так, если поднять ворота, то мост уже будет невозможно перейти.

Посередине моста Коммитов поставили два кресла, с низкими спинками, подлокотниками, на четырех ножках. В полдень следующего, после получения письма от Галсафа дня, Страмир и князь императорской крови сидели в этих креслах друг напротив друга. Ночь накануне прошла спокойно.

– Вы пригласили меня к разговору. Ожидаю, вы что-то хотели мне сказать? – откинувшись в кресле, свободно, но не «развалившись», сказал Страмир.

– Присягните Синклиту. Часть города уже у нас и никто не знает, на каком из многих мостов Бэлды мы с вами встретимся в следующий раз. Присягните Синклиту, сохраните сотни, даже тысячи жизней. – Галсаф говорил с едва уловимой насмешкой, немного наклонив голову вперед, к собеседнику.

– Это все ради чего вы меня позвали?

– Я предлагаю вам мир и сохранение человеческих жизней. Разве этого недостаточно?

– Вы предлагаете принять унижение мне и тысячам, десяткам тысяч тех, кто со мной.

– Поймите, князь, государя больше нет. Он погиб или в плену, в лучшем случае. Хотя никто точно не скажет, что с ним. Но его воля – передать власть Верховному Синклиту Империи. Следуйте его воле.

– Я не верю в это. – Страмир медленно покачал головой в лево и в право, подчеркивая свое несогласие.

– А что вы хотите? Служить призраку?

– Мы хотим в скорейшем времени выяснить, что случилось с Его императорским величеством. Какой бы злой не была правда. Служить, согласно традиции и закону, в случае смерти императора на войне, должны гиббору, назначенному императором. И вам это положение известно. Синклит должен избрать регента для наследника до тех пор, пока тот не сможет править самостоятельно.

– Ну что вы говорите, какой наследник? Его нет. Вернее, он существует, но на деле о нем все забыли. Даже император о нем говорил очень редко. Он не может быть претендентом на престол. Никто даже не знает в каком из сотен монастырей, разбросанных по всей Империи, он находится. Мое личное мнение – брат его выдумал, чтобы не быть властителем без наследника, то есть, без будущего. – Галсаф заерзал в кресле. Наследник – это была очень неприятная тема. Подданные немного знали о личной жизни государя. Было известно, что около десяти лет назад, императрица, которая

долго не могла забеременеть, умерла при родах. Император очень скорбел. Ребенок был слаб и надежды на его выздоровление не было. Казалось, ему предопределено последовать за матерью. Тогда Владар взял младенца, принес его в главный храм Галиара, положил перед камнем, на котором были выбиты буквы священного письма и обратился с молитвой к Сеферу: «Творец! Движением своего калама по страницах наших жизней, Ты устраиваешь все вокруг нас. Ты вручил мне в руки эту страну, империю, которой я правлю, как правили мои отцы и деды. Прошу тебя, не забирай у меня сына, чтобы я мог передать ему власть, которую Ты возложил на мои плечи. Создатель, если Тебе угодно, пускай мой сын воспитывается и живет в монастыре, до тех пор, пока ему не придет время править. Только бы он остался жив». – так Владар оставил младенца в храме.

Мальчик сразу стал поправляться и в исполнение обета император действительно отправил его в один из монастырей. Но никто не знал, в какой именно. Так гласила легенда. Многие считали эту легенду не более, чем просто слухом. Большинство относилась к этому рассказу как к истории, которая возникла на почве несчастливого брака государя, окончившегося смертью императрицы. Были и другие разговоры, будто наследник родился гораздо раньше, чем принято считать, при этом матерью была дворцовая служанка, ребенок ею тайно воспитывался при царском дворце. Все было хорошо, но как-то случайно незаконнорожденному на-

следнику довелось зайти в район красных фонарей Галиара. Там он познакомился со многими искушениями, которые, в итоге, свели юношу в могилу. Галсаф, даже не смотря на свое родство с императором, знал о наследнике не больше, чем какой-нибудь портной на окраине государства. Поэтому упоминание о сыне Владара было воспринято князем императорской крови как очередная глупость недалекого вояки, цепляющегося за любые, самые призрачные аргументы в отстаивании своей позиции.

– Бросьте, Ваша Светлость, разговоры о наследнике. С таким же успехом вы могли бы апеллировать к легендам и мифам. Спросите их у служителей Сефера, они наберут для вас самых подходящих и интересных. Даже если наследник существует, его нужно найти и привезти в столицу. Вы же не собираетесь просить Синклит назначить регента при отсутствующем наследнике? Или вы, достопочтенный гиббор, хотели бы сами стать и командующим армией и регентом? Умерьте аппетиты, в самом деле.

– Вы будете продолжать штурм, я правильно понял? – Страмир будто не слышал того, о чем только что говорил его собеседник.

– Да, пока не возьмем город или же вы добровольно не сложите оружие. Мы будем штурмовать город.

– Вы уже договорились с кочевниками? Они дали согласие не мешать вам проводить братоубийственную войну?

Галсаф улыбнулся:

– Мы работаем над этим. А войну развязываете вы. Уверен, все провинции Империи скоро присягнут Верховному Синклиту, вы и ваши соратники будете рвать на себе волосы, когда увидите, что остались в меньшинстве и окружающие вас не поддерживают.

– Посмотрим. Загадывать ни к чему. Похоже, дальнейший разговор не имеет смысла. Более, прошу вас не присылать мне приглашений к разговору, если у вас не будет, что мне сказать. Убеждать меня присягнуть Синклиту – бессмысленно. Запомните это. – Страмир едва заметно кивнул головой, в знак прощания, поднялся из кресла и пошел в сторону своих отрядов, ждавших его на правой стороне моста. Галсаф сидел еще немного напротив пустого кресла, а затем тоже пошел к своим отрядам, по левую сторону моста.

Глава 34. Завершение погони

Император долго уходил от преследователей. Он, повелитель Империи, сын повелителя Империи, внук повелителя Империи, без оглядки уходил от погони. После долгой и тяжёлой скачки, показалось, что ему удалось уйти от преследователей. Кровь на руке запеклась, рана прекратила кровоточить. Владар остановился. Дальше дорога просматривалась плохо. По сути это была уже лесная тропа и судя по ее состоянию пользовались ею крайне редко. На ней лежали поваленные деревья, в нескольких местах её пересекал ручей. Из-за большого числа кустов и деревьев разглядеть, скачет ли кто-то по ней, Владар не мог. Но вскоре один всадник всё же по-

казался. На взмыленной лошади, с клинком, готовым к удару и с безумными глазами, светившимися азартом погони, преследователь шел на государя. Тот оценил обстановку и пришпорил своего коня навстречу противнику. Разгоряченный конь рванул с места, ловким ударом Владар выбил оружие из рук нападавшего, тот лишь на мгновение растерялся, но тут же поспешил достать второй клинок, прикрепленный к седлу, однако этого мгновения замешательства хватило, чтобы государь нанес второй, смертельный удар. Преследователь мешком повалился на шею лошади. Владар ждал, что появятся другие преследователи, чьи лошади менее быстры. Буквально через несколько минут, действительно, показалось еще двое всадников. Одному против двоих было немного труднее, но уходить от погони император больше не хотел. Никого из троих догнавших его государь не знал, он никогда не проявлял интереса к окружению брата. Бой был коротким, Владар одолел противников. К сожалению, он не смог ни одного взять живым, чтобы расспросить, что происходит. Вернее, не расспросить, а допытаться.

Перед императором встал вопрос: что делать? Очевидно, нужно возвращаться в лагерь. Но есть ли уверенность, что там нет измены? Есть. Светлейший князь изменить не может. Если и он изменит, значит Владар ничего, кроме измены не достоин. Дорогу беглец знает, но что в ней толку? Скорее всего, нужно опасаться и других отрядов, которые будут посланы Галсафом на поимку императора. Дорогой ку-

зен с соратниками будут приводить к присяге отряды императорской армии на Верность Верховному Синклиту Империи. Галсаф сошел с ума, Синклит сошел с ума. Будет внутриимперская война. Пока Владар отвлётся на эти размышления начало смеркаться и нужно было искать место для ночлега. Император не знал обитателей Бэлдских лесов и знакомиться с ними ночью не хотел. Он не был против встречи с единорогом, тем более, что он приносит удачу. Однако, можно было встретить и черного единорога, свирепого, нападавшего едва не на каждого, кто попадётся на его пути. Такая встреча ничего доброго не сулила. Лес населен многими жителями. Император помнил рассказы о коздо – невысоких человечках, похожих на детей, одноглазых, с бритыми головами и длинными языками. Они живут под землей, а ночью выходят на поверхность собирать еду. На людей коздо не нападают, но встреча с ними предвещает беды или даже смерть кого-то из близких или того, кто увидел и был замечен коздо. Носят человечки штаны и рубашки, зимой куртки с капюшонами. Владар не верил в рассказы об этих существах, но ночью, в лесу не верилось не так крепко, как во дворце или в окружении двора. Меньше всего император хотел встретить огромного медведя, двухголового кабана или стаю волков.хлопот добавлял конь Владара. Животное было отличной приманкой для хищников всех мастей. Если император мог спастись, проведя ночь на дереве, то найти безопасное место для коня было труднее. Развести огонь тоже

было опасно, император обоснованно полагал, что его могут искать, и не только те, кто хочет его спасти. Однако, если спать на земле, то от диких зверей спасение могло быть только если развести костер. Взвесив все «за» и «против» Владар решил, что стоит найти укромное место для костра, так чтобы он был мало заметен. Например, ложбина или овраг, которые скрыли бы его от возможных преследователей. Так и поступил. Подходящий участок среди деревьев и огромных валунов нашелся не сразу, но быстрее, чем можно было ожидать. Кресало у императора было с собой, он носил его в мешочке на поясе, эта привычка осталась с юности, когда он много времени проводил в походах по землям Империи, изучая быт, нравы подвластных народов, тех за которые он будет отвечать перед великим Создателем Сефером. Во дворце, разумеется, государь обходится без кресала, но на охоту и в военные походы всегда брал его с собой. Сейчас он даже был рад, что оно наконец пригодилось. Поиск сухих ветвей и трута продолжался недолго, вскоре удалось развести небольшой костер. Владар сел у огня и почувствовал усталость, а затем и голод. Несколько минут он силился понять, чего хочется больше – спать или есть. Переживания трудного дня взяли верх и государь уснул.

Глава 35. Судьба посольства

Граф Левкос приближался к Малой пристани. Его сопровождали еще двадцать четыре человека свиты. Они шли на большой лодке, которую вполне можно было назвать речным

кораблем. В лагере кочевников, на берегу, заканчивались приготовления для погрузки на транспортные суда, которые должны были доставить войска к городу. Задолго до пункта прибытия корабль имперского посольства был взят под охрану несколькими более мелкими лодками кочевников и под таким конвоем посланник Галсафа прибыл в неприятельский стан.

Сойдя с трапа на узкую полосу песка, отделявшую воды реки от травы, росшей на берегу, граф обратился к ожидавшим его нескольким людям. По виду это были племенные вожди, старейшины, заранее оповещенные о прибытии корабля.

– Я посланник Верховного Синклита Империи, принявшей всю полноту власти в государстве, граф Левкос. Мне дано право говорить от имени Синклита с Хунхаром, каганом номадов. – Левкос говорил громко, четко, достаточно медленно, с чувством достоинства. Это был человек немного ниже, чем двух метров ростом, с длинными руками и длинными тонкими пальцами на них, худощавый, с глубоко посаженными глазами коричневого цвета, пытливо всматривающимися в лица стоявших напротив. На голове Левкоса уже давно была большая залысина, которая с трех сторон окаймлялась небольшой полосой волос. Только над лбом ничего не росло, так что широкий лоб перетекал в лысину. Переводчик перевел сказанное Левкосом на язык номадов.

– Добро пожаловать, граф. Однако сейчас наш великий

каган отсутствует. Когда он вернется, мы не знаем. Но уверены, что это случится в ближайшее время.

Исчезновение Хунхара не вызвало паники среди кочевнической знати. Старцы, шаманы и старшие кочевые вожди, тамнаки, начальники отрядов в десять тысяч человек, все, кто общался с королем последние полтора года, замечали изменения происходившие с их повелителем. Яркое впечатление произвел случай с Гааликом, когда во время его камлания из пламени костра вырвался дракон и летал над людьми. Демоны овладели повелителем. Если он исчез, значит, так надо. Он должен возвратиться. Знать страшилась этого возвращения, каган и до того момента становился сильнее день ото дня, что будет теперь, они могли лишь догадываться.

Левкос был озадачен сообщением об отсутствии кагана. Такого он никак не ожидал. Удивляло и то, что вожди не знали, или не хотели говорить, когда он вернется.

– Признаюсь, эта новость меня несколько удивила. Я очень рассчитывал начать переговоры как можно раньше.

– Понимаю. – Ответил седоволосый старик с редкой бородой. – Однако помочь ничем не можем. Вам нужно ждать. Или же вы можете уехать. Прямо сейчас, если не согласны ждать. – Левкос оскорбился на это предложение. Ему показалось, что его выгоняют.

– Нет. Я останусь. – Твердо ответил имперский посол.

– Тогда просим вас пройти с нами. Для вас устроен спе-

циальный лагерь. – Посольская процессия, сопровождаемая почетным эскортом номадов, двинулась к назначенному месту. Лагерь представлял собой один большой шатер на десять человек, для посла и ближайших лиц его свиты, в нем же предполагалось хранить подарки для кагана и знати номадов. Рядом стали три шатра меньших размеров, по пять человек в каждом, для остальных членов посольства. Соратники Левкоса перешептывались;

– Зачем нам соглашаться на их приглашение? Жить в их тайях? Неужели не лучше поставить свои шатры? – посол слышал эти речи, но остался при своем мнении и решения не поменял.

Тайи представляли собой шатры, на деревянном каркасе, крытые бычьими шкурами. В центре тайя ставился деревянный столб, основная опора конструкции. Посредине крыши было отверстие, через него наружу выходил дым, а с улицы в тай проникал свет. Внутри также был очаг, медная посуда, сундуки, матрацы для сна. Везде были богатые ткани и изделия ювелиров. Граф хотел вручить приготовленные для кочевнической знати подарки, но решил не нарушать традиции и не одаривать знать раньше, чем он вручит подарок их господину.

Посольство разместилось в тайях, Левкос через слугу попросил встречи с Гоггалы, первым старейшиной номадов, вторым человеком после кагана в кочевнической Орде. Тот не отверг просьбы гостя. Левкос увидел Гоггалы сидящим у

костра, рядом с небольшим тайем, который скорее походил на жилище пастуха коз, чем на дом могущественного знатного человека. Гоггалы жестом пригласил Левкоса присесть рядом.

– Чем я могу тебе помочь? – начал кочевник.

– Благодарю за встречу. У меня есть один вопрос. От ответа на него зависит всё в моей миссии. Когда вернётся ваш повелитель?

– Этого я не знаю. Думаю, в любом случае, скоро.

– Я приехал договариваться о мире. По всему видно, что в ближайшие несколько дней вы отправитесь к стенам Бэлды, тогда моя миссия будет провалена. Я не могу смотреть, как вы готовите сражение и точите клинки для атаки на моих братьев.

– Ты считаешь, что можешь повлиять на ход событий? – Левкос не понял вопроса.

– Что вы имеете в виду? Конечно, я могу повлиять на ход событий. Я здесь для этого и есть. – Как бы в подтверждение слов он взял ветку, лежавшую рядом с костром и бросил её в пламя. – вот, я поддерживаю этот костёр, не даю ему погаснуть. Разговор с вами, с Хунхаром – это как поддержание этого костра.

– А почему вы до этого не влияли на ход событий? Почему ты сейчас сидишь здесь и просишь не вести наших воинов дальше? Почему ты не остановил их раньше?

Левкос думал про себя: «Что несёт этот старик? Похоже,

он почти выжил из ума и надо мной просто смеются». Граф ответил:

– Я позволю себе не согласиться с вами. Мы много делали, чтобы остановить вас. Теперь я пробую сделать это иначе. Смогу ли я это сделать я узнаю, лишь, когда поговорю с вами и вашим королём.

– Ты говоришь верно. Но ты пришёл ко мне, ты мечешься. Учись спокойствию. Лишь стяжав спокойствие ты обретишь силу. Сейчас ты никак не можешь задержать наш поход. Ты можешь только ждать. И ты подбросил мало веток. – Гоггалы добавил ещё немного хвороста в огонь. – Костёр едва не погас. – Левкос ничего не ответил на это замечание, только сухо сказал «Спасибо» и пошёл к себе. Продолжать разговор ему показалось бессмысленно.

Прошёл день. Кочевники закончили строить корабли. Они хотели вновь попытаться завладеть превосходством на реке. Без этого Бэлду было трудно взять, город получал бы подкрепление по воде. Впрочем, это были планы, составленные, когда Хунхар ещё не обладал той силой, что дал ему Малакк. Теперь превосходство имперской армии на воде не имело никакого значения, хотя кочевники ещё ничего об этом не знали. Основные силы должны были идти по суше. Левкос с соратниками смотрел, как передовые отряды кочевников начинают выдвигаться к городу. Графом овладела бессильная злоба. Вдруг, будто Сефер услышал его проклятия, не молитвы, а именно проклятия, потому что Им-

перский Посланник не молился, но ругался, проклинал всё на свете, доложили, что каган вернулся и может принять посланника.

Хунхар сидел на высоком троне, чего раньше не бывало. Он обычно сидел на полу на подушках. По правую и левую руку от него сидела знать, прием проходил в большой тайе, которая вместила всех двадцать пять членов имперского посольства и полсотни человек кочевников. Было роздано огромное количество подарков: конская сбруя, посуда, ткани, оружие. Казалась, посольство привезло с собой сокровищницу небольшого королевства. Старейшины, вожди, шаманы были поражены этим богатством. Только Хунхар был к нему безразличен.

– Мы благодарим тебя, повелитель, что согласился принять нас. Я, граф Левкос, от имени Верховного Синклита Империи, сообщаю тебе, что теперь Синклит руководит Империей и Синклит предлагает тебе заключить перемирие. Мир нужен всем нашим народам, как живущим в Империи, так и вне её.

– А зачем мне мир? Мне не нужен мир. Мой мир – война. Мир нужен вам. Поэтому вы его просите. – Фигура короля казалась столь мощной, что доминировала над всеми, кто находился в тайе, от первого вельможи до последнего слуги. – Что случилось с Вашим Императором, Владаром? Он руководил армиями, а не унижено просил о мире. – Хунхар смотрел на собеседника с презрением, от гнева у графа за-

играли желваки.

– Я не унижаюсь. Моя миссия – прекратить войну. Владар был тираном. Теперь мы стали свободными, мы не хотим воевать. Мы предлагаем вам мир. – услышав эти слова, знать кочевников заулыбалась. Хунхар тоже улыбался. Он посмотрел на сидевшую у его ног знать, потом на послов.

– Так вы предлагаете нам мир? Ну что же, тогда нам нужно согласиться. Мы не пойдём дальше. Передайте приказ там-накам остановить поход. – имперские послы не верили тому, что слышали. Не меньше их были удивлены старейшины, вожди, которые помнили, видели, как обычно разговаривает их король с имперской знатью. Однако никто не промолвил ни слова возражения.

– Мы не двинемся дальше. Ваши города, не захваченные нами, будут оставлены вам. Удовлетворит ли такой ответ просьбы Синклита, пославшего вас? Ведь вы преподнесли мне и моим слугам дорогие подарки, проявили уважение, я не могу вам отказать в вашей просьбе. – король говорил ровным уверенным голосом. Графу Левкосу казалось, что происходящее – мираж, сон. Слишком все просто. Но Хунхар говорит сам, никто не мог принудить его сказать не то, что он сам считал нужным. Каган продолжил:

– Вы можете отправляться домой. Моя армия останется там, где мы сейчас стоим. Я вас не задерживаю. Отправляйтесь завтра же. На этом давайте закончим бесед. – Повелитель встал с трона и ушёл за перегородку из войлока, висев-

шую за его спиной. Приём закончился ещё более неожиданно, чем можно было предположить. Левкос решил не испытывать противную сторону. Он знал, что бумаг кочевники не подписывают, а союзы заключаются на словах. Бытовала традиция совместных пиров, подтверждающих союзные обязанности и отношения, но просить такого пира Левкос не мог, а устроить его самому во вражеском лагере было трудно. Так имперские послы решили следовать приказу хозяина земли, на которой они находились и отправиться в Бэду. Празднование удачного исхода посольства граф решил устроить на корабле, по пути к городу. Но радость оказалась столь велика, что посольство не дождалось, когда они окажутся на корабле, вино начали распивать вскоре после возвращения в свои тайи. Левкос испытывал неуверенность, ждал, что Хунхар передумает, но ничего такого не происходило. Похоже, кочевники действительно дальше не двинутся.

Праздник длился несколько часов, послы изрядно выпили, но нашли силы остановиться, перед отъездом нужно было отдохнуть. Нужно было еще послать письмо Галсафу с новостями об удачном исходе посольства. Текст составил сам Левкос: «Мир заключён. Считаю для себя честью сообщить вам, что миссия моя выполнена. Орда далее не двинется. Каган Хунхар пообещал, что его воины останутся там, где они находятся сейчас». Письмо было кратким, на словах, через посланника, граф просил передать князю самые искренние поздравления. Теперь у Синклита были развязаны руки для

борьбы со сторонниками императора. В прекрасном настроении все легли спать, усталость быстро взяла свое. Сон был крепкий, очень крепкий. Когда так спят, то даже не видят снов. Граф всегда спал крепко. В детстве над ним даже посмеивались из-за этого. Однажды он смог уснуть на празднике, рядом с музыкантами. Сначала подумали, что парень умер, ведь нельзя спать посреди такого шума. И в эту ночь имперский посол спал как убитый. Однако сквозь тьму сна начали проникать кошмары. Будто какое-то насекомое лапой пробило, вспороло толстую тёмную ткань сна и вошло в него. За первым насекомым полезли другие. Вот будто сон – это шатер, вокруг Левкоса – другие послы. Огромные, страшные насекомые ходят между них, пачкают своими выделениями. Кто-то проснулся, граф слышит крик. Но невозможно разобрать, где кричат, во сне или наяву? Левкос открыл глаза, но картина не изменилась. Он начинает тереть глаза, что есть сил, но вновь ничего не происходит. Посла начинает обволакивать змея, сотканная, будто из тёмного облака, но на ощупь она очень плотная, твердая. Она кольцами обвивает тело графа, обжигает его, то холодом, то жаром, а он даже не может схватить ее, руки его проваливаются в газообразное тело существа. Чья-то рука отводит в сторону накидку, которая прикрывает вход в тайи послы, и входит огромный человек. Левкос узнал в нем Хунхара. Все пространство внутри шатра наполнилось криком. Одни кричали от боли, другие от ужаса. Граф протянул руки к королю, ладонь то сжи-

мается в кулак, то разжимается в судороге.

– Посмотри вокруг, граф. – Загремел голос Хунхара. – Что ты видишь? Но Левкос в ответ не мог произнести ни единого слова, только в глазах читалось невероятное отчаяние и мольба.

– Ты считаешь, я обманул тебя. Нет, граф. Не я обманул тебя. Ты сам себя обманул. Ты почему-то решил, что я послушаю тебя, тех, кто тебя послал. Привёз с собой груды металла, ценного в твоих глаза и в глазах пославших тебя. Мне не ясно, что у вас происходит, да я и не хочу этого знать. Мне было интересно, на сколько вы глупы и во что готовы поверить. И я удовлетворён. Вы безгранично глупы. Левкос, знай, дни Империи сочтены. Я захвачу весь Арэц, сначала Империю, а потом и другие земли под двумя светилами.

Тела послов положили на плоты и отправили вниз по Нахавэ, так чтобы в Бэлде не испытывали иллюзий о заключении мира.

Глава 36. Эхаль

Ялган Мозяимский был счастлив. То, о чем совсем недавно было невозможно подумать, разве только как о легендарном рассказе о жизни в эпоху всеобщего счастья, случилось на самом деле. Планы и чаяния Ялгана устроить по-новому жизнь в Империи становились все смелее, радикальнее. Почти все они находили единодушную поддержку окружения Ялгана. Были и несогласные, призывавшие к большей умеренности и обдуманности действий, однако, их не слу-

шали. Они говорили что-то об опасности войны, о том, что не лучшее сейчас время для смены государственного устройства. Им отвечали, что только такое переустройство и может спасти Отечество, иначе неминуема катастрофа. Были люди, не выказывавшие симпатий ни Синклиту, ни Императору, но они не понимали, для чего нужно было вообще что-то менять? Ведь принципиально ничего не поменяется. Знать останется прежней, только получит больше власти. Кипение жизни происходило в столице, в то время как на ее окраинах судьбоносные изменения в жизни государства бытовали на уровне слухов, если вообще были кому-либо интересны.

– Власть должна быть только выборной из представителей лучших людей города или поселения. Четыре сословия представляют своих кандидатов: военные, духовенство, знать, купцы и промышленники. Нужно будет переизбрать Верховный Синклит и Синклиты в провинциях, исходя из этого закона, Синклиты будут обладать всей полнотой власти на подчиненных им территориях. Нужно будет дать как можно больше свободы от властей в столице. – Ялган не мог остановиться, когда перечислял нововведения, что ожидали Империю. – Все это сделает страну богаче, лучше, сильнее. Я обязательно поговорю с прокоэном, чтобы священники составили для каждого народа Империи отдельную систему письма, отличную от общеимперской. Мы создадим новое государство, столь совершенное, что все остальные нам будут завидовать. Наилэр, не улыбайтесь, без ваших советов

мне, нам, простите, не обойтись, но, увидите, из Союза торговых городов к нам будут приезжать учиться, как строить новое государство.

Добродушная улыбка не сходила с лица посла Наилэра.

– Разумеется, я не сомневаюсь ни минуты в блестящем будущем страны, у чьего руля стоят столь молодые, энергичные, желающие работать правители. Империи можно лишь позавидовать. Уверен, мы являемся свидетелями начала новой эпохи, не меньше. Союз торговых городов окажет любую возможную с его стороны поддержку, деньгами или, если понадобится, наемниками.

– Благодарю Вас, почтеннейший посол. Нам действительно может понадобиться ваша помощь. Казна сейчас пуста. Проклятая война сожрала почти все, что хранилось в имперской сокровищнице. А деньги необходимы государству всегда, вы сами понимаете. К тому же, мне сообщают, что далеко не все рады случившемуся и у императора много сторонников. Они уводят своих людей в леса, горы, там формируют большие по численности отряды. Несколько мы нашли и уничтожили. Однако таких отрядов гораздо больше, чем можно было ожидать. – Ялган замолчал на минуту, потом добавил. – Знаете, почтенный Наилэр, кроме свободы есть ещё один важный аспект новой жизни, которая начинается в Империи. Нас теперь не нужно бояться. Мы открыты для всех. Моя страна ещё никогда не была столь открытой и приветливой для иностранцев, как сейчас. И это я тоже счи-

таю завоеванием совсем недавнего времени. Вернее, одного важного события, установления справедливой власти.

– Да, вы правы, дорогой Ялган. Сотни лет огромная грозовая туча на Севере не давала покоя никому из мудрых руководителей нашего Союза. Становилось не по себе при одной мысли, что вся мощь Империи может обрушиться на наши земли. Теперь эти страхи в прошлом и невозможно недооценить значение случившегося.

Наилэр и Ялган прохаживались по коридорам Императорского дворца, который теперь назывался дворцом Империи и служил для проведения пиров и других мероприятий с участием зераклитов, но уже с новыми возможностями в осуществлении руководства государством. Отовсюду убиралась любые воспоминания об императорской власти: сбивались надписи, символы, фрески. Поверх их наносились новые. При старом режиме это приравнивалось бы к богохульству, сейчас же считалось делом обычным. Прошлое, каким бы оно ни было, до недавнего времени оберегалось, после переворота ему была объявлена война.

– Наилэр, у меня к вам просьба. Не у меня, а у Верховного Синклита.

– Вы можете не уточнять, дорогой Ялган. Я понимаю, что сейчас, фактически, вы действительно имеете право говорить от имени всего Синклита Империи. Не стоит поэтому смущаться. Никто лучше вас не справится с этой задачей.

– Да, спасибо за ваше понимание. Менее всего мне хоте-

лось бы прослыть узурпатором власти. Многие ведь думают, что я старался для себя, а не для всех.

– Не обращайтесь внимания на таких людей. Они его не достойны.

– Спасибо, так и буду делать. Но сейчас не об этом. Я действительно хотел спросить вас выяснить у глав Союза торговых городов условия, на которых мы, Империя, могли бы занять денег у Союза. Много денег. И на какой срок они могли бы их занять.

Улыбка посла стала ещё шире и ещё благодуще:

– Конечно, мы же только что с вами это обсуждали. Уверен, наши мудрые правители посчитают делом чести помочь становлению и укреплению нового порядка в соседней дружественной нам стране. Позвольте еще узнать, как отнеслись к смене власти в провинциях? Особенно в провинциях императора?

– Сейчас мы получили грамоты с присягой из двадцати из существующих сорока трёх провинций. Пять провинций сейчас захвачены. – Остальные далеко. Хотя, по поводу двух Северных провинций есть сомнения. Там вполне могли поднять мятеж против Верховного Синклита. Если опасения подтвердятся – мы отправим туда войска. Все должны уяснить, что новая власть не потерпит неповиновения.

– Безусловно, вы правы. При необходимости, обращайтесь за советом или любой другой помощью. Как и всегда, помогу вам с удовольствием и без всякого промедления.

В ответ молодой зераклит сделал поклон головой:

– Сейчас простите меня, нужно идти. Встреча с прокоэном.

– Что вы, какие могут быть извинения, это важнейший вопрос – позиция Эхалья! Вам нужно в нём хорошо разобраться, от этого многое зависит!

Собеседники вышли из дворца, Наилэр сел в карету, сел Ялган верхом и они разъехались в разные стороны, предварительно договорившись о новой встрече.

Верховному Синклиту было крайне необходимо получить благословение, поддержку Эхалья и прокоэна. По богатству и влиянию Эхаль успешно мог конкурировать с Синклитом. Иметь такого соперника было опасно. Еще хуже, если Эхаль вдруг поддержит сторонников императора. Десятки тысяч писцов, священников живущих по всей Империи очень быстро смогут поднять народ на борьбу с Верховным Синклитом. Ялган уже решил, что в дальнейшем он будет уменьшать влияние Эхалья в стране, но сейчас он еще зависит от этой «структуры», как он про себя называл Эхаль. Лидера Верховного Синклита буквально злило, что ему приходилось считаться с группой людей, которые просто дурачили всех вокруг рассказами о каком-то Сефере, Малакке, о даровании письменности людям и многом другом. Идея о письме, как о божественным даре, что может быть страннее?

Прокоэн уже десять дней не принимал Ялгана, ссылаясь на плохое самочувствие. Теперь зераклиту ждать надоело,

хотелось получить хоть какие-то объяснения, и он сам отправился к прокоэну Касаву. У ворот во двор главной имперской Библиотеки его встретили охранники – монахи, из отряда личной охраны его мудрости, таков был титул прокоэна. Монахи смерили гостя взглядом и, не сказав ни слова, пропустили дальше. Вход в Библиотеку был свободным, охрана скорее была почетным караулом, чем охраной как таковой, хотя монахи стражники и были хорошо тренированными воинами. Двор был большим, вымощенным гранитными плитами. Там было несколько беседок с фонтанами, вокруг фонтанов поставлены мраморные скамьи с подушками. И на гранитном полу, вернее, между гранитными плитами были вставки разных пород камней, разноцветные мраморные, бирюзовые, уаритовые. Колонны беседок украшены горным хрусталем, красным, черным деревом. «Вот где я возьму деньги для государства. Сделать это будет непросто, но необходимо. Здесь сокровищ будет не меньше, чем в имперской казне до войны». Ялган бывал во дворе Библиотеки и раньше, но всего пару раз, по делам Верховного Синклита. Тогда он не обращал внимания на убранство здания и двора, оно ему было не интересно. Роскошь окружала Ялгана всегда, поэтому удивляться богатству он мог. Теперь же он примечал самые мелкие детали и удивлялся, как он не видел их ранее. У входа в здание Библиотеки Ялган вновь встретил стражу из двух монахов.

– Проводите меня к прокоэну Касаву. Меня зовут Ялган

Маязимский, его мудрость обещал сегодня меня принять, — это была ложь, но Зераклит догадывался, что плохое самочувствие Касава тоже было ложью, поэтому вполне приемлемо было придумать одну ложь, чтобы с ее помощью справиться с другой ложью. И это подействовало. Монах, стоявший с правой стороны, не сказав ни слова, развернулся и вошёл внутрь Библиотеки, Ялган пошёл за ним. Красота и богатство этого здания поразили Ялгана не меньше, чем красота двора древлехранилища. В отделке стен, потолков, пола, использовались не только ценные породы камней, дерева, но и драгоценные металлы, даже ткани. Множество надписей было выполнено золотом. Если сюда прибавить стоимость вещей, что хранились в Библиотеке, то получалась совсем невероятная сумма, столь необходимых молодой власти денег. Зераклита вели длинным, большим коридором, шириною в пять, высотой в восемь метров. Сквозь высокие огромные окна проникал мягкий свет солнц, клонившихся к закату. По пути встречались задумчивые люди, некоторые из них казались даже чужаковатыми, но у Ялгана не было ни желания, ни времени, чтобы их разглядывать и составить, таким образом, более адекватное мнение об обитателях этого места. В конце коридора показалась лестница, очень широкая, с медными накладками на перилах и ковровыми дорожками. На втором этаже монах с гостем миновали несколько залов, золотого, зелёного, белого цветов. В белом зале Ялган увидел огромный эмалевый плафон, изображающий Сефера за

работой над рукописью мироздания. На несколько минут он даже перестал воспринимать окружающее его пространство. Существовала только фигура седовласого старца в монашеской одежде, склонившегося над пюпитром с разложенными на нём листами для письма. Так и был сотворен Арэц. «Может, зря я не верю в то, что рассказывают священники? Ведь они могут быть правы» – впервые подумал Ялган. В детстве он был набожным. Или хотел таким казаться своей матери, которая водила его в храмы на службы. Позже, когда у него началась самостоятельная жизнь, он стал ходить в храм реже и больше задумываться о Сефере, созданном им мире и людях. Несправедливость и людское горе, разлитое едва не всюду, куда бы не обращал свой взгляд совсем молодой тогда член Синклита, а зераклитом Ялган стал рано, в восемнадцать лет, необоримое, казалось, людское горе привело молодого человека к мысли, что либо Сефера нет, иначе, как объяснить, что при добром Боге вокруг столько зла? Либо Сефер есть, но ему нет дела до своего творения, а чем он занимается – не ясно. А возможно Сефера и вовсе не существует. Однако, в любом случае, считать его добрым и любящим никак нельзя. В этом Ялган был уверен. Во многом, в этом неверии был корень его твердости в решении отстранить Императора от власти. Ведь только он, Ялган Маяземский, знает, как сделать жизнь в Империи лучше. Более того, он абсолютно уверен, что только у него получится осуществить задуманное. Если кто-то не с ним, то либо из злых по-

буждений, либо из-за глупости. «Нет, это просто изображение старика в образе писца. Наверняка срисовали с какого-то простого монаха, а ты уже подумал, что это сам Сефер на тебя смотрел. Немедленно выбрось глупости из головы!» – Обратился к себе зераклит. Так, предавшись этим рассуждениям, Ялган и не заметил, как его привели к небольшой двери, у которой он и монах остались ждать. К монаху подошел кто-то, они о чем-то перекинулись парой фраз шепотом и тот, что только что появился, ушел. Через несколько минут к Ялгану подошел высокий, довольно крупный священник, но не полный, широкоплечий. Лицо его легко вписывалось в квадрат, глаза были немного раскосые, посаженные к носу не близко, но и не далеко. Нос небольшой, острый. В целом, его внешность можно было назвать приятной.

– Доброго дня. Я Келлай, грамматик его мудрости. Чем могу Вам помочь?

– Доброго дня и вам. Я зераклит Ялган Миязимский. Его мудрость назначил мне встречу на сегодня, на это время. Вы могли бы доложить ему, что я уже приехал?

– Да, я вас знаю. Однако, боюсь, здесь произошло какое-то недоразумение. Понимаете, его мудрость сейчас болен и не может вас принять. Странно, что вы получили приглашение от него. Можно взглянуть на бумагу с приглашением?

– Нет, извините. Не взял с собой. Его мудрость болеет уже десять дней. Мне нужно его увидеть.

– Я понимаю ваше желание увидеть его Мудрость, проко-

эна Касава, но это едва возможно. Его Мудрость сейчас болен и никого не принимает. Я лично распоряжусь найти человека, отправившего вам от имени его Мудрости приглашение и отнявшего у вас, таким образом, столь много ценного времени и наказать его по справедливости. – Келлай произнёс последнее предложение серьезно, будто правда собирался делать то, о чем говорил. Однако его выдавали глаза. В них читалась ирония и насмешка над самоуверенным зеркалитом, решившим, что он в любом случае должен добиться желаемого. Ялган насмешку увидел, и она его задела.

– Не стоит утруждать себя поисками. Уверен, сделавший это не хотел сделать ничего дурного, а просто выполнял свою работу. В любом случае, мне давно необходимо увидеть его мудрость. Даже если он при смерти, я тем более хотел бы его увидеть. Я готов подождать, но не очень долго. Я занятой человек и не могу тратить время на ожидание. – Ялган произнес все тоном, не терпящим никаких возражений. Келлай помолчал некоторое время.

– Хорошо, я спрошу его Мудрость, сможет ли он вас принять. Но если он откажет, вы должны будете прекратить добиваться приема. В противном случае мы силой выдворим вас за стены Библиотеки, что не доставит удовольствия ни вам, ни нам.

– Я пока здесь подожду. Дальше посмотрим. – Ялган спрятал руки в рукава, правую руку в левый рукав, а левую в правый и начал ходить вдоль стены, рассматривая узоры, кото-

рых на ней было немало. Келлай постучал в дверь, у которой проходил разговор, подождал совсем немного и вошёл, хотя никакого ответа из-за двери не было. Через минуту грамматик вышел.

– Его Мудрость ждет вас.

– Спасибо. – Сухо ответил зераклит, переступая порог. Келлай закрыл за ним дверь. Ялган Маязимский оказался в совсем небольшой комнате, хорошо освещенной четырьмя большими лампадами, чей свет увеличивали медные пластины, прикрепленные к светильникам. Вся комната была исписана всевозможными буквами. Ялган узнал письмо военных – зерамкарев, письмо священников – зарамиер и еще были какие-то буквы, которых он не знал. В комнате стоял пюпитр для молитвы и деревянная кровать. Посреди комнаты стоял невысокий пожилой человек, абсолютно седой, с небольшой бородой. Левую руку он сжимал в кулак, приложил его к груди, ладонь правой руки лежала сверху на этом кулаке. Голова была немного наклонена, будто он совершал поклон.

– Доброго дня вам. Мне сказали, что вы очень хотели меня видеть? – голос прокоэна был мягким, приятным, даже успокаивающим.

– И вам доброго дня и долгих лет жизни. – Зераклит вошёл в комнату очень раздраженным, но вид этого пожилого человека немного убавил раздражение, хотя я не до конца. – Да, я очень давно хочу вас увидеть. Но все говорят о вашем плохом самочувствии и уже десять дней мне к вам никак не

попасть. Хотя выглядите Вы хорошо.

– Да, спасибо, мне уже лучше, но окончательно недуг ещё не отступил. Вы проявили немалую настойчивость. У вас, должно быть, ко мне серьезное дело.

– По другому поводу я вас и не беспокоил бы. Понимаю, что мирские дела вас едва ли тревожат, и все же хочу спросить, слышали ли вы что-нибудь о последних событиях в Галиаре?

– Вы о беспорядках перед дворцом Верховного Синклита Империи и об отстранении Его Величества, Императора Владара от власти? Слышал. – Голос старика оставался таким же мягким и приятным. Попытаться понять его отношение к случившемуся было совершенно невозможно.

– Я зераклит Верховного Синклита Ялган Мияземский, члены Синклита уполномочили меня встретиться с вами, чтобы узнать, поддерживает ли Эхаль и вы лично и вы лично, как глава Эхалья, произошедшие перемены? Мы прекрасно понимаем роль, которую играет Эхаль и духовенство в Империи. Ваше мнение игнорировать нельзя. Поддерживаете ли вы Верховный Синклит, как единственный и главный руководящий орган Империи?

– Простите, у меня нет стола, за которым мы могли бы присесть. Вот, только лавка. – Прокоэн указал рукой на лавку у стены, до этого момента Ялган ее не видел. – Давайте присядем, так будет удобнее разговаривать. Я понимаю ваш интерес и благодарю, что пришли. Эхаль является частью стра-

ны и поэтому все, что происходит в Империи или с Империей – очень важно для Эхаля. Но мы не можем быть за кого-то или против. Если что-то произошло, то только потому, что это было записано в книге мироздания, в книгах судеб самим Сефером. Безусловно, как у каждого жителя Империи, у священника, писца, библиотекаря, словом, у каждого каттава может быть личное мнение. Но лучше, если оно будет совпадать с мнением Эхаля.

– То есть можно сказать, что вы поддерживаете случившееся?

– Нет, я этого не говорил. Может быть, вы это услышали, но мной ничего такого произнесено не было.

– Но вы и не против случившегося?

– Нет, не против. Я же сказал, что не оцениваю смену власти с позиций хорошо или плохо.

– Однако, мы зераклины, Верховного Синклита Империи можем сделать для Эхаля больше, чем делалось раньше. Разве это будет плохо?

– Не ясно, к чему это предложение. Да, вы можете сделать много доброго для эхаля. Но вы можете сделать и много плохого.

– Вы понимаете, у императора могут быть... – тут Ялган замолчал на несколько секунд, потом продолжил. – У императора есть сторонники, которые будут отстаивать его власть с оружием в руках. Погибнут люди. Вы можете если не прекратить это противостояние, то повлиять на его ход.

Вы должны вмешаться.

– Я соглашусь с вами в том, что нужно сделать все, чтобы избежать человеческих смертей. Междоусобная брань, самое страшное, что может постичь государство. Борьба с врагом, напавшим на твой дом – естественна, а борьба с братьями, с которыми ты делили хлеб – нет. Я лишь могу составить текст, где от имени Эхаля призову всех, кто поднимет оружие на своих братьев – отложить мечи в сторону и начать разговаривать друг с другом. – Прокоэн смотрел в пол, но было видно, что сейчас в его голове роятся сотни мыслей. В то же время он совладал со всеми этими мысли, они не разрывали его тревогой, как это обычно бывает с людьми. Возможно, это было некое управляемое множество, власть над которым имеют лишь единицы.

– А если вас никто не слушает? – с легкой иронией спросил Ялган, – если продолжают убивать друг друга?

– Наш труд будет не напрасным, даже если одна жизнь будет спасена. А вы так уверены в том, что начнется война между сторонниками старой и новой власти?

– Я не уверен в этом, но исключить такой возможности нельзя. Вероятность очень высока. Я спрошу еще раз: Вы выступите с посланием к пастве в поддержку Верховного Синклита Империи?

– Вы знаете мой ответ. Много лишних слов произносить ни к чему. Простите, я устал и хотел бы отдохнуть. Можете прийти завтра, если будет необходимость.

– Хорошо. – Ялган поднялся с лавки, кивнул в сторону прокоэна. Это был прощальный поклон раздраженного зераклита, и пошел к двери. – Всего доброго. Поправляйтесь.

– Спасибо. – Касав на прощание улыбнулся любящей отеческой улыбкой. Она ёще больше разозлила Ялгана. «Старый дурак. Толку от него никакого. Чему он улыбается? Он так уверен в своей безопасности, могуществе? Похоже, он начинает выживать из ума».

Коридор оказался пустым, никого, кто мог бы указать дорогу к выходу из здания, рядом не было, мужчина потратил какое-то время на поиски обратного пути, пока не встретил какого-то монаха, который его и вывел. Ялган принял решение: нет, не по пути ему с этим добродушным стариком. Нужен человек, готовый вершить настоящие дела. Конь мчал во весь опор к дворцу Верховного Синклита Империи. Его ахон был там.

– Скил, собери все, что сможешь о прокоэне, любые сведения. Ёще мне нужны сведения о самых амбициозных старших архикаттавах. Их настроения, отношения к Синклиту, к прокоэну, все, что сможешь найти. Мне нужен человек, имеющий влияние в Эхале, с которым я бы мог работать. И пускай мне принесут вина с корицей, разбавленного водой. Пить хочется. У каттавов гостей угощать, похоже, не принято. Сроку тебе на сбор информации – три дня.

Скил выполнил задание вовремя. У Ялгана на столе лежал свиток, довольно длинный, чтобы изучить его зераклиту

понадобилось около трёх часов. Он выделил из всего списка архикаттавов первого священника области святых городов – архикаттава Залдана. Это был довольно молодой архикаттав. В пятьдесят лет он занимал одну из самых важных и почетных должностей в Эхале. Область священных городов находится к юго-востоку от города Галиара. Представляет собой несколько десятков гор, чьи вершины будто срезают. Так, что получаются огромные поля, возвышающиеся над землей. Горы отстоят друг от друга на различном расстоянии, одной, двух, трёх вёрст, но не больше. Где возможно, между плато перекинуты мосты. На этих плато расположены города, состоящие из монастырей и храмов. Там происходит непрерывная молитва, переписываются тысячи текстов, создаются манускрипты, свитки, делаются тонны чернил и красок для книжных миниатюр, варится бумага, обрабатываются шкуры животных под пергамент. Этим обусловлено и значительное количество монастырских и храмовых животных стад в области священных городов. Для производства книг действительно было нужно огромное количество животных. Для одной рукописи могли понадобиться шкуры до пятидесяти животных. В области были разные обители и храмы. В каких-то из них паломникам были рады, в другие паломников вовсе не пускали. Никто не мог сказать, сколько именно в том районе сосредоточено монастырей и храмов. Область эта никогда не знала набегов неприятеля или разбойников. Неисчислимы богатства, что там хранились,

берегли монахи и священники. Иногда бывали случаи, что под обличьем пилигрима скрывался вор, но украсть что-то таким людям получалось крайне редко. Наказание было суровым – смерть. Пойманного варили в чане с чернилами.

Первый священник, начальник этой области был человеком весьма уважаемым, как в Эхале, так и светском обществе. Залдан же был достоин уважения и без этой должности. Прекрасное образование, безупречные манеры, приятная внешность, а заодно и немалое влияние при дворе, державшееся на сокровищах вверенной ему области, делали его желанным гостем во многих столичных домах. Благодаря всем названным выше достоинствам прокоэн прощал ему слишком частые отъезды из области священных городов и пребывание в Галиаре подолгу. Залдану столица была гораздо ближе, чем самый богатый подчиненный ему монастырь. Он хотел быть первым в столице, это желание давно поселилось в его сердце. Он не расценивал его как гордыню, но считал совершенно естественным и справедливым. «Кто, если не я? И почему не я?». Прокоэн разгадал сердце Залдана, видел его способности и доброту души, которая у архикаттава тоже была. Прокоэн хотел исцелить сердце собрата, поэтому и направил его в самую святую землю во всей империи. Однако желание власти и почета все же оказались сильнее.

Ялган отложил в сторону свиток. Он видел Залдана несколько раз, однажды они даже общались и успели проникнуться друг к другу взаимной симпатией. Да, это тот че-

ловек, который нужен сейчас Ялгану.

– Скил, где сейчас первый священник области священных городов? – слуга сидел тут же, в комнате господина, тоже просматривал какие-то тексты.

– В Галиаре его резиденцией служит монастырь книги Мироздания, вы проезжаете его, когда едете от дворца Верховного Синклита к Высшему Императорскому суду. Простите, к бывшему Высшему Императорскому суду. – Скил встал с места и подошел ближе к своему господину.

– Это огромный монастырь с большими воротами, обитыми медью, на них, кажется выбитые буквы алфавита священников? Ворота со стороны Широкой улицы, так?

– Именно так, господин.

– Я сейчас еду туда. Ты едешь со мной.

– Как прикажете, господин.

Хотя Ялган любил пышные выезды, часто он ездил в одиночку или с ахоном. Доскакали быстро. На Широкой улице людей почти не было, у больших ворот, отливающих на солнце красной медью, всадники спешили. Молотки, прикрепленные на дверном полотне, были на вид тяжелыми, но на поверку оказалось, что с ними можно управиться одной рукой. Едва Ялган успел убрать руку с молотка, перед этим несколько раз постучав, как окошко в калитке открылось:

– Кто вы и зачем пришли? – спрашивал гладковыбритый лысый мужчина резким голосом.

– Я член Верховного Синклита Империи, зераклит Ялган

Миязинский. Мне нужно увидеть первого священника области священных городов Залдана. – Едва привратник узнал, что стучавший в дверь – зераклин, голос стал значительно приветливее, будто другой человек заговорил.

– Конечно, проходите. Сейчас о вас доложат его Святости.

Стражник взял под уздцы лошадей гостей и, вслед за посетителями, ввёл их в монастырский двор. Перед Ялганом и Скилом открылась длинная аллея, с правой и левой стороны ограниченная кустами и деревьями. Было видно, что в разные стороны от аллеи отходят дорожки, прямые, извилистые, змейкой, ломаные. Монастырские стены были высоки, не на много ниже, чем городские. Они остались еще с тех далеких времен, когда монастырь книги Мироздания находился на окраине Галиара, имевшего в древности меньшие размеры. Обитель тогда играла важную роль в системе городских укреплений. Высокие стены, в купе с большой площадью монастыря, разбросанными по его территории скрипториями, библиотеками, часовнями, кухнями, трапезными, бумагоделательными мастерскими и прочими помещениями, делали монастырь похожим на небольшой городок. В конце аллеи находился дворец. Ялган и Скил догадались, что именно там должен находиться Залдан. Они успели только подойти к ступенькам дворца, чтобы подняться на его крыльцо, как на встречу вышел сам первый священник.

– Хвала Творцу! Я не ожидал, что и такая милость записана в книге моей судьбы! Сам Ялган Миязимский, великий

зераклит, решил посетить мою обитель! Удивительно, как на одном человеке Сефер может показывать такие разные свои милости. – Залдан был неподдельно рад визиту. – Я все хотел сам вас посетить, но, догадываюсь, сколько сейчас у вас работы. Поэтому все откладывал свой к вам приезд.

Ялгана растрогала такая встреча, Скил сдержанно улыбнулся.

– Я уже начинаю жалеть, что не уделял вам достаточно внимания раньше, ваша святость! – зераклит приветственно обнял священника.

– Спешу вас заверить – это взаимно. Прошу вас пройти внутрь, там мы сможем поговорить.

Несколько минут разговор шел о погоде, о войне, об урожае. Гости восхищались красотой дворца Залдана, и там действительно было чему восхищаться. Стены были украшены фресками с изображением природы, так искусно, что казалось, птицы запоют, хищные звери бросятся на людей из своих укрытий, вода польется со стен.

– Удивительно. Это чудо! Это не мастерство, а волшебство. – восхищался Ялган.

– Да, можете считать так. – Первый священник улыбался довольной улыбкой.

Вежливые беспредметные разговоры продолжались еще некоторое время. За столом начали говорить о приятном вине и фруктах, о печенье, которое подали к вину. Скил за стол не сел, Ялган попросил его просто быть неподалеку на слу-

чай, если что-то понадобится.

– Вы, уверен, догадались, что я пришел к вам не просто так, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Хотя и поэтому тоже. – Сказал, наконец, зераклит после недолгой паузы.

– Ну, я сразу понял, что вы по делу. Точно не знаю по какому. Их может быть много. Но дела – это ведь не главное в человеческой жизни.

– Да, их множество, но сейчас меня занимает лишь один вопрос: как вы относитесь к отстранению Императора от власти? – Ялган поставил бокал с вином на стол и посмотрел в глаза собеседнику. Тот улыбнулся.

– Что вы хотите от меня услышать? Тем более, когда вопрос задаете вы? Я в несколько стеснённом положении, не находите? Но разговор вам нужен откровенный и я не буду вам в нём отказывать. – Потом недолго помолчал. – Я хорошо к этому отношусь. Мне тоже казалось, что император не сможет справиться со всеми проблемами, испытаниями, что пришлись на время его правления. На Верховный Синклит Империи я возлагал и возлагаю большие надежды. Думаю, вы не подведете, и Синклит сумеет сделать так, чтобы любые враги очень надолго забыли о любых возможных планах нападения на нашу землю.

– Спасибо. Мне, как и всему Верховному Синклиту Империи, крайне важно было узнать ваше мнение. Признаться, я скорее ожидал от вас услышать что-то в духе: «Я не считаю произошедшее ни плохим, ни хорошим. Это просто

случилось». Хотя многие ваши собраты будут говорить, что устранение императора от власти – святотатство.

– Если смотреть со всей строгостью на произошедшие, то, конечно, вы совершили большой грех. Однако удивительным образом так получается, что ваш грех оборачивается благом для всей Империи. Уверен, Сефер простит зераклитам это и другие их прегрешения.

– Ваша Святость, вы даже не представляете, как вы меня удивляете своими словами. Несколько дней назад я был у прокоэна Касава и он говорил мне совсем другие слова.

– Прокоен... – Залдан улыбнулся, но улыбка очень быстро сошла с его лица. – Прокоен пожилой человек и не всегда, мне кажется, по достоинству может оценить изменения, происходящие в нашем мире. Он все больше думает о моменте, когда он предстанет перед Сефером и сможет лицезреть его за работой.

– Возможно. Я спрашивал его о возможности выступить с обращением к пастве, где содержался бы призыв поддержать власть Верховного Синклита, он отказал.

– Я бы очень удивился, согласись он на это.

– А что вы об этом думаете? О таком обращении?

– Мне эта идея кажется хорошей. Даже нужной. Возможно, она остановила бы некоторых особо беспокойных сторонников Владара. Такие у него должны быть. – Здесь в подтверждение слов Залдана Ялган кивнул. Первый священник продолжил. – Однако все это лишь мое личное мнение. А

его Мудрость совсем отказал в какой-либо помощи?

– Нет, он пообещал обратиться с посланием к пастве, в котором призовет сложить оружие и не начинать междоусобной брани.

– Но вам, полагаю, хотелось бы, чтобы прокоэн, а с ним и весь Эхаль поддержал власть Синклита?

– Разумеется.

– Я вам сочувствую и поддерживаю. Но помочь не могу никак. Впрочем, я могу повлиять на настроения первосвященников в провинциях, так что они будут вас поддерживать не как члены, руководители Эхалья, но как жители Империи.

– Но эти лица, как имеющие авторитет, все равно будут оказывать влияние на паству.

– Уверен, так оно и будет. Конечно, я не могу повлиять на всех первосвященников, но с частью из них я могу переговорить или послать личное письмо.

– С вами приятно иметь дело. Простите, я человек прямой и привык не скрывать, что думаю. Надеюсь, мой вопрос вас не шокирует. Как вы считаете, когда Сефер призовет прокоэна Касава, кто станет следующим главой Эхалья?

– Ух, – выдохнул Залдан – вы задаете непростые вопросы. Сколько ещё их у вас?

– Не думайте ничего дурного. Я государственный муж, должен задумываться и о таких вещах. Ведь это крайне важный для Империи вопрос. Тем более в нынешнее время. Крепкий союз Эхалья и Империи сейчас важен, как никогда. –

Ялган понизил голос и наклонился к собеседнику. – Не предлагаю вам ничего двусмысленного или предосудительного. По крайней мере напрямую. – Зераклит вновь откинулся на спинку кресла и сделал несколько глотков вина. Залдан был несколько сбит с толку такой прямолинейностью своего гостя, однако поводов не верить Ялгану, подозревать его в том, что он проверяет благонадежность первосвященника Залдана к прокоэну Касаву, было бы просто глупо. Зачем ему это? Каким бы ни было на самом деле предложение Ялгана, Залдан решил пока делать вид, что намеки зераклита ему не ясны.

– Да, сотрудничество Эхаля и Империи – верный путь к общему благу, совершенно согласен. Что касается претендентов на престол прокоэна, то все говорят о трёх кандидатах. Я бы выделил двух, ибо третий – фигура скорее номинальная, а не реальный претендент. Первый претендент – это наместник прокоэна в Галиаре, его святость Цадак. Человек, вне всякого сомнения, достойный, ставящий правила нашей святой веры превыше всего. Нрава крутого, но справедливый. В его ведении находятся все писцы, священники, библиотекари, храмы и монастыри на территории столицы. Формально первосвященником царствующего града является Прокоэн, но у него на все не хватает времени и сил, поэтому существует пост наместника Прокоэна в столице. Политикой его святость Цадак не увлекается, больше сосредоточен на своих прямых обязанностях и молитве. Впрочем,

её тоже можно отнести к его прямым обязанностям, что относится к любому каттаву, не зависимо от его должности.

– Хорошо, я составил мнение об этом человеке. Мне кажется, он похож на его Мудрость Касава, так? – спросил Ялган.

– В целом – да, вы правы. – коротко ответил Залдан.

– А второй кандидат?

Залдан несколько смущенно улыбнулся.

– Второй кандидат сидит перед вами.

– Я так и думал.

– Вы мне льстите.

– Ничуть. Каковы шансы второго кандидата? – слова «второго кандидата» Ялган выделил интонацией, желая особо подчеркнуть свою заинтересованность во «втором кандидате».

– Шансы Цадака и мои примерно равны. Прокоеэн избирается тайным голосованием. Думаю, я не ошибусь, если скажу, что все будет решать дюжина или десяток голосов. Это при том, что голосовать будут, должны голосовать триста тридцать три каттава и архикаттава со всей Империи.

Зераклит внимательно посмотрел на собеседника:

– Скажите, ваша святость, откуда такие точные цифры расклада сил при возможном голосовании? Буквально до десятков голосов?

– Я слежу за ситуацией. Всегда нужно быть готовым. Никто не знает, что записано в следующей строке книги его

Судьбы, но мы можем надеяться и предполагать. Нужно всегда быть готовым ко всему.

– Я вас понял. А кто третий кандидат? Тот, чьи шансы совсем малы, как я понял из вашего рассказа, но кого нельзя сбрасывать со счетов.

– Третий – это первый священник первой Северной провинции Империи Равван. Молитвенник и ученый. Насколько мне известно, престол прокоэна его мало интересует. Если он пойдет на выборы, то только поддавшись уговорам почитателей. Политика и административные хлопоты его интересуют крайне мало. Не удивлюсь, если он отказался бы от престола, если бы его каким-то чудом все же выбрали бы. – Залдан развел руками.

– Спасибо. Здесь я тоже все понял. Хочу уточнить только, я правильно уловил, что прокоэн избирается тайным голосованием?

– Да, так. Раньше был другой порядок. Совершалась служба, после которой один из наиболее уважаемых монахов или отшельников тянул жребий, маленькие бумажные записки с именами кандидатов. Однако такой порядок отменили около ста лет назад. Ходили слухи, будто несколько раз на всех трех или двух, четырех записках, в зависимости от того, сколько было кандидатов, писали одно имя, того священника, кого называл император.

– И как, эти меры помогли? Изменение процедуры избрания? Светская власть более не вмешивалась? – С улыбкой

спрашивал Ялган, будто знал ответ заранее.

– Не задавайте таких вопросов, почтенный зераклит. От разных людей вы услышите самые разные ответы.

Залдан и Ялган проговорили еще некоторое время, но уже об общих вещах. В конце беседы, которая продлилась несколько часов кряду, зераклит сказал первому священнику области Священных городов:

– Ваша светлость, спасибо вам за разговор. Это было несколько часов настоящего удовольствия.

– Что вы! Это взаимно.

– Искренне рад, в таком случае. У меня к вам будет просьба. Можете расценивать её, как мою личную просьбу.

– Сделаю все, что смогу.

– Подумайте, каковы бы были ваши действия на престоле прокоэна в случае войны между сторонниками Верховного Синклита и Императора.

Залдан медленно кивал головой:

– Хорошо. Я подумаю. Война неизбежна?

– Она очень вероятна. Это худший вариант развития событий, и именно поэтому к нему нужно быть готовым лучше, чем к остальным.

– А кочевники? Что с ними?

– С ними мы договариваемся о мире.

– Думаете, они согласятся?

– Я очень на это надеюсь.

– Мы будем молиться, чтобы так и случилось.

– Спасибо. Я заеду к вам через пару дней. Всего доброго.

Первосвященник из зераклит расстались друзьями, хотя собираясь к Залдану, Ялган совершенно на это не рассчитывал. Каттав оказался близок ему по взгляду на положение дел в Империи и по тем способам, которые казались необходимыми для решения возникающих проблем.

Глава 37. Новое преследование

Закхаль был вне себя от гнева. Он хотел сравнять Караб-дабир с землей. Закхаль понимал, что если он вернется к Хунхару и расскажет о случившемся, о том, что он упустил Наара, а с ним и рукопись, то наибольшей милостью для него будет смерть быстрая и безболезненная. Но ожидать этой милости не стоило бы. Закхаль боялся даже не Хунхара, а того духа, что едва не задушил его. Шёпот Раэля будто до сих пор стоял в ушах злодея, некогда самого влиятельного человека Наппара, а сейчас просто преступника-, спасающего свою шкуру. Нет, совсем не такой судьбы хотел себе Закхаль. Он трижды проклял покойного Ауэла, хотя и отдал должное стойкости последнего, не сломавшегося под самыми страшными пытками, какие только знали номады и слуги Закхаля. Преступник устроил едва не поголовный опрос жителей, видел ли кто Ауэла, ведущего трех мужчин к воротам из города, или показывающим тайный ход или то, что могло бы быть тайным ходом. Портрет Ауэла был нарисован сразу, как его взяли под стражу, а позже размножен и развешен по городу. Некоторые горожане приходили, рассказывали, что

видели этого каттава с тремя мужчинами, идущими по городу. Какой-то единой последовательности событий сложить не удавалось. Сообщали, что их видели в самых разных районах города, иногда получалось, что они должны были одновременно находиться в разных местах. В итоге, вместо обещанного вознаграждения свидетели получали десяток ударов плетью. Через три дня от неиссякаемого, казалось, потока свидетелей не осталось и следа. Исчезла и надежда на пасть на след беглецов. Закхаль в тайне сам начал думать о побеге, лишь бы более не встречаться с Хунхаром и тем демоном, что рядом с каганом номадов.

На четвертый день после смерти Ауэла в Дом городских отцов, где остановился Закхаль, какая-то старуха привела своего внука. Мальчик был напуган, женщина держалась гораздо бойчее, но по ней тоже было видно, что и она сильно волнуется.

– Мой внук может рассказать вам, куда сбежали те, кого вы ищете.

– Ну? – Устало и безразлично, не ожидая услышать чего-либо стоящего, спросил высокий, худой наемник из отряда Закхалья.

– Не молчи! – старушка еще раз легко толкнула внука в спину. Тот сначала очень замялся, но взял себя в руки и начал говорить.

– Я видел как тот священник, чье лицо нарисовано на бумаге и развешано по улицам, показывал троим мужчинам ка-

кой-то лаз под землю. – Мальчик был напуган, смущен, от того говорил тихо и не очень внятно, но слушавшие его наемники смогли все разобрать. Они слышали уже много похожих историй, при проверке, однако, оказывалось, что либо дверь в тайный ход исчезла, хотя свидетели клялись, что они сами её видели «на этом точно месте», либо они указывали не на тех людей. В таких случаях Закхаль страшно злился и плеть не щадила никого. Бай, так звали наемника, что допрашивал старуху с внуком, решил, что и здесь тоже ошибка.

– Парень, а ты уверен, что этот тайный лаз не исчезнет, как только мы придем на указанное тобой место? Так бывало, и не раз. Тогда тебе придется очень не сладко, а заодно и твоей бабуле, раз она тебя привела к нам. – Бай сплюнул сгусток слюны на землю, растер его носком ботинка. – Но сейчас ты еще можешь уйти, и тебе ничего не будет.

– Нет. Я никуда не уйду. Я уверен в своих словах. – Мальчишка вдруг заговорил уверенным тоном, не оставлявшим сомнения, что он действительно уверен в своих словах.

– Ну что же, я тебя предупреждал. Теперь показывай, где твой потайной ход. Зовут тебя, кстати, как?

– Мад.

Трое наемников на лошадях, а вместе с ними пожилая женщина с внуком, которых всадники посадили вместе с собой верхом, отправились к месту, которое указал Мад. На пыльных улицах Кар-аб-Дабира никого не было, только несколько бродячих псов трусцой слонялись по дорогам и

вдоль домов в поисках пищи.

– Как ты их увидел, Мад? – Заговорил с мальчиком Бай.

– Я прятался. Это был тот день, когда вы напали на наш город. Я хотел добежать до дома, спрятаться там, но вас было много, вы всех убивали. Я решил, что вы и меня убьете. Я спрятался за домами у городской стены, это было хорошее убежище, никто там меня увидеть не мог. Место там очень узкое. Широкая щель между домом и городской стеной. В её углу куча камней, поросших кустами, там я и прятался. Когда пришли эти люди, мне даже показалось, что они видели, как я убежал, и хотят меня убить. Но они не стали подходить близко к камням. Священник начал ощупывать стену, надавил на какой-то камень и в земле открылся люк, каменная дверь. Он нажал еще раз, она закрылась. Он опять открыл ее, трое, бывшие с ним спустились туда, он запер за ними люк и набросал на него песка, камней. Так если бы я этого не видел, то никогда бы не нашел. Стоял бы на нём и не догадывался, что на входе в тайный ход стою. – Мад разговорился.

– И ты сможешь найти тот нужный камень? Или что там открывает дверь, вход в подземелье? – Бай до конца еще не поверил мальчишке, но начинал проникаться симпатией, что его даже немного удивило.

– Найду. Может быть, не сразу, но найду.

– Посмотрим.

Прибыли на место. В конце закоулка действительно была груда камней, уже заросших кустами, ребенок мог спрятать-

ся там и никто его бы там не увидел. Под ногами были песок и сухие ветки.

– Показывай, Мад. Мы ждем.

Мальчик начал ходить вдоль стены, с силой надавливая то на один, то на другой камень в стене. Ничего не происходило.

– Ну? Что, не можешь найти? Или нет здесь ничего? – Уже начал злиться один из бывших с Баем наемников.

– Постой, ему, может быть, просто не хватает сил. Он же еще ребенок – Бай подошел к стене и сам надавил на несколько камней, на которые уже довил Мад. К всеобщему удивлению, с третьей попытки один из камней поддался, утонул в стене, а в земле открылся люк, за которым стали видны ступеньки, покрытые песком. И на этом песке даже можно было различить следы людей. Только определить, когда они были оставлены, было трудно.

– Вот! Я говорила – он не лжет! Видите! – Кричала от радости старушка. – Молодец, Мад, молодец! – Она обнимала и целовала внука.

– Да, похоже, ты действительно не лгал. Тарок, – обратился Бай к своему товарищу, – ты останешься здесь, присмотришь за входом. Мы возвращаемся в Дом городских отцов, нужно доложить обо всем господину Закхалю.

Закхаль был счастлив услышать, что на след беглецов, похоже, удалось напасть. У него будто выросли крылья. Тем более, что буквально утром к нему прибыл посланник от Хунхара, чтобы узнать, как идут дела у нового слуги кагана нома-

дов. Так что Закхаль вместе с ним отправился к обнаруженному тайному ходу. Посланником был какой-то кочевник, с ним переводчик. Кочевник вел себя немного надменно. По крайней мере так казалось Закхалю.

– Передайте его величеству, что юноше не уйти, рукопись будет у господина Хунхара.

– Когда? Ты устраиваешь проблемы, затем их решаешь и хочешь выдать это за хорошую работу? Да, твои люди продолжают преследование, но им бы не пришлось этого делать, будь они расторопнее, а их хозяин мудрее. – Посланник испытывающе смотрел на Закхалья. В других обстоятельствах последний убил бы дерзившего, но других обстоятельств не было, нужно было поступать иначе. Они только что вернулись в Дом городских отцов и разговаривали в одном из его огромных залов. Закхалю, отчасти, было просто обидно. Напасть на след беглецов – это успех, но этот успех никто не оценил, более того, им не довольны. Преодолев волну внутреннего гнева, которая едва не вырвалась наружу и не смыла в окно пятого этажа надменного посла от Хунхара, Закхаль сделал жест слуге. Тот на секунду вышел, а когда вернулся, то нес на подносе какой-то высокий предмет, накрытый небольшим куском шелковой ткани. Слуга по мягкому пышному ковру прошел к господину и с поклоном протянул ему поднос. Закхаль просунул руку под покрывало и взял скрытый там предмет. Однако, что там было скрыто, продолжало оставаться загадкой. Он подошел к послу:

– Почтенный Баурт, позвольте в знак дружбы сделать вам подарок. – Он стащил шёлк со скрытого под ним до того момента предмета и посол увидел серебряный кубок, украшенный чернением, драгоценными камнями, эмалью. Стакан кубка был доверху заполнен золотыми монетами. – Не подумайте, что я дерзаю вас подкупить. Это подло и низко. Тем более, когда имеешь дело с номадом, свободным человеком. Подарок – просто знак моего к вам уважения. Хотел сделать его раньше, но из-за всех этих хлопот, не получилось поступить, как хотел.

Баурт принял подарок из рук Закхальи.

– Ничего. Я вас понимаю. Тернги готовит для нас многие испытания, но главное – проходить их с достоинством и без ропота. Уверен, вы с этим справитесь. Благодарю за подарок. Теперь тяжесть вашей работы и усердие, прилагаемое к ней стали для меня куда яснее. – Посол поставил кубок на тот же поднос, на котором кубок внесли. Слуга поклонился и вышел из зала.

– Передайте его величеству кагану Хунхару, что я возлагаю Кар-аб-Дабир к его ногам. Отныне это его город. Сам я продолжаю погоню за Кедиром и его товарищами.

– Я буду рад доставить такие вести его Величеству. Однако не забывайте, что главная цель – рукопись.

– Рукопись, которая желаннее целого города. Что в ней может быть такого? Тем более для его величества. А вы, номады, ведь вовсе отрицаете письменность, саму возможность

её существования и необходимость.

– Мы сами не знаем, зачем нужна эта рукопись. Никто не знает. Однако внешне этот поход, завоевание новых земель, ничем не отличается от предыдущих. Замыслы государя известны только ему, нам остается исполнять его волю. О рукописи много говорят, но никто ничего не знает наверняка. Возможно, какая-то рукопись действительно есть, но зачем она его Величеству, никто не знает.

Глава 38. Возвращение Хунхара

Армия Малакка продвигалась на восток. Пещера рождала все новые и новые полчища тварей. Только к концу пятнадцатого дня после начала исхода, поток чудовищ иссяк. Первые отряды отстояли от замыкающих на сотни верст. Даже армия кочевников была менее многочисленной. Там, где ступали их лапы, земля темнела, вода протухала, все живое в страхе бежало, небо чернело. Человеческие ненависть, страх, боль, злость – были тем, что питало эту армию. Однако кочевников они не трогали, как Раэль и обещал Хунхару. Хотя дружбы или приязни между ними тоже не было. Иногда бывали стычки, в которых верх одерживали, как правило, твари, хотя, иногда победителями оказывались и номады. Если кочевники оставляли после себя захваченную землю, которую они считали своей, то твари оставляли мертвую землю, над которой властвовали смерть и горе. Владеть такой землёй никому не хотелось. Лишь отдельные города и селения оставлялись номадам, как награда за службу.

Твари, чтобы покорить человеческий мир приняли человеческую природу, то есть появилась возможность их убить. Часто это было сделать крайне сложно, если нужно было убить огромного великана с толстой кожей или клыкастого волка, размером с коня.

Хунхар вернулся в Малую пристань, его армия только готовилась выступить к Бэлде. Он появился так же неожиданно, как и исчез. Спустился с той же башни, где не так давно его забрал с собой Раэль. Дух теперь тоже обрел физическую форму, осязаемую. Темносиний, почти черный балахон с капюшоном, столь глубокого цвета, что, казалось, эта сама темнота может вместить в себя весь мир. Под капюшоном тьма, так что не ясно, есть ли в этой тьме лицо? Шагов при ходьбе не слышно, будто тот, кто скрыт под балахоном – парит над землей, не касается её. Те, кто видели их, идущих по лагерю, Хунхара и Раэля, расступались, чьи-то невидимые руки жали на плечи и головы, приклоняя к земле. О возвращении властелина тут же сообщили Гоггалы и другим старейшинам, тамнаконам. С почтением, те вышли их встретить. На вытопанной поляне, между пёстрых тайев, с приклонёнными головами они встретили короля и его спутника.

– Ваше величество, мы рады вашему возвращению. – Гоггалы в знак приветствия протянул Хунхару кубок кумыса. Король не обратил на это никакого внимания.

– Слушайте все, – начал король. – Гаалик предал меня. За это предательство он заплатил сполна, как полагается со-

гласно любому закону. Я убил его. Он составил против меня заговор. Сумел уговорить царей Руннала, Йелдара и Самгала выступить против меня. Теперь короли эти, их воины, сыновья, отцы – мертвы, а племена никогда не возродятся. Я сделал это один, ибо мне была дарована невиданная до того сила. Ни один из моих великих предков не обладал такой силой. Я один сокрушил три войска. Сюда с запада двигается армия. В её рядах много существ, о которых вы раньше никогда не слышали или слышали лишь в легендах и древних сказаниях. Но мы стали избранным народом, мы будем владычествовать над землей. Весь Арэц покорится нам. Империя, Союз торговых городов, Северные и южные королевства, даже далекие заморские земли. Все покорится нам. Сам Тернги снизошел к нам. Он дал мне силу сокрушить врага. – Среди знати, спокойной до того момента, вдруг начался шепот, еле слышный. Ведь каган говорил, что сам бог праотцов сошел в Арэц, чтобы помочь своему народу покорить землю. Более того, он даже ведет свою армию, чтобы помочь в этом. Неужели воинственный Тернги, бескрайнее синее небо, действительно стал человеком, снизошел к своим детям – кочевникам? Властелин продолжал:

– Сейчас армия Тернги еще далеко, но она продвигается быстро и будет здесь очень скоро. Она неутомима. Мы пойдем дальше, на восток, чтобы, когда Тернги будет здесь, мы могли преподнести ему как наш дар многие имперские города, сокровища и рабов. Идите в свои племена и кланы, рас-

скажите то, что я сейчас вам сказал. Закончилась бесславная эпоха. Через службу нашему великому богу мы стяжаем достойную нас славу.

Слова, произнесенные Хунхаром, ошеломили знать, военных вождей. Неужели сам Тернги решил встать во главе войска своих детей? Много вопросов задавали вожди друг другу, но ответа не было. И что за человек был рядом с королем? Что значит «один одолел три армии?» Как это возможно?

Хунхару доложили о присутствии в лагере имперских послов, он согласился принять их, пообещал мир, а ночью истребил.

Глава 39. Загадки

– Ауэл не говорил, как далеко идет этот тайный ход? – Кавэд шел первым, подсвечивая дорогу уаритом, подобранным с земли.

– Нет, не говорил. По крайней мере, я не слышал – ответил Наар. Кедир промолчал.

– В той спешке не удивительно, что никто не спросил очевидных вещей, о которых обычно спрашивают в первую очередь. – негодовал Кавэд.

– А вам впервые идти неизвестно куда? Делать что-то, не зная зачем? – шутил Кедир.

– Мы идем к побережью Восточного моря, к Белому побережью. Другой вопрос – зачем. Вот этого я не знаю. Но направление мне известно. – Наар вдруг стал очень серьезным. – Тяжело делать, что от тебя требуют, когда не пони-

маешь, зачем. Однако часто у тебя нет другого выхода, и тогда понимание смысла действия будет наградой. Я тоже обо всем этом думал. Не один раз.

– Да ты и говоришь об этом не впервые. Но понимание смысла работы в качестве награды за неё – это нечто не для меня. – продолжал Кедир.

– Ладно, хватит вам. Я скажу, что идти по подземелью неизвестно куда мне не нравится. Но именно это подземелье кажется даже гостеприимным, если такое слово здесь вообще уместно. – Монах с неподдельным восхищением оглядывался по сторонам. Путешественники шли по длинной подземной пещере, где даже температура была приятной, можно было назвать ее теплой, но не жаркой. Приятной. Уарит, которым путники пользовались вместо фонарей и факелов, мягко освещал окружающее пространство. Стены, потолок, пол пещеры были яркими, узорчатыми, казалось, это работа какого-то талантливого художника, а не плод сил природы, таких как ветер, вода и времени, которое вне природы. Были огромные плиты прозрачных камней, проникая в которые, свет уаритов преломлялся, отражался и возвращался к людям уже невероятным фантастическим количеством оттенков. Огромные глыбы хрусталя, бирюзы, гранит и мрамор нескольких десятков оттенков, от черного до кроваво-красного и белоснежного. Иногда встречались источники, не так часто, как хотелось бы путникам, но достаточно, чтобы они утолили жажду. Так было легче справиться с голодом, кото-

рый становился все ощутимее, так, что через некоторое время все мысли были только о еде.

Путешественники не знали, сколько они прошли и как давно не ели. Они очень ослабли и готовились умереть. Вдруг, впереди послышалось пение. Без слов, скорее как если кто-то напевает мелодию, распевая гласные звуки. Может быть, это был неизвестный никому из троих мужчин язык.

– Мне кажется, или это пение? – остановился Наар и стал прислушиваться.

– Да, это действительно пение. Поют то ли девушки, то ли дети. Не разберу. – Подтвердил Кедир.

– Да, от голода бывают галлюцинации, мерещатся люди, колодцы, столы с едой. – Уныло проговорил Кавэд и побрел дальше.

– Прекрати, мы не так давно не ели, чтобы начались видения. – С раздражением сказал другу Кедир.

– Может, вы и правы, но я думаю, что это, скорее воет ветер. Может быть, здесь недалеко выход на поверхность. – Отказывался соглашаться монах.

– Выход на поверхность, в пески Маниаммы... – Задумавшись, произнес Наар. – Нет, лучше пение. Тем более, что впереди действительно кто-то поет. Никакой это не ветер, Кавэд.

Чем дальше они проходили вперед, тем отчетливее слышалось пение. Очень красивое пение, завораживающее. Друзья уже не переговаривались между собой, но просто шли

вперед, прибавив шаг, желая скорее узнать, кто или что там впереди? Красота голоса и мелодии, которые он исполнял, помогли победить страх. Мужчины забыли, что очень часто красота таит в себе опасность. Преодолев очередной небольшой подъем, Кедир, он шел первым, увидел перед собой огромный подземный зал, пещеру с озером. Дно озера светилось оранжевым и голубым светом, водная поверхность отражалась на хрустальном потолке пещеры. Судя по силе звука, пели именно в этой пещере. Каждый спрятал по камню под одежду, на случай, если придётся обороняться. На противоположном берегу сидели девушки, четыре или пять молодых девушек. Это была их песня. Пройти дальше можно было вдоль озера, с правой или с левой стороны. Но выход из пещеры, вернее, проход в другую пещеру, находился напротив того места, где сидели девушки. Присмотревшись, путешественники увидели, что девушки имели человеческое тело лишь на половину, до пояса, ниже начинался рыбий хвост.

– Это русалки? Вы тоже их видите? – Наар не верил своим глазам.

– Туловище женское, ниже пояса – рыбий хвост. Русалки. – уверенно проговорил Кавэд.

– В детстве мама рассказывала сказки. Там были русалки. Вот всё, что мне о них известно, это то, что они поют и могут утащить под воду. Вы, ученые друзья, помните о них что-то из своих толстых книг?

Каттавы собрались с последними силами и начали вспо-

минать все, что они когда-либо читали или слышали о русалках.

Наар произнёс:

– Русалки любят петь, тем самым они привлекают своих жертв.

– Нет, они просто любят петь, поют красиво. Русалки не любят, когда их беспокоят. Они не стремятся вред принести. – Перебил Кавэд, который тоже вспоминал все, что знал о русалках. Но было похоже, что, они с Нааром читали разные книги. Какое-то время, перешептываясь, они спорили о том, чего следует ждать от русалок и что дальше делать.

– Я еще слышал, что в морях есть целые города, населенные такими русалками. Есть в тех городах и мужчины, которые наполовину люди, на половину рыбы. Пресноводные русалки только часть того народа, которая выбрала жить в небольших водоемах и речках. Может, им интересны люди? Тогда они даже рады будут с нами поговорить. – Выказал догадку Наар.

– Конечно. Только вопрос – почему о них, если русалкам интересны люди, люди узнают из сказок и книжек. Почему они не общаются с людьми? Ждут их в подземелье, где люди, предположу, бывают редко? – Рассуждал Кавэд и рассуждения его звучали вполне убедительно. Наар хотел ответить, но за камнями, где они укрылись, с противоположной стороны, там, где было озеро, послышался плеск воды. Все трое замерли. Плеск послышался еще раз, но уже, будто ближе.

– Ну же! Вы долго будете там сидеть? – С интонациями укоризны и нетерпения произнес женский голос.

– Или вы хотите уйти? – произнес уже кто-то другой, но с таким же приятным голосом. Все трое друзей поджали губы, переглянулись и медленно, не произнося ни слова, выглянули из своего укрытия. Перед ними в воде плескались две русалки. Обе чарующей красоты, длинноволосые, у одной волосы были цвета черного базальта, у другой – рыжие. Кожа белая у обеих. Тонкие руки с длинными пальцами, лица с острыми подбородками. Будь эти русалки полноценными людьми, они бы жили при императорском дворце или при дворах владетельных князей, а за их поцелуй отдавали бы города и земли.

– Ну вот, теперь вы молчите. – Сказала черноволосая, потом опустила руки в воду и резким движением от себя подняла брызги, полетевшие в путешественников, которые так были ошеломлены увиденным, что не сразу поняли, что происходит.

– Здравствуйте, – первым вышел из оцепенения Кедир. – Меня зовут Кедир. Это мои друзья – Наар и Кавэд.

– Ой! – всплеснула руками черноволосая, – Они заговорили! – обратилась русалка к подруге. – Рады вас видеть. – Теперь она смотрела уже на троих незнакомцев. Я – Сола, а это моя сестра – Эафа. Мы хранительницы этого озера. Вы раньше никогда не видели русалок? – русалка говорила не медленно, но и не быстро, а речь ее была подобна музыке.

– Да, мы никогда не видели русалок, – не торопясь, выговаривая каждое слово, произнес Наар. Вдруг из воды вынырнули еще три русалки.

– Это наши сестры, – зашебетала Эафа. – Афала, Алуа, Луава. – все три русалки были столь же красивы, как и их сестры. Афала было рыжеволосой с зелеными глазами, у Алуи русые волосы сочетались с голубыми глазами, у Луавы волосы были бледно-рыжими, но глаза почему-то были розовыми.

– А длинные волосы вам плавать не мешают? – Кавэд задал вопрос, первое, что пришло ему в голову. Он и сам понимал, что спрашивает глупость, но поделаться ничего не мог. Слова будто сами сорвались с языка. Русалки сначала рассмеялись, а потом Сола ответила:

– Нет, не мешают. Мы очень давно не видели здесь людей. Мы рады, когда появляется кто-то, с кем можно поговорить или поиграть. Мы здесь уже очень долго одни. Там, наверху, под солнцами, должно быть, прошла уже сотня лет с тех пор как мы в последний раз видели человека. – С тоской проговорила Сола, но что-то было в её голосе, что насторожило Кедира, что-то недоброе почувствовал воин в медовом голосе русалки. – Зачем вы сюда пришли? – Спросила беловолосая русалка. – К нашему озеру? – сказала Алуа. Все пять русалок смотрели на пришельцев в свои владения уже не так приветливо, как в первые минуты знакомства.

– Ваше озеро нам повстречалось случайно. Мы идем из

города Кар-аб-Дабира. Мы ищем выход. Мы чтим ваше озеро и вас, его хранительниц.

– Короткая у человеческого рода память. Похоже, на верху забыли о тайным ходе, а с тайным ходом забыли и о нас. Так даже лучше. В прежние люди приходили сюда постоянно.

– А мне кажется, было лучше, сестрицы. – Сказала Луава. – Так мы только между собой общаемся. Когда новые собеседники есть, так интереснее.

Русалки разговаривали между собой, будто рядом никого не было. Трое друзей некоторое время наблюдали за русалками. Кедир кивком головы в сторону пригласил своих товарищей медленно, не привлекая внимания хранительниц озера идти вдоль его берега к противоположной стороне пещеры, туда, где был выход в дальние туннели подземелья. Русалки заметили это

– Ну, куда же вы! – Сола подплыла так близко к берегу, как только могла.

– Нам нужно идти дальше. – Воин остановился, вместе с ним остановились и остальные.

– Мы давно не ели, может, вы нас чем-нибудь угостите? Тогда нам будет для чего задержаться. – Простодушно сказал Кавэд. Друзья на него оглянулись, но ничего не сказали. Русалки засмеялись.

– А вы странные. Вам и так придется здесь остаться. Это наша пещера и наше озеро. Они священны. Чтобы пройти

дальше, чтобы сохранить свои жизни, вам необходимо пройти испытание. – В ответ на это замечание Кедир хитро улыбнулся:

– То есть, мы не можем сейчас просто пройти дальше вдоль озера по берегу?

Лица русалок стали серьезными, они ничего не сказали в ответ, просто выпрыгнули на берег, все пятеро, Луава взяла большой камень в руки, по одному его виду было понятно, что он был очень тяжелым, и своими хрупкими, нежными пальцами начала крошить камень так, будто это был ком сухого песка. Остатки камня она кинула мужчинам под ноги.

– Ну, раз так... Впечатляет. – Медленно проговорил Кедир.

– А о каком испытании вы говорите? – Спросил Наар.

– Мы, русалки, очень любим загадывать загадки.

– Хорошо. А что будет, если мы не отгадаем?

– Тогда вы навсегда останетесь здесь. Вернее, не здесь. На дне озера.

– То есть, вы нас убьете?

– Нет, мы принесем вас в жертву озеру.

– А к чему нужно испытание? Почему просто не принести нас в жертву? – продолжал задавать вопросы Наар. Кедир и Кавэд смотрели на него с удивлением, не без справедливости считая вопрос немного странным.

– В жертву нельзя приносить кого придется. Испытание должно показать, хочет ли озеро принять жертву. И потом,

мы же не убийцы. Мы служим этому святилищу, его свету, что поднимается со дна.

– А как будет проходить испытание?

– Мы загадаем три загадки. Каждому из вас по одной. Однако каждый из вас отвечает и за других. Иными словами, стоит одному из вас не справиться, как мы заберем всех троих. Мы видим, что вы друзья и считаем, что поступаем справедливо. Ведь друзья в ответе друг за друга. Или у людей уже это не так?

– Так, но не у всех. У нас так. – Быстро ответил Кедир.

– Тогда начнем. Пусть самый молодой из вас отвечает первым. Подойди ближе, чтобы ты лучше слышал слова загадки. – Сола поманила Наара рукой. Он подошел ближе, русалки его обступили, сбежать не было ни единого шанса.

– Я готов. Задавайте скорее.

– Слушай. Скажи нам, что это: рождается в воде, вырастает в огне, но если увидится с матерью – погибнет? – Произнесла Эафа, немного наклонив голову на бок и прищурившись.

– Сколько у меня времени?

– Не вечность, но несколько минут можешь подумать.

Поодаль топтались воин и монах. По лицу Кавэда было видно, что ему ежеминутно приходится себя сдерживать, чтобы не выкрикнуть что-то, что, скорее всего, было ответом. Русалки заметили это.

– Если кто-то из вас подскажет ему ответ или произнесет

любое другое слово, испытание тут же прекратится. Мы просто заберем вас с собой в озеро. – Предупредила Алуа. Кавэд и Кедир в ответ кивнули. Наар присел на камни. Сосредоточиться было трудно, не думать ни о чем, кроме загадки. Несколько раз он проговаривал про себя слова загадки. Трудно было не обращать внимания на окружавших его русалок, сидевших чуть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки.

– Вы мне мешаете. Отвернитесь, пожалуйста. – Русалки хихикнули, но отвернулись. Прошло еще несколько минут.

– Ну как, ты дашь нам ответ?

Наар улыбнулся так широко, как только мог.

– Да. Это соль. Она рождается в воде, потом воду выпаривают на огне, и, если вы бросите соль воду – она растворится. Встреча с матерью несет гибель. Ответ – соль.

Кавэд продолжал молчать, но эмоции говорили вместо него. Он действительно знал правильный ответ, «соль» была этим ответом. Русалки тоже заулыбались.

– Ты прав, юноша. Это соль. Возвращайся к своим друзьям. Теперь ты, Кедир, подойди к нам. – Наар отшел от русалок, друзья приветствовали его как победителя в опасной схватке: объятия и похлопывания по плечу. Воин уверенным шагом пошел к русалкам.

– Ну наконец я могу рассмотреть вас поближе! – Громко сказал он – Рассказы о красоте русалок, я вижу, правда. Хотя ни один из слышимых мной рассказов не описывает вашу

красоту по достоинству. – Было видно, как он любуется девичьими лицами. Русалки даже были немного смущены.

– Прекрати так на нас смотреть. Слушай загадку: кланяется, кланяется – придет домой – растянется?

Кедир задумался.

– Да это же может быть, что угодно! Кланяется, кланяется – придет домой – растянется. Где вы их только берете, такие загадки?

– Кедир, у тебя одна попытка. Если ты еще заговоришь – это будет нарушением правил испытания. Ты не справишься – в ответ на замечание Кедир ничего не ответил, только сложил руки на груди и стал смотреть в землю. Друзья его тоже не знали ответа и растерянно переглядывались. Прошло несколько минут.

– Воин, ты знаешь ответ? – Сола подползла к Кедиду ближе, за сестрой последовали остальные русалки. Мужчина стал оглядываться вокруг.

– Эй, подождите! Дайте мне еще немного времени!

– Думай, мы не торопим. – Русалки остановились совсем рядом, так что они могли дотянуться до его ног. Прошло еще несколько минут.

– Твое время истекает, воин. Сдайся, тебе не найти уже ответа. Вы остаетесь с нами. – Девичьи руки потянулись к Кедиду, чтобы схватить и утащить на дно Священного озера. Мужчина стоял неподвижно, будто и не было никакой угрозы его жизни и жизням его товарищей.

– Это топор. – Громко и отчетливо произнес Кедир. – Топор, пока им работают, все время кланяется, а когда приходит домой – он лежит, растягивается. Другого ответа я не вижу.

Русалки, решившие, что гости попались в их ловушку, были расстроены и не скрывали этого. Они отпрянули от Кедира и руки их больше к нему не тянулись.

– Да, это топор. Ты угадал. – с досадой шипели они. – Ты прошел.

– Хорошо эта загадка не для меня была. – Кавэд подходил к русалкам. Я думал, что это человек, который молится, поклоны бьет, а когда приходит домой, то на постели растягивается. – Говорил он искренне. Поэтому, может быть, замечание показалось русалкам еще смешнее, так что смеха они не сдерживали. Насмешка задела монаха: «Ну подождите, я вам покажу», – думал он про себя.

– Загадывайте ваши загадки. Я готов. – Кавэд с вызовом смотрел на странных, не встречавшихся ему раньше существ, которые на вид казались милыми, и трудно было поверить, что они таили в себе смертельную опасность.

– Заря-заряница, красная девица, по полю ходила, ключи обронила, луны видели, солнца скрали? Что за ключи?

Кавэд подумал совсем немного, меньше минуты.

– Это роса. Роса появляется с вечерней зарей, её видят луны и она высыхает на солнце. Я знал ответ на вашу загадку. Кажется, я вас чем-то расстроил? – У монаха был вид

победителя, русалки были куда менее веселы, чем даже две минуты назад. – Ну что, мы прошли ваше испытание?

Русалки молча попрыгали в воду, освобождая дорогу. Друзья начали обниматься, поздравлять друг друга.

– Кавэд, да ты молодец! Откуда ты знал ответ? – хлопал друга по плечу Кедир.

– Открой тайну, здесь все хотят знать! – Наар смотрел на плавающих в воде разозленных русалок, которые, казалось, готовы были разорвать друг друга, столь велика была их злость.

– Мы охраняем это озеро уже больше пяти веков, только единицы могли отгадать наши загадки, но никто не знал еще ответов заранее. Скажи, монах, ты общался с другими русалками? Они сказали тебе ответы? Эти тайны не должны быть известны людскому племени! Мы придумываем их сами, наблюдая за вашей, человеческой жизнью.

– Я все это прочитал в книге, в рукописи. Когда я жил в скиту, там было совсем немного развлечений для отдыха. Однако, в одном из манускриптов была тетрадь с загадками, хотя остальной текст был богословского характера. Вот я, грешник, брал этот сборник и делал вид, что читаю сочинения мудрых каттавов, а на самом деле читал и перечитывал загадки. Кое-какие и сам придумывал, для развлечения. Может, даже, не хуже ваших. Давайте теперь вы будете загадки отгадывать. – Русалки в ответ ничего не ответили.

– Почему вы молчите? – Кедиру тоже понравилась идея

загадывать загадки теперь уже русалкам.

– Это невиданная наглость. Как вы можете говорить такие слова? Еще никто из человеческого племени не загадывал загадок русалкам. – Афала плавала вдоль берега в право и в лево. Прочие русалки наполовину вылезли из воды и смотрели на мужчин.

– Ну что, вы только загадывать можете? Вас пятеро, неужели не справитесь? – подзадоривал сестер Наар.

– Хотя бы одну отгадаете? Одну, впятером. Неужели не справитесь?

Русалки отплыли подальше в озеро и о чем-то между собой совещались. Потом вернулись, Сола выплыла вперед.

– Хорошо. Мы принимаем ваше предложение. Но с одним условием.

– С каким?

– Если мы справимся, то вы все же будете принесены в жертву озеру. – теперь уже мужчины задумались, нужно ли им это состязание и не лучше ли просто пойти дальше.

– Да, они своего не упустят. – Сказал Кавэд с оглядкой на русалок.

– Может и не нужно нам их испытывать? Все равно проку нам в этом пока никакого. – Наар не хотел рисковать. Ведь русалки очень хитры и наверняка справятся с загадкой. Теперь ему казалось, что они похожи на человека, который, едва избежав виселицы, сам затягивает петлю на своей шее.

– Давайте тоже им условие поставим. Если они не найдут

правильный ответ, то пускай расскажут нам выход из этих подземелий и кратчайший путь до ближайшего города или поселка, и еще дадут воды и еды с собой в дорогу. – Кавэду очень хотелось все же задать свою загадку. Кедир только слушал друзей и ничего не говорил. Потом посмотрел в сторону русалок, те это заметили.

– Что, испугались теперь? Где ваша храбрость? – Русалки безжалостно били, били по самолюбию друзей.

– Не поддавайтесь эмоциям, думайте головами. Не важно, что они там кричат. – Наар пытался успокоить своих спутников.

– Нет, надо пробовать, – обращаясь к друзьям, сказал Кедир. – Мы согласны! – Крикнул он русалкам. – Но у нас тоже есть условие. Если вы не справитесь, то покажите нам кратчайший путь из этого подземелья и расскажите, как добраться до ближайшей деревни или города. И еще дадите нам пресной воды и еды.

Сола оглянулась на сестёр, те в ответ кивнули.

– Хорошо. – Сказала черноволосая русалка. – Мы принимаем ваше условие. Теперь загадывайте свою загадку.

Кавэд вышел вперед.

– Чего никто не может вернуть?

Русалки продолжали смотреть на монаха, ожидая, что тот скажет еще что-нибудь, но мужчина молчал.

– Это все? – спросила Сола.

– Да. Это вся загадка. – с улыбкой сказал Кавэд.

– Нет! – закричали русалки. – Что это за загадка? Где ты её взял? Мы вам другие загадывали? Должна быть хоть какая-нибудь подсказка. Наши загадки были куда легче! – русалки не знали, то ли плакать, то ли злиться.

– Вы знаете ответ. – Кавэд был непреклонен. Друзья тоже смотрели на него с вопросом.

– Ну, хоть какую-то подсказку дайте нам! – не унималась русалки.

– Это то, что есть у каждого, но мы все время это теряем и никак не сможем вернуть. Больше я вам говорить ничего не буду. Осталось только самому ответ назвать, чтобы вы нас на дно озера утащили.

Русалки ударили о воду своими рыбьими хвостами и поплыли на середину озера, обсуждать ответ.

– Не надо было им больше ничего подсказывать. Русалки хитрые. Они же могут спросить и духов и демонов подземных. – Беспокоился Наар. – Вдруг они призовут на помощь мудрость тех, кто сметливее и умнее любого из людей? Ох, не надо было соглашаться на это.

– Ни к кому они не пойдут – Кедир не отрывал взгляд от русалок, споривших на берегу, метрах в двадцати от друзей. – Кавэд задел их самолюбие. Им нужно непременно самим найти ответ. Иначе победа не будет столь приятной.

– А как по мне, так им нет дела до вкуса победы. Они не могут позволить, чтобы люди загадывали загадки лучше, чем они.

Пока Наар и Кедир продолжали спорить, Кавэд молчал. Он отошел в сторону и присел на один из множества камней, окаймляющих берега подземного озера. По мощным каменным стенам тянулись прожилки – дорожки желтого, красного, бирюзового цвета, отдельные глыбы были из прозрачного камня, фосита, отлично пропускавшего и усиливавшего свет, проходивший через него. Монах начинал чувствовать себя виноватым, а вдруг он действительно загадал слишком сложную загадку бедным русалкам? Хотя ему она не казалась очень сложной. Ответ был очевиден. Может, дело в том, что он человек? Для русалок, которые живут по несколько сотен лет и даже больше, ответ может быть другим. В голове каттава даже мелькнула мысль заменить загадку на более легкую. К счастью, Кавэд быстро прогнал от тебя эту идею. «Так, может мне еще пойти и сказать им ответ? Уверен, они обрадуются! А потом утащат тебя и твоих друзей на дно их священного озера» – думал про себя монах. «Нет, они сами согласились. Пускай сами справляются».

– Ваше время вышло! – громко крикнул Кедир. – Ответьте.

– Нам нужно еще время, – кинулись русалки к людям. Когда они произнесли слово «время» Кавэда будто молния ударила, но никто этого не заметил.

– Хорошо, но совсем немного. – Стараясь быть как можно более спокойным, сказал он. Теперь уже русалки далеко не отплывали, а остались совсем рядом. Ответ искали в тяже-

лых спорах. Афала и Луава даже успели подраться. Не сильно, но сестрам пришлось их разнимать.

– Все. Теперь окончательно ваше время вышло! – Все так же громко произнес Кедир, а Кавэд вновь вздрогнул при слове «время». – Отвечайте!

Русалки подплыли к берегу, где стояли друзья, выбрались на берег, подползли к ним поближе. Эафа забралась на камень напротив Кавэда, так, чтобы быть с ним примерно на одном уровне, ее глаза напротив его глаз.

Никто не может вернуть солнца. Наш ответ: «Солнца» – испытывающий взгляд уставился в монаха. Тот улыбнулся.

– Нет, это неправильный ответ.

– Почему? Кто может вернуть солнца? Кто заставит идти их обратно? С того места, где они садятся, туда, где они восходят? Солнца – правильный ответ и не пытайтесь нас обмануть! – С нарастающим гневом в голосе говорила Эафа.

– Нет, ответ на мою загадку другой. Это не солнца – Твёрдо ответил Кавэд.

– Почему нет? Разве кто-то может вернуть солнца? Какая сила с этим справится? – настаивала русалка. Сёстры тоже её поддерживали: «Почему нет?». Монах даже был поставлен в тупик. Ему никогда не приходил в голову такой ответ. Он просто знал, что правильный ответ звучит по-другому. Объяснение нашёл Наар.

– Смотрите. Если стать так, что с правой стороны у вас запад, а с левой восток, то солнца будут плыть по небу с лева

на право, так?

– Так. – С недоверием ответили русалки.

– А если стать так, что справа будет восток, а слева запад, то солнца уже будут плыть по небу справа на лево. Так?

– То есть, солнца могут ходить как слева на право, так и справа налево, в зависимости от того, как захочет человек. А значит, человек может вернуть солнца и ваш ответ – неверный. – Улыбнулся юноша. Эафа начала скрести ногтями камень, на котором сидела, оставляя на нём глубокие борозды.

– Да вы обманщики. Вы нас обманываете. – В глазах её разгоралось пламя, которое не сулило ничего хорошего тем, кто заставил его зажечься.

– Сестра, успокойся. Мы сами согласились. Пусть он назовёт ответ, а нам эта история послужит уроком. Ведь всё происходящее – игра. Разве ты забыла? – Слова сестры подействовали успокаивающе на Эафу. Пламя в её глазах погасло.

– Хорошо. Какой же тогда правильный ответ? – теперь уже с любопытством спрашивала она Кавэда.

– Никто не может вернуть время. – Монах развёл руками. – Здесь ты, как ни становись относительно частей света, оно вспять не побежит.

Русалки поджали губы и прищурившись, смотрели на монаха.

– Хорошо, Кавэд. Ты победил. – Русалки были недовольны, но им оставалось лишь принять поражение. Убей они

сейчас этих троих путешественников – хранительницы озера совершили бы тем самым святотатство, за которое их следовало наказать самих. Русалки проиграли в честной борьбе.

– Да, мы сами приняли предложенные правила и нарушить их никак не можем – будто обращаясь к самой себе, произнесла Сола. – Хотя для нас, русалок, время не так ценно как для вас, для людей. Это была человеческая загадка. Слишком человеческая. Пусть так.

– Что ж, теперь мы принесём вам еды и воды. – Афала, Асуа и Луава скрылись в озере. Сола и Эафа осталась объяснить путь до ближайшего городка.

– Мы не проникали далеко по подземным переходам. Русалкам нельзя находиться далеко от воды.

– И долго без воды, наверное, тоже. – заметил Кедир.

– Верно, – Сола улыбнулась. – Но здесь много подземных ручьёв, рек, их мы хорошо исследовали. Некоторые источники выходят на поверхность, в этих местах образуются оазисы. Сейчас над нами ещё пустыня.

– Ну, наивно было бы ждать, что пески уже закончились и скоро мы выйдем к Стису. – Деловито произнёс Кедир, будто пытаясь произвести какое-то впечатление на русалок.

– Вообще, я ожидал именно этого. – Спокойно сказал Кавэд.

– А с чего вы взяли, что эти пещеры должны идти непременно до самой реки Стис? – С удивлением спросила Эафа, – Впрочем, может быть и так. Где и чем они заканчиваются ни

одна из нас не знает.

– Так, то есть вы не знаете, как попасть наружу, как выбраться из этих пещер и подземелий? – Наар хотел конкретного ответа, указаний, куда и сколько идти, где сворачивать.

– Нет. Как дальше пройти человеку мы не знаем. Но выход там дальше есть, его не может не быть. – Сола смотрела немного виновато.

– Ладно, хоть за еду спасибо. Если вы говорите, что раньше, здесь ходили люди, то, наверное, они знали, что из этих пещер должен быть выход. Так что мы просто пойдём дальше. Главное, что у нас есть еда и вода. – Рассуждал вслух воин. Сола посмотрела на сестру, потом шепнула ей что-то на ухо. В ответ та пожалала плечами, сказала что-то на неизвестном никому из трёх мужчин языке, который не вполне справедливо посчитали за язык русалок. Они перекинулись ещё парой фраз, в конце Эафа обратилась к путешественникам:

– Если вы согласитесь, мы можем доставить вас наверх нашими, водными дорогами.

Предложение застигло друзей врасплох. Они в недоумении переглядывались.

– То есть, как? – Спросил Наар.

– Теми же путями, что мы покидаем озеро, когда хотим подняться наверх по подземным рекам, озёрам, большим и маленьким пещерам, заполненным водой.

– Или я чего-то не понимаю, или вы нас всё же хотите убить. – Кавэд как и два его друга никак не мог понять, что

имеют ввиду сёстры.

– Мы можем провести вас теми же дорогами, которыми плаваем сами.

– Но мы же утонем. Или мы чего-то не понимаем?

– Не утонете. Мы вас усыпим. Как бы временная смерть, чтобы вы долго могли находиться под водой.

Предложение было крайне неожиданным. Друзья переглядывались, не зная, что ответить.

– Ваше предложение похоже на дурную шутку. Зачем вам это нужно и почему мы должны вам поверить? – Кавэд говорил с некоторой насмешкой в голосе, как если бы ему пришлось сейчас общаться с шутком из бродячего цирка.

– Верить нам вас никто не обязывает. А доставить вас на верх.... Считайте это наше извинение за то, что не знаем, как найти другой выход из этих пещер и подземелий. Губить вас нам незачем. Если бы мы могли, то сделали бы это и так. Сейчас у нас нет ни возможности, ни желания. Вы превзошли нас в мудрости, мы сами согласились на это состязание. Мы не можем причинить вам вреда. Соглашаться вам не обязательно. Как уже говорили, дальше из пещер должен быть выход. Только мы не знаем где он и куда выведет. Другое дело – водные пути. В них мы ориентируемся гораздо лучше.

– Хорошо. Если мы согласимся, куда вы нас проводите? Где мы окажемся? – Кедир говорил серьезно, уже без ухмылки. Он действительно заинтересовался предложением русалок. Чего нельзя было сказать о каттавах.

– Мы оставим вас на берегу маленького пруда в небольшом оазисе в нескольких километрах отсюда.

– А можно в таком же оазисе, только недалеко от реки Стис? – воину идея воспользоваться помощью русалок нравилась все больше. Те еще раз о чем-то пере говорили между собой.

– Можно, но нужно посоветоваться с остальными сестрами. Мы могли бы оставить вас прямо на берегу самой реки, недалеко от небольшого рыбацкого поселка.

– Да. Это то, что нам нужно.

– Постой! Может, это то, что тебе нужно. Я еще не согласился. – Кавэд был так возмущен, что вопрос, касающийся его жизни, решают без него, что от негодования тряс кулаками. Воин посмотрел на приятеля.

– Хорошо. Давайте искать выход сами. Только помните, что, во-первых, никто не знает, где он точно находится и как долго его нужно будет искать. Мы можем лишь предположить, что он находится недалеко. Но это будет только предположение. Или ты знаешь, как найти отсюда выход? – в ответ Кавэд покрутил головой влево и вправо, показывая, мол, план пещер ему не известен, что и так было ясно. – Хорошо, – продолжил Кедир. – Даже если мы вдруг найдем выход отсюда через несколько стадиев, то выберемся либо посреди Маниаммы, либо в оазисе посреди Маниаммы и лично мне не ясно, как нам безопасно добраться до Стиса. Кроме того, я уверен, что нас разыскивают. Даже если нам посчаст-

ливится найти караван, который шел бы в сторону реки, то нельзя быть уверенным, что мы сможем благополучно к туда добраться. В предложении прекрасных русалок, – тут Кедир посмотрел на сестер, – тоже, разумеется, есть риск. Но мы выбираем между одним и другим рискованными вариантами. И рисковать с русалками мне хочется больше. Какие есть возражения или замечания? Только давай без обычных выкриков «Но они же нас могут убить!». Это не аргумент. – Монах в ответ молчал, что было расценено Кедиром, как согласие с его доводами.

– Наар, а ты что думаешь? – юноша в разговоре до этого не участвовал, только слушал.

– Я согласен с тобой, Кедир. Конечно, мы рискуем, но попробовать стоит.

– Что же, мы приняли решение довериться вам. Что дальше? – Все трое смотрели на Солу и Эафу.

– Теперь мы дадим вам сделать пару глотков усыпляющего напитка – Саомы. Он погрузит вас в глубокий сон, вы будете дышать очень редко. Для этого мы будем иногда вас вытаскивать из воды. Весь путь займет у нас около трех-четырёх дней. Я говорю в днях, чтобы вам было примерно ясно. Мы измеряем время в приливах и отливах озера, что совпадает с вашими днями и ночами. Да, ещё вот что. Тот путь, который мы проделаем с вами по подводным рекам за три дня, пешком под землёй или наверху по земле вы бы проделали дней за четырнадцать. – объясняла Сола.

– Стойте. То есть мы будем спать три или четыре дня? Столь глубоким сном, что даже дышать будем куда реже, чем обычно? – Монаха очень взволновало услышанное. Он старался сохранять спокойствие, но получалось плохо.

– Да, вы будете спать три дня. Для этого нужно будет сделать три глотка Саомы. Не больше, иначе можно будет и год проспять.

– Или вообще не проснуться. – Не успокаивался Кавэд.

– Нет, Саома тебя не убьет. – Спокойно отвечала Эафа. – Она просто может погрузить тебя в столь длительный сон, что ты умрешь от старости во время этого сна. Но сам напиток тебя не убьет. И разбудить тебя раньше, чем закончится действие Саомы будет невозможно.

– Разве что омыть твоё лицо водой нашего озера. – Добавила Сола.

– Тогда дайте нам этой воды, пожалуйста. – попросил Нарар.

– Обязательно. Мы бы и так обо всем рассказали, но вы слишком беспокойные. Задаете много вопросов.

В воде послышался плеск, это вернулись остальные русалки с едой и запасами воды.

– Вот. – Афала показывала на кожаные сумки, туго чем-то набитые. – Простите, но еды, привычной для людей у нас нет. Мы постарались найти хоть что-то, что должно вас устроить. Сушеные водоросли и сырая рыба. Водоросли можете есть уже, а рыбу как хотите, но лучше вам будет ее приготовить на

огне, когда выберетесь на поверхность. Она не испортится в дороге, мы обложили ее водорослями. Питьевая вода обычная, из подземных источников. Теперь можете отправляться в дорогу.

– Спасибо. Мне ещё нужна будет кожаная сумка, только закрываться она должна очень плотно. Я несусь с собой рукопись и хочу быть уверенным, что она не пострадает от воды. – Наар рассматривал содержимое сумок, принесённых Афалой, потом посмотрел на русалок. Нашлась сумка из рыбьей кожи, тонкой, выглядевшей очень непрочной. Каттав попытался порвать её, но не смог. Потом сумку на прочность проверил Кавэд и Кедир. В итоге она была признана годной и Наар бережно переложил в неё рукопись.

Русалки начали спорить о том, кто останется охранять Священное озеро, а кто отправится в путь, провожать неожиданных гостей. Друзья заметили, что сестры вообще часто спорили. В итоге они решили, что останется Луава. Русалка согласилась, только при условии, что ей подробнейшим образом расскажут, как проходило путешествие, что сестры видели по пути к реке и обратно.

– Кажется, обо всем договорились. Нужно подождать еще немного. – Сола нырнула куда-то в глубины Священного озера и несколько минут спустя вернулась с двумя раковинами – красной и белой.

– В белой раковине – вода нашего озера. Первый из вас, кто проснется, с её помощью разбудит остальных. – Наар

взял белую раковину осмотрел ее, открыл, закрыл крышку, сделанную из другой раковины, перламутрового цвета, и положил в одну из кожаных сумок, которые принесли русалки.

– Спасибо. – немного наклонив голову вперёд сказал он русалке.

Сола протянула юноше красную раковину, сняв с нее и положив в сторону черную крышку. В раковине была черная, вязкая жидкость, которая, однако, пахла приятно.

– Откуда у вас морские раковины? – Вдруг спросил Кавэд. Все оглянулись на него. – Мне просто интересно. До моря же далеко. А таких раковин в реках, как я знаю, быть не должно. – Русалки засмеялись.

– Действительно, раковины морские. Они из бескрайних восточных морей. Из нашего дома. Они здесь уже тысячи лет, наши предки принесли их с собой, как напоминание о водах, где родился наш народ. Пейте Саому мелкими глотками, не больше трёх глотков. Не больше и не меньше.

Друзьям хотелось больше узнать о русалках, об озере, ими хранимом, но обстоятельства встречи не располагали к длительным дружеским беседам. Саома оказалась терпкой, немного сладкой на вкус. Наар почувствовал, что он будто взлетел под самые своды пещеры. Вокруг все становилось невыносимо ярким, пока оттенки не исчезли и на смену им пришла белая пелена, сменившаяся мраком.

Глава 40. Перион

Владар проспал несколько часов. Он бы проспал и боль-

ше, но позволить себе этого не мог. Рассвет уже начался. Косые солнечные лучи освещали костер, в котором еще тлело немного углей. Вихрь, такова была кличка императорского коня, бродил рядом. Государь подошел к костру, разбил дотлевавшие угли, засыпал их землей и листьями, чтобы не осталось никаких следов его здесь пребывания, затем сел верхом и направился на север. Он помнил, что там должны быть поселки крестьян, угольщиков, лесорубов, всех тех, кто селился недалеко от больших городов и благодаря кому, во многом, большие города существовали.

Пробираться сквозь чащу приходилось долго, тропинок нигде не было. Это было хорошо, потому что в такой чащобе едва могли объявиться преследователи. Пришлось даже спешиться и вести коня за собой. Император перешел несколько ручьев, полян, опять зашел в чащу. На этот раз в какую-то совершенно непроходимую. Владару пришлось развернуться и идти в другую сторону. Однако скоро он нашел проторенный кем-то путь в той чаще, которую хотел обойти. Будто огромный каменный шар катился среди деревьев, кустов, травы, оставляя за собой след – больше походивший на просеку, которую прокладывают перед тем, как устроить постоянную дорогу в непроходимой ранее части леса. «Что за твари появились в Бэлдских лесах? – подумал Владар. – Не могу припомнить, чтобы кто-то из известных мне обитателей здешних лесов был на такое способен. Но это точно не работа крестьян». Только то, что проход был сделан в сторо-

ну поселков, на север, заставило государя пойти этим путем, забыв об осторожности. По сломам веток и мятой траве было видно, что тот или то, что сделало эту просеку, прошло здесь совсем недавно, помятая трава даже не успела завянуть. Дорога была проложена через всю чащу, заканчивалась лишь на открытой поляне. Вокруг было тихо, только пение птиц изредка доносилось откуда-то издалека. Оглядываясь по сторонам, Владар пошел вперед, преодолел чащу, прошел поляну. Солнца уже начали клониться к закату, хотя и были еще высоко в небе. Через несколько часов пути за деревьями показались крестьянские дома. Большие, сложенные из бревен, они были разбиты на две половины: для людей и для скота. Окна в тех домах были небольшие, со стеклами из слюды, во время холодов наглухо запирались ставнями. Эти жилища очень живописно смотрелись на закате. Вид их был столь умиротворяющ и умиротворяющ, что Владар почувствовал внутри, в сердце, мир и уверенность, что если есть такие закаты, то все обязательно будет хорошо. В эту же минуту до него донеслись крики, с какой стороны государь не сразу разобрался и стал оглядываться. Потом увидел, как справа по полю пшеницы движется коричневый холм, вокруг которого бегают вооруженные люди. Вооружение их было самым разнообразным: вилы, косы, молоты, огромные серпы, топоры, дубины и даже одно копье. Люди передвигались вокруг холма, боясь к нему подступить. Владар пришпорил коня и, что было сил, помчался к месту боя, а в том, что это

был бой, император не сомневался. По мере приближения к холму император увидел, что это на самом деле огромный вепрь, которого крестьяне пытаются то ли убить, то ли прогнать. Хотя, что бы они на самом деле не пытались сделать, это получалось одинаково плохо. Государь никогда не видел таких существ, только в книгах. Ранее только книги хранили их изображения и описания. Самодержец был уверен, что на его земле, в тех ее частях, что были ему известны, а Бэлдская провинция была ему хорошо известна, таких тварей быть не может. Сейчас же его обуял восторг, азарт охотника, который может получить немыслимую ранее добычу, способную заставить завидовать всех прочих охотников, независимо от подвигов творимых ими на охоте раньше. Он выхватил меч из ножен и с боевым криком «Айя!» помчался напрямик на зверя. Вепрь увидел приближающегося нового противника и устремился ему навстречу, забыв об окружавших его людях. Крестьяне и сами расступились, заметив, что не весть откуда взялся настоящий воин и хочет им помочь, сразиться с чудовищем. Всадник и огромный кабан неслись друг на друга с невероятной быстротой, в последнюю секунду, за мгновение до того, как монстр должен был своими клыками разорвать всадника и его лошадь, Владар отвел коня в сторону, а сам бросился кабану под ноги что было сил всадил лезвие меча в плоть исполина по самую рукоять клинка. В то место, напротив которого у обычных вепрей находится сердце. Животное даже не успело вскрикнуть. Ноги его подкосились, и

вепрь упал замертво, прокатившись еще несколько десятков метров вперед и оставляя за собой глубокую борозду в земле. Владар стоял поодаль и смотрел на поверженного врага. Потом взял коня под уздцы, прошел рядом с взрытой тушей мертвого кабана землей, подошел к туше поближе и, не без труда, достал свой меч, начал обычными, привычными движениями очищать его пучками травы от крови. За этим занятием его и застали подоспевшие селяне. Одни из них боязливо ходили вокруг туши кабана, не решаясь подойти, как если бы он оставался ещё жив, и лишь притворился мертвым, другие обступили императора, соревнуясь в выражении восторга и благодарности.

– Господин, сам Сефер послал вас нам!

– Этот страшный зверь едва не уничтожил все наши поля!

– Да что поля! Он мог и дома наши разметать как стога сена!

– Великое счастье сегодня в нашей деревне!

– Он бы всех нас убил, если бы не вы!

Владар только улыбался и ничего не отвечал, продолжая протирать меч, который на самом деле, уже был чист.

– Я рад был вам помочь, – Наконец заговорил он. – Часто вас беспокоят такие монстры? – Он посмотрел в сторону кабаньей туши, которую уже начали разделявать.

– Нет. Это первый. Раньше о таких только в легендах слышали. Будем молиться, что больше никогда такого зверя не увидим. Он Дендру, плотнику, ноги едва не раздавил, из дру-

гих едва дух не вышиб. Порождение Малакка, не иначе! – Говорил белобрысый крестьянин среднего роста, с огромными кулаками, проросшими мозолями.

– Ничего, зато теперь ничего он нам не сделает! – Радостно тараторил высокий, худой мужчина в грубом сером кафтане, какой носили почти все, кого видел Владар.

– Если только он нас накормит! – пошутил кто-то из тех, кто разделявал кабанью тушу.

– Надо сперва это мясо проверить, годится ли оно в пищу. – Осторожно сказал седой мужчина, опершись на косу и наблюдавший, как более молодые его товарищи ловко орудуют ножами, вырезая куски мяса и снимая шкуру с убитого животного.

– А с чего бы ему быть не пригодным для доброго жаркого? – Кричал кто-то с другой стороны туши.

– Господин, окажите нам честь, если только у вас есть возможность, не посчитайте унижением своего достоинства, разделите с нами трапезу? У нас в деревне сегодня будет большой праздник. – Крестьяне наперебой стали упрашивать Владара остаться, учтиво, понимая, что перед ними не просто воин, но и знатный человек. Хотя Императора они в нем не узнали, ведь никто из них не видел императора вживую, а изображение его на монетах отличалось от оригинала, как ни старались монетных дел мастера. Владар задумался.

– Хорошо. Я останусь. Скажите только, далеко отсюда до Бэлды?

– До Бэлды? Обычным путем дня полтора. Если скакать быстро, на таком скакуне, как ваш, то и за день добраться можно. Самый короткий путь через леса, но там дороги плохие. Так что вам, думаю, можно за день добраться. Только там сейчас какое-то безумие творится, господин. Ваши братья, другие господа, переругались между собой и бьют друг друга. – Седой крестьянин развел руками, как если бы хотел добавить: «Кто поймет, чего не хватает этим знатным людям, у которых всего в избытке?»

– Что значит, начали бить друг друга?

– Сам не знаю, как так получается, чтобы они между собой воевали. У меня зять сегодня вернулся из города, так это он и рассказал. Сейчас я его позову. Анэр! Анэр! – кричал мужчина.

– Не кричи. Анэр понес мясо в деревню. – Ответили из толпы.

Старик повернулся к Владару.

– Господин, как вы слышали, мой зять сейчас в деревне. Позвольте провести вас туда. Как к вам можно обращаться?

– Меня зовут барон Эддар, обращаться ко мне можете «Ваша Милость». – Владар не хотел открывать своего настоящего имени и достоинства. Хотя любой катав, увидя его доспех, покрытый текстом защитной молитвы, догадался бы, что перед ним совсем не барон, а человек гораздо более могущественный и знатный. Этот вопрос император будет разрешать, когда он перед ним возникнет. – А тебя как зовут?

И что у вас за деревня?

– Меня зовут Герон, я пахарь, как и все в нашей деревне, имя её Перион. – Перион был большой деревней. Двенадцать домов насчитал Владар, в каждом доме жило где-то от пятнадцати до тридцати человек.

– Эй, Герон! – Кричали в деревне старику. – Ты что вдруг присвоил себе право заботиться о нашем герое? – Герон на крики не обращал внимания. Ещё бы, ведь он привел в деревню самого победителя гигантского вепря! Теперь часть победы будто принадлежит и ему.

– Смотрите! Смотрите все! Это Его Милость, барон Эддар, одолевший страшного зверя! – Кричал старик. Владар, хоть и привык часто бывать на публике, но был человеком скромным и тяготился таким вниманием.

– Герон, – окликнул император своего проводника – умерь свой пыл. – пахарь сразу осекся. – Лучше найди Анэра. – В ответ Герон кивнул, подозвал кого-то из стоявших рядом, сказал ему что-то, этот человек ушёл и вернулся минут через пять, приведя с собой крепкого молодого черно-волосого мужчину с загорелым лицом.

– Ваша милость, барон Эддар, вот мой зять Анэр, которого вы хотели видеть. – последний поклонился императору.

– Здравствуй, Анэр. Что ты знаешь о боях в Бэлде? Герон сказал мне, что с твоих слов выходит, будто князя императорской армии воюют друг с другом. Это правда? – Вла-

дар стоял перед Анэром, положив одну руку на эфес меча, а другой придерживая лошадь, с которой он только что слез. Парень очень стеснялся, не мог сказать ничего внятного. Но потом собрался и стал говорить уже не запинаясь и не заикаясь.

– Ваша Милость, я и не знаю, что еще сказать. Действительно, там, у города, под Бэлдой стоит большое войско, должны были же с кочевниками драться. Страшная напасть на наши земли, эти кочевники, Ваша Милость. Я много не видел, я недалеко от города в поле ночевал. В город овощи отвозил. Мы как обычно по несколько человек ездим, а тут я один поехал, ну, чтобы допродать остатки, пропадут ведь...

– Анэр, – прервал его тесть, – ты расскажи о чем господин спрашивал, а не о твоих поездках. – Парень ещё сильнее смутился, помолчал и продолжил.

– Вот, лежу я, почти уснул. И слышу, что в лагере кузена нашего императора вроде бой идёт. Но его я не видел, только слышал. Ну, о ней все в городе говорили.

– А кто с кем там дрался? – задал вопрос Владар.

– Говорят, что князь Страмир с братом императорским. Император якобы, в плену у кочевников и Галсаф хочет его место занять или что-то там с Синклитом Империи связано, я не понял до конца, я простой крестьянин, мне до этого и дела особо нет, мне бы овощи продать. А ночью видел, как отряды Галсафа, они кричали его имя, атаквали город, где Светлейший князь укрылся. Чем закончилось, я не видел,

решил уносить ноги. Но бой там был сильный. Вот. Я рассказал все, что знаю.

– Спасибо за рассказ, Анэр. – император достал из своего кожаного кошелька махдар и протянул парню. Тот не сразу решился его взять. Смотрел на монету, на императора, на тества, потом принял махдар и еще раз с благодарностью поклонился. Кругом все только дивились: что за господин пожаловал в деревню? Он побеждает чудовищ и раздает богатства, ведь жителям деревни приходилось много работать не один месяц, чтобы заработать золотой махдар. За одну эту монету можно было купить коня или быка. Такая щедрость вызвала не меньший восторг, чем победа над вепрем. На улице уже стояли столы, горели костры и на огне на железных решетках жарили куски вепрятины, приправленные местными травами и соусами, чьи секреты приготовления были известны только местным хозяикам. Герон, который проникся какой-то особой симпатией к гостю, махнул рукой и выкатил из погреба две бочки плотного тёмного пива.

– Я даже не знаю, что мы сейчас празднуем, то ли то, что милостью Сефера Ваша Милость одолел страшного кабана, то ли то, что столь славный господин посетил нашу деревню!

Дух праздника носился над деревней. Были песни и танцы, люди будто забыли, что совсем недалеко от них, в паре дней пути, находилось войско неприятеля. Император заметил это только сейчас.

– Почему вы не бежите от кочевников? Думаете, они

вас помилуют? – Владару вдруг показался неуместным этот праздник, пускай даже повод для него был достойным. Однако нужно же было узнать, что думают сами крестьяне. Герон посерьезнел, но улыбка так до конца и не сошла с его лица. Он смотрел в ночное небо, на котором не было свободного от звёзд места, куда поднимался дым и летели искры от костров. Старик пытался говорить бодро, но в голосе его чувствовалась обреченность.

– А куда нам идти? Да, многие собирают пожитки и идут на восток, дальше и дальше. Уже давно собирался большой деревенский совет о том, как нам поступать из-за приближающейся опасности. Но не ушел никто. Может быть, мы еще отправим телеги с женщинами и детьми в соседние провинции, в сторону, где утром поднимаются солнца. Мужчины останутся здесь. В этой земле лежит мой отец и отец моего отца. Она полита нашим потом и кровью. Я не осуждаю тех, кто бежит от беды, но присоединиться к ним не хочу. – Старик замолчал на некоторое время, вздохнул и продолжил. – Ведь ваши братья, господа, бароны, князья, графы, сам император, собрали войско, чтобы защитить нас. А вы, кстати, почему не с ними? – Герон вдруг понял, что раньше никогда не встречал в этих краях одиноких путников, чтобы принадлежали к знати. Бродяги или паломники проходили, но чтобы знатный господин, один – такого не бывало.

– Я заблудился в лесу во время охоты. – Коротко ответил Владар. Герон ему поверил, ведь не может такой славный

господин лгать.

– Слушай, Герон. Меня должны были искать. Могли искать. В вашу деревню не приезжал отряд в пять – семь всадников?

– Нет, Ваша Милость. Мы бы сразу вспомнили об этом. Да, такого воина потерять нельзя! Только, что они там бьются друг с другом? Анэр рассказывает, а я не втолкую, как так? Господин, ваши братья с ума сошли?

Владар засмеялся. Осмотрел сидевших вокруг старших мужчин, детей, женщин, толпившихся рядом, желающих послушать знатного господина и посмотреть воочию на героя, сразившего опаснейшего монстра.

– Не знаю, они дрались уже без меня. Уверен, на то были причины. Сегодня ночью, может быть совсем скоро, к вам в деревню все же приедет отряд всадников. Они будут искать меня. Так что не пугайтесь. Герон, я могу остановиться у тебя? Я уже устал, да и ночь в лесу много отдыха не дает, сами понимаете. Думаю, вы не обидитесь, если я покину праздник. До рассвета мне нужно будет выехать в сторону Бэлды.

Спина старика выпрямилась, плечи расправились, казалось, что от гордости сияет каждая морщина на старческом лице.

– Вы видели! – он обратился к присутствующим. – Господин сам избрал мой дом для ночлега! Дом старика Герона. Ваша Милость, пойдете. Гина, – окликнул он жену, – беги быстрее домой, готовь гостю постель. Да помягче стели!

Владар попрощался с жителями деревни и последовал к дому Герона, ссылаясь на усталость. Владару постелили на печи, самом почетном месте во всем доме. Герон с женой тоже решили остаться, и не возвращаться на праздник, вдруг гостю что-то понадобится. Император начал чувствовать тревогу. На самом деле он и не думал спать. Владар ждал погони, был уверен, что его разыскивают, но очень не хотел, чтобы люди Галсафа нашли его раньше, чем люди Страмира, который тоже должен был его искать.

– Герон, – подозвал он уже сонного пахаря. Было видно, что тот прилагает немалые усилия, чтобы побороть сон, хотя и старается делать вид, что нисколько не устал. – Герон, мне нужно будет уехать сейчас.

– Но господин! Вы же совсем не отдыхали! – Герон удивился. Даже его жена, молчаливая пожилая женщина начала что-то бормотать себе под нос, переливая молоко из одной крынки в другую, давая понять, что ей кажется неверным такое решение гостя. В комнате очень коптели светильники на козьем жиру, пламя мерцало, иногда казалось, что сейчас станет совсем темно. Ночь была умеренно теплой. Герон с женой не понимали, зачем гость хочет уйти.

– А зачем вы при всех сказали, что ночуете у меня? – старик подошел к ведру с водой и даже несколько раз умыл лицо, чтобы лучше понимать, о чем говорит император.

– Мне так было нужно. К тебе придут люди, те, о которых я говорил, ты скажешь им, что я поскакал в Бэлду. Они

спросят, по какой дороге, ты скажешь им, что не знаешь, но спрашивал я о дороге через лес. Запоминай. Я спрашивал о дороге через лес, понял? – Император положил руку на плечо Герона, вторую привычно держал на рукояти меча, чем немного напугал крестьянина.

– Да, сказать, что вы спрашивали о дороге через лес.

– Хорошо, теперь быстро собери мне что-нибудь в дорогу, но немного.

Музыка и песни к тому времени стихли, единственную улицу в селении, заполнила тишина. Умиротворяющая, будто заново созидающая что-то, что разрушено большим шумом. Дом Герона был одним из крайних с западной стороны деревни, недалеко от него и еще нескольких домов проходила главная дорога на Бэлду, если ехать на северо-запад, и в Хоргонол, если двигаться на юго-восток. Через пару дней пути можно было добраться к реке Стис, севернее Хоргонола, но там были места, трудные для переправы. Владар хотел немедленно начать двигаться к Бэлде вдоль главной дороги, но на расстоянии от неё. Так как, если ехать точно по ней, то велика вероятность встретить людей Галсафа. Император решил проникнуть в город, под видом нищего и сам узнать, что происходит и кто с кем дерется. Император дал Герону ещё один Махдар и вышел в хлев, где стоял Вихрь. Владар шел туда, чтобы вывести коня через задние ворота и поскакать по намеченному пути. Сквозь бревенчатые стены донеслась дробь топота конских копыт. Потом стук в дверь

соседнего дома. Били сильно, но это все равно не помогло. Сразу не отпирали. Стучавшие в дверь начали кричать.

– Открывайте! Именем Верховного Синклита Империи, откройте двери, или мы их вынесем! – из дома что-то отвечали, но что именно, слышно не было. Потом скрип открываемой двери и короткий разговор соседей с солдатами. За этим разговором Владар уже не следил. Как можно тише он вывел коня с заднего двора, и стал спускаться вниз по оврагу, что был за домом Герона. Скол оврага был достаточно пологим, чтобы по нему могла спуститься лошадь. Вдруг в голове словно вспышка мелькнуло: «А если это люди Страмира?» И потом: «А если нет?» Император остановил коня внизу оврага, среди камней. Это место нельзя было назвать идеальным, но заметить там лошадь можно было далеко не сразу. Сам беглец начал осторожно подниматься уже вверх по оврагу, затем подкрался к задним воротам, тем, через которые он несколько минут назад вышел. Небо было затянуто облаками, лунный свет лишь изредка освещал землю, не открывая всего, что на ней происходило. Владар слышал голоса, но слов разобрать не мог. Похоже, часть воинов вошла в дом, часть осталась снаружи. У входа в жилище, со стороны той части, где был вход для скотины, остервенело лаял пес. Он сидел в конуре, пока Герон выводил Владара, а когда император покинул двор крестьянина, тот выпустил пса на улицу. Сейчас собака будто чувствовала, что хозяину грозит опасность. Император начал двигаться вдоль забора, подби-

раясь ближе к тем, кто остался ждать на улице. Он увидел двоих, осторожно посмотрев в щель в заборе. Тут на улицу вышел Герон, чтобы завести в конуру пса, который теперь скалился и лаял на непрошенных гостей.

– Скорей убери это животное, не то я его прикончу! – кричал высокий воин. Рассмотреть ближе Владар его не мог, очертания его фигуры тонули в темноте. Герон что-то тихим голосом говорил собаке и за ошейник тащил к будке. В руках хозяина животное немного успокоилось, но продолжало рычать и иногда клацать зубами. Собачья конура находилась у забора, недалеко от того места, где с обратной стороны притаился император. Теперь он мог слышать разговор Герона и воинов, которых Сефер привел в его дом.

– Смотри, старик. Если ты нас обманул, мы вернемся и сожжем всю деревню, так что ни единого бревна не останется. Ты хорошо это уяснил?

Герон закрыл пса в конуре, подпер её дверь поленом, стал в полный рост перед собеседником.

– Вам не обязательно это говорить. Я понял это с первого раза, как вы сказали. Но лгать мне незачем. Этот господин ушел лесной дорогой в Бэлду. Появился он тоже из леса. Вы осмотрели каждый уголок моего дома, не нашли его. Зачем мне вам лгать? – старик говорил уверенно, без запинок, без дрожи в голосе. Будто ему часто приходилось вести такие разговоры.

«Ведь солдаты Страмира могли бы вести себя точно

также» – думал про себя Владар.– «Как понять, кто их прислал?» Он решил дальше слушать беседу, надеясь что ему удастся определить, кому служат эти вооруженные люди. Действительно, по количеству ругани, отборных бранных слов, на которые не скупилась ночные гости, и других проклятий в адрес императора, Владар понял, что это люди Галсафа, ищут они свою жертву давно, это им изрядно надоело. Угрозу сжечь деревню Владар, вполне справедливо, посчитал несерьезной. Не могут слуги Галсафа сжигать каждую деревню, где ничего не будут знать о Владаре или будут рассказывать что-то, что нельзя будет сразу проверить. Так, рано или поздно, крестьяне поджигателей убьют. Прикрикнув еще несколько раз на старика, воины сели на своих лошадей и поскакали прочь от деревни, в сторону леса. Император мысленно поблагодарил Сефера за благополучный исход этой встречи и, также, вдоль забора, пошел обратно, к спуску в овраг, где он спрятал лошадь. Теперь он спешил в Бэлду.

Глава 41. Уничтожение Бэлды

Солдаты из отрядов Верховного Синклита Империи, осаждавших крепостенную Бэлду, купались в реке. Они были уставшими из-за постоянного напряжения, неопределенности: договорятся господа между собой или нет? Несколько дней прошли в атаках на те участки города, которые оставались в руках Страмира, на мосты через Нахавэ, на несколько домов левобережной Бэлды, которые солдаты Страмира превратили в настоящие крепости. Однако доблесть была воз-

награждена. До следующего утра, солдатам дали отдых. Было лето, стояли жаркие дни и в реке всегда кто-то купался, часто ловили рыбу. Хотя в Бэлдской провинции была постоянная осень, летом погода походила на раннюю осень, ещё тёплую, а зимой на позднюю, иногда даже выпадал снег.

По реке проплывали утлые лодки какого-нибудь местного племени, питавшегося плодами рыбного промысла. Сейчас по реке тоже плыли какие-то плоты, но плыли они в центре течения. Человеческие фигуры на них не двигались, более того, они были в странных позах, будто куклы, но понять в чем дело было нельзя из-за большого расстояния между плотами и берегом. Выплыли еще несколько плотов, уже ближе к полоскам земли, ограничивавшим реку. Стоявшие на там смогли рассмотреть ближе тех, кто был на плотях. Некоторые плоты удалось привести к берегу. На них оказались части человеческих тел, руки, ноги, туловища. Даже бывалые солдаты испытывали тошноту или слабость от вида этих человеческих останков. Только лекари стиснув зубы перебирали страшный груз, чтобы по лицам, зубам, органам и татуировкам попытаться определить, чья душа некогда жила в этих кусках плоти. Это было все, что осталось от посольства графа Левкоса. Галсаф, услышав об этом, не сказал, по существу, ничего, обронил только: «Это плохо», и на несколько часов ушел в свой шатер, велел никого к нему не пускать. Некоторые плоты прошли в Бэду через речные ворота. Светлейший князь без особого труда догадался, кем когда-то

были мертвецы с плотов. Однако он не стал запираяться, как его противник, а сразу послал к нему гонца с требованием немедленно заключить если не мир, то перемирие и вместе выступить против приближающегося врага. А в том, что враг нападет, не было теперь ни малейших сомнений. Отряды кочевников могли появиться в любой момент.

Князь императорской крови ходил по своему роскошному шатру подобно жертвенному животному, посаженному в красивую клетку из драгоценного металла, которое предчувствует скорую гибель. Но если жертвенное животное не в силах повлиять на жрецов, готовящих алтарь для торжественного заклания, то князь императорской крови мог повлиять на ситуацию. Только нужно было решиться на важный шаг. Сейчас это был единственно возможный способ действовать дальше – заключить мир со Страмиром. Отправлять к Хунхару еще одно посольство равносильно тому, чтобы приговорить несколько десятков человек к смерти.

Слуга сообщил о после от Светлейшего князя. Галсаф внутри, в глубине сердца даже обрадовался этой новости. Теперь он хотя бы не выступает в роли просителя, что было бы большим унижением для честолюбивого князя. Письмо от Страмира гласило: «Ваше императорское высочество, князь Галсаф. Мы оба знаем, что посольство к кочевникам, в успехе которого вы были столь уверены и на которое так надеялись, окончилось полным провалом и обернулось трагедией. Надеюсь, теперь вам очевидна необходимость наших

совместных действий, если мы хотим защитить Отечество, а не удовлетворить чьи-либо сиюминутные личные амбиции. Уповаю на ваше благоразумие. Ожидаю вас для переговоров на Горбатом мосту. Светлейший князь Страмир». Галсаф перечитал письмо несколько раз, будто не понял его сразу. Затем окликнул слуг, велел им оповестить наиболее влиятельных своих союзников из числа знати, приказал им двигаться к месту переговоров. Сам сел на лошадь и поскакал туда же. Он спешил так, будто знал, что за плотами могут идти корабли кочевников, а по берегу двигаться их отряды, жаждущие боя с неприятелем. Большая часть флота, во главе с адмиралом Альсом осталась верна Императору и билась на стороне князя Страмира. Но было немало капитанов присягнувших Верховному Синклиту Империи. Во время недавнего боя между этими двумя войсками, составлявшими некогда единую армию и флот, немало кораблей было потоплено или сильно повреждено. Речной флот, еще недавно топивший корабли номадов в темных водах Нахавэ, теперь был готов к встрече с неприятелем куда хуже, чем планировали имперские командиры.

Страмир, как и обещал, ждал князя императорской крови на формально нейтральной территории. На этот раз Галсаф не говорил ничего лишнего, светлейший князь также воздержался от каких-либо колкостей, хотя ему очень хотелось поздравить противника с блестящим дипломатическим успехом. Соперники условились, что каждый будет охранять

свою часть города. В случае необходимости отряды будут перебрасываться по мостам беспрепятственно. Едва об этом успели оповестить отряды, как с левой береговой вышки дали сигнал, что приближается неприятель. Лагерь князя Галсафа убрать не успели, осталось много шатров, которые слуги в спешке бросили, не желая терять свои жизни из-за господской парчи и скарба. Золотой парчи было так много, что лагерь Галсафа даже прозвали «полем золотой парчи». Сам князь императорской крови бегства слуг не видел, но о богатствах своих думал. Он даже на городскую стену взбирался чтобы осмотреть что стало с его роскошным лагерем, о защите Бэлды думал уже во вторую очередь. Кочевники подошли только с левого берега, так что с суши могла быть атакована только часть Бэлды, захваченная Галсафом. Князь Страмир решил, что это должна быть какая-то военная хитрость. Тем более, что высадить десант на правый берег номады теперь могли и даже должны были это сделать. Но под стенами правобережного города был только ветер. Гибор Страмир решил подождать немного, убедиться, что угрозы для правобережной Бэлды нет, и потом начать переброску отрядов на помощь князю Галсафу. Черная река отрядов неприятеля разлилась у городских стен. Ржание коней, крики верблюдов, скрип колес тысяч повозок и ор десятков тысяч человеческих глоток... Защитникам на стенах порой казалось, что они не слышат друг друга. Складывалось впечатление, что сама природа вокруг Бэлды меняется. Оружие кочевников,

металлические пластины доспехов их вспыхивали на солнце и яркие солнечные блики светлыми пятнами мелькали на несокрушимых, будто бы вечных стенах города на трех реках. Защитники его лишь крепче сжимали в руках оружие и пытались понять, когда появится противоположный берег того моря, что вдруг подступило к их дому. Но даже среди этого необозримого множества всадников, пеших воинов, повозок многие, кто смотрел сверху смогли заметить огромного всадника, на чьей голове был шлем с короной, в доспехах черного цвета. Лошадь его была под стать хозяину. Казалось, от ее копыт на земле остаются глубокие вмятины. Он ехал сам, на расстоянии нескольких саженей от него никого не было, только позади ехали старшие вожди и тамнаконы, сбившись в кучу, будто страхась своего повелителя. Каган кочевников продвигался вперед, ближе к городским стенам. Он подъехал достаточно близко, хороший лучник мог бы без особого труда в него попасть, но среди солдат Галсафа не нашлось ни одного, кто отважился бы на это, возможно, во всей имперской армии таких смельчаков не набралось бы и десятка. Хунхар слез с лошади, отправил ее назад, к отрядам, оставшимся за его спиной, сам остался стоять не месте. Получилось, что он стоит немного поодаль от своей армии и князь имперской крови, наблюдавший за ним через подзорную трубу с Крепкой башни, так называлась одна из башен городской стены, все же дал приказ нескольким десяткам стрелков приготовиться и по его команде стрелять в

одинокое стоящего воина. До цели было около ста метров, в то время как имперские лучники пользовались луками, что били на триста метров. Правда, это была максимальная дальность и прицельно стрелять на такие расстояния могли единицы. Галсаф решил выждать ещё пару минут, ведь Хунхар, могло статься, хотел о чем-либо переговорить. Пускай даже расправа над посольством графа Левкоса говорит об обратном, о нежелании вести переговоры. Войска кочевников выстраивались за спиной кагана в боевые порядки, готовясь к штурму. Повелитель номадов продолжал неподвижно стоять на месте.

– Что это за представление?– раздраженно произнес Галсаф.– Долго он там стоять будет? Прикажите лучникам стрелять. – Стоявший рядом с князем офицер махнул рукой и донеслось «Отпустить», лучники отпустили тетиву и со стены полетели десятки стрел, спешащие пробить черный доспех и остановить течение крови в жилах завоевателя. Но этого не случилось. Хунхар защитил себя огромным щитом, таких размеров, что за ним могли бы укрыться два солдата. Несколько стрел все же попали в наплечник и поножи. Король отбросил щит в сторону, будто это была легкая тонкая доска, выломал торчащие из своего доспеха стрелы, бросил их себе под ноги. Князь императорской крови приказал стрелять по нему еще раз. Но прежде чем стальные жала стрел достигли своей цели, защитники увидели, как из спины короля появились крылья, он взмахнул ими несколько раз и

отлетел в сторону, туда, где оказался в безопасности. Руки и ноги Хунхара превратились в огромные когтистые лапы, крылья гнали ветер столь сильный, что кусты и деревья вдруг должны были вот-вот быть вырваны из земли и полететь в городскую стену, которая ни смотря ни на что, все также величественно и нерушимо стояла перед невиданным завоевателем, будто его и не было вовсе. Вместо короля номадов появился огромный черный дракон. Кочевники тоже видели его впервые, как и солдаты имперской армии. По рядам кочевников волной прокатился боевой клич «Элла!»...

Все давно слышали о какой-то силе, заключенной в Хунхаре, но никто не знал, как она проявится, хотя даже те внешние изменения, что произошли с каганом, впечатлили многих. Теперь кочевники почувствовали что победа неминуема. Кто сможет сокрушить такую мощь? Другим было настроение у защитников города. Один из драконов, о которых знали лишь из легенд и древних книг, теперь оказался реальностью. Страх начал ходить между защитниками города, нашептывал им что-то в уши. Он шептал о жизни, о родных, о безумии, которому равносильны попытки одолеть чудовище. Дракон взлетел над городом, сделал три круга, будто осматривая реки, дома, площади, замок наместника города, городские укрепления. Затем монстр раскрыл свою пасть, в которой гнездились сотни острых, как бритва зубов, размером каждый не меньше двуручного меча и откуда-то из глубины исполинского тела изверг пламя. Огненный вихрь оставлял

за собой пожары и разрушения. В городе сразу послышался звук предупреждающего об огне набата. По улицам забегали люди, набиравшие воду у колодцев и со всех ног спешившие выплеснуть ее на огонь, который с ужасающей быстротой пожирал все новые и новые городские здания. С городских стен и из города в дракона полетели камни, копья, стрелы, короткие дротики. Большая часть из них не долетала до цели. Только стрелы, запущенные из мощных баллист, по размерам похожие больше на копья, и булыжники, которые метнули из ковшей тяжелых катапульта, долетали до чудовища. Дракон от них уворачивался ловко меняя направление полета или просто немного отведя крыло в сторону. Вдруг он поднялся высоко, так высоко, что едва не исчез в небе. Затем начал камнем падать вниз. Со страшной силой он ударил лапами и грудью о городскую стену, между Певческой башней и башней Священного свитка. Удар почувствовали все, кто находился на укреплениях левобережной Бэлды. Дракон пробил брешь в стене, но она не доходила до земли и он еще несколько минут лапами вырывал оставшиеся огромные глыбы, швыряя их назад, так что они разрушали стоявшие рядом постройки. Он мог сорвать с петель городские ворота, это было бы гораздо проще. Но Хунхар стремился показать, что перед ним нет преград и ни одна твердыня перед ним не устоит. Несколькими ударами хвоста дракон сокрушил Певческую, а потом и башню Священного свитка. В имперских войсках началась паника. Солдаты, не

видевшие ранее ничего подобного, бросали оружие на землю и бежали прочь от чудовища. Не оказался исключением и князь императорской крови.

– Мы отступаем. Город не удержать. А эта чешуйчатая тварь перебьет нас всех. Отправьте его Светлейшему гонца с известием, что я и мои люди уходим.– Трубач подал сигнал к отступлению. В этот же момент дракон поднялся со стены и вновь взмыл в небо, а в брешь, им пробитую, ринулись кочевники. Никакого сопротивления на своем пути они не встретили. Дракон, его когти, клыки, огромные шипы вдоль хребта, рога сломили волю защитников и горожан к сопротивлению. Князь Галсаф направился к Длинному мосту, он начал выводить войска на правый берег города. Но когда он добрался до моста, то обнаружил, что там уже шла страшная давка. Об организованном отходе не шло и речи. Галсаф на коне, окруженный телохранителями, въехал на мост. С огромным трудом удалось преодолеть треть его длины, как вдруг перила моста треснули, люди начали падать в Нахавэ, чье течение было в том месте очень быстрым, а глубина – пятнадцать метров. Сзади продолжали напирать, сталкивая все новых и новых несчастных в воду. Охрана не смогла справиться с натиском обезумевших людей. Кто-то перерезал коню сухожилия, чтобы обездвижить животное и скинуть в воду. Никто не смотрел, что всадник был благородного происхождения, возможно, один из стратиггов. Телохранителей смели. Князя императорской крови Галсафа сбро-

сили в воду.

Светлейший Страмир наблюдал за происходящим с Крепкой башни крепостной стены правобережного города. Он тоже принял решение уходить. Даже если разрушить все городские мосты, то падение города можно было лишь отсрочить на несколько часов, в лучшем случае, на день. Человеческие потери, которые бы понесла в этом случае армия, были бы катастрофичны, они уже были огромны. На левом берегу уже свирепствовали кочевники. Они разрушали те редкие постройки, что не были затронуты пламенем, раскалывали статуи, разрушали каменные здания, которые не смог повредить огонь. Городские фонтаны были красными от крови. Только страшная неразбериха на улицах, горы завалов и героически сражавшиеся небольшие отряды армии Верховного Синклита затрудняли прорыв кочевников к мостам.

Тем временем огненные вихри бушевали уже на правом берегу города, превращая человеческие жилища в кучи обгорелых бревен и горы пепла. Дракон выломал створки речных ворот и бросил их через Нахавэ. Так получился еще один мост. Но по нему уже двигались не жители Бэлды или отряды Верховного совета, но кочевники. В том месте, где появился мост, берег не был укреплен башнями или даже баррикадами, номады переходили реку очень быстро, захватывая уже и правый берег города.

– Давайте сигнал к отступлению. Бэлду нам не удержать. – Светлейший князь спускался вниз по лестнице внутри баш-

ни, за ним спешили старшие офицеры. – Нам нужно защищать подступы к Галиарским воротам. Враг не должен запечатать нас внутри города.

Галиарскими воротами назывались ворота в Северо-Западной части городской стены. С них начинался путь в столицу империи, по названию которой свое имя и получили и ворота. Номады забирались на городскую стену, продвигались по ней очень быстро, лишь изредка задерживались, чтобы разобраться с теми немногими защитниками, которые еще оставались на своих местах.

Вдоль улицы, ведущей к воротам солдаты стали строить баррикады из всего, что могли найти. Даже деревянные навесы ломали и сооружали из них стены. Отступление получалось организованным, куда более организованным, чем можно было ожидать. Паника, захватившая отряды после известия о прорыве номадов в город, отступила. Рядовые воины и офицеры смогли взять себя в руки и продолжить сопротивляться наседавшему врагу. Напор кочевников ослаб, так как номады принялись грабить город. Светлейший князь это заметил и приказал контратаковать с тем чтобы отбросить врага на левый берег. Атаку возглавил барон Платей, на участке от Старых амбаров до Пристани людей в атаку вел граф Саххам, к городским баням и Библиотеке был послан князь Фанмар. Контратака получилась стремительной. Кочевники, не привыкшие биться в городских условиях, стесненные узкими улицами и не могущие в привычной манере, подались

назад. Однако мостов они так и не оставили, даже начали наводить новые переправы из плотов, очень быстро. Отряды Страмира и Галсафа забрасывали эти деревянные сооружения горшками с горючей смесью и горящими стрелами. Опаснее всего было в районе берега брата и сестры. Так в Бэлде называли самое узкое место реки Нахавэ, находившееся недалеко от речных ворот. Расстояние между берегами было около двадцати метров, по сравнению с остальным руслом реки это действительно было самое узкое место. Горожане называли левый берег берегом брата, а правый – берегом сестры, будто эти два берега – тянутся друг к другу, но река не дает им этого сделать. Мост там не строили потому что он там мешал бы проходить большим судам. Лоцманы даже имели свое название для берега брата и сестры, однако оно было непристойным и горожане его не любили. Теперь соединить эти два берега между собой стремились люди о легенде ничего не знавшие. Горожане же, что было сил старались им помешать в этом. Казалось, вновь на странице книги жизни горожан появились строки, несшие радость. Но они оказались выжжены драконом, разглядевшим своими оранжевыми с черными вертикальными палочками зрачков отступление своих войск.

– Ваша Светлость, нужно отступить! Пока еще есть возможность. Против дракона мы бессильны. – Кричали в свите Страмира. Тот был внешне спокоен, только шевелились желваки на скулах. Он понял, что ошибся, когда решил по-

пробовать облегчить контратакой отступление своей армии. Ценой ошибки были тысячи человеческой жизни.

– Отходим, немедленно. Всем отрядам следовать в Невию, на северо-восток от Бэлды. Отступать малыми группами, по несколько человек. Иначе дракон просто сожжет всех за один раз. А из города разве нет никаких тайных ходов? Где хранители цитадели?

– Все погибли, Ваша Светлость.

– Найдите мне человека, который бы знал ходы и выходы из этого города!

Ахоны побежали разыскивать людей, знающих тайные комнаты и переходы Бэдских укреплений. Тем временем отступление продолжалось.

– Приказываю отходить через главные, Галлиарские ворота. Я уйду из города последним. Где барон Платей? Граф Саххал?

– Ваша Светлость, они погибли. Я сам видел, как пламя, выпущенное драконом, испепелило барона. То же я слышал о графе. – Докладывал один из ахонов Страмира, в помятом доспехе и запёкшейся на виске кровью.

– Черный день в истории Империи. Шлите гонца в столицу. Пусть передаст Синклиту, что Бэлда оставлена. Мы отступаем, князь Галсаф убит.

В этот момент вернулись ахоны. Они привели двух библиотекарей, одетых в черные и коричневые балахоны, лица и одежда их были в саже.

– Ваша Светлость, вот люди, о которых вы спрашивали. Им известны тайные ходы из города. – Ахон Лаилил указал на священников.

– Я священник Валад. Библиотекарь и писец храма священного Алфавита. Мне известно как выйти из города через подземные тоннели. Они большие, там сможет пройти даже телега.

– Ведите нас, быстрее! Где это?

– У Девичей башни, северная городская стена. – уже на ходу сказал Валад, двигаясь к выходу из дома, где находился Страмир со свитой.

– Прикажите всем войскам двигаться к Девичьей башне. Галиарские ворота удерживайте сколько сможете, враг не должен запереть остатки армии в Белдэ. Потом отступайте в Невею. – Ахон записал приказ и отправился к воротам. Командующий армией гиббор Страмир со свитой едва успел пройти сотню шагов, над ним и сопровождавшими его, промчала огромная тень в направлении городских Ворот. Дракон хвостом, как исполинской булавой снес с них часть защитников, вместе с парапетами и готовился обрушить на сопротивлявшихся мощь своего огненного дыхания. Сделав несколько кругов в небе над воротами, дракон спустился ниже и струя огня ударила о камни городских укреплений. Раздался гул, какой бывает обычно при больших пожарах, как смех стихии над человеческой беспомощностью. Солдаты Владара скрывались где только могли, за всеми уг-

лами, стенами, в нишах-бойницах. Однако спасти от огненного дыхания могли лишь толстые каменные стены. За ними укрытие нашли многие, но далеко не все. Несколько раз черный дракон посылал огненные вихри на защитников. Когда, казалось, люди потеряли всякую веру в возможность выжить и не покидали своих укрытий, дракон сел на землю за воротами, будто охраняя выход из города. Командиры кочевников ждали момента, чтобы повести своих воинов в атаку на черные от огня городские ворота. Сами полотна ворот были обиты железом, которое в нескольких местах сильно оплавилось. Но врата все равно стояли крепко. Тысячи спешившихся кочевников побежали вперед к башням и стенам. Небольшими ручными таранами они выбивали двери в башни и дома, там, где двери еще держались. Никто из оборонявших ворота и стены на том участке городских укреплений не выжил. Священник Валад вывел светлейшего князя, а с ним около тысячи человек к Невии, небольшому городку в холмистой местности в одном дне пути от Бэлды. Когда-то это был форпост Империи в борьбе с тхюисками, но после включения их в состав державы город начал приходить в упадок, так что во время войны с варварами Невию уже было трудно найти среди холмов и лесов. Даже с воздуха ее не было видно.

Князь Страмир сидел один в комнате полуразрушенного дома. Там было холодно и сыро, под ногами валялись куски камней, бревен, что когда-то перекрывали крышу. В Невии

жили около пятнадцати человек и связь с внешним миром они не поддерживали. Но появление отряда из Бэлды их не удивило. Они видели зарево пожара, уничтожившего город. Невийцы знали тропы, которыми можно было выйти на Галиарскую дорогу. Страмир был уверен, что у Империи еще есть силы, которые она сможет противопоставить захватчикам. Но был ли смысл в этом противостоянии, если номады пользуются поддержкой столь могущественных сил? Кочевники двигались подобно лавине или волне и не было такой твердыни, которая бы смогла остаться невредимой после столкновения с их дикой мощью. Страмир и вся знать, бывшая с ним, все рядовые солдаты начали сомневаться, возможна ли победа? И как сокрушить дракона, стоящего на пути к этой победе? Чудовище из детских сказок и легенд, виденное лишь на картинках, миниатюрах в рукописях, вдруг ожило. Его воображаемый до того огонь стал настоящим, губившим настоящих людей.

Гибель князя Галсафа и уничтожение армии сняли проблему раскола в ее рядах. Те несколько тысяч человек, что пришли в Невию, единогласно признали своим главой Светлейшего князя. Страмир вышел из дома, где продумывал дальнейший план действий, на улицу. У костра, над которым был подвешен котел, найденный солдатами среди развалин, помытый и использовавшийся сейчас для приготовления еды, стояли имперские бароны, князья и графы. Князь Каллисмар, опытный солдат, один из тех, кого называли

«опора государя и империи», стоял в разбитом доспехе. Одно плечье было совсем содрано с него, другое треснуло, на груди было три вмятины. Меч его был в ножнах, поэтому никто не видел тех зазубрин, что остались на клинке после битвы. Горечи поражения на его лице не было. Он чувствовал опасность, вызов, испытание. Как зверь, загнанный собачьей сворой не ложится на землю, ожидая, когда его убьют, так и Каллисмар и бывшие с ним рядом не были намерены сдаваться. Именно это и делало их знатью. Недалеко от Каллисмара, на корточках сидел граф Лаонник, он что-то поправлял в костре палкой, которую бросил в огонь, когда она стала не нужна. У него очень болела левая рука, хоть он этого не показывал. Исполинских размеров номад ударом своей огромной булавы с железными шипами на металлическом шишаке, разнес в щепки круглый щит графа и только быстрая реакция позволила князю молниеносным движением увернуться от второго удара, который должен был размозжить его голову. Граф сам смог убить нападавшего. Барон Мела и князь Бадар обсуждали подробности прошедшей битвы. Барон, среднего роста, с густой черной бородой, активно жестикулировал и что-то пытался доказать собеседнику, узкоглазому князю со смуглой кожей. Мать его была из номадов, поэтому внешне он походил на кочевников одной из орд. Тот слушал внимательно, немного кривя рот в улыбке. Широко улыбаться он не мог, так как мешал свежий шрам на щеке, который битва оставила князю на память о се-

бе. Природа будто сжалилась над побежденными и подарила им теплый вечер. Если бы не события накануне, его справедливо можно было бы назвать приятным. Когда появился Страмир, все замолчали. Он тоже заговорил не сразу, смерил всех присутствующих взглядом.

– Я рад видеть всех вас. И рад видеть, что вы не сломлены. – Страмир говорил без улыбки, серьезно. – Сколько людей у нас осталось?

– Около пяти тысяч. Подход новых отрядов возможен, но очень маловероятен. – доложил комит Бэлды. – В большинстве своем люди подавлены. Запасов еды нет. Сейчас многие ушли в лес, чтобы найти какие-либо припасы. Признаюсь, уверенности в том, что вернутся все – нет. Но силой мы тоже не многих удержим. Когда голод усилится они начнут бунтовать. – комит продолжал докладывать, но светлейший князь прервал его.

– Возьмите себя в руки и организуйте лагерь как следует. Это поражение не должно выбить нас из седла. Строгая дисциплина нужна нам сейчас как никогда. Если люди не сбежали, хотя могли это сделать, то, наверное, не потому что ждут от нас слабости или приказа следовать по домам. Мы будем отходить к Дабе, затем на Мап. Интересна реакция Синклита на эти новости. Пускай собирают новую армию из легионов северных и центральных провинций. Столицу тоже нужно готовить к обороне. Пусть Синклит знает, что сейчас мы имеем дело с самой большой угрозой из тех, с которыми при-

ходилось сталкиваться Империи. Каттавы должны указать, как одолеть дракона. Настоящего, гигантского огнедышащего дракона.

– Некоторые солдаты рассказывают о гигантских пауках, сражавшихся на стороне номадов. – Произнёс князь Каллисмар. – Мы сражаемся не только с ордой, у номадов есть какой-то союзник, или союзники. И главный наш соперник – именно они. Но что это за твари – не ясно.

Финалом вечера стало поедание похлебки, сваренной на корнях каких-то кустов и траве. Черный цвет и густота блюда не предвещали ничего хорошего, но голод заставил пренебречь чувством отвращения и есть. Эта похлебка была хорошо известна беднякам и путникам, которые по каким-то причинам оказались без запасов еды. Даже голод не мог сделать эту пищу вкуснее, хотя, как известно, голод – это лучшая приправа.

Глава 42. Ещё несуществующие существа

Наар очнулся от того, что его теребили за воротник. Будто сквозь сон он слышал голос Кавэда: «Очнись! Друг, очнись!» Тут же послышался голос Кедира: «Оставь его. Подожди пять минут. Он сейчас сам очнется». Веки были такими тяжелыми, будто каменные горы. В голове страшно гудело. С трудом юноша пошевелил рукой и протер глаза. В нечетких очертаниях склонившегося над ним человеческого лица Наар узнал Кавэда.

– Ну вот! И ты очнулся. – Монах широко улыбнулся.

– У меня страшно болит голова. – Слова будто били Наара по черепу.

– Ну, это сейчас пройдет! Ты же с русалками связался. Так что сейчас, считай, легко отделался! – успокаивал Кедир. – Я, в глубине души не был уверен, что они нас не утопят. А сейчас мы действительно, похоже, недалеко от Харганола.

В голове Наара начало проясняться. Будто грозовые темно-синие тучи расходились и ненастье сменялось хорошей погодой.

– Сколько мы здесь? Их зелье действовало три дня. Дня два, должно быть заняла дорога.

– Думаю, мы здесь немного меньше суток – Кедир смотрел вверх по реке, в сторону предполагаемого рыбацкого поселка.

– А почему вы не умыли меня водой из русалочьего озера? Может мне бы не было так плохо? Раковина с водой была в моей сумке. – Наар начал перебирать вещи в ней, их там было очень мало и отсутствие раковины обнаружилось быстро.

– Где раковина? – Парень с вопросом посмотрел на друзей и тут же обнаружил пустую раковину рядом с собой на песке. Близко от нее лежала перламутровая крышка.

– Что здесь произошло? – спросил Наар. Кедир посмотрел на Кавэда. Кавэд развел руками.

– Ничего не произошло. Я очнулся первым. Голова тоже болела, вспомнил о воде и полез к тебе в сумку, чтобы достать ее. Но руки слушались меня плохо, да и раковина

слишком гладкая, скользкая. Не удержал я ее и разлил воду. Вот вся история.

– Ладно. Ничего страшного не произошло. Только мы не у Харганола, скорее всего. Они должны были нас оставить у небольшого рыбацкого поселка. Так что до города еще нужно добраться. – Наар встал на ноги.

– Да. Ты можешь идти? Пришел в себя? – Кедир смотрел на своего друга.

– Смогу.

– Тогда пойдемте. Нам нужно идти вверх по течению. – Воин повернулся и довольно бодро зашагал вверх по реке, жуя на ходу что-то из тех припасов, что дали русалки.

– Жаль только, что не ясно, как далеко идти. Это ведь зависит от того, что для русалок значит «недалеко». – Протяжно сказал Кавэд, он шагал рядом с Нааром. Тот ничего не ответил, только едва заметно покачал головой. Некоторое время шли молча, но потом Кавэд вновь заговорил.

– Нет, это поразительно. И даже непостижимо. Я читал о русалках, я видел их изображения, я понимал, что если они описаны в книгах, то должны существовать. Но я до сих пор не верю, что мы с ними разговаривали, что они с нами разговаривали. Мы даже прикасались друг к другу. Я всегда убеждал себя в том, что верю в этих существ, которых мы не видим, но которые должны быть. А тут вдруг оказалось, что я в них верю с трудом. Или даже должен заставить себя в них поверить. Это что же, я могу и коздо встретить? И тритона,

и дракона и огненную саламандру?

Наар улыбнулся.

– Получается так. Я сам немного озадачен. Даже стыдно. Я ведь священник, переписчик, каттав. Должен во все это безоговорочно верить. А не получилось.

– Так я получилось самый верующий среди вас? Может я еще и самый праведный? А? Отцы-каттавы? – хохотал Кедир. – Я вот нисколько не удивился, когда увидел русалок. Мне о них в детстве бабушка рассказывала. И я ей поверил. Так что я тут ничему не удивился. Еще мне бабушка рассказывала об огромных диких вепрях, медведях, драконах, морских чудовищах, гигантских пауках. И если я их встречу, то не удивлюсь. А вы почему сомневаетесь в этом? – в ответ священники помолчали минуты три, потом переглянулись.

– Все это кажется очень ненастоящим. – Начал Кавэд. – Ну какие огненные саламандры? Их уже сотни лет никто не видел. А если кто видел, то только в огненной горячке, когда наш разум нам не подвластен. И так со всем, со всеми этими духами, животными, героями, демонами. Вот, к примеру, демон Хоргед. Один из верховных демонов, слуг Малакка. Его описывают как огромного обезьяноподобного мужчину верхом на крокодиле. Как в это поверить? Горилла верхом на крокодиле. И никто этого демона уже даже не сотни, тысячи лет не видел.

– Тяжело поверить, понимаешь? Один из основных догматов нашей религии в том, что всё, что написано и описано

– существует. Но в это тяжело поверить. – говорил Наар.

– Все, что записано – существует. – повторил монах. – А ты себе представить не можешь, сколько всего записано к настоящему моменту. Это записанное действует через людей в нашем мире. Но может и прийти сюда, если кому-то это понадобится. Книги – это миры. Вернее даже так сказать: «есть мир, в котором существует зло, описанное в наших книгах, зло созданное Малакком».

– Ой, Наар, что-то ты мудро говоришь. И много. Скажи проще? – Кедир немного скривился, будто пытался съесть что-то очень горькое.

– Я только хочу сказать, что тот невидимый мир так сложен, что поверить в его существование еще сложнее.

– И совсем не верится, что он такой, каким его описывают в священных писаниях. – Смущённо бормотал монах.

– И как же у вас совести хватает учить этому людей? – Просто спросил Кедир.

– А так и хватает. Понимаешь, я ведь сам думал, что верю во все это, а теперь вдруг оказалось, что все не так просто. Что не до конца верю. – Наар говорил медленно, будто слова приходилось пережевывать перед тем как произнести.

– Словом, я тебя, кажется, понял. Вернее, вас. Вы слишком умные, чтобы просто верить в то, во что нужно просто верить. Это я понял из вашего рассказа. – Воин шел впереди и отвечал не оглядываясь назад, на собеседников. От этого складывалось впечатление, что он размышляет вслух, а не

продолжает беседу. Кедир шел вперед, гордо подняв голову, всматриваясь в даль, ожидая увидеть там хижины рыбаков или встречных путников. Каттавы переглянулись. За такие слова собеседника хотелось ударить, но хуже всего было то, что оба, и монах и молодой священник поняли, что воин был прав. Они принимали веру в Сефера, в то, что он демиург, творивший через написание книги Мироздания. Но верить в такие небылицы, как истории о русалках или драконах ... нет, они выше этого. Это не та вера, которую они себе позволяют. Ни Кавэд, ни Наар ничего не ответили на замечание Кедира. Наконец вдалеке показалась лодка, в ней сидел один человек. Из воды он доставал что-то, похожее на сети, изда- лека было плохо видно.

– Наконец. Похоже, скоро будем на месте. Давайте уско- рим шаг. Может быть, за теми холмами скрываются рыбац- кие хижины. – Кедир пошел быстрее, задавая темп друзьям. Скоро появились вторая лодка и третья. Рыбаки в них стави- ли сети, это уже было хорошо видно. За холмами, как пред- положил воин, действительно расположилась рыбацкая де- ревня. Небольшие, но добротнo поставленные домики буд- то жались друг к другу, окруженные маленькими сараями, где, должно быть, местные жители хранили припасы и свой нехитрый скарб. Все дома, их было не больше восьми, бы- ли связаны между собой тропинками. Вдоль речного берега стояли лодочные сараи. В домах были квадратные окна, сами жилища были сложены из речного камня, который набирали,

по-видимому, здесь же. Для покрытия крыши использовали камыш. Из дымоходов валил дым, а от домов распространялся запах свежеприготовленной снеди. Хоть путники голодны не были, но запах еды заставил их ускориться и быстрее подойти к ближайшему к ним дому. Их увидели еще на подходе, какая-то женщина выходила из сарая с деревянной лоханью в натруженных жилистых руках.

– Вы кто и что вам надо? – не церемонясь спросила она. – Сакил! Тут какие-то люди пришли.

– Вы не бойтесь, мы не хотим ничего дурного сделать. У нас даже нет оружия. – Спокойно, уверенно сказал Кедир. Его голос звучал успокаивающе, убедительно. Но на женщину это плохо подействовало.

– А мне откуда знать? Сейчас муж выйдет, с ним поговорите. – Женщина двинулась к двери в дом, распахнутые ей на встречу. Когда женская фигура скрылась в дверном проеме оттуда вышел невысокого роста коренастый мужчина. Лысый, с глубоко посаженными глазами и редкими бровями, достаточно короткими, но мускулистыми руками, он имел вид грозный, предупреждающий, что с этим человеком нужно быть осторожным или хотя бы внимательным.

– Чего вам? – тон обращения не обещал ничего хорошего, ровно как и плохого.

– Доброго дня. – поздоровался Кедир. – Мы идем в Хорганол. Хотим узнать, не мог ли бы кто-то нас туда отвезти, если туда долго идти. Если нет, мы могли бы и сами дойти.

Нужно только узнать, где он точно находится.— через открытую дверь на улицу, к путешественникам продолжали проникать запахи, привлекая их еще на пути к поселку. Сакил дослушал Кедира, вышел на улицу, до этого он стоял в дверном проеме, и закрыл за собой дверь.

— Вы не из города? — задал рыбак вопрос. Его не сразу поняли.

— Из какого города? — переспросил Наар.

— Здесь один город — Бэлда.

— Нет, мы не из Бэлды. — сказал Наар и начал придумывать, что же сказать в ответ на вопрос. Историю с русалками излагать было бы глупостью, в нее никто бы не поверил, так юноша сам решил, за местных рыбаков. — Мы путешественники. Шли караваном из Наппара в Бэлду, на нас напали, уже недалеко от Бэлды, мы едва смогли спастись. Несколько дней ходили по лесам и вышли к реке.

— А Харганол вам тогда зачем? Если вы в Бэлду шли. — Сакил прищурил правый глаз. Это выглядело смешно, но никто из троих друзей смеяться не решился.

— В Харганол мы собирались после Бэлды. — продолжал уже Кавэд.— Но уж если нам не удалось дойти до Бэлды, то лучше сразу в Харганол.

— Не переживайте, мы не преступники. — Кедир показал Сакилу раскрытые пустые ладони.

— Это я понял по вашим лицам. До Харгонола три дня пути пешком вдоль реки. На лодке можно добраться за полто-

ра или два. Рыбак посмотрел в сторону широкой водной глади, мерно протекавшей мимо поселка. Вдруг из дома донесся крик, какой бывает у людей в лихорадке или беспамятстве, или при сильных болях, дикий ор невластного над своим здоровьем человека. Сакил отвернулся и скривился, будто больно было ему, а не тому, кто кричал в доме.

– Извините, мне нужно идти. В Харгонол – вверх по реке. – Рыбак быстро попрощался с друзьями и скрылся за дверью, из дома вновь донесся крик.

– Бедолага. – сказал Кедир. – Пойдемте к другому дому. У меня нет желания три дня идти пешком. Неужели тут никто заработать не хочет? Чего вы стоите? – Наар и Кавэд не двигались, о чем-то переговаривались.

– Мы хотим попробовать помочь тому, кто кричал.

– Вы же священники, писцы, а не лекари. Как вы ему можете?

– Каждый нормальный священник немного лекарь. – Будто с обидой сказал Кавэд. – Мы прочитываем и переписываем сотни, даже тысячи страниц. Там много о врачевании тела и души. Мы не можем пройти мимо.

Кавэд кулаком постучал о шершавые доски серой двери жилища Сакила. Со словами «Кого там все сегодня носит?» дверь открыла женщина, которую путешественники встретили раньше.

– Это опять вы? Что вам еще нужно? Муж же все уже вам сказал. – Вид ее был очень недовольный и какой-то устав-

ший. Волосы вылезли из-под косынки на голове, на руках, ниже локтей, была рыба чешуя.

– Нет, нам ничего не нужно. Мы хотим помочь. Кажется, у вас кто-то болен. – Наар говорил медленно, стараясь никак не обидеть или испугать собеседницу, хотя и вид ее показывал, что это она скорее обидит юного священника, чем он ее. Хозяйка несколько секунд колебалась, потом сделала шаг в сторону, открыв путь в дом.

– Проходите. Меня зовут Агунда. Больной лежит в дальнем углу. Это наш старший сын Лур.

Трое вошли в хорошо освещенную пламенем очага комнату, заполненную разным домашним скарбом. Здесь были веревки, с нанизанными на них рыбами, какие-то раковины морских моллюсков, крючки для удочек, иглы для починки рыболовных снастей. Посреди комнаты была большая печь, на ней готовили, она же отапливала дом. На столе была разложена рыба, которую Агунда с двумя дочерьми потрошила и чистила. Сакил точил ножи и встал с места, когда увидел вошедших.

– Сакил, – обратилась к нему жена. – они хотят помочь Луру. – когда Агунда произнесла имя «Лур» из угла, где стояла невысокая кровать донесся сдавленный стон, как если бы человек пытался откликнуться на свое имя.

– А вы что, лекари? – Сакил подошел ближе и уже внимательнее, чем при разговоре на улице стал рассматривать незнакомцев.

– Нет, не лекари. Меня зовут Наар – я каттав. Это мой друг Кавэд он тоже каттав. Монах. А это Кедир. Он не каттав, но наш приятель.

– Каттавы... – повторил Сакил.– Что же, пойдёмте. Хуже вы ему уже не сделаете, так что я не против. Может быть, лучше станет.

Хозяин дома подвел друзей к стоявшей в углу кровати, на которой в каких-то тряпках лежал человек. Он был весь в каплях пота, кожа земляного цвета, губы синие, опухшие и сухие. Иногда он пытался смочить их, проводя по ним сморщенным сухим языком. Волосы спутаны в клочки, иногда тело несчастного сотрясали судороги. Сакил просто указал на сына рукой, ничего не сказав при этом.

– У меня два вопроса. Как давно ваш сын болен и что с ним случилось? – Наар и Кавэд начали сматывать с юноши тряпки, чтобы осмотреть тело. На левой руке, выше запястья был черный след от укуса, рана начала гноиться, от нее тонкими нитями по всей руке шли рубцы, которые исчезали выше локтя, так и не достигнув плеча.– Что это? – Наар повернулся к Сакилу, Кедир и Кавэд осматривали рану. При этом разговоре женщины продолжали чистить рыбу, будто происходящее их не касалось. Рыбак вздохнул.

– Это произошло четыре дня назад. Мы с сыном рыбачили, как обычно, недалеко от берега. Это было уже вечером, часа за два до захода солнц. Поплыли проверить сети, как вдруг в лодку забралась какая-то тварь. Я о таких не слышал

и не видел. Трехглазая рыба со страшной клыкастой пастью, колючим плавником на спине. Но, самое страшное – у нее за жабрами располагались человеческие руки. Не длинные и не короткие, у соседа примерно такие. Очень жилистые. Я думаю, сильнее моих, хотя меня Бог силой не обидел, поверьте. – Все трое слушали молча, кивали головами, только Наар бросил короткий взгляд в сторону Кавэда и коротко сказал: «Трианс», на что тот ничего не ответил, согласился кивком головы и продолжал слушать Сакила.

– Так вот эта тварь вцепилась в руку моему сыну. Я хотел ударить ее дубинкой, которой мы обычно оглушаем рыбу, но этот зверь прыгнул обратно в воду. Место укуса сразу стало красным, но больше ничего не происходило. А вот через час где-то после нападения, Лур упал на пол и стал биться о землю, будто его тело кто-то невидимый швырял и тащил по ней. Наш местный лекарь приходил, но сделать ничего не смог. – рассказывал Сакил.

– Уж сколько отваров он выпил, сколько порошков давали, компрессов ставили. Кровь пускали и все равно ничего. – Мать больного старалась говорить ровным, спокойным голосом, но было слышно, как сквозь спокойствие прорывался плач. Женщина вытерла слезившийся глаз запястьем своей правой руки и продолжала чистить рыбу.

– Мы даже к знахарю ходили. Он живет здесь недалеко, один, в лесу. Может, и не хорошо было к нему ходить. Говорят, эти знахари, как колдуны, знают с темными сила-

ми. Ну да знаете, когда ваш ребенок вот так от боли кричит, умирает, вы не больно-то смотреть будете, к кому за помощью идти.— Кавэд хотел возразить, но сдержался. Он думал совсем иначе.

— Одним словом, если вы сможете помочь, я ваш должник навсегда.— закончил Сакил.

— А если нет? — спросил Кедир.

— А если нет, то так тому и быть. Я даже не знаю, что за рыба укусила моего сына. Я впервые её видел. А знахарь сказал, что тут ничем не поможешь. Может, хоть страдания его облегчите.

— Хорошо. Мы сделаем, что сможем. Нам нужен столик или стул, поставить рядом с кроватью больного. — Сакил принес широкий табурет. — Да, спасибо, то, что нужно.

Наар с Кавэдом стали советовался.

— Говоришь, это был трианс? — Кавэд смотрел на место укуса, но обращался к Наару. — То есть это уже второй раз, когда мы встречаем, как бы не существующее животное?

— По крайней мере, по описанию Сакила, это был именно трианс. Его изображение помещено в Большом bestiarii Мудрейшего Тамы.

— Я всегда относился к этому сочинению как к книге для развлекательного чтения. Святые письма, там же еще упомянуты такие монстры, оп сравнению с которыми трианс — милая домашняя скотина... — оба замолчали после этих слов.

– Ладно. Сейчас мы не о том думаем. Нужно покрыть тело Лура священными буквами. Это самый верный способ изгнать из него болезнь.

– Еще нужно будет дать ему съесть лист с текстом молитвы об укреплении здоровья. – Предложил Кавэд.

– Да, это хорошая идея.

– Я не буду вам мешать. – сказал Кедир, все это время наблюдавший за друзьями. – Тем более, здесь как-то слишком душно. Пойду на улицу. – мягко ступая по сухой траве, которой был выстлан пол, воин направился к выходу из дома. Сакил тоже наблюдал за каттавами. Наар и Кавэд достали письменные принадлежности, что дал им Ауэл. – кисти для письма и чернильницы.

– У вас будет лист бумаги? – монах обратился к Сакилу, стоявшему за ними, сложив руки на груди. Тот улыбнулся в ответ.

– Бумага, у нас? Нет, не будет. Уверен, её во всей деревне не найдёте.

– А кусок кожи?

– Только рыбья.

Каттавы переглянулись. Наар пожал плечами.

– Ладно, давайте рыбью кожу. Никогда на ней раньше ничего не писал.

– Я слышал, она вроде подходит для письма. – сказал Сакил. – По крайней мере, наши местные каттавы иногда ее у нас покупали.

– А где они сейчас?– Кавэд помешивал чернила. – Вы о них ничего не говорили.

– Они ушли на восток. Несколько дней назад кочевники взяли Бэлду. Вы не знали? Я должен был вам раньше об этом рассказать, но мучения сына путают мои мысли. Армия Империи почти уничтожена. Спаслись жалкие сотни, может тысяча человек. За кочевников сражался огромный черный дракон. Говорят, даже император погиб. Мы тоже хотели сбежать, да из-за сына задержались. Но мы уйдем все равно. Нет желания встречаться с этими людоедами. Вы не знаете, это правда, что они едят людей? – Во время рассказа Сакил перебирал куски рыбьей кожи, подыскивая наиболее, на его взгляд, подходящий. Когда нашел, то принес его священникам.

– Нет, о людоедстве среди номадов мы не слышали, хотя все может быть. Спасибо. – Кавэд взял кусок кожи, подошел к столу, на котором для него расчистили место и стал писать слова молитвы: «Великий Сефер, создатель и отец всего! Ты наказываешь, но не убиваешь, немощ телесную восстанавливаешь. Молимся тебе. Боже наш, рыбака Лура посети милостью Твоею. Да не будет эта болезнь последним, что написано в его книге жизни. Прости ему согрешение всякое, совершенное им вольно или невольно. Силу Твою исцеляющую ему ниспошли, прикоснись к его телу, угаси горячку, страсть и всякую немощь, в нем таящуюся. Будь врачом этому рыбаку Луру. Восставь его от одра болезни. Пусть он слу-

жит во славу Твою и Твоего Эхаля. Мы же, слуги Твои, Тебя хвалим». Таков был текст молитвы, которую монах написал на рыбьей коже. Кусок был небольшой, такой, чтобы его можно было сложить или смять в небольшой шарик и проглотить.

– Дайте, пожалуйста, стакан воды. – попросил Кавэд, а сам направился к больному. В это время Наар широкой кистью наносил слова, фразы, строчки из молитв на тело больного. Ими была покрыта правая рука и плечо.

– Постой, я закончил. Пусть проглотит текст. – монах приподнял Лура, положил руку ему под голову. Тот был в беспомощности и управляться с ним было довольно трудно. Стало ясно, что проглотить кусок кожи больной не сможет.

– Тогда поступим иначе. У вас есть ступка с пестиком? – монах спросил Агунду. – Дайте, пожалуйста. И нож.

Женщина вытерла руки о передник и сняла с одной из полок, что висели вдоль стены, ступку с пестиком, затем с другой полки взяла нож и дала монаху. Тот разрезал исписанный кусок рыбьей кожи на мелкие части, кинул их в ступку и принялся растирать. Кожа была сухая, поэтому растиралась неплохо, насколько это вообще возможно при таком занятии. Сначала Кавэд прижимал ступку левой рукой к своей груди, а правой, что было мочи, работал пестиком. Потом зажал ступку между ног и уже двумя руками держал пест и размалывал им обрывки, которые когда-то были рыбьей кожей. Затем он залил ступку водой, перелил воду в чашку,

снова залил ступку водой и долил ее в ту же чашку. Получившимся напитком напоил Лура. Потом монах еще раз намочил ступку и напоил больного водой с кусочками исписанной кожи. Все это время Наар продолжал свою работу. Вокруг места укуса, он мелкими буквами написал краткую исцеляющую молитву. Остальную поверхность тела Наар также покрыл словами из молитв. Работа была окончена. Каттавы сели рядом с кроватью Лура. К ним подошли Сакил, Агунда и их дочери.

– Что теперь?– Сакил с настороженностью и опаской разглядывал покрытое буквами тело Лура.

– Теперь нужно ждать.– ответил Наар.

– Хорошо, подождём. Но будем ждать в дороге. Мы направимся в Хорганол. Если вы согласитесь, можем и вас взять с собой.

– Да, мы будем вам благодарны. Но, – осекся вдруг монах – вы понимаете, что мы не гарантируем выздоровление вашего сына. Если в книге его жизни эта болезнь написана на последней странице, то мы не в силах побороть недуг, как бы не старались. – Он произносил эти слова с сожалением, даже будто немного виновато.

– Мы понимаем, но принять это трудно. В любом случае, мы вам благодарны.

Тут раздался стук в дверь, а потом вошел Кедир, все это время находившийся на улице.

– Ну что у вас? Закончили? – Воин подошел к кровати

Лура, у которой все столпились. От мужчины веяло уличной свежестью, жизнью, совсем другим настроением, отличным от того, что было у кровати больного.

– Да, закончили. Кедир, Сакил предложил нам вместе с ним отправиться в Харганол. – Наар встал и начал собирать чернильницу и кисть для письма обратно в сумку.

– Да, и идти нужно как можно скорее. Я так думаю. Пока я был на улице, то пообщался с вашими соседями. Они сказали, что сегодня утром тоже видели такую же трехглазую рыбу с человеческими руками, как вы описывали, видели ее на берегу. Эти твари могут и в дом попасть.– Кедир говорил быстро, четко. Он осознал опасность и размышлял о том, как с нею бороться.

– Тогда, получается, по реке идти небезопасно?– Настороженно спросил Сакил.

– Точно. Я бы даже сказал, что по реке идти нельзя. Иначе мы запросто можем составить компанию Луру. И даже вдоль реки я бы не решился идти. Хотя бы за полверсты от нее.

На лице Сакила появилась растерянность.

– Но у нас, у меня лишь одна телега. И лошадь одна. Для нас главным транспортом всегда была лодка. Кроме моей, на весь поселок еще две телеги. Остальные их просто не имеют. А бросать соседей в беде – это не в моих правилах.

– А лошадей на эти три телеги хватит? – с опаской спросил Кавэд.

– Лошадей хватит. Лошадь держат в каждом дворе. Но на

одну лошадь много не нагрузишь. Хотя, с ней, конечно, проще, чем без нее.

– Хорошо. – начал Наар – Есть идея. Только сразу ее не отбрасывайте. – Трое мужчин с вопросом уставились на юношу. Тот продолжил.

– Если у вас лодки основное средство передвижения, то давайте ничего и не будем менять. Только поставим их на колеса. – Наар смотрел на друзей слегка искривив рот в улыбке и приподняв брови, пытаясь предугадать их реакцию

– А это мысль! – Кедир одобрил идею.

– Смело, старина. Смело. – отношение Кавэда к предложению юного каттава было понять трудно.

– Нет, это глупость. – Сакил был куда конкретнее монаха. – И что это получится? Лодка на колесах... Мысль правда смелая, но глупая. Извините за откровенность. Такой уже я человек. Говорю, что думаю.

Наар пожал плечами.

– Хорошо. Прямота – хорошее качество. Только скажите, что вы предлагаете вместо этого?

– Заберем часть домашнего скарба, погрузим его на телегу, оставим на ней место и для других.

– Для других. – Вдруг заговорила молчавшая до этого жена. – Три телеги на всю деревню. Много ты наскладываешь на эти три телеги?

– Сколько надо, столько наскладываю. А ты не лезь. – Между супругами начиналась ссора. Агунда поставила пи-

рог с рыбой в печь и продолжила говорить с мужем.

– Что ты уперся? Подумай, сколько всего взять надо. Еда, одежда, котлы, рыбацкие снасти. Или их ты номадам подаришь? Три телеги, в нашем поселке живет одиннадцать семей. Тебе самому не смешно? – женщина распалаясь и, казалось, сейчас она начнет говорить мужу все, о чем раньше молчала, а телеги и лодки – только повод.

– У нас много лошадей – буркнул под нос Сакил, сам понимая, что это слабый аргумент и тут лошадьми делу не поможешь.

– Да какие лошади? Что ты упрямишься? Ты вечно упрямишься. – Если каттавов и Кэдира эта ссора заставляла чувствовать себя неловко, то дочери рыбака и его жены едва сдерживались от смеха. – В семье старого Агвани больше двадцати человек! В других семьях меньше, по восемь-пятнадцать, но это ведь ничего не меняет. Да будь у нас вдвое больше лошадей, их бы все равно не хватило. Домов-то восемь стоит, но сколько людей в этих домах живёт!

– Хорошо, сказал Сакил. – Хорошо. – он подошел к жене и обнял ее, хоть та и вырывалась немного, но скорее для вида. – Я согласен. Но согласятся ли другие?

– Это уже их дело. – ответила Агунда.

– Тут главное пример показать. – Кавэд тоже радовался, что ссора прекратилась.

– Лодки на колесах... Вот так пример – тихо про себя сказал Сакил и помотал головой. Во время этого разговора про

Лура будто забыли, да и он про себя не напоминал. Агунда первая заметила, что он уснул и горячка будто исчезла.

– Ладно, нужно идти работать. Если уж решение принято. – Сакилу самому начала нравиться идея поставить лодки на колеса. Это было необычно и сложно. Рыбак любил такие задачи. Мужчины поспешили на улицу, только Наар немного задержался в доме.

– Агунда, не сочтите за дерзость, но у меня вопрос.

– Слушаю.

– Агунда, вы сказали что семьи в поселке большие, есть даже больше тридцати человек. Но в вашей, как я вижу, всего пять. И это все?

– Так.– Женщина проверила готовность рыбы, развешанной над очагом. Вытерла руки передником.– Да, нас пятеро. Это потому, что Сакил недавно отделился от своей большой семьи. Мы не отсюда. Здесь мы живем меньше полугода. А ты любопытный каттав. Наши родное селение в пяти днях пути отсюда вверх по реке, на противоположном берегу. Сакил хорошо ладил с отцом и братьями, но решил сам основать свой род. Ему долго не разрешали отделиться, но теперь мы здесь. Оказывается, это не конечное наше пристанище. А зачем ты спрашиваешь?

– Мне просто показалось странным, что вас так мало, когда в других семьях по три десятка человек.

– Нас пока, мало. Мы это обязательно исправим. Надо только найти место, где бы мы и дети были в безопасности

от всяких тварей. – На этом их разговор был окончен и Наар вышел на улицу, к мужчинам. Их уже не было у дверей, по близости он их тоже не видел. Пришлось возвращаться к Агунде, спрашивать, куда они могли пойти. Та ответила, что стоит посмотреть в лодочном сарае. «Сарай» оказался добротным деревянным срубом, стоявшим на деревянных сваях в воде так, чтобы в него могла заплывать лодка. Крыша сарая также была из камыша. Сакил, Кавэд и Кедир действительно были там, обдумывали, как реализовать предложение Наара.

– Нет, у одних у нас уйдет не меньше двух дней на то, чтобы одну лодку на колеса поставить – Сакил уперся руками в бока и смотрел на раскачивавшуюся на воде лодку.

– Ну и ладно, время у нас еще есть. Мы же не ждем массового нашествия этих трехглазых рыб. Просто нужно быть осторожными при ловле рыбы в открытой реке и на берегу. Ваш сын единственный, кого эта тварь укусила? Я имею ввиду, в деревне. – Кедир ходил по сараю и осматривал инструменты.

– Да, единственный.

– Это хорошо, но я уверен, что будут и другие. Когда это случится, люди сами начнут искать способ спастись. Я предлагаю прекратить болтовню и заняться делом. У кого-нибудь есть опыт в изготовлении колес?

– Нет. Мы рыбаки, а не плотники. Если нужны колеса, мы их покупаем или обмениваем на рыбу.

– Хорошо. Сплошное деревянное колесо мы и так сможем

сделать. Инструмент, как я вижу, есть. С материалом что?

– Дерево есть, но колеса нам нужны большие, как я понимаю. Поэтому придется идти в лес, набирать материал там.

Мужчины взяли пилы и отправились в лес. Решили делать сплошные составные колеса: три доски сколачивали вместе и вырезали круг. Колеса получались тяжелыми, зато крепкими. Для большей прочности их по краям обивали железом. Железа было мало и улучшить удалось не все колеса. В процессе работы к Сакилу, Наару и остальным присоединились другие рыбаки. Работа шла быстро, люди торопились. Иногда болтали, высказывали предположения о том, что за рыба появилась в реке и что теперь будет с рыбацкими поселками. Но словоохотливых рабочих было несколько. Большинство работали молча, каждый размышлял о своем, а может просто слушал разговор товарищей.

Глава 43. Новый бог

– Ты хороший слуга, Хунхар. – Раэль и каган номадов стояли среди руин и груды камней, в которой уже никто не узнал бы замок наместника Бэлды. Огромные куски мрамора и гранита, колонны из бордового порфира, некогда подпиравшие свод в тронном зале замка, плиты, покрывшие пол внутри этой твердыни, все было явлено миру, с силой изъято из нерушимой и неприступной, казалось, крепости. Эти руины стали памятником новой силе, вернее даже новому порядку, который эта сила с собою несла. Еще одним признаком этого порядка можно назвать то, что гордый некогда вла-

стититель, Хунхар, более не злился, когда его называли слугой. Более того – хорошим слугой. С тем, что он – повелитель сотен тысяч человек – стал слугой, Хунхар смирился давно. Но лишь разрушая Бэгду, кружа над ней в образе дракона, Хунхар почувствовал, что он рад быть слугой Малакка, ему нравится служить этому существу и иной жизни он себе не желает.

– Служить нашему господину – удовольствие. – Гордый своей мощью, Хунхар осматривал развалины вокруг себя. – Господин позволил мне вести мой народ дорогой служения ему. Долгое время мы пребывали в невежестве и служили Небу, которое не великий Бог, которому нельзя поклоняться.

– Пускай твои старейшины присягнут Малакку. Нужно искоренять другие культы, почитания иных богов. Он единый господин, достойный поклонения. Через восемь дней он будет здесь.

– Да, то, что ты говоришь, справедливо. Гаалик – жрец Тернги предал меня, а Малакк дал мне несокрушимую силу. Я приведу весь свой народ к почитанию Малакка. Те же, кто откажется от этого, расплатятся за упрямство своей жизнью.

– Да, ты хорошо говоришь. Кровь их мы добавим в чернила, а из кожи сделаем книги, крики их станут хвалебными песнями во славу нашего господина. – Если бы кто мог видеть мертвенно-бледное, землистое лицо Раэля, то впал бы в ужас от той безысходности, холода и отчаяния, которое оно

порождало, и радости, которая появилась, когда дух говорил о человеческих страданиях. – Прикажи принести огромную чашу, в этом городе таких должно быть много и пусть ее наполнят чернилами.

Чаша была найдена почти сразу. Это даже была не чаша, а огромный медный котел на трех ногах, исполненных в виде львиных лап. К котлу, с трех сторон, были приварены медные львиные головы с кольцами в носах, схватившись за кольца котел переносили, иначе его было бы тяжело сдвинуть с места. Львиные морды застыли в гневе, будто готовились напасть на всякого осмелившегося подойти. Звериный оскал казался настолько реальным, что удивления бы не было, укуси один из львов неосторожно подставившего руку человека. Совсем недавно в этот котел наливали вино на праздниках у наместника Бэлды. Бэлдский виночерпий торжественно наполнял кубки наместника и самых почетных гостей, после чего начинался пир. Кочевники нашли его в одной из чудом уцелевших комнат разрушенного драконом замка. Чернила тоже нашлись в достаточном количестве. – Котел установили перед развалинами дворца комитов, на площади, одном из мест в тех кварталах Бэгды, где дракон дал волю своей силе.

Тамнаконы, вожди, старейшины не заставили себя ждать. Явились и шаманы, чей авторитет после предательства Гаалика уменьшился, но не сошел на нет. Впереди всех стоял Гоггалы.

– Господин мы слушаем тебя. – Сказал старец и опустил голову.

Хунхар обвел всех взглядом.

– Сотни лет мы поклонялись небу, которое мы, вслед за нашими предками, называли Тернги. Но этот бог не мог сделать нас столь сильными, как нам подобает быть. Иногда мы побеждали в битвах, иногда проигрывали их и горькими были эти поражения. Мы приносили жертвы нашему богу, но он часто был к нам несправедлив, посылал болезни вместо здоровья, голод вместо изобилия, беды, вместо радости. Мы должны были считаться с соседями, которые хуже нас, потому что они – не мы. Мы же, племя великое, рождены, чтобы властвовать над остальными народами. Но Тернги – слабый бог и он не может вести нас на этом пути. Вы видели силу, которой я обладаю! Силу, которая теперь служит нашему могуществу. Но не Небо дало мне ее, не Тернги. Другой бог, более могущественный. Вспомните руины городов нашего врага, пленных, которые стали рабами и теперь служат нам. Кто из ваших правителей, из моих предков превращался ранее в исполинского дракона? Кто одним ударом сокрушал сотню врагов? – Хунхар замолчал, с удовольствием наблюдая, как головы его подданных склоняются все ниже к земле. Только шаманы оставались недвижимыми. Король отметил это про себя и продолжил. – Пришло время узнать нам истинного бога, достойного поклонения. Его имя – Маллак. Мы же будем звать его – Юче – великий. Ветхого Терн-

ги нужно оставить в прошлом. Сейчас не может быть места слабости. Сейчас, вы примите Нового бога. Если кто из вас не решился отречься от Тернги, то ему придется заплатить за это своей жизнью. Ослушания я не потерплю. Пусть те из вас, кто не согласен почитать Юче как великого бога станут с левой стороны. Я не буду вас уговаривать и возможности поменять решение у вас тоже не будет. Даже если вы будете умолять об этом. И смерть ваша не будет скорой, не будет легкой. – Хунхар стоял перед знатью выпрямившись во весь свой огромный рост, расправив плечи, сжав правую руку в кулак и прижав ее к тому месту на груди, где заканчивается грудная клетка. Этот кулак правой руки он накрыл ладонью левой руки и в такой позе испытывающее продолжал смотреть на знать, которая выслушала всю речь своего властелина, стоя на коленях. Все шаманы, их было четверо, встали и не произнося ни слова, отошли влево. Но самый старший из них Кизган сделал несколько шагов к королю и спокойным голосом сказал:

– Государь, опомнись. Ты стал чудовищем. Какую цену ты платишь за свою мнимую силу? Ты давно перестал быть тем славным правителем, которого любили подданные и уважали соседи. Тебя теперь только боятся. Так ты погубишь и себя и народ свой и твоих предков.

Хунхар сделал несколько шагов к старику, тот не замолчал, лишь немного понизил голос, стал говорить тише. Король одной рукой обхватил его тонкую старческую шею и

медленно, со страшным, казавшимся невероятно громким хрустом сломал шейные позвонки, потом разжал руку и обмякшее небольшое тело старого шамана упало на землю. От удара о землю с головы Кизгана слетел золотой обруч, на котором крепились шаманские височные подвески. Присутствующие как заговоренные наблюдали за сценой убийства. Шаман в племенах номадов всегда считался лицом священным и никто не имел права ему перечить и, тем более, причинять вред. Шаманы общались с потусторонними духами и могли навредить не только обидчику, но и всему его роду, предкам и потомкам. Поступок Хунхара был чем-то неслыханным. Он лучше всяких слов показывал, что возврата к прежнему богу не будет. Все смотрели на сцену убийства и никто не видел, как возле котла, что стоял немного поодаль, за Хунхаром, из воздуха появилась фигура Раэля. Больше никто из знати и шаманов не проронили ни слова. Даже Гоггалы не решился говорить что-либо своему государю. Тем временем Раэль стал перед котлом, спиной к остальным, находившимся на той площади, и начал что-то шептать, направив взгляд в котел, в чернила, налитые в него. Тамнаки и вожди стояли достаточно далеко, чтобы не слышать шепот человека, стоявшего перед котлом, но по чьей-то неизвестной им воле, они шепот Раэля слышали. Слов разобрать не могли, только шепот на неизвестном им языке, будто живое существо, проникал им в уши. Чернила в котле стали загустевать и будто даже закипать, на поверхности жидкости

появились пузыри, волны, как если бы котел стоял на огне. Тогда Раэль опустил в чернила руку и перемешал жидкость. Сухая, костлявая, обтянутая бледной кожей рука совершила два круговых движения против того порядка, по которому перемещались солнца на небе Арца. Чернила стали совсем вязкими, тягучими, черными. Того черного цвета, который кажется дверью, переходом в абсолютную пустоту, не содержащую в себе ничего и уничтожающую все, что бы в нее не попало. Жидкость вдруг начала пахнуть затхлостью, сыростью, тленом, человеческим горем, слезами и страхом. Раэль вновь опустил руку в котёл и достал оттуда каменную пиалу, совсем небольших размеров. Затем повернулся лицом к кочевнической знати. Первым к духу подошел Хунхар.

– Отойди, тебе уже не нужно. – Раэль произнес фразу вслух, голос его звучал совершенно нормально, ничего демонического в нем не слышалось. Сначала вожди, потом там-таки начали по очереди подходить к Раэлю, тот обмакивал палец в жидкость в котле, ставил на лбу подошедшего точку, которая тут же исчезала и давал сделать несколько глотков из пиалы.

– Это книги, будь они прокляты! – Вдруг закричал один из шаманов, которые продолжали стоять в стороне и ждать своей очереди. – Все знали, что Хунхар увлекся какими-то книгами! Письмо – оно скрывает зло! Зло, свившее себе гнездо в книгах. И все вы будете служить злу! Я проклиная вас всех, именем Тернги, я его шаман Тернфисер. Отступники!

Да будет проклят час, когда человек узнал эти знаки!

Подбежавшие солдаты сначала не решились схватить шаманов, ведь так можно было навлечь на себя гнев Неба и духов-служителей. Но стоило одному солдату ударом дубинки сбить с ног крикливого шамана, уверенность в своей безопасности появилась и у остальных. Так шаманов избили и отволокли в сторону, где они дожидались расправы.

– Государь, – обратился к кагану Гоггалы. – а что делать с нашими братьями, с другими племенами, которые не чтут Юче? Они могут напасть на нас.

В ответ Хунхар только усмехнулся.

– Они уже узнали мощь Юче. Не думай о них больше. – Повелитель не стал рассказывать, как он уничтожил армию Йелдара и его союзников битве у Оазиса.

Смена веры у знати и у простых кочевников не одно и то же. Когда начали говорить простым солдатам, что теперь следует поклоняться новому богу, а о старом забыть, многие открыто начали роптать. Еще больше начали роптать тихо, про себя. Огромное влияние имело то, что орда видела, какой силой был наделён Хунхар и это видение было важным аргументом при укоренении новой веры. Раэль знал о роптавших, но ему было все равно. Малакк обладал собственной армией, кочевники были хорошими союзниками, но теперь нужда в них отпала. Если часть из них погибнет в борьбе за честь и славу своего прежнего бога – ничего страшного не случится. Ведь речь, всего-навсего, шла о людях. Так

рассуждал злой дух. И его хозяин был с ним согласен.

Глава 44. Загадки

Захаль с отрядом пробирался все глубже в подземные пещеры и удалялся от Кар-аб-Дабира. Запасы, которых они с собой взяли не очень много, заканчивались. Захаль беспокоился, но вида не подавал, хотя подчиненные чувствовали, что что-то не так.

– Господин, может беглецы до сих пор бродят по этим лабиринтам или уже погибли от голода? Так мы тоже можем погибнуть. Мы уже очень долго идем неизвестно куда. – В ответ Захаль бросил гневный взгляд на несчастного, жаловавшегося на тяготы подземного похода.

– Если кто из вас хочет отдохнуть – он может вернуться или остаться здесь. Один. Я вас предупреждаю, что мы не имеем права вернуться без добычи. И вас, и меня в таком случае ждет смерть, и я не ошибусь, если скажу, что эта смерть будет тяжелой. Даже если наши беглецы погибли в этих пещерах, мы должны отыскать их тела и принести все их вещи и головы великому Хунхару. Мне нужны воины, а не сопливые бабы. Если кто-то из вас захочет еще пожаловаться – я просто убью его.

С того момента солдаты стали молчаливее, даже между собой переговаривались редко. Если раньше красоты, которыми были богаты пещеры, скрашивали путь, даже заставляли идти вперед, то теперь на разноцветные светящиеся камни почти никто не обращал внимания.

Люди устали и устроили привал. Одни отдыхали полусидя, другие просто легли на каменный пол. Все пятнадцать человек что были в отряде, кроме шестнадцатого, Закхаля, впали в уныние, медленно, но неустанно пожиравшее их волю. Вдруг над этой плитой уныния, что накрыла собой людей, проплыла мелодия, она буквально разлилась над отдохавшими уставшими солдатами. Один девичий голос, затем второй, третий, сколько их всего, разобрать было трудно, ткал песню удивительной красоты. Мужчины поднялись со своих мест, переспрашивая друг у друга, все ли слышали одно и то же.

– Либо мы все заколдованы, либо действительно в следующей пещере есть люди. – Воин, тот самый, что допрашивал мальчишку Мада, с опаской, первым сделал несколько шагов в сторону, откуда мелодия слышалась. За ним последовали остальные. Закхаль прошел вперед, обогнал своих спутников и первым вышел к озеру, которое находилось в большой пещере к которой пришел его отряд кочевников и наемников. На противоположном берегу светящегося дном озера, на нескольких валунах сидели русалки. Они издали заметили людей. Вероятно даже, что они их услышали, еще до того, как те добрались до озера. Песня оборвалась звонким девичьим смехом, потом русалки прыгнули в воду и уже через несколько секунд вынырнули напротив оторопевших мужчин.

– Смотрите, к нам снова гости! – рыжеволосая русалка

рассматривала людей.

– Теперь их куда больше! – темноволосая поправляла волосы будто хвасталась ими перед воинами.

В другой ситуации первый вопрос, фраза, сказанная Закхалем звучала бы так: «Вы русалки?». Но не тогда. В тот раз он сказал:

– Что значит снова?

– Ну как что? Только одно, что у нас не так давно были гости. Но их было не так много, как вас. – Ответила русалка с белыми волосами.

– Трое. – Продолжила рыжеволосая.

– И куда они пошли? – Закхаль был возбужден, как гончая, что напала на след добычи.

– Эй, ты невыносим. Ты задаешь так много вопросов, даже не назвав нам своего имени, даже не спросив, как нас зовут. Может, ты думаешь, если мы здесь сидим и не видим десятки лет никого, кроме друг друга, то с нами можно обращаться как заблагорассудится? – Черноволосая разозлилась не на шутку. Ее настроение переняли и другие русалки. Закхаль понял, что эти девушки – единственный способ найти беглецов и тут же сменил тон.

– Простите меня. Я и мои люди уже давно ходим по этой подземной цепочке пещер, очень устали. Мы ищем наших друзей. Вы нам поможете? Да, едва не забыл, меня зовут Закхаль, а это мои воины – слуги.

– Я Сола. – Ответила черноволосая. – А это мои сестры

– Эафа, Афала, Алуа, Луава. Но ты нам лжешь. Те, кого вы ищите – не друзья тебе и никому из твоих слуг. Я и мои сестры видим это. Русалки видят, когда им лгут. И нам не нравится, когда нас обманывают.

Девушка недовольно посмотрела на Закхалю. Тот не стал юлить.

– Да, они нам не друзья. У них может быть вещь, которая нужна одному очень важному человеку. – Злодей был серьезен и спокоен, будто перед ним не русалки, а кто-либо из его знакомых, влиятельных людей Наппара, с которыми он пытается уладить серьезный вопрос. – Я был бы вам признателен, если бы вы согласились нам помочь. Но я не знаю, как вас благодарить, если вы поможете.

Русалки переглянулись, перекинулись парой фраз, будто что-то обсуждали.

– А мы не хотим тебе помогать. Ты нам не нравишься. Но и прогнать тебя – значит поступить неверно. Мы, русалки, любим загадывать загадки. Мужчины, которых ты ищешь, сумели их отгадать. Если и ты, со своими слугами, справишься, мы поможем вам.

– Я согласен. – громко и четко ответил Закхаль.

– И тебе не интересно, что случится, если ты не справишься?

– Это не имеет значения. Мне нужна только победа в этом состязании.

– Как знаешь, человек. Правила таковы – мы загадываем три загадки, по одной на каждого из трех мужчин, что будут участвовать в игре. – После этих слов глава отряда посмотрел на стоявших за ним солдат, смерил их взглядом.

– Я сам отвечу на все три загадки. – И сделал жест рукой, чтобы оставшиеся отошли в сторону. За время разговора солдаты немного привыкли к тому, что видят живых русалок, которые, к тому же, общаются с ними, но до конца избавиться от страха так и не смогли. Они даже были рады, что могут отойти на безопасное расстояние.

– Не пожалей об этом, неразумный. – предупредили русалки. Закхаль задумался.

– Бай и Кил, вы согласны отгадывать загадки этих красавиц? – злодей пытался шутить, но шутка не получилась. Воины не двинулись с места. – Есть добровольцы? Кто хорош в отгадывании загадок? Девушки ждут! Что же вы себе позволяете? Вы видите? – Закхаль обратился к русалкам. – Я буду отвечать один.

– Хорошо. Пусть так. Но в случае проигрыша, отвечать за него будете все. – Едва улыбнувшись, сказала Сола. – Знаешь, я задам тебе те же загадки, что мы задавали тем, кого вы преследуете. Это будет справедливо. Так ты будешь состязаться не с нами, а с ними. Сестры, что вы скажете?

Русалки о чем-то пошептались между собой.

– Мы скажем, что это справедливое предложение. – Ответила за всех Эафа.

– Слушай, Закхаль, что это? Рождается в воде, вырастает в огне, но если увидится с матерью – погибнет? – Как только русалка закончила произносить текст загадки, три человека из отряда недовольно хмыкнули и развели руками, однако гневные взгляды русалок тут же заставили их забыть обо всех своих эмоциях и отойти за спины товарищей.

– Не смейте подсказывать. Иначе пострадают все. – Очень спокойно произнесла Эафа, но спокойствия это никому не прибавило. Скорее наоборот.

– Это соль. – Коротко ответил Закхаль.

– Да, поздравляем. С первой загадкой ты справился быстро. Вторая загадка. Кланяется-кланяется, придет домой – растянется. Что это?

– Это молоток. – Почти сразу сказал Закхаль, подумав пару секунд. – Я эту загадку знаю с детства. Это молоток.

Русалки злорадствовали.

– Нет, не молоток! Совсем не молоток, другое! Не справился! Проиграл!

– Эй, постойте! Что вы говорите? Не может быть. У нас в Наппаре все знают, что это молоток. Вы же должны видеть, что я вам не лгу. Я правда знаю, что это молоток. – Здесь Закхаль действительно говорил правду и русалки, к их неудовольствию и разочарованию, это видели. Они столкнулись впервые с такой ситуацией: человек знал их загадку, был уверен в правильности своего ответа, но этот ответ не совпадал с тем ответом, который знали русалки.

– Это ответ неверный и за честь мы его не можем. – Говорила Эафа.

– Но ты же видишь, что он правду говорит. Там, откуда он пришел, ответ именно такой, на эту же загадку. – Сола смотрела на сестер, перебирая свои волосы, которые лежали у нее на плече.

– Вот пускай у себя так и отвечает. Сейчас он здесь, у нас, в нашей пещере. И правильный ответ у нас на эту загадку – другой.

– Но ведь в принципе он прав. Тут ответ может быть как топор, так и молоток. – Сала говорила на языке русалок, чтобы людям было непонятно, что они обсуждают.

– У замка не может быть несколько ключей. И у загадки несколько отгадок. Наши сестры – русалки из других озер подняли бы нас на смех. – Не унималась Луава.

– Послушай. Я поняла бы, если бы этот человек хотел нас обмануть. Но он ведь не обманывает. Он действительно так считает. Он ничего дурного, обмана или лжи, не замышляет.

Все время, пока русалки бурно обсуждали, как им поступить, Закхаль стоял на берегу и сосредоточенно наблюдал за девушками. Языка их он не понимал, но суть спора отлично читалась на их лицах. Русалки еще несколько минут спорили, в итоге Луава сдалась и ответ решили принять как правильный.

– Хорошо, пускай это будет молоток. Хотя мы ожидали другого ответа. Третья загадка: Заря, заряница, красная де-

вица, по полю ходила, ключи обронила, луны видели, солнца скрыли. Что за ключи?

Закхаль сел на камень и задумался. Русалки молчали. Ожидание становилось все более томительным. Члены отряда начали волноваться, было похоже, что их начальник никак не может найти ответа.

– Время для раздумий вышло. Нам нужно знать, что это за ключи. – Афала выскочила на берег, оказавшись совсем рядом с мужчиной.

– Дайте мне еще немного времени – заискивающе Закхаль посмотрел в глаза русалке. Те, уже чужавшие добычу, застыли на месте.

– Не старайся, Закхаль, ты наш. – В пещере возрастало напряжение, вот-вот, казалось, должно вспыхнуть пламя. Русалки вновь двинулись к мужчине. Он вдруг выхватил из ножен короткий меч, висевший у него на ремне и сам кинулся на русалок, те шарахнулись в сторону. Закхаль сумел поранить Эафу, которая была к нему ближе всех. Мгновенно поразительная девичья красота русалки сменилась устрашающим, демоническим внешним видом. Ни одна черта в них не напоминал о той миловидности, которую они излучали несколько секунд назад. Сола мгновенно схватила нападавшего и с силой швырнула его в озеро так, что сломала Закхалье руку. Солдаты его отряда, что было мочи бросились бежать обратно, прочь из злосчастной пещеры. Однако спастись удалось лишь двоим. Русалки хватали людей и либо

швыряли их в озеро, будто котят, а не здоровых, взрослых мужчин, либо прямо с ними ныряли в озеро, где оставляли своих пленников на дне, приваленных камнями и возвращались за новыми жертвами. Несколько человек были убиты на берегу, камнями или просто разорваны русалками на части. Все погибшие были принесены в жертву озеру. Так окончился и земной путь Закхаля, могущественного злодея из Наппара.

Глава 45. Думы о завтрашнем дне

Ялган Маязимский вел посла Наилэра через большие дворцовые залы одной из бывших императорских резиденций недалеко от столицы. Наилэр с нескрываемым удовольствием слушал рассказ Ялгана и лишь иногда высказывал несколько слов одобрения или комплиментов в адрес спутника. Ведь господин посол тоже не был до конца уверен в успехе переворота, тем приятнее было знать, что всё произошло гораздо легче, чем можно было ожидать.

– Учитывая ваше участие и помощь, которую вы оказали для восстановления справедливости в нашей стране, Синклит постановил передать в ваше распоряжение, как посла Союза торговых городов одну из бывших императорских резиденций – дворец Калас. – Ялган объявлял это с таким удовольствием, будто сам построил весь дворец, парки, фонтаны, сады и каналы, его окружавшие, и теперь хвастался работой, передавая все это владельцу. Послу происходящее очень нравилось.

– Там, где сотни лет жили угнетатели народов Империи, теперь будут жить друзья нашего государства. Надеюсь, здесь они тоже проживут не одну сотню лет. – Здесь Ялган явно льстил больше, чем следовало и не так изящно, как следовало, но Наилэр был не против, а более их никто не слышал. Сопровождавшие их слуги шли поодаль. Собеседники остановились в длинном коридоре, украшенном гобеленами. На них герои и святые древности совершали подвиги во имя Сефера, Империи и Народа. Посол смотрел на гобелен с изображением славных дел императора Властаря Златоточивого, заложившего основы процветания страны, поощрявшего развитие торговли и ремёсел. Он был запечатлен складывающим мешки с золотом в башню государственной казны. Фигура императора была огромна, что должно было соответствовать величию его деяний.

– Вы не так давно спрашивали меня о возможности займа денег у нашего союза. – Наилэр перевел взгляд на зераклита.

– А вы уже успели связаться с Антаром? – удивился Ялган.

– Нет, ответа я еще не получил. До нашей столицы путь не близок, как знаете. Однако, мне кажется, вы догадываетесь, о чем стоит поговорить. – Посол сложил свои маленькие пухлые ручки на животе. Косые лучи солнца, падавшие на него через огромное окно, будто подчеркивали бледность его кожи и серую щетку усов под носом.

– Если это поможет ускорить ход дела – я только буду рад сделать что-либо для этого. – Ялган развел руками в сторо-

ны.

– Поймите меня правильно, я не хочу требовать у вас чего-то невозможного. Все требования кажутся мне абсолютно обоснованными. Они должны способствовать скореешему успеху задуманного дела. Какую сумму вы бы хотели получить?

Зераклит заулыбался.

– Вы же понимаете, что денег мало не бывает, почтеннейший посол. Тем более сейчас.

– И все таки ...

– Два миллиона махдаров. Я почти уверен, что мы будем вынуждены занимать у вас еще денег.

– Два миллиона махдаров – повторил посол. – Сумма внушительная. Позже вы планируете занимать такие же суммы? – Наилэр был улыбочив и прост, будто речь шла вовсе не об огромных суммах денег и условиях их займа, а о сортах пива или школьных успехах детей. – Это важно, может повлиять на условия займа.

Ялган задумался.

– Конечно, мне бы этого не хотелось, но скорее всего, нам понадобятся такие же суммы. – Зераклит, в отличие от собеседника, стал очень серьезным.

– Это совсем неплохо, вам не нужно переживать. Уверен, Антар будет не против сотрудничества с вами. Тем более, что вы тот самый человек, с которым можно договориться. Вы уже доказали что с вами можно и приятно иметь дело.

– Спасибо. Но что вы скажете об условиях займа? Вы не против пройти в более теплое место, что-то я здесь мерзну. – жестом Ялган предложил собеседнику проследовать дальше. Затем кивнул слуге, стоявшему поодаль и тот спешно удалился, опережая господ. Наилэр не стал спорить. Ему тоже было холодно в огромном коридоре и он не возражал против более уютного места для продолжения беседы. Сделав несколько поворотов они встретили того самого слугу, что некоторое время назад столь торопливо их покинул. Слуга попросил их следовать за ним. В конце пути Намлэр и Ялган оказались в небольшой комнате, ее пол был теплым, с отоплением от печи, что стояла ниже этажом. Через приоткрытое окно в помещение попадал свежий воздух, так что душно не было. На большом столе стоял кувшин с теплым вином с корицей и медом, нарезанные ломтями колбасы, куски буженины и хлеба, белого и черного.

– Да, в такой обстановке даже самые щекотливые вопросы обговаривать приятно. – Сказал посол, поудобнее устраиваясь на мягком стуле перед столом.

– Вино должно быть изумительным. Рекомендую. – Ялган смотрел, как слуга наливает в кубок Наилэра, украшенный зелеными, красными и синими драгоценными камнями теплое вино, один запах которого уже обещал подарить приятный вкус. Сам зераклит взял в руки кусок буженины, положил на белый хлеб и откусил большой кусок.

– Да, вино, пожалуй, одно из лучших, что мне доводилось

пить. – Здесь Наилэр не лгал. Вино ему действительно понравилось. – И так, мы начали разговор об условиях займа. Я бы хотел продолжить, с вашего позволения.

– Разумеется. – кивнул Ялган.

– Я думаю, что высокий процент вам не нужен. Пятнадцать процентов в год должны будут устроить руководство в Антаре. На меньшее они не согласятся. А больше, я думаю, вам не надо. – Посол прервался, чтобы сделать пару глотков вина. Собеседник его молчал, предпочитая выслушать все, о чем будет говорить Наилэр. – Но вы должны понимать, что такой низкий процент просто так никто вам не даст. Нужны будут встречные шаги и с вашей стороны. Согласны?

– Согласен. Что вы имеете ввиду?

– Я думаю, взамен Антар попросит предоставить право беспошлинной торговли для купцов нашего Союза. – Маленькие глазки посла уставились на Ялгана.

– Это можно будет сделать. Что-то еще? – Зераклит отложил в сторону второй кусок буженины, который он только начал есть.

– Я думаю, было бы уместно в данной ситуации, если бы Синклит разрешил промышленникам из Союза торговых городов заниматься добычей серебра, золота, меди, олова, драгоценных камней, добычей пушнины на территории Империи беспошлинно. И свободно торговать добытым товаром. – Посол поставил кубок на стол и вновь уставился на собеседника. Тот не стал отвечать сразу. Лево́й рукой начал

гладить подбородок, правая подпирала локоть левой, опиравшейся на стол.

– Это тоже можно будет сделать. Но с одной оговоркой. Вашим промышленникам нужно будет внести номинальную сумму за право владения тем или иным рудником или охотничьим угодьем. Так мне будет проще провести голосование в Синклите. Да и наши недруги не смогут говорить, что мы даром отдаем богатства Империи. Сумма не будет большой, но совсем даром этого делать нельзя. Вы понимаете.

– Да, понимаю. Хороший совет. Я скажу об этом в следующем письме руководству. Но условия этого второго пункта нашего соглашения не нужно предавать широкой огласке. – С неизменной улыбкой на лице проговорил Наилэр. – Думаю, рабочие на этих производствах будут из торговых городов, но часть можно будет нанимать в Империи. Об охране вы тоже не беспокойтесь. Уверен, наши промышленные поселения будут справляться со своей охраной силами своих собственных отрядов. – Беседа становилась все более непринужденной. Еда и вино делали свое дело.

– Хорошо, что вы заговорили о вооруженных отрядах. Буквально опередили меня. – сказал Ялган.

– Слушаю внимательно.

– Вы знаете, что в Империи никогда не было большого количества наемников. – Наилэр в знак согласия кивнул. – Сейчас мы нуждаемся в профессионалах, готовых служить за деньги. А о ваших наемниках, я слышал только самые хо-

рошие отзывы.

– Да, вас не обманули, они хорошие солдаты. Простите, пусть приоткроют окно шире, что-то душно.

Ялган позвонил в колокольчик, вошел слуга и исполнил просьбу посла. В комнату стал медленно заплывать свежий воздух. – Наемников у нас довольно много. Уровень профессионализма у них самый разный. Но и цена разная. Вы можете нанять целую армию, если денег хватит. Есть просто головорезы, есть профессионалы для особых поручений, самых сложных заданий. Можете нанять инженеров, мастеров как в строительстве фортификаций, так и в их разрушении. Любые ваши пожелания и потребности не останутся без ответа. Все дело, как я говорил, в деньгах. Вас интересуют некие конкретные отряды?

– Нет, я с этим пока никак не знаком.

– Думаю, я знаю как минимум пятерых человек, которые могли бы вам помочь. Все это уважаемые люди и они рады были бы сослужить службу Синклиту. Повторюсь, с вами приятно иметь дело. Уверен, мы сможем преодолеть все препятствия, что встают на нашем пути.

Глава 46. Охота

Едва Солнца поднялись из-за горизонта, чтобы осветить путь нового дня, Владар увидел перед собой столбы от пожарищ городских построек Бэлды. Дым этот совсем недавно был красивыми зданиями, мостовыми, причалами, всем, что горожане носили или хранили в сундуках у себя дома.

Все это и многое другое не существовало более, превратилось в едкий дым. Владар понял, что едва за ним ещё ведётся погоня и можно уже не боясь ехать по основной дороге. Навстречу императору попадались горожане, спасавшие свои жизни и то немногое из имущества, что им удалось захватить с собой. Таковые несчастные встречались не часто, кочевники старались схватить как можно больше людей. Кто не позволял себя схватить – того убивали. По пять-семь человек, дети и старики, женщины. Так выглядели эти встречные группы горожан. Попадались и одинокие путники. Таких было двое. Первого Владар пропустил, а второго остановил.

– Мир тебе, человек. Скажи, что случилось с Бэлдой? – Владар задал вопрос, сидя на лошади. Мужчина лет шестидесяти, со склоченной бородой, черными от грязи и сажи руками, одетый в рваную темно-зеленую куртку и штаны устало посмотрел на Владара.

– Бэлды больше нет. Ничего больше нет. – и побрел дальше. Он был скорее похож на призрак, чем на живого человека.

– Постой! Что произошло? Город сгорел? Как это случилось? – Владар конем преградил дальнейший путь собеседнику. Император хотел понять, есть ли смысл в его стремлении попасть в город. Лицо путника исказили страх и злость.

– Огромный дракон испепелил город. Он пришел с номадами. Он помогал им. Ничего нельзя было сделать против

него. Перед ним ничто не устоит. Огромное рогатое чудовище крушило стены и башни, будто глиняные горшки. Я сам это видел. Теперь на городских руинах стоят шатры кочевников.

– А армия Империи, с ней что?

– Почти все воины погибли. Спасти удалось совсем немногим.

– Какие поблизости есть города, поселки, ущелья, где бы они могли скрыться? Ты можешь что-то об этом сказать?– Владар окончательно понял, что стремиться в Бэгду ни к чему. И нужно стараться найти остатки армии. Даже если он встретится с отрядами Галсафа, это будет лучше, чем встретиться с кочевниками.

– Господин, таких мест много. Есть Невия, есть Ашар, Хабран, Иззак. Вокруг Бэлды много таких городков.

– Постой, ты сказал Невия?– Император начал вспоминать один из разговоров со Страмиром, в котором было упомянуто это название.

– Да, Невия. Это, кажется, бывшая крепость. Говорят, там и сейчас живут люди. Немного, но живут. Она находится в лесу. Но я там никогда не бывал. Только слышал о ней и могу приблизительно сказать где она находится. Это к северу от города, дня два пути. Но нужно будет через лес идти. Какие там в лесу ориентиры, я не знаю. Там рядом течет то ли река горная, то ли родник. Я же говорю, не знаю точно.

– А сам ты куда идешь?

– Я иду вперед. Позади у меня ничего не осталось. Я все потерял, дом и семью. Остался только я. – Мужчина вдруг замолчал, стоял на месте, в растерянности, будто он был ребенком, а не взрослым мужчиной. – Скажи мне, что делать? Никогда я не думал, что буду в такой ситуации. Что мне делать?

– Тогда пойдем со мной. Как тебя зовут и каким ремеслом ты занимаешься?

– Меня зовут Барзел. Я кузнец. А куда ты идешь?

– Теперь я иду в Невию, там я надеюсь встретить имперских солдат.

Барзел молчал.

– А если их там не окажется?

– Буду искать дальше. Это единственное правильное решение.

– Вы, как я вижу, воин. Хороший воин, их на своем веку много видел. Я знаю свое дело и ко мне часто обращались, чтобы я изготовил доспех или оружие и в вас я вижу хорошего воина. Вы могли бы возглавить отряд, собрать таких же как я, людей с прошлым, но, похоже, без будущего.

– Барзел, ты угадал, я воин. Но мне нужен отряд воинов. Номады слишком умелые бойцы и нельзя против них вести в бой кузнецов, булочников, плотников и гончаров. Даже если я буду тренировать вас, понадобится много времени, чтобы вы смогли выстоять в бою и еще больше, чтобы победить. Я не хочу тебя обидеть, но это так. Скорее всего, с Севера,

с Юга и Востока Империи уже двигаются новые отряды, легионы, которые сразятся с завоевателями. Уверен, настанет час, и ты тоже с оружием в руках будешь защищать свою землю. Но сейчас нужно найти уцелевших воинов.

– Хорошо. Я пойду с Вами. Как вас зовут?

– Барон Эддар. – Владар решил использовать выдуманное имя еще раз.

– А как вы... – начал вопрос Барзел.

– Как я оказался здесь, вдали от основной армии? Тебе это интересно?

– Да, это.

– Два дня назад я решил поохотиться в лесу и заблудился. Потом вышел к какому-то селению, недалеко отсюда и, переночевав там, решил двигаться к Бэлде. Надеюсь, ты знаешь местные дороги лучше, чем я.

– Возможно. Я поведу нас рядом с окольной дорогой. Там где проходит так называемая лисья тропа. Там меньшая вероятность постречать на своём пути кочевников. Но вот как мы будем искать Невию в лесу – не знаю.

Барзел развернулся налево и пошел пешком, но Владар остановил его.

– Залезай на моего коня. Иначе нам и через три дня в Невию не попасть, а я сомневаюсь, что нас там будут дожидаться. – Владар откинул свой плащ на бок. Так, чтобы Барзел мог сесть сзади.

– Вы странный, барон. – Удивился кузнец. – Впервые ви-

жу, чтобы знатный человек сажал на свою лошадь простолюдина. И вы даже не пытаетесь меня скинуть, чтобы посмеяться потом.

– Ты и драконов, как я понимаю, раньше никогда не видел. Так что мне можешь не удивляться.

Барзел с опаской залез на коня, ожидал, что сейчас может произойти что-то неприятное, но уже через пятнадцать минут расслабился и восхищался про себя, силе, скорости и грации лошади, чей владелец сидел впереди него.

Лисья тропа оказалась узкой, иногда даже слишком узкой для коня, однако Вихрь упорно находил место, куда сделать следующий шаг. Окольная дорога называлась так, потому что проходила около Бэлды, соединяла деревеньки, расположенные в его окрестностях. Владар все надеялся встретить хотя бы несколько человек из имперской армии или пускай даже солдат князя Галсафа, чтобы расспросить у них о произошедшем. Но на пути не было никого. Даже ветер стих, будто ушел с этих земель вместе с прежними их жителями, которые может быть спрятались, или погибли. Иногда даже чувствовался запах гнили или гноя, но было совсем не ясно, откуда он идет. Желтая трава и пятна голой земли, неестественного черного цвета. Было похоже, что воняют именно они. Временами наездникам почему-то просто становилось жутко.

– Господин барон, я здесь живу всю жизнь и дорогу эту хорошо знаю. Здесь всегда были цветочные поля. Разве это

дело рук номадов?

Владар сам не понимал, что происходит, потому что, как и кузнец видел подобное впервые.

– Не знаю, Барзел. Я тоже ничего подобного ранее не видел. – Конь вдруг забеспокоился, будто предчувствовал опасность и бросился бежать куда-то в сторону. Владару стоило некоторых усилий его успокоить и развернуть в прежнем направлении.

– Может это дракон своим дыханием, или взглядом, осквернил эти места? – Барзел то с сожалением, то с опаской разглядывал окружающий пейзаж.

– Может быть. – Коротко ответил Владар, дав понять, что разговаривать он сейчас не расположен. Путники нашли чистое место, в тени большого дерева и устроили там привал. Император достал запасы еды, что оставались у него от крестьянина Герона. Хлебные лепешки и несколько кусков мяса показались еще вкуснее чем они были в деревне. Дерево, под которым отдыхали путники, широко раскинуло свою крону. Даже учитывая большую толщину ствола, размер кроны все равно казался поразительным. Еще было приятно то, что под ним природа будто оставалась живой и ничто не напоминало о тлене, распространившемся вокруг, пускай даже его пока было немного.

– А что это за дерево, Барзел? – Владар облокотился на ствол и вытянул ноги, поднял голову и смотрел на крону. Такое дерево местные жители не могли обойти вниманием,

с ним могло быть связано какое-нибудь местное поверье или легенда. И действительно, император не ошибся.

– Это очень древнее дерево. Я бы вам и раньше рассказал, да понял, что Вы говорить не очень хотели. Ему уже несколько тысяч лет. Оно, как люди считают, едва не ровесник самого Арца. Мы верим, что из дерева именно этого дерева Сефер сделал калам, которым начертил алфавит и создал наш мир. – С благоговением сказал кузнец. Император встал и посмотрел на громадину, росшую перед ним. Понадобилось бы человек пятнадцать взрослых мужчин, чтобы обхватить его ствол. Про себя Владар подумал, что знает еще несколько деревьев, из дерева которых, по словам местных жителей, Сефер сделал свой калам. Затем не выдержал и сказал об этом Барзелу. На что тот с плохо скрываемой обидой ответил: «Но наше-то настоящее!» С чем Владар счел за лучшее согласиться.

– Наши отцы, деды, прадеды чтили это дерево. И их отцы его чтили. Что же, почтеннейший барон, скажите, что мы все ошибались?

– Может быть и нет. – Владар понял, что задел человека.

– Может быть ... – повторил кузнец, но добавлять ничего не стал. Когда стали собираться, кузнец как-то нарочито стал кланяться дереву, подошел к стволу и поцеловал расщелину в коре.

– Вот то самое место, откуда Сефер взял дерево для своего калама.

Владар слез с коня, поклонился дереву и поцеловал ту его часть, на которую указывал его благочестивый спутник. Кузнецу автократор не поверил, но посчитал нужным почтить место, в котором люди молятся, похоже, не одну сотню лет.

– Поехали, нам нельзя задерживаться.

Часов через пять путники достигли леса, в котором лежали развалины Невию. Но никто из них не знал, как к ним добраться. Тем временем уже стемнело и стало холодать, из рта шел пар и из-за усталости казалось, что было еще холоднее, чем на самом деле. Барзел указал удобную поляну, скрытую в глубине леса, за деревьями, на ней можно было расположиться на ночлег. В лесу не встречалось ни дурного запаха, ни мертвой растительности, как вдоль лисьей тропы. Ночь казалась очень тихой и даже умиротворенной. Очень хотелось развести костер, но мужчины решили не рисковать, чтобы не привлечь номадов, могущих рыскать в окрестностях в поиске добычи. Источником тепла в такой ситуации служил конь, который вдоволь поел травы и позволил заставить себя спать на земле, а не стоя, как обычно. Это бывало очень редко, лишь когда Владар в походе не имел иной возможности согреться, кроме как прислонившись к Вихрю.

Император проснулся от сильного лошадиного ржания. Кузнец тоже проснулся. Было еще темно, оба поняли, что с момента, когда они уснули, прошло не более нескольких часов. Но луна и звезды на небе, будто потускнели, а тьма вокруг стала густой. Было похоже, что если провести ладонью

рядом с собой, то можно набрать в руку этой тьмы и она как жидкая глина будет кусками капать с руки на землю. Владар поежился, Барзел попытался еще ближе прижаться к лошади. Вдруг послышался собачий лай и звук охотничьего горна. Владар тут же схватился за меч и поднялся на ноги. Пытаться скрыться было бесполезно, лошадь волновалась и ржала все сильнее, что было с ней впервые. Собаки, чей лай слышался все ближе, нашли бы прячущихся мужчин по запаху. Тут же стал доноситься топот копыт.

– Господин, это охота? – сдрождью в голосе спросил Барзел.

– Это очень похоже на охоту. Некоторые мои знакомые устраивают ночную охоту. – почему-то шепотом ответил Император.

– Я о такой забаве впервые слышу. – Цепеня от страха произнес кузнец.

Метрах в двадцати пяти от них, на краю поляны появились две фигуры с факелами. Только огонь был не обычного желто-оранжевого цвета, но переливался то красным, то зеленым, то синим оттенком. Свет от этих огней, который парадоксальным образом не рассеивал, не уничтожал тьму, но будто даже подчеркивал ее, делал еще глубже, темнее, плотнее, разбивался о фигуры наездников. Крупные мужчины, в черных кожаных панцирях, стеганых штанах и высоких кожаных сапогах. Под одним из них была черная лошадь, а второй оседлал черного оленя с бледными ветвистыми рога-

ми. Но самым удивительным было не это. Оба всадника не имели голов, а на месте шеи у каждого была большая кровавая рана. Тут же на поляну высыпала свора гончих псов. Они бежали так быстро, что было неясно, бегут они или летят. Злые животные, с огромными зубатыми пастьями быстро приближались к путешественникам. От страха конь императора приник к земле и не двигался, будто мертвый. Сам Владар выхватил меч из ножен, а ножны отдал Барзелу, чтобы у того было хоть какое-то оружие. Так они готовились отражать атаку. Некоторые массивные собачьи тела также были без голов, но когтями на лапах взрывали землю под собой с такой силой, что было ясно, они способны пробить самый крепкий доспех в несколько ударов и отсутствие пасти совсем не делает их неопасными. Тем временем на поляне появились еще всадники, много, около двенадцати, из них человек пять держали в руках факелы, дававшие такой же мертвый, будто скрывающий, а не освещающий свет. Среди наездников были и женщины, в лохмотьях, с кривыми пальцами на руках, сухими, худыми, морщинистыми лицами и кровавыми ртами. Взгляд их будто пронизывал пространство. Длинные волосы этих наездниц, были грязными, можно было решить, что это и не волосы вовсе, а какое-то грязное тряпье, прикреплённое к голове как парик. Лица наездников-мужчин были жутко свирепы, у некоторых были клыки, которые не могла прикрыть ни верхняя, ни нижняя губа. У одного, который подъехал к Владару и Барзелу ближе, чем

прочие охотники, можно было разглядеть огромную гнилую рану на месте щеки, через которую виднелись острые желтые зубы. Всадники сидели верхом на конях, оленях, вепрях, волках. Один из всадников ехал на огромной крысе. Все они, собаки, наездники, кружили вокруг императора и его спутника с криками и воплями. Из этой толпы выделился один всадник. Вместо лошади под ним был огромных размеров черный олень. Было даже не ясно, как олень с такими рогами может передвигаться по лесу, где деревья растут часто совсем рядом друг с другом. Однако, и Владару, и Барзелу, было понятно, что с этим препятствием наездник справляется. Сам олень был величественен, под стать хозяину, широкоплечему мужчине, с большими руками и огромным мечем висевшим с правой стороны, на поясе. Пальцы его рук были украшены перстнями. Было видно, он предводитель этой стаи, это выдавали взгляды и почтение, которые ему оказывали остальные. Черный олень сделал несколько шагов по направлению к людям. Еще минута и их разорвут на куски. Охотники говорили между собой на сафахоших, наречии, на котором говорят все порождения Малака. И люди их не понимали.

– Хозяин, это наша добыча, отдай нам ее! – Шипела одна ведьма, близко подъехавшая к своему господину.

– Мы заслужили ее, о тёмный князь! – Вторил ей другой наездник, уже доставший из ножен огромную кривую саблю.

– Нет. Мы оставим этого человека. – Тут он перешел на

язык людей.— Я знаю, кто ты. — обратился он к Владару. И поэтому я оставляю тебя в живых. Ты только человек и только для людей ты имеешь значение. Мне хочется заставить тебя страдать, но физическая боль — не самое страшное. А очень многие желали тебе боли. И я исполню человеческие желания. Я Саминдар, князь тьмы, говорю тебе, что ты потеряешь свою землю, ты будешь последним, кто правил ею. При тебе она погибнет. И ты не в силах что-то изменить. Ты проживешь с этой болью еще долго. Весь Арец скоро превратится в новое царство моего господина. Могилы твоих отцов будут разорены и тебе нечего будет передать своим детям. Имя твоё проклянут в веках. Я не могу уйти, не оставив тебе ничего на память о себе. «Хайга!» — крикнул герцог псам и те молниеносно кинулись к лошади императора и разорвали ее быстрее, чем за минуту. Владар и Барзел стояли в крови, но сделать ничего не могли. Государь ударил одну из собак мечом, нанес ей глубокую рану, остальные псы стали тут же на него кидаться, но не кусали. Это почему-то вызвало жуткий смех у остальных охотников. Владар пытался ранить или убить еще нескольких собак, но те по знаку хозяина отбежали назад. Тогда император ринулся на Саминдара, но кто-то накинул ему на шею аркан и дёрнул, так что император упал на землю, лицом в какую-то гниль, страшно вонявшую, как могут вонять только непромытые гнойные раны. Владар стал пытаться освободиться от удушливой веревки. Это вызвало новую волну хохота. Барзел подбежал к Владару и начал ему

помогать скинуть её с шеи. Владар прокашлялся и отер шею, на которой остался след от веревки в виде красной полосы. Но большим унижением для Владара был смех. Он, повелитель огромной державы, выступал теперь в роли шута и ничего не мог с этим поделать.

– Твой страх будет делать нас сильнее. Так ты сам погубишь свою землю. Ты и твои воины, отныне будете терпеть только поражения. Неудача теперь твой удел. – Затем герцог сделал жест горнисту, тот дал сигнал к продолжению охоты и вся ужасная стая охотников продолжила свой путь далее, по лесным чащам. Барзел поддерживал Владара, который неуверенно держался на ногах. Мгла перестала быть столь плотной темной. Людям показалось, будто вокруг стало теплее, когда духи ушли прочь.

– Ты никому не будешь рассказывать о том, что видел, когда мы доберемся к армейским отрядам. Я сам расскажу, если сочту нужным. Твое дело – молчать.

В ответ Барзел только кивнул головой, не произнеся ни слова.

Глава 47. Смерть

Всего было сделано восемнадцать телег, для которых изготовили семьдесят два колеса. Как ни торопились рыбаки, закончить работу за два дня им не удалось. Только глубоким вечером третьего дня последняя телега была готова. Телеги грузили сразу, по одной, по мере их готовности, так что никто не ждал, пока будут готовы все.

Перед рассветом четвёртого дня вереница телег двинулась из рыбацкого селения, оно называлось Карос Инес, что значит «Обильное рыбой», в сторону Хоргонола. Бэлда была в четырёх днях пути от Карос Инеса, беженцы из города рассказали о гибели города рыбакам и те боялись попасть в руки к номадам. Кроме номадов начинали доставлять беспокойство горожане, лишившиеся всего, многие из них отчаялись и в этом отчаянии были готовы не только на воровство, но даже на убийство, если оно даст им кусок хлеба. Некоторые из рыбаков сначала даже порадовались горю горожан. Последние сами в этом были виноваты, потому что, когда рыбаки приезжали в Бэлду торговать своим товаром, горожане не очень их жаловали, относились с плохо, а часто и с совсем нескрываемым презрением. Теперь, казалось, рыбаки смогут отплатить горожанам за все обиды. Но так казалось ровно до тех пор, пока беженцев не стало слишком много. Покинуть посёлок нужно было как можно быстрее.

Триансов за эти три дня видели пять раз. Они подбирались всё ближе к человеческим домам. Одну из этих чудовищных рыб удалось убить гарпуном. Она была сожжена в одном из разведённых на улице костров, которые развели, чтобы не прерывать работу ночью. В костре рыба воняла.

Бегство из посёлка не прибавило уверенности в собственном будущем никому из тех, кто сидел на тех восемнадцати гружёных телегах. Однако, для радости место в том обозе всё же было. Лур пошёл на поправку. Его оставила лихорадка,

он был ещё слаб, но жизни его ничего не угрожало. Сакил, Агунда, их дочери были очень благодарны каттавам за чудо, что те совершили. А выздоровление Лура его родные называли именно «чудом» и никак иначе. Обоз двигался не намного быстрее пешего путешественника, так что добраться до Хоргонола Наар с друзьями рассчитывал не раньше, чем через два с половиной, три дня.

На второй день пути на караван напал небольшой отряд номадов. Это были мародёры, основные силы тёмной орды находились ещё в Бэлде. Во время короткого боя был ранен Наар. Удар пришелся в рукопись. Юноша почувствовал лёгкий укол в грудь, рукопись спасла ему жизнь. Это было странно, так как рукопись не была очень толстой и сильный удар острым клинком должен был пробить её и смертельно ранить, или даже мгновенно убить каттава. Но этого не произошло. Нападавший тоже не понял, в чём дело и на несколько секунд замешкался перед тем как нанести следующий удар. В эти несколько секунд рыбаки накинули на номада сеть, рванули её на себя и свалили его с лошади. Он пытался разрубить сеть мечом, но только больше в ней запутывался. Рыбаки убили нападавшего гарпуном.

После нападения караван ускорил движение к Хоргонолу, так что в середине третьего дня пути рыбаки из Карос Инеса пришли к городским стенам. В Хоргоноле было беспокойно. Городские власти приняли решение не сдавать город без боя, однако горожане, зная о судьбах более мощных крепо-

стей, сделали другой выбор и готовились покинуть город. В городе писцы и воин попрощались с рыбаками. Те подарили им сушеной рыбы и хлебных лепёшек, немного сушеных водорослей. С трудом трое друзей нашли гостиницу. Втроём им пришлось ютиться в маленькой комнате на чердаке. Прибывавшие в Хоргонол беженцы останавливались на улицах, заполнили гостиницы. Но такая масса беспокойных людей делала город похожим на бурлящий котёл, который мог взорваться в любой момент по самой незначительно причине.

Когда друзья остались втроём, Наар достал рукопись и начал её листать. Теперь он увидел на ней пятно своей крови. Кровь проникла также в дыру, пробитую клинком нападавшего и попала на страницы. Чернила со страниц вдруг стали прилипать к пальцам писца и впитываться через кожу. Наар сначала даже не понял, что происходит. Затем небольшое рязное его крови стало растекаться, вытягиваться в струи, превращавшиеся в строки. Теперь на страницах рукописи появились новые буквы. Наар их никогда раньше не видел, но каково было его удивление, когда он понял, что знает их и знает язык, который эти буквы записывали. Это не был ни один из тех языков, которые были известны Наару. Он показал рукопись Кавэду, но монах ничего не увидел.

– Я вижу здесь то же самое, что видел ночью после пира у князя Уадура. А ты видишь что-то другое?

– Да, я вижу. – Проговорил Наар.

– Что там написано?

– Написано, что я должен стать посланником и проделать путь к Сеферу.

– Неужели! Там наконец написано, зачем именно тебе нужно идти к Белому побережью? – Кедир улыбнулся и откусил кусок сушеной рыбы.

– Нет, о Восточных морях я пока ничего здесь не нашел. Тут сказано, что прочитавший эти строки должен стать посланником к Сеферу от человеческого рода.

– Там написано как это должно произойти, куда идти и что делать? Где место встречи? – Кедиру становилось всё интереснее, теперь он смотрел в рукопись, хотя не понимал ни единого знака, в ней записанного.

– Да, записано. – Медленно произнёс Наар, оторвал взгляд от страниц книги и смотрел на друзей. В глазах его были страх и непонимание.

– Ты чего испугался? Мы тебя не оставим! Не знаю как Кавед, а я пойду с тобой дальше. – Чтобы поддержать парня, Кедир похлопал его по плечу. В ответ Наар улыбнулся какой-то искусственной, ненастоящей улыбкой тяжелобольного человека.

– Посланником к Сеферу? – Чётко, твёрдо, отдельно произнёс монах, глядя в упор на юношу.

– Да. Посланником к Сеферу. – Глядя куда-то в пустоту впереди себя ответил молодой каттав.

Воин посмотрел на писцов.

– Похоже, я чего-то не знаю или не понимаю. Наар, что

ты там такое прочёл? Вы двое будто между собой общаетесь сейчас.

Но Наар так ничего не ответил. За него начал говорить Кавэд.

– Дорогой Кедир, что ты знаешь о жертвоприношениях?

Воин на мгновение задумался, а потом ответил, будто чувствовал, что монах имеет ввиду.

– О человеческих жертвоприношениях?

В ответ Кавэд кивнул.

– Ну, то же, что и все. В древности они практиковались многими народами на территории Империи, сейчас официально запрещены, но во многих местах встречаются. Особенно на окраинах государства. Был у меня знакомый из народа данга, отличны боец, он говорил, что жизни принесённых его богам врагов, делают этих богов сильнее, могущественнее. А чем сильнее его боги, тем сильнее и он, его народ. Только при чём здесь жертвоприношения?

Наар находился будто в каком-то оцепенении, ничего не отвечал. Говорил Кавэд.

– Ты правильно всё сказал. Только не всегда жертву приносят, чтобы сделать бога сильнее. Иногда жертва – это посланник, который должен передать богу просьбу народа. Понимаешь?

Кедир медленно перевёл взгляд на Наара.

– То есть, если Наар посланник к Сеферу, то... – Здесь воин запнулся, но потом продолжил. – Его нужно принести

в жертву?

– Да. – Ответил Наар. – Это и есть путь, о котором сказано в рукописи и из-за которого рукопись получила своё название. Идти никуда не нужно. Это не путешествие по земле. Это путь к Сеферу.

Воин сдвинул брови к переносице. Он делал так, когда хотел показать, что ничего не понимает.

– Так, у меня слишком много вопросов. Жертвоприношения запрещены, но Наара нужно принести в жертву? Это как?

– Не совсем так. Меня не нужно никому приносить в жертву. Я сам должен принести себя в жертву. – Наар пришёл в себя и теперь участвовал в беседе.

– То есть это самоубийство?! – Едва не крикнул Кедир. – Вот этого я никогда понять не мог.

– Не большее самоубийство, чем то, что совершают солдаты арьергарда, прикрывающие отход основных сил или в любой другой ситуации, когда один человек сам лишает себя жизни ради жизней других людей. Здесь нужно говорить о героизме, а не о самоубийстве. – Спокойно ответил монах.

– Хорошо, это я понял. Теперь объясните, почему рукопись заговорила сейчас? Почему ты сейчас прочёл текст, почему не раньше?

– Уф. – Наар вздохнул. – Рукописи живые, они сами решают, кому и когда открыться, с кем и когда заговорить. Сам понимаешь, это зависит и от того человека, который их чи-

тает. Не удивлюсь, если в библиотеке Таирасса она явилась, только когда пришло время.

– То есть сейчас настало время или ты стал готов или ещё что-то, что известно только, – воин снова запнулся – рукописи?

– Да. – Коротко сказал Наар.

– Малоубедительно.

– Это потому что ты с рукописями и книгами дела не имел. Если бы имел, то не удивлялся бы, что разные люди в одних и тех же строках читают разные смыслы. И одни и те же люди, в разное время тоже в одних и тех же строках читают разные смыслы.

– Ладно. Похоже, я должен вам поверить. Ну, тогда, может, подождать? Вдруг вы что-то другое прочитаете и Наару ничего не нужно будет с собой делать?

Писцы переглянулись.

– Кедир, ты слишком буквально нас понял. В тексте есть смыслы, которые не изменятся. Текст не изменится. Мы о понимании текста говорим. Знаешь, то, что рукопись открылась мне сейчас, не удивительно. То, что рассказывают беженцы с запада о враге, о разрушении Бэлды, о драконе, сражавшемся на стороне номадов, триансы, которых мы сами видели, пауки и ворон, охотившиеся за нами, всё это говорит о какой-то новой силе, вторгшейся к нам. Я говорю сейчас о мире людей, даже не об Империи. Борьба господ между собой тоже это подтверждает. Ведь казалось, что эпоха проти-

востояния Синклита и Императоров закончена. По крайней мере, в правление Императора Владара. Но нет, оказалось, совсем нет. Рукопись должна явиться, когда в ней действительно будет необходимость. Должно быть, случилось что-то такое, что требует отправить посланника к Сеферу.

– Ничего не случается раньше положенного срока. Всё случается вовремя. – Кивнул Кавэд.

– Так, что Наар, ты избранный? – С улыбкой спросил Кедир.

– Если и избран, то только своим наставником, Захартой. Вот с ним бы я сейчас хотел поговорить.

– Ну, скоро встретишься! – Кавэд захотел пошутить, но вновь, как бывало и раньше, понял, что шутка может быть совсем неуместной. Вопреки его ожиданиям Наар улыбнулся.

– Да, скоро встречусь. – Теперь юноша улыбался весёлой искренней улыбкой. Он принял тяжёлое решение и всё стало очень просто. – Думаю, сегодня встречусь. Какой смысл избегать неизбежного? В тексте чётко сказано, что прочитавший эти строки должен отправиться посланником к Сеферу. Значит, я должен идти.

Кедир посмотрел на Наара с восхищением. Не с тем восхищением, с которым старший смотрит на успехи младшего, легко постигающего какое-либо знание или умение, но с тем восхищением, которое бывает среди равных, когда один из них в чем-либо превосходит друзей.

– Наар, я прошу у тебя прощения. Я не думал, что в тебе живёт такое мужество. – Воин поклонился каттаву.

– Перестань. Считай, я научился этому мужеству у тебя. В тексте никаких подробных указаний, как это должно произойти, нет. Только сказано, что я должен сам, то есть без чьей-либо помощи, отправиться в этот путь.

– Так ты покажешь, что готов отдать жизнь ради других и поэтому достоин предстать перед Сефером. – Проговорил монах.

– Я думаю, да. – Согласился Наар.

– Стоп. – Поднял руки Кедир. – Хорошо, ты отправишься к Сеферу как посланник, но как ты нам его послание передашь?

– Знаешь, это проблемы составить не должно. Думаю, подскажут. Да хоть во сне явиться, чем не способ? – Каттав, кажется, был даже удивлён такому вопросу.

– Хорошо. У меня ещё вопрос. Зачем жертва, зачем кому-то лишать себя жизни? Неужели вы просто в транс не можете войти, как шаманы номадов и многих других народов. Я видел несколько раз ритуальные танцы шаманов. Они общались с духами. – Кедир начал ходить перед каттавами. Ему было трудно принять, что Наара ждёт смерть.

– Спасибо за упорство в попытках меня спасти, но не выйдет. Шаманы, как они говорят, общаются с духами, демонами. А мы говорим о Сефере, Великом писце, создателе всего. Шаманы обманываются, когда думают, что у них есть сила

вызывать духов. Духи делают это по своей воле, чтобы влиять на людей так, как этим низшим духам нужно. А в нашем случае, чтобы проделать путь, который передо мной лежит, нужно показать, что ты достоин встречи с Создателем. Здесь всё гораздо серьезнее. – Наар замолчал. Кедир и Кавэд тоже молчали. Так в молчании они провели около минуты. Тишину нарушил монах.

– Ты думаешь, как это должно произойти?

– Да. – Коротко ответил юноша. – Спасибо, что ничего не предлагаете.

– Не за что. – Мужчины переглянулись. – Тут предлагать что-то... Словом, сам решай.

Наар опять улыбнулся.

– Да, сам. Пускай это будет яд. Только не мгновенный. Я хочу быть в сознании, умирая. Яд я приготовлю сам. И я прошу вас двоих быть рядом, когда всё будет происходить.

Монах и воин в ответ кивнули.

– Конечно.

– Моё тело закопаете в землю, на могилу навалите камней. Теперь мне нужен свежий корень люцены. Ты не знаешь, люцена здесь растёт? – Наар обратился к монаху.

– Не знаю. – Кавэд покачал головой. – Лучше спросить на рынке. В небольших дозах это превосходное обезболивающее, наверняка она должна быть у местных торговцев травами, если люцена в этих краях растёт. И даже если не растёт, то всё равно, может быть.

– Теперь только осталось надеяться, что рынок в Хоргоноле не закрылся. Жители бегут из города. Со дня на день здесь могут быть номады. – Сказал Кедир.

– Тогда нам надо спешить. – Произнёс Наар и направился к выходу из чердака.

Улицы были запружены телегами с разным домашним скарбом, осликами и лошадьми, верблюдами, навьюченными большими тюками. Люди тоже стали вьючными животными, только двуногими. Присутствие чуждого миру зла меняет мир людей порой до неузнаваемости, делает его чуждым самому себе.

Лавировать между телегами, животными и людьми было трудно. И становилось всё труднее по мере продвижения к центральной площади, на которой был рынок.

– Что за беспорядок! Здесь есть власть или нет? Или наместник города бежал первым? Как они собираются отставить город? Эти ослы передают друг друга, но с места не двинутся. – Кедир был очень зол. Если в начале пути он обходил или уворачивался от препятствий, то теперь отталкивал их с каждым разом всё сильнее.

– Кедир, полегче. Ещё немного и люди решат, что номады уже в городе. – Пытался урезонить друга Кавэд. Рядом проходила старуха, клонимая к земле тяжёлым мешком, о содержимом которого можно было только догадываться. Внезапно она бросила мешок на землю, задев проезжавшую мимо телегу и громко сказала, глядя каким-то безумными гла-

зами на монаха:

– Кочевники уже в городе? Где?

Кавэд начал оглядываться. Он с ужасом понял, что сейчас может произойти.

– Нет, кочевников в городе нет, они ещё далеко. Очень далеко. – Кавэд старался говорить как можно убедительнее, он был готов даже обнять эту старушку со всей нежностью, на какую только способен, только чтобы она успокоилась.

– Но ты только что сказал, что они в городе. – Продолжала пожилая женщина.

– Враг уже в городе? – С тревогой окликнул старуху и троих друзей гнавший верблюда невысокий полный мужчина.

– Они так говорят. – Женщина показала сухим костлявым пальцем с волнистым ногтём на каттавов и воина. Что ей ответил Кавэд было уже не важно. Глаза мужчины округлились и крик вырвался из его груди:

– Город пал! Враг в городе! Спасайтесь! – При этом он стал неистово хлестать несчастного верблюда, налетевшего на ехавшую впереди телегу. От удара у телеги сломалась задняя ось, она накренилась и часть тюков и мешков, лежавших на ней, попадали на землю. Начались паника и давка. О продвижении вперёд по улице речи уже не шло, нужно было хотя бы просто сохранить свои жизни.

– Наар, а может не яд, а давка? – Весело прокричал Кедир, продираясь вперёд. Он пытался залезть на кучу мешков со сломанной телеги. Писцы пытались пробраться за ним.

– Ну нет. Пройти такой путь и быть втоптаным в грязь Хоргонола?! Нет! – Крикнул юноша и взобрался на мешки, где его и Кавэда уже дожидался Кедир. – Мне суждено погибнуть, но так погибать я не хочу.

Тем временем своего рода «остров» из мешков и тюков, на котором оказались друзья, таял. Многие хотели на него взобраться, но получалось это не у всех. Чаще получалось, что зацепившись за тюк или мешок, хотевший спастись вытаскивал этот мешок из общей кучи или рвал ткань мешка и тот уже не держался так плотно в общей массе. Некоторым всё же удавалось залезть на верх. Становилось понятно, что вот-вот не выдержит ещё одно колесо и тогда эта гора из домашней утвари и других пожитков неминуемо развалится. Хозяина этого добра рядом не было. Может быть, его унёс неуправляемый человеческий поток. Кедир огляделся по сторонам. Дома в Хоргоноле были относительно невысокие, с плоскими крышами. Запрыгнуть на ближайшую крышу было нельзя, но за неё можно было зацепиться, подтянуться и потом залезть. Он, не раздумывая, так и сделал.

– Прыгайте за мной! – Кедир смотрел на каттавов, пытавшихся не скатиться вниз со своего убежища. – Чего вы ждёте?

В ответ Наар прыгнул к крыше и схватился за парапет. Кедир помог ему залезть на крышу. Всё это произошло за полминуты. Как только юноша оказался на крыше, за ним прыгнул Кавэд. Но в момент прыжка сломалась вторая ось

и оттолкнуться с той силой, на которую монах рассчитывал, не получилось. Чудом он зацепился за парашют одной левой рукой. Кедир тут же вцепился в неё мёртвой хваткой.

– Давааай! – Сквозь зубы выдавливал воин, изо всех сил пытаясь вытащить монаха, чьи ноги едва не касались человеческой реки внизу. Наар подоспел на помощь товарищам и схватил Кавэда за правую руку. Вдвоём каттав и воин справились со своим тяжёлым, во всех смыслах, заданием. Оказавшись в безопасности, все трое повалились на спины и несколько секунд просто лежали, пытаясь отдышаться. Первым встал Кедир, подошел к парашюту и посмотрел вниз, где всё так же продолжал бесноваться поток людей.

– Сколько человек погибнет, пока они поймут, что противника в городе нет? – Он говорил с какой-то непонятной смесью сожаления и презрения в голосе.

– Как нам теперь добраться до рынка? Да и есть ли в этом смысл? Рынок наверняка разгромлен и найти там люцену невозможно. – Наклонившись над парашютом Наар смотрел вперёд, туда, где находилась торговая площадь.

– Выбора у нас, как я понимаю, нет. Конечно, если ты не решишь... – Монах запнулся. – Не решишь совершить своё путешествие иначе... – Кавэд не знал, как говорить об этой непростой теме.

– Я понимаю, о чём ты говоришь. – Юный каттав замолчал. Внутри него шла какая-то тяжёлая борьба, он размышлял о чём-то. Размышления нарушил Кедир.

– Давайте доберёмся до рынка, а там посмотрим. Мы стоим на плоской крыше, крыши соседних домов тоже плоские. Разница в высоте, – Воин посмотрел на крыши домов, прилегающих к дому, на крыше которого они стояли, – небольшая. Между многими есть лестницы. Мы доберёмся, пойдёмте.

Трое друзей начали необычный путь по городским крышам, вдоль ревушей внизу реки из людей, животных и телег. Крыши им попадались разные, устланные богатыми коврами и соломенными циновками. Некоторые крыши были спрятаны под тентами, другие были открыты солнцу и дождям. Несколько раз Наар и Кедир едва не проваливались в отверстия в крышах, служивших входом и выходом с неё. Два раза путешественники встретили хозяев домов, не поддавшихся общей панике, оставшихся дома. Они приняли Наара и его друзей за грабителей. Оба раза драки удалось избежать, сами владельцы домов были рады увидеть, что непрошенные гости просто бегут дальше, не задерживаясь в их домах.

Так, после получасового путешествия воин и каттавы достигли рынка. Он действительно оказался разгромлен и запружен тем же людским морем, что бесновалось на других городских улицах. Все трое молча смотрели на открывшееся перед ними зрелище. Найти что-либо в этой толпе было невозможно.

– Может, я делаю что-то не так? – Произнёс Наар. – Может, я не понял чего-то? Может, я тороплюсь? – Он полез за

рукописью, желая ещё раз посмотреть текст.

– Может быть. – Тихо сказал Кедир.

Тем временем Наар достал книгу и начал её медленно листать, просматривая страницы. Со стороны это занятие могло показаться более чем нелепым. По крайней мере, не уместным в той ситуации. Кавэд и Кедир переглядывались за спиной Наара, им тоже казалось, что это не то, чем сейчас нужно заниматься, но указывать юноше или торопить его ни катав, ни воин не решались. Вдруг Наар прекратил листать рукопись, было похоже, что он начал читать. Кавэд заглянул через плечо читающего в раскрытую книгу. Посреди книги, на шве, которым скреплены тетради, лежали две сухие тонике белые палочки.

– Ты их туда положил? – Спросил монах.

– Нет. Если бы люцена была у меня в кармане, я бы не бежал сюда по городским крышам. – Наар продолжал сидеть, но повернул голову в бок и вверх и так продолжал говорить с другом.

– Значит... – Неуверенно начала Кавэд.

– Они сами там появились. – С улыбкой проговорил юный катав.

– Я правильно понял, это корень люцены? – Спросил Кедир.

– Да. Рукопись не сгорела в огне, исчезла, когда её неминуемо должны были найти. Теперь она дарит мне яд. – Пожал плечами Наар. Друзья его ничего не произносили. – Хо-

рошо, теперь у меня есть то, что я хотел. Нужно выдвигаться наконец в путь.

Наар встал на ноги и пошёл к квадратному отверстию в полу, из которого торчала лестница.

– Спустимся вниз. Надеюсь, хозяева нас не выгонят?

– Постой, я полезу первым. Вдруг там внизу напуганные хозяева, они могут наброситься на тебя. – Кедир первым в два приёма спустился вниз и огляделся. – Спускайтесь, здесь никого нет.

Каттавы спустились.

– Мне нужна ступка и пест, обычные, для растирания зерен, кореньев, специй. – Произнёс Наар и начал поиски. Кавэд и Кедир последовали его примеру. Ступка и пест были найдены на первом этаже, у очага, где хозяева готовили пищу. В доме всё было разбросано, люди явно собирались в торопях.

– Лишь бы нас не приняли за мародёров. – Тревожился Кавэд.

– Если примут – будем разговаривать. А если понадобится, то и драться. – По-своему успокаивал друга Кедир.

– Давайте наверх поднимемся. Я не хочу умирать на кухне. – Наар полез по лестнице на второй этаж, служивший хозяевам жилой комнатой, гостиной и спальней. Монах и воин молча полезли за ним. Юноша сел на ковре посреди комнаты, достал из рукописи две сухие палочки, разломал их и положил в ступку. Молча, тщательно начал измельчать их пе-

стом. Вместе со сладковатым запахом толчёной люцены по комнате разливалось тягучее, тяжелое напряжение.

– Я не думал, что всё получится так. Здесь. С моим телом можете поступить так, как посчитаете нужным, закапывать необязательно. Если совсем тяжело будет, можете и здесь оставить. Меня в этом теле уже не будет. – Юноша посмотрел на свои руки, ноги. – Хоть оно мне и нравится.

Наар закончил растирать люцену, заглянул в ступку.

– Кавэд, дай пожалуйста воды.

Фляжка Кавэда оказалась пуста, но в фляге Кедира вода ещё оставалась.

– Надо разбавить этот порошок. Говорят, порошок люцены противный на вкус. Вы заметили, крики на улице начали стихать? – Наар посмотрел в сторону окон.

– Да, заметил. – Ответил Кедир.

– А я нет. – Улыбнулся Кавэд.

– Ладно. – Молодой катав достал пест из ступы, которым размешивал получившийся в раствор и положил рядом. Встал, подошел к стене, сел, облокотившись на неё спиной. – Теперь можно. Не хочу лежать на полу в нелепой позе.

Он посмотрел на друзей, потом на белёсую жидкость, наполнявшую ступку, улыбнулся и произнёс.

– Спасибо вам за всё. Не унывайте. Надо же, впервые вижу ступку с изображением пира. – И залпом выпил всю жидкость.

Кедир с Кавэдом сели поближе к другу.

– Что чувствуешь? – Кедир внимательно смотрел на Наара.

– Пока ничего. – Через несколько секунд добавил. – Только холодно стало. Да, немеют кончики пальцев на ногах и руках. Так и должно быть. Значит я не ошибся с дозировкой.

– Или рукопись не ошиблась. – Добавил монах.

– Или рукопись не ошиблась. – Повторил Наар. – Кажется, онемение поднимается выше. Да, мне становится страшно. Коснитесь моей руки, Кедир.

Воин пальцами коснулся тыльной стороны ладони юноши.

– Не чувствую. Только холод. И шевелить руками ниже локтя я уже не могу.

Неясно зачем, Кедир сжал холодную руку каттава своими руками, будто пытался её согреть.

Наар пошевелили плечом.

– Да, плечи ещё слушаются. Ноги в коленях тоже уже не сгибаются. Интересно, а теперь мне не так страшно. Я знаю, я должен буду задохнуться. Я просто не смогу дышать больше. – Он замолчал. Друзья его тоже молчали. – Вот. Теперь и плечи не слушаются. Воздух вдыхать всё сложнее. – Каттав начал делать медленные глубокие вдохи. После очередного вдоха выдоха уже не последовало. Зрачки увеличились, было похоже, что он старается кричать, но не может. Через несколько секунд глаза его потускнели. Кавэд зарыдал. Он не знал, что может так плакать. Кедир так и продолжал держать руку Наара в своих руках.

Каттав Наар действительно хотел закричать, но тело его уже не слушалось. Он вдруг увидел невероятное количество света. Вспышка, и он летит через этот океан света вперёд, будто бы падает вверх. Сознание его сохранялось и он понимал всё, что с ним происходит. Не успел он об этом подумать, как произошла новая вспышка и он оказался на крыше главной библиотеки Таирасса, той самой, где он провёл очень много времени. Город не был разрушен. Он был таким, каким его помнил Наар до вторжения номадов. Рядом стоял наставник Наара Захарта.

– Здравствуй, Наар. Я искренне рад тебя видеть. – Наар ничего не произносил, только дышал, будто пытался проверить, вернулась ему эта способность или нет.

– Я ведь умер? – Наконец произнёс Наар.

– Да, ты умер. Ты покинул своё тело.

– Я, честно скажу, не ожидал вас увидеть, хотя и говорил об этом недавно. Меня мучит вопрос, наставник, зачем я должен был идти к Белому побережью?

– Неужели ты ещё не понял? – Захарта улыбался доброй отеческой улыбкой. – Ведь всё очевидно.

– Простите, для меня не очевидно. Вы всегда говорили, что когда учишься, нельзя стесняться задавать вопросы и признаваться, что что-то непонятно. – Тут Захарта кивнул. – Вот я и признаюсь.

– Тогда, в начале своего пути, в начале войны, ты был не готов совершить то, что было необходимо. То, что ты совер-

шил сегодня. Повиновение без понимания зачем ты это делаешь – это было первое испытание. Далеко не всякий на это способен. Поэтому рукопись сразу тебе не открылась. Она явила тебе истинные строки только тогда, когда ты стал к этому готов.

– А почему именно мне она открылась?

– Потому что ты искренне полюбил знание. Ведь знание открывается только тем, кто его любит.

– А другие ваши ученики, разве они не любят знание?

– Любили. Но кроме знания ты любишь людей. В том, что ты сможешь отдать жизнь за других, я не сомневался. В твоих соратниках по занятиям, я так уверен не был.

Наар несколько секунд молчал.

– Теперь я должен предстать перед Сефером?

– Сефер общается через посланников. Сейчас я в роли такого посланника.

Юный катав улыбнулся.

– Должно быть, вы расскажите, где найти рукопись мироздания? Разные слухи ходят между людей. Будто на стороне номадов воюют самые злые и страшные демоны, даже сам Малакк. Многие видели огромного рогатого дракона, уничтожившего Бэлду.

– Да, да. Я знаю всё это. Я тоже видел. О Рукописи мироздания или Рукописи творения, которую ищет Малак... Да, он действительно смог войти в этот мир, разрушив печати, заключавшие его во мраке. Так вот, о Рукописи Мироздания

я скажу, что Малак её не найдет. Такой рукописи не существует. Рукопись творения – это человек, поскольку всё творение заключено в человеке. В нём хрупкость творения, в нём твёрдость творения, в нём красота и уродство, разум и глупость, предательство и верность. В нём всё.

Наар был потрясён.

– И Малакк не знает об этом?

– Знает, но он в это не верит. Он так ненавидит людей, что не может поверить в это. Человек в тысячи, сотни тысяч раз слабее Малакка, но одолеть человека тьма может только если человек на это согласится. Малакку проще верить в существование особого артефакта, который даст ему власть над человеческим миром, чем в то, что он должен на равных сражаться с человеком.

– А почему люди верят в Рукопись мироздания?

– Людям тоже проще верить в неё, чем осознать, что ответственность за происходящее лежит на их плечах.

Наар молчал. Старец продолжил говорить

– Люди перенесли уже много испытаний. Ты знаешь далеко не обо всех. И впереди у людей ещё больше тяжёлых испытаний. Но ты должен передать, что люди выстоят. Передай людям, что от них требуется только одно – верить. Даже когда будет казаться, что тьма никогда не рассеется – верить. Конечно, это не следует понимать в смысле, что враг будет повержен сам собой. – Улыбнулся Захарта. – В конце концов, все бури заканчиваются. И это правило не знает исклю-

чений. Донести это людям – твоя цель.

– И вы не назовёте никакого оружия, что обеспечит победу?

Захарта покачал головой.

– Не назову.

– Но как одолеть дракона? Как одолеть тварей, которых мы раньше только в книгах видели? Оружием, которое у нас есть? Это невозможно. Руины Бэлды тому подтверждение.

– Если ты видел этих чудовищ в книгах, может, ты найдёшь в книгах ответ, как с ними бороться? – Когда Захарта произнёс эти слова, с Запада начала надвигаться чёрная мгла, такой тёмный туман, скрывавший в себе всё, встречавшееся на его пути.

– Я понял. В это нужно поверить? В написанное в книгах?

– Да, Наар. Нужно поверить в то, что древние писания – не легенды. Они рассказывают правду.

– Но древних историй сотни, часто они противоречат друг другу! Какой верить?

– Не о том ты меня спрашиваешь.

– Хорошо. Что теперь будет? – Наар смотрел на приближающийся тёмный туман.

– Теперь? Теперь ты отправишься обратно.

– Куда?

– Обратно, к людям.

– Я снова буду жить?

– Да. Ты снова будешь жить. Твоё время ещё не истекло.

– У меня последний вопрос. Что случилось с моей семьёй?

– С ними всё в порядке, не переживай. Вы увидите. А теперь возвращайся и помни всё, что я тебе сказал.

Наар хотел спросить ещё что-то, но не успел. Он почувствовал мощный удар в грудь и погрузился во тьму. Через мгновение он открыл глаза. Он находился в той же комнате, где оставил тело. Только теперь в комнате было темно. Наар сделал глубокий вдох, подался корпусом вперёд, пошевелил руками и ногами. Они его слушались. Справа, у стены на боку лежал Кавэд. Монах лежал лицом к стене и было неясно, спит он или нет. Кедира рядом не было.

Глава 48. Скит

За тысячи стадий от того места, где император встретился с великим герцогом, на одном из западных склонов Высоких гор, недалеко от входа в свой скит, стоял настоятель Разир и вглядывался в сторону запада, откуда по небу медленно ползла черная туча, будто каменная. Из лесов давно ушли звери и теперь в них царила мертвая тишина. Некоторые животные пытались спрятаться, получить защиту у жителей скита, монахов. Те немало пугались, когда к ним приходил свирепый волк, встреча с которым раньше привела бы к неминуемой гибели, и вел себя, как щенок домашней собаки. Напуганный щенок. Еще до нашествия номадов Разир приказал увеличивать в скиту запасы еды, питья, писчих материалов и принадлежностей, лампадного масла. Сначала

монахи посчитали это прихотью, но исполняли и благодарили Сефера, за то, что Он внушил им избрать себе такого настоятеля.

– Отче, что происходит? – к настоятелю подошел брат Пергам.– Всем нам давно кажется, что с тех пор, как ушел Кавэд, лес вокруг стал другим. Ночи стали тяжелее, тьма глубже, солнца все реже освещают землю. Братию мучат кошмары, страшные видения.

– А как ты сам думаешь, к чему все это?

Монах подумал, вздохнул.

– Будто какая-то дурная энергия заполняет Арец. Даже не знаю слов, чтобы точно это описать. Старый мир будто вытекает ... Вот, будто кто-то соскабливает текст с листа и начинает поверх него писать новый. Вот на что это похоже.

– Ты сам верно все описал, брат Пергам.

– То есть Арец погибает? – монах оглядел мрачный пейзаж впереди себя. Серых тонов, будто в мире не было никакой радости.

– Дело не в Ареце. Дело в людях. Если сохранятся люди, будет и Арец. Погибнут люди – исчезнет и земля. Нужно, чтобы жили люди.

– Мне кажется, что нам самим угрожает опасность.– Пергам смотрел уже на настоятеля, смотреть более на серость, распростершуюся перед ним, он не мог. Сердце, будто кольцами начинала сжимать тоска.

– Грозит, но мы должны остаться здесь и молиться за

свою землю. Писать, писать, писать. Сколько сможем. Человек живет, пока надеется, а в языке священников, траппахе, молитва и надежда – два значения одного слова, как ты знаешь. Снаружи мы замаскируем вход в наш скит, изнутри заложим его кирпичной кладкой и будем молиться до тех пор, пока не одолеем врага. Не смущайся, брат Пергам. Сефер не даст нам быть погребенными заживо. Сейчас начинается эпоха, когда чудеса, описанные в книгах перестанут быть чудесами. Они вернутся в человеческую жизнь. К тому же, ты воин Сеферов и твой Господин не имеет себе равных, так чего же тебе бояться?

Та и было сделано. Шестеро монахов замуrowали себя в скиту, зажгли перед собой лампаду, которая не гасла в закрытом помещении и не сжигала воздух, что явилось еще одним чудом, явленным братии и подтверждением правдивости слов настоятеля Разира. Монахи уже не видели, как по склонам гор карабкались отряды тварей, отвратительных порождений Малакка, спешившие бросить весь Арец к ногам своего горделивого господина. И многие монахи в горах и пустынях замуrowали свои скиты, чтобы вступить в бой с врагом, в существование которого ещё совсем недавно никто не верил.